

SIXTH EDITION

*A History
Of Modern
Psychology*

Duane P. SCHULTZ
Sydney Ellen SCHULTZ

HARCOURT SRACE COLLEGE PUBLISHER

*История
современной
психологии*

Дуан П. Шульц
Синдия Э. Шульц

2е издание на русском языке,
переработанное и исправленное

С-Петербург
2002

Перевод с английского
Говорунов А.В., Кузин В.И., Царук Л.Л.

Научный редактор
канд. психол. наук доцент А.Д.Наследов

Шульц Д.П., Шульц С.Э.

История современной психологии / Пер. с англ. А.В. Говорунов, В.И. Кузин, Л.Л.Царук /
Под ред. А.Д. Наследова. – СПб.: Изд-во «Евразия», 2002.- 532с.,ил.

ISBN 5-8071-0007-7

Книга посвящена истории современной психологии – с конца XIX столетия и до наших дней. История психологии изложена здесь в виде очерков по сформировавшимся направлениям и научным школам мышления. Каждая из психологических школ рассматривается как течение, вырастающее из исторического контекста, а не как нечто независимое или изолированное, а каждое направление рассматривается с точки зрения его связи с предшествующими и последующими научными идеями и открытиями. Еще одной особенностью этого издания является включение дополнительного материала, касающегося личной жизни видных психологов, - он иллюстрирует воздействие их жизненного опыта на последующее развитие ими идей. Издание снабжено необходимым методическим материалом научно-справочным аппаратом, что позволяет использовать его как учебное пособие, и будет интересно широкому кругу читателей.

В США Данная книга выдержала шесть изданий и является одним из популярнейших учебников для колледжей и университетов.

© Harcourt Brace & Publisher, 1969, 1975.
1981, 1987, 1992, 1996

© Издательство «Евразия», 1998

© Издательство «Речь», оформление, 2002

Предисловие

Эта книга посвящена истории современной психологии - с конца XIX столетия, когда психология стала самостоятельной, независимой дисциплиной, и до наших дней. Не игнорируя ранние философские школы мышления, мы сосредоточились на том, что непосредственно связано со становлением психологии как новой, отличной от других, области исследования. Мы представляем именно историю современной психологии, а не психологию и философию, которые ей предшествовали.

История психологии изложена здесь как история великих идей и научных школ мышления. С 1879 года, формально положившего начало данной научной области, психологии давали самые разные определения - в зависимости от того, какие веяния господствовали в то время в научной сфере. Более всего нас интересуют та последовательность идей, которая и определила предмет изучения психологии, ее методы и цели.

Каждая из психологических школ рассматривается как течение, вырастающее из исторического контекста, а не как нечто независимое или изолированное. Этот контекст включает не только интеллектуальный <дух времени> (Zeitgeist), но и социальные, политические и экономические факторы.

Хотя книга составлена с учетом позиций научных школ, оказавших заметное влияние на развитие психологии, мы понимаем, что любые определения, идеи и подходы есть результат деятельности конкретных людей - ученых и исследователей. Люди, а не какие-то абстрактные силы, пишут статьи, проводят исследования, готовят научные доклады и передают свои знания новому поколению психологов. Развитие и распространение того или иного направления в психологии становится возможным благодаря самоотверженному труду этих людей. Мы повествуем о жизни выдающихся деятелей психологии, которые стояли у истоков науки, не забывая при этом, что на их работу влияла не только эпоха, но и особенности личного жизненного опыта.

Каждое направление в психологии рассматривается с точки зрения его связи с предшествующими и последующими научными идеями и открытиями. Мы поговорим о том, как развивались психологические школы - благодаря или вопреки сложившемуся порядку, и как формировались точки зрения, которые в конечном итоге привели к коренным изменениям в научных взглядах. Оглянувшись в прошлое, мы можем обнаружить некую модель, преемственность развития.

В ходе подготовки шестого издания этого учебника - почти через 30 лет после выпуска первого - мы многое добавили, многое вычеркнули и переработали, что само по себе является ярким доказательством динамического характера истории психологии. Она не находится в завершенном состоянии, а постоянно развивается. Идет напряженная академическая работа, появляются новые переводы, переоценивается роль значительных для истории психологии фигур, анализируются возникающие проблемы, методы и теории.

Существенным дополнением к книге стала глава о проблемах пола и расы в истории психологии. Мы рассмотрим силы, которые ограничивали возможности женщин и представителей этнических меньшинств получить высшее образование в области психологии и работу по специальности. Также мы расскажем о так называемой <политике идентичности> - то есть об усилиях, направленных на искоренение дискриминации в

области психологии. На протяжении всей книги упоминаются имена женщин-психологов и темнокожих ученых, внесших неоспоримый вклад в науку.

Еще одной особенностью этого издания является включение новых тем и дополнительного материала, касающегося личной жизни видных психологов, - он иллюстрирует воздействие их жизненного опыта на последующее развитие ими идей.

Концепция машины как метафоры человеческих функций расширена: в нее вошли не только часы и автоматы, но и примеры из медицины и техники. Вычислительная машина Бэббиджа рассматривается как предтеча современного компьютера и первая попытка скопировать познавательные процессы человека: проводится параллель между концепцией эволюции и развитием машин.

Главу, посвященную когнитивной психологии, мы дополнили обсуждением метода интроспекции, а также рассказом о том, как психологи вернулись к изучению когнитивного подсознания и сознания животных.

Материалы первоисточников, касающиеся структурализма, функционализма и бихевиоризма, существенно отредактированы с целью сделать их более доступными современному читателю. Статья о гештальт-психологии заменена отрывком из книги Келера <Интеллект человекообразных обезьян> (Intelligenzprüfungen an Menschenaffen), где описаны эксперименты, в которых животные решают проблемы, используя специальные приспособления. Статья о психоанализе взята из первой лекции Фрейда, прочитанной им в 1909 году перед американской аудиторией в университете Кларка (в новом переводе Саула Розенцвейга). Во всех этих материалах представлен оригинальный текст изложения уникальных научных методов - таким образом, мы получаем возможность узнать, что же изучали поколения студентов-психологов в прошлом.

Новое издание дополнено фотографиями, таблицами и рисунками. Каждая глава содержит план, резюме, вопросы для обсуждения и снабженный аннотациями список рекомендуемой литературы. Определение выделенных в тексте важных терминов дается на полях. Обстоятельные примечания и указатели подготовлены Элиссой М. Льюис.

Хочется поблагодарить многих преподавателей и студентов за их ценные предложения. Книгу несомненно обогатили строгие и проницательные замечания выдающегося историка психологии Льюди Т. Бенджамина, Мл. из А & М университета, штат Техас. Мы выражаем признательность и другим рецензентам нового издания: Джеральду С. Клэку, Южный университет, Новый Орлеан; Стивену Р. Коулману, Кливлендский университет; Кэтрин В. Хикман, Стивенсу Колледжу, Колумбия, Миссури; Элиссе М. Льюис, Юго-Западный университет, Миссури; В. Скотту Тэрри, университет Северной Каролины в г. Шарлотте.

Редактор издательства «Harcourt Brace» Кэри Гэллоуэй всегда поддерживала нас и вселяла энтузиазм, ее профессионализм стал серьезным подспорьем в совершенствовании наших идей. Старший редактор проекта Анжела Вильяме обеспечила связи с производственными подразделениями и оказывала всяческую поддержку в течение всего времени работы над книгой, каждая страница которой - свидетельство ее компетентности и научного педантизма.

Авторы

*Посвящается Руссу Наззаро,
Который однажды давным-давно
Спросил у нового ассистента профессора:
«А как бы вам хотелось преподавать историю психологии?»*

Краткое содержание

- Глава 1.* Изучение истории психологии
- Глава 2.* Влияние философии на психологию
- Глава 3.* Влияние физиологии на психологию
- Глава 4.* Новая психология
- Глава 5.* Структурализм
- Глава 6.* Функционализм: предшествующее влияние
- Глава 7.* Функционализм: возникновение и развитие
- Глава 8.* Наследие функционализма: прикладная психология
- Глава 9.* Бихевиоризм: предшествующее влияние
- Глава 10.* Бихевиоризм: истоки
- Глава 11.* Бихевиоризм: после основания
- Глава 12.* Гештальт-психология
- Глава 13.* Психоанализ: истоки
- Глава 14.* Психоанализ: «отступники» и «наследники»
- Глава 15.* Гуманистическая и когнитивная психология
- Глава 16.* Проблемы пола и расы в истории психологии

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I

Изучение истории Психологии

Развитие современной психологии **14**

Влияние прошлого на настоящее **15**

Исторические сведения: реконструкция
прошлого **16**

Утраченные или искаженные данные
17

Ошибки при переводе **18**

*Собственные интересы действующих
лиц истории* **19**

Конкретные факторы в психологии **20**

Экономический фактор **20**

Фактор войны **21**

Предвзвешенности **22**

Персоналистические и натуралистические
концепции истории науки **23**

Персоналистическая теория **23**

Натуралистическая теория **24**

Психологические школы **26**

План книги **28**

Вопросы для обсуждения **29**

Рекомендуемая литература **29**

Глава 2

Влияние философии на психологию

Дух механицизма

Часовой механизм Вселенной

Детерминизм и редукционизм

Автоматы

Механическая вычислительная машина

Становление современной науки

Рене Декарт(1596-1650)

Вклад Декарта: механицизм и проблема
соотношения души и тела

Природа тела

Взаимодействие души и тела

Учение об идеях

Эмпиризм и ассоцианизм: знание и опыт

Природа тела

Взаимодействие души и тела

Дэвид Юм (1711-1776)

Дэвид Гартли (1705-1757)

Джемс Милль (1773-1836)

Джон Стюарт Милль (1806-1873)

Вклад эмпиризма в развитие психологии

Вопросы для обсуждения

Рекомендуемая литература

Глава 3

Влияние физиологии на психологию

Роль наблюдателя

Достижения ранней физиологии

Исследование функций мозга

Исследование нервной системы

Истоки экспериментальной психологии

Почему Германия?

Герман фон Гельмгольц (1821-1894)

Страница жизни

*Нервные импульсы, зрение и слух:
исследования Гельмгольца*

Эрнст Вебер (1795-1878)

Двухточечный порог

Точно определяемое различие

Густав Теодор Фехнер (1801-1887)

Страницы жизни

*Мысль и тело: количественная оценка
взаимосвязи*

Методы психофизики

Общие основы психологии

Вопросы для обсуждения

Рекомендуемая литература

Глава 4

Новая психология

Искажение фактов

Вильгельм Вундт (1832-1920)

Страницы жизни

Годы в Лейпциге

Культурно-историческая психология

Исследования опыта сознания

Метод интроспекции

<p><i>Учение об идеях</i> Эмпиризм и ассоцианизм: знание и опыт Джон Локк (1632-1704) Джордж Беркли (1686-1753) Лейпцигская лаборатория: темы исследования Комментарии Другие направления развития немецкой психологии Герман Эббингауз (1850-1909) Исследования с бессмысленными слогами Другие исследования Эббингауза Георг Элиас Мюллер (1850-1934) Фванц Brentано (1838-1917) Карл Штумпф (1848-1936) Освальд Кюльпе (1862-1915) и вюрцбургская школа психологии Расхождения во взглядах Кюльпе и Вундта Научные исследования в вюрцбургской лаборатории Комментарии Вопросы для обсуждения Рекомендуемая литература</p> <p><i>Глава 5</i> Структурализм</p> <p>Эдуард Брайфорд Титченер (1867-1927) Страницы жизни Система взглядов: содержание сознательного опыта Интроепекция Элементы сознания Первоисточники по истории структурализма: из «Учебника психологии» Э.Б.Титченера Критика структурализма .Критика интроепекции Другие объекты критики системы Титченера Вклад структурализма в развитие психологии Вопросы для обсуждения Рекомендуемая литература</p> <p><i>Глава 6</i> Функционализм: предшествующее влияние</p> <p>Протест функционализма</p>	<p><i>Элементы опыта сознания</i> Организация элементов сознательного опыта Индивидуальные различия: Френсис Гальтон (1822-1911) Страницы жизни Психическая наследственность Статистические методы Тесты умственных способностей Ассоциация идей Психологические образы Другие исследования Комментарии Зоопсихология и развитие функционализма Изучение интеллекта животных Вопросы для обсуждения Рекомендуемая литература</p> <p><i>Глава 7</i> Функционализм: возникновение и развитие</p> <p>Только в Америке Герберт Спенсер (1820-1903) и синтетическая философия Социальный дарвинизм Вильям Джемс (1842-1910): предтеча функциональной психологии Страницы жизни Принципы психологии Предмет изучения психологии: новый взгляд на сознание Методы психологии Теория эмоций Привычки Комментарии Возникновение функционализма Чикагская школа Джон Дьюи (1859-1952) Рефлекторная дуга Джеймс Роулэнд Энджелл (1869-1954) Функционализм: заключительная форма Первоисточники по истории функционализма: из книги Гарвея А.Кэрра «Психология» Функционализм в Колумбийском университете Роберт Вудвортс (1869-1962) Динамическая психология Критика функционализма Вклад функционализма в развитие психологии</p>
---	--

<p>Предшественники функционализма Переворот в естествознании: Чарльз Дарвин (1809-1882) <i>Страницы жизни</i> <i>«О происхождении видов» и другие работы</i> <i>Эволюция механизмов</i> <i>Влияние Дарвина на развитие психологии</i></p> <p>прикладная психология</p> <p>Развитие психологии в Соединенных Штатах Прикладная психология и экономическая ситуация Гревилл Стенли Холл (1844-1924) <i>Страница жизни</i> <i>Эволюция как основа человеческого развития</i> <i>Комментарии</i></p> <p>Джеймс МакКин Кеттел (1860-1944) <i>Страницы жизни</i> <i>Тесты умственных способностей</i> <i>Комментарии</i></p> <p>Методы тестирования <i>Альфред Бине (1867-1911)</i> <i>Влияние первой мировой войны</i> <i>Метафоры из области медицины и техники</i> <i>Расовые проблемы</i></p> <p>Лайтнер Уитмер (1867-1956) <i>Страницы жизни</i> <i>Психологическая клиника</i> <i>Комментарии</i></p> <p>Движение клинической психологии Уолтер Дилл Скот (1869-1955) <i>Страницы жизни</i> <i>Реклама</i> <i>Подбор персонала</i> <i>Комментарии</i></p> <p>Развитие индустриальной / организационной психологии <i>Влияние мировых войн</i> <i>Исследования в Хоторнеи</i> <i>организационные факторы</i></p> <p>Хьюго Мюнстерберг (1863-1916) <i>Страницы жизни</i> <i>Судебная психология</i> <i>Клиническая психология</i> <i>Индустриальная психология</i> <i>Комментарии</i></p> <p>Прикладная психология в Соединенных</p>	<p>Вопросы для обсуждения Рекомендуемая литература</p> <p><i>Глава 8</i> Наследие функционализма:</p> <p>Влияние зоопсихологии на бихевиоризм <i>Заметки о Жаке Лебе</i> <i>Крысы, муравьи и разум животных</i> <i>Самая умная лошадь Ганс</i> Эдвард Ли Торндайк (1874-1949) <i>Страницы жизни</i> <i>Коннекционизм</i> <i>Проблемный ящик</i> <i>Законы научения</i> <i>Комментарии</i></p> <p>Иван Петрович Павлов (1849-1936) <i>Страницы жизни</i> <i>Условные рефлексы</i> <i>Исследование условных рефлексов</i> <i>Заметки о Е.Б. Твитмайере</i> <i>Комментарии</i></p> <p>Владимир М. Бехтерев (1857-1927) <i>Сочетательные рефлексы</i> <i>Комментарии</i></p> <p>Влияние функциональной психологии на бихевиоризм Вопросы для обсуждения Рекомендуемая литература</p> <p><i>Глава 10</i> Бихевиоризм: истоки</p> <p>Джон Б. Уотсон (1878-1958) <i>Страницы жизни</i></p> <p>Первоисточники по истории бихевиоризма: из книги <i>«Психология глазами бихевиориста»</i> Джона Б. Уотсона Реакция на программу Уотсона Методы бихевиоризма Пример научения бихевиоризма <i>Инстинкты</i> <i>Эмоции</i> <i>Альберт, Питер и Кролик</i> <i>Процесс мышления</i></p> <p>Популярность и привлекательность бихевиоризма Прорыв в психологии Эдвин Б. Холт (1873-1946) и Карл Лешли (1890-1958) Критика бихевиоризма Уотсона Вклад бихевиоризма Уотсона в развитие</p>
---	---

<p>Штатах Комментарии Вопросы для обсуждения Рекомендуемая литература</p> <p><i>Глава 9</i> Бихевиоризм: предшествующее влияние</p> <p>Наука о поведении Бихевиоризм: после основания</p> <p>Необихевиоризм Операционизм Эдвард Чейс Толмен (1886-1959) <i>Целенаправленный бихевиоризм</i> <i>Промежуточные переменные</i> <i>Теория научения</i> <i>Комментарии</i> Эдвин Рэй Гатри (1886-1959) <i>Обучение с одной попытки</i> <i>Комментарии</i> Кларк Леонард Халл (1884-1952) <i>Страницы жизни</i> <i>Дух механицизма</i> <i>Объективная методология и количественная оценка</i> <i>Побуждение</i> <i>Научение</i> <i>Комментарии</i> Б.Ф. Скиннер (1904-1990) <i>Страницы жизни</i> <i>Бихевиоризм Скиннера</i> <i>Схема подкрепления</i> <i>Вербальное поведение</i> <i>Воздушная колыбель и обучение машины</i> <i>Уолден Два – общество бихевиористов</i> <i>Модификация поведения</i> <i>Критика бихевиоризма Скиннера</i> <i>Значение бихевиоризма Скиннера</i> Теория социального научения: когнитивный вызов Альберт Бандура (1925-) <i>Социальная когнитивная теория</i> <i>Эффективность личности</i> <i>Модификация поведения</i> <i>Комментарии</i> Джулиан Роттер (1916-) <i>Когнитивные процессы</i> <i>Локус контроля</i> <i>Комментарии</i> Судьба бихевиоризма</p>	<p>психологии Вопросы для обсуждения Рекомендуемая литература</p> <p><i>Глава 11</i> Макс Вертгеймер (1880-1943) Курт Коффка (1886-1941) Вольфганг Келер (1887-1967) Природа научного переворота Гештальт - принципы организации восприятия Гештальт - исследования проблем научения: инсайт и интеллект человекообразных обезьян Первоисточники по истории Гештальт – психологии: из книги Вольфганга Келера «<i>Интеллект человекообразных обезьян</i>» <i>Комментарии</i> Продуктивное мышление человека Изоморфизм Распространение Гештальт – психологии Борьба с бихевиоризмом Теория поля: Курт Левин (1890-1947) <i>Теория жизни</i> <i>Годологическое пространство</i> <i>Мотивация</i> <i>Социальная психология</i> <i>Комментарии</i> Критика Гештальт – психологии Вклад Гештальт – психологии в развитие психологии Вопросы для обсуждения Рекомендуемая литература</p> <p><i>Глава 13</i> Психоанализ: истоки</p> <p>Место психоанализа в истории психологии Предшествующие влияния <i>Теории бессознательного мышления</i> <i>Исследования по психопатологии</i> <i>Учение Чарльза Дарвина</i> <i>Прочие влияния</i> Зигмунд Фрейд (1856-1939) и развитие психоанализа <i>Случай Анны О.</i> <i>Секс и метод свободных ассоциаций</i> <i>Разрыв с Брейером</i> <i>Пolemика о детских психосексуальных травмах</i> <i>Самоанализ и толкование сновидений</i></p>
--	--

Вопросы для обсуждения
Рекомендуемая литература

Глава 12

Гештальт-психология

Целое не всегда равно сумме его частей
Предшествующие влияния
Изменение «духа времени» в физике
Фи-феномен
Психоанализ как теория личности
Инстинкты
Сознательные и бессознательные аспекты личности
Тревога
Психосексуальные стадии развития личности
Механизм и детерминизм фрейдовской системы
Взаимоотношения психоанализа и психологии
Критика психоанализа
Научные подтверждения психоанализа
Вклад психоанализа в развитие психологии
Вопросы для обсуждения
Рекомендуемая литература

Глава 14

Психоанализ: «отступники» и «наследники»

Дальнейшая судьба психоанализа
Неофрейдизм и психология личности
Анна Фрейд (1895-1982)
Страницы жизни
Вклад в развитие психоанализа
Комментарии
Карл Юнг (1875-1961)
Страницы жизни
Аналитическая психология
Коллективное бессознательное
Архетипы
Интроверты и экстраверты
Психологические типы
Словенно-ассоциативный тест
Комментарии
Социально-психологические теории и «дух времени»
Альфред Адлер (1870-1937)
Страницы жизни
Индивидуальная психология чувство

Признание, но разряд в своем стане
Последние годы жизни

Первоисточники по истории психоанализа:
из первой лекции Фрейда в университете
Кларка, 9 сентября 1909 года
Психоанализ как метод лечения
Без стремления помогать
Исследовательский метод Фрейда
Наследники
Гордон Олпорт (1897-1967)
Страница жизни
Личность и мотивация
Комментарии
Генри Мюррей (1893-1988)
Страницы жизни
Психосоциальные стадии развития
Кризис идентичности
Различия в психологии мужчины и женщины
Комментарии
Современное состояние
психоаналитических традиций
Вопросы для обсуждения
Рекомендуемая литература

Глава 15

Гуманистическая и когнитивная психология

Психологические школы в исторической перспективе
Гуманистическая психология: третья сила
Истоки гуманистической психологии
Природа гуманистической психологии
Абрахам Маслоу (1908-1970)
Страницы жизни
Самоактуализация
Комментарии
Карл Роджерс (1902-1987)
Страницы жизни
Самоактуализация
Комментарии
Гуманистическая психотерапия
Судьба гуманистической психологии
Когнитивное движение в психологии
Истоки когнитивной психологии
Изменение «духа времени» в физике
Становление когнитивной психологии
Джордж Миллер (1920-)
Центр когнитивных исследований
Ульрик Найссер (1928-)
Метафора компьютера

<p><i>неполноценности</i> <i>Стиль жизни</i> <i>Творческая сила «Я»</i> <i>Порядок рождения</i> <i>Комментарии</i> Карен Хорни (1885-1952) <i>Страница жизни</i> <i>Разногласия с Фрейдом</i> <i>Базальная тревожность</i> <i>Невротические потребности</i> <i>Идеализированная самооценка</i> <i>Комментарии</i> Глава 16 Проблемы пола и расы в истории психологии</p> <p>Спорные проблемы современной психологии Политика идентичности Гипотеза вариативности и миф о мужском превосходстве Феминизм в преколлапсной психологии Женская психология Хелен Бредфорд Томпсон Вули (1874-1947) Лета Сеттер Холлингворт (18886-1939) Путь к равноправию Афро-американцы в истории психологии</p>	<p>Природа когнитивной интроспекции <i>Роль интроспекции</i> <i>Бессознательное познание</i> <i>Познавательные процессы у животных</i> Комментарии Итоговые замечания Вопросы для обсуждения Рекомендуемая литература Психология афро-американцев Френсис Сесил Самнер (1895-1954) Кеннет Б.Кларк (1914-) и Мами Фппс Кларк (1917-1983) Путь к мультикультурной психологии Вопросы для обсуждения Рекомендуемая литература <i>Послесловие научного редактора русского издания</i> <i>Примечания научного редактора</i> <i>Список дополнительной литературы на русском языке</i> <i>Предметный указатель</i> <i>Указатель имен</i></p>
--	--

Изучение истории психологии

Развитие современной психологии

Мы начинаем с парадокса, кажущегося противоречия, говоря, что психология - это одна из самых древних наук и одновременно одна из самых молодых. Нас всегда занимало собственное поведение, а размышления о человеческой природе составляют тысячи и тысячи философских и теологических работ. Уже в V веке до н. а. Платона, Аристотеля и других греческих мыслителей интересовали многие из тех проблем, над которыми и сегодня работают психологи: память, обучение, мотивация, восприятие, сны, патологии поведения. Несомненно, существует имеющая принципиальное значение преемственность прошлого психологии и ее настоящего.

Хотя духовной предтечей психологии можно назвать многие науки древности, считается, что современный подход начал формироваться с 1879 года - чуть более ста лет назад.

Различие между современной психологией - центральной темой этой книги - и ее корнями - это вопрос не природы человека, а, скорее, тех методов, с помощью которых ее изучают. Используемый подход и методы исследования отличают современную психологию от более старой дисциплины, философии, знаменуя собой становление психологии как отдельной, прежде всего, научной области знания.

До последней четверти XIX столетия философы изучали человеческую природу, основываясь на собственном, весьма ограниченном, опыте, с помощью размышлений, интуиции и обобщений. Перемены стали возможны, когда философы начали пользоваться средствами, которые уже успешно применялись в биологии и других естественных науках. Только когда исследователи уверились в надежности таких методов изучения человеческого разума, как тщательно контролируемое наблюдение и экспериментирование, психология стала отделяться от своих философских корней. Историки описывают этот переход от философской основы к научной как <величайшие изменения, когда-либо происходившие в психологии> (Cadwallader. 1992. P. 53).

Новой науке надо было развивать более точные и объективные методы исследования. Во многом история психологии - после ее выделения из философии - это история непрерывного оттачивания исследовательских методов с целью достижения большей объективности в изучении и решении проблем.

Стремясь понять те сложные спорные вопросы и предметы обсуждения, которые определяют современную психологию, за отправную точку следует взять XIX век - время, когда эта наука стала независимой дисциплиной с собственными теоретическими и экспериментальными методами исследования. Уже философы античности, Платон и Аристотель, интересовались теми проблемами, которые и сегодня не потеряли своей актуальности, но их методы исследования значительно отличались от тех, что используют психологи наших дней. Древние мыслители не были психологами в современном понимании. Поэтому мы коснемся их идей лишь в той мере, в какой они имеют непосредственное отношение к становлению современной психологии.

Идея о применимости методов физических и биологических наук к изучению психических явлений была унаследована и от философского мышления, и от психологических исследований XVII-XIX столетий. Именно тогда была подготовлена почва, из которой и

произросла современная психология. Философы XIX века прокладывали путь экспериментальному подходу к изучению мышления, а психологи, независимо от них, приближались к решению тех же самых проблем с другой стороны. Психологи XIX века сделали решающий шаг к пониманию физических механизмов, лежащих в основе процессов мышления. Их научные методы отличались от собственно философских, но союз этих двух различных дисциплин - философии и психологии - породил новую сферу исследования, которая быстро обрела индивидуальность и силу.

Возникнув, новая область психологии стремительно развивалась, особенно в Соединенных Штатах, которые заняли и удерживают господствующие позиции в психологическом мире. Более половины психологов всего мира работают в США; огромное число специалистов из других стран побывало здесь, по крайней мере, на стажировке. Подавляющее большинство книг по психологии издано в Соединенных Штатах. Американская психологическая ассоциация (APA), некогда насчитывавшая лишь 26 членов, к 1930 году составляла 1100, а к 1995-му - более чем 100 тысяч человек.

Этот <демографический взрыв> среди психологов сопровождался взрывом информационным - появлением несчетного количества исследований, научных докладов, теоретических статей, обзоров, книг, фильмов, компьютерных программ и т. п. Психологам, в рамках их узкой специализации, все труднее уследить за бурным развитием собственной науки.

Приумножились не только ряды практикующих врачей, исследователей, ученых и изданий специальной литературы, возросло также влияние психологии на нашу повседневную жизнь. Вполне возможно, что в определенной степени работа психологов воздействует на жизнь каждого человека - независимо от его возраста, занятий и интересов.

Влияние прошлого на настоящее

Уже в 1911 году в университетах читали лекции по истории психологии, в наши же дни такой курс есть на большинстве психологических факультетов (McGovern. 1992); в отдельных случаях курс по истории психологии является обязательным для студентов. Государственные органы образования в США настоятельно рекомендуют включить историю психологии в число предметов, обязательных для изучения на психологических факультетах (Hilgard, Leary, McGuire. 1991; Lloyd, Brewer. 1992; Matarazzo. 1990).

В этом отношении психология - наука уникальная, ведь на большинстве факультетов вовсе не предлагают лекций по истории своей науки. Почему же психологи так интересуются ею? Одна из причин - это то, о чем мы упоминали ранее: многие вопросы, над которыми ученые размышляли сотни лет назад, актуальны и сегодня; в психологии - в отличие от других наук - очевидна преемственность предметов и методов изучения. Это означает, что психология имеет более ощутимую и живую связь с собственным прошлым, исследование которого психологи полагают важным и нужным.

Интерес психологов к истории собственной науки оформился в отдельную сферу исследования: аналогично специалистам по социальной психологии, психофармакологии или психологии подростков есть и специалисты по истории психологии.

В 1965 году под редакцией психологов в США начал выходить «Журнал истории бихевиоральных наук» (*Journal of the History of the Behavioral Sciences*). Тогда же в университете Акрона, штат Огайо, был основан Архив истории американской психологии

- богатейшее собрание первоисточников, к которым теперь могли обращаться ученые. В 1966 году, в рамках АРА, возник Отдел истории психологии (подразделение 26), а в 1969 году было основано Международное общество истории поведенческих и социальных наук (Общество Шеврона), Дипломированных специалистов в области истории психологии готовят в нескольких университетах США. Рост числа книг и статей, семинаров и конференций, появление новых архивов - все это говорит о том, какое важное место занимает история науки в курсе современной психологии.

Вы скажете: это довольно интересно, но почему я должен(на) изучать историю психологии? Посмотрите внимательно: во всей психологии не было ни одного подхода или определения, в отношении которых все представители этой науки высказывали бы полное единодушие. По поводу самого предмета изучения, профессиональной и научной специализации существует множество мнений, расхождений и даже разногласий.

Одни психологи сосредотачивают свое внимание на познавательных функциях, другие - на изучении подсознания, третьи работают над вопросами внешнего поведения или над биохимическими процессами мышления. Современная психология включает множество дисциплин, которые, на первый взгляд, объединяют лишь интерес к поведению и природе человека и стремление выработать хоть сколько-нибудь единый научный подход.

Единственное, что связывает и вплетает в последовательный контекст эти разные сферы и подходы. - это их история, развитие психологии как независимой дисциплины. Только изучая происхождение и развитие психологии, можно ясно увидеть, что сегодня она собой представляет. Знание истории упорядочивает и привносит смысл в то, что кажется хаосом, прошлое выстраивается в перспективу, которая объясняет настоящее.

Психологи различных специальностей используют схожие методы, основанные на убеждении, что прошлое самым непосредственным образом воздействует на настоящее. Клинические психологи, например, пытаются понять нынешнее состояние своих пациентов, изучая их детство, те события жизни, которые могли заставить их вести себя или думать определенным образом. Собирая факты, клиницисты воссоздают эволюцию жизни пациентов, и нередко это приводит к объяснению возникших проблем. Психологи, изучающие поведение, также признают влияние прошлого на формирование настоящего. Они полагают, что поведение определяется предшествующими условиями жизни и укоренившимся опытом - иными словами, текущее состояние человека можно объяснить его прошлым.

Курс истории психологии объединяет все области исследования и все проблемы современной психологии. Он позволяет уяснить взаимосвязь между различными идеями, теориями и концепциями, позволяет понять, как отдельные звенья головоломки под названием психология выстраиваются в стройную картину. Историю психологии можно также представить как науку, изучающую происходящее, исследующую исторические события и опыт прошлого - что и делает психологию тем, чем она сегодня является.

Необходимо добавить, что история психологии - это и просто захватывающее повествование, где вы найдете драмы, трагедии, случаи подлинного героизма, революционных преобразований и даже кое-что о сексе и наркотиках. Были и ошибки, и недоразумения, и заблуждения, но было и свободное развитие, результат которого - современная психология и весь ее богатейший опыт.

Исторические сведения: реконструкция прошлого

Исторические факты - материал, который историки используют для воссоздания картины жизни, событий, эпох - заметно отличаются от данных науки. Главная отличительная особенность научных данных - это метод их получения. Когда психологи хотят, к примеру, определить, при каких условиях человек отзывается на беду другого, или как внедрение в жизнь программы усиления рефлексов влияет на поведение лабораторных крыс, или будут ли дети подражать агрессивному поведению телегероев, они конструируют ситуации, создавая условия, при которых могут быть получены необходимые данные.

Можно провести лабораторные эксперименты, понаблюдать поведение объекта в реальной контролируемой ситуации, произвести изыскания или вычислить статистическую корреляцию между двумя переменными. Это позволяет ученому определенным образом выстраивать события, которые он хочет изучить. В свою очередь, другие ученые в другое время и в другом месте могут эти события восстановить или скопировать. Результаты сверяются при соблюдении условий, одинаковых для первоначальных и повторных опытов.

Но данные истории нельзя восстановить или скопировать. Каждое событие произошло в определенное время в прошлом - возможно, столетия назад, и очевидцы могли и не записать в деталях развитие событий. «История не терпит компромиссов: с тем, что случилось однажды, уже ничего не поделаешь - вы не можете, когда захотите, перенести события прошлого в настоящее, чтобы изучить их развитие, причины и последствия... подобно тому, как вы исследуете в лаборатории правомерность научных утверждений» (Wertheimer. 1979. P. 1).

Если исторический эпизод нельзя рассмотреть непосредственно, то как историки могут работать над ним? Какие данные они могут использовать для его описания? И как вообще можно знать, что случилось на самом деле?

Даже если историки и не могут воспроизвести ситуацию, чтобы работать с соответствующими данными, это вовсе не означает, что достоверной информации вообще не существует. Факты истории доступны нам в виде фрагментов прошлого - свидетельств очевидцев, писем и дневников, фотографий и вещей, газет и прочих источников. Именно на основании этих данных историки пробуют воссоздать события и опыт прошлого.

Примерно так работают археологи с находками из прошлого - наконечниками стрел, обломками глиняных горшков или костями из курганов, - они пытаются воссоздать характерные черты исчезнувших цивилизаций. Иногда археологическим экспедициям удается найти хорошо сохранившиеся фрагменты, что дает возможность точнее реконструировать эпоху. Так же и с <раскопками> в истории - данные-фрагменты могут быть настолько значительными, что практически не оставляют сомнений в точности реконструкции.

Утраченные или искаженные данные

Иногда исторические данные бывают неполными. Возможно, они были утеряны, или преднамеренно искажены учеными, движимыми собственными интересами, или неточно переведены с одного языка на другой. В истории психологии нам часто приходится восстанавливать историческую правду по неполным данным.

Случается, что в течение десятилетий исследователи даже и не догадываются о существовании важных личных документов знаменитых ученых. Бумаги Германа Эббингауза, выдающегося исследователя памяти, были найдены в 1984 году, почти через 75 лет после его смерти. В 1983 году обнаружили десять больших коробок с рукописными дневниками основателя психофизики Густава Фехнера. Эти записи охватывают период с 1828 по 1879 год - время, очень важное в ранней истории психологии, а ведь более ста лет никто и не догадывался об их существовании. Авторы многочисленных книг о Фехнере и Эббингаузе не могли опираться в своей работе на эти важные первоисточники. Новые исторические находки означают, что можно поставить на место еще несколько звеньев головоломки.

Иногда факты могут быть намеренно искажены или скрыты от общественности - с тем, чтобы защитить репутацию людей, с ними связанных. Так, первый биограф Зигмунда Фрейда, Эрнест Джоунс, умышленно скрывший пристрастие Фрейда к кокаину, признавался в одном из своих писем: «Боюсь, что Фрейд употреблял больше кокаина, чем следовало, хотя я и не упоминаю об этом [в его биографии]» (Isbister.1985. P. 35). Говоря о Фрейде (глава 13), мы увидим, что недавно обнаруженные данные подтверждают, что он употреблял кокаин на протяжении длительного периода жизни. Джоунс решил, что он не может допустить, чтобы об этом узнали.

Еще один случай подмены фактов открылся в связи с изучением жизни и деятельности одного из основоположников гештальт-психологии Вольфганга Келера (см. главу 12). «По прочтении этих бумаг, - пишет исследователь, - у меня сложилось впечатление, что они были тщательно отобраны с целью представить Келера в самом благоприятном свете. Там приводятся лишь исключительно благочестивые слова самого Келера и лестные отзывы о нем» (Leu. 1990. P. 197). Этот эпизод иллюстрирует одну из трудностей, с которыми сталкиваются ученые в определении истинной ценности исторических материалов. Можно ли доверять документам или иным данным, отражающим факты, касающиеся жизни и работы человека? Не подтасованы ли факты так, чтобы создать некий - положительный или отрицательный - образ?

Вернемся к Зигмунду Фрейду. Он умер в 1939 году, но исследователи и издатели получили доступ к его личным бумагам и письмам только спустя многие годы. Обширное собрание личных документов хранится в Библиотеке Конгресса США, однако, по завещанию самого Фрейда, некоторые из них будут открыты только в следующем столетии. Известна и причина такой таинственности: воспрепятствовать вмешательству в личную жизнь пациентов Фрейда и их семей, а, возможно, и самого Фрейда и его потомков.

Один из лучших биографов Фрейда обнаружил значительную разницу в датах разрешения на публикацию этих материалов (Sulloway.1992). Например, одно из писем к Фрейду от его старшего сына закрыто до 2013 года, другое - до 2032. А письмо от одного из наставников Фрейда не может быть опубликовано до 2102 года. К тому времени пройдет приблизительно 177 лет после смерти этого человека, и это дает возможность предполагать, что в письме заключена какая-то «страшная тайна» (Sulloway. 1992. P. 159).

Психологи не знают, как эти архивные документы повлияют на наше восприятие Фрейда и его работ. Быть может, они существенно изменят его, а, быть может, и нет. Однако, до тех пор, пока данные не доступны для изучения, наши знания об одной из центральных фигур психологии остаются неполными, а возможно, и неточными.

Ошибки при переводе

Еще одна проблема, с которой сталкиваются историки, касается информации, искаженной непредумышленно. Данные доступны, но они были каким-то образом изменены - возможно, из-за несовершенного перевода с одного языка на другой, или в силу небрежности, допущенной очевидцем событий.

За примером неадекватного перевода вновь обратимся к жизни и работам Фрейда. Немногие психологи могут похвастаться хорошим знанием немецкого языка, чтобы читать Фрейда в оригинале. Большинство полагается на переводчика, который подбирает наиболее подходящие, эквивалентные слова и фразы. Однако не всегда перевод слова точно соответствует значению, заложенному в него автором.

В фрейдовской теории личности три фундаментальных понятия: *id*, *ego* и *superego* - термины, с которыми вы знакомы. Но эти слова не отражают в точности идей Фрейда. Это - латинские эквиваленты немецких слов: *ego* - *Ich* (Я), *id* - *Es* (Оно) и *superego* - *Uber-lch* (Сверх-Я).

Используя термин *Ich* (Я). Фрейд хотел описать нечто очень внутреннее и личное, и отчетливо отделить его от *Es* (Оно), которое представляет собой силы, отличные от «Я» или даже чуждые ему. «Перевод личных местоимений [с немецкого] на латынь – “ego” и “id” - придают им оттенок холодных технических терминов, которые не пробуждают никаких личных ассоциаций» (Bettelheim. 1982. P. 53). Таким образом, различие между «Я» и «Оно» в английском переводе отражено не так, как в оригинале.

Рассмотрим термин Фрейда «свободная ассоциация». Здесь под словом «ассоциация» подразумевается проведение мысленной связи между одной идеей и другой - то есть подразумевается, что каждая из них действует как стимул для извлечения следующего звена цепи. Но Фрейд говорил о другом. Он использовал термин, который по-немецки звучит *Einfall*, что вовсе не означает ассоциацию. Буквально, это «вторжение» или «нашествие». Фрейд хотел подчеркнуть ту неуправляемость, с которой подсознание внедряется - можно сказать даже вторгается - в сознательную мысль человека.

Это примеры принципиального несовпадения с тем, что подразумевал Фрейд. Исторические данные - в данном случае, собственные слова Фрейда - искажены в процессе перевода. Кратко об этом говорит итальянская поговорка: «Перевести - значит солгать» (Vaars.1986. P. 73). Полагаясь на переводы, историки должны иметь в виду, что данные, с которыми они работают, могут быть неточными или ошибочными. В 80-х годах Британское психоаналитическое общество рекомендовало пересмотреть традиционные переводы работ Фрейда, поскольку они лишь укореняли искаженное представление о его идеях (Holder. 1988).

Собственные интересы действующих лиц истории

Исторические факты могут быть представлены в ложном свете и непосредственными участниками событий. Люди могут - сознательно или несознательно - описать виденное ими предвзято, с целью защитить себя, обелить или преувеличить свою роль в глазах общественности. Б. Ф. Скиннер, видный исследователь проблем человеческого поведения, пишет в своей автобиографии, что в 20-е годы - в бытность студентом Гарвардского университета - его отличала потрясающая самодисциплина.

Я просыпался в шесть утра и до завтрака читал. затем было время лекций и лабораторных занятий, после чего я шел в библиотеку, где работал вплоть до девяти вечера - причем все это всего с пятнадцатиминутными перерывами. Я никуда не ходил, ни в кино, ни в театры, изредка выезжал на концерты, у меня практически не было времени на романтические увлечения. Я читал книги по психологии и только по психологии. (Skinner. 1967. P. 398.)

Кажется, что этот фрагмент дает нам информацию, очень важную для понимания характера Скиннера. Но через 12 лет после издания его автобиографии и спустя 51 год после описываемых событий Скиннер отрицал, что в студенческие годы вел жизнь спартамца. Что касается приведенного выше пассажа, он написал: «Я говорил скорее о желаемом, чем о действительном» (Skinner. 1979. P. 5).

Хотя ученичество Скиннера и не имеет принципиального значения для истории психологии, сам факт наличия двух трактовок, принадлежащих главному действующему лицу, представляет определенные трудности для историков. Какая из версий является более точной? Какая из характеристик ближе действительности? На какую из них повлияли капризы памяти или ее избирательный характер? И как нам узнать истину?

Возможно, в отдельных случаях найдутся свидетельства коллег или очевидцев. Если для историков психологии крайне важны сведения о годах, проведенных Скиннером в Гарварде, они могут попытаться разыскать его однокашников или, по крайней мере, их дневники и письма, и сравнить их воспоминания о Скиннере-студенте с его собственными. Биограф Скиннера Дэниел Бьерк так и поступил (Bjork. 1993). Бывший однокашник Скиннера рассказал Бьерку, что тот всегда раньше всех заканчивал лабораторные работы, остаток дня проводил, забавляясь игрой в пинг-понг.

Таким образом, иногда разрешить споры по поводу исторических несоответствий можно, обратясь к другим источникам. Подобный метод применялся в отношении трактовки некоторых случаев из жизни Зигмунда Фрейда в его собственном изложении. Фрейд любил изображать себя мучеником, принесшим свое брэнное тело на алтарь психоанализа; провидцем, постоянно презираемым и гонимым: тем, кого поносила традиционная медицина и психиатрия. Первый биограф Фрейда, Эрнест Джоунс, в своих книгах проповедовал именно этот образ (Jones. 1935, 1953, 1957).

Но недавно обнаруженные материалы говорят об обратном: работы Фрейда не очернялись и не игнорировались. К 1906 году его идеи владели умами молодых венских интеллектуалов. Клиническая практика Фрейда процветала, и, говоря современным языком, он даже был знаменитостью (Ellenberger. 1970). Факты извратил сам Фрейд, а несколько биографов эти искажения увековечили. Позже то впечатление, о создании которого он пекся, было изменено, но в течение десятилетий - пока не нашлись новые данные - наше понимание жизни и влияния Фрейда было неточным.

Как же сказываются эти проблемы на изучении истории психологии? Прежде всего, они демонстрируют, что наше понимание истории имеет не статический, а динамический характер. С появлением новых данных оно изменяется и развивается, очищается и обогащается, а ложные представления рассеиваются. Историю нельзя считать законченной или полной, она всегда в движении, ей нет конца. Повествование историка может только приблизить нас к истине. Но с каждым годом, с каждой новой находкой и экспертизой история психологии становится все более полной.

Контекстные факторы в психологии

Психология развивается не в вакууме; она - часть большой культуры и поэтому подвержена не только внутренним влияниям, но и внешним, которые также формируют ее характер и направления. Понимание истории психологии предполагает рассмотрение контекста, в котором эта наука зарождалась и развивалась, - то есть идей, в разное время господствующих в науке (*Zeitgeist*^{*}, или интеллектуальный «дух времени»), а также социальных, экономических и политических сил (Altman. 1987; Furumoto. 1989).

В этой книге мы часто будем касаться вопросов о том, как контекстные силы воздействовали на психологию в прошлом и как продолжают затрагивать ее и сегодня. Пока же мы ограничимся приведением примеров трех таких сил: экономических возможностей, войн и предубеждений.

Экономический фактор

Начало XX века в Соединенных Штатах ознаменовалось изменениями как в работе психологов, так и в самой психологии. Возросли - в значительной степени из-за экономических факторов - возможности для применения психологических знаний и методов к проблемам реальной жизни. Объяснялось это практическими причинами. Как сказал один психолог, «я занялся прикладной психологией, чтобы заработать себе на жизнь» (H. HoUingworth, цит. по: O'Donnell. 1985. P. 225).

Хотя к концу XIX столетия число психологических лабораторий в США устойчиво возрастало, росло и число психологов, претендующих на рабочие места в этих лабораториях. На рубеже веков психологов с докторскими степенями было в три раза больше, чем лабораторий, в которые их могли нанять. К счастью, увеличивалось число преподавательских вакансий в новых университетах в западных штатах, но в большинстве этих учебных заведений психология, как самая юная из наук, получала минимум финансовой поддержки. В сравнении с дисциплинами, имевшими более прочное положение, - такими, как физика и химия, - психологии неизменно отводилось последнее место в списке ежегодных ассигнований; на научно-исследовательские работы, лабораторное оборудование и жалование преподавателям выделялись очень незначительные суммы.

Психологи быстро поняли, что фундаментальная наука сможет развиваться, а бюджет и доходы расти только в том случае, если они убедят университетскую администрацию и законодателей, в чьем ведении находилось субсидирование, что психология может быть полезна в решении социальных, воспитательных и производственных проблем. Вскоре на факультеты психологии стали смотреть с точки зрения их практической ценности.

В то же время, в результате социальных перемен, в США появилась реальная возможность применять психологию на практике. Благодаря притоку иммигрантов и высокому уровню рождаемости в этой социальной группе государственное образование стало быстро растущей индустрией. Между 1890 и 1918 годами число зарегистрированных бесплатных средних школ выросло на 700 процентов - в стране строилось по одной школе в день. На образование тратилось денег больше, чем на военные и социальные программы вместе взятые.

* *Zeitgeist* - общая интеллектуальная и культурная атмосфера, «дух времени».

Многие психологи, воспользовавшись открывающимися возможностями, искали пути применения своим знаниям в сфере образования. Так начиналась стремительная смена акцентов в американской психологии - от экспериментирования в университетских лабораториях к применению психологии к проблемам обучения, воспитания и другим практическим вопросам педагогики.

Фактор войны

Войны - это еще одна сила, которая способствовала формированию современной психологии. Опыт оказания психологической помощи военным в первой и второй мировых войнах ускорил развитие практической психологии и расширил ее влияние в таких областях, как кадровая политика, психологическое тестирование и прикладная психология. Эта работа продемонстрировала всему сообществу психологов и обществу в целом, насколько полезной может быть психология в решении проблем повседневной жизни.

Вторая мировая война изменила облик и судьбу психологии и в Европе - особенно в Германии, где зародилась экспериментальная психология, и в Австрии, на родине психоанализа. Многие выдающиеся психологи - среди них Фрейд, Адлер, Хорни, Эриксон, ведущие представители гештальт-психологии - в 30-х годах бежали от нацистской угрозы и почти все обосновались в Америке. Их вынужденная эмиграция знаменует заключительную стадию перемещения центра психологии из Европы в Соединенные Штаты.

Война также существенно повлияла на разрабатываемые теории и изыскания отдельных психологов. Наблюдая кровавую бойню первой мировой, Фрейд предположил, что агрессия является важной побудительной силой - такой же, как секс; это стало поворотным пунктом в его системе психоанализа. Основоположник неофрейдизма Эрих Фромм, активно выступавший против вооруженной агрессии, впоследствии обратился к изучению такого проявления патологии поведения, как фанатизм, который охватил его родную Германию во время войны.

Предрассудки

Третий фактор - это предубеждение и дискриминация по признаку расы, религии и пола, которые многие годы влияли на судьбу тех, кто хотел посвятить себя психологии и работать по специальности. Десятилетиями афро-американцам был практически закрыт доступ в психологию и большинство сфер, которые требовали университетского образования. Шел уже 1940 год, а в Соединенных Штатах только четыре колледжа могли принимать на отделения психологии чернокожих студентов; единицы университетов допускали черных мужчин и женщин в аспирантуру. Между 1920 и 1966 годами даже на десяти самых передовых американских отделениях психологии только восемь афро-американцев смогли получить степень доктора наук.¹ Для сравнения: белых докторов наук по психологии за тот же период времени появилось более чем 3 700 (Guthrie. 1976).

Жертвами дискриминации становились и евреи. В конце XIX века были основаны два важных для ранней истории психологии научных центра - университет Джонса Хопкинса в Балтиморе, штат Мэриленд, и университет Кларка в Ворчестере, штат Массачусетс. Руководство того и другого университета придерживалось политики, в результате которой

¹ Здесь и далее в тексте упоминается ученая степень доктора наук которая в российской системе образования приблизительно соответствует степени кандидата наук и соответствующей области знания -Прим.перев.

с факультетов были уволены преподаватели-евреи. С середины XX века для евреев стали выделять специальные квоты на поступление в высшие учебные заведения. Даже тем из них, кто удостоивался докторской степени, очень трудно было получить работу в академических учреждениях. Джулиан Роттер, ведущий ученый по вопросам субъективных переживаний (см. главу 11), ставший доктором философии в 1941 году, вспоминал, что его «предупреждали, что евреи просто не могут получить работу в фундаментальной науке, какими бы талантами и степенями они ни обладали» (Rotter. 1982. P. 346). Вместо университета он начал свою профессиональную карьеру в психиатрической больнице штата.

В истории психологии мы то и дело встречаемся с примерами широко распространенного предубеждения против женщин. В частности, мы говорим о случаях, когда женщинам было отказано в поступлении в высшие учебные заведения или в приеме на работу. Но даже если женщине удавалось получить должность преподавателя, ее жалование было несравнимо ниже того, что платили мужчинам: кроме того, женщины постоянно сталкивались со всякого рода препятствиями в продвижении по службе и продлении срока пребывания в должности. Сандра Скarr, профессор психологии в университете Виржинии, вспоминает, как проходило ее собеседование, когда в 1960 году она была абитуриенткой Гарвардского университета. Выдающийся теоретик социальной психологии Гордон Олпорт тогда сказал ей: «Мы с большой неохотой зачисляем на факультет девушек. Семьдесят пять процентов студенток выскакивают замуж, рожают детей и уже больше никогда не возвращаются к учебе. А остальные двадцать пять все равно ничего ценного для науки не представляют» (Scarr. 1987. P. 26).

В фундаментальной и прикладной психологии работало совсем немного людей, представлявших те социальные группы, которые подвергались систематической дискриминации. Осознавая ненормальность такого положения вещей, ряд психологов предложили так называемую политику идентичности. Она определяется как «политика, представляющая собой попытку людей отстаивать свои права, выразить свою идентичность путем обращения к собственному уникальному жизненному опыту и таким образом покончить с практикой дискриминации тех или иных социальных групп» (Sampson. 1993. P. 1219).

К движению за политику идентичности примкнули те женщины, чернокожие, гомосексуалисты и этнические меньшинства из развивающихся стран, которые считают, что сегодня в психологии господствующее положение - притом, практически безраздельно - у человека белого, гетеросексуала, мужчины, европеоида. Недовольные такой ситуацией, они заявляют, что подобное представление о человеческой природе и поведении не только игнорирует их потребности и интересы, но и поддерживает господство и власть большинства. В главе 16 мы подробнее рассмотрим вопрос дискриминации в психологии.

Позже мы проанализируем и другие примеры воздействия экономических, политических и социальных сил на развитие современной психологии; и, таким образом, увидим, что историю психологии формировали не только идеи, теории и выдающиеся исследователи, но и влияние извне, которое практически нельзя контролировать.

Персоналистические и натуралистические концепции истории науки

Для объяснения развития психологии можно использовать две теории: персоналистическую и натуралистическую.

Персоналистическая теория

В **персоналистической теории**^{*} истории науки упор делается на Персоналистическая монументальные достижения отдельных личностей. Согласно этой точке зрения движение вперед и перемены в науке приписываются непосредственно влиянию уникальных людей, способных в одиночку определять и изменять ход истории. По этой теории, Наполеон, Гитлер или Дарвин были главными движущими силами великих исторических событий. Персоналистическая концепция предполагает, что связанные с их именами события никогда не произошли бы без появления именно этих выдающихся людей. Наконец, сторонники этой теории утверждают, что человек «делает время».

На первый взгляд, кажется очевидным, что наука - это работа интеллектуалов, творцов, энергичных мужчин и женщин, которые определяют ее направление. Мы часто называем эру по имени человека, чьими открытиями, теориями или другими достижениями отмечен данный исторический период. Мы говорим о скульптуре «после Микеланджело» или о физике «после Эйнштейна». Все это свидетельствует о том, что благодаря отдельным людям в науке и культуре в целом происходят разительные (иногда - разрушительные) перемены, поворачивающие ход истории.

Таким образом, в персоналистической теории есть доля истины. Но достаточно ли этого, чтобы в полной мере объяснить развитие науки или общества? Отнюдь. Часто работу ученых, философов, художников при жизни не замечают, подвергают гонениям, их заслуги признаются слишком поздно. Каждый такой случай говорит о том, что одобрение или отрицание идеи, похвала или презрение могут зависеть от культурной или духовной атмосферы времени. История науки изобилует примерами, когда новые теории и открытия не признавались современниками. Даже самые великие мыслители и изобретатели были ограничены *Zeitgeist*, то есть «духом времени». Образ мышления и насущные проблемы, в данный момент преобладающие в обществе, могут преградить путь открытию. Идею, которую с восторгом воспримут столетием позже, в момент появления могут назвать странной или неортодоксальной. К сожалению, движение к прогрессу иногда бывает слишком медленным.

Натуралистическая теория

Итак, идея о том, что человек «делает время», не совсем верна. Вполне вероятно, что, как утверждает **натуралистическая теория**^{*}, наоборот, время «делает человека» - или, по крайней мере, предоставляет возможность самореализации того или иного человека. Если *Zeitgeist* и те социальные силы, о которых мы говорили выше, не готовы к новой идее или новому подходу, то их глашатаев не услышат, засмеют или сведут в могилу; все зависит от «духа времени».

Натуралистическая теория - идея, согласно которой прогресс и изменения в научной истории зависят от «духа времени», *Zeitgeist*, который и делает людей восприимчивыми к одним идеям и невосприимчивыми к другим.

Согласно натуралистической концепции, если бы, например, Чарльз Дарвин умер в юности, то в середине XIX века кто-нибудь другой развил эволюционную теорию. Другой

^{*} персоналистическая теория - идея, согласно которой прогресс и изменения в научной истории связаны с деятельностью выдающихся личностей

^{*} натуралистическая теория - идея, согласно которой прогресс и изменения в научной истории зависят от «духа времени». *Zeitgeist*, который и делает людей восприимчивыми к одним идеям и невосприимчивыми к другим.

ученый предложил бы эволюционную теорию (хотя не обязательно точно такую же, как у Дарвина), потому что интеллектуальная атмосфера того времени была благоприятной для появления нового взгляда на происхождение человека. (Из главы 6 мы узнаем, что, действительно, в то же самое время предлагалась подобная теория.)

Тормозящее влияние *Zeitgeist* сказывается не только на общем культурном уровне, но и в рамках самой науки, где оно может быть даже ощутимее. Мы уже отмечали, что многие научные открытия, прежде чем их внедрили, в течение долгого времени оставались в забвении. Еще в 1763 году шотландский ученый Роберт Витт высказал идею об условных рефлексах, но тогда ею никто не заинтересовался. "Только более ста лет спустя, когда исследователями были освоены более объективные методы, российский физиолог И. П. Павлов, опираясь на наблюдения Витта и расширив их, заложил основы новой системы психологии. Таким образом, каждому открытию должно прийти свое время. Как известно, «ничто не ново под луной». «Какой-нибудь ученый откроет хорошо известное явление как новое, просто потому, что никто не обратил на него внимания раньше» (Gazzaniga. 1988. P. 231).

Случаи одновременно сделанных одних и тех же открытий подтверждают натуралистическую концепцию научной истории. Нередко похожие открытия делались людьми, работающими в географическом удалении друг от друга, которые даже не подозревали о том, что где-то ведутся параллельные изыскания в той же области. Так, в 1900 году сразу три незнакомых друг с другом исследователя повторили - случайно - работу австрийского ботаника Грегора Менделя, чьи работы по генетике практически игнорировались в течение 35 лет.

Наличие в науке некоей доминирующей теории может препятствовать обсуждению новых точек зрения. Порой большинство ученых так горячо поддерживают какую-то теорию или подход, что подавляют, душатся любые ростки нового. Господствующая концепция может определять пути организации и обработки информации, то, результаты каких исследований допускаются к публикации в научных журналах, а какие не допускаются. Если результаты противоречат принятым взглядам - причем это касается не только революционных идей, но даже просто необычных интерпретаций, - то выступающие в качестве цензоров редакторы журналов могут либо отклонить их, либо представить в недопустимо упрощенном виде.

Как раз такой случай произошел в 70-х годах нашего столетия, когда психолог Джон Гарсия попытался опубликовать результаты своего исследования, которые подвергали сомнению господствующую «S-R» (стимул-реакция) теорию научения. Ведущие журналы отказались принять его статьи - даже, несмотря на то, что, по общему мнению, работа была выполнена на высоком уровне и уже получила профессиональное признание и престижные научные награды. В конечном итоге Гарсия издал свои труды в менее известных журналах, что задержало распространение его идей (Lubek & Apfelbaum. 1987).

Zeitgeist может оказывать тормозящее действие и на определение предмета научных исследований. В последующих главах мы поговорим о существовавшей ранее в научной психологии тенденции фокусировать внимание на вопросах сознания и субъективных аспектах человеческой природы. И если до 20-х годов нашего века говорили, что психология «постоянно теряет сознание», то позднее с полным правом можно было сказать, что она его совершенно потеряла! Но полстолетия спустя, когда переменился «дух времени», психология вновь обратилась к исследованию проблем сознания.

Ситуация станет понятнее, если мы проведем аналогию с эволюцией видов. И наука, и живые организмы изменяются в ответ на требования условий окружающей среды. Что произойдет с отдельным видом с течением времени? Если в окружающей среде в основном сохраняется равновесие, то практически ничего. Но если равновесие покачнется, вид должен приспособиться к новым условиям или исчезнуть.

Точно так же существует и наука в контексте окружающей среды, на которую она определенным образом реагирует. Однако среда науки, *Zeitgeist*. - скорее не физическая, а духовная. Но и «дух времени», подобно физической среде, подвержен изменениям.

Этот эволюционный процесс очевиден на протяжении всей истории психологии. Когда *Zeitgeist* благоволил размышлениям, созерцанию и интуиции в качестве путей постижения истины, то и психология одобряла подобные методы. Позже интеллектуальный <дух времени> диктовал применение таких подходов, как наблюдение и эксперимент, и психология обратилась именно к ним. Когда на заре XX века стало очевидным наличие двух различных ветвей в рамках психологии, это стало началом развития двух отдельных разновидностей психологии. С эмиграцией немецких психологов в Соединенные Штаты сама «немецкая» психология изменилась и приобрела самобытную «американскую окраску» - при том, что в Германии психология развивалась своим путем.

Мы уделили много внимания «духу времени», *Zeitgeist*, что не отрицает важности персоналистической концепции для истории науки, огромной роли великих ученых. И все же следует рассматривать их вклад в науку с иной позиции. Сила гения Чарльза Дарвина или Марии Кюри не меняет в одиночку ход истории. Они были способны на это только потому, что почва для преобразований была уже подготовлена - и это истинно для каждой из ключевых фигур в истории психологии.

Думается, что для рассмотрения развития психологии в историческом аспекте следует сочетать оба подхода - персоналистический и натуралистический - хотя, по нашему мнению, *Zeitgeist* имеет преобладающее значение. Идеи, слишком далекие от господствующей в данную эпоху общей атмосферы, практически обречены на забвение. Любое индивидуальное творчество скорее похоже на призму, пройдя через которую, свет современной общественной мысли рассеивается или становится ярче, чем маяк, - но, так или иначе, все они освещают дорогу человечеству.

Психологическая школа - группа ученых, разделяющих теоретическую ориентацию и работающих над общими проблемами; их имена связаны с определенной системой идей.

Психологические школы

В первые годы развития психологии как отдельной научной дисциплины - а точнее, в последней четверти XIX столетия - огромное влияние на нее оказал Вильгельм Вундт, немецкий физиолог, у которого были четкие представления о том, какую форму эта новая наука - его новая наука - должна обрести (см. главу 4). Он определил цели, предмет, методы и темы исследований - естественно, под воздействием своего времени и господствующих в ту пору течений в философии и психологии. Но как бы то ни было, именно Вундт, как провозвестник духа того времени, объединил различные философские и научные направления мысли. В течение некоторого времени психология формировалась, главным образом, под его влиянием.

Вскоре ситуация изменилась. Среди все возрастающего числа психологов возникли противоречия. В других науках и культуре в целом выдвигались новые идеи. Как

отражение этих новых веяний, некоторые психологи выразили несогласие с концепцией Вундта и предложили собственное видение психологии. Таким образом, к 1900 году между несколькими научными системами и школами мышления существовали непростые отношения. В сущности, речь шла о различных определениях природы психологии.

Термин психологическая школа* в рамках психологии подразумевает группу психологов, связанных идейно, а иногда и территориально, с лидером научного направления. Как правило, представители одной школы разделяют теоретическую или систематическую платформу и работают над близкими проблемами. Появление различных психологических школ, их последующий упадок и замена другими - одна из поразительных черт истории психологии.

Та стадия в развитии науки, когда она еще разделена на отдельные школы, называется допарадигматической (Kuhn. 1970). (Парадигма, то есть модель или образец, является общепринятым - в рамках научной дисциплины - способом размышления, который в течение некоторого времени для исследователей данной области определяет и основные вопросы, и основные ответы.) Наука достигает зрелости, то есть высокой стадии развития, когда она больше не делится на различные школы: когда большинство ученых едины в вопросах принятия основных теорий и методов. На этой стадии развитие научной области определяется некой моделью, общей парадигмой - больше нет соперничающих фракций.

Действие парадигмы можно увидеть на примере истории физики. В течение примерно 300 лет физика носила имя Галилея и Ньютона, все физические изыскания того времени проводились фактически в рамках созданной ими системы. Но парадигмы могут меняться, как только большинство теоретиков и практиков принимает новый взгляд на предмет и методы изучения. В физике это случилось, когда система Эйнштейна заменила модель Галилея/Ньютона. Эту смену одной парадигмы другой можно назвать <научной революцией> (Kuhn. 1970).

Психология еще не достигла парадигматической стадии. На протяжении всей истории психологии исследователи находятся в поиске - ищут, анализируют, отвергают разные научные определения. Ни одна из систем или точек зрения не смогла объединить все существующие платформы. Пионер когнитивной психологии Джордж Миллер (см. главу 15) заметил, что «в этой сфере нет ни единых приемов, ни стандартных методов. И при этом, по всей видимости, нет никакого фундаментального научного принципа, сопоставимого с законами Ньютона или эволюционной теорией Дарвина» (Miller. 1985. P. 42).

Если психологи и могут быть в чем-то единодушны, так это в том, что «сегодня психология еще более неоднородна, чем сто лет назад, и кажется, будто мы как никогда далеки от того, что хоть сколько-нибудь напоминало бы согласие относительно характера психологии» (Evans, Sexton, Gadwallader. 1992. P. XVI). Такую точку зрения разделяют многие психологи. «В конце [XX] столетия, нет никакой единой системы, никаких единых принципов для определения психологической дисциплины и ведения исследований» (Chiesa. 1992. P. 1287). «Психология... представляет собой не единую дисциплину, но собрание нескольких различных ветвей» (Koch. 1993. P. 902). «Американская психология разделена на враждующие фракции» (Leahey. 1992. P. 308). Психологическая наука состоит из групп, каждая из которых «цепляется» за собственную теоретическую и методологическую платформу, и подходит к изучению человеческой природы,

* психологическая школа - группа ученых, разделяющих теоретическую ориентацию и работающих над общими проблемами: их имена связаны с определенной системой идей.

вооружившись собственными методами, пользуясь собственной терминологией, журналами и прочими атрибутами своей школы.

Каждая из ранних психологических школ была движением протеста, восстанием против господствующей системы взглядов. Представители каждого течения громко заявляли об очевидной слабости старой системы и предлагали исправить ситуацию с помощью новых определений, концепций и стратегий исследования. Когда новой школе мышления удавалось завладеть вниманием научного сообщества, предыдущая платформа тут же отвергалась. Обе стороны яростно отстаивали свои позиции: то и дело возникали конфликты между старой и новой школой.

Ведущие теоретики старшей школы редко становились убежденными сторонниками новой системы. Обычно это были седовласые мужчины, умом и сердцем глубоко преданные своим взглядам; им было непросто, а то и поздно меняться. Более молодые и менее горячие сторонники старшей школы, напротив, часто увлекались новыми идеями и становились последователями нового учения, оставляя «стариков» с их традициями и работой в почти полном забвении.

Немецкий физик Макс Планк писал, что «новая истина в науке одерживает победу не потому, что ее оппоненты «прозревают», а скорее потому, что все они в конечном счете умирают, а новому поколению знакома только новая система» (Planck. 1949. P. 33). «Как было бы хорошо, - говорит Чарльз Дарвин в письме к другу, - если бы каждый, кто имеет отношение к науке, умирал в возрасте шестидесяти лет, ведь потом уже приходится только отбиваться ото всех новых доктрин» (цит. по: Boorstin. 1983. P. 468).

В истории психологии существовали самые разные школы, и каждая из них выступала против предшествующей. Новые течения использовали старших оппонентов как объекты для критики и импульс для собственного развития. Представители каждой школы громко и откровенно отмежевывались от предыдущей теоретической системы. По мере того, как новое течение крепло, обретало сторонников и влияние, уже вдохновлялась новая оппозиция, и процесс противостояния начинался заново. Что некогда было просто изысканиями, становилось агрессивной революцией, венчалось успехом, устанавливало традиции - и затем отступало под энергичным напором следующего молодого движения. Успех, состояние покоя ослабляют. Прогресс питает сопротивление. Как только оппозиция повержена, страсть и рвение некогда нового движения умирают.

Господство по крайней мере некоторых из психологических школ было лишь временным, но важную роль в развитии психологии сыграли практически они все. Это влияние прослеживается и в современной психологии, хотя сегодня раскол в ней мало напоминает предыдущие, так как новые доктрины вновь заменили старые. Функцию психологической школы можно сравнить со строительными лесами (Heidbreder.1933). Нельзя возвести высокое здание без лесов, и все же по окончании строительства их разрушают - за ненадобностью. Точно так же структура сегодняшней психологии была построена в рамках структуры и на основе руководящих принципов (лесов) предшествующих психологических школ.

Именно с точки зрения исторического развития различных психологических школ можно лучше всего понять прогресс психологии. Огромный вклад в нее внесли великие ученые - мужчины и женщины, - но значение их трудов более явственно, когда рассматривается в контексте идей, которые им предшествовали, их корней и тех исследований, которые за ними последовали.

План книги

В главах 2 и 5 рассказывается о философских и психологических системах, предшествующих экспериментальной психологии. На основе этих философских и психологических традиций были разработаны психология Вильгельма Вундта (глава 4) и так называемый **структурализм*** (глава 5). За структурализмом последовали **функционализм*** (главы 6, 7 и 8), **бихевиоризм*** (главы 9, 10 и 11) и **гештальт-психология*** (глава 12) - направления, которые либо опирались на структурализм, либо противостояли ему. Примерно в то же время из идей о природе бессознательного и на основе первых опытов в лечении душевнобольных возник **психоанализ*** (главы 13 и 14) - наука с собственным предметом изучения и с собственной методологией.

Психоанализ и бихевиоризм вдохновили на создание множества подшкол. В 50-х годах нынешнего столетия в качестве ответа на бихевиоризм и психоанализ появилось такое направление, как **гуманистическая психология***; она включала в себя и принципы гештальтпсихологии. Около 1960 года бихевиоризму бросило вызов движение **когнитивной психологии***, и определение психологии было пересмотрено еще раз. Важная особенность новейших преобразований - это возврат к изучению сознания и психических, или когнитивных, процессов. «Потеряв сознание» в ходе бихевиористской революции, психология теперь вновь смогла вернуться к этой теме. Эти процессы описаны в главе 15.

Рассмотрение истории развития психологии мы продолжим в главе 16: попытаемся положить конец дискриминационным методам в психологии, а также подчеркнем вклад в психологию не столь широко известных ученых.

Вопросы для обсуждения

1. Что дает право утверждать, что психология – одна из старейших академических дисциплин, но одновременно и одна из самых молодых? Объясните, почему современная психология принадлежит XIX, и XX векам.
2. В чем ценность изучения истории психологии?
3. Чем данные истории отличаются от научных данных? Приведите примеры искажения исторических данных.

* **Структурализм** – система Титченера, согласно которой психология имеет дело с социальным, зависимым от индивида опытом.

* **Функционализм** – направление в психологии, ориентированное на изучение роли разума в адаптации организма к окружающей среде.

* **Бихевиоризм** – сформулированная Уотсоном наука о поведении, исследовавшая только очевидные поведенческие акты, которые могут быть описаны объективно.

* **Гештальт-психология** – направление в психологии, в значительной степени ориентированное на обучение и восприятие, выдвинувшее в качестве основного принципа тот факт, что объединение психологических элементов производит некое новое качество, которое не сводится к свойствам отдельных элементов.

* **Психоанализ** – учение, разработанное З. Фрейдом, исследующее бессознательное и его взаимосвязи с сознательным в психике человека.

* **Гуманистическая психология** – направление в психологии, подчеркивающее важность изучения сознательного опыта человека и признающее своим главным предметом личность как уникальную целостную систему.

* **Когнитивная психология** – направление в психологии, в котором внимание фокусируется на процессе познания, на том, как жизненные переживания человека активно обрабатываются его разумом.

4. Расскажите о контекстных силах, которые повлияли на развитие современной психологии?
5. Опишите различия между персоналистической и натуралистической концепциями научной истории. Какой подход подтверждается случаями одновременного открытия?
6. Что такое *Zeitgeist*? Как *Zeitgeist* влияет на развитие науки? Сравните развитие науки с эволюцией видов.
7. Что понимают под термином «психологическая школа»? достигла ли психологическая наука парадигматической стадии развития? Почему «да» или «нет»?

Рекомендуемая литература

- Boorstin, D. (1983) *The Discoverers*. New York:Random House, увлекательная книга о великих открытиях в истории человеческих знаний. Рассказ о том, как первооткрыватели и их сторонники борются за место в науке с догмами и мифами.
- Buxton, C.E. (Ed.) (1985) *Points of view in the modern history of psychology*. Orlando, FL: Academic Press. Вопросы историографии (принципы и методы исторического исследования). О философских биологических и религиозных взглядах на силу контекстного воздействия (см. главу 14).
- Cadwallader, T.C. (1975) Unique values of archival research. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 11,27-33. статья о роли архивных исследований (неизданные документы, дневники, переписка и записные книжки), раскрывающих воздействие личности ученого на его идеи.
- Furumoto, L. (1989) The new history of psychology/ In S.Cohen (Ed.),*The G. Stanley Hall lecture series* (vol.9, pp,5-34). Washington DC: American Psychological Association. Основываясь на анализе исторических фактов, автор обосновывает влияние конкретных факторов и показывает, как такой подход ведет к новому пониманию роли психологов-женщин в развитии науки.

Глава 2

Влияние философии на психологию

Дух механицизма

В XVII веке в королевских садах и парках Европы наряду с прочими чудесами и диковинами этого удивительного века появились новые причудливые увеселения: водяные струи подавались по проложенным под землей трубам и заставляли двигаться механические фигуры. Те, в свою очередь, выполняли самые невероятные и замысловатые движения, играли на музыкальных инструментах, а также издавали иные звуки. Потайные педали, спрятанные так, чтобы проходивший мимо человек незаметно для себя наступал на них, реагировали на вес тела, вода устремлялась по трубам, и статуи неожиданно начинали двигаться.

Эти забавы аристократов отражали в себе повальное увлечение того века машинами во всех их видах. Но они же одновременно и стимулировали развитие механики. Именно в это время разнообразные механизмы стали широко применяться в науке, производстве и для увеселений. Часовой механизм, названный одним из историков «матерью всех машин», оказал наибольшее влияние на умы (Boorstin. 1983). Именно часовых дел мастера стали первыми ремесленниками, перенесшими механические устройства из сферы физики

и теоретической механики в область производства. Кроме того, инженеры разработали разнообразные насосы, уровни и ватерпасы, шкивы, блоки и краны, которые нашли применение в самых разнообразных сферах земледелия и промышленного производства. Казалось, не существует никаких преград для создания все новых и новых удивительных машин, как нет и таких действий, которые они не могли бы выполнить.

Вы можете спросить: какое, собственно, отношение имеет развитие технологии к истории современной психологии? Ведь все это было за 200 лет до того, как психологию назвали наукой, к тому же речь идет о физике и механике - дисциплинах весьма далеких от исследования природы человека. И тем не менее, между ними существует непосредственная связь, поскольку те же самые принципы, которые были использованы в этих фигурах и часовых механизмах, определили собою и развитие психологии.

«Дух времени» (Zeitgeist) в XVII-XIX веках был той интеллектуальной почвой, на которой взросла психология. Базовой идеей культуры XVII века - как в сфере философии, так и находящейся под ее влиянием психологии - был дух **механицизма***, представление Вселенной в виде гигантской машины. Эта концепция основывалась на утверждении, что все естественные процессы определены на механическом уровне и могут быть объяснены на основе законов физики.

Идея механицизма вызревает первоначально в физике, которая в те времена называлась натурфилософией, в работах итальянского физика Галилео Галилея (1564-1642) и английского физика и математика Исаака Ньютона (1642-1727), обладавшего также неплохими навыками часовых дел мастера. Считалось, что весь мир состоит из неких частиц материи, находящихся в непрерывном движении. Согласно Галилею, материя состоит из дискретных корпускул или атомов, воздействующих друг на друга при соударении. Ньютон подверг галилеевскую версию пересмотру и предположил, что импульсы движения передаются от атома к атому не при непосредственном контакте, а под воздействием сил притяжения и отталкивания. Однако эти дополнения, хотя и оказали значительное воздействие на историю физических идей, на развитие психологии существенно не повлияли.

Поскольку Вселенная состоит из движущихся атомов, любое физическое перемещение (движение каждого атома) вызывается непосредственной причиной (движением другого атома, который соударяется с первым). Результат такого взаимодействия поддается измерению - и, следовательно, должен быть вполне предсказуем. Вселенная полностью упорядочена и работает в прямом смысле, как часы или какой-либо иной совершенный механизм. Мир создан Богом наисовершенным образом - в XVII веке именно Богу приписывалось сотворение всех действующих причинно-следственных связей, - и коль скоро ученым удастся открыть законы функционирования мира, они смогут абсолютно точно предсказать все, что произойдет в будущем.

Методы и достижения науки росли в ту эпоху рука об руку с развитием технологии, дополняя друг друга. Наблюдение и эксперимент, сопровождаемый точными количественными методами, стали неотъемлемыми чертами науки. Исследователи пытались постичь каждое явление, описывая его в точных количественных формулировках, - таково было основное требование механистического подхода. Именно в это время появляются достаточно совершенные термометры, барометры, логарифмические линейки, маятниковые часы и прочие механические приборы, столь

* механицизм - учение, основывающееся на утверждении, что все естественные процессы являются механическими по своей природе и могут быть объяснены на основе законов физики и химии.

характерные для века механики. Эти события, в свою очередь, способствовали формированию убеждения о том, что абсолютно любое явление во Вселенной поддается количественному измерению.

Часовой механизм Вселенной

Метафора часов довольно точно выражает собой дух механицизма XVII столетия, а потому часовой механизм по праву может быть назван величайшим изобретением всех времен. Часы, как и компьютеры в XX веке, оказались причиной своеобразного технологического прорыва. Ни один другой механический прибор не оказал столь огромного влияния на человеческую мысль на всех ее уровнях. К XVII веку часов уже было великое множество - как по числу, так и по форме. Существовали сравнительно небольшие настольные часы. Другие, побольше, помещались на церквях и правительственных зданиях, так что их можно было видеть и слышать на многие мили вокруг. И если механические фигуры в королевских садах были предназначены для увеселения элиты, то часы были доступны очень многим, вне зависимости от социального класса или уровня благосостояния. Образ часового механизма буквально «овладел умами и душами целой цивилизации так, как никакая иная машина прежде... Редко когда в истории механический прибор столь непосредственно выражал собою и, в свою очередь, определял интеллектуальный климат целой эпохи» (Maurice & Maug. 1980. P. VII, IX).

Часы были самым доступным, привычным, точным и предсказуемым механизмом, а потому со временем ученые и философы стали воспринимать их как модель мира в целом. Они спрашивали себя, не есть ли и вся Вселенная - некий «громоздкий часовой механизм, созданный и пущенный в ход Творцом»? Многие ученые - и среди них такие, как английский физик Роберт Бойль, немецкий астроном Иоганн Кеплер и французский философ Рене Декарт - давали положительный ответ на этот вопрос, утверждая, что Вселенная есть не что иное, как «великолепный образец часового механизма» (цит. по: Boorstin. 1983. P. 71, 72). Они были убеждены, что гармония и порядок во Вселенной могут быть поняты по аналогии с часовым устройством: как четкая работа часов - это нечто приданное механизму часовщиком, точно так же и упорядоченность мира в целом мыслилась как нечто сообщенное миру Богом.

Немецкий философ Христиан фон Вольф описывал сходство Вселенной и часового механизма очень просто: «Мир ведет себя точно так же, как и часы». А его ученик Иоганн Кристоф развил этот принцип следующим образом: «Коль скоро весь мир есть некий механизм, он может быть отчасти уподоблен часам; именно часы могут быть использованы в качестве модели для того, чтобы пояснить в малом масштабе то, что происходит во Вселенной в целом» (цит. по: Maurice & Maug. 1980. P. 290).

Детерминизм и редукционизм

Коль скоро Вселенная рассматривалась как некая машина, подобная часовому механизму, некогда созданному Богом и пущенному им в ход, значит, она могла существовать далее безо всякого вмешательства извне. Таким образом, метафора мира как часов проложила дорогу идее **детерминизма*** - вере в то, что каждое событие в мире предопределено прошлыми событиями. Как можно предсказать последовательность работы часового механизма, точно так же, осознав порядок и систематичность функционирования

* детерминизм - учение, утверждающее, что все события в мире предопределены событиями в прошлом.

отдельных частей Вселенной, можно предвидеть все будущие в ней события. «Тот, кто сможет в совершенстве постичь устройство [часового] механизма, сможет и подробно предсказать будущие события на основе прошлого и настоящего» (Gottsched, цит. по: Maurice & Maug. 1980. P. 290).

Разобраться в устройстве и функционировании часов не так уж сложно. Каждому под силу разобрать часы и самому убедиться, как именно действуют их шестерни и пружины. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к идее **редукционизма***. Устройство различных машин - таких, как, например, часы, - может быть понято на основе сведения их к функционированию основных частей. Равным образом мы можем понять то, как устроена Вселенная в целом (которая, как бы то ни было, всего лишь еще одна машина), посредством анализа и сведения к простейшим ее составляющим - молекулам и атомам. Редукционистский подход характерен для любой науки, включая и новую психологию.

Если метафора часов и научные методы применимы при объяснении функционирования Вселенной, то, возможно, они окажутся столь же полезными и при постижении природы человека? Если Вселенная - это машина - строго упорядоченная, предсказуемая, поддающаяся наблюдению и измерению, - то можем ли мы и человека рассматривать подобным же образом? Быть может, животные и даже человек есть не что иное, как еще один тип машины?

Автоматы

Интеллектуальная и социальная аристократия XVII века имела перед своими глазами еще одну примечательную модель подобного рода - это различные механические фигуры, столь популярное увеселение в садах и парках. Широкое распространение часовых механизмов непосредственным образом повлияло и на развитие изготовления разнообразных механических фигур. Технологии становились все совершеннее, и человеку стоило лишь оглядеться вокруг, чтобы наткнуться на какую-нибудь причудливую механическую фигуру - называемую автоматом, - поражающую воображение удивительными и завлекательными трюками, выполняемыми четко и регулярно.

Автоматы - механические фигуры, имитирующие действия человека, - известны с давних времен. Описания подобного рода механизированных фигур содержатся еще в античных греческих и арабских манускриптах. Но особенно прославились в этой сфере мастера древнего Китая. В китайской литературе содержатся описания различных механических животных и рыб, а также человеческих фигур, предназначенных для того, чтобы разливать вино, подавать чашки с чаем, петь и даже играть на музыкальных инструментах. Тем не менее, более чем две тысячи лет спустя, в XVII веке, когда учеными и мастерами Западной Европы были созданы первые автоматы, они воспринимались как новинка. Все достижения древнейших цивилизаций в этой области были напрочь утрачены (Mazlish. 1993).

Подобного рода автоматы можно встретить на главных площадях некоторых европейских городов до сих пор - это механические фигуры в городских башенных часах. Они движутся по кругу, бьют в барабаны и звонят в колокола, отмечая каждую четверть часа. В Страсбургском кафедральном соборе во Франции, например, различные библейские персонажи каждый час отдают поклон Деве Марии. В это же время другая фигура - механический петух - раскрывает клюв, высовывает язык, бьет крыльями и кукарекает. А

* редукционизм - учение, объясняющие сложные явления более высокого уровня в терминах простых явлений более низкого уровня.

в Англии в кафедральном соборе в Уэльсе два рыцаря в полном боевом облачении сходятся в потешном поединке. Когда начинается бой часов, один из противников сбивает другого с коня. Баварский Национальный музей в Мюнхене содержит в своей экспозиции механического попугая величиной в 16 дюймов. Когда часы отбивают очередной час, попугай свистит, хлопает крыльями, вращает глазами, и из-под него выпадает небольшое стальное яйцо.

Рис. 2.1. Механическая фигура монаха.

На рис. вы можете видеть, как действовала 16-дюймовая фигура монаха, ныне находящаяся в коллекции Национального музея американской истории в Вашингтоне (Washington D. C.). Эта фигурка может перемещаться на площади величиной в 2 кв. фута. Из-под сутаны у него виднеются кончики ног, но на самом деле фигурка движется на колесах. Монах одной рукой ударяет себя в грудь и покачивает другой, кивает головой, открывает и закрывает рот.

Философам и ученым того времени казалось, что при помощи такого рода сложных и точных механизмов можно будет реализовать их давнюю мечту - искусственно воссоздать жизнь. В самом деле, многие из первых автоматов того времени, казалось, давали такую надежду. Их можно рассматривать как своего рода предшественников современных диснеевских мультфильмов. С этих позиций понятно, почему люди пришли к заключению, что все живые существа - всего лишь машины, хотя и особого рода.

Взгляните еще раз на внутреннее устройство фигуры монаха. Мы с первого взгляда сможем разобраться в том, как функционируют все ее шестерни, уровни, храповики и прочие составные части, и каким образом они вызывают те или иные движения фигуры. Декарт и многие другие философы пришли к выводу, что понять сущность человека можно по аналогии с автоматом - по крайней мере, до некоторой степени. Для них не только Вселенная была громадным часовым механизмом, но и человек тоже чем-то вроде машины. Декарт писал, что данная идея «не покажется столь странной тем людям, кто хорошо знаком с устройством различного рода автоматов, движущихся машин, созданных руками человека... Для этих людей вполне понятен и приемлем взгляд на человеческое тело как на машину, созданную руками Бога. Такая машина, безусловно, будет несравненно лучше и совершенней в своих движениях, чем любой из механизмов, созданных человеком» (Descartes. 1637/1912. P. 44). Люди - это значительно более

совершенные и эффективные машины, чем те, которые могут создать часовых дел мастера, но тем не менее - это машины.

Таким образом, часовые механизмы и автоматы проложили дорогу идее о том, что поведение и функционирование человека подчиняется механическим законам и что познать сущность человека можно при помощи тех же экспериментальных и количественных методов, которые столь успешно зарекомендовали себя при раскрытии секретов физического мира. В 1748 году французский врач Жюлье де Ла Метри (который впоследствии умер от чрезмерного употребления фазанов и трюфелей) поведал миру о некоем видении, которое явилось ему, когда он лежал в лихорадке с высокой температурой. Ему привиделось, что люди - это машины, хотя и наделенные сознанием. Человеческие тела, отмечал он, есть не что иное, как часы, которые способны сами заводить свои пружины (Mazlish. 1993). Это представление стало главной движущей силой, своеобразным «духом времени» (Zeitgeist) в науке и философии XVII века и самым решительным образом изменило все представления о природе человека. Оно настолько пропитало собой общественное мнение, что, например, даже в период гражданской войны в Соединенных Штатах Америки (1861-1865) офицер армии северян писал, рассуждая о смерти своего друга, что от него не осталось ничего, «кроме поломанного механизма, который когда-то приводился в движение душой» (Lyman, цит. по: Agassiz. 1922. P. 332).

Представление о механической природе человека получило широкое распространение не только в науке и философии, но и в литературе XIX и начала XX века, в популярных романах и детских сказках. Общество было буквально зачаровано идеей, что живые существа могут быть воспроизведены в виде машин. Известный датский сказочник Ханс Христиан Андерсен написал сказку о соловье, где фигурировала механическая птичка. «Франкштейн» - роман английской писательницы Мэри Уоллстоункрафт Шелли, на протяжении многих лет не утративший своей популярности, также посвящен машине - монстру, который восстает против своего творца. В этой связи можно вспомнить знаменитые детские книжки американского писателя Л. Франка Баума о волшебнике страны Оз, в которых полно разнообразных механических персонажей.

Таким образом, параллельно с представлением о человеке как своего рода машине в европейской культуре XVII-XIX веков вызревали и научные методы познания природы и поведения человека. Человеческие тела были уподоблены машинам, в умах доминировал научный подход, а жизнь - подчинена законам механики. Механистический подход - правда, в примитивной форме - применялся даже при изучении сознания человека. Результатом подобного развития стало появление машины, которая, как ожидалось, будет способна мыслить.

Механическая вычислительная машина

Чарльз Бэббидж (1792-1871), эксцентричный английский математик, разработал прибор, который он назвал вычислительной машиной. Машина производила математические вычисления куда быстрее, чем человек, и выдавала готовый результат.

Будучи буквально зачарованным разнообразными автоматами, Бэббидж спроектировал свою машину так, чтобы она воспроизводила не физические действия человека, а его мыслительные операции. Кроме того, машина не только выдавала таблицу значений математических функций, но еще и умела играть в шахматы, шашки и некоторые другие игры. (Бэббидж задумал создать еще одну машину, которая была бы способна производить вычитание, умножение и деление, но не смог завершить ее из-за нехватки средств. Британское правительство в итоге отказалось финансировать разработки и

отправило машину в музей.) В машине Бэббиджа была даже своеобразная оперативная память, позволявшая сохранять промежуточные результаты до тех пор, пока они не потребуются для окончательного расчета (Mazlish. 1993).

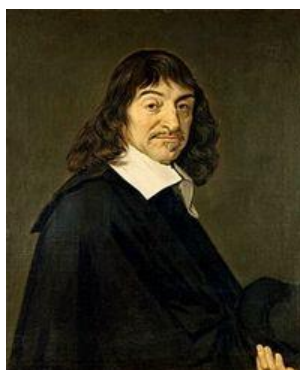
Эта вычислительная машина была своего рода предшественником современного компьютера. Она ознаменовала собой первую попытку человека рукотворным образом воспроизвести мыслительный процесс и создать нечто подобное искусственному интеллекту. Популярной темой рассуждений многих ученых и изобретателей были беспредельные возможности машины и ее способность воспроизводить любые человеческие функции.

Становление современной науки

Как уже отмечалось, именно в XVII веке берут начало те длительные процессы, которым обязана своим существованием современная наука. В прежние времена мыслители искали ответы на все вопросы в прошлом, обращались за разъяснениями к трудам Аристотеля или других древних авторов, к Библии. В своих исследованиях человек должен был руководствоваться догмой, установлениями господствующей церкви или мнением авторитетных авторов. В XVII же столетии появляется новая методологическая установка - эмпиризм, ориентация на познание посредством наблюдения и эксперимента. Знание, ориентированное только на традицию и авторитет, теперь воспринималось как нечто внушающее сомнение. В период своего расцвета XVII век преподнес миру ряд значительных открытий и прозрений, которые отражали произошедшие изменения в способе научного мышления.

Среди тех ученых, чье творчество ознаменовало собой данный период, в первую очередь следует упомянуть Декарта, внесшего непосредственный вклад в развитие современной психологии. Именно его работы позволили научной мысли освободиться от сковывающих теологических и традиционалистских предубеждений, господствовавших до того веками. Именно имя Декарта символизирует собой переход к новой эре в современной науке. Им же впервые была развита идея рассмотрения человеческого организма как подобия часового механизма. А потому можно с уверенностью сказать, что именно с его работами связано становление эры современной психологии.

Рене Декарт (1596-1650)

Декарт родился во Франции 31 марта 1596 года. Он унаследовал от отца небольшое состояние, которое позволило ему посвятить свою жизнь наукам и путешествиям. С 1604 по 1612 годы он обучался в иезуитском колледже, где получил хорошее гуманитарное и математическое образование. Также он проявил большие способности в области

философии, физики и психологии. По причине слабого здоровья директор колледжа освободил Декарта от посещения утренних богослужений и позволил ему оставаться в постели вплоть до полудня - привычка, сохранившаяся у Декарта на всю жизнь. Именно эти тихие утренние часы были для него особенно плодотворными в творческом отношении.

После завершения образования Декарт вел в Париже беззаботную жизнь, полную удовольствий. Но в конце концов такой образ жизни стал тяготить его, и он уединился для того, чтобы посвятить себя математическим исследованиям. Когда ему исполнился 21 год, он несколько лет служил добровольцем в армиях Голландии, Баварии и Венгрии. За это время он приобрел неплохие воинские навыки, а также некоторые авантюристические черты характера. Ему нравились балы и азартные игры - причем игроком он был весьма удачливым, в чем немалую роль сыграл его математический талант. Ничто человеческое ему не было чуждо - правда, единственно длительный его любовный роман продолжался всего лишь три года. Его возлюбленной была некая голландская женщина, которая в 1635 году родила ему дочь. Декарт обожал ребенка и был глубоко потрясен внезапной смертью дочери в пятилетнем возрасте. Он всегда говорил об этой утрате как о самом большом несчастье в своей жизни.

Декарт придавал большое значение практическому использованию научных знаний. Так, его интересовало, каким образом можно предохранить волосы от поседения. Он проводил также некоторые опыты с креслом-каталкой.

Во время службы в армии Декарту однажды привиделся сон, имевший огромное значение для всей его жизни. Весь день 10 ноября он провел в одиночестве в своей комнате, размышляя над научными и математическими проблемами. Это было в старинном баварском доме, где комната отапливалась большой дровяной печью, что, по-видимому, способствовало творческому процессу. Незаметно для себя Декарт задремал, и ему приснилось - как он впоследствии рассказывал, - что пред ним предстал некий «дух истины» и принялся упрекать его за леность. Этот дух полностью овладел сознанием Декарта и убедил его в том, что ему в жизни предназначено доказать, что математические принципы применимы при познании природы и могут принести огромную пользу, придавая научному знанию строгость и определенность.

Для продолжения занятий математикой Декарт вернулся в Париж, но столичная жизнь вновь быстро наскучила ему. Продав поместье, доставшееся ему от отца, он перебрался в уединенный сельский дом в Голландии. Его тяга к одиночеству и уединению была столь велика, что в течение двадцати лет он сменил 24 дома в 13 различных городах - и притом держал свой адрес в секрете даже от близких друзей, с которыми поддерживал постоянную переписку. Его единственным и неизменным требованием к новому месту жительства были близость к католическому собору и университету.

Декарт прославил свое имя целым рядом трактатов в области математики и философии, и, в конце концов, на него обратила свое внимание шведская королева Христина. Она пригласила Декарта давать ей уроки философии. И как бы ни были ему дороги свобода и отшельнический образ жизни, он не мог не проявить уважения к королевской просьбе. Королева послала за ним военный корабль, и на исходе 1649 года он ступил на землю Швеции. Однако королева Христина оказалась не слишком прилежной ученицей. Она смогла выделить для встреч с великим философом лишь ранние утренние часы - около пяти часов утра. К тому же занятия проходили в плохо отапливаемой библиотеке, а зима в том году выдалась необычайно суровой. Хрупкий и болезненный Декарт стойко

переносил ранние подъемы и жестокие утренние холода в течение почти четырех месяцев. Однако, в конце концов он заболел воспалением легких и умер 11 февраля 1650 года.

Интересным постскриптумом к смерти этого великого человека, который, как мы увидим дальше, отдал много сил изучению взаимодействия тела и души, может послужить посмертная история его собственного тела. Через 16 лет после его смерти друзья решили, что тело его должно покоиться во Франции. Но гроб, который для этой цели был отослан в Швецию, оказался слишком короток. А потому шведские власти, не долго думая, решили отделить голову Декарта от тела и захоронить ее отдельно - до той поры, пока не будут получены соответствующие распоряжения из Парижа. Пока останки философа готовили к отправке во Францию, французский посол в Швеции решил, что неплохо было бы ему иметь что-нибудь на память о великом соотечественнике. А потому он отсек указательный палец на правой руке Декарта. Тем временем тело, лишенное головы и пальца, было с большой помпой и пышными церемониями перезахоронено в Париже. По прошествии нескольких лет один армейский офицер выкопал череп Декарта в качестве сувенира, который затем в течение 150 лет переходил от одного коллекционера к другому, пока, наконец, не был захоронен в Париже.

Все личные бумаги и рукописные работы Декарта были собраны и после его смерти морем отправлены в Париж. Однако корабль затонул, не дойдя до причала. Бумаги в течение трех дней находились под водой. Семнадцать лет потребовалось впоследствии для того, чтобы отреставрировать их и сделать пригодными для печати (Shea. 1991).

Вклад Декарта: механицизм и проблема соотношения души и тела*

Пожалуй, самым значительным вкладом Декарта в становление современной науки является его попытка решить одну из наиболее запутанных философских и психологических проблем - проблему соотношения души и тела. В течение многих столетий мыслители ломали голову над тем, как различить душу, идеальное, и тело, материальное. Первоначально центральный вопрос здесь представляется абсолютно простым: различаются ли вообще между собой душа и тело, мир идеальный и мир реальный.[^] Но эта легкость обманчива. В течение тысячелетий мыслители занимали по этому вопросу, в основном, дуалистическую позицию: душа (ум, мышление, дух) и тело имеют совершенно различную природу. Однако принятие подобной позиции влечет за собой следующий вопрос: если душа и тело совершенно различны, как возможно их взаимоотношение? Полностью ли они независимы, или все же некоторым образом влияют друг на друга?

Во времена Декарта общепринятой была точка зрения, согласно которой взаимодействие души и тела носит однонаправленный характер: душа, ум может оказывать существенное влияние на тело, однако обратное воздействие крайне незначительно. Современные историки предлагают в пояснение этих взглядов следующую аналогию: взаимоотношения души и тела подобны взаимоотношениям между куклой и кукольником, где кукольник - это душа, а кукла - тело (Lowry. 1982).

Декарт же по этому вопросу занял дуалистическую позицию. С его точки зрения, душа и тело действительно имеют разную природу. Однако он существенно отходит от прежней традиции в трактовке их соотношения. По его мнению, не только душа воздействует на тело, но и тело способно существенным образом влиять на состояние души. Мы имеем здесь дело не с однонаправленным воздействием, а с обоюдным взаимодействием. Эта

* проблема соотношения души и тела - вопрос о различении души и тела, физического и психического, реального и идеального.

весьма радикальная для XVII века идея имела ряд важных последствий, как для философии, так и для развития науки.

После публикации этих идей Декарта многие его современники пришли к выводу, что нет более оснований считать душу единственным и полновластным господином обеих сущностей - кукольником, дергающим за веревочки. Душа не является полностью независимой от тела. Роль тела стала восприниматься совершенно иначе: те функции, которые прежде приписывались только душе, теперь стали относить к телесным функциям. В средние века, например, полагали, что душа ответственна не только за процессы мышления и здравый смысл, но и за восприятие, движение и репродуктивную деятельность. Декарт отбросил эти представления. Душа, с его точки зрения, имеет одну единственную функцию - мышление. Все прочие функции носят телесный характер.

Декарт, рассматривая проблему соотношения души и тела, сосредоточил внимание на проблеме так называемого психофизического дуализма. Таким образом, он отбросил спекулятивные теологические рассуждения о душе и заложил основы научного подхода к данной проблеме. Подобная позиция повлекла за собой и изменение методов исследования: вместо метафизических рассуждений стали применять методы объективного наблюдения и эксперимента, вместо умозрительных спекуляций о существовании и природе души - наблюдение за ходом психических процессов.

Тело и душа - это две самостоятельные субстанции. Материя, телесная субстанция характеризуется прежде всего протяженностью (она всегда занимает некоторое место в пространстве) и подчиняется законам механики. Душа, ум не имеют протяженности и не привязаны к какой-либо физической субстанции. Особо революционный характер имеет идея Декарта о том, что, несмотря на все различия души и тела, между ними все же возможно взаимодействие: душа влияет на тело, а тело влияет на душу.

Природа тела

Рассмотрим декартовскую концепцию тела более подробно. Раз тело состоит из физической материи, оно должно обладать общими для всей материи характеристиками - протяженностью и способностью к движению. Но раз тело материально, то к нему применимы законы физики и механики, описывающие характер движения объектов в физическом мире. Таким образом, функционирование тела сходно с работой машины, подчиняющейся законам механики. Следуя этим рассуждениям, Декарт все физиологические процессы стал объяснять в физических терминах.

Декарт в значительной мере находился под влиянием общего <духа времени>, представлявшего мир в виде гигантского часового механизма. Находясь в Париже, он интересовался различными механическими диковинными фигурами, выставленными в королевских парках на обозрение публики. Рассказывают, что много часов он провел, опробуя механические фигуры-сюрпризы. Когда на искусно спрятанную площадку рядом с такой фигурой наступал человек, давление веса тела передавалось по трубам на гидравлические усилители, в свою очередь приводившие в движение все эти разнообразие механические фигуры, заставляя их танцевать и издавать разнообразные звуки.

Рассматривая природу тела, Декарт напрямую апеллировал к механико-гидравлической модели. По его мнению, возбуждение передается по нервам, как жидкость по трубам, а мускулы и сухожилия подобны двигателю и пружинам. Все движения такого механического тела не произвольны, а вызываются какими-то внешними причинами. По

наблюдению Декарта, значительная часть движений человеческого тела происходит без какого-либо участия сознания.

Именно из подобных наблюдений вырастает его понятие *undulatio reflexa* - движения, происходящие безо всякого участия сознания и воли, поэтому Декарта часто называют автором **учения о рефлексе***. Эти воззрения непосредственно предшествуют современным представлениям бихевиористов о стимул-реактивном (S-R) принципе поведения. Они полагают, что внешний объект (стимул) является подлинной причиной произвольных реакций психики живых существ, включая и человека. Все происходит точно так же, как на приеме у врача-невропатолога, когда он ударяет резиновым молоточком по вашей подколенной впадине. Для ответного действия нет необходимости ни в мышлении, ни в сознании - эти процессы сугубо объективны, как в механизме или автомате.

Позиция Декарта вписывается в рамки более общего движения, рассматривающего поведение человека как детерминированный, предсказуемый процесс. Все движения или действия механического тела можно предсказать заранее, если известны побуждающие стимулы.

Такая механистическая интерпретация действий человеческого тела нашла отклик среди естествоиспытателей. В 1628 году английский врач Уильям Гарвей открыл основы строения системы кровообращения; значительные успехи были сделаны в области изучения процессов пищеварения. Физиологам того времени уже было известно, что мускулы тела работают попарно, а их возбуждение и деятельность каким-то образом зависит от нервов.

Несмотря на то, что физиология добилась значительных успехов в познании деятельности человеческого тела, ее уровень был еще явно недостаточен. Так, нервы представлялись как полые трубки, по которым передаются некие жидкие флюиды - подобно тому, как движется по трубкам вода, приводя в движение механические фигуры. Однако нас в нашем исследовании интересует не столько состояние дел в физиологической науке XVII века, сколько сама идея механического представления деятельности человеческого организма.

Согласно распространенным в то время воззрениям, у животных души нет, и потому они подобны автоматам. Таким образом, важное с точки зрения христианства различие животных и человека было сохранено. Разве животное может что-нибудь чувствовать, если у него нет души? А потому животных можно исследовать экспериментальными методами, что не позволительно по отношению к человеку. Декарт и другие исследователи подвергали животных вивисекции еще до того, как стали доступны анестезирующие средства, и при этом «забавлялись криками и воплями несчастных созданий: ведь это всего лишь шипение, свист гидравлических систем и вибрации машины» (Jaynes. 1907. P. 224).

Животное - это машина, а потому всецело относится к физическому миру. У него нет бессмертной души, отсутствуют мышление и свободная воля. Поведение животных можно полностью объяснить с механической точки зрения.

Декарт в своих воззрениях на поведение животных в соответствии с <духом времени> исходил из метафоры часового механизма. «Мне достаточно хорошо известно, что

* учение о рефлексе - представление о том, что движения тела могут происходить без участия роли и сознания, под влиянием внешних воздействий (стимулов)

животные способны делать многие вещи лучше нас. но это меня не удивляет. Напротив, данное обстоятельство еще раз утверждает меня в мысли, что они... действуют под влиянием тех же причин, что и пружины и шестерни часового механизма, который показывает время куда точнее, чем это способны делать мы в своем суждении» (цит. по: Maurice & Maug. 1980. P. 5).

Взаимодействие души и тела

С точки зрения Декарта, душа нематериальна (то есть не состоит из какой-либо материи). Душа способна сознавать и мыслить, давая нам таким образом информацию о внешнем мире. Ум не обладает ни одним из свойств материального мира. Его основной характеристикой является способность к мышлению, что и отделяет ум (душу) от всего материального мира в целом.

Однако мыслящий, чувствующий и обладающий свободной волей ум должен неким образом воздействовать на тело и воспринимать ответные реакции. Если в душе рождается намерение, например, переместиться из одного места в другое, то это желание выполняется мускулами, сухожилиями и нервами нашего тела. Аналогичным образом, если тело подвергается воздействию какого-либо стимула (света или тепла, например), именно ум воспринимает и обрабатывает чувственные данные и принимает решение о соответствующей реакции.

Для того, чтобы сформулировать собственную концепцию взаимодействия души и тела, Декарту необходимо было отыскать некий физический орган, в котором они могли бы сочетаться. Поскольку он, в соответствии с давней философской традицией, считал душу абсолютно простой по строению, то есть не имеющей внутри себя никаких составных частей, то взаимодействовать она могла только с каким-нибудь одним телесным органом. По его убеждению, такой орган должен находиться где-то в мозге, поскольку опытные данные показывали, что впечатления движутся от периферии в мозг и, наоборот, все импульсы движения исходят из мозга. Было совершенно ясно, что мозг во всех психических процессах играет какую-то особую роль.

Необходимо было отыскать такую структуру в мозге, которая была бы одновременно единой и единственной (то есть не имела бы внутренних подразделений и не дублировалась бы в каждом из полушарий мозга). Такой структурой - с точки зрения Декарта - является шишковидное тело или сопапит. Именно этот мозговой орган он и объявил местом встречи души и тела.

Декарт описывает это взаимодействие в типично механистической манере: движущиеся по нервным трубкам животные соки определенным образом запечатлеваются в шишковидном теле, и на этой основе ум создает чувственные образы, восприятия. Иными словами, количество движения (поток животных соков) создает душевное качество (восприятие). Справедливо и обратное: ум неким образом запечатлевает себя в шишковидном теле (не совсем понятно, правда, как это происходит), а последнее, в свою очередь, отклоняясь в ту или иную сторону, направляет токи животных соков к тем или иным мускулам тела. В результате же возникает физическое движение. Таким образом психическое состояние человека вызывает свойственные его телу физические движения.

Учение об идеях

Учение Декарта об идеях оказало существенное влияние на развитие современной психологии. По его мнению, в голове человека содержатся идеи двух типов: врожденные

и приобретенные. **Идеи приобретенные*** - это такие идеи, которые возникают на основе опыта, непосредственного контакта с предметами внешнего мира - например, со звуком колоколов или видом дерева. Приобретенные идеи являются результатом чувственного опыта.

Врожденные идеи* берут начало не от объектов внешнего мира, но существуют исключительно в нашем уме, сознании. Их существование не зависит от чувственного опыта, хотя они могут обнаруживать себя в тех или иных жизненных ситуациях. К врожденным идеям, с точки зрения Декарта, относятся идея Бога, идея Я, идеи совершенства и бесконечности.

В последующих главах мы увидим, что учение о врожденных идеях привело к появлению так называемой нативистской теории восприятия (наша способность восприятия носит врожденный, а не приобретенный характер), что, в свою очередь, повлияло на развитие гештальт-психологии. Такое разграничение важно также и потому, что оно проявилось впоследствии в противостоянии ранних эмпириков и ассоцианистов. Среди ассоцианистов можно назвать Джона Локка, а среди поздних эмпириков - Германа фон Гельмгольца и Вильгельма Вундта.

Работы Декарта послужили мощным катализатором для целого ряда течений, впоследствии сыгравших существенную роль в истории психологии. Огромное значение имеют его механистическая концепция тела, теория рефлексов, представления о взаимодействии души и тела. Декарт впервые попытался применить механистическую концепцию к пониманию функционирования тела человека. Понятно, что в соответствии с общим механистическим духом эпохи, вскоре нашлись исследователи, попытавшиеся с механистических позиций истолковать и работу человеческого ума. Рассмотрим подробнее этот важный момент истории психологии - попытку свести умственную деятельность человека к совокупности функций машины.

Врожденные идеи - идеи, источником которых является ум, сознание само по себе, независимо от чувственного опыта и внешних стимулов.

Эмпиризм и ассоцианизм: знание и опыт

В середине XIX века, через 200 лет после смерти Декарта, долгий период господства донаучной психологии подошел к концу. В это время европейской философской мыслью овладела новая мода - **позитивизм***. Это учение, как и сам термин, берет начало от работ французского философа Огюста Конта (1798-1857), который, говорят, узнав, что скоро умрет, заявил, что с его смертью мир понесет безвозвратную потерю.

Конт поставил перед собой поистине титаническую задачу - подвергнуть систематическому пересмотру все человеческое знание. Для того, чтобы сделать это намерение несколько более реальным, он решил ограничить свою работу использованием только бесспорных данных - тех фактов, которые установлены с помощью строгого научного метода. С его точки зрения, в достаточной мере надежными могут считаться только те факты, которые поддаются объективному научному наблюдению. Все

* приобретенные идеи - идеи которые происходят из опыта, под воздействием объектов внешнего мира

* врожденные идеи - идеи, источником которых является ум, сознание само по себе, независимо от чувственного опыта и внешних стимулов

* позитивизм - учение, признающее действительным только те явления и факты, которые поддаются наблюдению.

спекулятивные или метафизические утверждения, полученные чисто логическим путем, были объявлены иллюзорными и отвергнуты.

Позитивизм - учение, признающее действительными только те явления и факты, которые поддаются наблюдению.

Материализм - философское учение, утверждающее, что все события во Вселенной могут быть объяснены в физических терминах, как различные проявления материи и ее свойств.

Эмпиризм - философская позиция, объявляющая единственным источником познания наблюдение за природой, эмпирический опыт.

Принятие позитивистской ориентации означало, что отныне ученые должны полагаться на заключения только вполне определенного типа. Эту позицию можно выразить следующим образом: «Доверять можно лишь свидетельствам наших чувств, только они дают научные знания. Все остальное - попросту бессмыслица!» (Robinson. 1981. P. 333). Такой <бессмыслицей> оказались все традиционные философские и теологические проблемы. Лишь научное знание достойно признания.

Антиметафизическая тенденция нашла подкрепление и в сфере собственно философского знания. Учение **материализма*** утверждало, что все события во Вселенной можно описать и объяснить природными факторами, как различные свойства материи и энергии. [Справедливости ради, следует отметить, что данное определение подходит только к материализму XVIII в. - Прим, перев.]

С точки зрения материализма даже сознание человека можно объяснить на основе знаний физики и химии. При этом в центре внимания материалистов находилось изучение физических характеристик - анатомических и физиологических структур мозга.

Третья группа философов стояла на позициях **эмпиризма***. Главной темой размышлений для них был вопрос о происхождении знания. По их мнению, единственным источником знания является чувственный опыт.

Позитивизм, материализм и эмпиризм послужили философским обоснованием нарождающейся научной психологии. Однако главная роль - среди трех названных направлений - принадлежит, безусловно, эмпиризму. Именно он в качестве центральной ставил перед собой задачу исследовать, как крепнет разум человека, как множатся его знания. Согласно данной точке зрения, познание осуществляется преимущественно путем аккумуляции чувственных впечатлений. Эта позиция противостоит нативистской концепции Декарта, согласно которой часть идей, имеющих для процесса познания важнейшее значение, носит врожденный характер. В нашем изложении мы коснемся позиций некоторых крупнейших английских эмпириков: Джона Локка, Джорджа Беркли, Давида Юма, Давида Гартли, Джемса Милля и Джона Стюарта Милля.

* материализм - философское учение, утверждающее, что все события во Вселенной могут быть объяснены в физических терминах, как различные проявления материи и ее свойств.

* эмпиризм - философская позиция, объявляющая единственным источником познания наблюдение за природой, эмпирический опыт.

Джон Локк (1632-1704)

Джон Локк родился в семье мелкого чиновника-юриста, учился в университетах Лондона и Оксфорда. Степень бакалавра он получил в 1656 году, и вскоре после этого защитил диссертацию на звание магистра. В течение нескольких лет Локк преподавал в Оксфорде греческий язык, литературу и философию, а потом занялся еще и медицинской практикой. Впоследствии Локк увлекся политикой, переехал в Лондон и поступил на службу секретарем к графу Шефтсбери. Вскоре он стал доверенным лицом и другом этого политического деятеля, известного своим полемическим дарованием.

Влияние Шефтсбери в правительстве, однако, падало, а в 1681 году, после участия в неудачном заговоре против Карла II он вынужден был бежать в Голландию. Хотя сам Локк непосредственно не был замешан в заговоре, дружба с Шефтсбери навлекла подозрения и на него, и ему так же пришлось скраться в Голландии. Через несколько лет, когда можно было уже вернуться в Англию. Локк становится уполномоченным по апелляциям и пишет несколько книг по проблемам образования, религии и экономике. Он отстаивает право людей на свободу совести и право самим распоряжаться собственной жизнью. Эти работы приносят ему широкую известность по всей Европе. Локк становится одним из лидеров либеральной мысли. Некоторые его идеи легли в основание Декларации независимости Соединенных Штатов Америки.

В области психологии наиболее значительным произведением Локка является его «Опыт о человеческом разуме» (*An Assay Concerning Human Understanding*. 1690). В этой работе, которая явилась результатом напряженного двадцатилетнего труда, содержится наиболее полное изложение его взглядов. За период до 1700 года книга выдержала четыре издания, была переведена на французский язык и латынь. Именно с момента появления этой работы можно вести отсчет истории британского эмпиризма.

Как возникает знание?

В центре внимания локковской системы стояли вопросы теории познания. Каким образом происходит познание, как возникает новое знание? Локк, в противоположность Декарту, отрицает существование врожденных идей. От рождения человек не обладает никакими знаниями, все приходит с опытом. Локк признает, что некоторые идеи, например, идея Бога, могут показаться взрослому человеку врожденными. Но это происходит только потому, что мы усвоили эту идею в раннем детстве и просто не помним себя без нее. Таким образом, врожденный характер некоторых идей - не более чем иллюзия. Появление абсолютно всех идей можно объяснить через обучение и привычку.

Каким же образом появляется знание? По Локку, все знание исходит только из опыта. Он писал:

Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей... Откуда он приобретает тот обширный их запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение нарисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда получает весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из опыта. На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит. (Локк Дж. Соч. М. 1985. Т. 1. С. 154.)

За многие века до этого сходные мысли высказывал Аристотель: ум человека при рождении представляет собой *tabula rasa* - чистую доску, на которой опыт запечатлевает свои отметки.

Ощущения и рефлексия

По Локку, существуют два различных вида опыта: внешний и внутренний. Один из них основывается на чувствах, другой - на осмыслении своих собственных действий и состояний - другими словами, рефлексии. Те идеи, которые происходят из чувств (то есть на основе непосредственного воздействия объектов внешнего мира на органы чувств), представляют собой простые чувственные впечатления. Эти чувственные впечатления воздействуют на наш ум, а тот, в свою очередь, оперирует с чувственными впечатлениями, наблюдая за собственной деятельностью. На основе наблюдения за деятельностью ума и возникает опыт рефлексии. Этот внутренний, рефлекторный опыт вторичен по отношению к опыту внешнему, чувственному.

В процессе развития индивида сначала появляется чувственный опыт, поскольку прежде надо иметь то, что может подвергаться рефлексии. Рефлексируя, мы вспоминаем прежние чувственные впечатления, комбинируем и обобщаем их, создавая тем самым абстракции и идеи более высокого порядка. Таким образом, все идеи возникают на основе чувственного опыта и опыта рефлексии, но конечным источником познания все же остается чувственный опыт.

Простые и сложные идеи

Локк различает простые и сложные идеи. **Простые идеи*** появляются на основе как чувственного, так и рефлективного опыта, и пассивно воспринимаются нашим умом. Простые идеи совершенно элементарны, они не содержат в себе никаких частей и потому не поддаются анализу или сведению к каким-либо еще более простым идеям. В процессе своей деятельности разум активно создает новые идеи путем комбинирования и сочетания различных простых идей между собой. Эти новые производные идеи Локк называет **сложными идеями***. Они состоят из ряда простых идей, а потому поддаются анализу и могут быть разложены на компоненты.

* Простые идеи - элементарные идеи, возникающие на основе чувственного опыта или опыта рефлексии. Сложные идеи - идеи производного характера, которые состоят из ряда простых идей. Такие идеи поддаются анализу и могут быть разложены на ряд более простых компонентов.

* сложные идеи - идеи производного характера, которые состоят из ряда простых идей. Такие идеи поддаются анализу и могут быть разложены на ряд более простых компонентов.

Теория ассоциаций

Представление о сочетании или соединении идей и обратный процесс их анализа открывает эпоху так называемого психохимического подхода, развиваемого в **теории ассоциаций***. Согласно этой точке зрения, простые идеи могут взаимосвязываться и образовывать таким образом сложные идеи. Собственно, ассоциация - это тот самый процесс, который современные психологи называют научением. Представление о возможности редукции, сведения всей психической жизни человека к набору простых идей или элементов, а также объяснение сложных идей через ассоциацию простых лежит в основании всей современной научной психологии. Как и часовой механизм, который можно разобрать и собрать, создавая на этой основе новые, более сложные машины, идеи сознания так же можно анализировать и ассоциировать.

С точки зрения Локка, сознание человека работает в полном соответствии с законами физики. Элементами психики, своеобразными психическими атомами, являются простые идеи. Они представляют собой полный аналог материальных атомов в механистической галилеевско-ньютоновской системе Вселенной. Базовые элементы психики (простые идеи) неделимы, как и их материальные аналоги. Из их сочетаний и комбинаций образуется все многообразие знаний. Создание теории ассоциаций можно считать важным этапом на пути развития представлений о характере деятельности как психики, так и тела - по аналогии с работой машины.

Первичные и вторичные качества

Большое значение для ранней истории научной психологии имеет локковское различение первичных и вторичных качеств. **Первичные качества*** существуют вне зависимости от нашего восприятия. Примером такого рода первичных качеств будут, скажем, размеры и форма здания. Цвет фасада - это пример вторичных качеств. Такие характеристики, как цвет предмета, зависимы от восприятия человеком. Разные люди видят те или иные цвета по-разному. **Вторичные качества*** - такие как цвет, запах, звук и вкус - существуют не сами по себе, а через наше восприятие. Например, если пощекотать у человека перышком в носу, то возникающий при этом чих характеризует не перышко, а нашу реакцию, на прикосновение пера. Равным образом и боль, возникающая от пореза, говорит не о ноже, а о нашей реакции на рану.

Эти свои представления Локк иллюстрирует при помощи следующего простого опыта: возьмем три емкости, заполненные водой. В одну емкость нальем холодную воду, во вторую - теплую, а в третью - горячую. Далее, опускаем левую руку в сосуд с холодной водой, а правую - в горячую воду. Затем помещаем обе руки в сосуд с теплой водой. При этом одна рука будет ощущать эту воду как теплую, а другая - как холодную. Понятно, что теплая вода не меняет своей температуры ни в первом, ни во втором случае. Вторичные качества существуют лишь в нашем восприятии объекта, но не присущи объекту самому по себе (в данном случае, воде). Еще один пример: если не надкусить яблоко, то и не возникнет ощущения его вкуса. Первичные же качества того же самого объекта (яблока) существуют вне зависимости от того, воспринимаются они кем-нибудь или нет. Вторичные качества проявляются только при самом акте восприятия.

* Теория ассоциаций - концепция, согласно которой сложные идеи образуются путем соединения или ассоциации простых идей.

* первичные качества - такие характеристики объекта, которые присущи ему вне зависимости от его восприятия (например, размеры и форма предмета)

* вторичные качества - такие характеристики, которые присущи только нашему восприятию предмета, а не предмету самому по себе (например, цвет, запах).

Конечно, Локк не был первым, кто обратил внимание на подобное различие первичных и вторичных качеств. В свое время Галилей высказывал нечто весьма сходное: «Я полагаю, что если бы мы каким-либо образом лишились ушей, языков и носов, то форма, число и движение предметов [первичные качества] все же остались бы в то время, как все запахи, звуки и вкус [вторичные качества] исчезли бы. По моему мнению, последние есть не более, чем просто имена, если отделить их от живых существ» (цит. по: Voas. 1961. P. 262).

Подобные взгляды полностью согласуются с механистическим воззрением на мир, согласно которому он весь состоит лишь из движущейся материи. Если вся объективная реальность представляет собой материю, то любые восприятия - цвет, запах и вкус, есть не что иное, как реальность субъективная. А те характеристики предметов, которые присущи им независимо от какого бы то ни было восприятия, - это первичные качества.

Проводя разграничение первичных и вторичных качеств, Локк тем самым фактически признал субъективный характер большей части человеческих восприятий. Это обстоятельство заинтересовало его и побудило заняться исследованием процесса познания. Собственно, представление о вторичных качествах и появляется как попытка справиться с трудностями проведения строгого соответствия между физическим миром и значительной частью нашего его восприятия.

Однако, коль скоро мы допускаем - хотя бы теоретически - существование первичных и вторичных качеств, одни из которых обладают объективным существованием, а другие - только субъективным и не существуют вне восприятия, то рано или поздно должен был появиться кто-то, кто задался бы вопросом: а существуют ли подобные различия между первичными и вторичными качествами на самом деле? Не являются ли все восприятия вообще субъективными, зависящими от наблюдателя, и в этом смысле - вторичными? Философом, который поставил такой вопрос и попытался дать на него развернутый ответ, был Джордж Беркли.

Джордж Беркли (1686-1753)

Джордж Беркли родился и получил образование в Ирландии. Будучи глубоко религиозным человеком, он был посвящен в сан дьякона англиканской церкви в возрасте 24 лет. Вскоре после этого он опубликовал две философские работы, оказавшие большое влияние на развитие психологии – «Новая точка зрения» (An Assay Towards a New Theory of Vision, 1709) и «Трактат о принципах человеческих знаний» (A Treatise Concerning the

Principles of Human Knowledge, 1710). Однако, можно сказать, что на этом его вклад в психологию и закончился.

Беркли много путешествовал по Европе, переменял множество различных занятий, включая и преподавание в Тринити колледж в Дублине. Однажды на званом обеде он разговорился с некой дамой. Спустя некоторое время дама преподнесла ему в дар весьма значительную сумму денег, что позволило Беркли в итоге обрести финансовую независимость. Он посетил Соединенные Штаты, провел три года в Ньюпорте и Род-Айленде. Уезжая, он подарил свой дом и библиотеку Йельскому университету. В последние годы жизни он занимал пост епископа г. Клойна. После смерти тело Беркли, в соответствии с его волей, оставалось не погребенным в постели до тех пор, пока не начало разлагаться. Он полагал, что это - единственный надежный признак смерти, ему вовсе не хотелось быть похороненным заживо.

Слава Беркли, или, по крайней мере, его имя - живы в Соединенных Штатах до сих пор. В 1855 году преподобный Генри Дюран, священник из Йела, основал школу в Калифорнии. Он назвал ее именем Беркли в память о славном епископе, а может, в честь одной из его поэм под названием «По поводу перспективы развития искусств и образования в Америке», в которой содержатся такие часто цитируемые строки: «Путь империи лежит на запад».

Быть - значит быть в восприятии

Беркли полностью принимал тезис Локка о том, что все наши знания о внешнем мире происходят из опыта, но отвергал различие первичных и вторичных качеств. По мнению Беркли, все качества - вторичные. Все знания являются достоянием человека, представляют собой функцию опыта. Через несколько лет его позиция получила название **ментализма***, что подчеркивает то обстоятельство, что для Беркли весь мир представляет собой не более чем некое субъективное, психическое явление.

Он утверждал: *esse est percipi*, что в переводе с латинского означает «быть - значит быть в восприятии». Нам недоступны истинные характеристики внешнего, объективного мира, поскольку все, что мы о нем можем знать, - это наше восприятие. Но поскольку восприятия - внутренние ощущения человека и потому субъективны, они не могут с достоверностью считаться отражением внешнего, объективного мира. То, что мы называем объектом, - не что иное, как сочетание различных ощущений в один целостный комплекс, который привычка впоследствии закрепляет как единое целое. Таким образом, по Беркли, чувственный мир есть не более чем сочетание различных ощущений.

Нет ни одной материальной субстанции, в существовании которой мы можем быть в достаточной мере уверены, поскольку, если отвлечься от всех ощущений, не остается ровным счетом ничего. Вне ощущений не существует цвета. Равным образом вне ощущения формы или движения нет ни формы, ни движения.

Беркли не утверждал, что физические объекты в действительности существуют только в то время, когда их кто-либо воспринимает. Его позиция состоит в следующем: поскольку весь наш опыт существует внутри нас и неотделим от ощущений, то у нас нет достаточно надежного доступа к объективным характеристикам предметов внешнего мира. Мы можем с достоверностью полагаться только на собственные ощущения.

* ментализм - воззрение, согласно которому все знания есть функции психических процессов. Это означает, что весь процесс познания зависит от воспринимающего мир человека, носителя опыта.

Беркли признавал, что некоторые впечатления обладают определенной независимостью, стабильностью и согласованностью, поэтому ему необходимо было найти объясняющий это обстоятельство фактор. Выход был найден при помощи введения в предложенную схему понятия Бога (поскольку Беркли был все же священником). Бог воспринимает все, что происходит в мире. Если где-нибудь в лесу упадет дерево (такова старинная загадка) и не будет никого, кто мог бы услышать это, то звук все же будет существовать, потому что есть Бог, который всегда все слышит.

Взаимосвязь ощущений

Для объяснения процесса познания Беркли использовал теорию ассоциаций. Наши знания преимущественным образом есть сочетания взаимосвязанных простых идей, отдельных психических элементов. То есть сложные представления представляют собой комбинации ряда простых, возникающих благодаря имеющимся у нас органам чувств. Этот момент Беркли рассматривает в своем труде «Новая точка зрения» (An Essay Towards a New Theory of Vision).

Сидя в моем рабочем кабинете, я слышу, что вдоль улицы едет карета: я смотрю в окно и вижу ее: выхожу и сажусь в нее. Так. повседневная речь склоняет каждую думать, что он слышал, видел и осязал одну и ту же вещь, а именно карету. Тем не менее на самом деле идеи, вводимые каждым отдельным чувством, совершенно различны и независимы друг от друга; но так как они постоянно наблюдаются вместе, то и высказываются как бы об одной и той же вещи. (Перевод фрагмента приводится по русскому изданию: Беркли Дж. Соч. М. 1978. С. 73.)

Сложное представление кареты состоит из звука ее колес по булыжной мостовой, ощущения прочности ее корпуса, свежего запаха кожаных сидений и зрительного образа ее внешнего вида. Наше сознание конструирует сложное восприятие, соединяя между собой базовые психические строительные блоки - простые представления. Причем механическая аналогия и использование терминов «конструирует» и «строительные блоки» в данном случае не случайны.

Беркли использует идею ассоциаций для объяснения так называемого глубинного, пространственного зрения. Он исследует то, каким образом мы воспринимаем третье измерение, если принять во внимание, что человеческий глаз способен воспринимать лишь два измерения. С его точки зрения, мы воспринимаем трехмерные изображения благодаря предшествующему опыту, проводя ассоциации данного ощущения с другими зрительными ощущениями, которые мы имели прежде, рассматривая этот предмет с различных расстояний. Иными словами, продолжительный опыт рассматривания данного предмета с различных сторон и на различном расстоянии накладывается на непосредственные ощущения, вызываемые сокращениями глазных мускулов. Все это в совокупности дает нам ощущение глубины восприятия. Таким образом, по Беркли, трехмерное восприятие объекта - не элементарное восприятие, а ассоциативное и многоплановое, которое усваивается нами в процессе научения.

В этом произведении Беркли пытается дать объяснение чисто психологических явлений на основе представления об ассоциативных ощущениях. Таким образом, он примыкает к растущей ассоцианистской волне в эмпирической философии. Его объяснение глубинного зрения в значительной мере предвосхитило современные представления об аккомодации и конвергенции.

Давид Юм (1711-1776)

Давид Юм, известный шотландский философ и историк, получил образование в университете г. Эдинбурга. Однако ему не довелось закончить полный курс. Он попробовал себя в коммерции, но скоро обнаружил, что это дело не для него. В итоге он отправился во Францию изучать философию. После этого Юм вновь вернулся в Англию, где вскоре приобрел известность и славу как литератор. Его наиболее значительной работой в области психологии считается «Трактат о природе человека» (A Treatise of Human Nature, 1739). В своей жизни он также побывал государственным чиновником, адвокатом в военной экспедиции и наставником страдающего лунатизмом отпрыска одного благородного семейства.

Юм разделял представления Локка об объединении ряда простых идей в сложные, однако подверг существенному пересмотру его теорию ассоциаций. Он был согласен с Беркли в том, что материальный мир не существует для индивида до тех пор, пока он не доступен наблюдению. Однако Юм пошел дальше. С точки зрения Беркли, Бог непрерывно воспринимает мир и тем самым выступает гарантом стабильности и постоянства физических объектов. Юм же задает следующий вопрос: что будет, если убрать идею Бога из этой картины?

По мнению Юма, в этом случае у нас не будет никакой возможности знать, <существует ли что-либо вне нашего сознания. Если все знания о «внешнем мире» основываются только на наших представлениях и, следовательно, носят опосредствованный характер, то мы в принципе не можем с уверенностью сказать, существует ли на самом деле «внешний мир» или нет... Возможно, он существует, а возможно, и нет; однако у нас нет оснований утверждать что-либо определенное (Wilcox. 1992. P. 38).

Впечатления и идеи

Юм проводил различие между впечатлениями и «идеями». Впечатления являются базовыми психическими элементами; в современной терминологии - это ощущения или восприятие. Идеи же, появляющиеся у человека в связи с пережитыми ощущениями, - это мысленные переживания, возникающие в отсутствие стимуляции от внешних объектов; в современной терминологии - это воображение.

Юм не пытался дать определение впечатлениям и идеям в терминах физиологии. Он также был в достаточной мере осторожен, чтобы утверждать или отрицать, что впечатления полностью соответствуют наблюдаемому объекту. Впечатления отличаются от идей не по источнику возникновения, а по своей относительной силе. Впечатления представляют собой более сильные и яркие образования, в то время как идеи - просто

слабые копии впечатлений. И те и другие психические элементы могут быть как простыми, так и сложными. Простые идеи сходны с простыми впечатлениями. Сложные идеи не обязательно должны иметь сходство с какой-либо простой идеей, поскольку в ходе объединения нескольких простых составляющих благодаря ассоциациям могут возникать совершенно новые комбинации.

Юм выявил два закона ассоциации: **закон сходства***, или **подобия**, и **закон смежности***, или **ассоциации**, во времени и пространстве. Чем более сходны идеи друг с другом, чем более они близки в пространстве и времени, тем с большей вероятностью между ними образуется ассоциативная связь.

В целом позиция Юма близка к механистическому взгляду на мир и продолжает линию эмпиризма и ассоцианизма. С его точки зрения, подобно тому, как астрономы определяют законы движения небесных тел, так и в психологии можно открыть законы строения <психической> Вселенной. По мнению Юма, законы ассоциации представляют собой некий психический аналог закона тяготения в физике. Подобно тому, как закон тяготения является основным законом физики, законы ассоциации являются универсальными принципами умственной деятельности человека. Позиция Юма дала дополнительные подтверждения взглядам, согласно которым сложные представления образуются путем механического комбинирования простых.

Давид Гартли (1705-1757)

Давид Гартли, сын министра, первоначально готовил себя к церковной карьере. Но из-за разногласий с господствующей доктриной он обратился к медицине. Гартли прожил тихую, лишенную громких событий жизнь врача. Свой досуг он посвящал занятиям философией. В 1749 году он опубликовал работу под названием «Размышления о человеке, его строении, его долге и упованиях»* (Observations on Man. His Frame, His Duty, and His Expectations). Это произведение Гартли многие ученые считают первым систематическим исследованием по проблеме ассоциаций.

* Закон сходства: чем более сходны идеи между собой, тем с большей вероятностью между ними возникают ассоциативные связи.

* Закон смежности: чем более близки идеи в пространстве и времени, тем с большей вероятностью между ними возникают ассоциации.

* Существует русский перевод в сборнике: Английские материалисты XVIII в. Собр. произв. Т. 2. М., 1967. – Прим. перев.

Законы смежности и повторяемости

С точки зрения Гартли, основным законом ассоциации является закон смежности, на основе которого он пытался объяснить явления памяти, рассудка, эмоций, воли и произвольных действий. Идеи или впечатления, которые обычно встречаются вместе - одновременно или последовательно, - ассоциируются между собой, так что одна идея ведет к появлению другой. Кроме того, Гартли высказал предположение, что **повторяемость*** впечатлений так же является достаточным основанием для возникновения ассоциаций.

Он был согласен с Локком в том, что все наши знания происходят из опыта, - врожденных ассоциаций нет, как нет и знаний, которыми человек обладает от рождения. По мере взросления человека и накопления многообразных чувственных впечатлений появляются все более сложные психические связи между его идеями, все множатся ассоциации. В зрелости человек достигает высшего уровня развития умственной деятельности. Однако высшие мозговые функции, такие как мышление, вынесение суждений и умозаключений, при помощи анализа могут быть сведены к набору элементарных ощущений. Именно Гартли первым попытался дать систематическое объяснение всем видам умственной деятельности на основе теории ассоциаций.

Влияние механицизма

Как и многие другие философы до него, Гартли воспринимал мир с механистических позиций. Однако в одном отношении он безусловно превзошел прочих эмпириков и ассоцианистов. Он не только пытался объяснить психологические процессы, руководствуясь механическими принципами, но и старался раскрыть лежащие в основе физиологические процессы. Для него с его медицинским опытом такая попытка была вполне естественной.

По мнению Исаака Ньютона, одной из основных характеристик любого импульса в физическом мире являются его волновые свойства, вибрации, Гартли применил эту идею к пониманию функционирования мозга и нервной системы в целом. Можно сказать, что в своих работах он предвосхитил многие идеи современной нейропсихологии (Smith. 1987). Посредством вибрации импульсы передают по нервам (Гартли считал их цельными структурами, а не полыми трубками, как Декарт) из одной части тела в другие. Эти вибрации порождают малые колебания в мозге. С точки зрения Гартли, мозговые вибрации и являются физиологической основой появления идей у человека. Значение этой доктрины состоит в том, что она представляет собой еще один пример использования механистической модели Вселенной для понимания природы человека.

* закон повторяемости - чем чаще две идеи повторяются, тем более велика вероятность образования между ними ассоциативной связи

Джемс Милль (1773-1836)

Джемс Милль получил образование в университете г. Эдинбурга в Шотландии. В течение непродолжительного времени он служил священником. Обнаружив, что никто из прихожан не понимает его проповедей, он оставил службу в церкви и попробовал себя в качестве писателя. Над одной из своих наиболее популярных работ под названием «История Британской Индии» (History of British India) он трудился в течение одиннадцати лет. Наибольший интерес для истории психологии представляет его книга «Анализ феноменов человеческого ума» (Analysis of the Phenomena of the Human Mind, 1829).

Ум как машина

Джемс Милль применил механистическую доктрину к пониманию умственной деятельности человека с редкой прямоотой и последовательностью. Он поставил себе целью изгнать из науки идею субъективности или психической деятельности и доказать, что человеческий ум есть не более чем машина. С его точки зрения, эмпирики, объявлявшие, что ум человека действует подобно машине, были вполне правы. Ум в действительности и есть машина - он функционирует точно так же, как часовой механизм. Он приводится в действие внешними физическими силами, а затем функционирует под воздействием внутренних физических сил.

По мнению Джемса Милля, ум есть некая пассивная структура, приводимая в движение только внешними стимулами. В ответ на эти стимулы человек реагирует автоматически. То есть, по словам Милля, мы вообще не обладаем способностью действовать спонтанно. Понятно, что в такой концепции свободной воле попросту нет места. Подобные взгляды до сих пор присутствуют в современной психологии, ведущей свое происхождение от механистической позиции. Наиболее значительная из концепций подобного рода - бихевиоризм Б. Ф. Скиннера.

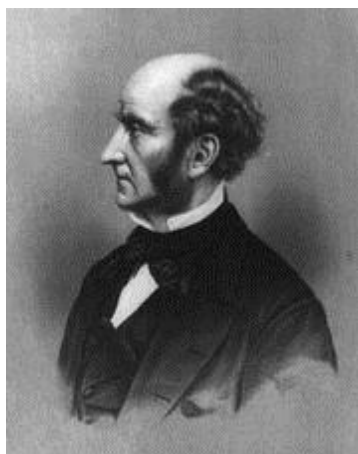
Как это отражено в названии главного его произведения, Джемс Милль в качестве основного метода исследования предлагал метод анализа, сведения психических явлений к их элементарным составляющим. Это вариант все той же механистической доктрины. Для того, чтобы изучить то или иное явление - все равно, в физическом мире или психическом, все равно, касается это часового механизма или возникающих идей, - необходимо разложить его на составные части. Милль отмечал, что «четкое знание элементов совершенно необходимо для того, чтобы составить себе ясное представление о том целом, которое из них состоит» (Mill. 1829. Vol. 1. P. 1).

По его мнению, единственными психическими элементами являются ощущения и идеи. Как нам это уже известно из эмпирико-ассоцианистской традиции, познание начинается с

ощущений, затем через процессы ассоциации образуются сложные идеи все более высокого уровня. Ассоциации же зависят от смежности понятий и их согласованности и могут носить одновременный или последовательный характер.

По убеждению Милля, ум человека не обладает никакими творческими функциями: ассоциации - это процесс автоматический, пассивный. Те ощущения, которые встречаются вместе в определенном порядке, в том же порядке будут воспроизведены и в идеях. Возникающие в результате подобных механических ассоциаций идеи есть не что иное, как сумма некоторых индивидуальных психических элементов.

Джон Стюарт Милль (1806-1873)

Джемс Милль вполне мог бы подписаться под заявлением Локка о том, что ум ребенка при рождении представляет собой чистый лист бумаги, на котором жизненный опыт запечатлевает свои письмена. Когда у него родился сын Джон, Милль поклялся, что он сам решит, какие именно впечатления наполнят ум ребенка. В итоге он создал одну из самых суровых систем домашнего воспитания. Каждый день в 5 часов утра он лично занимался с сыном греческим, латынью, алгеброй, геометрией, логикой, историей и политической экономией, донимая юного Джона вопросами до тех пор, пока тот не давал на все верные ответы.

В возрасте трех лет Джон уже читал Платона в оригинале, в 11 он написал свою первую научную работу, а в 12 лет - уже завершил стандартный университетский курс. В 18 лет он называл сам себя <логической машиной>, а в 21 - испытал тяжелейший депрессивный срыв. Он так описывает свое состояние в то время: <Я постоянно находился в унылом состоянии духа... Мне казалось, что жить совершенно незачем> (J. S. Mill. 1873/1961. P. 83). Для того чтобы справиться с недугом и восстановить чувство собственной значимости, ему потребовалось несколько лет.

В течение многих лет он трудился в Ост-Индской компании, разбирая рутинную документацию, касающуюся английского правления в Индии. В возрасте 24 лет он влюбился в милую и образованную женщину по имени Гарриет Тэйлор, которая к тому времени уже была замужем. Миссис Тэйлор оказала большое влияние на его занятия. Когда 20 лет спустя мистер Тэйлор умер, Милль и миссис Тэйлор наконец поженились. Впоследствии Милль опубликовал работу под названием «Порабощение женщины» (The Subjection of Women), которая была написана по настоянию его дочери, а вдохновлена, несомненно, брачным опытом миссис Тэйлор в первом ее замужестве (J. S. Mill. 1873/1961).

Милль был возмущен тем, что женщины не имели финансовых и иных прав собственности. Он сравнивал их положение с положением других ущемленных групп. Он осуждал те представления, по которым женщина должна подчиняться сексуальным требованиям своего супруга вне зависимости от собственных желаний, даже против своей воли. Он также осуждал запрещение разводов на основании сексуальной несовместимости. С его точки зрения, брак в большей степени представляет собой партнерство между равными участниками, нежели отношения раба и господина (Rose. 1983).

Впоследствии основатель психоанализа Зигмунд Фрейд перевел на немецкий эссе Милля о правах женщин. В письмах к своему финансисту он едко высмеивал миллевское требование равенства полов. Фрейд писал: «Позиция женщины никогда не может быть иной, чем она есть сейчас: достойная восхищения возлюбленная в юности и обожаемая жена в зрелом возрасте» (Freud. 1883/1964. P. 76).

Ментальная химия

Благодаря своей научной плодовитости Джон Стюарт Милль стал весьма популярным и влиятельным автором в развивающейся научной психологии. Он подверг критике позицию своего отца, Джемса Милля, по вопросу о пассивности человеческого ума, действующего только под влиянием внешних стимулов. По Джону Стюарту Миллю, ум играет активную роль в выработке ассоциативных идей. Сложные идеи не есть Просто результат суммирования нескольких простых идей. В ходе процесса ассоциирования возникают новые качества, отсутствующие у составных элементов.

Например, если смешать между собой синий, красный и зеленый цвет в надлежащей пропорции, то в конце концов вы получите белый цвет - совершенно новое качество. С позиций такого **творческого синтеза***, сочетание нескольких психических элементов всегда порождает новое, отличное от исходного, качество.

На развитие взглядов Джона Стюарта Милля значительное влияние оказало изучение химии. Именно из химии он и позаимствовал модель психических процессов, альтернативную физической, механической модели, оказавшей столь сильное влияние на его отца и на всё поколение эмпириков и ассоцианистов. Ведущей моделью в химии является модель синтеза. В процессе синтеза всегда возникает некое новое качество, не сводимое к качествам исходных частей или элементов. Составленное в соответствующих пропорциях соединение водорода и кислорода - это вода, новое качество, отсутствовавшее у исходных компонентов. Аналогичные процессы происходят и при ассоциировании ряда простых идей в сложную. Милль назвал подобные процессы синтеза через ассоциацию идей ментальной химией.

Еще одним несомненным вкладом Милля в развитие психологии является то, что он отстаивал возможность научного познания в психологии. Он высказывал эту точку зрения тогда, когда другие философы, и среди них Огюст Конт, отрицали саму возможность научного изучения психики. Милля также можно считать и основателем новой сферы научных исследований, названной им этиологией. Эта наука занимается изучением факторов, влияющих на развитие личности человека.

* творческий синтез - представление о том, что сложные идеи, возникающие на соединения ряда простых психических элементов, обладают новыми качествами, не сводимыми к качествам элементов. Синтез простых идей порождает нечто большее, чем просто их сумму.

Вклад эмпиризма в развитие психологии

Становление эмпиризма существенным образом повлияло на сам характер философского мышления. И хотя проблематика исследований оставалась в основном прежней, подход к изучаемым проблемам стал существенно иным: атомистическим, механистическим и позитивистским. Вспомним основные принципы эмпиризма. Это: подчеркивание первичной роли чувственного опыта в познании, аналитическое разложение опыта сознания на элементы, образование сложных идей вследствие проведения ассоциации с рядом простых идей, а также акцент на сознательные психические процессы. Совершенно очевидно, что в становлении научной психологии эмпиризм сыграл значительную роль.

К середине XIX века философия в области изучения психики и сознания сделала все, что могла: были сформулированы основные принципы научного изучения природы человека*. Теперь дело было за практическим воплощением этих теоретических принципов. Первое слово в этом процессе было сказано физиологами, заложившими своими экспериментальными исследованиями основу и методологию новой научной психологии.

Вопросы для обсуждения

1. Расскажите о концепции механицизма. Каким образом идеи механицизма применяются для понимания человеческого бытия? Каким образом развитие часовых механизмов и автоматов повлияло на становление идей детерминизма и редукционизма?
2. Чем отличаются взгляды Декарта на проблему соотношения души и тела от более ранних представлений по этому поводу? Каким образом Декарт объяснил функционирование и взаимодействие тела человека и его души? Какова роль в этом процессе шишковидного тела?
3. Объясните различие между врожденными и приобретенными идеями?
4. Дайте определение позитивизму, материализму и эмпиризму. Каков вклад эмпиризма в развитие новой психологии?
5. Расскажите об эмпирической позиции Локка. Обсудите понятия ощущения и рефлексии, сложных и простых идей у Локка.
6. Как соотносятся позиция Локка и Беркли по поводу проблемы первичных и вторичных качеств? Что имел в виду Беркли, говоря: «Быть – значит быть в восприятии»?
7. Расскажите о ментально-химическом подходе к проблеме ассоциаций. Сравните между собой те варианты решения этой проблемы, которые предложены Дэвид Юм, Дэвид Гартли, Джеймс Милль и Джон Стюарт Милль. Сопоставьте взгляды на природу человеческого разума Джеймса Милля и Джона Стюарта Милля.

Рекомендуемая литература

- Ladnes, D.S. (1983) *Revolution in time: Clocks and the making of the modern world*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press. В работе рассматривается влияние развития часовых механизмов на становление общества и науки.
- Leary, D.E. (Ed.) (1990) *Metaphors in the history of psychology*. Cambridge, England: Cambridge University Press. В книге исследуется роль метафор для описания и понимания процессов ассоциации, объяснения, эмоций, мотивации, познания, поведения и сознания.

* Вряд ли можно согласиться с тем утверждением автора, что влияние философии на психологию было исчерпано к середине XIX века. Достаточно вспомнить такие философские направления XX века, как феноменологию и экзистенциализм. – Прим. перев

- Lowery, R. (1982) *The evolution of psychological theory: A critical history of concepts and presuppositions* (2nd ed.), Hawthorne, NY: Aldine. В книге анализируются основные предпосылки и допущения, на которых основывалось развитие психологии, начиная с психологического и физиологического механизма XVII века.
- Watson, R.I. (1971) A prescriptive analysis' of Descartes's psychological views, *Journal of the History of the Behavioral Science*, 7, 223-248. в статье рассматриваются представления Декарта о строении ума, а также о различии между телом и душой.

Глава 3

Влияние физиологии на психологию

Роль наблюдателя

Все началось из-за расхождения в пятьдесят секунд в наблюдениях двух астрономов. Англия, 1795 год. Директор гринвичской лаборатории Невил Масклайн заметил, что по его расчетам некая звезда движется из одной точки в другую несколько медленнее, чем это следует из расчетов его ассистента. Масклайн указал ассистенту на ошибку и предупредил его впредь быть внимательнее. Кажется, тот учел замечание, но позже разница только увеличивалась - через пять месяцев она составляла уже восемьдесят секунд. В итоге ассистент, имя которого осталось неизвестным, был уволен.

В течение последующих двадцати лет об этом казусе не вспоминали - до тех пор, пока им не занялся немецкий астроном Фридрих Вильгельм Бессель, который интересовался всевозможными погрешностями в измерениях. Он допустил, что ошибки, сделанные ассистентом Масклайна, на самом деле были не неточностями, а мо"ли быть отнесены к индивидуальным различиям - тем различиям между людьми, которые им совершенно неподконтрольны. Если так, рассуждал Бессель, то расхождения во времени должны быть у всех астрономов (это явление позже назвали <личным уравнением>). Бессель проверил свою гипотезу, и она подтвердилась. Разница в измерениях была обычным делом даже среди самых признанных астрономов.

Открытие Бесселя привело к двум выводам. Во-первых, оно означало, что астрономам следовало принимать во внимание так называемый фактор наблюдателя, так как личные характеристики человека и его восприятие тоже влияют на результаты наблюдения. Во-вторых, если роль наблюдателя должна учитываться в астрономии, то, несомненно, следует учитывать ее и в любой другой науке, которая использует метод наблюдения.

Рассуждая о субъективном характере человеческого восприятия, философы-эмпирики Локк и Беркли доказывали, что далеко не всегда - а скорее очень редко - имеет место точное соответствие между природой объекта и тем, как мы его воспринимаем. Бессель на материале точной науки - астрономии - наглядно проиллюстрировал подтверждение правильности этой же точки зрения.

Этот случай заставил ученых, стремившихся объяснить результаты своих экспериментов, обратиться к изучению субъективного фактора - роли наблюдателя. Исследования психологических процессов ощущений и восприятия начались с изучения человеческих органов чувств - тех физиологических механизмов, с помощью которых мы получаем информацию о внешнем мире. Ну а раз физиологи взялись за изучение восприятия, значит в недалеком будущем непременно должна была появиться такая новая наука, как психология.

Достижения ранней физиологии

Физиологические исследования, которые вдохновили и направляли новую психологию, относятся к концу XIX столетия. Естественно, и у этих изысканий была своя предтеча - более ранние работы, на которые они опирались. Физиология стала экспериментальной дисциплиной в 30-х годах прошлого столетия - главным образом под влиянием немецкого физиолога Иоганнеса Мюллера (1801-1858), отстаивавшего применение экспериментальных методов в физиологии. Мюллер занимал престижную должность профессора анатомии и физиологии в Берлинском университете. Как ученый, он был феноменально плодовит: из-под его пера, в среднем, выходило по одной научной работе каждые 7 недель; он поддерживал этот темп в течение 38 лет - пока однажды не кончил жизнь самоубийством во время приступа депрессии.

Один из наиболее влиятельных его трудов - многотомное «Руководство по физиологии человека» (Handbuch der Physiologie des Menschen), где подводится итог физиологическим исследованиям середины прошлого века и систематизируется большой объем знаний этой области. Руководство, выходящее с 1833 по 1840 годы, содержит цитаты из многих передовых в то время работ, что подтверждает широкое распространение экспериментальных методов в физиологии. Ну а то, как быстро были переведены на английский язык первый и второй тома книги (в 1838 и 1842 годах соответственно), говорит, в свою очередь, о величайшей потребности в таком труде в тот период.

И для физиологии, и для психологии огромное значение имел сформулированный Мюллером принцип «специфической энергии органов чувств». Мюллер предположил, что возбуждение определенного нерва всегда вызывает характерное ощущение, потому что в каждом рецепторном отделе нервной системы заложена собственная «специфическая энергия». Эта идея вдохновила множество исследователей, стремившихся в своих работах разграничить функции нервной системы и точно определить механизм действия всех периферийных сенсорных рецепторов.

Исследование функций мозга

На раннем этапе развития физиологии рядом ученых был сделан существенный вклад в изучение функций мозга. Для психологии значимость их работ определяется открытием специфических отделов головного мозга и разработкой методов исследования, которые позже стали широко применяться в физиологической психологии.

Пионером в исследованиях рефлекторного поведения был работавший в Лондоне шотландский врач Маршалл Холл (1790-1857), Холл заметил, что при стимуляции нервных окончаний обезглавленные животные в течение некоторого времени продолжают двигаться. Он заключил, что за различные стороны поведения отвечают разные отделы мозга и нервной системы. В частности, он предположил, что произвольные движения зависят от головного мозга, рефлекторные движения - от спинного мозга, бессознательные - от прямого возбуждения мышц и дыхательные - от костного мозга.

Профессор естествознания Французского колледжа в Париже Пьер Флоранс (1794-1867) в своих исследованиях наблюдал и регистрировал последствия разрушения частей головного и спинного мозга животных (в частности, голубей). Он пришел к заключению, что головной мозг управляет высшими психическими процессами, части среднего мозга - зрительными и слуховыми рефлексом, мозжечок - координацией движений, а костный мозг - сердцебиением, дыханием и прочими жизненными функциями.

В данном случае для нас важны не столько выводы Холла и Флоранса, в целом справедливые, сколько тот метод, который они использовали - **метод удаления***. Это технический прием, с помощью которого исследователь пытается установить функцию определенной части мозга, удаляя или уничтожая эту часть, и наблюдая за последующими изменениями в поведении животного.

В середине XIX века начали применять еще два экспериментальных подхода к изучению мозга: **клинический метод*** и электрическую стимуляцию. Клинический метод был предложен в 1861 году Полем Брока (1824-1880), хирургом одной из больниц для душевнобольных под Парижем. Брока произвел вскрытие трупа мужчины, который при жизни долгие годы не мог внятно говорить. При осмотре было выявлено поражение третьей лобной извилины коры головного мозга. Брока обозначил эту часть мозга как центр речи; позже за ней закрепилось название область Брока. Клинический метод стал прекрасным дополнением к методу удаления - ведь едва ли найдутся добровольцы, во имя науки готовые пожертвовать частью мозга. Удаление, проведенное после смерти, обеспечивает возможность исследовать поврежденную область мозга, которой приписывается ответственность за определенное поведение при жизни пациента.

Метод электростимуляции* для изучения мозга был впервые применен в 1870 году Густавом Фритшем и Эдуардом Хитцигом. Этот метод предполагает исследование коры головного мозга путем воздействия на ее участки слабыми электрическими разрядами. Проводя эксперименты с кроликами и собаками, Фритш и Хитциг обнаружили, что электростимулирование отдельных областей коры головного мозга у животных приводит к ответным моторным реакциям - таким как подергивание лап. С появлением более совершенного электронного оборудования электростимуляция стала весьма эффективным приемом для изучения функций мозга.

Исследования нервной системы

В середине XIX столетия проводилось большое число исследований структуры нервной системы и природы нервной деятельности. К первым теориям нервной деятельности относятся теория нервных «трубок» Декарта и теория вибрации Давида Гартли.

В конце XVIII века итальянский исследователь Луиджи Гальвани (1737-1798) предположил, что нервные импульсы имеют электрическую природу. Его племянник и последователь Джованни Альдини «смешал серьезное исследование с ледящим душу зрелищем. В одном из самых ужасных публичных экспериментов Альдини, призванном подчеркнуть эффективность электрического возбуждения для получения спазматических движений мускулов, использовались отсеченные головы казненных преступников» (Boakes. 1984. P. 96).

Исследования нервных импульсов росли числом и были такими убедительными, что к середине XIX века электрическая природа импульсов стала общепринятым фактом. Ученые полагали, что нервная система по существу является проводником электрических

* метод удаления - технический прием для установления функции определенной части мозга путем удаления или уничтожения этой части и последующего наблюдения изменений в поведении животного.

* клинический метод - посмертное исследование структуры мозга с целью обнаружения поврежденных участков, ответственных за различные поведенческие функции умершего.

* метод электрической стимуляции - исследование коры мозга путем воздействия на ее участки слабыми электрическими разрядами с целью наблюдения моторной реакции.

импульсов, а центральная нервная система функционирует подобно коммутатору, переключаящему импульсы на сенсорные или двигательные нервные волокна.

Такой взгляд был значительным шагом вперед по сравнению с теорией нервных <трубок> Декарта и теорией вибраций Гартли, но концептуально они похожи. Все эти подходы были рефлекторными. При таком подходе предполагается воздействие внешнего мира (в виде стимула) на орган чувств, вследствие чего происходит возбуждение нервного импульса, который перемещается к соответствующей точке мозга или центральной нервной системы. Там, в ответ на импульс, возникает новый импульс, который передается через двигательные нервы и вызывает определенную реакцию организма.

В XIX веке проводились изыскания и анатомической структуры нервной системы. Ученые установили, что нервные волокна состоят из отдельных структур, нейронов, которые определенным образом соединены между собой в точках, называемых синапсами. Эти выводы последовательно вытекали из механистического, материалистического представления человеческой сущности. В то время считалось, что нервная система, как и мозг, состоит из <атомов>, соединение которых приводит к появлению нового качества.

Физиология XIX столетия была проникнута духом распространенной в то время философии механицизма. Нигде дух этот не был столь явным, как в Германии. В 40-х годах прошлого столетия группа ученых, многие из которых были в свое время студентами Иоганнеса Мюллера, организовали Берлинское физическое общество. Этим молодых (всем до тридцати) ученых объединяло убеждение, что любые явления можно объяснить, руководствуясь законами физики. Они надеялись соединить физиологию с физикой, развивать физиологию в рамках механистических представлений. Окрыленные своими идеями, четверо ученых (включая Гельмгольца, о котором вскоре пойдет речь) приняли торжественную клятву, подписав ее, согласно легенде, собственной кровью. В клятве говорилось: жизнь есть результат физико-химических реакций и только. Итак, в XIX столетии в физиологии пересеклись все нити: материализм, механицизм, эмпиризм, экспериментальный и измерительный методы.

Эти достижения ранней физиологии указывают на методы исследования и открытия, которые способствовали формированию научного подхода к психологическому исследованию мышления. Философы расчистили дорогу для применения экспериментальных методов в изучении мышления: физиологи уже начали ставить эксперименты для исследования механизмов, лежащих в основе психических процессов, - следующим шагом должно было стать применение экспериментальных методов непосредственно к мышлению.

Британские эмпирики доказывали, что единственным источником знания является ощущение. Астроном Бессель продемонстрировал важность факторов ощущений и восприятия в науке. Физиологи определяли структуру и функцию чувств. Пришло время подходить к оценке ощущений с количественной мерой. Уже были доступны методы исследования человеческого тела: теперь возникла необходимость разработки методов изучения мышления. Почва для возникновения экспериментальной психологии была подготовлена.

Истоки экспериментальной психологии

Впервые экспериментальные методы изучения мышления, которое, собственно, и является предметом исследования в психологии, применили четверо ученых: Герман фон Гельмгольц, Эрнст Вебер, Густав Теодор Фехнер и Вильгельм Вундт. Все они были

немцами, все получили образование в области физиологии и все были в курсе последних достижений науки.

Почему Германия?

В XIX столетии психология как наука развивалась в большинстве стран Западной Европы - особенно успешно в Англии, Франции и Германии. И тут возникает вопрос: общеизвестно, что ни одна из стран не имеет монополии на энтузиазм, добросовестность или оптимизм, которые нужны, чтобы двигать науку. Почему же тогда экспериментальная психология зародилась в Германии, а не в Англии, например, или Франции, или где-либо еще? Не исключено, что ответ кроется в тех уникальных особенностях, которые сделали немецкую науку самой плодородной почвой для новой психологии.

К XIX столетию немецкое мышление проложило путь к экспериментальной психологии. Экспериментальная физиология уже заняла там прочное место и получила более широкое признание, чем во Франции и Англии. Так называемый немецкий характер хорошо подходил для кропотливой работы по описанию и классификации, необходимым в биологии, зоологии и физиологии. Во Франции и Англии предпочтение отдавали дедуктивному и математическому подходам к науке, в то время как в Германии, где большое значение придавалось тщательному и полному сбору исследуемых фактов, был принят подход индуктивный.

Поскольку в биологии и физиологии не практиковались итоговые обобщения, из которых затем могут быть выведены факты, в научных кругах Англии и Франции биологию признали далеко не сразу. Но в Германии, с ее верой в таксономическое описание и классификацию, биология сразу заняла достойное место в семье наук.

Кроме того, немцы трактовали понятие науки довольно широко. Во Франции и Англии науками считались лишь физика и химия, в которых применялся количественный анализ; в Германии же к наукам относили фонетику, лингвистику, историю, археологию, эстетику, логику и даже литературную критику. Французские и английские ученые сомневались в правомочности применения научных методов исследования к такому сложному предмету, как человеческий разум. Но свободные от подобного скептицизма немцы с энтузиазмом взялись за исследование мыслительной деятельности.

Германия предоставила массу возможностей для освоения и внедрения новых научных методов, и в этом мы видим влияние контекстного экономического фактора. Здесь было очень много университетов. К 1870 году Германия объединилась и являла собой свободную конфедерацию автономных королевств, герцогств и городов-государств, с централизованным правительством. Каждая из этих областей имела собственный хорошо финансируемый университет с высоко оплачиваемым профессорско-преподавательским составом и самым современным научным оборудованием.

Ну а в Англии в то время было лишь два университета, Оксфорд и Кембридж - причем, ни в том, ни в другом не продвигались, не поощрялись и не поддерживались научные изыскания ни по одной из психологических дисциплин. Фактически, там выступали против добавления в учебный план новых предметов. В 1877 году Кембридж наложил вето на запрос о преподавании экспериментальной психологии, потому что это «оскорбление религии - класть душу человека на чашу весов» (Hearnshaw. 1987. P. 125). В Кембридже экспериментальную психологию не преподавали еще в течение двадцати лет, а в Оксфорде о ней даже не заговаривали до 1936 года. В Англии путь в науку был открыт единственно джентльменам, имеющим независимый доход, - путь, как мы увидим,

Чарльза Дарвина и Френсиса Гальтона. Аналогичная ситуация складывалась во Франции, а также в Соединенных Штатах, где не было ни одного исследовательского учебного заведения до 1876 года, момента основания университета Джонса Хопкинса, в Балтиморе, штат Мэриленд.

Таким образом, в Германии было больше возможностей для научных исследований, чем где-либо еще. Говоря языком прагматическим, зарабатывать на жизнь трудом ученого можно было в Германии, но никак не во Франции, Англии или Соединенных Штатах.

В начале XIX столетия немецкие университеты охватила волна образовательной реформы, направленной на получение академической свободы как для профессоров, так и для студентов. Профессорам разрешили самостоятельно выбирать темы для преподавания и исследований и работать без опеки со стороны. Студенты были вольны посещать любые курсы лекций по своему выбору без ограничений жесткого учебного плана. Эта свобода распространялась и на новые науки, каковой была психология.

Такая университетская атмосфера обеспечила идеальные условия для процветания научных изысканий. Профессора могли не только читать лекции, но и направлять экспериментальные исследования студентов в хорошо оборудованных лабораториях. Ни в какой другой стране не было столь благоприятного отношения к науке.

Реформа в немецких университетах способствовала их развитию, а это означало увеличение рабочих мест для тех, кого интересовала научная карьера. В Германии были достаточно велики шансы стать уважаемым преподавателем с хорошим жалованьем, хотя достичь высшего положения было трудно. От многообещающего университетского ученого требовалось представить научную работу, более значительную, чем стандартная докторская диссертация. Это означало, что человек, избравший университетскую карьеру, поистине должен был иметь выдающиеся способности к науке. Приступив к работе на научной кафедре, молодые ученые постоянно ощущали давление в отношении того, что касалось проведения исследований и научных публикаций.

Весь мир завидовал немецкой университетской системе с ее давними традициями, знаменитой академической свободой и репутацией научного превосходства и академической суровости. О студентах немецких университетов шутили, что треть из них под давлением принципа «работать-работать» стала жертвами нервного срыва; треть пыталась найти спасение от этого давления на дне стакана и вовсе сгнула; ну а еще треть продолжала управлять Европой. (Shemll. 1991. P. 258.)

Хотя соперничество было острым, а требования высокими, награда намного превосходила затраченные усилия. В немецкой науке XIX века преуспевали только лучшие из лучших, а результатом был ряд крупных достижений во всех науках, включая новую психологию. Не случайно профессора немецких университетов, которым научная психология обязана своим появлением, стали <властителями научных умов> в Европе.

Герман фон Гельмгольц (1821-1894)

Гельмгольц, физик и физиолог, плодовитый исследователь, был одним из величайших ученых XIX столетия. Хотя психология занимала лишь третью строчку в списке его научных интересов, все же именно работы Гельмгольца, а также исследования Фехнера и Вундта, положили начало новой психологии.

Страницы жизни

Гельмгольц родился в Потсдаме, в Германии, где его отец преподавал в гимназии (в Европе так называется подготовительная высшая школа или колледж перед поступлением в университет). По причине слабого здоровья, в детстве Гельмгольц получал домашнее образование. В возрасте 17 лет он поступил в Берлинский медицинский институт, где плату за обучение не брали с тех студентов, кто соглашался по окончании учебы служить армейскими хирургами. Гельмгольц прослужил семь лет, в течение которых он продолжал заниматься математикой и физикой и опубликовал несколько статей. Он написал работу, в которой вывел математическое уравнение закона сохранения энергии.

Уволившись из армии, Гельмгольц получил место адъюнкт-профессора на кафедре физиологии в университете Кенигсберга. Следующие тридцать лет он занимал академические должности на кафедрах физиологии в университетах Бонна и Гейдельберга и физики - в Берлине.

Гельмгольц чрезвычайно успешно работал в самых различных областях. В ходе исследований по физиологической оптике он изобрел офтальмоскоп - устройство для исследования сетчатки глаза. Его фундаментальный трехтомный труд по физиологической оптике «Физиологическая оптика» (Handbuch der physiologischen Opti. 1856- 1866) был столь значительным, что его переводили на английский язык и 60 лет спустя после выхода. В 1863 году было опубликовано исследование Гельмгольца по проблемам акустики «О восприятии тона», в котором просуммированы результаты его собственных изысканий и представлен обзор доступной в то время литературы. Он писал статьи по таким разнообразным темам, как остаточное изображение, неспособность различать цвета, перемещение хрусталика глаза, размер в арабско-персидской музыке, образование ледников, геометрические аксиомы, лечение сенной лихорадки. Позднее Гельмгольц косвенно способствовал изобретению беспроводного телеграфа и радио.

Осенью 1895 года, возвращаясь из поездки по Соединенным Штатам (он посещал Всемирную выставку в Чикаго), Гельмгольц серьезно пострадал в результате падения на борту судна. Меньше чем через год с ним случился удар, сделавший его полубезумным. Его жена писала: «Мысли его беспорядочно путались. Жизнь реальная и сон, время и пространство - все в его голове было очень туманно... Словно душа его была далеко-далеко, в каком-то прекрасном идеальном мире, где царили только наука и вечные законы» (цит. по: Koenigsberger. 1965. P. 429).

Нервные импульсы, зрение и слух: исследования Гельмгольца

Для психологии представляют интерес изыскания Гельмгольца по вопросам определения скорости нервных импульсов, а также исследования в области зрения и слуха. В те времена считалось, что скорость нервного импульса мгновенна или по крайней мере так велика, что не поддается измерению. Гельмгольц был первым, кто эмпирически измерил скорость прохождения нервного импульса, фиксируя моменты возбуждения двигательного нерва ножной мышцы лягушки и последующей мышечной реакции. Экспериментируя с нервами разной длины, он определял разницу во времени между моментом стимуляции нерва рядом с мышцей и моментом мышечной реакции, а затем проделывал то же самое, но уже стимулируя нерв в другом месте, дальше от мышцы. Эти опыты позволили определить скорость прохождения нервного импульса, которая в среднем оказалась равной 90 футам в секунду.

Гельмгольц проводил подобные эксперименты и на людях, но полученные результаты - даже относящиеся к одному человеку - настолько различались, что в конце концов он отказался от подобных исследований.

Опытным путем Гельмгольц установил, что прохождение нервных импульсов происходит с определенной скоростью. Это подтвердило, что процессы мозговой и мышечной деятельности протекают не одновременно, как считалось ранее, а следуют друг за другом через некоторое время. Гельмгольца, однако, интересовали не психологические аспекты, а лишь сама возможность измерения данного параметра. Заслуги Гельмгольца для новой психологии были признаны позднее: результаты его экспериментов положили начало перспективному направлению в области изучения протекания нейропроцессов. Работа Гельмгольца заложила основу для будущих экспериментов по определению количественных характеристик психофизиологических процессов.

Его работы по изучению механизма зрения также оказали заметное влияние на психологию. Он исследовал внешние мускулы глаза и механизмы, с помощью которых внутренние мускулы глаза перемещают хрусталик при фокусировании зрения. Он пересмотрел и расширил теорию цветовидения. Научный труд, посвященный этой теории, был опубликован в 1802 году Томасом Юнгом; в наши дни теория цветовидения носит имя Юнга-Гельмгольца.

Не менее важными были исследования Гельмгольца, посвященные механизму слуха, а именно восприятию тонов, природе согласованности звучания, а также вопросам резонанса. Труды Гельмгольца, касающиеся механизма зрения и слуха, включены в современные учебники по психологии, что свидетельствует о выдающемся значении его исследований.

Гельмгольц не был физиологом, психология также не являлась его главным интересом, но большую часть своей работы он посвятил изучению человеческих ощущений и тем самым

способствовал укреплению экспериментального подхода при изучении психологических проблем.

Эрнст Вебер (1795-1878)

Эрнст Вебер, родился в немецком городе Виттенберг, в семье профессора теологии. В 1815 году он получил докторскую степень в Лейпцигском университете, в котором с 1817 по 1871 год изучал анатомию и физиологию. Главным предметом его научных интересов стала физиология чувств. Именно в этой области научных исследований он сделал самые выдающиеся открытия.

До Вебера изучение органов чувств ограничивалось исключительно зрением и слухом. Вебер раздвинул границы науки, он начал изучать чувствительность мышечных и кожных покровов. Особенно важным явился его перенос в психологию экспериментальных методов физиологии.

Двухточечный порог

Один из вкладов Вебера в новую психологию заключался в экспериментальном определении точности тактильных ощущений, а именно расстояния между двумя точками кожного покрова, при котором человек ощущает два отдельных касания. Испытуемых, которые не могут видеть специальный прибор, просят сообщить, сколько касаний они ощутили. Когда две точки раздражения находятся близко друг от друга, испытуемые отмечают только одно касание. По мере увеличения расстояния между двумя источниками раздражения, участники эксперимента начинают испытывать неуверенность относительно того, почувствовали ли они одно или два касания. На определенном, достаточно большом расстоянии между двумя точками, испытуемые уверенно сообщают о двух разных касаниях.

Этот эксперимент продемонстрировал наличие так называемого **двухточечного порога*** - некоего момента, в котором можно распознать два независимых источника. Опыты Вебера стали первым экспериментальным подтверждением теории порога, согласно которой существует момент начала возникновения физиологической и психологической реакции. Эта теория популярна и в наши дни. (Немецкий философ Иоганн Фридрих Герbart приспособил теорию порога к изучению сознания, предположив, что существует некая точка перехода от бессознательного к сознательному. Поэтому в главе 13 мы вновь вернемся к этой теории.)

Точно определяемое различие

Еще один существенный научный вклад Вебера заключается в разработке математических методов измерения в психологии. Вебер поставил перед собой цель установить величину

* Двухточечный порог - некий момент, в котором могут быть распознаны два независимых источника раздражения.

едва заметного различия* - наименьшую разницу в весе двух грузов, которую способен распознать человек. Он попросил участников эксперимента поднять два груза и определить, какой из них тяжелее. Вес одного был одинаковым на всех этапах эксперимента, вес другого все время менялся. Если различие было незначительным, вес признавался одинаковым, но на определенном этапе увеличения разницы она распознавалась.

В процессе экспериментов Вебер установил, что едва заметное различие является константой и составляет $1/40$ от стандартного, первоначально предложенного, веса. Другими словами, испытуемые различали груз весом в 41 грамм от груза в 40. Если же груз был 80 грамм, то для того, чтобы испытуемый мог отличить его, требовался груз уже в 82 грамма.

Затем Вебер исследовал способность различать вес по мышечным ощущениям. Он обнаружил, что испытуемые точнее различают разницу в весе грузов, когда поднимают их сами (получая мышечные ощущения через кисти рук, плечо и предплечье), нежели когда груз вкладывают им в руки. Поднятие весов предполагает и тактильное (прикосновение) и мышечное ощущение, в то время как при вкладывании веса в руки другим лицом человек испытывает только осязательные ощущения. Поскольку наименьшую разницу в весе можно отличить при поднятии грузов (соотношение $1 : 40$), а не при вкладывании грузов в руки (соотношение $1 : 50$). Вебер заключил, что в первом случае на способность субъекта различать вес влияют внутренние мышечные ощущения.

На основе этих экспериментов Вебер пришел к выводу, что, по всей вероятности, способность различать зависит не от абсолютной разницы в весе двух грузов, а от относительной. Он проводил опыты и по визуальному определению различий и обнаружил, что здесь соотношение величин меньше, чем в случае мышечных ощущений. Вебер предположил, что для определения едва заметного различия между двумя раздражителями можно ввести некий постоянный коэффициент - свой для каждого из чувств. Исследования Вебера доказали отсутствие прямого соответствия между физическим раздражителем и нашим восприятием этого раздражителя. Однако, как и Гельмгольц, Вебер интересовался только физиологическими процессами и не задумывался о значении своих изысканий для психологии. Его работа проложила путь исследованиям взаимосвязи между телесными ощущениями и мышлением, между раздражителем и последующим восприятием раздражения. Это был настоящий прорыв в науке. Теперь единственное, что было необходимо, - это достойно, соразмерно важности вновь разработанного метода, применить его.

Работа Вебера была экспериментальной в самом строгом смысле слова. Она проводилась в специально созданных условиях, предлагаемые участникам эксперимента раздражители многократно варьировались, при этом фиксировался каждый полученный результат. Опыты Вебера вдохновили многих исследователей на использование экспериментального метода в качестве средства изучения психологических явлений. Исследования Вебера в области измерения порога ощущений имели первостепенное значение; его доказательство измеримости ощущений оказало влияние практически на все аспекты современной психологии.

* Едва заметное различие - наименьшее различие между двумя физическими раздражителями, которое может определить человек.

Густав Теодор Фехнер (1801-1887)

Фехнер был ученым с удивительно разносторонними научными интересами. Его активная карьера длилась более 70 лет. В течение 7 лет он занимался физиологией, 15 - физикой, 14 - психофизикой, 11 - экспериментальной эстетикой, 40 - философией, и лишь последние 12 лет своей долгой жизни он был нетрудоспособен. Из всех занятий наибольшую известность ему принесли работы по психофизике, хотя он и не считал ее главным делом своей жизни.

Страницы жизни

Его отец был министром в одной из земель юго-восточной Германии, где Фехнер и родился. Он поступил на медицинский факультет Лейпцигского университета в 1817 году, где в то время Вебер читал лекции по физиологии. Фехнер жил в Лейпциге до конца жизни.

Еще до окончания медицинского факультета гуманистическая сторона натуры Фехнера выступила против преобладания в университетском курсе материалистических взглядов. Под псевдонимом «доктор Мизес» он написал сатирические эссе, высмеивающие медицину и науку. В этом проявился извечный конфликт между двумя сторонами его личности - любовью к науке и интересу к метафизическому, или абстрактному, рассуждению. Своим эссе под названием «Доказательство, что Луна сделана из йода» он обрушился на медицинское поветрие использовать йод как средство от всех болезней.

Фехнера серьезно беспокоил чисто материалистический и атомистический подход к науке. Он говорил, что у Вселенной есть две стороны: не только <тенивая>, материальная, но и «светлая», духовная. Завершив медицинское образование, Фехнер начал вторую карьеру - в физике и математике, в частности он переводил с французского учебники по физике и химии. К 1830 году он перевел больше дюжины томов, и это принесло ему признание как физика. В 1824 году Фехнер начал читать лекции по физике в университете Лейпцига и проводить собственные исследования. В конце 30-х годов он заинтересовался проблемой ощущений, и при исследовании визуальных остаточных изображений, когда в ходе опытов смотрел на солнце через цветные стекла, серьезно повредил глаза.

После долгих лет упорной работы, в 1835 году Фехнер получил престижную должность профессора в университете Лейпцига, но затем он впал в депрессию, которая длилась нескольких лет. Он страдал от бессонницы, не мог переваривать пищу, но несмотря на то, что его организм был на грани голодной смерти, голода он не ощущал. Он был необычайно чувствителен к свету и проводил большую часть времени в затемненной комнате, где стены были окрашены в черный цвет. Сам он читать при этом не мог,

поэтому его мать читала ему из другой комнаты через узкую щель в приоткрытой двери. Он жаловался на хроническое истощение и на какое-то время потерял всякий интерес к жизни.

Надеясь развеять скуку и освободиться от депрессии, он пробовал гулять - поначалу только ночью, когда было темно, а затем и при дневном свете с повязкой на глазах. В качестве развлечения он сочинял загадки и стихи. Периодически увлекался разными видами терапии, включая применение слабительных средств, электротерапии, лечение паром и разновидность шоковой терапии с прикладыванием к коже горящих предметов, но ни один из методов не дал ему облегчения.

Возможно, болезнь Фехнера была невротического характера. Это подтверждается тем, каким удивительным образом он излечился. Выздоровление началось с того, что одна знакомая Фехнера рассказала ему о своем сне, в котором она кормила его сырым окороком со специями, маринованным в рейнском вине и лимонном соке. На следующий день она приготовила это блюдо и принесла Фехнеру, настаивая, чтобы он съел его. Хотя и неохотно, он попробовал кусочек, а потом каждый день ел все больше этого окорока, заявляя, что чувствует себя все лучше.

Однако облегчение было недолгим, и по истечении полугода появились признаки ухудшения состояния, так что Фехнер даже испугался за свой рассудок. Он писал: «У меня было предчувствие, будто я безнадежно потеряю рассудок, если не сумею остановить наплыв тревожных мыслей. Часто в голове заседали какие-то совершенно незначительные вопросы, и мне требовались часы, а то и дни, что избавиться от них» (Kuntze. 1892, цит. по: Balance & Bringmann. 1987. P. 42).

Фехнер ежедневно заставлял себя заниматься обычной механической работой по хозяйству, как своего рода трудотерапией, но он не мог заниматься делами, которые требовали напряжения мысли или глаз. «Я делал веревки и повязки, - писал он, - маканые свечи... катал пряжу и помогал на кухне перебирать [и] чистить чечевицу, размалывал в пудру сахарные головы. Я чистил и резал морковь и репу... тысячу раз я хотел умереть» (Kuntze. 1892, цит. по: Balance & Bringmann. 1987. P. 43).

Очень медленно возвращался к Фехнеру интерес к миру, и он возобновил свою диету из сырого окорока с лимонным соком и вином. Однажды он увидел сон, из которого отчетливо запомнил число 77. Из этого он заключил, что его выздоровление займет 77 дней. Так оно и случилось.

Самочувствие Фехнера улучшилось настолько, что депрессия перешла в эйфорию. Его стали преследовать галлюцинации, он начал утверждать, что Бог выбрал его, чтобы раскрыть все тайны мира. В этом состоянии Фехнер разработал так называемый принцип удовольствия, позднее Зигмунд Фрейд воспользуется им в своей работе.

В 1844 году Фехнер, получив небольшую пенсию, по состоянию здоровья был уволен из университета. И хотя в оставшиеся 45 лет его жизни он не сделал никаких серьезных научных открытий, его здоровье до самой смерти - в возрасте 86 лет - оставалось превосходным.

Мысль и тело: количественная оценка взаимосвязи

22 октября 1850 года - важная дата в истории психологии. Утром того дня Фехнера - когда он еще лежал в кровати - осенило, что существует закон, устанавливающий связь между

мозгом и телом: этот закон может быть выражен через количественное отношение между психическим ощущением и физическим раздражителем.

Фехнер пришел к выводу, что повышение уровня раздражения не вызывает идентичного роста интенсивности ощущения - с увеличением интенсивности раздражения в геометрической прогрессии интенсивность ощущений возрастает лишь в арифметической. Например, звук колокольчика, добавленный к звучанию еще одного колокольчика, сказывается на ощущениях гораздо в большей мере, чем звук того же колокольчика, добавленный к звучанию десяти колокольчиков. Следовательно, интенсивность раздражения влияет на количество вызванных ощущений не абсолютно, а относительно.

Простое, но гениальное открытие Фехнера показало, что количество ощущений (психическое качество) зависит от количества раздражения (телесное или физическое качество). Чтобы измерить изменения в ощущениях, необходимо измерять изменения при разных уровнях раздражения. Таким образом, появилась возможность соотнести психический и физический миры в количественных показателях. Фехнеру удалось эмпирическим способом преодолеть барьер, разделяющий душу и тело.

Хотя в концептуальном плане все было ясно, но как осуществить измерения в реальности? Исследователю надо было точно определить количество субъективных и объективных ощущений, а также физического раздражения. Измерить физическую интенсивность раздражителя - уровень яркости света или, скажем, вес разных грузов - не представляет сложности, но как можно измерить ощущение - то сознательное переживание, которое испытывает субъект в ответ на раздражение?

Фехнер предложил два способа измерения ощущений. Во-первых, можно определять: наличествует раздражитель или отсутствует, ощущается он или нет. Во-вторых, можно установить тот уровень интенсивности раздражителя, при котором испытуемые заявляют о появлении первых ощущений; это **абсолютный порог*** чувствительности - та точка в интенсивности раздражения, ниже которой не фиксируется никаких ощущений, а выше которой субъект испытывает некое ощущение.

Абсолютный порог - понятие несомненно важное, но недостаточное, поскольку устанавливается только один аспект ощущения - его нижний уровень. Чтобы определить связь между силами раздражения и ощущения, надо уметь точно квалифицировать весь диапазон значений раздражения и соответствующих им ощущений. С этой целью Фехнер выдвинул идею дифференциального порога чувствительности, то есть наименьшей разницы между двумя раздражениями, вызывающей изменения в ощущениях. К примеру, на сколько следует увеличить или уменьшить вес груза, чтобы испытуемые почувствовали это изменение, чтобы заявили о точно определяемом различии в ощущениях?

Чтобы установить, насколько тяжелым ощущается некий вес (насколько тяжелым он кажется субъекту), нам не удастся воспользоваться физическими способами измерения веса. Но физические методы измерения можно принять за основу для определения психологической интенсивности ощущения. Сначала определяется, на сколько следует уменьшить вес груза, чтобы испытуемый мог просто почувствовать разницу. Затем мы меняем вес груза до этого нижнего значения и снова ищем **дифференциальный порог***.

* абсолютный порог чувствительности - значение интенсивности раздражителя, ниже которого не могут быть обнаружены никакие ощущения, а выше которого ощущения возникают.

* дифференциальный порог чувствительности - наименьшая разница между двумя раздражителями, которая вызывает изменения в ощущениях.

Так как в обоих случаях изменение веса едва различимо, Фехнер допустил, что субъективно эти изменения равны.

Этот процесс можно повторять до тех пор, пока объект будет восприниматься испытуемым. Если каждое уменьшение веса субъективно равно каждому другому уменьшению, то количество раз уменьшения веса - число восприятий едва заметной разницы - может рассматриваться как объективный критерий субъективной величины ощущений. Таким образом можно в цифрах оценить раздражение, необходимое для прочувствования разницы в ощущениях.

Фехнер предположил, что для каждого из чувств есть некое относительное значение увеличения раздражения, которое всегда вызывает наблюдаемое изменение в интенсивности ощущения. Таким образом, ощущение (мысль, или психическое качество), равно как и раздражение (тело, или материальное качество), поддаются количественному измерению, и соотношение между ними можно выразить в виде логарифма: $S = K \log R$, где S есть величина ощущения, K - экспериментально установленная постоянная, R - величина раздражения. Раздражение нарастает в геометрической прогрессии, а ощущения - в арифметической, и отношение раздражителей к ощущениям может быть представлено в виде логарифмической кривой.

Фехнер писал, что это отношение подсказали ему отнюдь не исследования Вебера, хотя последний работал в том же Лейпцигском университете, и они часто там встречались - к тому же, всего несколькими годами раньше Вебер проводил изыскания по той же теме. По словам Фехнера, проводя свои эксперименты, он не знал о работе Вебера. Лишь позже он понял, что закон, который он выразил математически, был как раз тем, доказательством которого занимался и Вебер.

Методы психофизики

Результатом озарения Фехнера стало появление исследовательской программы, которую ученый позднее назвал **психофизика*** (название говорит само за себя: взаимосвязь между миром психического и материального). Проводя эксперименты по поднятию грузов, с освещением, визуальным и тактильным расстоянием (расстояние между двумя контактными точками на коже). Фехнер разработал единый фундаментальный метод в психофизике, а также систематизировал две важнейшие методики, которые до сих пор в ходу.

Метод средней ошибки* (синоним - процедура уравнивания стимулов): на участников эксперимента воздействуют различными раздражителями, пока они не находят похожий по степени воздействия на эталонный. После определенного количества попыток выводится средняя величина различия между стандартным раздражителем и раздражителями, указанными участниками эксперимента, которая и представляет собой ошибку наблюдений. Эта методика используется для измерения времени реакции, а также зрительных и слуховых различий. В более широкой форме она используется и в современных психологических исследованиях. Практически все экспериментальные вычисления производятся сегодня с использованием метода средней ошибки.

* психофизика - научное исследование взаимосвязи между психическими и физическими процессами.

* метод средней ошибки - методика изучения различий в ощущениях и скорости реакции, которая состоит в том, что испытуемые испытывают воздействие различных раздражителей, пока не находят похожий по степени воздействия на эталонный.

При использовании **метода постоянного стимула*** испытуемые многократно сравнивают два раздражителя; при этом подсчитывается число их верных ответов. Например, участники эксперимента вначале поднимают стандартный вес в 100 грамм, а затем другой вес - скажем, 88, 92, 96, 104 или 108 грамм. Они должны сделать вывод, легче или тяжелее вес второго груза по сравнению с первым, или он равен ему.

В **методе установления порога*** (едва заметных различий) участникам эксперимента предлагаются два раздражителя - например, грузы определенного веса. Вес одного груза меняется в большую или меньшую сторону - до тех пор, пока участники эксперимента не сообщат, что они установили различие. Проводится большое количество экспериментов. Для определения дифференциального порога усредняются только зафиксированные различия.

Фехнер проводил психофизические исследования на протяжении семи лет, часть результатов он опубликовал в двух брошюрах в 1858 и 1859 годах. В 1860 году полное собрание его сочинений было издано в книге «Элементы психофизики» (Elements der Psychophysik), изложение точной науки о «взаимосвязи между... материальным и психическим, физическим и психологическим мирами» (Fechner. 1860/1966. P. 7). Эта книга - выдающийся вклад в развитие психологии как науки. Открытие Фехнером количественной взаимосвязи между интенсивностью раздражителя и ощущением по важности можно сравнить с открытием закона гравитации.

В начале XIX столетия немецкий философ Иммануил Кант утверждал, что психология никогда не станет истинной наукой в силу невозможности проведения экспериментов по получению количественных оценок психических процессов. Благодаря исследованиям Фехнера утверждение Канта уже никто не рассматривает всерьез.

Опираясь именно на психофизические исследования Фехнера, Вильгельм Вундт разработал свой план экспериментальной психологии. Методы Фехнера позволили решить огромное число психологических проблем, о чем их автор мог только мечтать. Эти методы с небольшими изменениями применяются до сего дня. Фехнер дал психологии то, без чего не может быть науки: точные и удобные методы измерения.

Общие основы психологии

К середине XIX века научные методы стали привычным инструментом в исследовании психических явлений. Были разработаны специальные методики, созданы приборы, написаны имеющие принципиальное значение книги - к проблемам научного подхода в психологии был прикован широкий общественный интерес. Английская эмпирическая философия и работы по астрономии подчеркивали роль чувств, а немецкие ученые описывали их функциональные аспекты. Позитивистский «дух времени», Zeitgeist, способствовал сближению этих двух психологических школ. Но все же не было фигуры, способной слить их воедино, - иными словами, основать новую науку. Таким человеком стал Вильгельм Вундт.

Вундт - основоположник психологии как формальной академической дисциплины. Он организовал первую лабораторию, учредил первый журнал, положил начало

* метод постоянного стимула - техника многократного установления различий между двумя физическими раздражителями с подсчетом числа верных суждений.

* метод прямого управления порога - техника установления дифференцированного порога, заключающаяся в сравнении стандартного раздражителя и многочисленных других.

экспериментальной психологии как науке. Сферы его научных интересов - включающие ощущения и восприятие, внимание, чувства, реакцию и ассоциации - стали основными главами во всех учебниках по психологии. То, что взгляды Вундта относительно психологии не во всем оказались верными, ни в коей мере не умаляет его достижений как основателя этой науки.

Почему честь называться родоначальником психологии принадлежит Вундту, а не Фехнеру? Ведь «Элементы психофизики» Фехнера были опубликованы в 1860 году - примерно 15 годами раньше, чем Вундт начал заниматься психологией. Он сам писал, что работа Фехнера являет собой «первую победу» экспериментальной психологии (Wundt. 1888. P. 471). Титченер, ученик Вундта, назвал Фехнера отцом экспериментальной психологии (Benjamin, Bryant, Campbell, Fisher & Holtz. 1994). Историки единодушны в оценке важности роли Фехнера; некоторые даже сомневаются в самой возможности существования психологии, не будь работ Фехнера. Так почему же история не отдала Фехнеру лавры создателя психологии?

Ответ заключен в природе процесса основания новой научной отрасли. Это - сознательный и обдуманый акт. для совершения которого мало иметь блестящие способности к науке. Основание подразумевает объединение в одно целое всех прежних научных достижений, а также содействие продвижению и публикации новых данных науки. «Когда уже родились все главные идеи, некий человек берется за их организацию, дополняет тем, что кажется ему... существенным, издает и афиширует их, настойчиво утверждает их, и вскоре "учреждает" научную школу» (Boring. 1950. P. 194). Вклад Вундта в основание современной психологии заключается не столько в его уникальных научных открытиях, сколько в его «героической пропаганде экспериментализма» (O'Donnell. 1985. P. 16).

Основание науки, таким образом, совершенно отлично от возникновения, хотя это разграничение ни в коей мере не умаляет ни одного из процессов. Роль основоположников и создателей одинаково важна для формирования науки - сродни тому. как в построении дома обязательно участие и архитектора, и строителя.

С учетом этого можно понять, почему не Фехнер считается основателем психологии. Откровенно говоря, он и не пытался создать новую науку. Его целью было понять соотношение между психическим и физическим мирами. Он стремился найти единую концепцию мысли и тела и подвести под нее научную базу.

Вундт, в свою очередь, целенаправленно взялся за основание новой науки. В предисловии к первому изданию своих «Принципов физиологической психологии» (*Grundziige der physiologischen Psychologie*. 1873-1874) он писал: «В работе, которую я представляю на суд публики, сделана попытка выделить новую научную область». Вундт поставил задачу содействия развитию психологии как независимой науки. Не боясь повториться, напомним, что, хотя Вундт и является основоположником психологии, возникла она задолго до него. Как мы уже говорили, психология появилась в результате долгих научных поисков.

«Дух времени» второй половины XIX века подготовил почву для применения экспериментальных методов к проблемам психики. Вундт был энергичным и решительным проводником уже существовавших идей, талантливым провожатым неизбежного.

Вопросы для обсуждения

1. Какое значение имеют работы Бесселя для новой психологии? Опишите, как открытия в ранней физиологии только укрепили механические представления о человеке.
2. Объясните, почему новая экспериментальная психология появилась именно в Германии. Опишите, какое значение для психологии имели исследования Гельмгольца, посвященные вопросам измерения скорости распространения нервных импульсов.
3. Опишите исследования Вебера «двухточечного порога» и «едва заметного различия». Какое значение имеют эти работы для психологии?
4. Какая идея пришла в голову Фехнеру 22 октября 1850 года? Как Фехнер измерял ощущения? Раскройте соотношение между интенсивностью ощущения, выражаемое формулой $S = K \log R$.
5. Какие психофизические методы использовал Фехнер? Как психофизика повлияла на развитие психологии? Как вы думаете, получила бы развитие экспериментальная психология без работ Фехнера? Обоснуйте свою точку зрения.
6. Проведите различие между обычными и фундаментальными открытиями в науке. Почему Вундт, а не Фехнер, считается основоположником психологии?

Рекомендуемая литература

- Boring, E. G. (1961) Fechner: Inadvertent founder of psychophysics. *Psychometrika*, 26. 3-8. Рассказ о жизни Фехнера; попытка дать оценку, в какой степени его научная деятельность способствовала развитию экспериментальной психологии.
- Dobson, V., & Bruce, D. (1972) The German university and the development of experimental psychology/ *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 8, 204-207. В книге рассказывается о свободе научных взглядов в Германии как условии развития новой психологии.
- Marshall, M. E. (1969) Gustav Fechner, Dr. Mises, and the comparative anatomy of angels. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 5, 39-58. критический разбор ряда эссе Фехнера, которые он опубликовал под именем «доктор Мизес», а также анализ его теории «светлой» и «теневого» сторон Вселенной.
- Turner, R.S. (1977) Hermann von Helmholtz and the empiricist vision. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 13, 48-58. в статье подчеркивается влияние философских представлений Гельмгольца на характер его научных исследований.

Глава 4

Новая психология

Искажение фактов

Будучи основоположником новой психологической науки, Вильгельм Вундт является одной из виднейших фигур в этой области. Приступая к изучению истории психологии, не одно поколение студентов познакомилось с традиционной версией научного подхода Вундта. И только через сто лет после того, как Вундт основал психологию, открылись новые данные, а старые факты «зазвучали» иначе, что заставило психологов признать, что общепринятое представление о системе Вундта было ошибочным. И ведь эта судьба постигла именно Вундта, который всегда боялся быть «непонятым, либо понятым неправильно»! (Baldwin. 1980. P. 301)

В 70-е и 80-е годы нашего столетия эта тема была подхвачена во многих публикациях, в которых говорилось о том, что господствующий взгляд на психологию Вундта неверно интерпретирует его позицию, приписывая ему убеждения, которые в корне расходились с его идеями (см., напр.: Blumenthal. 1975, 1979; Leahey. 1981).

Как подобное недоразумение могло случиться в отношении фигуры такого масштаба? Вундт написал множество книг и статей, в которых ясно изложил свой взгляд на психологию. Обратившись к ним, любой мог уяснить его позицию - любой, кто читает по-немецки и располагает достаточным запасом времени, чтобы проштудировать феноменальное количество его работ.

Полно, зачем так утруждать себя? Большинство психологов полагают лишним читать Вундта в оригинале, поскольку основные его идеи и результаты научных изысканий изложены по-английски его учеником Э. Б. Титченером - английским психологом, который почти всю жизнь проработал в Корнеллском университете в Нью-Йорке. Титченер заявлял о себе как о преданном последователе Вундта и доподлинном переводчике его трудов. И так случилось, что метод Титченера, который он назвал структурализмом, был принят за отображение системы его учителя, Вундта. Считалось, что изучение метода Титченера автоматически означает обращение к Вундту.

Позже исследователи, изучавшие произведения Вундта, усомнились в правомочности такой постановки вопроса. Титченер не совсем точно представил позицию Вундта. Совершенно очевидно, что он перевел только те выдержки из его работ, которые служат подтверждением его собственных построений. Судя по всему, он мог несколько видоизменить идеи Вундта с тем, чтобы они согласовались с его собственными, что сделало бы их более весомыми, поскольку эти идеи поддержаны самим основателем психологии.

Неточная и неполная титченеровская версия системы Вундта была воспринята несколькими поколениями не только в силу того положения, которое Титченер занял в американской психологии, но также потому, что ученик последнего Дж. Боринг одно время был ведущим историком психологии. По утверждению Боринга, Титченер был продолжателем традиций лейпцигской школы Вундта. И хотя тому же Борингу принадлежат слова о том, что работа Титченера «отличалась от [школы] Вундта» (Boring. 1950. P. 419), многие психологи, которые изучали историю своего предмета по учебнику Боринга «История экспериментальной психологии» (A History of Experimental Psychology) 1929 и 1950 года издания, отождествляли системы Титченера и Вундта.

Итак, взгляд на психологию Вундта, который долгое время предлагался американским студентам, оказался скорее мифом, а не фактом, легендой, а не истиной. Начиная с формального возникновения психологии, почти сто лет преподаватели истории психологии ошибались сами и вводили в заблуждение других. Это относится и к учебникам по психологии (включая и предыдущие издания книги, которую вы держите в руках). Это еще один пример того, как искаженные исторические данные могут повлиять на наше понимание событий прошлого. Как мы уже говорили в главе 1, история - не застывшая наука, новые находки меняют взгляды на, казалось бы, хорошо известные факты.

Вильгельм Вундт (1832-1920)

Напомнив некоторые факты из биографии Вундта, мы затем рассмотрим его определение психологии и его влияние на последующее развитие научных методов.

Страницы жизни

Вильгельм Вундт провел детские годы в Германии, жил в маленьких городках вокруг Маннгейма. В детстве он чувствовал себя одиноким, мечтал стать знаменитым писателем. Школьные отметки маленького Вильгельма оставляли желать лучшего. В семье к нему относились как к единственному ребенку, так как его старший брат учился вдалеке от дома, в школе-интернате. Отец Вундта был пастором, и, хотя их семья считалась дружной, детские воспоминания Вундта об отце были не самыми приятными. Он вспоминал, как однажды отец дал ему пощечину за то, что мальчик не заметил своего учителя.

Начиная со второго класса, образование Вундта было поручено помощнику отца, к которому Вильгельм привязался всей душой. Когда молодого священника перевели в другой приход, мальчик был так расстроен предстоящим расставанием, что родителям пришлось позволить ему уехать со своим учителем, в доме которого Вундт и жил, пока ему не исполнилось 13 лет.

В отношении образования в семье Вундта существовали прочные традиции: его предки прославили свое имя достижениями практически во всех областях науки. Но, тем не менее, для домашних было очевидно, что самый младший Вундт эту замечательную линию не продолжит. Дни он проводил не за учебниками, а в мечтаниях, и, как результат, провалил экзамены за первый класс. В гимназии он отставал от одноклассников, над ним посмеивались учителя.

Постепенно Вундт научился контролировать свою склонность к фантазированию и даже стал пользоваться популярностью в школе, которую, правда, так никогда и не смог полюбить. Но он развил свои интеллектуальные интересы и способности и к 19 годам, окончив школу, был уже готов к поступлению в университет.

Вундт решил стать врачом, что давало ему возможность зарабатывать на жизнь и одновременно заниматься наукой. Медицине он обучался в университете в Тюбингене, а затем в Гейдельберге. Он изучал анатомию, физиологию, физику, медицину и химию. Однако спустя некоторое время Вундт пришел к выводу, что практическая медицина - не его призвание, и полностью посвятил себя изучению физиологии.

Проучившись всего семестр в Берлинском университете, где в то время работал великий физиолог Иоганнес Мюллер, Вундт возвращается в Гейдельберг. Здесь в 1855 году он получает докторскую степень, и с 1857 по 1864 годы читает лекции и работает лаборантом у Германа фон Гельмгольца. Но в конце концов Вундту наскучило быть лектором, и он отказался от этой работы. В том же 1864 году он получил должность адъюнкт-профессора и остался в Гейдельберге еще на 10 лет.

В ходе занятий физиологией Вундт задумывается о психологии как самостоятельной экспериментальной науке. Свои идеи он представил в книге «К теории чувственного восприятия» (Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmung), которая частями публиковалась с 1858 по 1862 год. В этом сочинении Вундт описывает эксперименты, которые он ставил в домашней, довольно плохо оборудованной, лаборатории, и излагает свое видение методов новой психологии. Здесь же он впервые вводит понятие экспериментальная психология. Наряду с «Элементами психофизики» (1860 г.) Фехнера, об этой книге Вундта часто говорят, что она знаменует собой формальное начало НОРНОЙ науки.

Работа Вундта «Лекции о душе человека и животных» (Vorlesungen über die Menschen und Tierseele) относится к 1863 году. О важности этого труда говорит его переиздание (исправленное) почти через 30 лет после первой публикации и выход многочисленных репринтных изданий вплоть до кончины Вундта в 1920 году. В этом сочинении среди прочих Вундт затрагивает проблему измерения времени реакции и рассматривает вопросы психофизики, которые на протяжении многих лет занимали умы экспериментальных психологов.

Начиная с 1867 года, Вундт читает в Гейдельбергском университете первый и единственный в мире на то время курс лекций по физиологической психологии. Эти лекции «вылились» в одну из самых значительных его книг «Основы физиологической психологии» (Grundzüge der physiologischen Psychologie), которая была опубликована в двух частях в 1873 и 1874 годах. Под редакцией самого Вундта работа переиздавалась 6 раз в течение 37 лет, последний раз - в 1911 году. Сей признанный шедевр Вундта заложил фундамент психологии как самостоятельной экспериментальной науки с собственным кругом проблем и методами исследования.

Долгие годы «Основы физиологической психологии» служили для психологов-экспериментаторов энциклопедией и свидетельством прогресса новой психологической науки. В предисловии к этой книге Вундт так сформулировал свою цель: «выделить новую область познания». Термин «физиологическая психология» может быть неправильно понят. В Германии во времена Вундта слово «физиологический» использовалось как синоним слова «экспериментальный». Таким образом, Вундт писал не о той физиологической психологии, какую мы знаем сейчас, а о психологии экспериментальной.

Годы в Лейпциге

В 1875 году Вундт становится профессором философии в Лейпцигском университете; с этого момента начинается самый продолжительный и важный период его поразительной научной карьеры. В этом университете он проработал 45 лет. Уже в начале своей деятельности он создает в Лейпциге лабораторию, а в 1881 году основывает журнал «Философские учения», официальный печатный орган своей лаборатории и новой науки. Вундт намеревался назвать новое издание «Психологические учения», но передумал, поскольку в то время уже существовал журнал с таким названием (хотя в нем затрагивались не научные, а оккультные и спиритуалистические вопросы). Все же в 1906

году Вундт переименовал свой журнал в «Психологические учения». Перед психологией открывалась широкая дорога.

Широкая известность имени Вундта и его лаборатории привлекла в Лейпциг огромное количество жаждавших с ним работать студентов. В их числе было несколько молодых людей, которые позже внесли существенный вклад в развитие психологической науки, среди них американцы, основавшие по возвращении в Соединенные Штаты собственные лаборатории. Таким образом лейпцигская лаборатория оказала огромное влияние на развитие современной психологии - она служила образцом для создания новых экспериментальных центров.

Бывшие студенты Вундта организовали лаборатории также в Италии, России и Японии. Больше всего сочинений Вундта было переведено на русский язык. Восхищаясь Вундтом, российские психологи в 1912 году оборудовали в Москве лабораторию - точную копию вундтовской. Еще одна такая лаборатория была построена японскими учеными на базе Токийского университета в 1920 году, в год смерти Вундта, но в 60-е годы эта лаборатория сгорела во время студенческих волнений (Blumenthal. 1985). Студентов, которые приезжали в Лейпциг, прежде всего объединяли общие взгляды и цели, и именно эти молодые ученые составили первую формальную психологическую школу.

Лейпцигские лекции Вундта пользовались большой популярностью. На каждую в аудитории собиралось более шестисот студентов. Впервые побывав на одной из лекций в 1890 году, Э. Б. Титченер так описал Вундта в одном из своих писем:

Служитель распахнул дверь, и вошел Вундт. Естественно, во всем черном, от ботинок до галстука; узкоплечий, сухошавый, немного сутулится; он производит впечатление высокого человека, но едва ли его рост превышает 5 футов 9 дюймов.

Он прогрохотал - другого слова не подберешь - по боковому проходу и взошел на кафедру: тук. тук - будто его подметки были сделаны из дерева. Мне показалось, что в этом грохоте башмаков есть что-то недостойное, но кроме меня, похоже, этого никто не заметил.

Когда он прошел на кафедру, я смог хорошенько разглядеть его. У него довольно густая, серо-стального цвета шевелюра, только макушку прикрывают аккуратные поднятые сбоку пряди...

На возвышении стоит длинный стол. по-видимому, для демонстрации экспериментов: на нем - переносная книжная полка. Вундт сделал пару манерных движений - задумчиво приложил ко лбу указательный палец, выбрал мел - а затем стал лицом к аудитории, опершись локтями на книжную полку. Такая поза усиливает впечатление. что это человек высокого роста. Он начал говорить тихим голосом, словно извиняясь: но уже после первых двух предложений в помещении образовалась полная тишина, в которой раздавался лишь уверенный голос лектора, - он прочитал лекцию на одном дыхании. У него оказался густой баритон, не очень выразительный, порой будто лающий: но слушать его было легко, в голосе чувствовалась убедительность, иногда даже пылкость, но, скорее, напускаемая для поддержания интереса слушателей... Ни в какие записи он не заглядывал: Вундт, насколько я могу судить, вообще не опускает взгляд, разве что раз он посмотрел на полку, когда перебирал лежащие на ней бумаги...

Руки Вундта ни минуты не лежали спокойно: локти были неподвижны, но плечи и кисти все время двигались, словно волны... эти движения завораживали и каким-то таинственным образом иллюстрировали его речь...

Он закончил лекцию точно в назначенное время и, все так же немного сутулясь, прогромыхал башмаками к выходу. И если бы не этот дурацкий грохот, я остался бы в полном восхищении. (Baldwin. 1980. P. 287-289.)*

В частной жизни Вундт был спокойным и непритязательным человеком, дни его проходили по строго заведенному порядку (обнаруженные в 1970 году дневники его жены Софи - еще один пример появления ранее неизвестных исторических данных - рассказали много нового о личной жизни Вундта). С утра Вундт работал над какой-нибудь книгой или статьей, читал студенческие работы, редактировал свой журнал. В полдень он присутствовал на экзаменах в университете или наведывался в лабораторию. Один из студентов Вундта вспоминал, что его визиты занимали не более 5-10 минут. Вероятно, несмотря на свою непоколебимую веру в экспериментальные исследования, «сам он не был создан для работы в лаборатории» (Cattell. 1928. P. 545).

Во второй половине дня Вундт прогуливался, мысленно готовясь к предстоящей лекции, которая обычно начиналась в 4 часа пополудни. Вечерами в его семье музицировали, говорили о политике и - по крайней мере, в дни его молодости - о правах студенческой молодежи и рабочих. Финансовое положение семейства позволяло держать в доме слуг и устраивать приемы.

Культурно-историческая психология

Основав лабораторию и журнал, руководя множеством исследовательских проектов, Вундт обратился и к философии. В период с 1880 по 1891 год он писал работы по этике, логике, философии. В 1880 и 1887 годах Вундт подготовил второе и третье издания «Основ физиологической психологии», продолжал писать статьи для своего журнала.

Еще в первой своей книге по культурно-исторической или социальной психологии Вундт обратился к теме, на исследование которой позже направил весь свой многогранный талант. Вернувшись к этому проекту, он создал 10-томный труд под названием «Психология народов» (Volkerpsychologie), который издавался в 1900-1920 годах.

К культурно-исторической психологии Вундт отнес изучение различных стадий развития человеческих психических процессов, которые проявляются в объективных продуктах культуры - языке, искусстве, мифологии, социальных устоях, законах, морали. Огромное значение этого труда для психологии обусловлено не только актуальностью самого предмета исследования: появление этой работы знаменует собой разделение новой психологической науки на две ветви - экспериментальную и социальную,

Вундт полагал, что простейшие психические процессы - ощущение и восприятие - можно и необходимо изучать с помощью лабораторных исследований. Но он был уверен, что экспериментальный метод не годится для изучения психических процессов высшего порядка - таких, как обучаемость и память, которые связаны с языком и прочими аспектами нашего культурного воспитания. По мнению Вундта, к высшей мыслительной деятельности можно применить только не экспериментальные методы исследования,

* Печатается с разрешения Американской психологической ассоциации.

практикуемые в социологии, антропологии, социальной психологии. Важным является утверждение Вундтом ведущей роли социальных сил в развитии познавательных процессов. Однако его суждения о том, что эти процессы невозможно изучать с помощью эксперимента, вскоре были опровергнуты.

Развитию культурно-исторической психологии Вундт посвятил 10 лет, но она не оказала существенного влияния на американскую психологию. В статьях, опубликованных за 90 лет в «Американском психологическом журнале», во всех выдержках из произведений Вундта на долю «Психологии народов» приходится всего 4 процента цитат. Для сравнения: на «Основы физиологической психологии» делаются ссылки в 61 процентов случаев (Brozek. 1980).

Вундт продолжал работать без перерыва до самой своей смерти в 1920 году. Он вел очень спокойную жизнь, и - так уж распорядилась судьба - умер вскоре после завершения книги своих воспоминаний. Подсчитано, что в период с 1853 по 1920 годы Вундт написал более 54 тысяч страниц - то есть он писал по 2,2 страницы ежедневно (Boring. 1950; Bringmann & Balk. 1992). Наконец, сбылась его детская мечта стать знаменитым писателем.

Исследования опыта сознания

Психология Вундта основывалась на экспериментальных методах естественных наук - в основном, на методах физиологии. Вундт приспособил эти научные методы к новой психологии и проводил исследования точно так же, как это делал любой естествоиспытатель. Таким образом, «дух времени», *Zeitgeist*, в физиологии и психологии способствовал формированию как предмета новой психологии, так и методов психологических научных исследований.

Предметом изучения Вундта, если выразить это одним словом, было сознание. Если же говорить об этом более пространно, то следует отметить, что в системе ученого нашли отражение все теории эмпирицизма и ассоцианизма, получившие развитие в XIX веке. Вундт считал, что сознание - явление сложносоставное, и для его изучения лучше всего подходит метод анализа или редукционизма. Он писал: «Первым шагом в изучении какого-либо явления должно быть полное описание... его составляющих элементов» (цит. по: Diamond. 1980. P. 85).

На этом, однако, сходство между эмпирицистами, ассоцианистами и Вундтом заканчивается. Вундт был не согласен с идеей статичности элементов сознания - так называемых атомов мозга - которые пассивно, в результате некоего механического процесса, соединяются друг с другом. Он считал, что сознание играет гораздо более активную роль в организации собственной структуры. А значит, изучение только составляющих, только содержания сознания или его структуры - лишь начало в понимании психологических процессов.

Поскольку главное внимание Вундт сосредоточил на способности мозга к самоорганизации, он назвал свою систему **волюнтаризм*** (от слова *volition* - волевой акт, хотение). Другими словами, волюнтаризм объясняет то, как сила воли делает мышление высокоорганизованным. Вундт делал упор не на самих элементах, как английские эмпирицисты и ассоцианисты (а позднее и Титченер), а на процессе их активной организации или синтеза. Но не следует забывать: хотя Вундт придавал важное значение

* Волюнтаризм - теория, согласно которой воля обладает способностью организовывать процесс мышления, переводя его на качественно более высокий уровень.

способности мыслящего разума к активному высокоуровневому синтезу своих составных элементов, тем не менее, в основе его теории лежали именно элементы сознания. Без этих элементов разуму нечего было бы организовывать.

Согласно Вундту, психологам в основном следует иметь дело с непосредственным опытом субъекта. **Опосредованный опыт*** обеспечивает нас информацией или знаниями, которые не являются составляющими непосредственного переживания. Это обычная форма использования уже имеющегося опыта познания мира. Например, мы смотрим на цветок и говорим: «Он – красный». Но в этом утверждении подразумевается, что в первую очередь наш интерес обращен к самому цветку, о котором мы уже многое знаем из предыдущего жизненного опыта, а не к непосредственному, отвлеченному постижению <красноты>.

Непосредственный опыт* визуального восприятия не зависит от предыдущего опыта того, кто на него смотрит, - в приведенном примере он зависит только от непосредственного восприятия красного цветка. Таким образом, непосредственный опыт, по Вундту, очищен от всякого рода интерпретаций.

Точно так же, когда мы описываем чувство дискомфорта - допустим, при зубной боли, - мы описываем свой непосредственный опыт. Если же кто-то говорит: «У меня болят зубы» - речь идет уже об опосредованном опыте.

Вундт считал более важным непосредственный опыт человека - например, опыт восприятия красного цвета или дискомфорта - он говорил, что это форма активной организации разумом своих составляющих элементов. В своих научных исследованиях ученые-естествоиспытатели расчленяют материальные объекты на структурные элементы. Вундт также намеревался расчленить мышление на элементы или составные части. Разработка русским химиком Дмитрием Менделеевым периодической таблицы химических элементов только укрепила его в своем намерении. Историки предполагают, что Вундт уже начал работать над разработкой «периодической таблицы мышления» (Marx & Cronan-Hillix. 1987. P. 76).

Метод интроспекции

Психология Вундта - наука об опыте сознания, следовательно, метод психологии должен включать наблюдение за собственным сознанием. И человек способен проводить такие наблюдения, он может воспользоваться методом интроспекции - проверки состояния собственного мышления. У Вундта этот метод получил название внутренней перцепция. Понятие интроспекция - вовсе не открытие Вундта; его появление связывают с именем Сократа. Вклад Вундта заключается в проведении экспериментов и использовании в них строгих научных методов. Правда, некоторые ученые - критики Вундта - считали, что длительные эксперименты самонаблюдения вызывают у его участников серьезные душевные заболевания (Titchener. 1921).

Метод интроспекции был позаимствован психологами из физики, в которой он применялся для исследований света и звука, а также из физиологии, где он использовался для изучения органов чувств. Так, для того, чтобы получить сведения об органах чувств, исследователь использовал какой-либо раздражитель, а затем просил испытуемого описать полученные ощущения - приблизительно так, как это делал Фехнер в своей

* опосредованный опыт - обеспечивает информацией или знанием, которые не являются составляющими непосредственного переживания.

* непосредственный опыт - опыт, который очищен от всякого рода интерпретаций.

научной работе. Сравнивая вес двух грузов, испытуемый тем самым анализирует собственные ощущения, регистрируя переживания своего сознания. Если же вы говорите: «Я голоден», значит, вы уже внутренне проанализировали состояние своего организма.

Эксперименты по интроспекции, или внутренней перцепции, проводились Вундтом в лейпцигской лаборатории со строжайшим соблюдением установленных им же правил. Вот эти правила:

- 1) наблюдатели должны уметь правильно определять момент начала эксперимента;
- 2) наблюдатели никогда не должны снижать уровень своего внимания;
- 3) эксперимент должен быть организован так, чтобы его можно было провести несколько раз;
- 4) условия проведения эксперимента должны быть приемлемыми для изменения и контроля за изменением факторов раздражения.

Последнее условие выражает суть экспериментального метода: вариабельность факторов раздражения и наблюдение за возникающими изменениями в ощущениях испытуемого.

Вундт редко проводил сеансы так называемой качественной интроспекции, в которых испытуемые просто описывали свой внутренний опыт. Интроспективный анализ он обычно связывал с непосредственными представлениями испытуемых о величине, интенсивности и диапазоне различных физических раздражителей. Лишь небольшое количество исследований включало наблюдения субъективного или качественного характера - к примеру, описания степени комфортности восприятия разных раздражителей, интенсивности образов и т. п. В большей части исследований Вундта проводились объективные измерения с использованием сложного лабораторного оборудования; нередко оценивалось время реакции. Таким образом, Вундт делал выводы об элементах и процессах сознания, исходя только из объективных оценок.

Элементы опыта сознания

Определив предмет и метод новой психологии, Вундт в общих чертах набросал ее задачи:

- 1) проанализировать процессы сознания посредством исследования его основных элементов;
- 2) выяснить, как эти элементы соединяются;
- 3) установить принципы, согласно которым такое соединение происходит.

Вундт предположил, что ощущения являются одной из первичных форм опыта. Ощущения возникают каждый раз, когда на органы чувств воздействует какой-либо раздражитель и возникающие импульсы достигают мозга. Вундт разделил ощущения по интенсивности, продолжительности и модальности. Вундт не проводил различия между ощущениями и возникающими мысленными образами, так как образы также связаны с возбуждением коры головного мозга.

Чувства - еще одна форма первичного опыта. Вундт утверждал, что ощущения и чувства возникают одновременно в процессе одного и того же непосредственного опыта. Чувства

непрерывно следуют за ощущениями, любым ощущениям соответствуют определенные чувства. В результате соединения ощущений возникает новое качество или новое чувство.

В процессе проведения сеансов самоанализа Вундт разработал **трехмерную модель чувств***. После ряда экспериментов с метрономом (устройство, отмечающее ударами короткие промежутки времени) Вундт отметил, что одни ритмические композиции он предпочитает другим. Ученый пришел к выводу, что в определенные моменты эксперимента у него возникало субъективное чувство удовольствия или дискомфорта (заметим, что такое субъективное чувство появлялось одновременно с физическими ощущениями, которыми сопровождаются удары). Затем он высказал предположение, что любое состояние чувств всегда находится в диапазоне между удовольствием и дискомфортом.

Во время опытов с метрономом Вундт выявил еще один вид чувств. Он заметил, что, пока он ждет следующего удара метронома, у него возникает чувство легкого напряжения, а после того, как удар прозвучал, - расслабления. Из этого он сделал вывод, что, помимо континуума удовольствие-дискомфорт, его чувства имеют еще одно измерение: напряжение-расслабление. Кроме того, Вундт заметил, что, когда ритм ударов увеличивается, он слегка возбуждается и, соответственно, успокаивается, когда ритм замедляется.

Постоянно и терпеливо изменяя ритм метронома, занимаясь самоанализом и исследуя свой непосредственно осознаваемый опыт (чувства и ощущения), Вундт пришел к идее трех разнонаправленных измерений чувств: удовольствие-дискомфорт, напряжение-расслабление, подъем-угасание. Любое чувство располагается в некоем диапазоне внутри определенного таким образом трехмерного пространства.

Вундт полагал, что эмоции представляют собой сложное соединение элементарных чувств, которые, в свою очередь, могут быть без труда измерены при помощи трехмерной теории. Таким образом, Вундт свел эмоции к элементам мышления. Появление трехмерной теории чувств способствовало активизации исследований в научных лабораториях Лейпцига (и не только), но испытания временем она не выдержала.

Организация элементов сознательного опыта

Вундт, как известно, основывал свои исследования на элементах сознательного опыта. И, тем не менее, он признавал, что наше видение, если мы смотрим на реально существующий объект, есть результат единства ощущений. К примеру, дерево - это именно дерево, а не отдельные ощущения степени его освещенности, цвета или формы, как это получается в результате лабораторных экспериментов. Визуально человек способен оценить дерево как целое, а не как некую сумму отдельных ощущений и чувств.

Так как же из отдельных составляющих сознания возникает единый опыт? Для объяснения этого явления Вундт предложил теорию **апперцепции***. Он назвал процесс организации базовых элементов в единое целое творческим синтезом (по-другому, принципом психических составляющих); в результате такого процесса из комбинации элементов возникает новое качество.

* трехмерная теория чувств - теория чувств Вундта построена на основе трех намерений: удовольствие - дискомфорт, напряжение - расслабление, возбуждение - успокоение.

* апперцепция - творческий синтез элементов мышления.

«Характеристики любого сложного психического явления не сводятся к сумме характеристик его составляющих» (Wundt. 1896. P. 375). Из синтеза элементов опыта всегда возникает нечто новое. Представители гештальт-психологии в 1912 году официально заявили, что целое не сводится к сумме его частей. С этим можно согласиться.

Понятие, аналогичное творческому синтезу, используется и в химии. В результате соединения химических элементов появляется сложная структура, имеющая такие свойства, которых не было у исходных элементов. Таким образом, апперцепция - это процесс активный. Наше сознание действует не просто в соответствии с теми ощущениями и чувствами, которые мы переживаем: оно действует творчески, составляя из этих элементов целое. Итак, Вундт - в отличие от большинства британских ученых, представителей эмпирической и ассоциативной психологии - не рассматривал процесс связи психических элементов как пассивный и чисто механический.

Лейпцигская лаборатория: темы исследования

В первые годы работы в лейпцигской лаборатории Вундт четко сформулировал цели и задачи экспериментальной психологии. Долгое время темы исследований определялись, главным образом, теми экспериментами, над которыми работали в лаборатории сам мэтр и его ученики. Их обширная исследовательская программа демонстрировала принципиальную жизнеспособность психологической науки, базирующейся на экспериментах, к которым призывал еще Джон Стюарт Милль. Вундт полагал, что прежде всего психология должна рассматривать те проблемы, которые уже поставлены и изучены эмпирически и количественно. Сам он, большей частью, не обращался к новым сферам исследования, а занимался текущими вопросами. В первые 20 лет существования лаборатории на ее базе было выполнено более сотни научных работ.

В первой серии экспериментов, проведенных в лейпцигской лаборатории, изучались психологические и физиологические аспекты зрения, слуха и других чувств. В сфере зрительных ощущений и восприятия среди типичных вопросов были психофизика цвета, цветовой контраст, периферическое зрение, негативное остаточное изображение, ослепление яркими цветами, объемное зрение, оптические иллюзии. Для изучения слуховых ощущений использовались психофизические методы. Исследовались тактильные ощущения, а также <чувство> времени (восприятие или оценка разных промежутков времени).

Особое внимание уделялось экспериментам, направленным на изучение времени реакции - проблеме, которая впервые возникла в работе Бесселя о скорости реакции в исследованиях астрономов. Эта тема интересовала ученых еще с конца XVIII века, к ней обращались Гельмгольц и голландский психолог Ф. К. Дондерс. Вундт был уверен, что можно экспериментально продемонстрировать три этапа реакции человека на раздражитель: восприятие, апперцепцию и проявление воли.

После непосредственного воздействия раздражителя на испытуемого, последний воспринимает его. затем осмысливает и, наконец, проявляет волю реагировать на него; результатом этой реактивной воли является мышечное движение. Вундт намеревался установить стандартные значения времени для человеческой мысли, определив время, необходимое для разных психических процессов - таких, как познание, умение различать, желание. Однако, перспективность этого метода представлялась несколько сомнительной, поскольку испытуемые не могли четко разграничить три этапа реакции, к тому же, время отдельных процессов в разных экспериментах и для разных людей было неодинаковым.

Помимо опытов, направленных на оценку времени реакции, проводились исследования внимания и чувств. Вундт рассматривал внимание как ярчайшее восприятие небольшой, но цельной порции содержимого сознания в некий момент времени. Он изучал то, что мы сейчас называем фокусом внимания. Раздражители в фокусе, в отличие от остальной области поля зрения, воспринимаются наиболее отчетливо. Простейший пример фокусирования внимания - сосредоточенность на тех словах, которые вы в данный момент читаете. Остальную часть этой страницы и другие объекты вокруг вас вы воспринимаете менее отчетливо. В лейпцигской лаборатории проводились исследования диапазона, устойчивости, а также продолжительности внимания.

Экспериментальное исследование чувств предпринималось с целью найти подтверждение трехмерной теории чувств. Вундт применял метод попарного сравнения: испытуемым предлагается сравнить раздражители с точки зрения возникающих у них чувств. В других опытах предпринимались попытки установить связь между изменениями физических показателей (частоты пульса и скорости дыхания) с соответствующими эмоциональными состояниями.

Еще одной темой исследований были вербальные ассоциации - в продолжение работы, начатой англичанином Френсисом Галлоном. Испытуемых просили ответить всего одним словом на слово-раздражитель. Чтобы выяснить природу вербальных ассоциаций, Вундт перешел к классификации типов связей, обнаруженных в результате реакций на раздражители, состоящие из одного слова.

В первые пять лет существования вундтовского журнала более половины его материалов составляли описание экспериментальных исследований психофизиологии чувств, времени реакции, психофизики и ассоциативных процессов. Некоторое внимание Вундт уделял вопросам детской психологии и зоопсихологии, но опытов в этой области он не проводил, так как считал, что в данном случае невозможно обеспечить необходимый контроль за чистотой эксперимента.

Комментарии

Организовать первую психологическую лабораторию мог только человек, хорошо понимающий современную физиологию и философию и способный плодотворно объединить эти дисциплины. На пути к цели - созданию новой науки - Вундту пришлось отказаться от бытовавших в то время ненаучных теорий и разорвать существовавшую связь между новой психологией и старой спекулятивной. Вундт ограничил предмет психологии только вопросами изучения сознания, заявив, что его наука признает факты и только факты. Ученому удалось избежать дискуссий по поводу бессмертной души и ее связи с бренным телом. С помощью простых, но убедительных доводов он доказал, что психология не нуждается в таких гипотезах. Несомненно, это был шаг вперед.

Благодаря Вундту, в науке возникла новая отрасль, развитию которой он способствовал всеми силами. Он проводил исследования в специально созданной лаборатории и публиковал результаты в собственном журнале. Он пытался разработать строгую теорию природы человеческого мышления. Некоторые из последователей Вундта основали лаборатории и продолжили его исследования, добившись замечательных результатов. Словом, именно Вундта можно назвать основоположником современной психологии.

Конечно, немалую роль сыграл тот факт, что время готово было принять идеи Вундта, ставшие естественным продолжением развития физиологических наук, особенно в

университетах Германии. Работа Вундта была кульминацией воплощения этих идей, а не их началом, что однако отнюдь не умаляет ее значимости. Для того, чтобы выполнить то, что сделал для психологии Вундт, требовался недюжинный талант, самоотверженность и мужество. Важнейшие научные достижения, ставшие результатом деятельности Вундта, обеспечили ему всеобщее признание и уникальное место в современной психологии. Следует заметить, что хотя психология Вундта получила широкое признание, она не сразу изменила общую картину академической науки в Германии. Вплоть до 1941 года психология в университетах Германии не была выделена в самостоятельную науку, оставаясь одним из разделов философии. Причина этого, отчасти, заключалась в том, что многие психологи и философы сами выступали против разделения этих наук. Но были и другие, более прозаические, причины: немецкие университетские чиновники не видели практической необходимости в выделении дополнительных средств на развитие новой науки (Ash. 1987).

Новая наука, предметом изучения которой стали элементы сознания и их синтез, не была направлена на решение практических вопросов. Возможно, именно поэтому психология Вундта и не получила широкой известности в прагматической атмосфере Соединенных Штатов. Психология Вундта была чисто академической наукой, и не более: прикладные вопросы Вундта не интересовали.

Но постепенно психология Вундта получила признание в научных школах всего мира, и лишь в Германии процесс выделения ее в самостоятельную науку шел очень медленно. К 1910 году - за 10 лет до смерти ученого - выходило три общегерманских журнала по психологии, было издано несколько учебников и основан ряд исследовательских лабораторий, но только 4 человека из ученого мира называли себя психологами, а не философами. В 1925 году в Германии таких ученых было лишь 25, и только в 14 из 23 университетов появились факультеты психологии (Turner. 1982). К этому времени в США уже появилось большое количество и ученых-психологов, и факультетов психологии, вышло немало книг, были разработаны специальные методики для использования их в практических целях. Как мы увидим далее, не последнюю роль в этом сыграла психология Вундта.

Взгляды Вундта - что, впрочем, является участью любых новаторских взглядов - подвергались ожесточенной критике, особенно те, что касались интроспекции. В случае, когда результаты сеансов интроспекции у разных участников сильно расходились, критики вопрошали: так какой же из них следует считать правильным? Интроспекция - это субъективный анализ человеком собственного внутреннего мира, сугубо личное дело, и прийти к общему соглашению относительно результатов эксперимента удастся здесь не всегда. Повторное проведение сеансов также не снимает всех вопросов. Правда, Вундт считал, что технику проведения сеансов можно значительно улучшить, если проводить специальную подготовку участников.

Пока Вундт был жив, критиковать его научную систему было трудно, так как ученый мог дать достойный отпор в любой из своих многочисленных печатных работ - что ему часто и приходилось делать. Он погребал оппонентов под фолиантами своих научных трудов и огромным количеством экспериментальных фактов.

В современной психологии уже многие годы позиция Вундта не является злободневной темой обсуждений. Как заметил один историк, <в период между двумя мировыми войнами [1918-1939] произошел поразительно резкий спад интереса к вундтовской психологии. Исследования и книги столь крупной фигуры, как Вундт, почти исчезли в англо-говорящем мире> (Blumenthal. 1985. P. 44). Единственное тому объяснение может

быть связано с его откровенными высказываниями о первой мировой войне. Он обвинял Англию в развязывании войны и оправдывал германское вторжение в Бельгию необходимостью самообороны. Этими заявлениями Вундт настроил против себя и своей психологии многих американских ученых (Benjamin, Durkin, Link, Vestal & Acord. 1992; Samia. 1993).

Но и в немецко-говорящих странах послевоенных лет система Вундта не имела счастливой судьбы. Еще при его жизни в Европе возникли две психологические школы, затмившие его идеи: гештальт-психология в Германии и психоанализ в Австрии. В Соединенных Цитатах вундтовский метод заслонили функционализм и бихевиоризм.

Закату системы Вундта в Германии способствовала экономическая и политическая обстановка того времени (вновь контекстные силы). Развал немецкой экономики вследствие поражения страны в первой мировой войне оставил университеты без финансовой поддержки. Лейпцигский университет не мог позволить себе даже приобрести последние книги Вундта для своей библиотеки. Во время второй мировой войны, 4 декабря 1943 года, в результате бомбардировки Лейпцига британской и американской авиацией была разрушена лаборатория Вундта, где он воспитал первое поколение психологов. Так навсегда была утрачена колыбель вундтовской психологии.

Но ослабить фундаментальные достижения Вундта не могли ни эти потери, ни тот факт, что после него почти вся история психологии демонстрирует сопротивление тем узким рамкам, в которые он ставил эту науку. Это противодействие только усиливает его величие. Революции необходима цель, у нее должно быть, что свергать. Вундт дал современной экспериментальной психологии несравненно мощный толчок.

Обзор 49 американских работ историков психологии, проведенный спустя семь десятилетий после смерти Вундта, показал, что до сего дня он считается крупнейшим психологом всех времен - славная память для ученого, чья система уже давно потеряла свою актуальность (Кот. Davis & Davis. 1991).

Другие направления развития немецкой психологии

Вундт недолго имел монополию на новую психологию: в Германии открывались и другие научные лаборатории. В первые годы существования экспериментальной психологии Вундт, безусловно, был лучшим организатором и систематизатором науки, но и другие ученые внесли значительный вклад в развитие новой научной дисциплины. Первые психологи «невундтианцы» исповедовали разные взгляды, но всех их объединяло стремление утвердить психологию как науку. Их работа, как и вклад Вундта, сделала Германию несомненным центром новой науки.

В Англии психология развивалась в ином направлении. Чарльз Дарвин выдвинул свою эволюционную теорию, а Френсис Гальтон разрабатывал психологию индивидуальных различий. Эти идеи даже более, чем работы Вундта, повлияли на развитие психологии в Соединенных Штатах. Большинство первых американских психологов учились в Лейпциге под руководством Вундта, а по их возвращении домой вундтовская психология стала неотъемлемо американской. Об этом мы расскажем позже; сейчас же важно отметить, что психологи разделились на фракции практически сразу после основания Вундтом новой науки. Хотя он и был отцом психологии, очень скоро его подход стал лишь одним из многих. Ниже мы познакомим вас с несколькими коллегами Вундта, его соотечественниками.

Герман Эббингауз (1850-1909)

Всего через несколько лет после заявления Вундта о невозможности экспериментального исследования высших психических функций, немецкий психолог-одиночка, работавший вне каких-либо университетов, начал успешно применять для изучения этих процессов именно эксперименты. Герман Эббингауз стал первым психологом, изучавшим память и обучаемость с помощью экспериментального метода. Таким образом, он не только доказал, что Вундт заблуждался в этом вопросе, но и изменил сам способ исследования процессов проведения ассоциаций и обучения,

До Эббингауза общепринятым методом - в наиболее известных работах британских последователей эмпирической и ассоциативной психологий - было изучение уже сложившихся ассоциаций. Исследователи работали как бы в обратном направлении - пытались определить природу установившихся связей.

Эббингауз подошел к вопросу с другой стороны: с формирования ассоциаций. Так он мог контролировать условия возникновения ассоциаций и, следовательно, сделать исследования процессов памяти более объективными.

Изучение Эббингаузом процессов заучивания и забывания - признанный пример поистине гениальной работы в экспериментальной психологии - было первым опытом рассмотрения собственно психологических, а не физиологических проблем (в отличие от экспериментов Вундта). Как следствие, исследования Эббингауза значительно расширили горизонты экспериментальной психологии.

Эббингауз родился в 1850 году в Германии, недалеко от Бонна. Он учился сначала в Боннском университете, а затем в университетах Галле и Берлина; в годы учебы интересовался историей и литературой, а также философией. Степень доктора философии получил в 1873 году, после чего последовала служба в армии во время франко-прусской войны. Семь лет Эббингауз на собственные средства учился в Англии и Франции, где его научные интересы вновь переменились. Примерно за три года до основания собственной лаборатории Эббингауз купил у лондонского букиниста книгу Фехнера «Элементы психофизики». Этому случаю суждено было не только круто повернуть жизнь самого Эббингауза, но и существенно повлиять на судьбу всей новой психологии.

Математический подход Фехнера к психическим явлениям стал для молодого Эббингауза настоящим откровением. Он решил, прибегнув к строгим систематическим измерениям, сделать для психологии то, что Фехнер сделал для психофизики. Эббингауз задумал применить экспериментальный метод к изучению высших психических функций. Во многом благодаря популярности идей британских ассоцианистов, предметом своих будущих научных достижений он выбрал психологию памяти.

Рассмотрим дерзновенные замыслы Эббингауза в свете избранной им темы и сложившейся в то время ситуации. Еще никто не брался исследовать процессы обучения и памяти экспериментальным путем. Известнейший психолог Вильгельм Вундт авторитетно заявлял, что это и невозможно. А ведь Эббингауз работал самостоятельно, не имел ни академической должности, ни поддержки со стороны какого-либо университета, ни собственной лаборатории. И все же, в течение пяти лет он провел ряд серьезнейших и исчерпывающих научных опытов, единственным испытуемым в которых выступал он сам.

За главный критерий процесса обучения Эббингауз взял заимствованный у ассоциативной психологии метод, основанный на законе, устанавливающем связь между частотой возникновения ассоциаций и качеством запоминания. Эббингауз утверждал, что трудность заучиваемого материала можно оценить числом повторов, требующихся для того, чтобы воспроизвести этот материал в совершенстве. Это еще один пример влияния Фехнера, который измерял ощущения опосредованно, путем измерения интенсивности раздражителя, необходимой для фиксации едва заметного различия в ощущениях. Похожий подход Эббингауз использовал и для измерения памяти: он подсчитывал число попыток, или повторов, требующихся для запоминания материала.

В качестве материала для запоминания Эббингауз использовал бессмысленные списки трехбуквенных слогов, он повторял их с такой частотой, чтобы быть уверенным в точности результата эксперимента. Так он мог исключить ошибки, возникающие во время повторов, и получить некое среднее значение оценки процесса запоминания. Эббингауз подходил к своим экспериментам так методично, что подчинил им распорядок всей своей жизни - для того, чтобы была возможность ежедневно в одни и те же часы заучивать необходимый материал.

Исследования с бессмысленными слогами

В качестве материала для своих исследований - материала для заучивания - Эббингауз использовал **бессмысленные слоги***, и это его изобретение кардинально изменило изучение процесса обучения.

Титченер позже отмечал, что использование бессмысленных слогов стало первым заметным шагом в данной области со времен Аристотеля.

Эббингауз видел трудности в использовании в качестве материала для запоминания стихов или связных историй. У человека, знакомого с данным языком, слова вызывают определенные ассоциации. Эти ассоциации могут облегчить процесс запоминания и, поскольку они уже будут присутствовать у испытуемого во время эксперимента, исследователь не сможет их контролировать. Эббингауз же хотел использовать в своих опытах материал совершенно однородный, не рождающий никаких ассоциаций и абсолютно незнакомый - материал, связь с которым у испытуемого минимальна. Его бессмысленные слоги, состоящие, как правило, из двух согласных и одной гласной (например, lef, bok или yat), удовлетворяли этим требованиям. Он расписал все возможные трехбуквенные сочетания на карточках, получив запас из 2300 слогов, из которых наугад выбирал слоги для заучивания.

Появившиеся недавно факты - предоставленные одним немецким психологом, который изучил все сноски в публикациях Эббингауза и записи, сделанные им во время

* бессмысленные слоги - в экспериментах по изучению процессов памяти - бессмысленный ряд слогов, используемых для запоминания.

экспериментов, а также сравнил английские переводы его работ с оригинальными текстами на немецком - дают новую интерпретацию значения бессмысленных слогов (GuncUach.1986). Они не были полной бессмыслицей, и, оказывается, среди них были не только трехбуквенные.

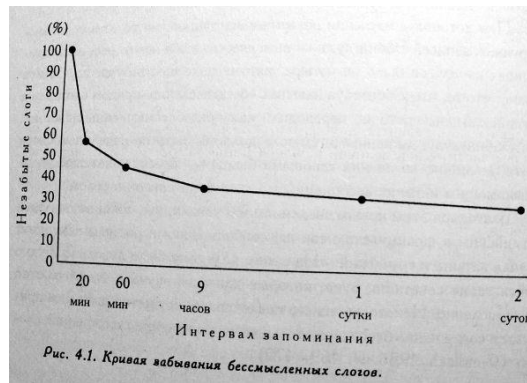
При дотошном изучении исторических данных - то есть собственноручных записей Эббингауза - выясняется, что в некоторых из придуманных им слогов было по четыре, пять и даже шесть букв. Еще более важно, что то, что Эббингауз называл «бессмысленным рядом слогов» на английский язык неточно переводили как «ряд бессмысленных слогов». По Эббингаузу, лишены смысла должны быть не отдельные слоги (хотя большинство из них таковыми были) - бессодержательным, не вызывающим никаких ассоциаций, должен быть список в целом.

Благодаря этим новым сведениям мы узнали, что Эббингауз владел английским и французским так же свободно, как и родным немецким; изучал латынь и греческий. «На самом деле, ему было довольно трудно найти такие сочетания букв, которые для него звучали бы абсолютно бессмысленно. Некоторые из его последователей тщетно пытались придумать совершенно бессодержательные, не рождающие ассоциаций, слоги» (Gundlach. 1986. P. 469-470).

Эббингауз задумал провести несколько экспериментов с использованием бессмысленных слогов для определения особенностей обучения и запоминания в разных условиях. В ходе одного из них он исследовал разницу в скорости запоминания бессмысленного списка слогов и скорости запоминания осмысленного материала. Для этого он выучил отрывки из поэмы Байрона <Дон Жуан>. В каждой из строф было по 80 слогов, и, по подсчетам Эббингауза, для запоминания одной строфы ему требовалось прочесть ее примерно 9 раз. Когда же он выучил 80 слогов, то подсчитал, что ему пришлось повторить их не менее 80 раз. Эббингауз пришел к выводу, что бессодержательный и не ассоциирующийся ни с чем материал запоминается почти в девять раз труднее, чем материал осмысленный.

Также Эббингауз исследовал зависимость числа повторов, требующихся для безупречного воспроизведения представленного для запоминания материала, от его объема. Он заключил, что чем больше объем материала, тем больше повторов требуется для его заучивания, а следовательно, и больше времени. Среднее время, затрачиваемое на запоминание одного слога, увеличивается при увеличении числа слогов. Откровенно говоря, этот вывод легко предсказуем: чем больше нам надо выучить, тем больше времени мы потратим. Но работа Эббингауза ценна своей тщательностью, строгим контролем за соблюдением условий эксперимента, математическим анализом данных. Большое значение имеет заключение Эббингауза о том, что с увеличением списка слогов возрастает время запоминания каждого слога и общее время запоминания всех слогов.

Эббингауз изучал и другие факторы, способные, по его мнению, повлиять на память и обучение. Это и эффект избыточного запоминания (повторов материала больше, чем требуется для безупречного его воспроизведения), и ассоциации внутри списка слогов, и повтор уже выученного материала, и время между запоминанием и вспоминанием. На основе изучения влияния фактора времени на процессы памяти Эббингауз составил кривую забывания («кривая Эббингауза»), в соответствии с которой быстрее всего материал забывается в первые несколько часов после запоминания, а затем скорость забывания медленно снижается (рис. 4.1).

В 1880 году Эббингауз получил должность в Берлинском университете, где и продолжил свои изыскания, проводя дополнительные эксперименты и перепроверяя результаты, полученные ранее. Свои опыты он описал в работе «О памяти» (*liber das Gedachtnis*), которая в истории психологии и по сей день остается, пожалуй, самым блестящим научным трудом, написанным независимым исследователем. Он знаменует собой не только начало новой области исследования, но и является образцом профессионального мастерства и стойкости его автора. Нет в истории психологии другой такой фигуры, как Эббингауз - ученого, который, работая безо всякой поддержки, смог подчинить всю свою жизнь скрупулезному экспериментированию. Его опыты проводились с такой точностью, тщательностью и методичностью, что вот уже более ста лет на них ссылаются во всех учебниках по психологии.

Другие исследования Эббингауза

Эббингауз не возражал, чтобы и другие ученые разрабатывали его тему исследований, совершенствуя методологию. После 1885 года он опубликовал не так уж много работ. В 1886 году его назначили ассистентом профессора в Берлинском университете. Он создал лабораторию, а в 1890 году, совместно с физиком Артуром Кенигом, учредил «Журнал психологии и физиологии органов чувств». В Германии существовала потребность в таком журнале, поскольку журнал Вундта, печатный орган лейпцигской лаборатории, был просто не в состоянии освещать все проводившиеся в то время исследования. Необходимость в новом журнале, всего через девять лет после основания журнала Вундта, есть свидетельство стремительного развития новой психологии.

В первом номере своего журнала Эббингауз и Кениг сделали смелое утверждение в отношении двух дисциплин, вынесенных в его заголовок: психологии и физиологии. Они писали, что эти науки «развивались вместе... чтобы слиться в единое целое: они стимулировали и предсказывали развитие друг друга, и потому являют собой две равноценные части одной великой науки» (Turner. 1982. P. 151). Подобное заявление спустя всего 11 лет после открытия лаборатории Вундта также свидетельствует о том, насколько далеко продвинулась его идея новой науки.

В Берлинском университете Эббингауза более не повышали в должности - очевидно, ввиду того, что печатался он довольно редко. В 1894 году он принял предложение работать в университете Бреславля, где он оставался до 1905 года. Эббингауз разработал тест, в котором предлагалось закончить предложение; в модифицированном виде этот тест применяется и при одновременном тестировании интеллекта.

В 1902 году вышло его имевшее огромный успех руководство «Принципы психологии» (*Grundziige der Psychologie*), которое автор посвятил памяти Фехнера. Еще большую

популярность получило сочинение Эббингауза «Очерки по психологии» (Abriss der Psychologie. 1908). Обе работы многократно переиздавались не только при жизни, но и после смерти Эббингауза. В 1905 году Эббингауз стал профессором университета города Галле, где и умер от пневмонии четырьмя годами позже.

Никакого теоретического вклада в психологию Эббингауз не внес; не создал он и формальной системы, не воспитал учеников, ставших выдающимися учеными. Он не основал собственной школы, да и едва ли думал об этом. И все же, его место в истории психологии определяется не только тем, что он положил начало экспериментальным исследованиям памяти.

Единственным мерилom ценности ученого является то, прошли или нет его научные взгляды и выводы испытание временем. А с этой точки зрения, Эббингауз оказал на науку влияние более значительное, чем Вундт. Исследования Эббингауза привнесли объективность количественных и экспериментальных методов в изучение высших психических процессов - одну из центральных тем современной психологии. Именно благодаря Эббингаузу работа в области изучения ассоциаций из теоретизирования об их свойствах превратилась в подлинное научное исследование. Многие из его заключений о природе обучения и памяти остаются справедливыми даже столетие спустя после их появления.

Георг Элиас Мюллер (1850-1934)

Георг Мюллер, чей рабочий день никогда не заканчивался раньше полуночи, родился в Лейпциге. Его интерес к философии пробудила английская поэзия, которую он читал в переводах. Мюллер воевал во время франко-прусской войны. Физиологию он изучал в университетах сперва Лейпцига, а потом Геттингена, где и проработал в течение всей своей 40-летней научной карьеры. В эти годы - с 1881 по 1921 - его лаборатория, привлекавшая многих студентов со всей Европы и из Соединенных Штатов, соперничала с лейпцигской лабораторией Вундта.

Одна из его американских учениц, Элеонор Гэмбл, закончила колледж Уэлсли, а затем получила степень доктора философии, работая под руководством Э. Б. Титченера в Корнеллском университете. Ее перу принадлежит ставшая классической монография о реконструкции как методе измерения памяти (Gamble. 1909),

Мюллер стал одним из первых, кто продолжил начатое Эббингаузом экспериментальное изучение высших психических функций, его работы подтвердили и расширили выводы Эббингауза. Подход последнего отличался строгой объективностью: Эббингауз не анализировал собственные психические процессы, происходящие во время выполнения опытов по запоминанию.

Мюллер полагал, что в подходе Эббингауза заложен взгляд на обучение как на процесс механический и автоматический. Воспользовавшись методами Эббингауза, он добавил к изучению психических функций интроспективный оттенок. Результаты экспериментов Мюллера подтвердили, что обучение протекает не механически. Субъект активно участвует в сознательном группировании и организации предложенного материала, и находит смысл в самом, казалось бы, бессмысленном списке слогов.

Опираясь на свои исследования, Мюллер заключил, что сама по себе ассоциативность слов не объясняет явление обучения, так как субъект активно ищет взаимосвязи между

представленными раздражителями. Мюллер предположил, что на обучение влияют некоторые психические состояния - такие, как готовность, нерешительность и сомнение (так называемое осознанное отношение). К тем же выводам, как мы увидим далее, пришел и профессор университета Вюрцбурга Освальд Кюльпе.

Мюллер впервые высказал и проиллюстрировал в своей лаборатории **интерференционную теорию забывания***. Согласно этой гипотезе, забывание обусловлено не разрушением памяти с течением времени: оно происходит потому, что запоминание нового материала взаимодействует (интерферирует) с уже имеющимися в памяти ассоциациями и может их разрушить.

Достоин упоминания еще один вклад Мюллера в изучение памяти. Вместе со своим помощником Фридрихом Шуманом он придумал «барабан памяти», специальный вращающийся цилиндр, регулирующий подачу предназначенного для запоминания материала. Создание такого устройства имело большое значение, поскольку оно способствовало повышению точности и объективности исследований проблем обучения и памяти.

Интерференционная теория забывания - гипотеза, согласно которой процесс забывания происходит вследствие взаимодействия нового материала с уже имеющимся в памяти.

Франц Brentano (1838-1917)

С 16 лет австриец Франц Brentano изучал богословие в университетах Берлина, Мюнхена и Тюбингена. Степень по философии он получил в Тюбингене в 1864 году. В том же году был посвящен в духовный сан, а двумя годами позже начал преподавать философию в университете Вюрцбурга. Сферой его научных интересов был Аристотель. В 1870 году Ватиканский Собор в Риме принял доктрину о непогрешимости папы, с чем Brentano был решительно не согласен. Он отказался от сана и от профессорской должности, которую получил как священник.

Самая известная работа Brentano «Психология с эмпирической точки зрения» (*Psychologie vom empirischen Standpunkte aus*) была опубликована в 1874 году, год спустя после выхода второго тома «Принципов физиологической психологии» Вундта. В своей

* интерференционная теория забывания утверждает, что процесс забывания происходит вследствие взаимодействия нового материала с уже имеющимися в памяти.

книге Brentano полемизирует с Вундтом, что говорит об уже наметившемся расколе внутри новой психологии. В том же 1874 году ему предложили место профессора в Венском университете. Там он проработал 20 лет, в течение которых неизменно крепили его авторитет и влияние. Лекции Brentano были необычайно популярны; среди его студентов были выдающиеся психологи: Карл Штумпф, Христиан фон Эрен-фельс, Зигмунд Фрейд. В 1894 году Brentano ушел на покой, довольно долго жил во Флоренции, где продолжал много писать. Умер он в Цюрихе.

Разнообразие научных интересов Brentano сделало его одним из влиятельнейших фигур среди первых психологов. Далее мы расскажем о том, как он стал духовной предтечей гештальт-психологии и гуманистической психологии. Подобно Вундту, он ставил своей целью сделать психологию наукой. Но если психология Вундта была чисто экспериментальной, то основным научным методом Brentano было наблюдение, хотя он и не отрицал полезности экспериментов. Он придерживался мнения, что полноценный эмпирический подход все же шире, так как пользуется данными, полученными не только экспериментально, но и в результате наблюдения и личного опыта.

Brentano не принял фундаментальную идею Вундта о том, что психология должна изучать содержание сознания. Главным предметом изучения психологии он полагал психическую активность - то есть не содержание процесса восприятия, не видимый объект, а сам акт видения. Таким образом, психология акта Brentano противостоит взглядам Вундта о том, что психология должна заниматься элементами психических процессов.

Brentano утверждал, что необходимо различать опыт как структуру и опыт как деятельность. К примеру, так называемое сенсорное содержание красного цвета, выступающего как раздражитель, отличается от акта его восприятия. Brentano говорил, что настоящим предметом психологии является акт переживания. По его мнению, цвет является не психическим, а исключительно физическим качеством. А вот акт видения цвета - это психический процесс. Конечно, любой акт предполагает наличие объекта; некоторая доля сенсорного содержания всегда присутствует, поскольку акт видения невозможен, если нечего видеть.

Новая концепция предмета изучения психологии потребовала создания иного научного метода, так как акты восприятия не поддаются анализу путем интроспекции - метода, который применялся в лейпцигской лаборатории Вундта. Изучение психических актов требует наблюдения на более широкой основе, чем это практиковал Вундт. Психология акта Brentano по своей методологии была не экспериментальной, а эмпирической. Но это не было возвращением к спекулятивной философии - не будучи экспериментальной, психология Brentano все же опиралась на систематическое наблюдение.

В частности, Brentano доказывал, что психические акты можно исследовать двумя способами: посредством памяти (припоминая, какие психические процессы присущи тем или иным психическим состояниям) и посредством воображения (представляя себе некое психическое состояние и ведя наблюдение за сопутствующими этому состоянию психическими процессами).

Психология акта - концепция психологии Brentano, согласно которой предметом эмпирического изучения в психологии должны быть психические акты.

У Brentano было много последователей, но в психологии продолжала господствовать система Вундта. Взгляды Вундта были известны шире, поскольку он больше печатался.

Кроме того, легче было заниматься изучением ощущений или содержания сознания с помощью методов психофизики, чем исследовать, как Brentano, процессы более неуловимые.

Карл Штумпф (1848-1936)

Карл Штумпф родился в Баварии в семье медиков. Наукой он увлекся еще в юном возрасте, но еще больше любил музыку. С семи лет он начал учиться игре на скрипке, а со временем овладел еще пятью инструментами. К десяти годам Штумпф стал сочинять собственную музыку. Поступив в университет Вюрцбурга, Штумпф заинтересовался работой Brentano и решил специализироваться по философии и естественным наукам. По совету своего учителя Brentano он перешел в Геттингенский университет, где в 1868 году получил докторскую степень. Прежде чем начать свои изыскания по психологии, Штумпф занимал ряд академических должностей.

В 1894 году Штумпф удостоился самого престижного в немецкой психологии звания - профессора Берлинского университета. Годы, проведенные в Берлине, были необычайно плодотворными. Созданная им лаборатория, которая первое время ютилась в трех небольших комнатках, превратилась в крупный и влиятельный научный институт. И хотя по своему масштабу осуществлявшиеся там исследовательские программы не могли сравниться с лейпцигской лабораторией, Штумпфа можно считать главным соперником Вундта. У него учились двое из тех, кто впоследствии заложил основы гештальт-психологии, а его психологическая школа выступала противником позиции Вундта.

Первые сочинения Штумпфа по психологии касались восприятия пространства, но самая важная его работа связана с его вечной любовью - музыкой и называется <Психология восприятия музыки> (Tonpsychologie). Два тома этой книги вышли в 1883 и 1890 годах. Благодаря этой, а также другим посвященным все той же музыке работам Штумпф стал вторым, после Гельмгольца, авторитетом в изучении вопросов акустики. Его произведения были первыми попытками исследования психологических аспектов музыки.

То, почему Штумпф принял менее точный научный метод, чем проповедовал Вундт, объясняется влиянием Brentano. Штумпф утверждал, что данными психологии являются, прежде всего, феномены. Феноменология, в своем роде интроспекция, описывает объективный опыт - то есть непосредственные первичные данные нашего опыта. Штумпф не разделял взглядов Вундта по поводу дробления опыта на элементы. Он считал, что такой метод делает опыт искусственным и абстрактным, и, следовательно, он более не может быть естественным*. В ряде публикаций он и Вундт вели жесткую полемику по вопросам интроспекции восприятия музыки. Штумпф начал теоретический спор, но Вундт перевел его в личную плоскость. По сути, проблема сводилась к тому, чья научная

* Эдмунд Гуссерль, который был учеником Штумпфа, позже предложил философию феноменологии; она предвосхитила гештальт-психологию (см. главу 12).

слава была более заслуженной. Изучая музыкальные тона, должны ли мы полагаться на результаты наблюдений, полученных профессиональными психологами в лабораторных условиях, как того требовал Вундт, или в данном случае следует доверять экспертам-музыкантам, как настаивал Штумпф? Принять результаты, полученные в лейпцигской лаборатории Вундта, Штумпф отказывался.

Продолжая изыскания в области музыки и акустики, Штумпф создал архив музыкальных записей. Также он стал основателем Берлинской ассоциации детской психологии. В одной из работ он попытался свести чувства к ощущениям: эта идея созвучна когнитивным теориям в современной психологии (Reizenzein & Schonpflug. 1992). Штумпф был в числе тех немецких психологов, кто, работая независимо от Вундта, расширял рамки новой психологии.

Освальд Кюльпе (1862-1915) и вюрцбургская школа психологии

Поначалу Освальд Кюльпе был последователем Вундта. Но позже он встал во главе группы студентов, выступавших против ограничений, выдвинутых Вундтом. И хотя это движение протеста не было революционным, его можно назвать декларацией свободы. Вся научная деятельность Кюльпе была посвящена исследованию тех вопросов, которые отклоняла психология Вундта.

В 19 лет Кюльпе поступил в Лейпцигский университет. Он собирался изучать историю, но под влиянием идей Вундта обратился к философии и экспериментальной психологии, которая в 1881 году еще только вставала на ноги. Однако Кюльпе не потерял своего интереса к истории и, проучившись два семестра у Вундта, решил отправиться в Берлин. Прошло еще несколько лет в метаниях между психологией и историей, прежде чем Кюльпе вернулся к Вундту в 1886 году. Он оставался в Лейпциге еще восемь лет.

Получив научную степень, Кюльпе начал работу в университете в качестве помощника профессора и ассистента Вундта и продолжал исследования в лаборатории. Свою первую книгу «Очерки по психологии», вышедшую в 1893 году, он посвятил Вундту. Здесь Кюльпе определяет психологию как науку, изучающую данные опыта, которые зависят от переживания индивида.

В 1894 году Кюльпе становится профессором университета города Вюрцбург, а двумя годами позже создает лабораторию, которая вскоре смогла составить конкуренцию лаборатории Вундта. Среди студентов Вюрцбургского университета были и американцы; один из них, Джеймс Роуленд Энджелл, впоследствии стал ключевой фигурой в развитии направления, названного функционализмом.

В «Очерках по психологии» Кюльпе не рассматривал сложные психические функции; в то время он разделял взгляды Вундта. Но уже через несколько лет он утвердился в мысли, что мыслительные процессы можно исследовать с помощью эксперимента. Эббингауз для изучения одного из высших психических процессов, памяти, использует экспериментальный метод. Если память можно исследовать в лабораторных условиях, то почему нельзя проводить эксперименты с мышлением? Задавшись этим вопросом, Кюльпе занял позицию, прямо противоположную точке зрения своего бывшего наставника - так как Вундт утверждал, что экспериментальный метод не применим к сложным психическим процессам.

Другое отличие вюрцбургской психологии от изысканий, проводившихся в лаборатории Вундта, касалось явления интроспекции. Кюльпе предложил метод, который он назвал **систематической экспериментальной интроспекцией***. Он заключался в том, что перед испытуемым ставилась некая сложная задача (допустим, установить логические связи между понятиями), после выполнения которой от него требовалось ретроспективное описание пережитого (проделанного). Иными словами, испытуемые должны были рассказать о том, как проходил у них процесс - например, формирования суждения. В лаборатории Вундта такое ретроспективное, или постфактум, наблюдение не практиковалось. Вундт верил в изучение сознательного опыта, синхронного с ним, а не по памяти о нем, когда опыт уже пережит. Интроспекцию Кюльпе Вундт называл <имитацией интроспекции>.

Интроспективный метод Кюльпе был систематическим, потому что описание всего пережитого опыта разделялось на определенные промежутки времени. Аналогичные задачи выполнялись множество раз, с тем, чтобы можно было скорректировать, проверить и утвердить результаты наблюдений. Во время наблюдений испытуемым задавали дополнительные вопросы, что давало возможность направить их внимание к интересовавшим наблюдателя аспектам процесса мышления.

Между интроспективными методами Кюльпе и Вундта были и другие различия. Вундт не был сторонником того, чтобы испытуемые в деталях описывали свои переживания. Его исследования в большинстве своем опирались на объективные, количественные критерии - такие, как временные моменты появления реакции или суждения о весе грузов в психофизических экспериментах.

В систематической экспериментальной интроспекции Кюльпе, напротив, упор делался на субъективные, качественные и подробные описания испытуемых о характере их мыслительных процессов. В его лаборатории от испытуемых требовали не просто произнести простое суждение о силе раздражителя. Их просили описывать сложные психические процессы, которые происходили во время выполнения ими поставленных задач. Целью Кюльпе было изучение того, что происходит в голове субъекта во время того или иного переживания. Кюльпе хотел расширить вундтовскую концепцию предмета психологии, включить в него сложные психические функции и усовершенствовать методологию интроспекции.

* систематическая экспериментальная интроспекция - метод интроспекции Кюльпе, который предполагал не одновременное разворачивание процесса мышления и наблюдение этого процесса, а ретроспективное наблюдение уже пережитого испытуемым.

Каковы же были результаты деятельности Кюльпе по расширению и совершенствованию предмета и метода психологии? В системе Вундта подчеркивалось, что сознательный опыт можно разложить на составляющие части, ощущения и образы. Результаты же интроспекции мыслительных процессов, полученные психологами вюрцбургской школы Кюльпе, подтверждали иную точку зрения, что мысль возможна без всякого сенсорного или образного содержания. На основе этих выводов сложилась **теория безобразной***, или ненаглядной, **мысли**: ощущения и образы выполняют в мышлении лишь вспомогательную, побочную роль. Таким образом, исследования Кюльпе установили наличие несенсорной формы сознания.

Научные исследования в вюрцбургской лаборатории

Научные исследования в вюрцбургской лаборатории развивались. Важный вклад в изучение сравнительных измерений веса внес Карл Марбе. Марбе установил, что, хотя ощущения и представления присутствуют во время выполнения экспериментальной задачи, они, по-видимому, никак не влияют на процесс принятия решения. Испытуемым не удавалось отметить, как у них в голове складывается представление о том, какой вес более легкий, а какой более тяжелый. Это противоречило устоявшейся точке зрения, что суждение выносится тогда, когда испытуемые, удерживая в памяти мыслительный образ первого веса, сравнивали его с сенсорным впечатлением от второго.

Исследования Генри Уатта показали, что при проведении вербально-ассоциативных экспериментов (проверка реакции испытуемого на слово-раздражитель) почти невозможно получить фактические данные о том, как в сознании испытуемых складываются представления. Это лишь подтвердило гипотезу Кюльпе, что сознательный опыт не сводится только к ощущениям и образам. Испытуемые в экспериментах Уатта были в состоянии правильно отвечать и не выстраивая в своем уме логическую структуру ответа. Уатт пришел к выводу, что работа сознания совершалась еще до окончания эксперимента, а именно в момент, когда происходило усвоение правил его выполнения.

Испытуемые, очевидно, давали подсознанию некие установки или, другими словами, направляли его, чтобы дать наиболее приемлемый, на их взгляд, ответ. Как только правила выполнения задачи были усвоены и определено основное направление, действительная задача стала выполняться без каких-либо усилий со стороны сознания. Эти исследования подтвердили, что скрытая сторона сознания способна каким-то образом контролировать его деятельность. То, что опыт зависит не только от элементов сознания, но и от определяющих тенденций в работе подсознания, доказывало, что подсознание оказывает существенное влияние на поведение человека. Эта идея стала основополагающей в теории психоанализа Зигмунда Фрейда.

Комментарии

Итак, можно сделать вывод, что психология была внутренне противоречива с момента своего возникновения. Но, несмотря на все различия в своих подходах, психологи-первопроходцы были едины в своей цели, а именно: сделать психологию самостоятельной наукой.

Благодаря усилиям Вундта, Эббингауза, Brentano, Штумпфа и некоторых других ученых-исследователей психология более была <не изучением души... [а] исследованием - посредством наблюдений и экспериментов - определенных реакций человеческого

* безобразная мысль - идея Кюльпе о том, что мысль может не содержать никаких сенсорных или образных компонентов.

организма, которые не являются предметом изучения никаких других наук. Немецкие психологи, несмотря на различия во взглядах, делали общее дело: их талант, трудолюбие и единая направленность научной работы - все это сделало университеты Германии центром развития новой психологии» (Heidbreder. 1935. P. 105).

Германии, однако, не удалось долго удерживать завоеванные позиции. Прошло не так уж и много времени, как в Соединенных Штатах появилась и стала развиваться психология Вундта в интерпретации его ученика Э. Б. Титченера.

Вопросы для обсуждения

1. Опишите как система Вундта, в интерпретации Титченера, стала примером искажения исторических фактов. Что из себя представляет культурно-историческая психология Вундта? Почему она стала причиной разделения внутри новой психологии?
2. Какое влияние работы немецких физиологов и английских эмпириков оказали на психологию Вундта? Раскройте вундтовскую концепцию волюнтаризма. Какую роль сыграли элементы сознания?
3. Укажите различия между опосредованными и непосредственными опытом? Опишите, как Вундт использовал метод интроспекции. Какова роль апперцепции в научной системе?
4. Какие темы Вундт и его ученики разрабатывали в Лейпцигской лаборатории? Проследите развитие психологии Вундта в Германии. За что система Вундта подверглась критике?
5. Опишите исследования Эббингауза проблем обучения и памяти. Как повлияли на взгляды Эббингауза исследования Фехнера? Какое влияние Эббингауза оказал на исследования Мюллера?
6. Чем психология акта Brentano отличается от психологии Вундта? Чем взгляды Штумпфа на психические элементы и использование интроспекций отличаются от взглядов Вундта?
7. Что имел в виду Кюльпе под систематической экспериментальной интроспекцией? В чем подход Кюльпе отличается от подхода Вундта? Как идея безобразной мысли соотносится с вундтовской концепцией сознательного опыта?

Рекомендуемая литература

- Baldwin, B.T. (1921) In memory of Wilhelm Wundt by his American students. *Psychological review*, 28, 153-158. воспоминания о Вильгельме Вундте его американских учеников.
- Langfeld, H.S. (1937) Stumpf's «Introduction to Psychology». *American Journal of Psychology*, 50, 33-56. Начала курса психологии, который читал Штумпф в Берлинском университете в 1906-1907 гг.
- Lindenfeld, D.(1978) Oswald Kulpe and the Wurzburg School. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 14, 132-141. Сопоставление философских и психологических концепций Кюльпе; оценка их значимости.
- Postman, L. (1968) Herman Ebbinghaus. *American Psychologist*, 23? 149-157. Оценка вклада Эббингауза в экспериментальное изучение памяти.

Глава 5

Структурализм

Введение

Титченер всегда заявлял о себе как о приверженце системы Вундта, с которой он познакомился во время своего пребывания в Германии. Однако, приехав в США, он произвел в ней впечатляющие изменения и разработал свою собственную теорию, получившую название структурализма и представленную им как дальнейшее развитие взглядов Вундта. В действительности же, системы имели принципиальные различия, и термин «структурализм» мог применяться только в отношении подхода, использованного Титченером. В США структурализм получил известность в начале нашего века. Он играл заметную роль в развитии американской психологии в течение двух десятилетий - до тех пор, пока не был отвергнут новыми теориями. Хотя Титченер несомненно был влиятельной фигурой в мире науки, тем не менее еще при его жизни некоторые современники начали разрабатывать свои собственные направления исследований.

Вундт признавал существование элементов сознания, но его главной задачей была их организация или синтез в познавательные процессы более высокого уровня при помощи апперцепции, то есть осознанного восприятия. С точки зрения Вундта разум обладает силой для волевой организации элементов психики. Такой подход заметно отличался от пассивных, механистических представлений об ассоциациях, которые разделяли большинство британских эмпириков и ассоцианистов.

Титченер сосредоточил свои усилия на изучении элементов психики и их механической связи посредством ассоциации. Однако, он отказался от использования вундтовского учения об апперцепции и сконцентрировал свое внимание на самих элементах. С его точки зрения основная задача психологии заключалась в открытии этих элементарных составляющих сознания, то есть в разложении сознания на части и определении его структуры.

Структурализм - система психологии Титченера, которая имеет дело с сознательным опытом, зависящим от испытывающего его субъекта.

Эдуард Брандфорд Титченер (1867-1927)

Большая часть активной творческой жизни Титченера связана с его работой в Корнелльском университете Нью-Йорка. Каждая его лекция, на которой он неизменно появлялся облаченным в профессорскую мантию, представляла собой настоящее

театральное представление. Сцену для этого представления готовили ассистенты ученого под его непосредственным наблюдением. Младший преподавательский состав, посещавший все его лекции, занимал места в первом ряду. Через отдельную дверь входил профессор Титченер и направлялся прямо на кафедру. Он полагал, что его оксфордская мантия и профессорская шапочка дают ему право считать себя непререкаемым авторитетом. Хотя Титченер учился у Вундта всего два года, он во многом напоминал своего учителя - как автократическим стилем руководства и приемами чтения лекций, так и бородой.

Страницы жизни

Титченер родился в Англии, в Чичестере. Он принадлежал к древнему, но обедневшему роду и привык с детства рассчитывать только на свои незаурядные умственные способности, благодаря которым смог добиться получения стипендий для продолжения образования. Сначала он учился в Малвернском колледже, а затем в Оксфордском университете, где изучал философию и классическую литературу, а позднее получил должность ассистента-исследователя на кафедре физиологии.

Находясь в Оксфорде, Титченер увлекся теориями Вундта, однако этот интерес не разделялся и не поощрялся никем из его коллег и наставников. Поэтому неудивительно, что он предпринял поездку в Лейпциг - тогдашнюю Мекку многих ученых-пилигримов - где стал заниматься под руководством Вундта и получил степень доктора в 1892 году.

У себя на родине Титченер собирался стать первопроходцем в области экспериментальной психологии. Однако, вернувшись в Англию, он обнаружил, что его коллеги весьма скептически относятся к новому научному подходу, который так полюбился ему. Поэтому, проработав в Оксфорде всего несколько месяцев, он отправился в США, чтобы преподавать психологию и руководить научной лабораторией в Корнелльском университете. В тот год, когда он покинул Англию, ему было 25 лет. Всю оставшуюся часть жизни он провел в Корнелле.

В период с 1893 по 1900 годы Титченер занимался оборудованием своей лаборатории, проведением исследований и написанием статей, число которых перевалило за шестьдесят. По мере того, как его направление в психологии привлекало в Корнелл все больше и больше студентов, он начал отходить от личного участия в экспериментальной работе, перекладывая задачу проведения опытов на своих учеников. Таким образом, именно благодаря исследованиям своих студентов Титченер сумел накопить огромный экспериментальный материал. За 35 лет работы под его руководством были написаны свыше 50 докторских диссертаций по психологии, большая часть которых носила непосредственный отпечаток его идей. Используя свой авторитет, он выбирал для студентов темы исследований, которые представляли для него особенный интерес. В итоге это позволило ему создать собственную систему, получившую название структурализма, по его словам, «единственную систему в психологии, достойную упоминания» (Roback. 1952. P. 184).

Титченер переводил книги Вундта с немецкого на английский. Закончив работу над переводом третьего издания «Основ физиологической психологии», он обнаружил, что Вундт уже издал четвертое. Титченер перевел четвертое, но к этому времени неутомимый Вундт подготовил пятое.

Перечень книг самого Титченера включает «Очерки психологии» (An Outline of Psychology, 1896 г.), «Начальный курс психологии» (Primer of Psychology, 1898 г.) и

четырёхтомный труд под названием «Экспериментальная психология: руководство по практическим занятиям» (*Experimental Psychology: A Manual of Laboratory Practice*), который считался «одной из самых значительных книг в истории психологии» (Benjamin, 1988. P. 210). Отдельные тома последней книги, которые часто назывались просто «Руководствами», вызвали в США всплеск активности в области экспериментальной психологии и оказали влияние на целое поколение ученых, занимавшихся этой проблемой. Все учебники, написанные Титченером, пользовались большой популярностью и были переведены на русский, итальянский, немецкий, испанский и французский языки.

У Титченера было несколько хобби, которые отвлекали его силы и время от занятий психологией. Воскресными вечерами он дирижировал у себя дома небольшим любительским оркестром и в течение многих лет неофициально считался «профессором музыки» Корнелльского университета до тех пор, пока там не открылся музыкальный факультет. Интерес к нумизматике заставил Титченера взяться - со свойственной ему тщательностью - за изучение китайского и арабского языков, чтобы иметь возможность читать надписи на монетах. Титченер переписывался со многими своими коллегами, причем большинство его писем были отпечатаны на машинке и содержали дополнительные замечания, сделанные от руки.

С возрастом он все реже появлялся в обществе и все меньше участвовал в научной жизни университета. Титченер стал живой легендой Корнелла, хотя многие преподаватели не только не были с ним знакомы, но даже никогда его не видели. Большую часть своей научной работы он выполнял в стенах домашнего кабинета, проводя в университете сравнительно мало времени. После 1909 года он читал лекции один раз в неделю по понедельникам только в течение весеннего семестра. Доступ посетителей к Титченеру тщательно контролировался его женой, которая всячески оберегала мужа от случайных вторжений. Даже его ученики могли звонить ему домой только в самых крайних случаях.

Хотя Титченер обладал деспотическими манерами немецкого профессора, все же он мог быть добрым и заботливым в отношении своих студентов и коллег - особенно, если они оказывали ему почтение и уважение в той мере, в какой он считал это необходимым. В университете рассказывались истории о том, как молодые преподаватели и аспиранты, безо всякого принуждения, мыли его машину и вставляли оконные стекла в его доме, движимые лишь чувствами искреннего уважения и восхищения.

Один из его учеников, Карл Далленбах, приводил высказывание Титченера о том, что «нечего даже надеяться стать настоящим психологом, не научившись прежде курить» (Dallenbach, 1967. P. 91). Неудивительно, что многие его студенты начали курить сигары - по крайней мере, в присутствии знаменитого ученого. Другая аспирантка, Кора Фридлайн рассказывала, как во время обсуждения ее доклада у Титченера, постоянно курившего сигары, внезапно задымилась борода. Это случилось как раз в момент его выступления, которое никто из слушателей не осмеливался прервать. Наконец, собравшись с силами, Кора Фридлайн произнесла: «Прошу прощения, профессор, но у вас загорелись бакенбарды». В результате инцидента пострадали не только борода Титченера, но и его рубашка и даже нижнее белье.

Забота Титченера о своих студентах не заканчивалась с окончанием ими университета, как не заканчивалось при этом и его влияние на их жизнь. К примеру, Далленбах после получения степени доктора собирался идти работать в медицинскую школу, но Титченер добился для него места преподавателя в Орегонском университете. Далленбах полагал, что его учитель одобрит принятое им решение работать в школе, но оказался не прав. «Я

вынужден был поехать в Орегон, так как он (Титченер) не желал, чтобы время, затраченное на мое обучение и совместные исследования, оказались для него потраченными напрасно» (Dallenbach. 1967. P. 91).

Отношения Титченера с психологами, не входящими в его группу, иногда принимали натянутый характер. Вскоре после своего избрания в члены Американской ассоциации психологов он заявил о своем выходе из этой организации, так как ассоциация отказалась исключить из своих рядов одного ученого, обвиненного им в плагиате. Рассказывают, что друзья Титченера в течение многих лет продолжали платить за него членские взносы, только чтобы он по-прежнему оставался ее членом.

Начиная с 1904 года группа психологов, назвавшая себя титченеровскими эксперименталистами, стала проводить регулярные встречи, посвященные обсуждению результатов своих исследований. Титченер сам устанавливал порядок проведения этих встреч, определял темы для дискуссий и решал, кого из гостей следует пригласить. Неписаное правило запрещало присутствие женщин во время обсуждения работ. Один из студентов вспоминал, что Титченер хотел «находиться в кабинете, окутанном клубами табачного дыма, и слышать живые доклады, которые можно прерывать вопросами и подвергать открытой критике, не стесняя себя присутствием дам, так как... для курения они считались слишком целомудренными созданиями» (Boring. 1967. P. 315).

Несколько студенток из колледжа Брин Мур, штат Пенсильвания, высказали пожелание присутствовать на собраниях группы, но получили отказ. Однажды им все же удалось проникнуть в помещение, где слушались доклады, и спрятаться там под столом. Невеста Боринга и другие студентки находились в соседней комнате, «прислушиваясь к речам, доносившимся из-за приоткрытой двери, горя желанием услышать, что же представляет собой на самом деле та психология, которой занимаются мужчины. В тот раз им удалось остаться незамеченными» (Boring. 1967. P. 322).

Несмотря на то, что Титченер продолжал запрещать женщинам присутствовать на встречах группы эксперименталистов, в вопросе равноправия полов он придерживался самых передовых взглядов. На свои курсы в Корнелле он начал принимать аспиранток задолго до того, как это стали делать в Гарвардском и Колумбийском университетах. Из 56 его учеников, защитивших докторские диссертации, более трети составили женщины (Furumoto. 1988). «По числу докторских диссертаций, написанных под его руководством женщинами, с ним не мог сравниться ни один из его современников» (Evans. 1991. P. 90). Титченер покровительствовал женщинам, стремящимся занять преподавательские должности, хотя такие действия казались многим его коллегам чересчур смелыми. Известен случай, когда он смог добиться назначения преподавателем одной из своих учениц, даже несмотря на возражения декана.

Первой аспиранткой, защитившей докторскую диссертацию по психологии, была Маргарет Флой Уошбэрн. Кроме того, она оказалась и первой из всех учеников Титченера, получившей докторскую степень. «Теперь он сам не знает, что со мной делать», - вспоминала она позднее (Washburn. 1932. P. 340). Уошбэрн не смогла поступить в аспирантуру Колумбийского университета, как собиралась сделать сначала, поскольку туда не принимали женщин. Однако ее принял Титченер, и после защиты диссертации в Корнелльском университете она начала свою успешную карьеру ученого-психолога. Уошбэрн была автором серьезного исследования по проблемам сравнительной психологии «Разум животных» (Animal mind, 1908 г.) и стала первой женщиной-психологом, избранной в Национальную академию наук. Она исполняла должность президента Американской психологической ассоциации и была основателем Вассарского

колледжа – «одного из самых значительных центров исследования проблем психологии в нашей стране» (Scarborough. 1990. P. 314).

Мы упоминаем об успехах Уошбэрн, чтобы обратить внимание на ту поддержку, которую Титченер оказывал психологам-женщинам в продолжение всей своей жизни. Для них он охотно распахивал двери своей лаборатории, держа их закрытыми для многих психологов-мужчин.

Около 1910 года Титченер начал писать книгу, в которой собирался наиболее полно отразить свою систему взглядов. К сожалению, он умер в возрасте 60 лет от опухоли мозга, прежде чем смог закончить работу. После его смерти несколько глав этой книги были опубликованы в научных журналах, а затем и в отдельном издании. Говорят, что в Корнелльском университете до сих пор можно увидеть заспиртованный мозг Титченера.

Система взглядов: содержание сознательного опыта

Согласно Титченеру, предмет психологии заключается в изучении сознательного опыта, так как именно такой опыт зависит от испытуемого субъекта. Этот вид знаний отличен от того, который получают ученые, исследующие традиционные проблемы естественных наук. Например, звуки и свет являются предметами изучения и физики, и психологии. Однако физики исследуют явления с точки зрения протекания физических процессов, а психологи изучают, как они наблюдаются и воспринимаются людьми.

Как утверждал Титченер, все прочие науки, кроме психологии, независимы от испытуемого субъекта. Для пояснения этой мысли он предлагал рассмотреть простой пример. Пусть температура воздуха в комнате составляет 85 градусов по Фаренгейту. Очевидно, что это значение не будет зависеть от того, есть кто-то в комнате или нет.

Однако, когда в комнате присутствуют наблюдатели и сообщают о том, что они страдают от жары, то такое восприятие зависит от их переживаний. Согласно Титченеру, подобный тип опыта и является единственным настоящим предметом изучения психологии.

Титченер предупреждал, что при изучении сознательного опыта нельзя допускать так называемой ошибки стимула - то есть смешения психических процессов восприятия объекта и влияния самого объекта.

Например, наблюдатели, которые видят яблоко и описывают его просто как яблоко, не определяя цвет и форму, которые они также воспринимают, совершают <ошибку стимула>. Объект наблюдения, по мнению Титченера, должен описываться не обыденным языком, а языком терминов осознанного его восприятия.

Когда наблюдатели фокусируют свое внимание на стимулах объекта, а не на психических процессах, они не могут отличить то, что они знали об этом предмете раньше (то есть то, что в нашем примере называется яблоком) от своего непосредственного восприятия его в данный момент. Все наблюдатели на самом деле знают о яблоке то, что оно красное, блестящее и круглое. Когда они описывают что-нибудь еще, кроме цвета, яркости и геометрических характеристик, они истолковывают свое восприятие объекта, не наблюдая его, - то есть имеют дело с опосредованным, а не непосредственным опытом.

Титченер определял сознание как сумму наших переживаний, существующих в данный момент времени, а разум как сумму наших переживаний, накопленных в течение жизни. Сознание и разум во многом схожи - за исключением того, что сознание включает в себя

психические процессы, происходящие в текущий момент, а разум содержит в себе общий итог этих процессов.

Структурная психология представляла собой чистую науку, не имеющую прикладного значения. Титченер заявлял, что в ее задачи не входит лечение «больной психики», изменение человеческого сознания или реформирование общества. Ее единственно правильной целью является открытие сути или структуры психики. Он верил в то, что ученые не должны беспокоиться о практической ценности своих исследований. По этой причине он возражал против развития детской психологии, зоопсихологии и других направлений, которые не включали в себя самоанализ и не подходили для его поисков сути сознания.

Интроспекция

Титченеровский способ интроспекции, или самонаблюдения, доверялся наблюдателям, которые были обучены описывать состояние своего сознания, а не воспринимаемые стимулы. Титченер понимал, что каждый человек учится описывать переживания в терминах стимулов - например, называя красный, блестящий и круглый предмет яблоком - и что в повседневной жизни это полезно и необходимо. Однако в его лаборатории такой подход считался неграмотным.

Для описания своего собственного метода Титченер применял термин систематической экспериментальной интроспекции, введенный Кюльпе. Подобно Кюльпе, он использовал подробные, качественные, субъективные сообщения о психической деятельности наблюдаемых субъектов в процессе интроспекции. Титченер выступал против подхода Вундта, главное внимание уделявшего объективным, количественным показателям, поскольку был убежден, что такой метод не позволяет выявить элементарные ощущения и образы, возникающие в сознании. В этом была суть его системы - не синтез элементов посредством апперцепции, а разложение сложного осознанного опыта на составляющие. Титченер придавал особое значение исследованию отдельных частей, в то время как Вундт делал упор на изучении целого. Подобно большинству английских эмпириков и ассоцианистов, Титченер стремился к открытию атомов человеческой психики.

Титченер, как это видно из его отношения к наблюдателям, которые обеспечивали его необходимыми данными, испытывал влияние механистической философии. В своих научных работах он иногда называет субъектов исследований реагентами. Этим термином, используемым преимущественно в химии, обозначают вещества, которые в силу своих способностей к некоторым реакциям применяются для обнаружения других веществ или для их количественного измерения. Реагент является пассивным реактивом, используемым для выявления определенных реакций (Schultz. 1969).

Применяя это понятие к наблюдателям из лаборатории Титченера, мы можем заметить, что он рассматривал этих людей в качестве своего рода механических записывающих устройств, объективно отмечающих характеристики стимулов, которые они наблюдали. Таким образом, эти люди считались просто бесстрастными механизмами. Титченер писал, что отлаженное наблюдение должно стать настолько привычным и машинальным, чтобы превратиться в практически бессознательный процесс.

Если наблюдатели в лаборатории могли рассматриваться в качестве машин, то и всех людей можно было точно так же считать машинами. Эта точка зрения отражала продолжавшееся влияние механистического восприятия Вселенной, идущего от Галилея и Ньютона. Следует заметить, что эта концепция не исчезла и после окончательного

развенчания структурализма. По мере дальнейшего знакомства с историей психологии мы увидим, что использование этого образа человека-механизма характерно для всей экспериментальной психологии первой половины XX века.

Титченер был убежден в том, что интроспективное наблюдение в психологии тоже должно быть экспериментальным. Он тщательно следовал правилам научного опыта, отмечая, что:

эксперимент представляет собой наблюдение, которое может быть повторено, изолировано и изменено. Чем чаще вы можете повторить наблюдение, тем вероятнее, что вы ясно увидите исследуемые явления и сможете их подробно описать. Чем строже вы можете изолировать наблюдение от влияния посторонних факторов, тем проще становится ваша задача и тем меньше опасность того, что вы собьетесь с пути под влиянием случайных обстоятельств или встанете на ошибочную точку зрения. Чем шире ваши возможности варьирования наблюдения, тем более ясным будет проступать единообразие опыта и тем больше у вас будет шансов открытия закономерности. Все лабораторное оборудование, все приборы и инструменты изобретаются и создаются, исходя из этой задачи: дать ученому возможность повторить, изолировать и варьировать свои наблюдения. (Titchner. 1909. P. 20.)

Люди, выступавшие в роли реагентов в лаборатории Титченера, исследовали влияние различных стимулов и проводили длительное и подробное самонаблюдение своих переживаний. Проведение интроспекции представляло собой серьезную задачу, и аспиранты, занятые этой проблемой, уделяли ей много сил и времени.

Одна из учениц Титченера, Кора Фридлейн, вспоминала о том времени, когда в Корнелльской лаборатории проводились исследования органической чувствительности. Для этих исследований всем наблюдателям с утра вводили через рот желудочные зонды, с которыми они ходили весь день вплоть до самого вечера. Сначала, при введении зонда, многие испытывали приступы рвоты, но постепенно смогли привыкнуть к этой процедуре. В течение дня они несколько раз появлялись в лаборатории. Через трубку зонда им вливали в желудок теплую или холодную воду, и они наблюдали свои ощущения.

Иногда интроспекция затрагивала и некоторые деликатные стороны личной жизни аспирантов. Например, от них требовали подробной записи об ощущениях, испытываемых в процессе мочеиспускания и дефекации.

К сожалению, не сохранились результаты одного интересного интроспективного исследования. Для его проведения женатых аспирантов просили делать записи об их ощущениях во время полового акта и даже прикреплять к своим телам специальные приборы для регистрации физиологических реакций организма.

Впоследствии, в 1960 году, об этих экспериментах рассказала Кора Фридлейн, но в то время о них старались не распространяться. Все же информация о таких исследованиях гуляла по всему университетскому городку, создавая лаборатории психологии репутацию не самого благопристойного места. Поэтому заведующие женскими общежитиями запрещали своим студенткам посещать ее в темное время суток. Когда же прошел слух о том, что к желудочным зондам, которые глотают аспиранты, прикрепляются презервативы, в женских общежитиях пришли к выводу, что это место опасно для любого нормального человека.

Материалы о менее необычных исследованиях, проведенных в лаборатории Титченера, описаны в его учебнике, фрагменты из которого приведены в конце главы.

Элементы сознания

Согласно Титченеру, тремя основными задачами психологии являются:

- 1) разбиение сознательных процессов на простейшие составляющие;
- 2) определение законов, по которым происходит их объединение;
- 3) связь элементов сознания с физиологическими состояниями.

Таким образом, цели титченеровской структурной психологии совпадали с целями естественных наук. Ведь в самом деле, после того, как ученые выбирают, какую область природы они собираются изучать, они начинают выявлять ее элементы, показывать, как эти элементы объединяются в сложном явлении и формулируют законы, управляющие этим явлением. Основная часть исследований Титченера была посвящена первой задаче - обнаружению элементов сознания.

Титченер предложил считать тремя основными элементами структуры сознания следующие: ощущения, образы и эмоциональные состояния. Ощущения являются основными элементами восприятия и даются нам в виде звуков, зримых образов, запахов и других переживаний, вызываемых в нас физическими объектами окружающего пространства. Образы представляют собой элементы идей и отражают переживания, которые не связаны с текущим моментом, - например, происходящие в нашей памяти. Эмоциональные состояния являются выражениями душевных переживаний и проявляются в таких чувствах, как любовь, ненависть или печаль.

В своих <Очерках психологии> (1896 г.) Титченер представил список элементарных ощущений, выявленных им в процессе исследований. Он включал в себя более 44 000 наименований, из которых 32 820 относились к зрительным и 11 600 к звуковым. Каждый элемент рассматривался как осознанный и имеющий свои отличия - кроме того, он мог быть объединен с другими для образования более сложных ощущений и идей.

Являясь базовыми элементами, не подлежащими дальнейшему делению, они, подобно химическим элементам, могли быть объединены в отдельные группы. Несмотря на свою простоту, психические элементы имеют характеристики, позволяющие нам отличать их друг от друга. К предложенным Вундтом свойствам качества и интенсивности Титченер добавил свойства длительности и отчетливости. Он считал эти четыре признака основными характеристиками всех ощущений и полагал, что они, в определенной степени, присутствуют в каждом из них.

Качество, которое может быть определено, например, такими словами, как <горячий> или <красный>, представляет собой характеристику, позволяющую отличить один элемент от другого. Интенсивность определяется силой, слабостью, громкостью или яркостью ощущений. Длительность характеризует продолжительность ощущения во времени. Отчетливость определяет роль внимания в сознательном переживании. Другими словами, то, что находится в фокусе нашего внимания, представляется нам более отчетливым, чем то, на что наше внимание в данный момент не направлено.

Ощущения и образы обладают всеми четырьмя этими признаками, а эмоциональные состояния имеют только качество, интенсивность и продолжительность. Титченер считал, что отсутствие у них отчетливости объясняется тем, что концентрация внимания непосредственно на эмоциях невозможна. Поэтому при попытке направить наше внимание на такие чувства, как, например, печаль или удовольствие, они пропадают. Некоторые сенсорные процессы, в частности зрение и осязание, обладают свойством экстенсивности, поскольку имеют дело с пространственными параметрами объектов.

Все сознательные процессы могут быть сведены к одному из этих свойств. Открытия, сделанные Кюльпе в его лаборатории в Вюрцбурге, не заставили Титченера пересмотреть свою точку зрения. Он признавал, что некоторые нечетко определенные свойства могут проявляться в процессе мышления, но предполагал, что они все же относятся к ощущениям или образам. Титченер утверждал, что объекты исследований Кюльпе стали жертвой «ошибки стимула», поскольку большее внимание уделяли самому объекту, чем своим сознательным процессам.

Аспиранты Титченера выполнили в Корнелле множество исследований, посвященных анализу эмоциональных состояний. Их результаты позволили ему отказаться от трехмерной теории чувств Вундта. Титченер выдвинул предположение о том, что чувства имеют всего одну ось измерения - удовольствие/неудовольствие. Он отрицал предположения Вундта о других параметрах измерения чувств, таких как напряжение/расслабление и возбуждение/депрессия.

Ближе к концу жизни Титченер начал кардинально менять свою систему взглядов. Начиная с 1918 года он исключил из своих лекций тему о психических элементах. Вместо этого он стал высказывать предположения о том, что психология должна изучать не базовые психические элементы, а преимущественно различия в процессах восприятия, оценивая такие характеристики, как качество, интенсивность, длительность, отчетливость и экстенсивность. Семь лет спустя, обращаясь к своим аспирантам, он написал: «Вы должны перестать думать в терминах ощущений или испытываемых эмоций. Этот подход был правильным десять лет тому назад, сегодня же он устарел. Вам следует учиться думать, используя преимущественно понятия размера, чем таких системных составляющих, как, например, ощущения» (Evans, 1972. P. 174).

В начале 20-х годов Титченер начал подвергать сомнению даже сам термин <структурная психология> и предпочитал называть свою систему экзистенциальной психологией. Он также стал пересматривать интроспективный метод и отдавать предпочтение феноменологическому подходу, изучая переживания как таковые, не пытаясь разбить их на составляющие.

Это были впечатляющие перемены в его взглядах, и, если бы Титченер прожил дольше и смог реализовать их на практике, то, возможно, что они кардинальным образом изменили бы лицо (а, возможно, и судьбу) структурной психологии. Они также, возможно, могли бы придать больше гибкости и открытости тем представителям научного мира, которые лишь любят приписывать себе эти качества, но на самом деле отнюдь не обладают ими. Свидетельства перемен, произошедших с Титченером, были собраны воедино в результате скрупулезного исследования его писем и конспектов лекций (Evans. 1972; Henie. 1974). Хотя эти идеи формально не вошли в психологическую систему Титченера, они указывают направление движения его мысли - движения, прерванного смертью, не позволившей ему достичь новой цели.

Первоисточники по истории структурализма: из «Учебника психологии» Э. Б. Титченера

Следующие материалы, позаимствованные из популярного «Учебника психологии», вышедшего в 1909 году, описывают общепринятую концепцию структурализма в отношении предмета и методологии новой науки психологии.

Возможно, кому-то покажется удивительным то, что мы предлагаем вам прочитать отдельные фрагменты работ Титченера, написанные почти 90 лет тому назад. Ведь вы только что познакомились с его системой в этой книге, а ваш преподаватель объяснял вам ее смысл на занятиях. Все же эти отрывки следует прочитать для того, чтобы получить более глубокое понимание подхода Титченера к проблемам психологии. Однако, постарайтесь не забывать, что и авторы книги, и ваш преподаватель излагали свой собственный взгляд и собственное понимание изучаемой проблемы. Возможно, они сокращали, резюмировали и синтезировали исходный материал, чтобы извлечь из него самое существенное. Однако при этом процессе, безусловно сохранившим основные мысли ученого, уникальность его стиля и формы изложения могли быть утрачены.

Чтобы лучше понять взгляды Титченера, в идеале необходимо прочитать все материалы, которые использовались авторами для написания их книги, а преподавателями - для составления конспекта их лекций. Разумеется, в рамках одного семестра это невозможно. По этой причине мы приводим отрывки оригиналов работ авторов, принадлежащих к самым важным научным направлениям. Из этих фрагментов вы увидите, как сами ученые описывали свой собственный подход к психологии, и познакомитесь со стилем изложения и объяснения проблем, изучаемых предыдущими поколениями студентов.

Перед каждым из пяти отрывков из подлинных работ, включенных в эту книгу, мы будем обращать ваше внимание на те важные моменты, которые обеспечат вам основу для правильного понимания приведенных текстов.

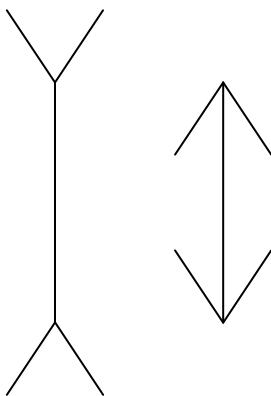
В описании структурной психологии Титченера, приведенной ниже, он рассматривает следующие вопросы:

1. Различие между опытом, зависящим от субъекта исследования, и опытом, не зависящим от субъекта исследования, с приведением примеров.
2. Смысл самонаблюдения или интроспекции и ее связь с наблюдением, используемым в других науках.
3. Цель структурализма и сходство между психологией и естественными науками с точки зрения получения ответов на основные вопросы «что?», «как?» и «почему?»

Все человеческие знания получены из опыта; другого источника знаний не существует. Но, как мы уже видели, человеческий опыт может рассматриваться с различных точек зрения. Предположим, что мы берем две, по возможности максимально далеких друг от друга точки зрения и выясняем для себя, какой же опыт будет получен в обоих случаях. В первом случае мы будем рассматривать опыт полностью независимым от конкретной личности - то есть будем предполагать, что он существует безотносительно к тому, получает ли его кто-нибудь или нет. Во втором случае мы будем рассматривать опыт полностью зависящим от личности - то есть будем предполагать, что он возникает только в том случае, если кто-то его воспринимает. Трудно найти более несхожие точки зрения. В чем же будет различие сущности опыта при взгляде с каждой из них?

Возьмем, для начала, три понятия, с которых обычно начинается знакомство с физикой: пространство, время и массу. Физическое пространство, которое является одновременно геометрическим, астрономическим и геологическим пространством, постоянно и неизменно в каждой своей точке. Его единицей является сантиметр; и сантиметр всегда будет сантиметром, где бы вы его ни использовали. Физическое время также неизменно, и его неизменной единицей является секунда. Постоянна и физическая масса, и ее единица, грамм, всегда и везде одинакова. В этих трех примерах мы имеем опыт восприятия пространства, времени и массы, рассматриваемый независимо от личности экспериментатора.

Теперь перейдем на другую точку зрения, принимающую во внимание субъект эксперимента. Две вертикальные линии, изображенные на рис. 5.1, физически равновелики; их длина, выраженная в сантиметрах, одинакова. Но для вас, непосредственно рассматривающего их, они кажутся разными. Час времени, проведенного в зале ожидания захолустной станции, физически

с точностью до секунды равен часу времени, проведенному в театральном зале на представлении веселой пьесы. Вам же он не покажется одинаковым, так как в одном месте будет тянуться медленно, а в другом пролетит быстро. Возьмите две круглых картонных коробки разного диаметра (например, 2 и 8 сантиметров) и насыпьте в них песку, так, чтобы обе весили, допустим, по 50 граммов. При этом физические массы коробок будут равны, и, помещенные на чашки весов, они уравновесят друг друга. Однако, если вы поднимите их в обеих руках одновременно или станете поднимать одной и той же рукой по очереди, коробка меньшего диаметра покажется более тяжелой. Здесь мы имеем пример опыта восприятия пространства, времени и массы, зависящих от субъекта исследования. Первая точка зрения дает нам факты и законы физики; вторая точка зрения дает нам факты и законы психологии.

Теперь обратимся к другим явлениям, которые также рассматриваются в учебниках физики: теплоте, звуку и свету. Теплота, как определяет его физика, представляет собой энергию молекулярного движения - другими словами, теплота является формой энергии, возникающей благодаря перемещению частиц тела между собой. Тепловые лучи, наряду с лучами света, относятся к так называемой лучистой энергии, то есть энергии, которая распространяется за счет волнового движения светящихся частиц эфира, которыми наполнено пространство. Звук является формой энергии, возникающей вследствие колебания тел. Он распространяется благодаря волновым движениям упругой среды, которая может быть твердой, жидкой или газообразной. Если сказать кратко, то теплота - это перемещение молекул, свет - это волновое движение эфира, а звук - волновое движение воздуха.

Физический мир, в котором эти виды опыта рассматриваются как независимые от субъекта исследования, не является ни теплым, ни холодным, ни темным, ни светлым, ни шумным, ни безмолвным. И только когда опыт рассматривается зависящим от человека, тогда мы получаем тепло и холод, множество цветов - помимо черного и белого, различные тона звука - от резких до глухих. Все это является предметом изучения психологии.

Метод психологии. Научный метод психологии может быть определен одним словом наблюдение, единственный способ исследования состоит в наблюдении явлений, которые образуют предмет науки. Наблюдение подразумевает два условия: внимательное отношение к явлению и фиксация его проявлений - то есть четкое и ясное переживание и отчет об опыте, сделанный словесно или на языке формул.

Таким образом, методом исследования в психологии является наблюдение. Чтобы отличить его от наблюдения внешнего, применяемого в естественных науках, наблюдение в психологии, направленное на внутренние психические процессы наблюдателя, получило название интроспекции. Но это различие в терминах не должно мешать нам видеть сходство сути обоих методов. Чтобы лучше понять сказанное, обратимся к типичным примерам. Начнем с двух самых несложных.

1. Предположим, что перед вами находятся два бумажных диска: один целиком фиолетовый, а другой наполовину красный, наполовину синий. Если быстро вращать второй диск, то красный и синий цвета смешаются, и вы увидите сине-красный цвет, то есть разновидность фиолетового. Вам остается только подобрать соответствующую пропорцию между красным и синим, чтобы фиолетовые цвета обоих дисков в точности совпадали. Вы можете сколько угодно раз повторить свои наблюдения; вы можете перейти в другую комнату, чтобы изолировать их от влияния других людей, которые могут мешать вашему восприятию цветов; вы можете изменять свои наблюдения, используя один и тот же фиолетовый диск сначала с одним двухцветным, имеющим более яркий синий цвет, а затем с другим двухцветным, имеющим более яркий красный цвет.

2. Теперь предположим, что в вашем присутствии берется аккорд из трех звуков, и вас просят определить, из скольких тонов он состоит. Вы можете повторять это наблюдение; можете изолировать его, работая в другой, более спокойной комнате; можете видоизменять его, переходя на другие октавы.

Очевидно, что в обоих случаях практически нет разницы между двумя видами наблюдений. Вы используете тот же самый метод, который использовали бы для подсчета качаний маятника или снятия показаний со шкалы гальванометра в физической лаборатории. Разница состоит в сути предмета: цвета диска и тона звука являются примерами зависимого, а не независимого опыта, но метод наблюдения остается тем же.

Теперь рассмотрим несколько случаев, в которых проблема интроспекции оказывается более сложной.

1. Представьте, что в вашем присутствии произносится какое-то слово, а затем вас просят наблюдать эффект, который этот стимул произведет на ваше сознание: как это слово повлияло на вас, какие идеи вызвало и так далее. Наблюдение можно повторить; оно может быть изолировано и проведено, например, в темной, тихой комнате, где вас никто не будет беспокоить; его можно видоизменить, произнося другие слова или показывая их на экране. В этом случае, по-видимому, будет разница между интроспекцией и наблюдением внешних событий.

Человек, наблюдающий ход химической реакции или движение микроскопических существ, может время от времени бегло отмечать различные фазы протекающего перед его глазами явления. Но если вы попытаетесь рассказать об изменениях в вашем сознании в то время, когда они там происходят, ваше сознание будет этому препятствовать; ваш перевод психического переживания на язык слов привнесет в ваше истинное переживание влияние новых факторов.

2. Теперь представьте, что вы наблюдаете за своим внутренним чувством или эмоциональным состоянием: разочарованием, раздражением, гневом или досадой. Экспериментальный контроль при этом возможен; подходящие ситуации могут быть созданы, а в психологической лаборатории эти чувства могут быть вызваны вновь, изолированы и изменены. Но ваше сознание будет мешать вашему наблюдению за ними еще сильнее, чем в предыдущих случаях. Хладнокровное рассмотрение эмоций оказывает на них губительное влияние; ваш гнев исчезает, разочарование улетучивается, как только вы начинаете их исследовать.

Чтобы справиться с этой трудностью применения интроспективного метода, студентам-психологам обычно рекомендуется откладывать свои наблюдения за тем или иным процессом до момента его окончания, а затем вернуться к нему и описать по памяти. Интроспекция, таким образом, становится ретроспекцией; образно говоря, интроспекция превращается в посмертное изучение эмоций. Это правило, без сомнения, очень полезно для начинающих исследователей; но в некоторых случаях его применение целесообразно и для опытных психологов. Все же отметим, что оно не является универсальным. Мы должны помнить, что исследуемое явление может быть повторено. Таким образом, нет причин, почему наблюдатель, к которому обращено произнесенное слово или в котором возникло исследуемое чувство, не должен сразу сообщать о первом этапе своего внутреннего опыта: о немедленном эффекте произнесенного слова или о начальном моменте процесса возникновения эмоций.

Разумеется, такой отчет прерывает наблюдение. Но после того, как будет сделано точное описание первой стадии процесса, можно проводить дальнейшие наблюдения и описывать вторую, третью и все последующие стадии; таким образом можно получить полный отчет об исследуемом процессе. Теоретически существует опасность того, что отдельные стадии изучаемого процесса будут искусственно разделены между собой; сознание - это поток, непрерывный процесс, и, если мы разделяем его на части, то существует риск потери связей между этими частями. Однако практика показала, что опасность потери этих связей крайне незначительна; мы всегда можем обратиться за помощью к ретроспекции и сравнить отдельные результаты с цельным воспоминанием о переживании, хранящемся в нашей памяти.

Кроме того, у опытных наблюдателей появляется интроспективная привычка, прочно укореняющаяся в их подходе к исследованиям; поэтому во время наблюдения они могут делать не только мысленные замечания о процессе, не вмешиваясь в работу сознания, но и выполнять записи о его развитии - подобно тому, как ведут их гистологи, не отрывая глаз от окуляра микроскопа.

В принципе, в этих случаях интроспекция становится похожей на внешнее наблюдение. Объекты наблюдения отличны друг от друга; они являются объектами зависимого, а не независимого опыта; похоже, что они неуловимы и мимолетны. Иногда они не поддаются наблюдению; они должны быть сохранены в памяти, подобно тончайшей ткани в затвердевающей жидкости, прежде чем могут быть исследованы. Точка зрения

наблюдателя также иная; это точка зрения человеческой жизни и человеческого интереса, а не отчужденности и обособленности. Но в общем смысле метод психологии похож на метод физики.

Однако нельзя забывать, что в то время как методы психологии и физики в основном схожи, предмет исследования этих наук абсолютно различен. В конечном итоге, как мы видели, предметом всех наук является мир человеческого опыта; но мы также видели, что различные аспекты этого опыта трактуются физиками совершенно иначе, чем психологами. Похожесть используемых методов может вызвать в нас искушение перенестись с одного аспекта на другой, как в случае, когда учебник физики содержит главу о зрении и чувстве цвета или когда в учебнике психологии есть параграфы, содержащие неверные суждения о природе; но эта путаница в отношении предмета неизбежно должна привести к путанице в мышлении. Так как все науки имеют дело с миром человеческого опыта, естественно, что научный метод, к какому бы аспекту опыта он ни прилагался, останется, в принципе, тем же самым.

С другой стороны, когда мы решаем исследовать некоторые особые аспекты опыта, необходимо строго придерживаться этого направления и не менять точку зрения в процессе исследования. Следовательно, это большое преимущество, что мы имеем два вида наблюдения, внешнее и внутреннее, которые берут свое начало от разных точек зрения психологии и физики. Использование понятия интроспекции служит постоянным напоминанием того, что мы работаем в области психологии и наблюдаем зависимые аспекты мира переживаний.

Как мы уже отмечали раньше, наблюдение подразумевает наличие двух моментов: внимания к явлению и регистрацию явления. Внимание необходимо поддерживать на максимально возможном уровне концентрации; регистрация должна быть фотографически точной. Такое наблюдение представляет собой тяжелую и утомительную работу, а интроспекция, в целом, оказывается трудней и утомительней наблюдения внешних событий. Чтобы гарантировать получение надежных результатов, мы должны быть беспристрастными и непредубежденными, принимать факты такими, какие они есть на самом деле, и не пытаться подогнать их к теории, которой мы отдаем предпочтение: мы должны работать только тогда, когда этому благоприятствует наше настроение, когда мы не переутомлены и здоровы, свободны от забот и тревог и не испытываем влияния окружающей обстановки.

Если эти правила не соблюдаются, то все эксперименты окажутся бесполезными. В психологической лаборатории экспериментатору создаются наилучшие условия; помещение, в котором он работает, должно обеспечивать возможность повтора наблюдения и изменения определяющих его факторов, при этом ничто не должно мешать отчетливому отражению наблюдаемого процесса в сознании наблюдателя. Однако все это будет напрасным, если сам наблюдатель не придет на работу в хорошем настроении, полным внимания и готовности к адекватному словесному переводу своих переживаний.

Проблема психологии. Любая наука всегда ищет ответы на три вопроса о предмете своего исследования. Этими вопросами являются «что?», «как?» и «почему?» Но что, если, отбросив ненужные усложнения, свести определение к простейшим словам, представляющим собой этот предмет? Каким образом он проявляется в том виде, в каком мы его знаем, и как располагаются и объединяются его составные элементы? И, наконец, почему он проявляется сейчас именно в таком сочетании и в таком порядке? Ответы на все эти вопросы должны быть получены с помощью науки.

Ответ на вопрос <что?> является задачей анализа. Естественные науки, к примеру, с помощью анализа пытаются свести мир независимого опыта к его простейшим составляющим и приходят, таким образом, к различным химическим элементам. Ответ на вопрос <почему?> является задачей синтеза. Естественные науки прослеживают поведение различных комбинаций элементов и открывают законы природы. Когда получены ответы на эти два вопроса, мы имеем описание физического явления.

Но наука задает следующий вопрос о том, почему данное явление происходит именно таким, а не другим образом; и она отвечает на вопрос <почему?>, обнажая причину, по которой наблюдаемое явление имеет такие последствия. Прошлой ночью появилась роса, потому что поверхность земли была теплее, чем нижний слой воздуха; роса образуется на стекле, а не на железе, потому что теплопроводность стекла ниже теплопроводности железа. Когда устанавливается причина физического явления, говорят, что явление получило свое объяснение.

Итак, в том, что касается описания, задачи психологии и физики во многом похожи. Психолог прежде всего пытается разложить психические переживания на простейшие составляющие. Затем он использует сознание конкретного индивидуума и исследует его снова и снова, шаг за шагом, процесс за процессом - до тех пор, пока не исчерпает возможности анализа. Он выделяет психические процессы, не поддающиеся дроблению и представляющие собой простейшие неделимые составляющие, которые даже частично не могут быть сведены к другим процессам. Затем эта работа продолжается с сознанием других индивидуумов до тех пор, пока он не сможет с уверенностью установить природу и количество простейших психических процессов.

Затем он приступает к задаче синтеза. Он собирает эти элементы вместе в соответствии с условиями эксперимента: сначала он берет два, принадлежащих одному виду, затем несколько из этого вида, потом простейшие процессы разных видов; вскоре он начинает различать регулярность и единообразие происходящего, что, как мы видели, характеризует все человеческие переживания. Таким образом он учится формулировать законы о связях элементарных психических **процессов***. Однако, если мы попытаемся разработать просто описательную психологию, то обнаружим, что она не позволит нам получить правильное представление о психике. Описательная психология будет в такой же степени соотноситься с научной психологией, в какой мере устаревший учебник природоведения соотносится с современным учебником биологии, или как знания, полученные школьником на уроках физики, соотносятся со знаниями настоящего ученого. Разумеется, она расскажет нам много о нашей психике; она содержит огромное количество результатов наблюдений, которые можно классифицировать, по большей части измерить и вывести из них общие законы. Но в ней не будет единства и последовательности; ей будет не хватать основополагающей идеи, роль которой в биологии играет закон эволюции, а в физике - закон сохранения энергии. Для того чтобы сделать психологию по-настоящему научной дисциплиной, мы должны заниматься не только описанием психики, но и ее объяснением. Мы должны дать ответ на вопрос «почему?»

* Фраза <о связях элементарных психических процессов> обнаруживает влияние на Титченера эмпириков и ассоцианистов и их механистического взгляда на проблему объединения. С точки зрения Вундта, элементы организуются или синтезируются посредством активного влияния разума, а не соединяются пассивно и механически.

Но здесь нас подстерегает затруднение. Понятно, что мы не можем рассматривать один психический процесс как причину другого - кроме тех случаев, когда при изменении нашего окружения может возникнуть полностью новое сознание. Когда я впервые приезжаю в Афины или Рим, мои переживания вызываются не осознанием прошлых событий, а современными стимулами.

С другой стороны, мы также не можем рассматривать нервные процессы как причину процессов психических. Принцип психологического параллелизма устанавливает, что два вида событий - процессы в нервной системе и психические процессы - протекают без взаимного влияния друг на друга: в сущности они являются различными сторонами одного и того же опыта. Одно из них не может быть причиной другого.

Однако, изучая тело человека, нервную систему и ее органы, мы можем объяснить и психические явления. Деятельность нервной системы не является причиной поведения психики, но помогает лучшему ее пониманию. Она объясняет нашу психику, как карта объясняет появление мимолетных картин холмов, рек и городов, которые мы видим, проезжая по этим местам. Таким образом, обращение к нервной системе вводит в психологию именно то единство и последовательность, которых не может добиться описательная психология.

Физика дает объяснения явлению путем установления его причин; психология дает объяснения со ссылкой на те нервные процессы, которые взаимосвязаны с наблюдаемыми психическими явлениями. Мы можем объединить оба эти метода вместе, если определим наше объяснение как установление обстоятельств или условий, при которых происходит описываемое явление. Роса образуется в условиях разности температур воздуха и земли; мысли возникают в условиях определенных процессов в нервной системе. По сути дела, объект изучения и манера объяснения в обоих случаях одни и те же.

В заключение отметим, что как метод психологии в своей основе является и методом естественных наук, так и задача психологии во многом совпадает с задачей физики. Психолог отвечает на вопрос «что?», разбивая психическое переживание на составляющие элементы. Он отвечает на вопрос «как?», формулируя законы о связях этих элементов. Он отвечает на вопрос «почему?», объясняя психические процессы в терминах соответствующих параллельных процессов в нервной системе.

Программа его действий не нуждается в таком строгом порядке выполнения: он может получить подсказку о законе прежде, чем завершит анализ, а открытие нового чувствительного органа может подсказать наличие какого-либо элементарного процесса прежде, чем он сможет обнаружить его с помощью интроспекции. Все три вопроса тесно связаны между собой, и ответ на один вопрос помогает найти ответы на два других. Степень нашего прогресса в научной психологии зависит от нашей способности получить удовлетворительные ответы на каждый из них.

Критика структурализма

Нередко известность в истории получали те люди, которые активно выступали против устаревших взглядов. Однако в случае с Титченером ситуация оказалась абсолютно противоположной, так как он, напротив, твердо придерживался старых воззрений, в то время как все вокруг их критиковали. Во втором десятилетии XX века в интеллектуальном климате Америки и Европы произошли значительные изменения, но официально опубликованное изложение системы Титченера осталось прежним. В результате многие психологи стали смотреть на его структурную психологию как на несерьезную попытку остаться верным устаревшим принципам и методам.

Титченер верил, что он создает фундамент для психологии, но его достижения оказались только одной из ступеней в истории ее развития. Эпоха структурализма завершилась вместе с его смертью. То, что она длилась так долго, служит весомым доказательством значимости его личности.

Критика интроспекции

Самая суровая критика структурализма была направлена против метода интроспекции. Эти обвинения имеют гораздо большее отношение к интроспекции, применявшейся в лабораториях Титченера и Кюльпе, которые имели дело с субъективными сообщениями об элементах сознания, чем к методу внутренней перцепции Вундта, использовавшему более объективные, определенные количественно, реакции на внешние стимулы.

Применение интроспекции, в ее широком понимании, имело долгую историю, и ее критика стала привычным явлением. За сто лет до появления работ Титченера немецкий философ Иммануил Кант писал, что любая попытка интроспекции неизбежно приводит к изменению изучаемого сознательного опыта, поскольку вводит в его состав наблюдающий элемент.

Философ-позитивист Огюст Конт также критиковал интроспективный метод, утверждая, что, если рассудок способен наблюдать свою собственную деятельность, то он должен состоять из двух частей - наблюдающей и наблюдаемой, что, по мнению Конта, было невозможно (Wilson. 1991). За несколько десятилетий до того, как Титченер разработал свою структурную психологию, Конт писал:

Разум может наблюдать все явления, за исключением происходящих в нем самом... Наблюдающий и наблюдаемый органы в этом случае представляют собой одно и то же, а подобное действие не может быть безупречным и естественным. Для того, чтобы наблюдать, ваш ум должен прервать свою деятельность: однако, это и есть та деятельность, которую вы хотите наблюдать. Если вы не можете осуществлять ее, то не можете и наблюдать: если же вы ее осуществляете, то вам нечем производить наблюдение. Результаты применения такого метода соизмеримы с его абсурдностью (Comte. 1830/1896. Vol. 1. P. 9).

В 1867 году английский врач Генри Модели в своей пространной работе по психопатологии продолжил критику интроспекции:

Среди приверженцев интроспекции существует мало согласия. Там же, где согласие присутствует, оно может быть отнесено за счет того, что интроспекционисты проходят тщательную подготовку и таким образом имеют предубеждения, которые сказываются на их наблюдениях. В силу существования патологии психики вряд ли можно доверять подобным самоотчетам. Интроспективное знание не может иметь той всеобщности, которой мы ждем от науки. Оно должно быть отнесено только к группе соответствующим образом подготовленных взрослых объектов исследования. Большинство типов поведения человека (привычек и поступков) осуществляется без сознательной взаимосвязи друг с другом. (Цит. по: Turner. 1967. P. 11.)

Таким образом, сомнения в возможностях интроспекции существовали задолго до того, как Титченер модернизировал и усовершенствовал этот метод с целью сделать его в большей степени отвечающим требованиям науки. Но по мере того, как его подход к интроспекции становился более точным, критика метода продолжалась.

Один из ее пунктов касался определения интроспекции. По-видимому, оно создавало проблемы и самому Титченеру, и он пытался найти выход из положения за счет связи определения с особыми условиями эксперимента. «Порядок, которому следует наблюдатель, - писал Титченер, - будет изменяться в деталях вместе с природой наблюдаемого сознания, в соответствии с целью эксперимента и указаниями экспериментатора. Интроспекция при этом становится общим понятием и охватывает неограниченно широкие группы особых методических процедур» (Titchener. 1912b. P. 485).

Второе направление критики методологии Титченера было связано с вопросом о том, что же, собственно говоря, учились делать люди, занимавшиеся структурной интроспекцией. Обучавшиеся этому аспиранты Титченера получали инструкцию не использовать некоторые группы слов (так называемые смысловые слова), которые получили определенное закрепление в их словаре. Например, фраза: «Я вижу стол» - для структуралиста была лишена научного смысла, поскольку слово «стол» являлось смысловым, основанным на ранее установленном общепринятом знании определенных комбинаций ощущений, которые мы выучили, чтобы распознавать и относить к специальной категории предметов.

Таким образом, наблюдение, выраженное фразой «Я вижу стол», ничего не могло сказать структуралисту о сознательном опыте наблюдателя. Структуралист был заинтересован не в наборе ощущений, заключенных в смысловом слове, а в особых элементарных формах опыта. Наблюдатели, которые произносили слово «стол», совершали, по его мнению, «ошибку стимула».

Однако, если бы эти обыкновенные слова были исключены из лексикона, то как бы наблюдатели стали описывать свои переживания? Для этого требовалось разработать особый интроспективный язык. Поскольку Титченер (а также и Вундт) подчеркивал особую важность строгого контроля внешних условий эксперимента для обеспечения четкого определения сознательного опыта, то два наблюдателя должны были бы иметь одинаковые переживания, а полученные ими результаты должны были бы подтверждать друг друга. Так как эти сходные переживания наблюдались при строгом контроле за внешними условиями, то теоретически было бы возможно разработать для наблюдателей специальный рабочий словарь, свободный от значимых слов. В конце концов, именно из-за того, что переживания людей во многом сходны, они разработали и используют общие для них слова, передающие одно и то же значение.

Идея разработки интроспективного языка никогда не была реализована. Среди наблюдателей часто возникали разногласия даже при самом строгом контроле условий эксперимента. В разных лабораториях сторонники интроспекции получали разные результаты. Несогласие возникало даже среди наблюдателей в одной и той же лаборатории. Тем не менее Титченер утверждал, что согласованность данных будет в конце концов достигнута. Так что, если бы в свое время им было получено достаточное количество сходных результатов, то школа структурализма смогла бы просуществовать дольше.

Критики интроспекции также утверждали, что она на самом деле является формой ретроспекции, так как между самим опытом и сообщением о нем всегда проходит определенное время. Как было показано Эббингаузом, скорость нашего забывания имеет наивысшее значение сразу после опыта - так что, по-видимому, часть его должна утрачиваться прежде, чем завершится интроспекция и будет получен самоотчет. На это

структуралисты отвечали, что, во-первых, их наблюдения проводятся с минимальным временным запаздыванием, и, во-вторых, по их предположениям, существует первичный психический образ, который поддерживает переживание до тех пор, пока наблюдатель не сделает о нем сообщение.

Мы отмечали, что использование интроспекции для исследования переживания может вызывать в нем изменения. Рассмотрим, в чем состоит трудность интроспекции сознательного состояния гнева. При сознательной концентрации внимания на этом состоянии и попытках его расчленения на отдельные составляющие сам гнев может ослабнуть или вовсе исчезнуть. Однако, Титченер верил, что опытные и хорошо подготовленные наблюдатели, имеющие постоянную практику, выполняют свою задачу автоматически, без сознательного изменения переживания.

Другие объекты критики системы Титченера

Метод интроспекции был не единственным объектом критики взглядов Титченера. Структурализм обвиняли в искусственности и стерильности подхода к разбиению сознательных процессов на отдельные элементы. Его противники утверждали, что весь опыт целиком не может быть восстановлен в исходном виде из его составляющих. Они заявляли о том, что переживание не возникает в нас в виде каких-то отдельных ощущений, образов или эмоциональных состояний, а является совокупностью этих факторов. Поэтому какая-то часть сознательного опыта неизбежно теряется при любой искусственной попытке его расчленения. В дальнейшем мы увидим, что школа гештальт-психологии использовала этот аргумент в качестве отправной точки своего бунта против структурализма.

Структуралистское определение психологии также подвергалось критике. В последние годы жизни Титченера эта наука стала развиваться в нескольких направлениях, которые структуралисты исключали из своего рассмотрения, так как они не подходили им по своим методам и задачам. К ним относились, например, детская психология и психология животных. Понимание Титченером сферы применения психологии было слишком ограничено, чтобы включить в себя новые открытия. Развитие психологии шло быстрыми темпами, и ее передовые рубежи продвинулись далеко за пределы структурализма.

Вклад структурализма в развитие психологии

Несмотря на острую критику структурализма Титченера, нельзя отрицать того, что он и его сторонники внесли важный вклад в развитие психологии. Предмет их исследований - сознательный опыт - получил четкое определение. Их методы исследований, основанные на наблюдении, эксперименте и измерении, соответствовали лучшим научным традициям. Поскольку сознание лучше всего постигалось человеком при сознательном опыте, лучшим методом его исследования было самонаблюдение.

Хотя в наши дни предмет исследования структурализма и его цели утратили свою актуальность, все же интроспекция, понимаемая как словесное описание переживания, по-прежнему используется во многих областях психологии. В современных исследованиях психофизики, например, людям, принимающим участие в эксперименте, задают вопрос, какой звук громче или тише. Самоотчет требуется от людей, находящихся в необычных внешних условиях - таких как состояние невесомости при космических полетах. Отчеты о самочувствии больных, реакция на предлагаемые тесты также являются по своей сути вариантами интроспекции.

Интроспективные отчеты, включающие в себя интеллектуальные познавательные процессы - такие, как, например, сложные логические рассуждения, - требуются в различных областях человеческой деятельности. Психологи предприятий изучают интроспективные отчеты сотрудников об их ощущениях при пользовании новыми компьютерными терминалами с целью исследования путей совершенствования оборудования. Этот и многие другие словесные отчеты, основанные на личном опыте, являются распространенной формой сбора достоверной информации. В дальнейшем мы увидим, что когнитивная психология, с ее обновленным интересом к сознательным процессам, подтвердила право интроспекции считаться действительно научным методом. В наши дни интроспекция широко применяется в современной психологии.

Положительное влияние теории Титченера состояло и в том, что она сыграла роль мишени для критики. Структурализм представлял собой сложившееся направление, против которого стали выступать новые школы психологов, обязанные своим существованием именно переосмыслению его основ. Мы уже отмечали, что прогресс в науке возникает из преодоления старого и отжившего. Используя структурализм в качестве объекта критики, психология смогла продвинуться за границы, определенные ей системой Титченера.

Вопросы для обсуждения

1. Расскажите о взглядах Титченера на роль женщины в психологии.
2. Что, по мнению Титченера, было предметом психологии? Что такое «ошибка стимула»? в чем Титченер видел различие между сознанием и разумом?
3. Опишите метод интроспекции Титченера и отметьте, в чем его отличие от метода Вундта. Каким образом использовавшиеся Титченером понятие реагента отражает его взгляды на испытуемого человека?
4. Назовите три элементарных состояния сознания и четыре свойства психических элементов, как их определил Титченер. Каким образом он изменил свои взгляды в конце своей научной карьеры?
5. На какие вопросы о предмете своего изучения должна стремиться дать ответы наука? Как, по мнению Титченера, на эти вопросы отвечала психология?
6. Обсудите критику интроспекции. Каков вклад структурализма в развитие психологии?

Рекомендуемая литература

- Angell, F. (1928) Titchener at Leipzig. *Journal of General Psychology*, 1.195-198. приятель Титченера по студенческим годам описывает время, проведенное в Лейпциге.
- Boring, E.G. (1953) A history of introspection. *Psychological Bulletin*. 50.169-189. обсуждение применения метода интроспекции в титченеровской и более поздних психологических школах.
- Evans, R.B. (1972) E.B. Titchener and his lost system. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 8, 168-180. Описание развития структурной психологии Титченера и спекулирования на смене его взглядов в конце жизни.
- Hindeland, M.J (1971) Edward Bradford Titchener: A pioneer in perception. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 7, 23-28. Описание экспериментального подхода Титченера к ощущениям и восприятию.

Функционализм: предшествующее влияние

Протест функционализма

Функционализм, как подсказывает его название, занимается проблемами функционирования психики или ее использования организмом для адаптации к окружающей среде. Движение функциональной психологии сконцентрировало свои усилия на практическом вопросе о роли и значении психических процессов. Функционалисты изучали психику с точки зрения исследования не ее состава (структуры и основных элементов), а, скорее функций и процессов, которые приводят к практическим последствиям в реальном мире.

Исследования психики, проведенные Вундтом и Титченером, не выявили никаких практических результатов психической деятельности человека, да это и не было их целью. Такое утилитарное отношение к подобным вопросам было несовместимо с их чисто научным подходом к психологии. Функционализм - первая чисто американская система психологии - явился осознанным протестом против экспериментальной психологии Вундта и структурализма Титченера. Дело в том, что оба этих направления считались чересчур ограниченными и не способными дать ответы на вопросы о том, какие функции выполняет разум и как он это делает.

Хотя возникновение **функционализма*** было протестом против существующих направлений психологии, его приверженцы не стремились к формальному образованию собственной научной школы. Основная причина этого носила личностный, а не идейный характер: никто из сторонников нового течения не имел честолюбивого желания организовать новое научное движение, подобное вундтовскому или титченеровскому.

Со временем функционализм действительно приобрел многие черты научной школы, но ее создание никогда не было истинной целью его лидеров. Они были согласны довольствоваться простой модификацией сложившейся системы и не прилагали усилий к ее замене.

В итоге функционализм никогда не стал таким строгим и обособленным движением, каким был структурализм Титченера. Поэтому не существовало и такой единой функциональной психологии, какой была структурная психология. Хотя имелось несколько направлений функционализма, имевших свои собственные различия, тем не менее, все они занимались проблемами функций сознания. Но поскольку они изучали поведение организма в условиях его взаимодействия с окружающей средой, то стали интересоваться и вопросами потенциального применения психологии к решению повседневных задач. Таким образом, прикладная психология быстро развивалась именно в Соединенных Штатах, где сегодня она считается главным творческим наследием движения функционалистов.

Предшественники функционализма

В этой главе мы рассмотрим истоки движения функциональной психологии, берущие начало от работ Чарльза Дарвина, Френсиса Гальтона и от еще более ранних

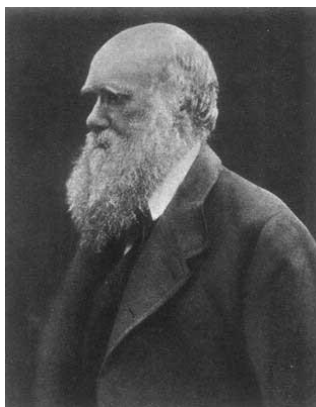
* функционализм - научное направление в психологии, занимающееся проблемами, связанными с ролью психики в адаптации организма к условиям окружающей среды.

исследователей поведения животных. Важно отметить период времени, в течение которого предшественники функционализма разрабатывали свои идеи. Он начался до возникновения новой психологии и продолжался в первые годы ее развития.

Первая работа Дарвина, посвященная проблемам эволюции «О происхождении видов» (On the Origin of Species, 1859 г.), была опубликована всего за год до появления «Элементов психофизики» Фехнера (1860 г.) и за 20 лет до создания Вундтом психологической лаборатории в Лейпцигском университете. Гальтон начал свои работы по вопросам индивидуальных различий в 1869 году, прежде, чем Вундт написал «Принципы физиологической психологии» (1873-1874). Опыты по изучению психологии животных стали проводиться в 80-х годах прошлого века, до того как Титченер отправился в Германию к Вундту.

Таким образом, основная работа по изучению функций сознания, индивидуальных различий и поведения животных выполнялась в то же самое время, когда Вундт и Титченер обдуманно исключали эти вопросы из сферы своих исследований. Новому поколению американских психологов пришлось вновь привнести в психологию психические функции, индивидуальные различия и лаборатории подопытных крыс, чтобы вывести ее на передовые научные позиции.

Переворот в естествознании: Чарльз Дарвин (1809-1882)

Работа Чарльза Дарвина «О происхождении видов путем естественного отбора», увидевшая свет в 1859 году, стала, бесспорно, одной из самых выдающихся книг в истории человечества. Изложенная в ней теория эволюции оказала огромное влияние не только на американскую школу психологии, обязанную своим развитием и становлением трудам Дарвина, но также на умы и идеи многих других известных ученых. (Как мы увидим впоследствии, ее воздействие испытал и Зигмунд Фрейд.)

Предположение о том, что все виды животных и растений непрерывно изменяются и развиваются, ставшее одним из краеугольных камней эволюционной теории, возникло задолго до Дарвина. След появления этого предположения теряется приблизительно в V веке до рождения Христа, но только в конце XVIII столетия оно обрело статус научной гипотезы и стало предметом исследования современных ученых. Дед Чарльза, физиолог Эразмус Дарвин, весивший, между прочим, 340 фунтов, и Френсис Гальтон, сочинявший эротические стихи и приживший 14 детей от двух жен и нескольких гувернанток, отмечали в своих работах, что все теплокровные существа ведут свою историю от первичных особей, получивших жизнь непосредственно от Бога.

В 1809 году французский натуралист Жан-Батист Ламарк сформулировал теорию развития живой природы, в которой основной акцент был сделан на изменения внешнего вида животных, вызванного их стремлением приспособиться к новым внешним условиям. Эти изменения, по мнению Ламарка, передавались по наследству. Согласно его теории, появление длинной шеи у жирафов было следствием передаваемыми из поколения в поколение изменениями, обусловленными необходимостью тянуться к самым высоким веткам деревьев в поисках достаточного количества пищи.

В середине 1800-х годов английский геолог Чарльз Лайель ввел понятие эволюции в геологию, доказывая, что Земля прошла различные этапы развития, прежде чем достигла нынешнего состояния.

Но почему после многих веков безоговорочного признания библейской модели возникновения и развития природы появились попытки дать свое объяснение этим процессам? Одна из причин состояла в том, что исследователи предоставляли в распоряжение ученых все новые и новые сведения о ранее неизвестных животных и растениях, населяющих Землю. Поэтому стал неизбежным вопрос: как Ной смог разместить на своем ковчеге так много пар особей каждого вида - ведь человечество уже знало их столько, что с трудом верило в эту историю.

Кроме того, было обнаружено множество костей и окаменелых останков, которые могли принадлежать только давно исчезнувшим представителям фауны. Эти наблюдения наводили на мысль, что все живые существа не могли сохраниться в первоизданном виде и со временем подвергались изменениям.

Перемены касались не только предмета исследований ученых и естествоиспытателей, но и различных сторон повседневной жизни. Сам <дух времени> стремительно менялся под влиянием промышленной революции. Общественные ценности, система взаимоотношений в обществе, культурные и моральные нормы, неизменные для многих поколений, стремительно разрушались вследствие миграции населения из сельских районов и маленьких провинциальных городков в быстроразвивающиеся индустриальные центры.

Заметнее становилась и роль науки. Росло количество людей, склонных основывать свои представления о человеке и обществе не на библейских истинах, а на достижениях научной мысли.

Необходимость перемен стала велением времени. Произошедшие изменения коснулись и фермеров, чей пульс жизни определялся теперь не медленной сменой времен года, а ритмом работы сельскохозяйственных машин и ученых, которые проводили время, ломая голову над загадками костей ископаемых животных. Общественный и научный климат благоприятствовал признанию идеи эволюционного развития природы. Однако довольно долго она бродила в умах лишь в виде предположений и догадок, испытывая недостаток в конкретных фактах. Только после появления на свет дарвиновской работы «О происхождении видов» идея эволюции получила достаточное количество доказательств и обрела черты научной теории, требующей к себе серьезного отношения. Само время диктовало необходимость создания такой теории, и ее провозвестником стал Чарльз Дарвин.

Когда Чарльз Дарвин был маленьким мальчиком, ничто не указывало на то, что он станет тем настойчивым и проницательным ученым, чье имя будет известно всему миру. Он рос шумным и озорным ребенком, любил неожиданные выходки и мог запросто соврать по любому поводу, чтобы привлечь к себе внимание детей и взрослых. Сохранилось воспоминание свидетелей его детских лет о том, как запертый в комнате за плохое поведение маленький Чарльз попытался разбить окно, чтобы выбраться наружу (Desmond & Moog. 1991). Он подавал так мало надежд, что его отец, состоятельный врач, всерьез беспокоился, как бы сын не опозорил его имя. Хотя Чарльз никогда не любил ходить в школу и не демонстрировал успехов в учебе, он проявил ранний интерес к вопросам истории естествознания, коллекционированию монет, морских раковин и минералов. Посланный отцом в Эдинбургский университет изучать медицину, он быстро утратил к ней всякий интерес и бросил занятия. И тогда отец решил, что Чарльз должен стать священником.

Молодой Дарвин провел три года в Кембриджском университете. Впоследствии он отзывался о проведенном там времени как о потраченном впустую - по крайней мере, с академической точки зрения. В плане же свободного времяпрепровождения этот период был самым счастливым в его жизни. Он собирал коллекцию насекомых и ходил на охоту, участвовал в попойках, горланил песни и играл в карты с теми студентами, которых сам же считал беспутными и недалекими.

Один из его наставников, известный ботаник Джон Стевенс Хенслоу, выхлопотал для Дарвина назначение на должность натуралиста-исследователя на корвет «Бигль», снаряжаемый британским правительством в кругосветное плавание с научными целями. Во время этого знаменитого путешествия, продолжавшегося с 1831 по 1836 год, были проведены исследования в водах, омывающих Южную Америку, на Таити, в Новой Зеландии, острове Вознесения и Азорском архипелаге. Участие в экспедиции предоставило Дарвину уникальную возможность познакомиться с многообразием животного и растительного мира и собрать огромное количество фактического материала. Важно было и то, что оно изменило его характер. Из склонного к легкомысленным развлечениям дилетанта он превратился в серьезного ученого, поставившего перед собой сложнейшую научную задачу, ставшую делом всей его жизни: разработать теорию эволюции живой природы.

В 1836 году Дарвин женился и спустя три года переехал с женой в Даун, небольшую деревню в шестнадцать милях от Лондона. Там, вдали от шума городской жизни, он мог всецело посвятить себя работе. Дарвин никогда не отличался крепким здоровьем и нередко страдал от различных физических недугов, поочередно жалуясь на приступы рвоты, скопление газов, фурункулы, появление кожной сыпи, головокружение, дрожь в руках и подавленное состояние. Эти симптомы свидетельствовали, по-видимому, о наличии у него расстройств невротического характера и проявлялись всякий раз, когда какое-нибудь внешнее событие нарушало привычный ритм его жизни. Таким образом болезнь стала своего рода экраном, защищавшим ученого от повседневной суеты, обеспечивая ему необходимое одиночество и возможность целиком сконцентрироваться на работе над новой теорией. Один из его биографов определил его недуг как «болезнь, порождающую творческий процесс» (Pickering. 1974).

Дарвин вел уединенный образ жизни, избегал поездок в гости и сам старался никого к себе не приглашать. Он даже установил зеркало за окном своего кабинета, чтобы следить за теми, кто приезжал его навещать. День за днем, неделя за неделей, он

страдал от болей в желудке и все эти годы сельского затворничества отказывался спать всюду, кроме своего надежного дома. Его постоянно терзали беспокойства. (Desmond & Moore. 1991.)

Следует сказать, что для беспокойства имелись серьезные основания. Идея эволюции природы встретила суровое осуждение реакционно настроенных деятелей церкви и некоторых ученых. Духовенство видело в ней угрозу нравственного разложения и подрыва общественных устоев. В своих проповедях священники неустанно подчеркивали, что если бы не было различия в происхождении людей и животных, то не было бы и различия в их поведении, и в итоге звериная жестокость уничтожила бы ростки цивилизации. Сам Дарвин иногда называл себя «дьявольским проповедником» и признавался друзьям, что работа над теорией эволюции подобна исповеди приговоренного к смерти (Desmond & Moore. 1991). Он знал, что после опубликования своих идей будет проклят как еретик.

Прошли долгих 22 года, прежде чем Дарвин решился познакомить мир со своими открытиями. Ему хотелось, чтобы к моменту опубликования его теория опиралась на неопровержимые научные доказательства. Поэтому он работал не спеша, действуя предельно внимательно и осторожно.

В 1842 году Дарвин составил первый 35-страничный набросок своей теории. Два года спустя набросок превратился в двухсотстраничное эссе, которое все равно не устраивало автора. Он продолжал хранить свои открытия в строгом секрете, доверяя их лишь геологу Лайелю и ботанику Джозефу Хукеру. Последующие 15 лет прошли в мучительных размышлениях, тщательном изучении собранного материала, проверке и перепроверке доказательств с целью сделать свою теорию неуязвимой во всех отношениях.

Неизвестно, сколько бы еще времени Дарвин продолжал откладывать публикацию своей работы, если бы в июне 1838 года не получил письмо от молодого натуралиста Альфреда Рассела Уоллеса, которое произвело на него эффект разорвавшейся бомбы. Уоллес, находясь в Вест-Индии, во время отпуска по лечению болезни сумел в общих чертах разработать свою теорию эволюции, во многом сходную с дарвиновской, хотя и не имевшую в своей основе столь богатого анализируемого материала. Самым ужасным было то, что, по словам самого Уоллеса, эта работа заняла у него всего три дня. Он интересовался мнением ученого о своем открытии и просил о содействии в его опубликовании. Представьте состояние Дарвина, отдавшего почти 20 лет жизни ежедневным кропотливым исследованиям!

Подобно многим ученым, Дарвин отличался крайним честолюбием. Еще до экспедиции на «Бигле» им была сделана дневниковая запись о стремлении «занять достойное место в мире науки». Впоследствии он добавил к ней такие слова: «Я хотел бы придавать как можно меньше значения таким пустякам, как слава. Мне не нравится, когда в основе творчества лежит стремление к первенству, но я был бы уязвлен, если бы кто-нибудь смог опубликовать мои идеи раньше меня» (Merton. 1957. P. 647-648).

По словам Лайела, Дарвин знал, что если поможет Уоллесу опубликовать его работу, то годы упорного труда над теорией эволюции пойдут насмарку, а он сам потеряет право на авторство (Benjamin. 1993). Дарвин буквально разрывался перед трудным выбором. Кончина сына, умершего от скарлатины в эти же дни, поставила его на грань отчаяния. С тоской размышляя о письме Уоллеса, в итоге он с завидным беспристрастием пришел к следующему заключению: «Похоже, это будет чересчур жестоко, если я утрачу приоритет открытия, которым фактически обладал уже столько лет. К тому же я не считаю, что отказ

от публикации отразится на научной стороне вопроса... Публикация же будет слишком несправедлива по отношению ко мне» (Merton. 1957. P. 648).

Лайел и Хукер предложили, чтобы письмо Уоллеса и отрывки из будущей книги Дарвина были зачитаны на собрании Линнеевского общества (научного общества, названного по имени шведского натуралиста Линнея) 1 июля 1858 года. Это событие вошло в историю науки, а все 1250 экземпляров первого издания «О происхождении видов» были раскуплены в первый же день продажи. Книга породила невиданный всплеск эмоций общественного мнения и бесчисленные споры. Дарвин, хотя и под огнем критики, выиграл свою битву за место в истории.

«О происхождении видов» и другие работы

В наше время дарвиновская теория эволюции известна каждому школьнику, поэтому мы лишь вкратце рассмотрим ее основные положения.

Отметив факт изменчивости видов живых существ, Дарвин сделал вывод о наследственной передаче различий от поколения к поколению. Поскольку в природе, рассуждал далее Дарвин, процесс естественного отбора приводит к выживанию тех организмов, которые наилучшим образом подходят к среде обитания, в непрерывной борьбе за существование побеждают те, кто успешно приспосабливается к изменениям внешней среды; не способные к адаптации погибают.

Дарвин сформулировал свою идею о борьбе за выживание после чтения книги экономиста Томаса Мальтуса «Опыт о законе народонаселения» (*Essay on the Principle of Population*), написанной в 1789 году. (В свое время эта же книга вдохновила и Альфреда Уоллеса.) Мальтус утверждал, что производство продовольствия в мире растет в арифметической прогрессии, в то время как население Земли - в геометрической. Это неизбежно приведет к ситуации, когда большинство людей столкнется с угрозой голодной смерти. Выжить в таких условиях смогут только самые сильные и жестокие.

Дарвин распространил этот принцип на все живые организмы и разработал свою концепцию естественного отбора. Согласно его представлениям, особи, победившие в борьбе за существование и достигшие зрелости, стремятся передать своему потомству навыки и преимущества, позволившие им преодолеть барьер естественной селекции. Далее, поскольку изменчивость является одним из проявлений закона наследственности, она неизбежно скажется и на новом поколении, причем отдельные его представители будут обладать большим преимуществом в борьбе за существование по сравнению с родителями. В итоге эти качества, передаваясь из поколения в поколение, могут вызвать заметные внутривидовые изменения. Иногда внутривидовые различия становятся столь глубокими, что, как подтвердили исследования, приводят к образованию новых видов.

Дарвин не рассматривал естественный отбор как единственный механизм развития эволюции. Он разделял убеждение Ламарка в том, что изменения, приобретенные организмом в период его жизни, могут передаваться по наследству.

Хотя некоторые религиозные деятели на удивление благосклонно отнеслись к идеям эволюционной теории, основная масса восприняла ее в штыки, поскольку была убеждена в ее несовместимости с канонической библейской картиной сотворения мира. Один высокопоставленный служитель церкви назвал ее «попыткой свергнуть Бога», добавляя при этом, что «если считать теорию Дарвина истинной, то следует признать ложной Книгу

Бытия, а известные всем нам, христианам, Божественные откровения – обманом» (White. 1896/1965. P. 93).

В течение года после опубликования работы «О происхождении видов» не утихали дебаты в Оксфордском университете и на заседаниях Британской ассоциации развития науки. Среди выступавших были биолог Томас Генри Гексли, защищавший Дарвина, и епископ Сэмюэль Уилберфорс (получивший за свои витиеватые речи кличку Мыльный Сэм), отстаивавший точку зрения Библии. «Рассматривая теорию Дарвина, Уилберфорс поздравил себя... что он-то не произошел от обезьяны. На что последовала немедленная реплика Хаксли, что он скорее предпочтет быть потомком обезьяны, чем человека, использующего свои знания и красноречие на то, чтобы опорочить ученого, посвятившего свою жизнь поискам истины» (White. 1896/1965. P. 92).

Другим докладчиком был Роберт Фитцрой, бывший капитаном на «Бигле» во время путешествия Дарвина. Будучи религиозным ортодоксом, он винил себя за помощь, оказанную исследованиям ученого. Во время своего выступления Фитцрой потрясал над головой огромной Библией, заклиная слушателей верить слову Божьему, но его выступление потонуло в возмущенных криках собравшихся. Пять лет спустя несчастный капитан покончил жизнь самоубийством (Desmond & Moore. 1991).

Недавние открытия историков позволили по-новому взглянуть на то, канувшее в Лету, научное противостояние (Richards. 1987). По-видимому, характер отчета о дебатах в Оксфорде был обусловлен антиклерикальной позицией Гексли и его попыткой (возможно и непреднамеренной) укрепить свой образ передового ученого. Фактически слушания носили характер не открытой полемики, а серии подготовленных докладов, и именно друг Дарвина Джозеф Хукер, а не Гексли дал отпор епископу Уилберфорсу. Сам же Дарвин сохранил с епископом хорошие отношения, отзываясь о его аргументах как о «чрезвычайно искусных, хотя и лишенных научного смысла» (Could. 1986. P. 31).

Борьба вокруг теории эволюции продолжилась и в нашем веке. В 1925 году в городе Дейтоне, штат Теннесси, состоялся так называемый «обезьяний процесс» над школьным учителем Джоном Скоупсом, познакомившим своих учеников с учением Дарвина. В этом же штате почти полвека спустя, в 1972 году, один священник обвинял теорию Дарвина в том, что она «порождает моральное разложение, похоть, безнравственность, корыстолюбие и такие преступные действия, как употребление наркотиков, разбой и потрясающие своей жестокостью акты геноцида» (New York Times, October 1. 1972). В 1968 году Верховный Суд США отменил закон, запрещавший преподавание теории эволюции в школах, однако проведенное в 1985 году исследование показало, что почти половина взрослого населения Америки решительно ее отвергают (Washington Post, June 3. 1986).

В 1987 году Верховный Суд выступил против законопроекта штата Луизиана, содержащего требование о том, чтобы, в случае преподавания в школе теории Дарвина, в равном объеме преподавалось бы и традиционное библейское учение о происхождении жизни. В 1990 году Коллегия по вопросам образования штата Техас одобрила выпуск учебника, содержащего изложение теории эволюции, однако все же треть ее членов была против такого решения.

Сам Дарвин находился в стороне от полемики вокруг своего открытия и писал тем временем другие книги, имевшие важное значение для развития психологии. Его вторая большая работа «Происхождение человека» (The Descent of Man), вышедшая в 1871 году, содержала описание свидетельств развития человека, начиная с низших ступеней, - в ней

делался акцент на сходстве психических процессов у людей и животных. Книга быстро завоевала успех. Известный журнальный обозреватель отмечал: «В гостиных она соперничает по популярности с новейшими романами, а в кабинетах будоражит умы ученых, моралистов и теологов. И там, и там она порождает шквал эмоций, состоящих из смеси изумления, глубокого возмущения и восхищения» (Richards. 1987. P. 219). Однако скоро изумление, восхищение и признание победили возмущение и неприятие.

В дальнейшем Дарвин занимался активным изучением выражения эмоционального состояния людей и животных, показывая, как смена жестов и поз, типичных для большинства эмоциональных состояний живых существ, могут быть интерпретированы в терминах эволюционной теории. В своей книге «Выражение эмоций у людей и животных» (The Expression of the Emotions in Man and Animals) он утверждал, что эмоциональные жесты являются остаточным следствием движений, служивших когда-то практическим целям.

Начиная с 1840 года Дарвин вел дневниковые записи о своем малолетнем сыне, следя за его развитием. В 1877 году он опубликовал их в журнале «Mind» под названием «Биографический очерк о развитии ребенка» (A Biographical recording the child). Эта работа считается одним из источников возникновения современной детской психологии.

Эволюция механизмов

Давайте снова вернемся к рассмотрению механических моделей. Мы отмечали, что механизмы создавались для дублирования движений человека (автоматы) и его отдельных мыслительных процессов (вычислительная машина Бэббиджа). Возможно ли, чтобы механизмы стали эволюционировать в сторону развития высших форм - как это произошло, по мнению некоторых ученых, с людьми и животными? Постановка такого вопроса становилась неизбежной, так как после опубликования теории Дарвина мысли о механических аналогах человеческой жизни получили широкое распространение в научных и общественных кругах.

Человеком, открыто поставившим этот вопрос и распространившим эволюционную теорию на созданные людьми механизмы, был Сэмюэль Батлер, оригинальный английский писатель и музыкант. Он эмигрировал в Новую Зеландию, чтобы заняться там разведением овец, как раз в год опубликования книги Дарвина «О происхождении видов» (Mazlish. 1993). Впоследствии Дарвин и Батлер много лет вели активную переписку.

В нескольких своих очерках, один из которых был озаглавлен «Дарвин среди машин», Батлер писал, что эволюция машин на самом деле давно уже происходит. Для этого нам надо только сравнить простейшие устройства, применявшиеся с незапамятных времен - рычаги, блоки, клинья, - со сложным оборудованием фабрик и заводов эпохи промышленной революции или с устройством современных океанских пароходов.

Он утверждал, что эволюция механизмов происходит таким же, как и у живых существ, путем естественного отбора и борьбы за существование. Изобретатели постоянно создают новые устройства, придавая им дополнительные преимущества по сравнению с существующими. Таким образом новые машины уничтожают или выводят из употребления более старые и примитивные, которые не могут выдержать конкуренции и приспособиться к новым условиям. В результате устаревшие механизмы исчезают, подобно динозаврам.

Быстрое развитие техники ясно показало Батлеру, что эволюция машин идет гораздо более быстрыми темпами, чем эволюция животного мира. Основываясь на этом наблюдении, он стал размышлять, к чему же может привести такое положение дел. Так, например, Батлер предсказал автоматизацию механизмов и их возможности моделирования человеческого интеллекта. Поэтому, предупреждал он, есть вероятность того, что в один прекрасный день развитие машин достигнет такого уровня, что они смогут господствовать над людьми. Но станет ли при этом человечество полностью зависимым от машин, неспособным выжить без их помощи?

Один историк науки писал, «что подобно страху перед монстром-Франкенштейном, Батлер вызвал страх перед машинами, которые по мере своего развития будут угрожать если не нашему выживанию, то по крайней мере нашему господству над остальным животным миром» (Mazlish. 1993. P. 151). Требовался лишь маленький шаг, чтобы предсказать, что механизмы в процессе своей эволюции достигнут уровня сознательного поведения. «Не существует защиты, - писал Батлер, - против создания механического сознания... кто может поручиться, что паровая машина бессознательна? Где начинается сознание и где оно заканчивается? Кто может провести эту разграничительную линию?» (цит. по Mazlish. 1993). Эти же вопросы в наши дни задаются относительно компьютеров - самых умных из существующих машин. К рассмотрению этой проблемы мы еще вернемся в главе 15.

Батлер излагал свои взгляды во многих статьях, но, поскольку они публиковались в малоизвестных журналах, то не смогли оказать заметного влияния на развитие научной мысли.

В 1872 году идея об эволюции механизмов получила широкую известность после того, как Батлер изложил ее в своем романе «Егдин» (анаграмма слова «нигде»). Сюжет этого произведения построен на истории вымышленного государства, в котором были уничтожены все машины, потому что они стали представлять угрозу для людей.

Популярность батлеровской идеи свидетельствует о существовавшем в XIX веке повышенном интересе к развитию механизмов и механистическому представлению человеческой природы. Неудивительно, что в то время эта тема стала одной из самых важных для недавно возникшей науки психологии.

Влияние Дарвина на развитие психологии

Работы Дарвина, выполненные им во второй половине XIX века, в значительной мере повлияли на формирование современной психологии.

Теория эволюции открыла для науки увлекательные возможности, связанные с неразрывностью психических процессов у человека и животных. Если человеческий разум достиг сегодняшнего уровня развития путем эволюции от более примитивных форм, то не следует ли из этого подобие психического функционирования животных и людей? Таким образом, вопрос о различиях между человеком и животными, поднятый два века тому назад Декартом, вновь становился открытым. Ученые ясно увидели, что изучение поведения представителей фауны стало крайне необходимо для понимания поведения человека. Поэтому они обратились к исследованиям функционирования психики животных, сделав ее новой темой опытов в психологических лабораториях. Разработка этого научного направления имела исключительно важное значение.

Теория эволюции вызвала изменения также и в предмете исследований психологии. Раньше структуралисты основное внимание уделяли анализу содержания сознания. Работы Дарвина подтолкнули некоторых из них - особенно из числа тех, кто работал в Америке, - начать изучение функций, которые могло выполнять сознание. Для многих исследователей это показалось более важным, чем заниматься анализом его отдельных элементов. По мере того, как психология все больше интересовалась тем, как функционирует организм в процессе адаптации к внешним условиям, задача поиска психических элементов стала терять свою привлекательность.

Дарвиновская теория также позволила расширить набор методов исследований, которым могла пользоваться новая наука. В лейпцигской лаборатории Вундта главным образом использовались средства из арсенала физиологии, что в особенности относилось к психологическим методам Фехнера. Методы Дарвина, позволявшие получать результаты, применимые как к людям, так и к животным, не имели сходства с приемами исследований, основанными на физиологии. Данные Дарвина были получены из многих источников, включая геологию, археологию, демографию, наблюдения диких и домашних животных, а также их селекции. Сведения, почерпнутые из этих областей знаний, обеспечивали поддержку его теории.

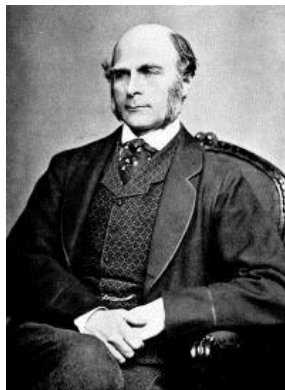
Помимо этого, в ней содержались убедительные доказательства того, что ученые могут изучать психику человека способами, отличными от экспериментальной интроспекции. Следуя примеру Дарвина, психологи, испытавшие воздействие его взглядов на процессы эволюции и на особую роль, которую играет в них сознание, стали шире применять самые разнообразные методы исследований. В результате это привело к накоплению огромного количества экспериментальных материалов.

Влияние теории эволюции на психологию проявилось и в растущем интересе к индивидуальным различиям. В результате наблюдений, выполненных над многими представителями животного мира во время путешествия на «Бигле», Дарвину стала очевидна мысль о существовании изменений, происходящих внутри каждого вида.

Эволюция была бы невозможна, если бы новые поколения были идентичны предшествующим. Таким образом, принцип изменчивости стал одним из важнейших постулатов эволюционной теории.

В то время, как сторонники структурализма продолжали свои поиски общих законов, позволяющих охватить все виды психической деятельности, психологи, испытавшие влияние идей Дарвина, начали исследовать индивидуальные различия и способы их оценки. Структуралисты имели мало возможностей для изучения психики животных и индивидуальных различий. Этими проблемами стали заниматься психологи-функционалисты. Как результат, форма и содержание новой психологии начали изменяться.

Индивидуальные различия: Френсис Гальтон (1822-1911)

Своими работами по проблемам психической наследственности и индивидуальных различий человеческих способностей Гальтон привнес в психологию дух эволюционной теории. До него вопрос об индивидуальных различиях в качестве достойного предмета психологических исследований не рассматривался. Нам известно только о разрозненных попытках, предпринятых в этом направлении главным образом Вебером, Фехнером и Гельмгольцем, оставивших сведения об экспериментах по изучению индивидуальных различий, результаты которых к тому же так и не были систематизированы. Что же касается Вундта и Титченера, то они вообще не рассматривали эти вопросы в качестве относящихся к психологии.

Страницы жизни

Френсис Гальтон обладал исключительными умственными способностями (по косвенным оценкам его коэффициент IQ был равен примерно двумстам) и неисчерпаемым запасом творческих идей. Среди предметов его исследований были, в частности, даже такие: дактилоскопия (результаты этих работ были впоследствии использованы криминалистами), мода, влияние географических факторов на внешние данные населения, тяжелая атлетика и эффективность молитв. Он также изобрел печатающее устройство для телетайпа, приспособление для открывания замков и перископ, позволявший ему при нахождении в плотной толпе наблюдать парад поверх голов других зрителей.

Гальтон родился в 1822 году в Англии, недалеко от Бирмингема, и был самым младшим в семье из девяти детей. Его отец был процветающим банкиром, принадлежавшим к богатому и известному роду, давшему многих известных государственных деятелей, священнослужителей и военачальников. В возрасте 16 лет по настоянию отца Френсис начал изучать медицину в Бирмингемской городской больнице. Он работал ассистентом врача, раздавал больным лекарства, изучал медицинскую литературу, лечил переломы, ампутировал поврежденные пальцы, удалял зубы, делал прививки детям и развлекал себя чтением классической литературы. Однако, в общем-то работа в больнице не была для него таким уж приятным занятием, и он продолжал оставаться там только под давлением отца.

Один случай, произошедший с Гальтоном в период ученичества, хорошо иллюстрирует пытливость его ума. Желая выяснить влияние различных лекарств, он начал принимать малые дозы каждого из них и отмечать, какой эффект произвело на него лекарство. Гальтон начал свой опыт с препаратов, название которых начиналось с буквы А, и закончил свои исследования на букве С - после того, как попробовал кретонового масла, которое использовалось в то время в качестве слабительного.

После годичной работы в бирмингемской больнице Гальтон продолжил свое медицинское образование в Лондонском королевском колледже. Через год его планы изменились, и он перешел в Тринити-колледж Кембриджского университета, где начал изучать математику. В это время его кумиром стал Исаак Ньютон, бюст которого неизменно стоял у Гальтона на каминной полке. Хотя его учеба была прервана серьезной депрессией, ему все же удалось получить университетский диплом. Позднее он возобновил изучение медицины, которую к тому времени буквально возненавидел, однако только смерть отца позволила ему отказаться от занятий нелюбимым делом.

Внимание Гальтона привлекали научные экспедиции. Он совершил путешествие по Африке и написал по его итогам отчет, удостоенный медали Королевского географического общества. В 50-е годы прошлого века он вынужден был прекратить свое участие в экспедициях. Сам Гальтон объяснял этот шаг своей женитьбой и ухудшением состояния здоровья. Все же тема исследований неизвестных земель продолжала вызывать у него исключительный интерес, и он даже написал книгу под названием «Искусство путешествий». Гальтон принимал участие в организации ряда научных экспедиций, а также читал лекции о жизни в полевых условиях для солдат, готовящихся к службе в заморских колониях.

В своем неистощимом стремлении познания природы он обратился к метеорологии и сконструировал прибор для автоматической записи данных о состоянии атмосферы. Гальтон подытожил свои открытия в этой области, написав книгу, которая считается первой научной попыткой дать широкомасштабное представление о мировых погодных процессах.

Когда его кузен Чарльз Дарвин опубликовал свой знаменитый труд «О происхождении видов», он немедленно обратился к изучению новой теории. В первую очередь его заинтересовали биологические аспекты эволюции, и он предпринял исследования результатов переливания крови кроликам с целью выяснить, действительно ли могут быть унаследованы приобретенные признаки. Хотя генетические проблемы эволюционных процессов в течение долгого времени не привлекали внимания Гальтона, социальный подтекст присутствовал в его последующих работах, что и определило его влияние на современную психологию.

Психическая наследственность

Первая книга Гальтона по психологии «Наследственный гений» (Hereditary Genius) была опубликована в 1869 году. (Когда с ней познакомился Дарвин, он написал своему кузену, что никогда раньше не читал ничего более интересного и оригинального.) В этой работе Гальтон пытался показать, что рождение в семьях гениальных детей происходит значительно чаще, чем это можно было бы объяснить исключительно влиянием окружающих условий. Основная мысль этой книги состояла в том, что у выдающихся отцов рождаются выдающиеся сыновья. (Дочери в то время имели мало возможностей занять высокое положение помимо брака с выдающимся человеком.)

Большинство биографических данных, на которые ссылался в своей книге Гальтон, относились к родословным известных ученых и врачей. Его исследования показывали, что каждый знаменитый человек наследует не только гениальность, но и особую форму ее проявления. Так, например, великий ученый рождается в семье, которая достигла известности именно в науке.

Конечной целью Гальтона было способствовать рождению «качественных» личностей и препятствовать рождению «некачественных». Чтобы помочь достижению этой цели, он создал новую науку евгенику, имевшую дело с факторами, которые могли улучшить наследуемые качества людей. Он утверждал, что человеческий род, подобно домашним животным, может быть улучшен путем искусственной селекции. Если бы талантливые люди выбирались из общей массы и сочетались браком только друг с другом в течение многих поколений, то в результате возникла бы новая высокоодаренная человеческая раса. Гальтон предлагал разработать специальные интеллектуальные тесты для отбора высокоодаренных мужчин и женщин для дальнейшей селекционной работы. Он также рекомендовал создавать материальные стимулы для поощрения вступления в брак и обзаведения детьми тех, кто успешно пройдет тестирование. (Ни сам Гальтон, ни его братья не имели детей. По-видимому, это была проблема генетического характера.)

В своих попытках проверить свою евгеническую теорию Гальтон обратился к статистике. В книге «Наследственный гений» он применяет статистические методы для решения проблем наследственности, рассортировывая людей по уровню дарования. Его данные показали, что выдающиеся люди с большей вероятностью имеют выдающихся сыновей по сравнению с людьми со средними способностями. Так в своей работе Гальтон выяснил, что из 4000 детей одаренных родителей 977 мужчин впоследствии стали знаменитыми. Когда же группа родителей выбиралась на случайной основе, то одаренных детей насчитывалось, как и ожидалось, меньше, только 332.

По мнению Гальтона, вероятность рождения гениев в некоторых семьях была недостаточно высока, чтобы всерьез рассматривать ее зависимость от лучших условий жизни, возможностей получения образования или каких-то иных социальных преимуществ. Поэтому его вывод состоял в том, что гениальность или ее отсутствие зависят от наследственности, а не от предоставленных возможностей.

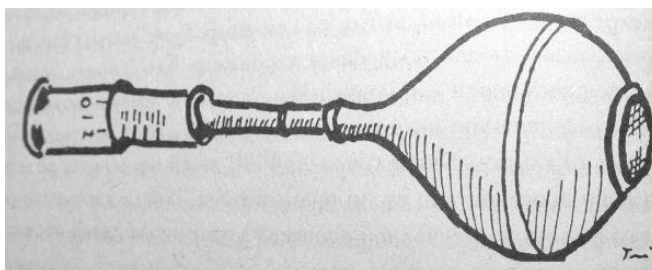
Гальтон написал книги «Английские ученые» (English Men of Science, 1874 г.), «Естественная наследственность» (Natural Inheritance, 1889 г.) и более 30 других работ по проблемам наследственности. В 1901 году он начал издавать журнал «Биометрика», в 1904 году основал лабораторию евгеники при Лондонском университетском колледже и организовал общество содействия распространению идей расового совершенствования.

Статистические методы

В продолжение всей своей научной карьеры Гальтон никогда не бывал полностью удовлетворен исследованием проблемы, если не мог получить количественных данных и провести их статистическую обработку. Для этого ему иногда приходилось использовать им же разработанные методы. Бельгийский математик Адольф Кетле был первым, кто применил статистические методы и закон нормального распределения случайных величин к анализу биологических и социальных процессов. Ранее этот закон обычно использовался при определении ошибок измерений при наблюдениях и экспериментах в естественных науках. Кетле был первым, кто показал, что величина роста, измеренного у 10 тысяч человек, приблизительно подчиняется нормальному распределению. Он использовал выражение *l'homme moyen* (средний человек), чтобы отразить тот факт, что большинство результатов физических измерений группируются вокруг их среднего значения или центра распределения, а количество остальных данных уменьшается по мере их отклонения от этой величины.

Результаты, полученные Кетле, произвели на Гальтона сильное впечатление, и он высказал предположение о том, что этот подход может применяться и для анализа данных

психологии. К примеру, он установил, что разброс оценок, полученных на университетских экзаменах, подчиняется закону нормального распределения. Из-за простоты нормального закона и удобства его применения к описанию разнообразных характеристик Гальтон предположил, что достаточно большое число оценок человеческих характеристик могут быть описаны двумя основными величинами: средней оценкой распределения (математическое ожидание) и диапазоном разброса вокруг средней оценки (стандартное отклонение).

Гальтоновский свисток использовался для определения наивысшего звукового тона, на который реагировали люди и животные.

Работы Гальтона в области статистики привели к открытию одной из самых важных величин - корреляции, первое упоминание о которой появилось в 1888 году. Современные метод определения обоснованности и надежности тестов так же, как и методы факторного анализа, напрямую связаны с гальтоновским открытием корреляции, которое стало результатом наблюдений Гальтона за тем, как количественные характеристики наследственных признаков регрессируют к своему среднему значению. К примеру, он отмечал, что сыновья очень высоких людей, в среднем, бывают ниже своих отцов, в то время как сыновья очень низкорослых мужчин оказываются, в среднем, выше своих отцов. Гальтон разработал графические методы для отражения основных свойств коэффициента корреляции и нашел формулу для его расчета (ради объективности следует отметить, что в наше время она уже не используется).

При поддержке Гальтона его студент Карл Пирсон вывел использующуюся и по сей день формулу определения коэффициента корреляции - получившего название коэффициента корреляции Пирсона. Для символического обозначения коэффициента корреляции используется буква r - первая буква английского слова regression - регрессия, как факт признания важности гальтоновского открытия тенденции регрессирования наследственных признаков к среднему значению. Корреляция стала основным инструментом исследований в социальных, естественных и инженерных науках. Впоследствии на основании новаторских работ Гальтона были разработаны многие другие методики статистических оценок.

Тесты умственных способностей

Гальтон первым разработал **тесты умственных способностей***, Хотя появлению этого термина мы обязаны Джеймсу МакКину Кеттелу, его американскому ученику и бывшему студенту Вундта. Основное предположение Гальтона состояло в том, что интеллект может быть измерен в терминах сенсорных способностей человека - причем чем выше уровень интеллекта индивидуума, тем выше должен быть уровень его сенсорного функционирования. Он вывел это предположение из эмпирических взглядов Джона Локка о том, что знание дается нам через ощущения. Если это предположение верно, утверждал

* тесты умственных способностей - тесты моторных навыков и сенсорных способностей.

Гальтон, то из него следует, что «у наиболее одаренных индивидуумов появляются более тонкие ощущения. Тот факт, что умственно отсталые люди нередко имеют неразвитые чувства, по-видимому, подтверждает эту мысль»(Loevinger. 1987. P. 98).

Для выполнения своих исследований Гальтону было необходимо изобрести устройства, с помощью которых можно было бы производить быстрые и точные сенсорные измерения у большого количества людей. Например, для определения наивысшей различимой частоты звука он придумал специальный свисток, который использовал при экспериментах и с людьми, и с животными. (Гальтон любил прогуливаться по лондонскому зоопарку с полой тростью, к которой был прикреплен его свисток с приделанной к нему резиновой грушей. Сжимая грушу, он наблюдал реакцию животных на произведенный звук.) Гальтоновский свисток был обязательным элементом оборудования любой психологической лаборатории до 30-х годов, когда он был заменен более совершенными электронными приборами.

Среди других его приборов следует отметить фотометр для измерения точности, с которой человек может различать два разных цветовых тона, калиброванный маятник для определения времени реакции на звук и свет, и приспособление, состоящее из набора грузов, размещение которых позволяло сравнивать кинетическую или мускульную чувствительность. Он придумал специальную рейку с переменной шкалой расстояний для проверки оценки длины и набор бутылок, содержащих различные вещества для проверки обоняния. Большинство гальтоновских тестов послужили отправной точкой для разработки оборудования, которое десятилетиями использовалось в психологических лабораториях.

Вооруженный новыми методами, Гальтон приступил к массовому сбору опытных данных. В 1884 году он основал антропометрическую лабораторию, которая сначала действовала на Лондонской международной медицинской выставке, а затем была переведена в лондонский Южно-Кенсингтонский музей. Эта лаборатория функционировала шесть лет, в течение которых Гальтон собрал результаты обследования более чем девяти тысяч людей. В этой лаборатории имелись различные приборы для антропометрических и психометрических измерений. За небольшую входную плату каждый посетитель мог пройти все обследования, результаты которых ассистенты лаборатории заносили в картотеку.

У посетителей лаборатории в числе прочих параметров определялся рост, вес, объем легких, предельная сила различных мышц, частота дыхания, острота слуха, зрения и цветового восприятия. Целью этой программы многосторонних исследований было - не больше не меньше - определение диапазона человеческих возможностей населения Великобритании с целью выяснения интеллектуального потенциала нации.

Сто лет спустя группа психологов из Соединенных Штатов проанализировала данные обследований, полученные Гальтоном (Johnson. 1985). Им удалось выяснить существенную корреляцию между результатами современных тестов и исследований, проведенных в прошлом веке. Это позволило сделать вывод о статистической надежности данных Гальтона. Кроме того, эти сведения содержали полезную информацию о тенденциях развития обследованных детей, подростков и взрослых. Показатели веса, размаха рук, объема легких и силы сжатия кисти оказались близкими к тем, которые приводились в более современной литературе. Исключение составили темпы развития, которые в те времена были более замедленными. Таким образом, психологи сделали заключение о том, что данные Гальтона несомненно продолжают представлять научную ценность.

Ассоциация идей

Гальтон работал над двумя проблемами в области изучения ассоциаций: исследованием многообразия ассоциаций идей и определением времени, требуемого для возникновения ассоциаций (времени реакции).

Один из его методов изучения многообразия ассоциаций заключался в том, что испытуемый должен был пройти 450 ярдов по лондонской улице Полл Молл, находящейся между Трафальгарской площадью и Дворцом Сент-Джеймс, обращая свое внимание на различные предметы до тех пор, пока они ассоциативно не подскажут ему одну или две идеи. В первый раз, когда Гальтон сам попытался испробовать на себе этот метод, он был поражен количеством ассоциаций, которые вызвали в нем те 300 объектов, которые он успел увидеть. При этом он обнаружил, что многие из ассоциаций были воспоминаниями о прошлых переживаниях, включая и давно уже забытые. Повторяя этот эксперимент несколькими днями позже, он выяснил, что многие из ассоциаций, возникших во время первой прогулки, появились вновь. Этот результат сразу охладил его интерес к этой проблеме, и он занялся экспериментами по измерению времени реакции, которые оказались гораздо более успешными.

Для проведения этих опытов Гальтон приготовил список из 75 слов, каждое из которых было написано на отдельном листе бумаги. Неделью спустя он стал рассматривать их по одному и с помощью хронометра фиксировать время возникновения двух ассоциаций, вызванных каждым словом. Многие ассоциации состояли из одного слова, но некоторые представляли собой образы или мысленные картины, требующие многословного описания. Следующая задача состояла в определении природы этих ассоциаций. Гальтон установил, что приблизительно 40 процентов от их общего числа уходят корнями ко временам детства и отрочества. Этот факт стал одной из первых научных иллюстраций влияния детских переживаний на личность взрослого человека.

Метод, разработанный Гальтоном для изучения ассоциаций, имел даже большее значение для науки, чем полученные им результаты. Словесно-ассоциативный тест Гальтона и стал первым по-настоящему научным инструментом для изучения ассоциаций. Как мы знаем, Вундт использовал этот метод в своей лейпцигской лаборатории, ограничивая реакцию испытуемого одним словом. Психоаналитик Карл Юнг также усовершенствовал методику Гальтона для проведения своих исследований проблем с помощью словесных ассоциаций.

Психические образы

Гальтоновские исследования психических образов отмечены первым широким применением психологических опросников. Испытуемым предлагали вспомнить какой-нибудь случай, например, произошедший за завтраком, и постараться вызвать в памяти его образ. Далее надо было отметить, был ли образ смутным или отчетливым, ясным или темным, цветным или черно-белым и так далее. К удивлению Гальтона, среди первой группы испытуемых, состоявшей из знакомых ему ученых, никто не смог сообщить о возникновении отчетливого образа! Причем некоторые из них даже не понимали, что под этим понимает Гальтон.

Обращаясь к более широкому исследованию различных слоев населения, Гальтон получил сообщения о ясных и отчетливых образах, полных красок и мельчайших подробностей. Он обнаружил, что образы, возникающие у женщин и детей, бывают особенно конкретны и детальны. Кроме этого, Гальтон установил, что статистические данные, связанные с

человеческим воображением, подобно многим другим характеристикам, также подчиняются нормальному закону.

Как и большинство гальтоновских работ, исследования этой проблемы имели прямое отношение к попытке продемонстрировать наследственное сходство. В частности, он установил, что близкие образы с большей вероятностью появляются у единокровных братьев и сестер, чем у людей, не связанных родственными узами.

Другие исследования

Многогранность гальтоновского таланта проявилась в самых разнообразных исследованиях. Однажды он попытался поставить себя в положение душевнобольного, воображающего, что за ним следят все живые существа, которые встречаются ему на улице. «К концу утренней прогулки ему казалось, что за ним шпионит каждая лошадь, потому что даже если она и не смотрела на него, то он думал, что этим она просто маскирует свои действия» (Watson. 1978. P. 328-329).

Гальтон жил в то время, когда полемика между сторонниками теории эволюции и приверженцами ортодоксальной теологии достигла наивысшей остроты. С присущей ему объективностью он изучил эту проблему и сделал вывод о том, что, хотя большинство людей действительно придерживается строгих религиозных взглядов, этого вовсе недостаточно, чтобы считать их убеждения обоснованными. Он исследовал возможности молитв повлиять на достижение каких-либо результатов и решил, что они бесполезны как для врачей, лечащих своих больных, так и для метеорологов в их попытках вызвать изменения погоды или даже для священников. Гальтон верил, что не существует заметной разницы между людьми, которые придерживаются и не придерживаются религиозных взглядов, - в отношении того, какие у них возникают проблемы и как складываются отношения с окружающими. Он надеялся дать человечеству новую систему убеждений, построенную на основе строгих научных фактов. Гальтон полагал, что эволюционное развитие более совершенной человеческой расы, которая появится благодаря евгенике, является более достойной целью, чем место в раю.

Окружающим казалось, что Гальтон постоянно что-нибудь считает. В университете и в театре он подсчитывал число зевков и покашливаний среди публики, трактуя полученный результат как меру скучности лекции или спектакля. Во время сеансов у портретиста он подсчитал количество мазков, сделанных художником, и определил, что их потребовалось примерно 20 тысяч. Однажды Гальтон решил вести подсчеты с помощью запахов, а не чисел. Стараясь приучить себя забыть значения чисел, он приписал цифровые значения ароматам и стал учиться использовать эти необычные термины для сложения и вычитания. В итоге этих интеллектуальных упражнений на свет появилась оригинальная работа под названием «Арифметика запахов» (Arithmetic by Smell), опубликованная в первом номере американского журнала «Психологическое обозрение» (Psychological Review).

Комментарии

Гальтон занимался психологией только 15 лет, но результаты его исследований придали развитию этой науки новое направление. В действительности он был психологом ничуть не в большей мере, чем антропологом или евгенистом. Просто его одаренной натуре было тесно в рамках одной научной дисциплины. Перечень проблем, интересовавших Гальтона и ставших впоследствии предметами исследования других ученых, включает в себя вопросы адаптации, сравнительного влияния наследственности и изменений окружающей

среды, развития детей, индивидуальных различий, использования статистических методов, применение опросников и психологических тестов. Диапазон его научных исследований и объем полученных им результатов позволяет утверждать, что влияние Гальтона на развитие психологии в Соединенных Штатах было даже более глубоким, чем у основателя этой науки Вильгельма Вундта.

Зоопсихология и развитие функционализма

Эволюционная теория стала основным стимулом для развития зоопсихологии. До опубликования работ Дарвина у ученых не было причин заниматься психикой животных, потому что они рассматривались в качестве своего рода автоматов, лишенных души и разума. Этой точки зрения придерживался и Декарт, настойчиво повторявший, что животные не имеют никакого сходства с людьми.

Появление книги «О происхождении видов» в корне изменило эту с виду благополучную ситуацию. Доказательства, представленные Дарвином, позволили сделать предположение о том, что между психикой человека и животных нет глубоких различий. Ученые могли рассматривать вопросы психики всех живых существ с единых позиций, потому что, согласно выводам дарвинистов, люди могли рассматриваться произошедшими от животных в результате длительного процесса эволюционных изменений. Сам Дарвин утверждал, что «не существует фундаментальных различий между психическими способностями человека и высших млекопитающих» (1871. р. 66)).

Он был убежден в том, что многие существа испытывают удовольствие и боль, радость и печаль, видят сны и даже обладают воображением. Даже черви, писал Дарвин, демонстрируют удовольствие от еды, проявляют половое влечение и стремление к общению, что несомненно свидетельствует о наличии у них определенной формы сознания.

Если бы можно было продемонстрировать наличие умственных способностей у животных, а также неразрывную связь между их психикой и психикой человека, полученные факты свидетельствовали бы о несостоятельности утверждения Декарта. Эта задача и послужила отправной точкой поисков интеллекта у животных.

Дарвин защищал свою теорию в книге «Выражение эмоций у человека и животных» (1872 г.), в которой утверждал, что выражение эмоций у человека унаследовано им от некоторых типов поведения животных. В поддержку этой идеи он приводил множество примеров - в частности, рассматривал презрительную усмешку, сопровождаемую искривлением губ, в качестве рудиментарной, относящейся к способу, которым животные обнажали свои клыки, стараясь напугать противника.

После выхода в свет книги «О происхождении видов» тема возможного наличия интеллекта у животных стала необыкновенно популярной не только в научных кругах, но и среди широкой публики. В 60-70-е годы прошлого века многие люди писали письма в журналы различных направлений, сообщая о случаях поведения животных, которые вдруг стали демонстрировать не наблюдавшиеся у них ранее признаки умственных способностей. Появились тысячи историй о необычайных проявлениях ума у домашних кошек и собак, лошадей у свиней, улиток и птиц.

Даже великий экспериментатор Вильгельм Вундт, до того как стал первым в мире ученым-психологом, не избежал этого увлечения. В 1863 году он написал работу об умственных способностях различных живых существ - от жуков до бобров, в которой

утверждал, что животные, демонстрирующие даже минимальные сенсорные способности, должны обладать умением делать оценки и сознательные выводы. По его мнению, так называемые низшие существа по своим способностям не так уж сильно отличаются от человека, а наблюдаемые различия обусловлены, в частности, тем, что они получили меньше возможностей для развития своих задатков. Спустя тридцать лет отношение Вундта к этой проблеме изменилось, но в свое время и его голос звучал в общем хоре сторонников наделения животных умственными способностями наравне с человеком.

Изучение интеллекта животных

Ученым, выполнившим систематизацию данных об исследованиях интеллекта животных, был английский психолог Джордж Романес (1848-1894), которого родители в детстве считали «ужасным тупицей» (Richards. 1987. Р. 334). В молодости теория эволюции произвела на него глубокое впечатление. Позднее, когда он подружился с ее автором, Дарвин дал Романесу свою тетрадь с записями наблюдений о поведении животных. Таким образом, он доверил Романесу выполнение части своей работы, касающейся применения теории эволюции к проблеме психики, - аналогичной той, которую он выполнил сам в отношении строения тела живых существ.

Романес оказался достойным преемником своего друга. Так как он был достаточно богат, ему не надо было заботиться о поиске работы, дающей средства к существованию. Его единственным обязательным занятием было чтение лекций в Эдинбургском университете, которое отнимало у него два часа в год! Обычно он проводил зиму в Лондоне и Оксфорде, а летом уезжал на берег моря, где построил себе лабораторию, оборудованную не хуже любой университетской.

В 1883 году Романес опубликовал работу «Интеллект животных» (Animal Intelligence), которая считается первой книгой по сравнительной психологии. В ней он собрал данные о поведении простейших одноклеточных организмов, муравьев, пауков, пресмыкающихся, рыб, птиц, слонов, обезьян и различных домашних животных. Его целью было проиллюстрировать высокий уровень умственных способностей представителей фауны и сходство их мыслительных функций с мыслительными функциями человека, чтобы таким образом показать неразрывность интеллектуального развития всех живых существ. Как утверждал Романес, он хотел продемонстрировать, что «по сути нет разницы между разумными действиями краба и разумными действиями человека» (цит. по: Richards. 1987. Р. 347).

Подход Романеса получил название **метода анекдотов***, поскольку основан на использовании случайных наблюдений, сообщений и рассказов о поведении животных. Многие из этих сведений поступали от слишком доверчивых и неподготовленных наблюдателей и поэтому были чрезвычайно уязвимы для критики, обвинявшей источник сведений в предоставлении недостоверных данных, неточности описаний и предвзятой трактовке фактов.

Каким же образом Романес делал свои научные выводы из этих ненаучных наблюдений? Его работы были основаны на применении курьезного и доказавшего в итоге свою непригодность методу интроспекции посредством аналогий. При использовании этого метода исследователь полагал, что в его головном мозге происходят те же мыслительные процессы, что и у наблюдаемого животного. Наличие интеллекта и особых мыслительных функций выводилось посредством наблюдения за поведением животного и последующим

* метод анекдотов - основанный на сборе рассказов о животных.

проведением аналогии между умственными процессами у человека и теми процессами, которые, как предполагалось, происходят у животного.

Сам Романес дал такое описание процесса интроспекции посредством аналогии: «Отталкиваясь от того, что я субъективно знаю о процессах моего собственного интеллекта и действиях, которые они могут вызвать в моем организме, я, на основании наблюдаемых действий другого организма, - следуя аналогии, - устанавливаю тот факт, что в основе и той и другой деятельности лежат вполне определенные мыслительные процессы» (цит. по: Mackenzie. 1977. P. 56-57).

На основании использования этого метода Романес предположил, что животные способны к тем же видам логических обоснований, формированию и восприятию идей, сложным рассуждениям и решению столь же трудных задач, что и человек. Некоторые из его последователей приписывали животным интеллектуальные способности, значительно превосходящие среднечеловеческий уровень.

В своей работе, посвященной кошкам, которых Романес считал самыми умными животными после обезьян и слонов, он описывал свои наблюдения за одной из них, принадлежавшей его кучеру. С помощью нескольких ловких движений эта кошка могла открыть дверь, ведущую в конюшню. В соответствии с методом интроспективной аналогии Романес приходил к следующему выводу: «Кошки в таких случаях имеют точное представление о механических свойствах двери; им известно, что для открывания незапертой двери ее надо толкнуть вперед... Во-первых, кошка должна заметить, что дверь открывается путем нажатия на ручку и отодвигания щеколды. Во-вторых, посредством "логики чувств" она должна сделать вывод о том, что действия, выполняемые человеческой рукой, можно сделать и лапой. Когда кошка, предварительно открыв щеколду, толкает дверь, стоя на задних лапах, этот процесс можно рассматривать как результат адаптивных рассуждений» (Romanes. 1883. P. 421-422).

Опытам Романеса не хватает современной научной строгости, а устанавливаемая им связь между исходными фактами и их субъективной интерпретацией прослеживается недостаточно четко. Хотя в наше время недостатки его методов исследований и полученных результатов стали очевидны, в научном мире его имя произносится с уважением в знак признания заслуг в развитии сравнительной психологии и разработки экспериментальных методов в этой области. Мы уже видели, что во многих областях науки обретение уверенности в наблюдаемых данных предшествует разработке усовершенствованной экспериментальной методологии. Романес как раз и был тем ученым, кто первым открыл этап проведения наблюдений в сравнительной психологии.

Конви Ллойд Морган (1852-1936), которого Романес называл своим учеником, признавал научную несостоятельность «метода анекдотов» и интроспекции посредством аналогий. Он был профессором психологии и педагогики Бристольского университета в Англии, серьезно занимался геологией и зоологией, а также был одним из первых людей, кто отважился ездить на велосипеде по городу. Для того, чтобы ограничить тенденцию приписывать животным чересчур высокие интеллектуальные способности, Морган выдвинул **закон экономии*** (называемый также канон Ллойда Моргана).

* закон экономии (канон Ллойда Моргана) – положение о том, что не следует объяснять поведение животных наличием у них психических процессов более высокого уровня, если для этого достаточно психических процессов более низкого уровня.

Закон экономии утверждает, что не следует представлять поведение животных с помощью процессов более высокого психического уровня, если его можно объяснить с помощью психических процессов более низкого уровня. Морган выдвинул эту идею в 1894 году, и возможно, что она ведёт своё происхождение от закона экономии Вундта, появившегося двумя годами ранее. В нем Вундт утверждал, что «применение сложных принципов может быть использовано только тогда, когда объяснение с помощью более простых принципов оказывается недостаточным» (Richards. 1980. P. 57).

Целью Моргана было не устранить антропоморфизм, а, скорее, сократить сферу его применения и придать методологии сравнительной психологии более прочную научную основу. Он соглашался с Романесом в том, что антропоморфизм необходим и не может быть полностью исключен из психологии, но в то же время старался свести его влияние к минимуму (Costall. 1993).

Морган, по существу, использовал тот же подход, что и Романес, наблюдая поведение животных и стараясь объяснить его посредством интроспективного исследования собственных психических процессов. Однако, применяя свой закон экономии, он воздерживался от того, чтобы приписывать животным психические процессы высшего уровня в тех случаях, когда их действия можно было объяснить с помощью более простых мотивов поведения. Морган считал, что поведение большинства животных основано на научении или ассоциациях, основанных на чувственном опыте. Научение же он рассматривал в качестве процесса более низкого уровня по сравнению с рациональным мышлением или способностью формирования и восприятия идей. В результате применения канона Моргана использование интроспекции посредством аналогии стало более ограниченным и в итоге оказалось вытесненным более объективными научными методами.

Морган был первым ученым, выполнившим масштабные исследования по психологии животных. Хотя поначалу его экспериментам не хватало научной строгости, все же они включали в себя тщательные наблюдения за поведением животных, проводимые в основном в естественных условиях с некоторыми искусственными усложнениями обстановки. Такие опыты давали меньше возможностей для контроля, чем лабораторные исследования, но обладали значительными преимуществами по сравнению с методом анекдотов Романеса.

Первые работы по сравнительной психологии были выполнены в Великобритании, но скоро лидерство в этой области перешло к Соединенным Штатам. Романес умер в сравнительно молодом возрасте от рака мозга, не дожив до 50 лет, и после его смерти Морган решил отказаться от научной карьеры, заняв место в администрации университета.

Сравнительная психология стала результатом активной полемики, порожденной предположением Дарвина о единстве живого мира. Основой дарвиновской теории являются понятие функции и утверждение о том, что в процессе эволюционирования организмов их физическая структура определяется требованиями условий выживания. Эта предпосылка привела биологов к рассмотрению каждой анатомической структуры в качестве функционального элемента в общей живой адаптирующейся системе. Когда психологи начали исследовать психические процессы под этим углом зрения, они создали новое парное направление - функциональную психологию.

В главах 7 и 8 будет рассказано о развитии функционализма в Соединенных Штатах, а в главе 9 мы продолжим знакомство с проблемами зоопсихологии.

Вопросы для обсуждения

1. Каких аспектов сознания касались исследования функционалистов? Расскажите, в чем заключается их протест против психологии Вундта и структурализма Титченера?
2. Какое влияние оказала теория народонаселения Мальтуса на дарвиновскую концепцию естественного отбора?
3. Расскажите об идее эволюции механизмов. В чем, согласно этой идее, заключается угроза человечеству?
4. Как идея Дарвина и исследования Гальтона повлияли на предмет и методы изучения психологии?
5. Как учение Локка повлияло на работу Гальтона в области тестирования интеллекта? Какими статистическими методами пользовался Гальтон при оценке особенностей людей?
6. Как дарвиновская эволюционная теория повлияла на развитие зоопсихологии? Какова была первоначальная реакция Вундта на произошедшие изменения?
7. Как Романес и Морган изучали смекалку животных?

Рекомендуемая литература

- Angell, J.R. (1909) The influence of Darwin on psychology. *Psychological Review*, 16. 152-169. рассмотрение эволюционных идей Дарвина и оценка их влияния на функциональную психологию.
- Boring, E.G. (1950) The influence of evolutionary theory upon American psychological thought. In S. Persons (Ed.), *Evolutionary theory in America* (p.268-298). New Haven, Conn.: Yale University Press. Рассматривается влияние работы Дарвина на Болдуина, Дюри, Холла, Джеймса и Уотсона – самые крупные фигуры в американской психологии.
- Costall, A. (1993) How Lloyd Morgan's Canon backfired. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 29.113-122. сравнительный анализ взглядов Моргана и Романеса на психологию животных.
- Diamond, S. (1977) Francis Galton and American Psychology. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 291,47-55. влияние работы Гальтона на Кеттела и Ястроу.
- Domjan, M. (1987) Animal learning comes of age. *American Psychologist*. 42.556-564. Обзор проблем обучения животных в историческом контексте (Дарвин, Романес, Морган, Торндайк) в связи с современной теорией научения.

Глава 7

Функционализм: возникновение и развитие

Только в Америке

Примерно к 1900 году психологические исследования в Соединенных Штатах вышли на собственную дорогу, отмежевавшись как от психологии Вундта, так и от структурализма Титченера, которые не затрагивали тему цели, или <-смысла> сознания, то есть его функций. Основой функционального направления в психологии стали труды Дарвина и Гальтона, интересовавшихся в большей степени не содержанием или устройством, а принципами работы сознания. Чтобы проследить становление функциональной психологии как научной школы, перенесемся из Англии в Соединенные Штаты рубежа XIX-XX столетий.

Чем обусловлен расцвет функциональной психологии именно в США, а не в Англии, где она зародилась? Ответ следует искать в американском характере и уникальных социальных, экономических и политических особенностях развития США. Американский дух того времени готов был принять как эволюционную теорию, так и ее ветвь - функционализм.

Герберт Спенсер (1820-1903) и синтетическая философия

62-летнего английского философа-самоучку, частенько затыкавшего уши ватой, - в надежде отгородиться от внешнего мира и сосредоточиться на своих мыслях, - в 1882 году в Соединенных Штатах встречали как национального героя. Его принимал в Нью-Йорке сам Эндрю Карнеги, мультимиллионер, патриарх американской сталелитейной промышленности, превозносивший философа как мессию. В глазах многих ведущих американских бизнесменов, ученых, политиков и религиозных деятелей этот человек действительно был спасителем. Он не успевал отвечать на приглашения отобедать; со всех сторон ему расточали похвалы и выказывали уважение.

Его имя - Герберт Спенсер, ученый, которого Дарвин называл «наш философ» и чье влияние на мировоззрение американцев оказалось поистине фундаментальным. Спенсер, обладавший необычайно плодовитым умом, является автором огромного количества книг, многие из которых он диктовал секретарю в перерывах между теннисными партиями или сидя на веслах во время речных прогулок. Его труды - в виде статей с продолжениями - печатались в популярных журналах; были проданы сотни тысяч экземпляров его книг, а изучение его философской системы считалось обязательным для всех студентов университетов, независимо от специализации. <В начале 60-х годов прошлого столетия идеи Спенсера с быстротой молнии овладели умами университетской Америки и господствовали над ними в течение последующих тридцати лет> (Peel. 1971. P. 2). На этих идеях, охвативших все слои общества, выросло целое поколение американцев. Будь в то время уже изобретено телевидение. Спенсер наверняка не сходил бы с экранов, а его взгляды, благодаря многочисленным ток-шоу, были бы еще популярнее.

Он мог успеть намного больше, если бы не то нервное состояние, которое преследовало его с 53 лет и усугублялось постоянным присутствием других людей. Затыкая уши, Спенсер пытался найти покой, уйти от раздражавших разговоров. Только так ему удавалось сосредоточиться на собственных мыслях и хотя бы немного поработать. Любое внешнее вторжение приводило к бессоннице, сильному сердцебиению, расстройству пищеварения. Как и у Дарвина, эти проблемы со здоровьем начались в тот момент, когда ученый приступил к разработке своей системы, которой он посвятил всю жизнь.

Социальный дарвинизм

Философией, принесшей Спенсеру столь шумное признание, был дарвинизм - эволюционная концепция выживания сильнейших. Но в развитии этой теории Спенсер пошел дальше самого Дарвина.

В Соединенных Штатах идеи и эволюционная теория Дарвина были встречены с энтузиазмом и огромным интересом. Их широко обсуждали не только в университетских и академических кругах, но и на страницах популярных журналов и даже некоторых религиозных изданий.

Спенсер утверждал, что эволюционным является развитие всех аспектов Вселенной, включая человека и социальные институты. Вселенная развивается согласно закону выживания сильнейших (по собственному выражению Спенсера). Именно из этого положения выросла концепция эволюции применительно к человеку и обществу, названная социальным дарвинизмом. Новую теорию с воодушевлением встретили в Америке.

При условии невмешательства в действие закона выживания, согласно утопическим представлениям Спенсера, уцелеют только лучшие индивиды и системы. До тех пор, пока ничто не вмешается в естественный порядок вещей, человеческое совершенствование неизбежно. Идеи Спенсера способствовали процветанию духа индивидуализма и свободного предпринимательства; философ критиковал правительство за попытки регулировать жизнь граждан и выступал даже против правительственных субсидий на образование и строительство жилья.

По Спенсеру, люди и организации должны развиваться, полагаясь лишь на собственные силы, - так же, как живут и приспособляются другие виды. Любая помощь государства противоречит естественному эволюционному процессу. Индивидуумы, коммерческие и иные институты, не способные приспособиться к среде, не отвечают принципу выживания сильнейших, и в целях улучшения всего общества следует дать им погибнуть или «уйти со сцены». Если правительства продолжают поддерживать плохо функционирующие системы (людей, группы, организации), то эти системы, в результате, ослабляют общество, тем самым, нарушая закон выживания самых сильных и приспособленных. Спенсер подчеркивал, что при условии выживания лучших общество, в конечном счете, достигнет совершенства.

Эти идеи вполне соответствовали царившему в Америке духу индивидуализма, поэтому словосочетания «выживание сильнейших» и «борьба за существование» быстро стали частью национального сознания и рефреном американского общества конца XIX столетия; Соединенные Штаты были живым воплощением идей Спенсера.

Первые американские поселенцы были трудолюбивыми людьми, которые исповедовали принципы свободного предпринимательства, самодостаточности и независимости от правительственного регулирования. Они как никто понимали, что такое выживание сильнейших. Эта земля сторицей воздавала тем, у кого достало смелости, изобретательности и умения на ней работать, жизнь ежедневно демонстрировала им действие принципов естественного отбора, особенно на Западе, где выживание и успех зависели от способности приспособиться к требованиям враждебной среды: не сумевшие приспособиться просто погибали.

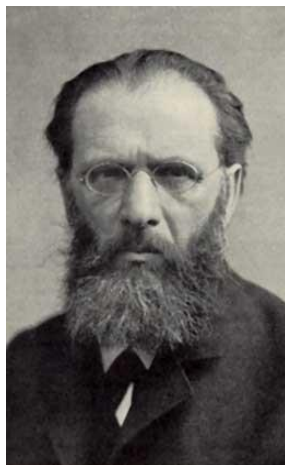
Американский историк Фредерик Джексон Тернер так описал этих победителей в схватке с жизнью: «Грубая сила сочетается в них с пронизательностью и пытливостью: благодаря своей изобретательности они мгновенно находят средства достижения цели: us лету схватывая свою выгоду... они осуществляют великие проекты: им присущи неутомимость и инициатива: это подлинное торжество индивидуализма» (Turner. 1947. P. 235).

В Соединенных Штатах люди ориентировались на практичность, выгоду, функциональность, и молодая американская психологическая наука, как в зеркале, отразила эти стремления. Вот почему именно в США так восторженно приняли эволюционную теорию. Американская психология стала функциональной, потому что принципы эволюции и функционализм были близки американцам. И поскольку взгляды Спенсера оказались созвучны американскому характеру, его философская система повлияла на все сферы познания.

Спенсер сформулировал философскую систему, которую он назвал синтетической философией. («Синтетическая» в смысле синтеза или объединения, а не чего-то искусственного или неестественного.) Базой этой всеобъемлющей системы стали эволюционные принципы в применении ко всем областям человеческого знания и опыта. Его идеи нашли свое выражение в 10-томном собрании сочинений, которое издавалось в течение почти 40 лет: с 1860 по 1897 год. Многие ведущие ученые того времени провозгласили эти сочинения трудами гения. Конви Ллойд Морган написал в письме к Спенсеру: «Из всех, кого я почитаю своими учителями в науке, я более всего обязан Вам». Альфред Рассел Уоллес назвал своего первенца в честь философа Спенсером. Дарвин, прочитав одну из книг Спенсера, сказал, что тот «на порядок превосходит» его самого (цит. по: Richards. 1987. P. 245).

Двухтомный труд «Принципы психологии» (The Principles of Psychology), опубликованный впервые в 1855 году, позднее лег в основу курса психологии, который Вильям Джемс читал в Гарварде. В этой работе Спенсер высказал точку зрения, что человеческий разум прошел длинный путь развития и приспособления, прежде чем стать таким, каков он есть. Он подчеркивал, что нервным и мыслительным процессам присуща приспособляемость, а все усложняющийся человеческий опыт и, следовательно, поведение являются частью нормального эволюционного процесса. Чтобы выжить, организм должен приспособливаться.

Вильям Джемс (1842-1910): предтеча функциональной психологии

Парадоксальны и фигура Вильяма Джемса, и его роль в американской психологии. Его работы предвосхитили функционализм, а сам он стал пионером нового направления

психологии в США. Согласно одному из недавних исследований по истории психологии, Джемс, уступая по значимости для мировой психологической науки только Вундту, возглавляет список американских психологов (Кот, Davis & Davis. 1991).

Однако, кое-кто из коллег Джемса считал, что он отрицательно повлиял на развитие психологической науки. Он не скрывал своего интереса к телепатии, ясновидению, спиритизму; известны даже его попытки общаться с душами умерших и другие мистические опыты. Многие американские ученые, приверженцы экспериментальной психологии, включая Титченера и Кеттела, критиковали Джемса за его восторженную поддержку подобных психических явлений, которые они исключали из научного рассмотрения.

Джемс не основал собственной формальной психологической системы и не воспитал учеников. После него не осталось научной школы. Джемс скорее был теоретиком, хотя та область психологии, которой он занимался, можно назвать в равной степени и теоретической, и экспериментальной. Психология, которую он однажды назвал <своенравной леди>, не была его страстью. В отличие от Вундта или Титченера Джемс посвятил психологии не так много своего времени, он занимался другими проблемами.

Этот обаятельный и сложный человек, внесший в психологию столь весомый вклад, вернулся к этой науке на склоне лет (во вступительной лекции в Принстонском университете Джемс просил не называть его психологом). Он говорил, что психология - это <утверждение очевидного>. Но именно в психологии, к которой Джемс относился свысока, он занимает, бесспорно, достойное место.

Джемс не был первооткрывателем функциональной психологии, но он писал и мыслил в атмосфере функционализма, наполнившего собой американскую психологию тех лет. Его научное вдохновение передалось последующим поколениям психологов, тем самым повлияв на развитие функциональной психологии.

Страницы жизни

Вильям Джемс родился в нью-йоркском отеле «Aslor House». Родители его были людьми известными и богатыми. Отец весь свой энтузиазм направил на то, чтобы дети получили хорошее образование. А поскольку он был убежден, что американские школы его не дают, но полагал также, что дети должны учиться среди своих сограждан, то в юные годы Джемс сменил несколько школ в Англии, Франции, Германии, Италии, Швейцарии и Соединенных Штатах. Он смог близко познакомиться с интеллектуальными и культурными сокровищами Англии и Европы и навсегда сохранил любовь к путешествиям.

Хотя Джемс-старший никогда всерьез не думал о том, что его детям придется работать, он всеми силами поощрял интерес Уильяма к науке. У мальчика был специальный набор для химических опытов – «бунзеновская горелка и пузырьки с загадочными жидкостями, которые он мог смешивать и нагревать. Иногда ему даже удавалось устраивать небольшие взрывы. От этих жидкостей пальцы его и одежда, к огорчению отца, всегда были в пятнах» (Alien. 1967. P. 47).

Когда Джемсу исполнилось восемнадцать, он решил стать художником. Шесть месяцев он учился в мастерской Уильяма Ханта в Ньюпорте, убедившись, наконец, что для карьеры живописца ему явно недостает таланта. Тогда он поступил в научную школу Лоуренса при Гарвардском университете. В те годы стало ослабевать не только его здоровье, но и

уверенность в себе, что превратило Джемса в человека очень беспокойного и нервного. Джемс забросил химию, возможно, из-за слишком строгих требований, предъявляемых к работе в лаборатории, и перешел в медицинскую школу. Но и в медицине он разочаровался, заметив, что «врачевание -- это, по большей части, сплошной обман... за исключением разве что хирургии, где иногда можно добиться действительно положительного результата, присутствие врача оказывает на пациента и его семью действие, в основном, успокаивающее. По стоит ли это тех денег, которые получают врачи?» (цит. по: in Alien. 1967. P. 98).

Бросив медицину, Джемс, в качестве ассистента зоолога Луи Агасси, присоединился к экспедиции, чьей целью было собрать коллекцию животных, обитающих в бассейне Амазонки в Бразилии. С этой поездкой Джемсу представился шанс сделать карьеру в биологии, но его утомляла необходимость скрупулезно собирать и описывать различных тварей, как, впрочем, и все остальные прелести экспедиционной жизни. «Я создан скорее для размышлений, чем для активной деятельности», - писал Джемс (цит. по: Lewis. 1991. P. 174). Возможно, неудачный опыт в химии и биологии предопределил позднее отвращение Джемса к экспериментированию в психологии.

После экспедиции 1863 года медицина больше не привлекала Джемса так, как раньше, но он, хотя и с неохотой, решил продолжить учебу - просто потому, что ни к чему другому душа не лежала. Он часто болел, жаловался на депрессии, несварение желудка, бессонницу, нарушения зрения, боли в спине. «Но было ясно, что причина всех его болезней - Америка. А единственное лекарство - Европа» (Miller & Buckhoul. 1973. P. 84).

Джемс отправился на воды в Германию. Он много читал, писал пространные письма друзьям, но депрессия не отступала. Джемс побывал на нескольких лекциях по психологии в Берлинском университете и позже вспоминал, что то было время, когда «психология делала свои первые шаги как наука» (цит. по: АJеii. 1967. P. 140). В тот год он говорил, что если выздоровеет и дотянет до весны, то, видимо, будет учиться психологии у великого Гельмгольца и «еще какого-то Вундта». Джемс благополучно пережил зиму, познакомиться с Вундтом ему пока не удалось. Но тот факт, что он слышал его имя еще за десять лет до основания лейпцигской лаборатории, говорит о том, что Джемс был в курсе всех тенденций научного и интеллектуального развития.

В 1869 году в Гарварде Джемс получил степень доктора медицины, но беспокойство и депрессия не покидали его. Обуреваемый невыразимыми и ужасными страхами, он подумывал о самоубийстве. Страх был столь велик, что он перестал выходить из дому по вечерам. Философию жизни, которую в то мрачное время вынашивал Джемс, вдохновило не интеллектуальное любопытство, а отчаяние. Он читал много книг по философии, в том числе эссе о свободе воли Шарля Ренувье. Взгляды этого французского философа очень сильно повлияли на Джемса. Он решил, что его собственным первым актом свободной воли станет вера в ее существование. Он убедил себя, что вера в силу воли поможет ему излечиться от депрессии. И Джемсу это в какой-то степени удалось, потому что в 1872 году он принял предложение преподавать физиологию в Гарварде, заметив по этому поводу, что «ответственная работа облагораживает человека» (James. 1902. P. 167). Через год Джемс взял отпуск, чтобы побывать в Италии, но по возвращении вернулся к преподаванию.

Свой первый курс лекций по психологии, названный «Об отношениях между физиологией и психологией» (*The Relations Between Physiology and Psychology*), Джемс представил в 1875/76 учебном году. Таким образом, Гарвард стал первым в Соединенных Штатах университетом, где обучали современной экспериментальной психологии. Сам Джемс

формально никогда психологии не учился: первой лекцией по психологии, которую он посетил, была его собственная. Университет выделил Джемсу 500 долларов для покупки необходимого ему лабораторного оборудования.

1878 год ознаменовался двумя важными для Джемса событиями: он женился на Элис Хоув Гиббенс и подписал договор с издателем Генри Холтом на публикацию книги, которая впоследствии стала одним из классических трудов по психологии. Писать книгу он начал в свой медовый месяц, а завершил только через 12 лет.

Работа затянулась не в последнюю очередь потому, что Джемс был страстным путешественником. Если он не ездил в Европу, значит, бродил по горам штата Нью-Йорк или Нью-Гэмпшира.

Его письма оставляли впечатление, что он стремился к одиночеству, что порой близкие отношения с другими людьми тяготили его и только путешествуя он отдыхал. Для друзей Джемса не было секретом, что после рождения каждого своего ребенка он срывался из дому. а потом, чувствуя себя виноватым, писал [жене] покаянные письма. Он часто уезжал - ах, если бы только в Ньюпорт - в Рождество, Новый Год, дни рождения... Джемс бежал от семьи, чтобы насладиться природой и одиночеством, и в такие моменты испытывал какое-то мистическое облегчение. (Myers. 1986. P. 36-37.)

Такую чувствительную натуру, как Джемс, особенно выбивало из колеи рождение детей. Он не мог работать, его раздражало внимание жены к новорожденному. Когда родился его второй сын, он на целый год уехал в Европу, где беспрестанно кочевал из города в город.

Из Венеции Джемс написал жене, что встретил и полюбил итальянку. «Ты привыкнешь к моим увлечениям», - писал он ей (Lewis. 1991. P. 344). Джемс искренне верил, что его тяга к другим женщинам - это своеобразная дань жене; правда, мы так и не узнаем, что же думала по этому поводу сама миссис Джемс. Спустя несколько месяцев он сказал ей, что единственная причина случившегося романа - тоска по дому, и попросил позволения снять квартиру неподалеку от дома жены, чтобы иметь возможность ежедневно навещать семью.

Джемс продолжал преподавать в Гарварде (когда бывал дома) и в 1885 году стал профессором философии, а через несколько лет и психологии. К тому времени он был знаком со многими европейскими психологами, в том числе и с Вундтом, который, по его словам, «производит отрадное впечатление; у него приятный голос и хорошая широкая улыбка». По прошествии нескольких лет Джемс однако замечал, что Вундт – «никакой не гений, а просто профессор, чья обязанность - все знать и по каждому вопросу иметь собственное мнение» (цит. по: Alien. 1967. P. 251.304).

В 1890 году двухтомный труд Джемса «Основы психологии» (The Principles of Psychology) был, наконец, опубликован и имел ошеломляющий успех. До сей поры он считается одним из фундаментальных вкладов в психологию. Спустя почти 80 лет после выхода этого сочинения один психолог написал: «Без сомнения, Основы Джемса - это одна из самых грамотных, дерзких, и в то же время самая внятная из когда-либо появлявшихся на английском или любом другом языке книг по психологии» (MacLeod. 1969. P. iii). Она стала лучшим учебником по психологии, на котором воспитано не одно поколение студентов-психологов (Weiten & Wight. 1992). И сегодня чтение этой книги доставляет огромное наслаждение даже непрофессионалам.

Но не все приняли сочинение Джемса благосклонно. Оно не понравилось Вундту и Титченеру, чьи взгляды Джемс критиковал. «Это - литература, - писал Вундт. - Это блестяще, но это не психология» (Bjork. 1983. P. 12). Джемс и сам не был в восторге от собственного произведения. В письме к своему издателю он называл рукопись «отвратительной, рыхлой, сырой, раздутой массой, которая доказывает только две вещи: что такой науки, как психология, не существует, и что [Вильям Джемс] – бездарь» (цит. по: Alien. 1967. P. 314-315).

После выхода Основ Джемс решил, что ему больше нечего сказать в психологии, и потерял интерес к курированию психологической лаборатории. На место директора Гарвардской лаборатории и преподавателя психологии он предложил профессора Хьюго Мюнстерберга из университета немецкого города Фрейбург. Сам Джемс намеревался полностью посвятить себя философским изысканиям. Мюнстерберг не смог стать равноценной заменой Джемсу - поддерживать ведущие позиции Гарварда в экспериментальных исследованиях. Его больше интересовали разнообразные прикладные проблемы, и лаборатории он уделял мало внимания. Как мы увидим позже, Мюнстерберг стал одним из основателей прикладной психологии, а также выдающимся популяризатором науки.

Хотя идея создания психологической лаборатории в Гарвардском университете принадлежала Джемсу, он не был горячим поклонником экспериментальных методов. Его никогда не убеждали результаты лабораторных опытов, да и вообще к этой работе он испытывал неприязнь. Джемс считал, что в американских университетах слишком много лабораторий, а в Основах утверждал, что результаты лабораторных экспериментов ничтожны по сравнению с теми усилиями, которые на них положены. Не удивительно поэтому, что вклад Джемса в развитие экспериментальной психологии не был значительным.

Последние 20 лет жизни Джемс отдал совершенствованию своей философской системы; в 1890 году он был признан ведущим американским философом. Вышла его работа «Беседа с учителями» (Talks to Teachers), посвященная вопросам применения методов психологии в процессе обучения. Она положила начало педагогической психологии и стала первым учебником по этому предмету (Berimer. 1993). В 1902 году появилась книга «Многообразие религиозного опыта» (The Varieties of Religious Experience), а вслед за ней - еще три сочинения по философии.

В возрасте 53 лет Джемс влюбился в выпускницу колледжа Полин Голдмарк, 21 года, «красивую и серьезную девушку» (цит. по: Rosenzweig. 1992. P. 182). «Я совершенно обезумел, - писал он другу, - будь я молод и свободен, эта любовь могла бы перерасти в глубокое чувство» (там же. P. 188).

Тремя годами позже, во время поездки в горы Адирондак с друзьями, среди которых была и мисс Голдмарк, с Джемсом случился сердечный приступ, который впоследствии оказался роковым. Возмущенный присутствием девушки, утомленный долгим пешим походом и недосыпанием, на следующий день после приступа Джемс все же настаивал, что понесет свою часть туристского снаряжения – «демонстрируя силу и отвагу» (Rosenzweig. 1992. P. 183). Но сердце не выдержало напряжения. В 1910 году, через два дня после возвращения из последнего путешествия в Европу, Джемс умер.

Принципы психологии

Почему имя Джемса называют в ряду крупнейших американских психологов? Тому есть три причины. Во-первых, его слог отличался ясностью, столь редкостной для научного языка. В его стиле есть непосредственность и очарование. Во-вторых, Джемс стоял на позициях, противоположных вундтовской, согласно которой цель психологии - разложение сознания на элементы и их изучение. Наконец, Джемс предложил иной взгляд на сознание, близкий новому функциональному подходу к психологии. Иными словами, время было готово внимать Джемсу.

В «Основах психологии» Джемса заложен главный принцип американского функционализма: цель психологии - не выявление элементов опыта, а изучение функции приспособления сознания. Джемс писал, что сознание ведет нас к тем целям, которые необходимы для выживания. Сознание - это жизненно важная функция высокоразвитых существ, живущих в сложной среде: без него была бы невозможна эволюция человека.

Основой психологии Джемс считал биологию. Подобные взгляды высказывались и раньше, но именно работы Джемса направили психологию от формулировок Вундта в иное русло. Джемс рассматривал психические процессы как полезную, функциональную деятельность живых организмов в их попытках выжить и приспособиться к окружающему миру.

Джемс также подчеркивал нерациональные аспекты человеческой природы. Люди - создания не только мыслящие, но еще и импульсивные, подверженные страстям. Даже говоря об исключительно мыслительных процессах, Джемс подчеркивал роль нерационального. Он отмечал, что интеллект работает под влиянием тела. Мнения складываются под воздействием эмоциональных факторов, на формирование суждений и понятий оказывают влияние потребности и желания людей. Таким образом, Джемс не рассматривал человека как существо всецело рациональное.

Рассмотрим некоторые проблемы, затронутые Джемсом в его «Основах психологии».

Предмет изучения психологии: новый взгляд на сознание

Основы открываются утверждением, что «психология - это наука о психических (ментальных) явлениях и их условиях» (James. 1890. Vol. 1. P. 1). С точки зрения предмета изучения, ключевые слова здесь - явления и условия. Слово «явления» указывает на то, что предмет изучения психологии лежит в сфере непосредственного опыта; используя слово «условия» Джемс говорит о важности тела, в частности, мозга, для психических процессов.

По Джемсу, главную часть психологии составляют физические основы сознания. Он признавал важную роль изучения сознания в неразрывной связи с человеческим бытием, то есть в своей естественной среде. Обращение к биологии и физиологии мозга при изучении сознания - отличительная черта психологии Джемса.

Джемс выступал против искусственного характера и узости вундтовской позиции. Он писал, что сознательные переживания есть просто то, что они есть, а не группы или наборы элементов. Открытие дискретных элементов с помощью интроспективного анализа еще не доказывает, что эти элементы существуют независимо от наблюдателя. Интерпретация психологом результатов эксперимента зависит, прежде всего, от его взглядов и позиции, которой он придерживается.

Дегустатор учится распознавать отдельные элементы вкуса и запаха, которые человек неподготовленный уловить не в состоянии. Обычные люди во время еды воспринимают смесь вкусов, сплав, который они не могут проанализировать. Точно так же, считал Джемс, тот факт, что некоторые люди могут анализировать собственные переживания в условиях психологической лаборатории, не означает, что отдельные элементы, которые они описывают, присутствуют в сознании любого, кто переживает такой же опыт. Подобные допущения Джемс называл ложным выводом психологов.

Глубоко задетый подходом Вундта, Джемс заявил, что в сознательном опыте не существует элементарных ощущений, они являются исключительно результатом сложного спиралевидного процесса умозаключения или абстрагирования. Джемс выразился резко и красноречиво: «Ни у кого не может быть элементарных ощущений самих по себе. С самого рождения наше сознание битком набито множеством разнообразных объектов и связей, а то, что мы называем простыми ощущениями, есть результат разборчивости внимания, которая часто достигает высочайшего уровня» (James. 1890. Vol. 1. P. 224).

Вместо искусственного анализа и разложения сознательного опыта на мнимые элементы Джемс предложил новую программу психологии. Он провозгласил единство всей психической жизни, целостность непрерывно изменяющегося опыта. Сознание существует в форме непрерывного течения, - которое он назвал **потоком сознания*** - и любая попытка разделить его на отдельные элементы или фазы только извращает его суть.

Поскольку поток сознания находится в непрерывном движении и постоянно видоизменяется, мы не можем пережить одну и ту же мысль или ощущение более одного раза. Об объекте или раздражителе можно думать сколько угодно раз, но эти мысли не будут одинаковыми. Их разница обусловлена промежуточным опытом. Таким образом, сознание носит не обратимый, а направленный, кумулятивный характер.

Процесс мышления также непрерывен. Строго говоря, в потоке сознания могут быть пробелы, например, во время сна, но, просыпаясь, мы тут же без труда восстанавливаем движение потока сознания. Кроме того, психика избирательна. Мы можем уделять внимание какой-то маленькой части эмпирического мира - значит, мозг выборочно реагирует на множество действующих на него раздражителей, фильтрует и объединяет их, отбирая одни и отвергая другие. Критерием выбора, согласно Джемсу, является релевантность - то есть тесная взаимосвязь. Мозг отбирает релевантные раздражители таким образом, чтобы сознание могло работать логически, в результате формируется разумное умозаключение.

Главное, что подчеркивал Джемс, - это цель сознания. Он полагал, что сознание обладает биологической полезностью, в противном случае оно не выжило бы. Цель, или функция сознания - дать человеку способность - в виде умения выбирать - приспособиться к окружающей среде. Джемс различал сознательный выбор и «привычку», он считал, что привычки бессознательны и произвольны. Сознание начинает действовать, когда мы сталкиваемся с новой проблемой и необходимостью выбрать путь ее решения. Это - несомненное влияние на Джемса эволюционной теории.

* поток сознания - идея Джемса, согласно которой сознание представляет собой постоянный, слитный поток, и попытки разложить его на элементы только искажают его суть.

Методы психологии

Поскольку психология изучает индивидуальное и непосредственное сознание, лучшим инструментом для этого является самоанализ. Джемс писал: «В первую очередь и всегда мы должны полагаться на интроспективное наблюдение... взгляд внутрь себя и описание того, что нам открылось. Никто не станет спорить, что откроется нам состояние сознания» (James. 1890. Vol. 1. P. 185).

Джемс осознавал все трудности, связанные с методом интроспекции, и считал его далеким от совершенства. Тем не менее, он полагал, что результаты интроспективного наблюдения можно проверять, сравнивая данные, полученные от разных наблюдателей.

Хотя Джемс не столь широко практиковал экспериментальный метод, он признавал его пользу для психологического исследования - в особенности для психофизики, анализа восприятия пространства, изучения памяти.

В дополнение к экспериментальному и интроспективному методам Джемс предложил использовать в психологии сравнительный метод.

Исследуя психические функции детей, людей со слабо развитым интеллектом и с психическими расстройствами, Джемс пришел к выводу, что психология должна изучать психические отклонения.

Поднятый в книге Джемса разговор о методах подчеркивает разницу между структурной и функциональной психологией: американский функционализм не замыкается на вундтовской интроспекции. Он пользуется и другими методами, что значительно расширяет горизонты психологии.

Джемс подчеркивал ценность **прагматизма*** для психологии. Его главный принцип заключается в том, что обоснованность идеи или понятия должна быть рассмотрена в терминах их практических последствий. В популярной форме прагматический взгляд можно выразить словами «истинно то, что дает результат». Основные идеи прагматизма были высказаны в 70-х годах XIX столетия математиком и философом Чарльзом Сандерсом Пирсом, с которым Джемс был дружен. Работа Пирса не имела широкого признания до появления книги Джемса «Прагматизм» (Pragmatism, 1907 г.), которая придала этой доктрине форму философского течения. Кстати, именно Пирс в своей статье 1869 года первым из ученых Соединенных Штатов описал новую психологию Фехнера и Вундта (Caslwallader. 1992).

Теория эмоций

Теория эмоций Джемса, изложенная им в статье 1884 года и позже в «Основах психологии», противоречила существовавшим в то время взглядам на природу эмоциональных состояний. Психологи предполагали, что субъективное психическое переживание эмоционального состояния предшествует физическому выражению или действию. Традиционный пример - человек видит дикое животное, испытывает страх, спасается бегством - иллюстрирует идею о том, что эмоция (страх) предваряет физическую реакцию (бегство).

* прагматизм - философское учение, рассматривающее значение понятий, суждений и прочего с точки зрения практических последствий основанного на них действия.

Джемс перевернул это утверждение: физическая реакция предшествует появлению эмоций, в особенности, таких «ярких», как страх, гнев, печаль и любовь. К примеру, видя зверя, мы бежим, и лишь затем испытываем страх. «Мы чувствуем, как происходит физическое изменение, - вот что такое эмоции» (James. 1890. Vol. 2. P. 449). В поддержку этого утверждения Джемс приводил пример интроспективного наблюдения: если физических изменений - учащения сердцебиения и дыхания, напряжения мышц - не происходит, то нет и эмоции! Точка зрения Джемса вызвала серьезные споры в научных кругах и вдохновила множество исследований.

То же видение эмоциональных состояний высказал в 1885 году датский психолог Карл Ланге (пример одновременного открытия в истории психологии), поэтому теория поучила название теория эмоций **Джемса-Ланге***.

Привычки

Одна из глав «Основ психологии» посвящена привычкам, что объясняется интересом Джемса к проблемам физиологического влияния на психическую жизнь. Любое живое существо представляет собой «узел привычек» (James. 1890. Vol. 1. P. 104), а привычка - часть нервной системы. Повторяющиеся или привычные действия служат для увеличения гибкости «нервной ткани». Привычка позволяет с легкостью выполнять повторяющиеся действия и требует меньше внимания со стороны сознания.

Теория эмоций Джемса-Ланге - концепция, предложенная одновременно Вильямом Джемсом и Карлом Ланге, согласно которой возбуждение физической реакции предшествует возникновению эмоций.

Джемс полагал также, что привычки имеют огромное социальное значение. Часто цитируют такие его строки:

Привычка... единственное, что удерживает нас в рамках установленных правил... она обрекает нас бороться до конца жизни, опираясь на полученное воспитание или первоначальный опыт, и положить все силы именно на то, что противоречит нашей натуре, потому что к другому мы не приспособлены, а переучиваться слишком поздно...

К двадцати пяти годам вам уже удастся различать профессиональную манерность молодого коммивояжера, доктора или адвоката. В его облике, мыслях, предрассудках просматривается какой-то внутренний раскол... от чего этот человек уже не может избавиться, в отличие от складок на рукавах его тиджака. А лучше и не делать попыток избавляться. Так устроен мир. что характер большинства из нас, годам к тридцати, затвердевает как шпукатурка, и более никогда не смягчится. (James. 1890. Vol. 1. P. 121.)

Комментарии

Джемс - одна из самых выдающихся фигур американской психологии. Появление его фундаментальной работы «Основы психологии» стало важным событием в истории психологии. И столетие спустя не потерял интерес к этой книге (Donnelly. 1992; Johnson & Henley. 1990). Она повлияла на взгляды тысяч студентов и повернула новую психологию

* теория эмоций Джемса-Ланге - концепция, предложенная одновременно Вильямом Джемсом и Карлом Ланге, согласно которой возбуждение физической реакции предшествует возникновению эмоций.

от структурализма к функционализму, положила начало формированию функциональной психологической школы.

Стоит упомянуть также, что Джемс способствовал тому, чтобы Мэри Уитон Калкинс (1863-1930) смогла получить высшее образование, и помог ей преодолеть барьеры предубеждения и дискриминации по отношению к женщинам-ученым. Позже Калкинс внесла значительный вклад в развитие психологии, ей принадлежит идея использовать для изучения процессов памяти метод парных ассоциаций (MacLigaii & O'Hara. 1992).

Калкинс стала первой женщиной-президентом Американской психологической ассоциации. В 1906 году ее имя было названо в числе 50 самых влиятельных психологов CLLIA - высокая оценка за слуг женщины, которой в свое время отказывали в степени доктора философии (Funimoto. 1990). Формально ей никогда не было позволено поступить в Гарвардский университет, но Джемс пригласил ее быть его слушательницей и настаивал на присвоении ей докторской степени. В ответ на отказ университетской администрации Джемс написал Калкинс: "Довольно делали террористов из вас и всех других женщин и науке. Я верю и надеюсь, что ваше рвение сокрушит любые преграды. Я же со своей стороны сделаю все, что в моих силах" (цит. по: Benjumin. 1993. P. 72). Несмотря на заступничество Джемса, Гарвардский университет не удостоил чести присвоить степень доктора философии женщине, даже при том, что ее экзаменационные работы (неофициально организованные Джемсом и другими профессорами) были оценены как «блестящие».

Через семь лет, в 1902 году, когда Калкинс была профессором колледжа Уэллесли и уже прославилась своими исследованиями в области памяти, ей предложили получить степень в Гарварде - но не полноценное университетское звание, а учрежденную специально для женщин степень колледжа Редклифф. Калкинс отклонила это предложение, мотивируя свой отказ тем, что уже давно выполнила все требования для выпускников Гарварда, и выразила протест против той политики дискриминации, которую администрация проводила по отношению к ней как к женщине. Но в Гарварде упорно отвергали требования Калкинс присвоить ей то звание, которое она заслужила. Своим почетным доктором ее пригласил стать Колумбийский университет (Denmark & Fernandez. 1992).

Возникновение функционализма

Ученые, которых объединил функционализм, не имели намерения создавать новую психологическую школу. Они выступали против ограничений вундтовской и титченеровской систем, но не собирались заменять их еще одним «-измом». Один из выпускников Чикагского университета, ставшего центром функциональной психологии, вспоминал, что их факультет был ориентирован на функционализм, «но как-то спонтанно и определенно без мысли основать школу функциональной психологии» (McKinsey. 1978. P. 145). Парадоксально, по формальному оформлению этого движения протеста способствовал, не кто иной, как основатель структурализма Э. Титченер.

Возможно, Титченер невольно подтолкнул возникновение функционализма, когда противопоставил слову «структурный» слово «функциональный» в своей статье «Постулаты структурной психологии» (*The Postulates of a Structural Psychology*), опубликованную в 1898 году в «Философском обозрении». В этой статье Титченер указал на отличия между структурной и функциональной психологией, подчеркнув при этом, что структурализм является единственно верным направлением.

Так Титченер, основатель функционализма «от обратного», невольно попал в центр споров. «Оппозиция Титченеру была безымянной до тех пор, пока он сам не дал ей имя; он собственноручно высек эту искру и как никто способствовал тому, чтобы ввести в язык психологии термин «функционализм»» (Harrison. 1963, P. 393).

Чикагская школа

Конечно, организация функционализма в психологическую школу произошла благодаря не одному только Титченеру, но те, кого исторически считают основоположниками функциональной психологии, стали ими, в лучшем случае, случайно.

Но есть психологи, которых с полным основанием можно считать основателями нового направления в психологии - функционализма. Это Джон Дьюи и Джеймс Роулэнд Энджелл. В 1894 году они появились в только что основанном Чикагском университете, а вскоре фотографии этих ученых уже красовались на обложке журнала «Тайм».

Джон Дьюи (1859-1952)

Джон Дьюи был обычным ребенком, и во время обучения в университете города Вермонт ничем особым себя не проявил. После окончания университета он несколько лет преподавал, самостоятельно изучал философию, издал несколько научных статей. Затем окончил аспирантуру в Балтиморском университете Джонса Хопкинса, получил докторскую степень в 1884 году, затем преподавал в университетах Мичигана и Миннесоты. В 1886 году он опубликовал первый в США учебник по современной психологии (название точно не установлено, но, скорее всего, «Психология» Книга пользовалась большой популярностью, пока в 1890 году не появился еще более нашумевший учебник Джемса «Основы психологии».

На протяжении всех десяти лет работы в Чикагском университете, Дьюи все свои силы отдавал психологии. Он основал учебную лабораторию, провел в университете реорганизацию, расчистив тем самым дорогу прогрессивной мысли. В 1904 году он переехал в Нью-Йорк, чтобы работать в Колумбийском университете над прикладными вопросами психологии в сфере образования и философии - еще одного направления деятельности многих психологов-функционалистов.

Дьюи был великим ученым, но никчемным преподавателем. Один из его студентов вспоминает, что Дьюи обычно носил зеленый берет: «Он заходил [в класс], садился у доски и клал перед собой свой зеленый берет, а затем монотонным голосом читал лекцию... Если вы хотите усыпить кого-то, то это именно такой случай. Но слова, которые бормотал этот «умора», в действительности были на вес золота» (May. 1978. P. 655).

Рефлекторная дуга

Статью «Теория рефлекторной дуги в психологии», написанную Дьюи в 1896 году и опубликованную в журнале «Психологическое обозрение», можно считать началом функциональной психологии. В этой работе - наиболее значимой и, к сожалению, последней - Дьюи выступил с уничтожающей критикой психологического молекуляризма, элементаризма и редукционизма теории рефлекторной дуги, в которых раздражитель и реакция на раздражение рассматриваются обособленно. Дьюи выразил сомнение, что поведение и сознательный опыт могут быть сведены к частям или элементам, как утверждали Вундт и Титченер. Таким образом, Дьюи нанес удар по самим основам их подхода к психологии.

Приверженцы теории рефлекторной дуги утверждали, что поведенческий акт заканчивается вместе с реакцией на раздражитель, подобно тому, как ребенок отдергивает руку от огня. Дьюи отмечал, что судя по изменениям восприятия огня ребенком форма рефлексии похожа скорее на круг, а не на дугу. Вначале огонь привлекает ребенка, затем, когда он познакомится с его опасной стороной, огонь начинает его пугать. Реакция изменяет восприятие ребенком раздражителя (огня), следовательно, восприятие и процесс (раздражитель и реакция) должны рассматриваться как единое, а не как некий набор индивидуальных ощущений и реакций. Таким образом, Дьюи доказал, что нет оснований сводить рефлекторное поведение к отдельным сенсомоторным элементам, и, соответственно, нельзя исследовать сознание, лишь изучив его составные элементы.

Такой вид анализа является искусственным и, вместе с редукцией, приводит к тому, что поведение теряет всякий смысл, в голове психологов-практиков остаются лишь абстракции. Дьюи писал, что поведение следует рассматривать не как абстрактную научную конструкцию, а как форму приспособления организма к окружающей среде. Таким образом, предметом психологии должно быть изучение человеческого организма в процессе его жизнедеятельности.

На Дьюи серьезное влияние оказала теория эволюции. В борьбе за выживание сознание и поведение обеспечивают функционирование организма: сознание вызывает соответствующее поведение, которое дает возможность организму бороться за свое существование. Функциональная психология, следовательно, занимается изучением организма в процессе его жизнедеятельности.

Интересно, что Дьюи не называл свою психологию функционализмом. Несмотря на критику главных положений структурализма, Дьюи никогда всерьез не считал, что структуру и функцию можно разделить. Именно Энджеллу и его последователям принадлежит утверждение, что функционализм и структурализм являются совершенно разными формами психологии (Tolman. 1993).

Роль Дьюи заключается в том, что он серьезно повлиял на умы психологов и других ученых, а также расширил философские границы научной мысли. Когда в 1904 году Дьюи ушел из Чикагского университета, лидером функционализма стал Энджелл.

Джеймс Роулэнд Энджелл (1869-1949)

Джеймс Роулэнд Энджелл превратил движение функционализма в настоящую психологическую школу. Благодаря ему отделение психологии Чикагского университета стало самым влиятельным из подобных факультетов того времени, главным центром подготовки психологов-функционалистов. Энджелл родился в Вермонте, в семье с академическими традициями. Его дед был президентом университета Брауна в городе Провиденс (штат Род-Айленд), а отец - президентом сначала Вермонтского университета, а позже - Мичиганского. Энджелл учился в Мичигане у Дьюи. «Основы психологии» Джемса, по признанию Энджелла, оказали на его взгляды огромное влияние. В течение года он работал под руководством Джемса в Гарварде; степень магистра получил в 1892 году.

Энджелл мечтал учиться у Вундта, но тот уже закончил набор учеников, поэтому Энджелл продолжил учебу в университете Галле. Но докторской степени по окончании учебы ему не присвоили: диссертация была одобрена лишь частично в силу несовершенства немецкого языка, на котором была написана. Чтобы ее переписать, Энджеллу пришлось бы остаться в Галле - совсем без средств. Поэтому он принял предложение о работе из университета Миннесоты, где ему было положено небольшое жалованье - все же лучше, чем ничего, для молодого ученого, который уже четыре года был помолвлен и с нетерпением ждал свадьбы. Доктором философии он так и не стал, но помогал многим другим соискателям, да и сам за свою карьеру был удостоен множества авторитетных званий. Проведя год в Миннесоте, Энджелл уехал в Чикаго, где проработал в университете двадцать пять лет. Следуя семейной традиции, он стал президентом Иельского университета, в котором многое сделал для развития Института отношений человека. В 1906 году он был избран 15-м президентом Американской психологической ассоциации. Отойдя от фундаментальной науки, работал в правлении Национальной радиовещательной компании США (NBC).

Сфера функциональной психологии

В 1904 году Энджелл выпустил учебник под названием «Психология» (Psychology), где представил вниманию читателей описание функционального подхода. Книга имела такой успех, что к 1908 году была переиздана четырежды, что свидетельствует об огромном интересе к позиции функционализма. В своей работе Энджелл утверждал, что функция сознания - совершенствовать адаптивные способности организма. Целью психологии провозглашалось изучение того, как психика помогает организму в его приспособлении к окружающей среде.

Но еще более весомым вкладом Энджелла в функциональную психологию стала его президентская речь, с которой он обратился к Американской психологической ассоциации в 1906 году (она была опубликована в «Психологическом обозрении» в 1907 году). В этом

сочинении, озаглавленном «Сфера функциональной психологии» (The Province of functional Psychology), была сформулирована позиция функционализма. Мы видим, что новые направления в науке получают импульс к развитию и становятся жизнеспособными благодаря - или вопреки - уже установившимся системам. Энджелл с самого начала очертил рамки предстоящих научных баталий, но завершил свое вступительное слово весьма сдержанно: <Я официально заявляю об отказе от любых новых планов; я полностью поглощен тем, что называю беспристрастным изложением нынешней ситуации>.

Функциональная психология, - говорил Энджелл, - вовсе не нова, она всегда была неотъемлемой частью психологии. Напротив, это структуралисты отделились от давно существовавшей и поистине всеобъемлющей функциональной ветви психологии. Энджелл обозначил три главных темы движения функционализма:

1. Функциональная психология - это учение о психических операциях; учение, противостоящее психологии психических элементов (структурализму). Элементаризм Титченера был все еще силен, и Эн-джелл посвятил себя развитию функционализма как прямой его противоположности. Задачу функционализма он видел в изучении законов психических процессов и условий, в которых они протекают.

2. Функциональная психология - это учение о фундаментальной полезности сознания. С этой утилитарной точки зрения, сознание - инструмент, с помощью которого организм приспособляется к требованиям окружающей обстановки. Структуры и функции организма, позволяющие ему приспособиться к среде, существуют потому, что они необходимы для выживания. Энджелл полагал, что, поскольку сознание выжило, значит, оно должно играть существенную роль в жизни организма. Функционализм как раз и призван уяснить, в чем состоит роль сознания и таких психических процессов, как суждение и проявление воли.

3. Функциональная психология - это учение о психофизических связях (разум/тело) в общем контексте взаимоотношений организма с окружающей средой. Функционализм рассматривает все функции разума/тела и утверждает, что фактической разницы между ними нет. По сути, они принадлежат к феноменам одного порядка и легко переходят друг в друга.

Комментарии

Энджелл примкнул к Американской психологической ассоциации тогда, когда функционализм уже возмужал. Он способствовал превращению этого движения в широкое и деятельное научное направление с собственной лабораторией, исследовательской базой, энтузиастами-преподавателями и преданных функциональному подходу студентами. Посвятив свои силы тому, чтобы придать функционализму статус научного направления, Энджелл дал ему и необходимую для развития точку опоры. Но сам он продолжал настаивать, что функционализм на деле не является психологической школой и не должен отождествляться исключительно с Чикагским университетом. Вопреки этим заявлениям Энджелла, формальное течение функционализма процветало, и часто его называют именно чикагской школой. Это название прочно закрепилось за той психологией, которую исповедовали и преподавали на психологическом факультете Чикагского университета.

Гарвей А. Кэрр (1873-1954)

В университетах штатов Индиана и Колорадо специализацией Гарвея Кэрра была математика, но затем он заинтересовался психологией. В Колорадо не было лаборатории, поэтому Кэрр перевелся в Чикаго, где свой первый курс лекций по экспериментальной психологии читал молодой профессор Энджелл. В свой второй год пребывания в Чикагском университете Кэрр работал ассистентом в лаборатории - под руководством Джона Б. Уотсона, будущего основателя бихевиористского направления в психологии, который и познакомил Кэрра с зоопсихологией.

Получив в 1905 году степень доктора, Кэрр отправился преподавать - сначала в средней школе в Техасе, а затем в педагогическом институте в Мичигане. В 1908 году он вернулся в Чикаго, где сменил ' на посту Уотсона. который перешел в университет Джонса Хопкинса. Возглавив психологический факультет Чикагского университета, Кэрр стал приемником Энджелла, продолжая развивать его теоретические построения. За время пребывания Кэрра в должности декана (1919- 1938) на психологическом факультете докторскую степень получили 150 молодых ученых.

Функционализм: заключительная форма

Деятельность Кэрра относится к тому времени, когда психологии больше не надо было бороться против структурализма; она имела достаточно прочные позиции. Под руководством Кэрра функционализм в Чикаго достиг своего пика в качестве формальной системы. Он придерживался того взгляда, что функционализм был настоящей американской психологией. Другие направления в психологии, получившие развитие в то время: бихевиоризм, гештальт-психологию и психоанализ, - Кэрр считал незаслуженно действующими на весьма ограниченной территории. Он полагал, что их влияние незаслуженно преувеличено и эти течения не могут ничего добавить ко всеобъемлющей функциональной психологии.

Поскольку в книге Кэрра «Психология» (Psychology, 1925 г.) изложена окончательная версия функционализма, небезынтересно рассмотреть два поднятых в ней важных вопроса. Во-первых, предметом изучения психологии Кэрр назвал психическую деятельность - такие процессы, как восприятие, память, воображение, мышление, чувство, воля. Во-вторых, он утверждал, что функция психической деятельности заключается в приобретении, фиксировании, сохранении, организации и оценке этих переживаний и использовании их для руководства поведением. Особую форму проявления психической активности Кэрр определил как приспособительное поведение.

В кэрровских идеях функциональной психологии - все тот же акцент на изучении психических процессов, а не элементов или содержимого сознания. Психическую деятельность он описывает как инструмент, который помогает организму приспособиться к окружению. Знаменательно, что к 1925 году эти спорные ранее вопросы были приняты как факт. К тому времени функционализм стал господствующим течением в психологии. «Поскольку большинство психологов так или иначе причисляют себя к функционалистам, принадлежность к этому направлению постепенно начала терять свое значение. Если человек был психологом, то его не спрашивали, какого направления в психологии он придерживается, - его функционалистская позиция просто подразумевалась» (Wagner & Owens. 1992. P. 10).

Кэрр с интересом воспринимал данные как интроспективного, так и экспериментального методов и вслед за Вундтом полагал, что творения культуры, такие как литература и

искусство, могут обеспечить материал для исследования породивших их психических процессов. Хотя функционализм, в отличие от структурализма, не придерживался какой-то одной методологии, на практике предпочтение отдавалось принципу объективности. В большинстве исследований, проводившихся в Чикагском университете, использовались отличные от интроспективного методы, а там, где он применялся, дополнительно подключались приемы, основанные на объективности. Важно также отметить, что субъектами исследований здесь выступали и люди, и животные.

Чикагская школа функционализма перенесла акцент с изучения исключительно субъективной мысли, или сознания, на исследование объективного, проявляемого внешне поведения. Функционализм способствовал тому, что американская психология медленно, но верно шла к фокусированию своего внимания только на поведении, оставляя в стороне вопросы мышления. Функционалисты перекинули мост от структурализма к следующему революционному движению - бихевиоризму Уотсона.

Первоисточники по истории функционализма: из книги Гарвея А. Кэрра «Психология»

Следующий отрывок представляет собой выдержки из главы 1 книги Кэрра «Психология», опубликованной в 1925 году*. Здесь рассматриваются следующие вопросы:

1. Предмет функциональной психологии (с примерами различных типов адаптивных действий, относящихся к психической деятельности).
2. Психофизическая природа психической деятельности, иллюстрирующая взаимосвязь между психической активностью и ее физиологической основой.
3. Методы исследования функциональной психологии с указанием на многообразие используемых методов сбора данных.
4. Взаимосвязь между функциональной психологией и другими науками, с упоминанием, что психология обменивается данными исследований с другими научными дисциплинами и использует их для решения прикладных задач.

Предмет психологии. Психология, в первую очередь, изучает психическую деятельность. Это общее понятие для таких процессов, как восприятие, память, воображение, мышление, чувства, воля. Сущность характеристик всех этих процессов едва ли можно выразить одним термином, потому что в разное время разум ведет себя по-разному. Поэтому мы можем сказать, что психическая деятельность представляет собой обнаружение, фиксирование, сохранение, организацию и оценку переживаний, а также их последующее использование для руководства поведением.

Тип поведения, который отражает психическую активность, можно назвать приспособительным поведением... Адаптивный акт - это реакция организма на физическое или социальное окружение, мотивированная соответствующими обстоятельствами. Подобные психические операции могут быть проиллюстрированы примерами из профессиональной подготовки врача. Его

* Harvey A. Carr, psychology (New York: Longmans, Green. 1925). P. 1 - 14.

мозг занят то добыванием знаний из лекций, книг или клинических случаев, то практической работой; а в иные моменты он поглощен тем, что пытается выудить из памяти какую-то важную информацию. Через некоторое время снова преобладает мыслительная активность, и вот уже мозг анализирует, сравнивает, классифицирует и связывает имеющиеся у него данные с другими знаниями по медицине. Наконец, наступает время приспособительного поведения - знания и умения используются для диагностирования, лечения или оперативного вмешательства...

Важность всех этих аспектов психической активности становится очевидной на примере рефлексии. Способность запоминать, важна для всех видов обучения, психического развития и общественного прогресса. Для приобретения навыков необходима практика, во время которой акты адаптации постепенно совершенствуются и упрочиваются. Каждый успешный шаг - следствие ранее предпринятых попыток. Все результаты практических действий запоминаются, и именно они, в накопленном виде, облегчают выполнение последующих попыток. Без запоминания не было бы и памяти. Если бы человек позабыл весь свой предыдущий опыт, он стал бы беспомощным, как ребенок.

Для эффективности использования наш опыт должен быть как следует организован и систематизирован. В обыденной речи мы часто говорим, что душевнобольной человек потерял рассудок. На самом деле разум у таких людей есть. Они по-своему аккумулируют, организуют и оценивают опыт и, отталкиваясь от этого опыта, реагируют на мир. Однако, так как мозг этих людей имеет нарушения, их опыт организуется и оценивается неправильно.

Теоретически, любая группа переживаний может быть организована несколькими способами. Стиль мышления человека и характер его поведения в значительной степени зависят от того, как был организован его прошлый опыт. Определенные типы организации ведут к иррациональным способам мышления и антиобщественным формам поведения. Но опыт должен быть не просто организован, это следует сделать таким образом, чтобы его можно было эффективно - то есть разумно и рационально - использовать в ответ на воздействие окружающей среды.

В человеческом сознании происходит непрерывная оценка разных аспектов пережитого. Разум не только определяет нечто как «хорошее», «плохое» или относится к предмету индифферентно, но он также классифицирует хорошее - взвешивая его относительную ценность. Эту функцию разума иллюстрируют эстетические оценки в области литературы, музыки и изобразительного искусства. То же и с моральными оценками. Мы квалифицируем социальные действия как правильные или неправильные и формируем понятия о таких добродетелях, как милосердие, целомудрие, честность, рассудительность, аккуратность. Система ценностей человека составляет, наверное, самую важную часть его личности.

Некоторые студенты преувеличивают важность учебы и становятся такими книжными червями и зубрилами. Молодые люди порой придают слишком большое значение финансовой независимости и бросают учебу ради работы. Встречаются люди, которые недооценивают такие вещи, как аккуратность в одежде, грамотная речь, обходительность, доброта и многие другие человеческие качества, необходимые для успешного взаимодействия в обществе. Бывает, что люди чересчур серьезно относятся к собственным политическим убеждениям, религии или научным взглядам и переоценивают значимость этих сторон жизни... Разум оценивает пережитое, и поведение человека в большой степени определяется его идеалами и системой ценностей.

Таким образом, весь накопленный человеком опыт организован в сложную индивидуальную систему реагирования на среду, что в немалой степени и определяет характер его последующей деятельности. Реактивная предрасположенность человека, - или, иными словами, то, что он делает, что может и чего не может сделать, - зависит от врожденных склонностей, прошлого опыта и его способа организации и оценки. Понятие «личность» обычно используется для того, чтобы охарактеризовать человека с точки зрения его реактивной предрасположенности.

Мы также говорим о личности человека, когда имеем в виду все те его существенные черты, которые помогают или мешают ему эффективно взаимодействовать с другими людьми, тогда как понятием «мышление» мы пользуемся тогда, когда хотим описать человека с точки зрения его интеллектуальных способностей...

Итак, психология занимается изучением личности, мышления и «я» человека, но это - абстрактные объекты, которые можно изучать только в их проявлениях - лишь в том, как они выражаются в реакциях человека. Ученый может наблюдать различные конкретные процессы, включенные в акт приспособления, - именно они являются предметом изучения психологии.

Психофизическая природа психической деятельности. Разнообразные мыслительные операции, входящие в приспособительную реакцию, о которых говорилось выше, называются психофизическими процессами. Говоря об их физических характеристиках, мы подразумеваем, что человек имеет о них определенные знания. К примеру, человек не только воспринимает объект и реагирует на него, но, по меньшей мере, он осознает, что может иметь некоторое представление о характере и значении происходящих в его голове процессов. Люди, не привыкшие рассуждать, принимают решения и действуют, не утруждая себя их анализом. Человек же, совершающий некую мыслительную операцию, как бы вступает в эмпирический контакт с этой операцией. Поэтому мы будем иногда рассматривать эти мыслительные акты как эмпирические процессы.

Эти акты не только переживаются, они являются реакциями физического организма. Это операции, в которых напрямую задействованы такие физические органы, как мышцы и нервы. Участие органов чувств в восприятии и проявлении воли несомненно. Нервная система также связана с любым психическим процессом. Хотя этот факт и не очевиден, все же его истинность вполне доказана.

Для нормальной психической деятельности необходима целостность этих структур. Удаление или поражение какой-либо части мозга обычно ведет к разного рода психическим нарушениям. Все обстоятельства, влияющие на связь этих структур, также воздействуют и на характер психических процессов. Мы не станем пытаться объяснить природу психофизических взаимосвязей. Мы просто отмечаем тот факт, что психические акты имеют именно такую природу, и настаиваем, что к их изучению следует подходить только с этих позиций...

Методы. Изучать психические процессы можно различными способами. Их можно наблюдать непосредственно, можно изучать опосредованно - через их результаты и последствия, и, наконец, можно исследовать с точки зрения их отношения к структуре организма.

Психические процессы можно наблюдать с помощью объективных и субъективных методов. К объективному относится наблюдение мыслительных операций другого человека в том виде, в каком они отражаются в его поведении. Субъективное наблюдение

- это постижение собственных психических процессов. Его часто называют интроспекцией, и раньше он рассматривался как единственный метод исследования, отличного от изучения объекта со стороны. На самом деле, эти два способа по сути похожи, и их можно разделять только с точки зрения познаваемого объекта [воспринимаемого или очевидного]. У каждого из способов наблюдения есть свои преимущества и недостатки.

1. Интроспекция обеспечивает достаточно хорошее знание психических процессов. Некоторые психические операции невозможно изучать с помощью объективного наблюдения. Например, по поведению человека мы можем судить о том, чем он занят, но не можем с определенностью сказать, о чем же он думает.

Сам человек не только знает, что в данный момент он занят мыслями, но прекрасно осведомлен и о теме собственных размышлений. Но никакое объективное наблюдение не позволит нам разгадать, облечены ли его мысли в слова или визуальные образы. Самоанализ часто раскрывает мотивы и суждения, появляющиеся в результате прошлого опыта и имеющие постоянное влияние на любое наше действие. Но, используя единственно объективные методы, нам не удастся что-либо узнать об этих мотивах и соображениях.

2. Субъективное наблюдение - весьма сложный метод исследования. Многие психические операции представляют собой ряд сложных, молниеносно меняющихся актов, их очень трудно всесторонне проанализировать. Ввиду того, что мозг человека обычно занят решением объективных проблем, многим людям с трудом удастся отрешиться от этого, ставшего привычным, способа мышления и попробовать проанализировать собственные мысли.

3. Достоверность субъективного наблюдения не всегда поддается проверке. Возьмем, к примеру, утверждение человека о том, что он мыслит с помощью визуальных образов. Ни проверить, ни опровергнуть его мы практически не в силах, поскольку такой психический процесс - мышление - может наблюдать только совершающий его человек и никто другой. Точно так же мы не можем полагать, что данное утверждение ложно, так как другие люди заявляют, что они мыслят вербально, - и, действительно, люди могут коренным образом различаться по способу мышления. С другой стороны, любой объективный акт могут наблюдать одновременно несколько человек, чтобы позже сравнить результаты своих наблюдений.

4. Естественно, применение субъективных методов при изучении проблем обучаемости и способностей должно быть ограничено. При изучении психических процессов у животных, детей, примитивных народов и многих случаев умопомешательства психология должна опираться на объективные методы.

5. Для описания и измерения любых объективных проявлений психической деятельности следует использовать специальные методы и инструменты. Записи наблюдений должны анализироваться не спеша. В противном случае мы можем упустить нечто существенное в исследуемых процессах. К примеру, для изучения движения глаза, являющегося частью акта восприятия, используется фотосъемка. Этот метод широко применяется при исследовании актов восприятия, участвующих в процессе чтения и при наблюдении некоторых видов обмана зрения.

Эксперимент - дополнение к методу наблюдения. Экспериментальный метод предполагает, что наблюдение за психическими процессами ведется в строго заданных

условиях. Часто эксперимент называют контролируемым наблюдением. Это может быть относительно простой опыт или, наоборот, весьма сложный - в зависимости от установленного уровня регулирования. К простым экспериментам можно отнести запоминание какого-то списка слов с целью исследования этого процесса и выявления факторов, влияющих на способность запоминать предложенный материал при определенных обстоятельствах. Вообще говоря, экспериментом можно назвать совершение любого психического акта с целью его изучения.

Психологический эксперимент не предполагает обязательного использования замысловатых методик и технически сложного оборудования. Приборы подбираются в зависимости от поставленной задачи. Они являются средством контроля за соблюдением условий эксперимента или служат для измерения и записи особенностей экспериментальной ситуации.

Ценность эксперимента определяется, прежде всего, тем фактом, в какой мере в соответствии с заданными условиями проведены необходимые наблюдения. Таким образом, эксперимент - способ обнаружения таких фактов и связей, которые нельзя выявить обычным путем. Кроме того, следует отметить, что результаты любого эксперимента могут быть проверены другими исследователями.

Экспериментальный метод в психологии имеет свои ограничения. Не все аспекты человеческой психики поддаются контролю. Психические реакции человека в значительной степени зависят от его предыдущего опыта. Всеобъемлющий контроль над психическими процессами человека в ходе эксперимента предполагает свободное манипулирование их развитием в продолжение всей жизни - что нежелательно в социальном плане, да и попросту невозможно.

Мышление можно изучать и опосредованно, через произведения разума и рук человеческих - изобретения, литературу, искусство, религиозные верования и традиции, этические системы, политические институты и т. п. Естественно, этот способ исследования не используется в тех случаях, когда изучаются собственно мыслительные операции. Он часто применяется для изучения примитивных народов или цивилизаций прошлого, по сути, этот метод - исторический и антропологический. Очевидно, наше знание человеческого разума будет весьма ограниченным, если нам придется полагаться исключительно на его данные. И все же, они играют существенную роль для понимания аспектов становления разума.

Кроме того, психические процессы можно изучать с точки зрения анатомии и физиологии. Существует тесная связь между строением любого органа и его функциональными возможностями. Невролог стремится постичь механизм нервной системы, пытается понять, какова доля его участия в человеческом поведении. Исследование взаимоотношений психических процессов и структуры нервной системы, несомненно, принесет огромную пользу и психологии, и неврологии.

Мы знаем, что на характер психических действий влияют метаболические связи нервной системы. Ее изъяны часто обуславливают нарушения восприятия, памяти и проявления воли. Нашими точными и подробными знаниями о связи психической деятельности с нервными структурами мы в значительной степени обязаны именно физиологическим методам. опыты показывают, что удаление части нервной ткани у животных ведет к последующему нарушению у них некоторых функций. Множество свойств мышления можно объяснить с точки зрения физиологических особенностей нервной системы. В

частности, именно таким образом объясняется способность запоминания, некоторые особенности темперамента и отдельные аспекты процесса забывания.

Таким образом, мы видим, что любой факт, который может быть использован для понимания характера и содержания сознания, есть факт психологический. Тот же факт может представлять значительный интерес для таких наук, как неврология, психология и физиология; подобные факты составляют значительную часть научных данных каждой из этих сфер знания.

В психологии, как и в любой другой науке, используется любой факт, способный оказаться полезным для решения ее задач, - и неважно, кем, как и когда этот факт добыт. Ни один подход в отдельности не дает полного представления о природе психической деятельности. Разные источники дополняют друг друга, а задача психологии - систематизировать и согласовать разнообразные данные, формируя адекватную концепцию того, что относится к процессам психики...

Отношения с другими науками. Психология пользуется данными многих других областей человеческих знаний. Психология полагает любые факты существенными для понимания психики. Естественно, профессиональный психолог имеет дело с весьма ограниченным диапазоном психических явлений и, следовательно, он должен собирать материалы из самых разнообразных источников. Психология пользуется фактами из социологии, педагогики, неврологии, физиологии, биологии, антропологии и со временем, надеемся, сможет воспользоваться данными исследований биохимии. Подавляющая часть фактического материала, связанного с психическими нарушениями, позаимствована у врачей и психиатров. Отдельными знаниями о разуме и личности мы обязаны юриспруденции. Полезную информацию мы черпаем из сферы торговли и промышленности. Короче говоря, для психологических изысканий могут оказаться интересными факты из любой области человеческой деятельности.

В свою очередь психология стремится внести посильный вклад во все родственные ей сферы знания и жизни - философию, социологию, педагогику, медицину, юриспруденцию, коммерцию, промышленность. Не подлежит сомнению, что любые знания о человеческой природе крайне важны во всех областях, так или иначе связанных с мышлением и поведением человека.

Функционализм в Колумбийском университете

Мы отмечали, что в функциональной психологии, в отличие от структурной, не было единого исследовательского подхода. И хотя колыбелью функционализма - где он оформился и начал развиваться, - является Чикаго, другая его ветвь формировалась Робертом Вудвортсом в Колумбийском университете. Колумбия стала академической базой для исследований и двух других представителей функционального направления: Джеймса МакКина Кеттела, чьи разработки психологических тестов стали воплощением духа американского функционализма, и Э. Ж. Торндайка, исследования поведения животных которого усилили тенденции функционализма к большей объективности.

Роберт Вудвортс (1869-1962)

Формально Роберт Вудвортс не принадлежал к функциональным школам, возглавляемым Энджеллом и Кэрром. Его тяготили те ограничения, которые накладывала на ученых принадлежность к тому или иному течению. И все же, большинство психологических сочинений Вудворта было в духе чикагской школы.

Более семидесяти лет Вудвортс активно занимался психологией как исследователь, как любимый студентами преподаватель, как автор и издатель книг. Получив степень бакалавра в колледже Амхерст в Массачусетсе, он некоторое время преподавал математику в средней школе. В этот период произошли два события, которые, как он говорил сам, перевернули всю его жизнь. Во-первых, он побывал на лекции знаменитого психолога Стэнли Холла и, во-вторых, прочитал «Основы психологии» Вильяма Джемса. Эти события и повлияли на его решение стать психологом.

Он поступил в Гарвард, где ему была присвоена степень магистра, а в 1899 году получил докторскую степень в Колумбийском университете, где учился под руководством Кеттела. Три года Вудвортс изучал физиологию в больницах Нью-Йорка, а затем пробыл год в Англии, где работал с физиологом Чарльзом Скоттом Херрингтоном. В 1903 году он вернулся в Колумбию и проработал здесь до ухода в отставку в 1945 году. Но лекции его были так популярны, что он продолжил преподавание и окончательно вышел на пенсию только в 1958 году в возрасте 89 лет.

Бывший студент Вудворта Гарднер Мерфи вспоминает его как самого лучшего преподавателя психологии, которого когда-либо знал. Он рассказывает, как Вудвортс «входил в аудиторию в мешковатом старом костюме и армейских ботинках». Он шел к доске и «произносил несколько неподражаемых слов о людской пронизательности или человеческих прихотях, а мы записывали их в тетради, чтобы запомнить на всю жизнь» (Murphy. 1963. P. 132).

Свои взгляды на психологию Вудвортс описал в нескольких журнальных статьях и двух книгах – «Динамическая психология» (Dynamic Psychology. 1918 г.) и «Динамика поведения» (Dynamics of Behavior, 1958 г.). В 1921 году вышла его работа «Психология» (Psychology), которая к 1947 году была переиздана пять раз и, как говорят, в течение 25 лет продавалась лучше, чем все другие сочинения по психологии. Работа Вудворта «экспериментальная психология» (Experimental Psychology. 1938, 1954 г.) также стала классической. В 1956 году Вудвортс первым получил золотую медаль Американского психологического фонда – «за уникальный вклад в становление судьбы научной психологии» и как «интегратор и организатор психологических знаний».

Динамическая психология

Вудворте утверждал, что его подход не нов и лишь следует <лучшим> психологическим традициям того времени, когда психология еще не была оформлена в отдельную науку. Он говорил, что психологическое знание начинается с исследования характера раздражителя и реакции - то есть, по сути, внешних событий. Но когда психология рассматривает только раздражитель и реакцию, пытаясь таким образом объяснить поведение, из виду упускается, быть может, самый важный его момент. Раздражитель является не единственной причиной конкретной реакции - организм, с его разными уровнями энергии и всем предшествующим и настоящим опытом, также определяет характер реакции.

Организм вносит свои коррективы в реакцию на раздражитель, и психология должна рассматривать его и с этой точки зрения. Таким образом, говорил Вудворте, предметом психологии являются и сознание, и поведение (эту позицию позже восприняли представители гуманистической психологии и теоретики социального научения). С помощью объективного наблюдения можно изучать воздействие внешнего раздражителя и ответную внешнюю реакцию, но то, что происходит внутри организма, доступно изучению только методом интроспекции. Вудворте полагал, что наряду с наблюдением и экспериментом психология должна пользоваться и интроспективным методом.

Основываясь на учениях Дьюи и Джемса, Вудворте в рамках функционализма разработал **динамическую психологию*** (слово «динамический» Дьюи использовал в своих работах с 1884 года, а Джемс - с 1908-го). Динамическая психология исследует мотивацию. Сам Вудворте говорил, что его задачей было развитие «мотивологии».

Хотя в позициях Вудворте и чикагской школы функционализма прослеживаются общие черты, Вудворте, в отличие от коллег из Чикаго, подчеркивал значимость физиологических основ поведения. Его динамическая психология концентрировалась на причинно-следственных связях. Он полагал, что цель психологии - определить, почему человек ведет себя так, а не иначе. Таким образом, прежде всего его интересовали движущие силы или мотивы функционирования человеческого организма.

Вудворте не видел необходимости придерживаться какой-то одной системы, но и не собирался создавать собственную школу психологии. В основе его позиции был не протест, но стремление расширить, развить и синтезировать все лучшее, что было во всех современных направлениях психологии.

Критика функционализма

Ожесточенная критика функционального направления со стороны структуралистов не заставила себя ждать. Поначалу - во всяком случае, в Соединенных Штатах - возникновение функционализма разделило психологов на воюющие лагеря. Центрами враждующих группировок стали титченерозская лаборатория в Корнеллском университете и психологический факультет Чикагского университета. Убежденные в непогрешимости собственной позиции, структуралисты и функционалисты в праведном гневном забрасывали друг друга взаимными упреками и обвинениями.

Прежде всего, критика касалась самого термина функционализм. В 1913 году С. А. Ракмик, ученик Титченера, не посчитал за труд проштудировать полтора десятка

* динамическая психология - психологическая система Вудворте, в которой изучались причины (мотивы) чувства и поведения.

учебников по общей психологии, чтобы выяснить, как определяют функцию разные авторы. Основными определениями оказались формулировки «вид деятельности или процесс» и «связь с другими процессами или организмом в целом»

Получалось так, что, с одной стороны, функция ничем не отличается от действия: запоминание и понимание - это функции; а с другой - определяет степень полезности действия для человеческого организма: к функциям относятся, например, качество усвоения пищи. Ракмик обвинял функционалистов в том, что иногда они использовали термин функция для обозначения действия, а иногда - его полезности.

17 лет это обвинение оставалось без ответа. И только в 1930 году в одной из своих работ Кэрр написал, что разные определения функции не противоречивы, поскольку относятся к одним и тем же процессам. В каждом случае функциональных психологов интересовал не только отдельный вид психической деятельности (первое определение), но и его взаимосвязь с другими видами активности (второе определение). По словам Кэрра, такой подход практикуется и в биологии. Но его слова только подтвердили утверждение, что «функционализм вначале использовал понятие, а определил его уже позднее - характерная для этого направления непоследовательность» (Heicibreder. 1933. P. 228).

Критиковалось - особенно Титченером - и то, как функционалисты определяли психологию. Структуралисты утверждали, что функционализм вообще не имеет отношения к психологии, поскольку не придерживается предметов изучения и методологии структурализма! По мнению Титченера, кроме интроспективного анализа психики ни один другой подход не мог претендовать на звание настоящей психологии. Естественно, в первую очередь вызвало сомнение функционалистское определение психологии.

Нашлись и критики, которые полагали ошибочным интерес функциональных психологов к практическим или прикладным проблемам, - это было первым проявлением многолетнего противостояния между академической и прикладной наукой. Структуралисты не приветствовали прикладную психологию. А представители функционализма не разделяли убеждения, что психология должна оставаться чистой наукой, и никогда не считали, что интерес к прикладным задачам унижает достоинство науки.

Кэрр не сомневался, что верность строгим научным процедурам возможна не только в чистой, но и в прикладной психологии, а полноценные научные исследования можно проводить не только в университетской лаборатории, но и в цехах, офисах или школьных классах. Все это относится к методам, а не к самому предмету психологии. Сегодня, когда прикладная психология проникла во многие сферы жизни, противоречие между нею и академической психологией больше не является столь острым. Применение психологии к решению практических задач реальной жизни можно считать основной заслугой функционализма.

Вклад функционализма в развитие психологии

Энергичная оппозиция функциональной психологии по отношению к структурализму сыграла огромную роль в развитии психологии в Соединенных Штатах. Немаловажны и далеко идущие последствия смены акцента с изучения структуры психических элементов на исследование их функций.

Психологию функционалисты определяют широко: сюда входит и изучение психического развития детей всех возрастов и людей с психическими расстройствами. Кроме того, функциональный подход дополняет интроспективный метод иными способами получения научных данных - такими, как психологические опыты, тесты, опросы, объективное наблюдение за поведением. Все эти методы, отвергнутые структуралистами, стали важными источниками научной информации для функциональной психологии.

Вопросы для обсуждения

1. Расскажите о том, как Спенсер понимал социальный дарвинизм. Как концепция социального дарвинизма повлияла на американскую психологию?
2. В чем отличие взглядов на сознание Джемса и Вундта? Какова, по мнению Джемса, цель сознания? Какие методы он предлагал использовать для изучения сознания?
3. Расскажите о вкладе Титченера и Дьюи в основание функциональной психологии?
4. Каковы, согласно Энжеллу, три главных предмета исследований движения функционализма? Какие методы исследования Кэпп считал пригодным для функциональной психологии?
5. Опишите динамическую психологию Вудвортса и его точку зрения на использование метода интроспекции.
6. Сравните тот вклад, который внесли в развитие психологии функционализм и структурализм

Рекомендуемая литература

- Crissman, C. (1942) The psychology of John Dewey. *Psychological Review*, 49, 441-462. Краткий обзор и оценка подхода Дьюи к психологии.
- Donnelly, M.E. (1992) *Reinterpreting the legacy of William James*. Washington, DC: American Psychological Association. Эссе об идеях Джемса, вдохновивших других ученых на исследования в области психологии.
- Lewis, R.W. B. (1991) *The Jameses: A family narrative*. New York: Farrar, Straus and Giroux. Рассказ об известных представителях семьи Джемсов; психологе Вильяме, писателе Генри, политике Эллис, герое войны Уикли и алкоголике Бобе.
- McKinney, F. (1978) Functionalism at Chicago: Memories of a graduate student, 1929-1931, *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 14, 142-148. описание занятий, студентов, содержание курсовых работ и интеллектуальной атмосферы на факультете психологии Чикагского университета.
- Owens, D.A. & Wagner, M. (Eds.) (1992) *Progress in modern psychology: The legacy of American functionalism*. Westport, Conn. Praeger/Greenwood. Анализируется явление функциональной психологии как самостоятельной научной школы и дается оценка ее влиянию на современную психологию.
- Thore, F.C. (1976) Reflections on the Golden Age of Columbia's psychology. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 12, 159-165. рассказывается об исследованиях, проводившихся на психологическом факультете Колумбийского университета в период с 1920 по 1940 год.

Наследие функционализма: прикладная психология

Развитие психологии в Соединенных Штатах

К концу XIX столетия эволюционная доктрина и опиравшаяся на нее функциональная психология быстро завоевали прочные позиции в Соединенных Штатах. Американскую психологию вдохновляли скорее идеи Дарвина и Гальтона, чем работа Вундта. Это любопытный, и даже парадоксальный, исторический феномен. Вундт был учителем первого поколения американских психологов. И все же они переняли немного из его идей. Когда американские ученики Вундта вернулись на родину, они стали развивать психологию, которая уже мало чем напоминала систему их учителя. Новой науке пришлось приспособливаться к новым условиям - абсолютно в духе эволюционной теории.

Психология Вундта и структурализм Титченера в своем первоначальном виде не могли выжить в американской интеллектуальной атмосфере. Поэтому они вынуждены были эволюционировать в функционализм. Эти системы не рассматривали практической стороны работы мышления, не могли применяться к решению повседневных проблем. А американская культура была ориентирована на практику: здесь ценилось то, что дает видимый результат. «Нам нужна практичная психология, - писал пионер американской прикладной психологии Гренвилл Стэнли Холл. - Вундтовские идеи никогда не привьются на этой почве, потому что они расходятся с американским духом и характером» (Hall. 1912, P. 414).

Вернувшиеся в США после обучения в Германии молодые психологи в типичной для американцев прямой и агрессивной манере приступили к преобразованию немецкой психологии. Они начали работать не над тем, что представляет собой сознание, а над тем, как оно действует. В то время как некоторые американские психологи - и в первую очередь Джемс, Энджелл и Кэпп - развивали функциональный подход в академических лабораториях, другие применяли его на практике вне университетов. Смена акцента в сторону практической психологии относится к тому же периоду, когда функционализм оформился в отдельную психологическую школу.

Прикладные психологи привнесли свою науку в реальный мир, в школы, на фабрики, в рекламные агентства, залы суда, клиники для детей с отставанием в развитии, психиатрические больницы, и сделали эту науку функциональной - как в отношении ее предмета, так и практического использования. При этом они изменили характер американской психологии не меньше, чем академические отцы функционализма. Это влияние иллюстрируется специальной литературой того времени. К 1900 году 25 процентов всех исследовательских статей публиковались в американских психологических журналах, посвященных проблемам прикладной психологии, и меньше трех процентов - методу интроспекции (O'Donnell.1985). Подходы Вундта и Титченера, которые сами еще недавно были новым словом в психологии, быстро устарели.

Даже великий структуралист Титченер признавал стремительность изменений, происходивших в американской психологии. Он писал в 1910 году: «Если бы, таким образом, меня попросили в двух словах определить тенденцию, царящую в психологии в последнее десятилетие, ответ был бы таким: психология решительно становится прикладной наукой» (цит. по: Evans. 1992. P. 74).

В Соединенных Штатах психология переживала бурный расцвет. Яркое и динамическое развитие американской психологии в период с 1880 по 1900 год являет собой поразительный случай в истории науки. Еще в 1880 году в США не было ни одной психологической лаборатории; а к 1900 году их насчитывалось уже 42, и они были оборудованы куда лучше, чем лаборатории в Германии. В 1880 году в Америке не выходило ни одного специального журнала по психологии; всего пятью годами позже их было три. Если в 1880 году американцы вынуждены были ездить в Германию, чтобы изучать психологию, то к 1900 году они могли получить диплом психолога, не выезжая за границу. В 1903 году число выпускников-психологов уступало только числу молодых химиков, зоологов и физиков.

В 1910 году более 50 процентов всех опубликованных в мире статей по психологии были написаны на немецком языке, и только 30 процентов - по-английски. К 1933 году соотношение изменилось: 52 процента изданных статей были на английском языке, а на немецком - всего 14 (Wertheimer & King, 1994). В британском выпуске справочника «Кто есть кто в науке» за 1913 год отмечается, что Соединенные Штаты лидируют по числу всемирно известных психологов, которых здесь насчитывалось 84 - больше, чем в Германии, Англии и Франции вместе взятых (Jorg. Zich, 1968).

Прошло чуть более 20 лет с момента основания психологии в Европе, а американские психологи уже захватили бесспорное лидерство в своей области. Джеймс МакКин Кеттел, обращаясь с президентской речью к Американской психологической ассоциации в 1895 году, говорил, что «рост академической психологии в Америке в течение последних пяти лет почти не знает прецедентов... Психология - обязательный предмет в учебных планах всех колледжей... Факультеты психологии университетов успешно конкурируют с другими ведущими науками по привлекательности для студентов и количеству оригинальных научных работ» (Cattell, 1896. P. 154). В 1898 году один из профессоров психологического факультета Гарвардского университета сокрушался, что «у него на курсе «Введение в психологию»... 360 студентов. На что этой стране столько психологов?» (Brown, 1992. P. 65).

<Дебют> психологии перед заждавшейся ее американской публикой состоялся на Всемирной выставке 1893 года, которая проводилась в Чикаго, штат Иллинойс. В программе предусматривалась демонстрация антропометрической лаборатории, аналогичной той, что была создана в Англии Френсисом Гальтоном. Психологи выставили для показа исследовательскую аппаратуру, с помощью которой посетители за плату могли измерить свои сенсорные способности. Более обширная демонстрация была проведена в 1904 году на торговой выставке в городе Сент-Луис, Миссури. На этом мероприятии присутствовали многие знаменитости того времени: с лекциями выступили выдающиеся психологи - Э. Б. Титченер, К. Ллойд Морган, Пьер Жане, Г. Стэнли Холл и Джон Б. Уотсон. Такой популистский подход немец Вундт едва ли одобрил бы. Популяризация психологии отражала именно американский характер, который основательно преобразовал вундтовскую систему в функциональную психологию и вывел ее из стен экспериментальной лаборатории.

Итак, Америка приняла психологию в свои объятия, и эта наука быстро обосновалась не только в студенческих аудиториях, но и в повседневной жизни людей. Сегодня горизонты психологии намного шире, чем могли подумать - или даже мечтать - ее основатели.

Прикладная психология и экономическая ситуация

Хотя появлению прикладной психологии способствовал американский интеллектуальный дух того времени, на ее развитие повлияли и другие, более практические, контекстные силы. В главе 1 мы говорили о роли экономических факторов в смене акцентов в американской психологии - от чисто исследовательских целей к прикладным. К концу XIX столетия число психологических лабораторий неуклонно росло, а число американских психологов с докторскими степенями в области психологии росло в три раза быстрее. Многие из новоявленных дипломированных психологов, особенно те, кто не имел независимого источника дохода, чтобы выжить, должны были искать применение своим знаниям вне университета.

Психолог Гарри Холлингворт (1880-1956), например, был не в состоянии жить на жалованье 1000 долларов в год, которое полагалось преподавателю колледжа Барнард в Нью-Йорке. Он подрабатывал, читая лекции в других университетах, проверял контрольные работы за 50 долларов в час, проводил семинары по психологии для руководителей рекламных агентств - делал все ради основной цели своей жизни - академических исследований. Но вскоре ему пришлось всецело посвятить себя прикладной психологии, потому что только она могла обеспечить ему достойный заработок (Benjamin, Rogers & Rosenbaum. 1991).

Холлингворт был не одинок. И другие первопроходцы прикладной психологии под давлением экономических обстоятельств сменили академические кресла на кабинеты практиков. Это вовсе не означает, что практическая работа их не привлекала. В основном они занимались увлекательными проблемами и вскоре пришли к убеждению, что в реальной обстановке человеческое поведение и психическую жизнь можно изучать не менее эффективно, чем в университетской лаборатории. Кроме того, для некоторых психологов прикладная сфера представляла подлинный и искренний интерес. И все же факт остается фактом: многие из первого поколения прикладных психологов в Соединенных Штатах, чтобы избежать неминуемой нищеты, вынуждены были отказаться от своей мечты об исключительно академических экспериментальных исследованиях.

Еще более удручающим было положение психологов, которые работали на рубеже веков в государственных университетах Запада и Среднего Запада США. В 1910 году здесь преподавала треть всех американских психологов, а поскольку число их росло, то и ситуация усугублялась, заставляя их обращаться к практическим вопросам - и, таким образом, доказывать, что методы психологии имеют и экономическую ценность.

В 1912 году психолог К. А. Ракмик проанализировал ситуацию, в которой оказались его коллеги, и пришел к выводу, что в американской образовательной системе психологию недооценивали - несмотря на всю ее популярность у студентов. Финансирование было недостаточным, а надежды на изменения к лучшему - слабыми (Leary. 1987). Возможно, единственный способ увеличивать ассигнования и жалованья преподавателей состоял в том, чтобы продемонстрировать администрации учебных заведений и законодателям штатов, что психология может принести огромную пользу в решении социальных проблем.

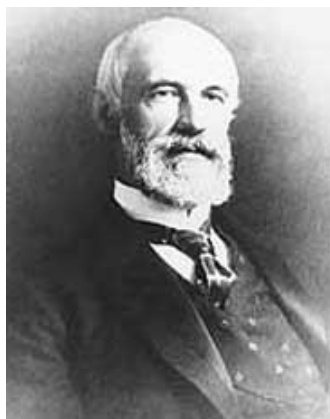
В одном из писем Г. Стэнли Холла своему коллеге со Среднего Запада говорилось, что влияние психологии должно стать ощутимым, «чтобы ни один безответственный, падкий на сенсации человек или партия не могли бы критиковать ее за порогом университета». Кеттел убеждал коллег «заниматься практическими проблемами и развивать специальность «прикладная психология»» (цит. по: O'Donnell. 1985. P. 215, 221).

Итак, задача была очевидной: доказать ценность психологических знаний, применяя их на практике. Но применять к чему? К счастью, ответ не заставил себя ждать. С 1870 по 1915 год стремительными темпами - с 7 до 20 миллионов человек - рос прием в государственные бесплатные школы. За этот период затраты на общественное образование выросли в десять раз - с 63 до 605 миллионов долларов (Siegel & White. 1982). Неожиданно образование стало доходным бизнесом, и это привлекло внимание психологов.

В 1894 году Холл заявил, что «единственно главной и непосредственной сферой применения [психологии] является ее применение в педагогике» (цит. по Leary. 1987. P. 323). Даже Вильям Джемс, которого нельзя считать прикладным психологом, написал книгу под названием «Беседы с учителями» - об использовании психологии в школе (James. 1899). К 1910 году более трети всех американских психологов заинтересовались возможностью применения своих знаний к проблемам образования. Из них три четверти уже приступили к работе в этой области. Психология нашла свое место в реальном мире.

В этой главе мы поговорим о жизненном пути и вкладе в науку пяти представителей прикладной психологии, которые привнесли психологию в педагогику, бизнес, психологическое тестирование, систему правосудия и психиатрические клиники. Все эти психологи учились в Лейпциге у Вундта, мечтая об академических изысканиях, но все они далеко отошли от вундтовского подхода, когда начали работать в американских университетах. Их научная карьера - поразительный пример того, как американская психология вышла из-под влияния Вундта и вдохновилась идеями Дарвина и Гальтона и как подход Вундта был трансформирован на американской почве. Мы также рассмотрим становление трех главных областей прикладной психологии: психологическое тестирование, индустриальная/организационная психология и клиническая психология.

Гренвилл Стэнли Холл (1844-1924)

Холл собрал все лавры «первопроходца» в американской психологии. Он получил первую американскую докторскую степень по психологии. Он утверждал, что был первым американским студентом первой психологической лаборатории*. Он стоял у истоков первого американского журнала по психологии. Он был первым президентом университета Кларка, первым учредителем и первым президентом Американской психологической ассоциации, и одним из первых прикладных психологов.

* Новые факты свидетельствуют о том, что в действительности он был вторым. См. Ben)amiti. Durkin, Unk, Vestal & Acord. 1992.

Страницы жизни

Г. Стэнли Холл родился на одной из ферм штата Массачусетс. С ранних лет он проявил себя целеустремленной личностью. В четырнадцать Холл дал себе обещание «достичь чего-нибудь в жизни» (цит. по: Ross. 1972. P. 12). В семнадцать ему пришлось пережить глубокий стыд, когда в самом начале гражданской войны отец откупил его от службы в армии. Холл говорил, что чувствовал себя виноватым и готов был понести наказание, чтобы искупить эту вину (Vande Kemp. 1992).

В 1863 году он поступил в Уильямский колледж. К последнему курсу Холл стал обладателем множества почетных студенческих наград. Он с энтузиазмом занимался философией, особенно его интересовала эволюционная теория, что во многом повлияло на его карьеру в психологии. По окончании колледжа Холл «все еще не знал, что именно он хотел бы делать в жизни» (цит. по: Bringmann, Bringmann & Early. 1992. P. 282). Он поступил в Нью-йоркскую семинарию, хотя и не имел особой тяги к пастырскому поприщу. Но его интерес к эволюции не способствовал тому, чтобы он стал прилежным семинаристом. Рассказывали, что, когда Холл читал свою пробную проповедь перед преподавателями и студентами, президент семинарии стал на колени и начал молиться за спасение души горе-проповедника.

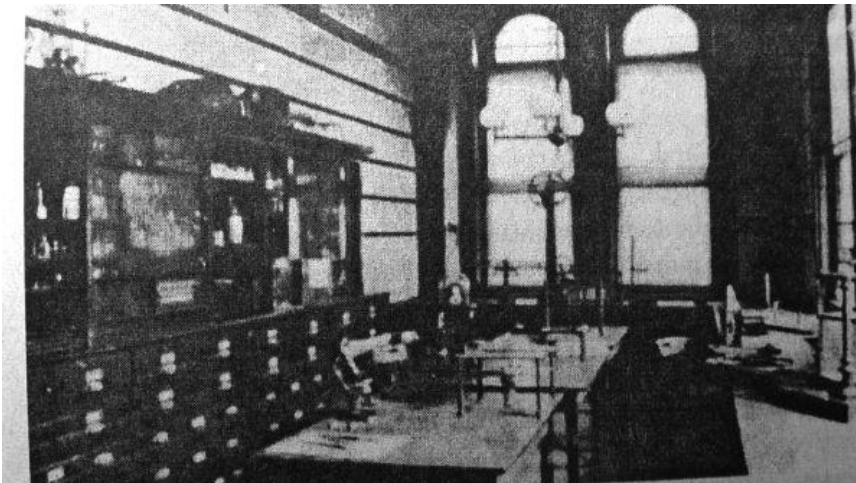
По совету известного священника Генри Ворда Бичера Холл поехал изучать философию и богословие в Германию, в Боннский университет. Кроме того, он слушал лекции по физиологии и физике в Берлине. Бывая там, он совмещал посещение университета с походами в театры и пивные - весьма смелый опыт для молодого человека, получившего религиозное образование. Он писал о своем изумлении, когда однажды в воскресенье увидел за кружкой пива профессора богословия. Холл вспоминал о кратких романтических увлечениях того периода, отметив, что пара из них были очень страстными и пробудили в нем струны, «до тех пор дремавшие, что сделало его жизнь богаче и наполнило ее смыслом» (цит. по: Lewis. 1991. P. 317). Пребывание Холла в Европе стало для него освобождением.

Холл возвратился домой в 1871 году в возрасте 27 лет, так и не получив диплома и весь в долгах. По окончании семинарии (хотя и без посвящения в сан) он проповедовал - правда, всего 10 недель, - в сельской церкви в Каудеспорте, штат Пенсильвания. Больше года он жил частными уроками, а затем получил место преподавателя в колледже Антиох в штате Огайо. Здесь он преподавал английскую литературу, французский и немецкий языки, литературу, философию, выполнял обязанности библиотекаря, вел занятия хора и проповедовал в часовне.

В 1874 году Холл прочитал «Основы физиологической психологии» Вундта, и это событие положило начало его интересу к новой науке и заставило задуматься о правильности избранной карьеры. Он взял отпуск, обосновался в городе Кембридже, штат Массачусетс, и устроился преподавателем английского языка в Гарвардский университет. Здесь Холл не только вел занятия по английскому языку у второкурсников, но и сам начал учиться в медицинской школе. В 1878 году он представил свою диссертацию о тактильном восприятии пространства и первым в Соединенных Штатах получил докторскую степень в области психологии.

Сразу же по получении докторской степени Холл снова отправился в Европу. Сначала он изучал физиологию в Берлине, а затем стал студентом Вундта в Лейпциге, где жил по соседству с Фехнером. Реальная работа под руководством Вундта не оправдала ожиданий

Холла. Он не только прилежно посещал все лекции и безропотно соглашался на роль испытуемого в экспериментах, но и проводил собственные исследования по физиологии. Его последующая карьера ясно показывает, что Вундт, в конечном счете, не оказал на него какого-то особого влияния. По возвращении в Соединенные Штаты в 1880 году у Холла не было никакой перспективы получить работу по специальности, но не прошло и десяти лет, как он стал фигурой национального масштаба.

Психологическая лаборатория Холла в университете Джонса Хопкинса, которая считается первой из подобных лабораторий в США.

Вернувшись из Германии, Холл понял, что лучшего случая удовлетворить свое честолюбие, чем применить психологические знания в педагогике, у него не будет. Лейтмотивом его доклада на собрании Национальной педагогической ассоциации (NEA) в 1882 году была идея о необходимости сделать изучение психологии ребенка главным приоритетом в профессии учителя. Эту мысль он повторял при каждой возможности. Ректор Гарвардского университета предложил Холлу подготовить серию лекций по вопросам образования. На эти выступления Холла поступило множество благоприятных отзывов, а затем последовало приглашение на неполную ставку преподавателя в университет Джонса Хопкинса, где пятью годами ранее была организована первая в США аспирантура.

Лекции Холла имели большой успех, и в 1884 году он стал профессором в университете Хопкинса. В это время он приступил к созданию психологической лаборатории, которая считается первой в Соединенных Штатах (формально открылась в 1883 году) и которую сам Холл назвал своей «лабораторией психофизиологии» (Pauly, 1986. P. 30). В свое время там учились многие видные американские психологи, в том числе Джон Дьюи и Джеймс МакКин Кеттел.

В 1887 году Холл основал <Американский журнал психологии> (American Journal of Psychology) - первое в США и до сей поры влиятельное специальное психологическое издание. Журнал стал базой теоретических и экспериментальных идей и придал американской психологии дух единства и независимости. Правда, в порыве энтузиазма Холл напечатал слишком много экземпляров первого выпуска; лишь через пять лет редакции журнала удалось расплатиться за взятый тогда кредит.

В 1888 году Холл стал первым президентом университета Кларка (г. Вустер, штат Массачусетс). Прежде чем занять этот пост, он предпринял длительное турне за границу, чтобы изучить деятельность европейских высших учебных заведений и пригласить во вверенный ему университет талантливых преподавателей и исследователей. Эта поездка

стала также «оплаченным отпуском за еще не начатую работу... Было множество остановок, никак не оправданных целью путешествия. - например, посещение Российской военной академии, развалин древнегреческого акрополя и стандартный набор из публичных домов, цирков и прочих достопримечательностей» (Roelsch. 1987. P. 21).

Работая в университете Кларка, Холл взял за образец немецкие университеты и университет Джонса Хопкинса, причем с упором не на обучение, а на научные исследования. К сожалению, основатель университета Кларка - богатый торговец Джонас Гилман Кларк - не разделял идей Холла и не выделял ему денег столько, сколько тот ожидал получить на нужды аспирантуры. Кларк умер в 1900 году, на свои деньги он завещал основать колледж - идея, против которой выступал Холл, но которую долго лелеял при жизни сам Кларк.

При Холле двери университета Кларка - не в пример большинству учебных заведений США - широко открылись для женщин и представителей этнических меньшинств. Хотя Холл и разделял общенациональную позицию, возражая против совместного обучения лиц обоего пола, он принимал женщин в аспирантуру и на должности младших преподавателей. Он также предпринял необычный шаг, когда пригласил поступить в Кларк студентов из Японии, и уж совсем беспрецедентным поступком стал прием в аспирантуру афро-американцев. Первым черным американцем, получившим докторскую степень в области психологии, был ученик Холла Френсис Самнер. Он сделал блестящую карьеру и возглавил отделение психологии Гарвардского университета в Вашингтоне, где «установил твердую программу по преодолению дефицита психологии для черных и черных в психологии» (Dewsbury & Pickren. 1992. P. 137). В то время как в большинстве университетов на преподавательские должности не допускались евреи, Холл отказывался ограничить их права на работу (Guthrie. 1976; Sokal. 1990).

Холл был не только президентом университета Кларка, но, будучи профессором психологии, преподавал там в аспирантуре. На собственные деньги он начал издавать журнал «Педагогическая школа» (Pedagogical Seminary), ныне – «Журнал генетической психологии» (Journal of Genetic Psychology), где печатались материалы по педагогике и детской психологии. В 1915 году Холл основал «Журнал прикладной психологии» (Journal of Applied Psychology), который стал шестнадцатым по счету психологическим изданием в США.

В 1892 году была основана Американская психологическая ассоциация (APA) - во многом благодаря усилиям Холла. Началось все со встречи десятка психологов в кабинете Холла в его доме, где и был разработан проект новой организации, президентом которой избрали Холла. К 1900 году ассоциация насчитывала 127 членов.

Свой интерес к религии Холл поддержал основанием Школы религиозной психологии Кларка и «Журнала религиозной психологии» (Journal of Religious Psychology, 1904 г.), который просуществовал около десяти лет. В 1917 году вышла книга Холла под названием «Иисус Христос в свете психологии» (Jesus, the Christ, in the Light of Psychology). Его видение Иисуса как своего рода <сверхчеловека> не нашло одобрения церкви (Ross. 1972. P. 418).

В течение тех 36 лет, когда Холл был главой университета Кларка, психология в нем процветала. За это время там защитили диссертации более восьмидесяти молодых ученых-психологов. Его студенты вспоминали долгие, но оживленные семинары, которые Холл проводил у себя дома по вечерам в понедельник. На этих занятиях преподаватели устраивали проверочные испытания для аспирантов. К концу каждой встречи, которые

длились порой до четырех часов, прислуга приносила в кабинет гигантскую бадью мороженого.

Комментарии Холла к контрольным работам его студентов зачастую были разгромными. Льюис Терман вспоминал, что «Холл при проверке работ проявлял столько эрудиции и воображения, что нас всегда это поражало. Его экспромты на полях были неизмеримо глубже самой работы, на которую студент затратил месяцы тяжелого труда». По окончании вечерних занятий, рассказывал Терман, «я всегда шел домой ошеломленный и будто пьяный, принимал горячую ванну, чтобы успокоиться, а после часами лежал с открытыми глазами и мысленно повторял те умные фразы, которые должен был бы сказать, но не сказал в тот вечер» (цит. по: Sokal. 1990. P. 119). Аспиранты благоговели перед Холлом. Один из них вспоминал:

Холл был человеком мощного телосложения, выше шести футов ростом. Его можно было часто видеть подстригающим траву ручной косилкой для лужаек во дворе своего дома, который стоял на возвышении... Он легко ш.агси\ по верхнему краю склона, левая рука - в кармане, а правой он ловко управлял косилкой, вверх-вниз, от одного конца лужайки до другого - добрая сотня футов. Иногда это занятие сопровождалось разговором с каким-нибудь студентом, который семенил рядом по тротуару. (Avenll. 1990. P. 125.)

Как опытный педагог, который знал, как воспитать способных молодых ученых, - за что, кстати, они платили ему благодарностью, - Холл мог быть щедрым и благосклонным. Был период, когда большинство американских психологов составляли ученики Холла из Кларка или университета Джонса Хопкинса, хотя и не для всех из них он становился главным источником вдохновения. Возможно, о его личном влиянии красноречивее всего говорит тот факт, что треть его аспирантов в конечном счете стали - как и их учитель - руководителями различных колледжей.

Холл был одним из первых американцев, которые заинтересовались психоанализом, и, в значительной степени, именно благодаря ему на это направление сразу же обратили внимание в Соединенных Штатах. В 1909 году он пригласил Зигмунда Фрейда и Карла КЭнга участвовать в ряде конференций, приуроченных к 20-й годовщине со дня основания университета Кларка, - смелый шаг, учитывая то подозрение, (которым поначалу относились к психоанализу. Холл пригласил и своего бывшего преподавателя, Вильгельма Вундта, но тот вынужден был отказаться от поездки в Америку из-за почтенного возраста и потому, что уже был назначен председательствующим на торжествах по поводу 500-летия его собственного университета.

Холл продолжил писать научные труды и после своей отставки с поста президента университета Кларка в 1920 году. Он умер четырьмя годами позже, через несколько месяцев после того, как был избран на второй срок президентом АПА. После его смерти 99 из 120 членов АПА назвали Холла в числе десяти психологов общемирового значения. Многие из них отметили его выдающийся талант педагога, его усилия по развитию психологии, его вызов ортодоксальности. Правда те, кто знал его, критически отзывались о его личных качествах. Его считали трудным в общении, ненадежным, неразборчивым в выборе средств для достижения своих целей, хитрым да к тому же и агрессивно навязчивым. Вильям Джемс сказал о нем однажды так: «Единственный человек, из всех кого я знал, в ком самым странным образом смешались величие и мелочность» (цит. по: Myers. 1986. P. 18). Но даже критики Холла согласились бы со словами из посвященного ему сборника статей АПА: «Он один [Холл] вдохновил на большее число работ и

исследований, чем три любые другие крупные фигуры в психологии» (Kocisch. 1987. P. 52).

Эволюция как основа человеческого развития

Холл имел очень разносторонние научные интересы, но все его интеллектуальные блуждания в конце концов сводились к единственной теме: эволюционной теории. Его обращением к множеству разнообразных проблем в психологии двигало убеждение, что нормальное психическое развитие предполагает ряд эволюционных стадий. Используя теорию развития как основу для широких теоретических и прикладных построений, Холл таким образом внес более весомый вклад не в экспериментальную, а в педагогическую психологию. Экспериментальной психологией он увлекался лишь в самом начале своего научного пути. Он признавал важность эксперимента как метода психологии, но был совершенно нетерпим к любому рода ограничениям. Поэтому лабораторная работа в современной психологии оказалась слишком узким полем деятельности для целей и размаха Холла.

Холла глубоко интересовали вопросы развития человека и животных и связанные с ними проблемы приспособляемости, за что его часто называют генетическим психологом. В университете Кларка этот интерес привел его к изучению детской психологии - теме, которая стала для Холла центральной. Выступая на Всемирной выставке 1893 года в Чикаго, он сказал: «До настоящего времени мы ездили в Европу, чтобы учиться психологии. Давайте же теперь сделаем центром наших интересов психологию ребенка, и тогда в Америке будет собственная психология» (Siegel & White. 1982. P. 253). Холл намеревался применить психологию к изучению жизни ребенка в реальном мире. Как метко заметил один из его бывших студентов, «его лабораторией стали дети» (Averill. 1990. P. 127).

При изучении детской психологии Холл широко пользовался методом анкетирования, с которым он познакомился в Германии. К 1915 году Холл и его студенты разработали и успешно использовали для разнообразных исследований 194 опросника (White. 1990). Эта методика получила столь широкое применение, что через некоторое время в Соединенных Штатах она ассоциировалась именно с именем Холла, хотя еще до него была предложена Гальтоном.

С самого начала изучение детской психологии имело громадный общественный резонанс и привело к возникновению **движения** под условным названием «**Изучение развития ребенка***». Однако через несколько лет из-за низкого качества проводимых исследований это движение «сошло на нет»: не было исследований, которые можно было взять за образец, опросники были «сырыми», проводившие опросы люди - неквалифицированными. результаты анкетирования анализировались неадекватно. Иными словами, п этой попытке исследования было очень мало от психологии, оно оказалось «неточным, непоследовательным и вводящим в заблуждение» (Thomdike, цит. по: Berliner. 1993. P. 54). Несмотря на заслуженную критику, это движение показало важность эмпирического изучения детской психологии и концепции психологического развития в целом.

Самая известная книга Холла - внушительное (около полутора тысяч страниц) двухтомное произведение «Инстинкты и чувства в юношеском возрасте» (*Adolescence: Its Psychology, and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion, and Education*),

* Движение «Изучение развития ребенка» - программа, основой которой были исследования Холла психологического развития детей.

изданное в 1904 году. В этой энциклопедической работе наиболее полно изложена разработанная Холлом **теория рекапитуляции*** психологического развития. Он полагал, что ребенок в своем индивидуальном развитии повторяет стадии развития психики всего рода человеческого. Книгу несколько раз переиздавали - и даже спустя 20 лет после первой публикации.

Книга «Инстинкты и чувства в юношеском возрасте» («Юность») стала предметом жарких споров, поскольку в этой книге значительное внимание было уделено вопросам пола. Холла обвиняли в похоти. Психолог Э. Л. Торндайк писал, что в этой книге «действия и чувства, вытекающие из особенностей пола, как нормальные, так и болезненные, обсуждаются так, как никогда ранее в англоязычной литературе». В одном из своих писем Торндайк выразился еще более критически. Он писал, что книга Холла была «нагромождением ошибок, мастурбации и Иисуса. Он – безумец» (цит. по: Ross. 1972. P. 385). Тем временем в университете Кларка Холл читал курс лекций по проблемам пола. Это был настоящий скандал, даже при том, что женщинам не позволялось присутствовать на этих лекциях. В конечном счете ему пришлось свернуть курс, потому что «слишком много посторонних приходили в аудиторию и даже подслушивали у двери» (Koelsch. 1970. P. 119).

Многие психологи не разделяли энтузиазма Холла в отношении изучения вопросов пола. «Что может вытащить Холла из этой треклятой сексуальной колеи? - писал Энджелл Титченеру. - Я всерьез полагаю, что уделять так много внимания этой теме дурно в моральном плане и просто не умно» (цит. по: Woaks. 1984. P. 163). Они могли не волноваться: разносторонний и деятельный Холл вскоре обратился к совершенно другой проблематике.

Становясь старше, Холл, естественно, заинтересовался заключительной стадией развития человека. В возрасте 78 лет он опубликовал работу «Старение» (Senescence, 1922 г.), которая стала первым обширным обзором психологических проблем людей пожилого возраста. В последние годы жизни Холл написал две автобиографии – «Воспоминания психолога» (Recreations of a Psychologist, 1920 г.) и «Исповедь психолога» (The Life and Confessions of a Psychologist, 1923 г.).

Комментарии

Однажды Холла представили аудитории как <Дарвина в области психики>. Скорее всего, такое сравнение ему понравилось, потому что оно точно выражало его научные устремления. Другой аудитории его рекомендовали как <крупнейшего в мире авторитета в изучении детской психологии>, и, по воспоминаниям очевидцев, он скромно согласился с этой характеристикой (Koelsch. 1987. P. 58). Всю свою жизнь он отличался многогранностью интересов и энергичностью. Его энтузиазм был неподдельным, что, возможно, и позволило ему стать столь влиятельной фигурой в психологии.

В своей второй по счету автобиографии Холл писал: <Вся моя активная сознательная жизнь была чередой причуд и безумных увлечений, некоторые из них были страстными, другие - слабее; одни держались долго... другие были мимолетны> (Hall. 1923. P. 367-368). Проницательное наблюдение. В нем было донкихотство, он часто не ладил с коллегами, был агрессивным, но никогда - унылым.

* Теория рекапитуляции психологического развития - идея Холла о том, что ребенок в своем индивидуальном развитии кратко повторяет главные этапы истории человечества.

Джеймс МакКин Кеттел (1860-1944)

(справа)

Функционалистский дух американской психологии отразился также в судьбе и деятельности Джеймса МакКина Кеттела; именно он поставил изучение психических процессов человека на практическую экспериментальную основу. В своих психологических исследованиях Кеттел занимался скорее не содержанием сознания, а способностями человека - потому его с полным правом можно назвать функционалистом.

Страницы жизни

Джеймс МакКин Кеттел родился в городе Истон, штат Пенсильвания. В 1880 году он получил степень бакалавра в колледже Лафайета, который возглавлял его отец. Следуя существовавшей традиции, Кеттел поехал продолжать свое образование в Европу: вначале в Геттингенский университет, а затем в Лейпциг к Вильгельму Вундту.

В 1882 году, благодаря своим работам по философии, Кеттел получил стипендию и смог заняться исследовательской работой в университете Джона Хопкинса. В то время Кеттел увлекался, в основном, философией и лишь отчасти - психологией. Судя по всему, психология привлекла внимание Кеттела после проведения им экспериментов с наркотиками. Он испробовал их на себе огромное множество: от кофеина и табака до гашиша, морфина и опиума. Результаты экспериментов вызвали у Кеттела серьезный, в том числе и профессиональный, интерес. Некоторые наркотики, в особенности гашиш, значительно улучшили самочувствие Кеттела, учитывая, что в то время он серьезно страдал от депрессии. Употребление наркотиков сказалось и на умственной деятельности ученого.

«Я чувствовал, что совершаю выдающиеся открытия в естественных и гуманитарных науках, - писал он в своем журнале, - единственно, я боялся, что забуду их до утра». Позже он писал: «Чтение меня не привлекает. Внимание рассеянно. Пишется с трудом. Я в полном замешательстве» (цит. по: Sokal. 1981a. P. 51, 32). К тому времени Кеттела уже мало беспокоило то, что ему не удастся определить результативность употребления наркотиков; он все больше изумлялся, наблюдая собственное психическое состояние. «Во мне словно два человека, - писал он, - один из которых наблюдает за другим и даже проводит над ним эксперименты» (цит. по: Sokal. 1987. P. 25).

Кеттел учился в университете Джона Хопкинса на втором семестре, когда Г. Стэнли Холл начал преподавать здесь психологию. Кеттел стал посещать курс его лабораторных занятий. Он занялся экспериментами по установлению времени реакции - то есть времени, затрачиваемого на мыслительную деятельность. В результате его желание стать психологом еще более усилилось.

В 1883 году Кеттел возвращается в Германию, к Вундту. Приезд Кеттела, кстати, - один из примеров искажения фактов в истории психологии. Как утверждают, Кеттел появился в Лейпцигском университете и с порога заявил Вундту: «Господин профессор, вам нужен помощник, и этим помощником буду я» (Cattell. '1928. P. 545). Кеттел сообщил Вундту, что темой его научных исследований, которую он выбрал сам, станет психология индивидуальных различий. Следует учесть, что Вундт относился к этой теме несерьезно. По слухам, Вундт охарактеризовал Кеттела и его проект как «ganz Amerikaniscli» (типично американский). Это были пророческие слова. Интерес к индивидуальным различиям - естественный результат эволюционной теории - стал с тех пор отличительной чертой американской психологии.

По слухам, Кеттел подарил Вундту первую в его жизни пишущую машинку, с помощью которой было написано большинство книг Вундта. Коллеги Кеттела язвили по сему поводу, что этот подарок оказался «медвежьей услугой... Если бы машинки не было, Вундт написал бы вдвое меньше книг» (Cattell. 1928. P. 545).

Внимательное исследование архива писем и журналов Кеттела указывает на то, что все эти истории вымышленные (см. Sokal. 1981a). Повествования Кеттела об этих событиях, появившиеся много лет спустя, не подтверждаются его собственными письмами и серией журналов, которые были написаны как раз в то время. Скорее всего, Вундт высоко ценил Кеттела и поэтому в 1886 году назначил его своим лабораторным помощником. Также нет никаких свидетельств, что Кеттел в то время хотел изучать проблему индивидуальных различий. Кеттел научил Вундта пользоваться пишущей машинкой, но он не дарил ее Вундту.

После того, как в 1886 году Кеттел получил докторскую степень, он возвратился в Соединенные Штаты и стал читать лекции по психологии в колледже Брин Маур и Пенсильванском университете. Затем он преподавал в Англии, в Кембриджском университете, где и встретил Френсиса Гальтона. У них были общие парные интересы и единые взгляды на индивидуальные различия, и Гальтон, будучи в зените славы, «подарил [Кеттелу] идею - заняться оценкой психологических различий между людьми» (Sokal. 1987. P. 27). Кеттел восхищался многогранностью деятельности Гальтона, тем, что в основе его исследований лежат исключительно количественные и статистические методики. Кет-тел, следуя примеру Гальтона, стал одним из первых американских психологов, которые делали упор на количественные методы и классификацию, - при всем при том, что лично он был «математически неграмотен» (Sokal. 1987. P. 27). Кеттел развивал метод рангов качества (называемый также методом ранжирования), который широко используется в психологии; он стал первым психологом, который начал обучать студентов статистическому анализу результатов эксперимента.

Вундт не одобрял использование статистических методов, это было прямое влияние Гальтона. Но молодая американская психология выбрала подход Гальтона, а не Вундта. Это также объясняет, почему американские психологи сосредоточились не на исследованиях отдельных личностей (подход, которого придерживался Вундт), а на изучении больших групп, при которых возможны статистические оценки.

Кеттел интересовался работой Гальтона по евгенике, он приводил доводы в пользу стерилизации преступников и «недоразвитых» и предлагал поощрять здоровых интеллектуальных людей, если они будут вступать друг с другом в брак. Он предложил своим семерым детям по 1000 долларов каждому, если они найдут себе пару среди сыновей или дочерей преподавателей колледжа (Sokal. 1971).

В 1888 году Кеттел с помощью отца стал профессором психологии Пенсильванского университета. Считая, что только университетская должность сможет обеспечить его сына, Кеттел-старший уговорил ректора школы, своего старого друга, предоставить его сыну должность. Он убеждал сына публиковать больше статей, чтобы тем самым поднять профессиональную репутацию, и даже съездил в Лейпциг, чтобы получить личное рекомендательное письмо Вундта. Кеттел-старший прямо заявил ректору, что, поскольку его семья богата, величина жалования значения не имеет, и, в результате, Кеттел был принят на работу с чрезвычайно низким окладом (O'Donnell. 1985). Позднее Кеттел утверждал (возможно, ему это приписывают), что он был первым преподавателем психологии в мире, хотя фактически он состоял на должности преподавателя философии. Он пробыл в Пенсильванском университете только три года. Уйдя оттуда, он возглавил факультет психологии в Колумбийском университете, где в итоге проработал целых 26 лет.

Из-за неудовлетворенности «Журналом американской психологии» Холла Кеттел вместе с Марком Болдуином в 1894 году начал выпускать «Психологическое обозрение». Кеттел также купил у Александра Грэма еженедельный журнал «Наука», который собирались закрывать из-за отсутствия средств. Пятью годами позже он стал официальным журналом Американской ассоциации развития науки (AAAS). В 1906 году Кеттел начал издавать ряд справочников, включая «Ученые Америки» и «Лидеры в сфере образования». В 1900 году он купил ежемесячник «Популярная наука», который с 1915 года стал называться «Научный ежемесячник». В том же 1915 году появился еще один еженедельник под названием «Школа и общество». Сложная организационная и редакторская работа требовали много времени, и неудивительно, что Кеттел стал меньше заниматься психологическими исследованиями.

За время пребывания Кеттела в Колумбийском университете там присвоили степень доктора психологии гораздо большему числу ученых, чем в любом другом высшем учебном заведении США. Кеттел подчеркивал важность самостоятельной работы и предоставил своим студентам относительную свободу в проведении исследований. Он полагал, что преподаватель должен находиться на определенном расстоянии не только от студентов, но и от университета, и поэтому жил в 40 милях от университетского городка. Дома у него была лаборатория и редакторский кабинет, так что он навещал университет лишь несколько дней в неделю.

Эта отчужденность стала только одной из множества причин, испортивших отношения между Кеттелом и администрацией университета. Кеттел выступал за большую самостоятельность факультета психологии, доказывая, что решения по основным проблемам должны приниматься именно на факультете, а не в администрации университета. В довершение всего он помог основать Американскую ассоциацию университетских преподавателей (AAUP). Считалось, что Кеттел не стремится поддерживать нормальные деловые отношения с администрацией Колумбийского университета, он был охарактеризован как «тяжелый в общении, неблагодарный, неуступчивый и грубый» (Gruber. 1972. P. 300).

В период между 1910 и 1917 годами в администрации университета трижды рассматривался вопрос об увольнении Кеттела. Но последнее терпение чиновников от науки иссякло во время первой мировой войны, когда Кеттел написал два письма в Конгресс с протестом против отправки призывников в бой. Ему было хорошо известно, что такие взгляды в военное время не приветствуются, но он остался непреклонным. Кеттел был уволен из Колумбийского университета в 1917 году за непатриотичность. Он предъявил университету иск за клевету, и хотя дело выиграл и получил 40 тысяч долларов, в должности восстановлен не был. После этого Кеттел почти все время проводил в уединении. Распространение собственноручно написанных сатирических заметок об администрации университета привело к тому, что он приобрел себе множество врагов, да и сам озлобился.

Кеттел больше уже не вернулся в науку. Он посвятил себя издательской деятельности, работе в AAAS и других обществах подобного рода. Благодаря сто незаурядным усилиям психология как наука поднялась еще на одну ступеньку.

В 1921 году Кеттел осуществил свою давнюю мечту: превратить прикладную психологию в вид бизнеса. Он основал психологическую корпорацию, акции которой приобрели члены APA. Цель корпорации - оказание психологических услуг в промышленной, научной и общественной сферах. Однако предприятие потерпело неудачу: за первые два года прибыль компании составила только 51 доллар. Пока Кеттел оставался президентом, трудно было ожидать перемен. И только после его отставки появилась возможность улучшить ситуацию. В 1969 году уровень продаж психологической корпорации составил уже 5 миллионов долларов. Затем она была продана издателю Харкоурту Брэйсу Джовановичу; и через десять лет, по официальным сведениям, уровень продаж составил примерно 30 миллионов долларов (Landy. 1993).

Кеттел активно занимался редакторской деятельностью и участвовал в работе различных психологических обществ вплоть до своей смерти в 1944 году.

Тесты умственных способностей

В одной из статей Кеттела, написанной им в 1890 году, появилось определение **тестов умственных способностей***. Еще работая в Пен-сильванском университете, он провел серию таких тестов среди своих студентов. <В психологии, - писал Кеттел, - невозможно добиться конкретных и точных результатов, как это делается в естественных науках, если не опираться на эксперименты и измерения. Выход - в тестировании умственных способностей как можно большего числа людей> (Cattell. 1890. P. 373). Именно этим, по его мнению, и следует заниматься. Кеттел продолжал собирать данные, проводя тестирование абитуриентов Колумбийского университета из разных слоев общества.

* Тесты умственных способностей - тесты моторных и сенсорных способностей; в тестах на интеллект используются более сложные способы проверки умственных способностей.

Из материалов Архива истории Американской психологии,
университета Акрона

*Инструмент для измерения
объема легких, т.е.
максимального воздуха после
совершения глубокого вдоха.
Считалось, что объем легких
имеет какое-то отношение
к уровню интеллекта.*

С помощью различных тестов Кеттел пытался измерить диапазон и многообразие человеческих способностей. Эти тесты в значительной степени отличались от появившихся позднее тестов на интеллект, в которых используются более сложные способы проверки умственных способностей. Тесты Кеттела, подобно гальтоновским, относились прежде всего к элементарным сенсомоторным измерениям: работе с динамометром: определению скорости движения конечностей; использованию метода двухточечного порога для определения чувствительности кожи; измерению величины давления на лобную часть головы до момента появления болезненных ощущений, определению наименьшего осязаемого веса, выявлению времени реакции на звук и времени, необходимого для определения различных цветов, разделению надвое линии длиной 50 сантиметров; фиксации промежутка времени продолжительностью 10 секунд и количества букв, запоминаемых после одного показа.

В 1901 году Кеттел собрал достаточно информации, чтобы установить связь между результатами тестов и данными об академической успеваемости студентов. Результаты оказались неутешительными. Сопоставляя их с аналогичными, полученными в лаборатории Титченера, Кеттел пришел к выводу, что подобные тесты не могут служить показателем успеваемости в колледже - а, следовательно, и умственных способностей студентов.

Комментарии

Научная и практическая деятельность Кеттела. его организаторские и исполнительские способности оказали существенное влияние не только на американскую психологию, но и на установление прочных связей между этой новой наукой и остальным научным миром. Читая лекции, выпуская журналы и развивая прикладную психологию, Кеттел стал в своем роде «послом психологии».

Опираясь на работы Гальтона. Кеттел с помощью разработанного им метода ранжирования исследовал природу и источники умственных способностей. Этот метод был применен при оценке заслуг выдающихся американских ученых различных областей наук. На основе этих исследований появился справочник «Ученые Америки» (American

Men of Science). Вопреки названию* в справочнике упоминались и американки. В издании 1910 года упоминалось о 19 ученых-женщинах, что составляло 10 процентов всех американских психологов (O'Donnell. 1985).

Еще одна заслуга Кеттсла состояла в том, что за время его работы Колумбийский университет подготовил замечательных специалистов по психологии числом большим, чем где-либо еще в США. Среди них известные психологи Роберт Вудворт и Э. Л. Торндайк. Благодаря таким разработкам Кеттсла, как тесты умственных способностей, измерение индивидуальных различий, а также его усилиям по развитию прикладной психологии, функционализм в американской психологии обрел второе дыхание. После смерти Кеттсла историк Э. Г. Боринг написал его детям: «На мой взгляд, ваш отец сделал для американской психологии даже больше, чем Вильям Джемс. Именно благодаря ему психология в США окончательно отделилась от своей прародительницы - немецкой психологии и стала истинно американской» (цит. по: Vjork. 1983. P. 105).

Методы тестирования

Альфред Бине (1857-1911)

Хотя понятие «тест умственных способностей» ввел Кеттел, тестовый метод получил распространение благодаря работам Альфреда Бине, независимого психолога-самоучки. Бине использовал более сложные критерии оценки умственного развития, чем те, что разработал Кеттел. Его метод обеспечил возможность эффективно измерять умственные способности человека; он знаменовал собой начало современной тестологии.

* Дословный перевод названия журнала: «Ученые мужи Америки». – Прим. перев

Альфред Бине (на фотографии он вместе с дочерью) разработал первый психологический тест умственных способностей, который позже стал основой известной школы Стенфорд-Бине.

Бине не согласился с подходом Гальтона и Кеттела, которые для измерения интеллекта применяли тесты сенсомоторных функций. Бине полагал, что наилучшим критерием умственного развития может служить оценка таких познавательных функций, как память, внимание, воображение, сообразительность. В 1904 году ему представилась возможность на практике доказать свою правоту. По инициативе Министерства народного образования Франции была создана комиссия по изучению умственных способностей детей, которые испытывали трудности со школьным обучением. Бине и психиатр Теодор Симон участвовали в работе комиссии и вместе разработали ряд интеллектуальных задач для детей различных возрастных групп.

На основе этих задач и был составлен первый тест на интеллект. Первоначально он состоял из тридцати вербальных, перцептивных и манипулятивных задач, которые располагались по возрастанию трудности.

В последующие годы тест неоднократно пересматривался и модифицировался. Бине и Симон предложили понятие умственного возраста, который определялся по уровню тех интеллектуальных задач, которые способен решать ребенок. К примеру, если ребенок, чей хронологический возраст равен четырем годам, решает все задачи для пятилетнего, то **умственный возраст*** этого четырехлетнего ребенка приравнивался к пяти.

После смерти Бине в 1911 году развитие тестологии переместилось в Соединенные Штаты. Там работы Бине получили даже большее признание, чем во Франции. На родине Бине программы по тестированию интеллекта приобрели популярность только спустя 35 лет после его кончины (Schneider. 1992).

Тест Бине-Симона перевел на английский язык и представил в Соединенных Штатах Генри Годдард, студент Холла, который работал в частной школе для умственно отсталых детей в Вайнленде, Нью-Джерси. Годдард ввел в английский научный язык термин «moron», что в переводе с греческого означает «медленный». Его вариант перевода теста Бине-Симона был назван шкалой измерения интеллекта.

В 1916 году Льюис М. Терман, также бывший ученик Холла, модифицировал тест Бине-Симона, который с тех пор стал стандартным. Он назвал его шкалой Стэнфорд-Бине по названию Стэнфордского университета, где тест был впервые представлен, и ввел в

* Умственный возраст – возраст, который определяется по уровню тех интеллектуальных задач, которые способен решать ребенок.

широкое обращение понятие **коэффициента умственного развития*** (*IQ*). (Коэффициент интеллекта *IQ*, определяемый как процентное отношение умственного возраста к хронологическому, был разработан немецким психологом В. Штерном.) Шкала Стэнфорд-Бине претерпела несколько редакций и широко используется до сего времени.

Влияние первой мировой войны

Заседание Титченеровского общества экспериментальной психологии в Гарвардском университете состоялось в день вступления Соединенных Штатов в первую мировую войну в 1917 году. Среди присутствующих был президент АРА Роберт Иеркс, который обратился к коллегам с предложением подумать, чем психология может быть полезна стране в военное время. Титченер отгородился от этого призыва, объясняя свою позицию тем, что является британским подданным. Вероятно, Титченер не пожелал работать на армию, поскольку в принципе не одобрял идеи применения психологии к практическим проблемам, опасаясь, что психология станет торговать «наукой ради технологии» (O'Donnell. 1979. P. 289).

Перед армией стояла задача - распределить огромное число новобранцев по родам войск и поручить им соответствующие задачи, для чего требовалась оценка их интеллекта. Для того, чтобы проводить тестирование по сложной шкале Стэнфорд-Бине, требовались специально обученные люди. Этот ориентированный на индивидуальность тест не подходил для крупномасштабной программы тестирования, когда за короткое время надо было оценить способности множества людей. Армия нуждалась в тесте, предназначенном для групп, - по возможности, простом в применении.

Иеркс, назначенный главой специальной комиссии, собрал 40 психологов для разработки группового теста интеллекта. Они проанализировали множество существовавших на тот период тестов, ни один из которых не имел широкого применения, и взяли за образец тест Артура С. Отиса, ученика Термана. Отису принадлежит идея многовариантного тестирования. Группа Иеркса подготовила «армейский альфа-тест» и «армейский бета-тест», в основу которых были положены разработки Отиса. («Бета» - это версия «альфа» для неанглоязычных и неграмотных людей. Указания при проведении «бета-теста» даются не устно или письменно, а с помощью демонстрации или пантомимы.)

Работа комиссии шла медленно, и фактически к тестированию новобранцев приступили за три месяца до окончания войны. Было протестировано более миллиона человек, но к тому времени армия больше не нуждалась в этих данных. И хотя программа почти не имела прямого влияния на военные успехи, она оказалась очень важной для развития самой психологии. Программа обрела широкую известность в обществе, что придало больше веса и психологии, а армейские тестирования стали прообразом многих последующих разработок в тестологии.

При проведении групповых тестов в военных целях поощрялось также определение личных характеристик. До той поры предпринимались лишь робкие попытки оценить личные качества человека. В самом конце XIX века немецкий психиатр Эмиль Крепелин (1856-1926) использовал методику, которую он назвал свободными ассоциациями, - тест, в котором пациент отвечал на некое слово-стимул словом, которое первым приходило на ум. Идея этого метода принадлежит Гальтону. В 1910 году Карл Юнг разработал аналогичный метод исследования для установления скрытых влечений и «аффективных

* Коэффициент интеллекта (*IQ*) - отношение умственного возраста индивида к хронологическому, выраженное в процентах.

комплексов» испытуемого. Оба метода были тестами, оценивающими индивидуальные качества личности. Когда армии понадобились тесты для отсева новобранцев с неврозами, Роберт Вудворт разработал Бланк личностных данных - опросник, где обследуемые отмечают те признаки невротических состояний, которые, по их мнению, у них имеются. Подобно «армейскому альфа-тесту» и «армейскому бета-тесту», Бланк личностных данных послужил моделью для дальнейшего развития групповых тестов.

Психологическое тестирование одержало в войне собственную победу - этот метод исследования получил общественное признание. В скором времени миллионы служащих, школьников и абитуриентов колледжей стояли перед необходимостью тестирования, от результатов которого могла зависеть вся их дальнейшая жизнь. В начале 20-х годов ежегодно продавалось 4 миллиона тестов на интеллект - главным образом для использования их в государственных школах. В 1923 году было продано более пятисот тысяч экземпляров шкалы Стэнфорд-Вине. Система государственного образования Соединенных Штатов была реформирована, в основе преобразований лежала концепция коэффициента умственного развития. Показатель IQ стал самым важным критерием при приеме студентов в высшие учебные заведения (Brown. 1992).

Соединенные Штаты охватила эпидемия тестирования. В ответ на огромный спрос со стороны коммерческих и образовательных организаций неизбежно появились наспех разработанные тесты, что порой приводило к неутешительным результатам. Наиболее печально известный случай - тест, предложенный в 1921 году изобретателем Томасом Эдисоном. Это был практически случайный набор вопросов, которые Эдисон считал чрезвычайно простыми. Например, среди них были такие: «Какой телескоп является самым большим в мире?», «Каков вес воздуха в комнате объемом 20x30x10 футов?», «Какой город в Соединенных Штатах лидирует в производстве стиральных машин?»

Вопросы этого теста, возможно, не представляли труда для гениального Эдисона, чего не скажешь о 36 выпускниках колледжа, которым предстояло его пройти. Они смогли дать всего несколько правильных ответов, на что Эдисон заметил: «Для людей, закончивших колледж, они удивительно невежественны. По-моему, они вообще ничего не знают» (Dennis. 1984. P. 25). Так называемый тест Эдисона получил невиданную прессу - только «Нью-Йорк Тайме» посвятила ему 23 статьи в течение одного месяца. Все это способствовало тому, что было подорвано доверие к самому методу тестирования, снизился его научный авторитет. Неудачный опыт Эдисона и некоторых других разработчиков в середине 20-х годов заставил многие организации отказаться от использования психологических тестов.

Метафоры из области медицины и техники

Пытаясь придать молодому направлению науки - тестологии - авторитет и научный вес, разработчики тестов интеллекта переняли медицинскую и техническую терминологию. Их цель состояла в том, чтобы убедить общественность, что психология имеет такое же законное право на существование, как и другие науки (Reiger. 1993).

Психологи называли людей, проходивших тесты, не субъектами, а пациентами. Тесты сравнивали с термометрами, которые в то время были доступны только врачам: без надлежащей подготовки никому не разрешалось пользоваться термометрами - так же, как неспециалист не мог проводить психологические испытания. Тесты называли <психологическими рентгеновскими аппаратами>, которые позволяли заглянуть внутрь психики, разума, препарировать психические механизмы пациентов. «Чем больше

[психологов] входило в образ докторов, тем больше было желающих предоставить им этот статус» (Keiger. 1993. P. 49).

Использовались также и технические метафоры. Школы называли образовательными фабриками, а тестирование было призвано оценить «продукцию» этих фабрик - то есть уровень умственного развития учащихся. Общество сравнивали с мостом, для сохранения которого - с помощью тестирования интеллекта в качестве рабочего инструмента - надо было обнаружить наиболее слабые элементы его конструкции, то есть слабоумных, которых затем следовало изолировать от общества и поместить в специальные учреждения.

Годдард писал, что тесты умственного развития «дают нам важнейшие знания человеческого материала, умственной силы человека. Инженер не смог бы построить мост или здание, если бы ничего не знал о сопротивлении используемых материалов - то есть сколько груза они способны выдержать. Так вот, намного важнее знать прочность тех материалов, из которых строится паша социальная структура» (цит. по: Brown. 1992. P. 116-117).

Займствуя эти метафоры, то есть аналогии с другими науками, психологи надеялись повысить доверие к методам психологического тестирования и распространить их применение в различных областях жизни общества.

Расовые проблемы

Развитие тестологии стало причиной жаркой социальной полемики, не утихающей и поныне. В 1912 году Годдард, который перевел на английский язык тест Вине и ввел в обращение термин *гогон*, посетил Эллис Айлэнд в Нью-Йорке - место, где впервые ступали на американскую землю сотни тысяч иммигрантов из Европы. Он полагал, что тест Вине будет полезен для выявления людей с психическими нарушениями, прибывающими в Соединенные Штаты из других стран (Could. 1981).

В свой первый визит в Эллис Айлэнд Годдард заметил молодого человека, которого он посчитал психически отсталым. Проведенный через переводчика тест подтвердил диагноз. Переводчик возразил, что слабый результат тестирования можно объяснить волнением от прибытия в Америку, и кроме того, данному тесту неправомерно подвергать людей, не знакомых с американской культурой. Но Годдард с ним не согласился.

Последующие тестирования больших групп иммигрантов показали, что большинство из них - примерно 87 процентов русских, 85 процентов евреев, 80 процентов венгров и 79 процентов итальянцев - слабоумны, их умственный возраст ниже 12 лет (Could. 1981). Эти так называемые свидетельства тестирования интеллекта позже использовались в поддержку федерального закона об ограничениях на иммиграцию для тех расовых и этнических групп, которым приписывали «низкий уровень умственного развития».

Идея расовых различий в уровне интеллекта получила дополнительную поддержку в 1921 году, когда были обнародованы результаты тестов новобранцев, проводившихся во время мировой войны. Данные показали, что умственный возраст призывников и, как следствие, белого населения в целом, составляет только 13 лет. Согласно этим данным чернокожие американцы, как, впрочем, и иммигранты из стран Средиземноморья и Латинской Америки, имели более низкий показатель IQ, чем белые. По IQ с белыми американцами смогли сравниться только иммигранты из стран Северной Европы.

Эти результаты подняли бурю возмущения среди ученых, политических деятелей и журналистов. На чем же держится американская система, если народные массы настолько глупы? Следует ли разрешать голосовать группам с низкими показателем IQ? Следует ли правительству отказать во въезде иммигрантам из стран с низким IQ? А как быть с тем постулатом, что все люди созданы равными?

Концепция расовых интеллектуальных различий была выдвинута в Соединенных Штатах еще в 80-е годы прошлого столетия, когда раздавались многочисленные призывы ограничить приток иммигрантов из Средиземноморья и латиноамериканских стран. Мнение о якобы низком уровне интеллекта чернокожих американцев широко бытовало еще до появления первых интеллектуальных тестов.

Одним из наиболее резких критиков подобных взглядов был Горас Мэнн Бонд (1904-1972), афро-американец, ученый, президент университета Линкольна из штата Пенсильвания. Бонд, получивший докторскую степень по педагогике в Чикагском университете, опубликовал множество книг и статей, где утверждал, что любые различия в показателе IQ между чернокожими и белыми обусловлены средой, а не наследственностью. Его исследования показали, что результаты тестирования чернокожих из северных штатов выше результатов белых из южных штатов - вывод, который всерьез поколебал мнение о том, что по своему уровню умственного развития чернокожие стоят на ступеньку ниже белых (Urban. 1989).

В ответ на заявления о расовых интеллектуальных различиях многие психологи предположили, что соответствующие тесты были составлены пристрастно. Со временем дебаты утихли, но не так давно этот вопрос вновь подняли авторы книги <График Белла> (The Bell Curve) (Hermstein & Murray. 1994), которые, полагаясь на результаты тестирования интеллекта, утверждают, что уровень умственного развития чернокожих ниже уровня развития белых.

Психологи работают над разработкой тестов, свободных от предубеждений, имеющих отношение к культуре и образованию, тестов, более точно оценивающих весь диапазон способностей человека.

Лайтнер Уитмер (1867-1956)

В то время как Холл стремился к перевороту в американской психологии с помощью ее применения в детской психологии и в педагогике, а Кеттел использовал психологические методы для оценки умственных способностей, один из студентов Кеттела и Вундта использовал психологию для установления диагноза и лечения аномального поведения. Всего через 17 лет после основания Вундтом современной психологии его бывший ученик нашел еще одно практическое применение психологии, что явно противоречило позиции учителя.

В 1896 году Лайтнер Уитмер, сменивший на посту университета Пенсильвании Кеттела, - тот самый Уитмер, который требовал, чтобы на его лекциях в аудитории всегда поддерживалась постоянная температура 68 градусов по Фаренгейту, - открыл первую в мире клинику психологии.

Уитмер - по отзывам, «безнадежно сварливый и скрытный», «тщеславный карлик» - начал развивать направление, которое он назвал клинической психологией (Landy. 1992. P. 793-794).

То, что Уитмер практиковал в своей клинике, не было клинической психологией в том смысле, какое сегодня вкладывается в это понятие. Его деятельность была посвящена диагностике и лечению отклонений в умственном развитии школьников - он работал на поприще школьной психологии. Современная же клиническая психология занимается более широким диапазоном психологических нарушений - от легких отклонений до тяжелых форм - людей всех возрастов. Хотя Уитмер способствовал развитию клинической психологии и вполне обоснованно пользовался этим термином, на самом деле это направление намного шире того, с чем он имел дело.

Уитмер читал в колледже первый курс по клинической психологии и начал издавать первый журнал «Психологическая клиника» (Psychological Clinic), редактором которого был в течение 29 лет. Он являлся одним из тех представителей функционализма, которые полагали, что современная наука должна помогать людям решать их проблемы, а не изучать содержимое их умов.

Страницы жизни

Лайтнер Уитмер родился в 1867 году в Филадельфии, штат Пенсильвания, в семье зажиточного аптекаря, который верил в силу образования. Уитмер закончил Пенсильванский университет в 1888 году, затем некоторое время преподавал историю и английский язык в частной школе в Филадельфии, после чего вернулся в университет, поступив на курс юриспруденции.

Очевидно, что Уитмер не думал о карьере психолога, но по причинам, которые остаются неясными, он изучал экспериментальную психологию у Кеттела и получил место ассистента на психологическом факультете. Уитмер начал исследовать индивидуальные различия во времени реакции; его надежды были связаны с получением докторской степени в университете Пенсильвании.

Но Кеттел имел иные планы. Он был очень высокого мнения об Уитмере; именно его он выбрал своим преемником, когда перешел на работу в Колумбийский университет. Для молодого ученого это был прекрасный шанс, но Кеттел поставил ему одно условие: Уитмер должен заработать свою докторскую степень в Лейпциге у Вундта. Престиж немецкого образования был очень высок, и Уитмер согласился.

В Германии он учился у Вундта и Кюльпе, одним из его однокурсников был Э. Б. Титченер. Уитмера не вдохновлял подход Вундта, и позже он говорил, что кроме степени ничего в Лейпциге не получил. Вундт не позволил Уитмеру продолжать работу по изучению времени ответной реакции, которую тот начал с Кеттелом, принуждая его заниматься интроспективными исследованиями элементов сознания.

Уитмер критиковал метод исследования Вундта, называя его «сомнительным». Он описывал, как Вундт заставлял Титченера повторять наблюдения, «потому что результаты, полученные Титченером, были не теми, что ожидал Вундт» (O'Donnell. 1985. P. 35). Но Уитмер все же получил свою докторскую степень, вернулся домой и летом 1892 года занял новый пост в университете штата Пенсильвания. В тот же год и Титченер получил степень и поехал в Корнеллский университет, а Хьюго Мюнстерберг, также студент Вундта, приехал работать в Гарвард по приглашению Вильяма Джемса. В том же году Холл организовал Американскую психологическую ассоциацию, одним из членов которой стал Уитмер. Американскую психологию начал охватывать функциональный, прикладной дух.

В течение двух лет Уитмер занимался экспериментальной психологией, проводя исследования и публикуя статьи по проблемам индивидуальных различий и психологии боли. Но он все время искал возможности применить психологию к диагностике отклонений в поведении. Случай представился в марте 1896 года; он был связан с теми экономическими обстоятельствами, о которых мы упоминали ранее, - в стране все больше денег выделялось на общедоступное государственное образование.

Во многих управлениях просвещения штатов были учреждены отделы педагогики (для разработки принципов и методик обучения), и психологам предложили прочесть специальные курсы чиновникам из этих отделов и учителям государственных школ, работающим по углубленным программам. Кроме того, психологам пришлось пересмотреть программы своих лабораторных исследований, для того чтобы подготовить как можно больше квалифицированных школьных психологов. Психологические факультеты существенно выиграли от этого внезапного притока студентов, потому что тогда - как, впрочем, и теперь - бюджет факультета во многом зависел от количества обучающихся на нем студентов.

В 1894 году Пенсильванский университет организовал курсы для учителей государственных школ, и Уитмер читал там лекции. Однажды, после двух лет существования курсов, к Уитмеру подошла одна из слушательниц, Маргарет Магьюир с целью проконсультироваться по поводу своего 14-летнего ученика, у которого были проблемы с чистописанием, хотя по другим предметам он успевал. Могли бы психологи помочь решить эту проблему? «Мне думается, - писал позже Уитмер, - что если психология чего-нибудь да стоит, она должна оказаться способной помогать именно в таких случаях отставания в развитии» (цит. по: McReynolds. 1987. P. 853). Вскоре Уитмер организовал при университете клинику, которая задумывалась как временная, но в итоге стала делом всей его жизни.

За несколько месяцев Уитмер подготовил курс по методам лечения умственно отсталых, слепых и душевнобольных детей и опубликовал в журнале «Педиатрия» статью, озаглавленную «Практическая работа в психологии» (Practical Work in Psychology). На ежегодной конференции АРА Уитмер читал доклад на ту же тему, в нем он впервые использовал термин клиническая психология.

В 1907 году Уитмер основал журнал «Психологическая клиника» (Psychological Clinic), который долгие годы был единственным изданием, посвященным этой проблематике. В первом выпуске Уитмер предложил новое поле деятельности для психологии - фактически, новую специализацию - клиническую психологию. В следующем году он организовал школу-интернат для отсталых и душевнобольных детей, а в 1909 году его клиника отделилась от университета и стала самостоятельным административным учреждением.

Уитмер всю жизнь проработал в университете Пенсильвании, преподавая, развивая и воплощая свою систему клинической психологии. Он ушел на пенсию в 1937 году, а умер в 1956 году в возрасте 89 лет. Уитмер был последним из той дюжины психологов, которые в 1892 году, работая под руководством Г. Стэнли Холла, задумали создать Американскую психологическую ассоциацию.

Психологическая клиника

Будучи первым в мире клиническим психологом, Уитмер не имел никаких примеров или прецедентов, на которые он мог бы ориентироваться в своей деятельности, и, поскольку

он работал один, то развивал собственные методы диагностики и лечения. Занимаясь первым случаем в своей практике, мальчиком, у которого были трудности с письмом, Уитмер исследовал уровень интеллекта ребенка, его способности к рассуждениям и чтению, и заключил, что именно чтение представляло для ребенка наибольшую сложность. Проведя всесторонние исследования, Уитмер выявил у мальчика так называемую визуально-вербальную амнезию. Хотя ребенок мог запоминать геометрические фигуры, он не мог запоминать слова. Уитмер разработал интенсивную корректирующую программу, которая принесла некоторые плоды, но все равно мальчик так и не смог научиться бегло читать и писать.

Учителя из разных школ посылали в новую клинику Уитмера непрерывный поток детей с широким диапазоном нарушений развития и проблем с обучением, включая гиперактивность, нарушения речи и моторики. Накопив определенный опыт в этой области, Уитмер разработал стандартные программы диагностики и лечения; в штат клиники он принимал не только врачей, но и социальных работников и психологов. Уитмер понимал, что психологическому функционированию могли препятствовать и физические проблемы, поэтому врачи клиники всесторонне обследовали детей, определяя, не связаны ли возникшие у ребенка трудности с плохим питанием или дефектами зрения и слуха. Психологи, в свою очередь, тестировали пациентов, а социальные работники готовили истории болезни и собирали сведения о семьях.

Начиная работать с детьми, Уитмер полагал, что многие отклонения в поведении и трудности с обучением обусловлены генетическими факторами, но позже, с ростом клинического опыта, он понял, что огромную роль здесь играет влияние окружающей среды. Предвосхитив современные программы духовного обогащения, Уитмер подчеркивал, что с самых первых дней жизни ребенка его необходимо обеспечивать разнообразным сенсорным опытом. Он также верил в прямую зависимость поведения ребенка от его взаимоотношений с окружающими, утверждая, что если обстановка дома и в школе изменится к лучшему, то улучшится и поведение ребенка.

Комментарии

Примеру Уитмера последовали многие психологи. В 1914 году в Соединенных Штатах действовали почти два десятка психологических клиник, большинство из которых были организованы по образу и подобию уитмеровской клиники. Подход Уитмера пропагандировали и его бывшие студенты, обучая следующее поколение психологов принципам клинической работы. Уитмер был влиятельной фигурой также и в сфере специального образования, он подготовил длинный ряд специалистов данного профиля. Один из его студентов, Моррис Вителес, расширил рамки сделанного Уитмером, создав клинику, где детей не только лечили, но и обучали профессиональным навыкам. Это было первым в США учреждением подобного рода. Последователи Уитмера применили его клинический подход к диагностике и лечению нарушений у взрослых.

Движение клинической психологии

В дополнение к той работе, которую Уитмер вел по применению психологии к диагностике и лечению ненормального поведения, популярности этой проблематики способствовали две очень любопытные, на наш взгляд, книги. Одна из них, ставшая бестселлером, книга под названием «Обретший себя разум» (A Mind That Found Itself, 1908 г.) была написана бывшим пациентом клиники для душевнобольных Клиффордом Бирсом. В ней поднимается вопрос о необходимости гуманного отношения к людям с психическими расстройствами. В работе Хьюго Мюнстерберга «Психотерапия»

(Psychotherapy, 1909 г.), также получившей широкую известность, рассматриваются методы лечения различных психических нарушений. Появление этой книги ознаменовало шаг вперед в клинической психологии, поскольку в ней были предложены конкретные пути помощи душевнобольным людям.

Первая детская клиника по профилактике заболеваний была организована в 1909 году Уильямом Хили, психиатром из Чикаго. Вскоре такие клиники появились во многих городах США. Их цель состояла в максимально ранней диагностике и лечении нарушений психики у детей - так, чтобы эти проблемы не развились с возрастом в более серьезные расстройства. В этих лечебницах использовался предложенный Уитмером бригадный метод работы, при котором психологами, психиатрами и социальными работниками оценивались, а затем корректировались по возможности все аспекты проблем пациента.

Решающее влияние на развитие клинической психологии оказали идеи Зигмунда Фрейда, благодаря которым она вышла далеко за рамки первых клиник. Хотя работа Фрейда в области психоанализа изумила - и возмутила - «истеблишмент» психологии и американскую публику, его идеи дали клиническим психологам первые приемы психоаналитической терапии.

Несмотря на все эти события, клиническая психология развивалась очень медленно и к 1940 году представляла собой все еще незначительную отрасль психологии. Так как существовало не так много способов лечения людей с нарушениями психики, следовательно, не было и перспективы для работы клинических психологов. Специалистов по клинической психологии не готовили по отдельным программам, и их деятельность, по сути, сводилась к проведению всевозможных тестов.

Ситуация изменилась в 1941 году, когда Соединенные Штаты вступили во вторую мировую войну. Это событие в большей мере, чем любое другое, дало толчок превращению клинической психологии в крупную и динамически развивающуюся прикладную область, какой она стала. Армия заказала клиническим психологам сотни программ, требующихся для лечения эмоциональных расстройств среди военных.

После войны потребность в клинических психологах даже возросла. Управление по делам ветеранов (Veterans Administration, VA) несло ответственность более чем за 40 тысяч ветеранов войны, страдающих различными психологическими расстройствами. Еще более трех миллионов людей нуждались в профессиональной переподготовке и индивидуальных консультациях для возвращения к нормальной гражданской жизни. Психологическая помощь требовалась приблизительно 315 тысячам ветеранов, оказавшимся вследствие полученных на войне травм физически нетрудоспособными. Рос спрос на профессиональных консультантов по проблемам психического здоровья; он существенно превосходил предложения.

Чтобы помочь удовлетворить эту потребность, VA финансировало программы повышения квалификации для дипломированных психологов в университетах и оплачивало обучение аспирантов, которые изъявляли желание работать в госпиталях и клиниках для ветеранов. Клиническим психологам пришлось иметь дело с новым типом пациентов. Если до войны они в основном занимались проблемными детьми, у которых были трудности в обучении и общении, то в послевоенные годы столкнулись с диагностикой и лечением серьезных эмоциональных проблем у взрослых. VA (ныне - Министерство по делам ветеранов, Department of Veterans Affairs) до сей поры остается самым крупным в Соединенных Штатах работодателем для психологов, его влияние на развитие клинической психологии поистине огромно (Moore, 1992; VandenBos, Cummings & DeLeon, 1992).

Клинические психологи работают также в центрах психического здоровья, школах, коммерческих организациях, занимаются частной практикой. Сегодня клиническая психология - самая популярная из прикладных направлений, более трети всех аспирантов-психологов специализируются именно на клинической психологии. Семь из восьми подразделений АРА занимаются теоретическими и прикладными проблемами психического здоровья. Почти 70 процентов членов АРА работают в области здравоохранения (Sharifo & Wiggins. 1994). В 1995 году журнал «Деньги» (Money) назвал психологию четвертой в списке пятидесяти самых перспективных профессий XXI века (Wiggins. 1994).

Уолтер Дилл Скотт (1869-1955)

Еще один ученик Вундта, оставив чисто интроспективную психологию, которую он изучал в Лейпциге, применил современные психологические методы в бизнесе и рекламе. Значительную часть своей жизни Уолтер Дилл Скотт посвятил проблемам эффективности рынка и мотивации в сфере производства, торговли и потребления.

В деятельности Скотта отражен интерес функциональной психологии к решению практических проблем. <В начале века, сразу по возвращении в Чикаго из Лейпцига, где он учился у Вундта, Скотт опубликовал работы, в которых делался упор не на германское теоретизирование, а на близкую американцам полезность. Скотт не описывал мотивацию и импульсы как отвлеченные понятия, а говорил о том, как влиять на людей, имея в виду их потребительские устремления> (Von Mayrhauser. 1989. P. 61).

Во многом Скотт был первооткрывателем. Он был первым, кто применил психологию к сфере рекламы, подбора персонала и управления; первым, кто получил звание профессора прикладной психологии; он основал первую психологическую консалтинговую компанию и первым среди психологов был награжден медалью «За отличную службу в армии США».

Страницы жизни

Уолтер Дилл Скотт родился на ферме неподалеку от города Нор-мэл, штат Иллинойс. С 12 лет - с того момента, как начал помогать родителям в поле, - он был увлечен идеей повышения эффективности работы. Отец его часто болел, поэтому мальчику приходилось, по сути, самому управлять фермой. Однажды, вспахивая землю, он остановился в конце борозды, чтобы дать передохнуть лошадям. Вдалеке виднелся университетский городок. Скотт внезапно понял, что если он собирается чего-нибудь достичь в жизни, то не должен тратить время впустую. А здесь он каждый час терял 10 минут, давая отдых лошадям! За целый день из этих минут набегало полтора часа, которые можно было посвятить учебе. С того дня, отправляясь в поле, Скотт всегда брал с собой книгу и читал, когда представлялся удобный момент.

Чтобы заработать денег на оплату обучения в колледже, Скотт продавал консервированную ежевику собственного приготовления, собирал металлолом, брался за разовую работу. Часть денег он откладывал, остальное тратил на книги. В 19 лет он покинул ферму и поступил в Нормэлский университет штата Иллинойс. Двумя годами позже он, участвуя в конкурсе, выиграл стипендию на обучение в Северо-западном университете города Эванстон (штат Иллинойс). Учась там, он подрабатывал частными уроками и играл в университетской футбольной команде. В Эванстоне он встретил свою будущую жену Анну Марси Миллер.

В это время Скотт уже избрал себе карьеру: он решил стать миссионером в Китае. Для этого надо было учиться еще три года, но к тому времени, когда Скотт закончил Чикагскую теологическую семинарию и был готов отбыть в далекие края, оказалось, что вакансий нет: Китай был переполнен миссионерами. Тогда-то он и подумал о карьере в психологии. Начав изучать психологию, он полюбил эту науку. Однажды ему на глаза попала статья о лейпцигской лаборатории Вундта. Благодаря стипендии, дополнительному заработку и скромным потребностям. Скотт сумел сэкономить несколько тысяч долларов, достаточных не только для того, чтобы поехать в Германию, но и жениться.

21 июля 1898 года Скотт и его невеста отправились в Германию. Он учился у Вундта в Лейпциге, а Анна жила в двадцати милях отсюда - в городе Галле, где работала в университете над своей диссертацией по литературе. Те два года, что они провели в Германии, молодые люди виделись только по выходным дням. Получив свои докторские степени, они возвратились домой, где Скотт начал преподавать в Северо-западном университете психологию и педагогику, - уже в этом проявилась его склонность к прикладной психологии в целом и интерес к проблемам образования в частности.

В 1902 году к Скотту - по рекомендации одного из его бывших преподавателей - обратился некий владелец рекламного бюро с просьбой помочь применить психологические методы, чтобы сделать рекламу более эффективной. Скотт был заинтригован идеей. Следуя духу американского функционализма, в своем стремлении с помощью психологии решать самые разнообразные проблемы реальной жизни он далеко ушел от вундтовской психологии.

Скотт написал «Теорию и практику рекламы» (The Theory and Practice of Advertising, 1903 г.), первую книгу по этой тематике. Вслед за ней появились и другие статьи и книги Скотта, росли его знания и опыт в этой области, а также репутация и контакты в деловом мире. Он обратился к проблемам подбора персонала и управления. В 1905 году он стал профессором Северо-западного университета, а в 1909-м - профессором рекламы в коммерческой школе при университете. С 1916 года Скотт занимает должность профессора прикладной психологии и директора бюро торговых исследований в Техническом университете Карнеги в Питтсбурге.

Во время первой мировой войны Скотт предложил военным использовать его знания в подборе персонала для армии. Его предложение оценили не сразу, поскольку в обществе еще не было единодушного убеждения в том, что психология может приносить и практическую пользу. Генерал, с которым Скотту пришлось иметь дело, не скрывал своего недоверия к профессорам. «Он сказал, что обязан следить за тем, чтобы профессора не путались под ногами, что мы находимся в состоянии войны с Германией, и что у него нет времени на какие-то дурацкие эксперименты» (цит. по: Von Mayhauser. 1989. P. 65). Скотт попытался успокоить рассерженного вояку, пригласил вместе позавтракать и убедил его в ценности своих психологических методов отбора. К концу войны правота Скотта была доказана на практике, он был удостоен медали «За отличную службу» - самой высокой военной награды США, которую может получить гражданское лицо.

В 1919 году Скотт основал собственную компанию (с «оригинальным» названием «Компания Скотта»), которая оказывала консалтинговые услуги по работе с персоналом и повышению эффективности более чем сорока крупнейшим корпорациям страны. Годом позже он стал президентом Северо-западного университета и пробыл на этом посту почти

двадцать лет. (Скотт-Холл в Северо-западном университете назван так в честь Уолтера Дилла Скотта и Анны Миллер Скотт.)

Реклама

В работах Скотта по вопросам рекламы чувствуется влияние вундтовской экспериментальной психологии, которую Скотт изучал в Германии, его попытки привнести ее в область практического. К примеру, он пишет, что органы чувств - это:

...окна души. Чем больше ощущений мы получаем от объекта, тем лучше мы его узнаем. Функция нервной системы - обеспечить нам знание о том, как выглядят, звучат, каковы на ощупь, на вкус, et cetera. окружающие нас объекты. Нервная система, которая не реагирует на звуки или любые другие осязаемые качества, неполноценна.

Рекламные объявления иногда называют нервной системой мира коммерции. Реклама музыкальных инструментов, которая не пробуждает никаких представлений о звуках, - это плохая реклама... Подобно тому, как наша нервная система предназначена дать нам всевозможные ощущения от каждого объекта, так и реклама, которая сравнима с нервной системой, должна вызывать в читателе столько различных образов, сколько их может вызвать сам рекламируемый предмет. (Цит. по: Jacobson. 1951. P. 75.)

Скотт утверждал, что потребители - существа не рациональные и легко поддаются влиянию. Особое внимание он уделил эмоциям и сочувствию как важным факторам, усиливающим внушаемость. Он полагал также - и этот взгляд был широко распространен в то время - что рекламные объявления сильнее действуют на женщин, а не на мужчин, так как последние более эмоциональны и сентиментальны. Применив к рекламе принцип, который Скотт назвал законом внушаемости, он советовал рекламодателям для успешной продажи товаров использовать в обращениях к потребителям прямые команды - к примеру, <Пользуйтесь грушевым мылом!> Ему же принадлежит идея использования возвратных купонов: в этом случае от потребителя требуется произвести некое действие - вырезать купон из журнала или газеты, заполнить его и отправить по почте, чтобы получить бесплатный образец товара. Эти методы - прямые команды и возвратные купоны - использовали многие рекламодатели, и уже к 1910 году они получили широкое распространение в США (Кипа. 1976).

Подбор персонала

Для отбора лучших работников - особенно продавцов, руководителей и служащих для военных организаций - Скотт изобрел специальные шкалы и групповые тесты, с помощью которых оценивались качества людей, уже зарекомендовавших себя в данной области (см. табл. 8.1). Как и у Уитмера в клинической психологии, у Скотта не было предшественников, взяв работу которых за образец, можно было развивать собственный подход. Он просил армейских чиновников и руководителей коммерческих фирм оценить внешность, манеры, искренность, производительность, характер и жизненные ценности их подчиненных. Затем оценивалось, в какой мере претенденты на вакансию обладают качествами, которые, по мнению руководителей, были необходимы для успешного выполнения будущей работы, - процедура, во многом схожая с той, что используется в наши дни.

Скотт разработал психологические тесты для оценки интеллектуальных и прочих способностей; его тесты годились для проверки не только каждого кандидата в отдельности, но и целых групп претендентов. Это было особенно важно для кадровых

служб крупных предприятий и в армии, где требовалось быстро и адекватно оценить способности большого количества людей.

Тесты Скотта отличались от аналогичных разработок Кеттсла и других психологов. Цель Скотта состояла не в том, чтобы установить уровень интеллекта вообще, а в том, чтобы определить, как человек использует свой интеллект. Другими словами, он хотел понять, как интеллект функционирует в повседневной жизни. Он рассматривал интеллект не с точки зрения конкретных познавательных способностей, а с практических позиций, оценивая, например, быстроту, скрупулезность и правильность выполнения порученных заданий - качества, необходимые хорошему исполнителю. Его интересовала оценка, полученная в ходе тестирования претендентом, в сравнении с оценкой уже зарекомендовавших себя служащих, а не выявление с помощью теста основных характеристик умственных способностей испытуемого.

Таблица 8.1.

1. ФИЗИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА Телосложение, осанка, голос, аккуратность, энергичность, выносливость	Высшая [оценка]	15
	Высокая	12
	Средняя	9
	Низкая	6
	Очень низкая	3
II. ИНТЕЛЛЕКТ Скрупулезность, обучаемость; способность на лету схватывать мысли начальника, отдавать четкие и разумные распоряжения, быстро оценивать ситуацию, принимать разумные решения в кризисной ситуации	Высшая [оценка]	15
	Высокая	12
	Средняя	9
	Низкая	6
	Очень низкая	3
III. ЛИДЕРСТВО Инициативность, авторитет, уверенность в себе, решительность, такт, способность вдохновлять людей и командовать ими	Высшая [оценка]	15
	Высокая	12
	Средняя	9
	Низкая	6
	Очень низкая	3
IV. ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА Трудолюбие, надежность, преданность, готовность нести ответственность за свои действия; отсутствие тщеславия и эгоизма, готовность и способность сотрудничать.	Высшая [оценка]	15
	Высокая	12
	Средняя	9
	Низкая	6
	Очень низкая	3
V. КАЧЕСТВА, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ДАННОЙ РАБОТЫ Профессиональные знания, навыки и опыт: административные способности; способность быть наставником; способность добиваться результатов	Высшая [оценка]	15
	Высокая	12
	Средняя	9
	Низкая	6
	Очень низкая	3

Шкала, разработанная Скоттом для оценки качеств младших офицеров. Оценивающий качества своих подчиненных старший офицер вписывает имя каждого испытуемого в строку с соответствующей оценкой.

Комментарии

Скотт, как и Уитмер, не занял видного места в истории психологии. Тому есть несколько причин. Подобно многим прикладным психологам, Скотт не сформулировал собственной теории, не основал школы психологии, не имел преданных последователей из числа

студентов. Он довольно мало занимался академическими исследованиями, публиковался изредка - хотя и в уважаемых специальных журналах. Его работа для частных корпораций и армии носила строго практический характер и была призвана решать конкретные проблемы и удовлетворять конкретные потребности. Многие психологи из академических кругов, в особенности те, кто занимал видное положение в крупных университетах и известных лабораториях, не верили в ценность работы прикладных психологов, полагая, что она не вносит лепту в развитие фундаментальной психологии.

Скотт и другие прикладные психологи оспаривали это мнение. Они не усматривали никакого противоречия между практическим применением и прогрессом науки. Они полагали, что «эмпирическое продвижение психологии в основном зависит от результатов вне академического опыта» (Von Mayrhauser. 1989. P. 63). Прикладные психологи утверждали, что внимание публики к практической психологии есть свидетельство ее ценности, которое, в свою очередь, способствует и большему призванию фундаментальных психологических исследований. Таким образом, первые прикладные психологи, которые стремились сделать психологию полезной, были выразителями функционального духа американской психологии.

Развитие индустриальной/ организационной психологии

Влияние мировых войн

Индустриальная/организационная психология (или психология труда) обязана своим развитием и ростом популярности первой мировой войне. Мы говорили о том, что Скотт добровольно вызвался помочь Армии Соединенных Штатов и предложил специальные оценочные шкалы для отбора армейских офицеров (основанные на его же разработках по оценке профессиональных качеств работников коммерческих предприятий). К концу войны он оценил квалификацию трех миллионов солдат; его работа стала еще одним получившим широкую известность примером практической ценности психологии. После войны услуги индустриальных психологов были нарасхват: торговцы, промышленники, правительственные организации - все хотели усовершенствовать свою систему подбора персонала и внедрить принципы психологического тестирования при найме на работу.

Мы уже упоминали о том, что во время второй мировой войны многие психологи были непосредственно задействованы в деятельности армии. Как и в годы первой мировой, они главным образом занимались тестированием, отсевом и распределением призывников, и надо отметить, что к началу 40-х годов тестология достигла значительных успехов. Управление сложными видами военной техники - такими, как высокоскоростные самолеты - требовало соответствующих способностей и навыков. Для отбора людей, легко обучаемых и обладавших другими необходимыми качествами, психологи разрабатывали новые, более совершенные тесты и методики подготовки кадров.

В ответ на требование военного времени в рамках индустриальной психологии возникли направления, получившие названия инженерной, или технической, психологии, психологии управления и эргономики. Работая со специалистами в области систем вооружения, инженерные психологи внесли значительный вклад в изучение предела человеческих возможностей. В свою очередь, эти знания были использованы при создании технического оборудования, оптимально учитывающего способности человека-оператора. Сегодня инженерные психологи работают не только в отрасли военных технологий, но и в сфере потребительской промышленности - их разработки помогают в создании клавиатур для компьютеров, офисной мебели, бытовой техники, приборных досок в автомобилях и т. п.

Исследования в Хоторне и организационные факторы

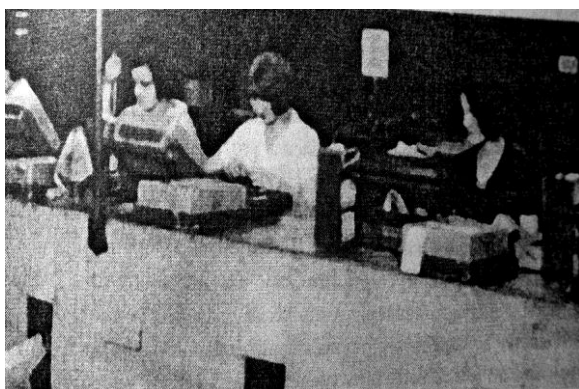
В 20-х годах основное внимание индустриальной психологии было сосредоточено на процедурах профотбора - такого подбора кандидатов на работу, при котором человек оказывается «на своем месте». Одно из известнейших исследований в этой области было проведено в 1927 году на базе принадлежащего Западной электрической компании завода в г. Хоторн, штат Иллинойс (Roethlisberger & Dickson. 1939). Эти изыскания вышли далеко за рамки подбора и распределения персонала и затронули сложные проблемы человеческих взаимоотношений, мотивации и сознательности служащих.

Исследование начиналось как простой анализ воздействия условий труда - например, освещения и температуры в помещениях - на его результаты. Выводы удивили не только руководителей завода, но и самих психологов: оказалось, что для работников социальные и психологические условия труда значат намного больше, чем физические показатели среды.

Исследователям пришлось заняться изучением таких факторов, как стили руководства, неформальные группы, взаимоотношения между служащими и менеджерами, и многих других, способных оказать влияние на мотивацию, производительность и удовлетворение от работы.

С начала 50-х годов в деловом мире начинают признавать влияние мотивации, стиля руководства и других психологических факторов на качество выполнения работы. Эти аспекты рабочей среды, а также социально-психологический климат в целом в значительной степени воздействуют на эффективность труда. Современные психологи тщательно изучают различные типы организаций, принятые в них стили общения, существующие внутри них формальные и неформальные социальные структуры. Признание особой важности организационных факторов воплотилось в переименовании Отделения индустриальной психологии АРА в Общество индустриальной и организационной психологии.

Индустриальная/организационная (И/О) психология продолжает стремительно развиваться. Стоит отметить, что в И/О психологию с самого начала был открыт доступ женщинам. Первой, кто защитил диссертацию в этой области, была Лиллиан Мур Гилбрет (Brown University. 1915), которая, в сотрудничестве с мужем, для повышения эффективности труда предложила проанализировать, насколько целесообразны перемещения и телодвижения работников. Из всех женщин, имеющих докторскую степень по психологии, большинство занимаются именно проблемами психологии труда, чем эта отрасль может по праву гордиться (Koppes, Landy, & Perkins. 1993).

В 20-30-е годы на заводе в г. Хоторн (Иллинойс), принадлежащем Западной электрической компании, проводились исследования в такой сложной области, как человеческие взаимоотношения, стили руководства, мотивация служащих, трудовая сознательность.

Из архива Западной электрической компании.

Хьюго Мюнстерберг (1863-1916)

Хьюго Мюнстерберг

Хьюго Мюнстерберг, типичный профессор-немец, какое-то время занимал уникальное место в американской психологии и был широко известен публике. Его перу принадлежат сотни статей, опубликованных в популярных журналах, и почти две дюжины книг. Он был частым гостем Белого Дома в Вашингтоне во времена президентства Теодора Рузвельта и Уильяма Говарда Тафта. Получить его консультацию стремились многие представители деловой и правительственной элиты США, знакомством с ним гордились кайзер Германии Вильгельм, сталелитейный магнат Эндру Карнеги, философ Бертран Расселл, звезды кино и интеллектуалы.

Некоторое время Мюнстерберг был почетным профессором Гарвардского университета, избирался председателем Американской психологической ассоциации и Американской философской ассоциации. Он был основателем прикладной психологии в Соединенных Штатах и Европе. А кроме того, он был одним из тех двух единственных психологов, которые обвинялись в шпионаже (Spillmann & Spillmann. 1993).

Мюнстерберг – «плодовитый пропагандист прикладной психологии» (O'Donnel!. 1985. P. 225), работавший во многих областях. Его биограф пишет, что Мюнстерберг был преуспевающим публицистом, «наделенным необъяснимым нюхом на сенсации. [Его] жизнь - это неустанная работа по самоусовершенствованию, развитию своей науки и возвеличиванию своей [немецкой] родины» (Hale. 1980. P. 3).

К концу жизни Мюнстерберг стал объектом презрения и насмешек, героем газетных карикатур и помехой для университета, которому отдал много лет. Он умер в 1916 году, и для человека, которого называли гигантом американской психологии, над его могилой было сказано совсем немного хвалебных слов.

Страницы жизни

В 1882 году, в возрасте 19 лет, Мюнстерберг уехал из родного Дан-цига в Лейпциг, где собирался изучать медицину. Но, побывав на нескольких лекциях Вильгельма Вундта, он изменил свои планы на будущее.

Современная психология привлекла его открывающимися перспективами, которых не дали бы медицинские исследования и практика. В 1885 году Мюнстерберг защитил диссертацию под руководством Вундта, а двумя годами позже ему присвоили степень доктора медицины в Гейдельбергском университете, что дало ему дополнительные преимущества для будущих академических исследований. Мюнстерберг начал преподавать во Фрейбурге, но поскольку администрация местного университета не могла выделить средства на создание лаборатории, он оборудовал лабораторию на собственные деньги у себя дома.

Мюнстерберг опубликовал несколько статей по результатам своих психофизических экспериментов, которые Вундт подверг критике, поскольку эти исследования касались познавательной стороны сознания, а не его структуры. Однако у Мюнстерберга появились последователи, и вскоре в его лабораторию стали съезжаться студенты со всей Европы. Все складывалось замечательно: прекрасное начало карьеры в одном из крупнейших университетов Германии и репутация уважаемого ученого.

В 1892 году Вильям Джемс сделал Мюнстербергу заманчивое предложение, пригласив его занять высокооплачиваемый пост директора психологической лаборатории Гарвардского университета. Чтобы завлечь немецкого коллегу в Гарвард, Джемс прибег к откровенной лести, написав ему, что лабораторией лучшего в Соединенных Штатах университета должен руководить непременно гений. Мюнстерберг предпочел бы остаться в Германии, но честолюбие заставило его принять предложение Джемса.

Переезд из Германии в Соединенные Штаты - и переход от чисто экспериментальной психологии к прикладной - дался Мюнстербергу нелегко. Сначала он не одобрял распространение прикладной психологии и ругал университетских чиновников, оплачивающих труд ученых так низко, что им приходилось переключаться на практические вопросы. Он критиковал американских психологов, которые на потребу публике писали популярные книги, за плату читали лекции коммерсантам и предлагали свои услуги в качестве экспертов. Вскоре, однако, Мюнстерберг и сам с успехом все это практиковал.

Прожив в Соединенных Штатах десять лет и, возможно, осознав, что в Германии подходящую должность ему нс. найти, Мюнстерберг написал свою первую книгу на английском, которая получила название «Американский характер» (American Traits, 1902 г.) - психологический, социальный и культурный анализ американского общества. Мюнстерберг, плодовитый и одаренный писатель, надиктовал своему секретарю книгу в 400 страниц менее чем за месяц. Джемс как-то заметил, что мозг Мюнстерберга, наверное, никогда не устает.

Восторженные отклики на книгу побудили Мюнстерберга писать «на публику», и вскоре в популярных журналах его статей стало появляться больше, чем в научных. Обратившись к злободневным проблемам, он приостановил свою работу по изучению содержания сознания. В его статьях можно было прочитать об отдельных судебных делах, о современном уголовном законодательстве, рекламе потребительских товаров, советах специалиста, а также о психическом здоровье и психотерапии, об образовании, проблемах бизнеса и даже о психологии кинематографа. Мюнстерберг не забыл и о современных средствах массовой информации: подготовив соответствующие темы по вопросам обучения и бизнеса, он сделал фильм о тестах на интеллект, который впоследствии часто демонстрировался в кинотеатрах.

Мюнстерберга нельзя было назвать пугливым человеком. Во время нашумевшего судебного процесса он провел приблизительно 100 тестов на интеллект с профессиональным убийцей, обвиненном в убийстве 18 человек, который в свою очередь обвинил одного профсоюзного лидера в том, что тот заказывал эти убийства. На основании результатов теста - еще до решения суда присяжных - Мюнстерберг объявил, что обвинение убийцей профсоюзного лидера истинно. Когда суд оправдал профсоюзного лидера, это решение подорвало доверие к Мюнстербергу; в одной газете он даже был назван «профессором Монстрворком» - то есть тем, чьи деяния внушают ужас.

В 1908 году Мюнстерберг активно участвовал в дискуссиях по поводу введения запрета на продажу алкогольных напитков. Он выступил против сухого закона, обосновывая свою позицию с точки зрения психолога и доказывая, что умеренная торговля алкогольными напитками даже выгодна. Немецкие пивовары, работающие в США, включая Адольфуса Буша и Густава Пабста, были в восторге от того, что их поддержал сам Мюнстерберг, и внесли крупную денежную сумму для поддержки усилий Мюнстерберга по улучшению образа Германии в Соединенных Штатах.

К несчастью, Буш выделил Мюнстербергу 50 тысяч долларов для основания Германского музея буквально через несколько недель после того, как Мюнстерберг опубликовал статью с критикой сухого закона. В атмосфере шпиономании того времени это стечение обстоятельств привлекло внимание средств массовой информации.

Нельзя также не сказать пару слов о взглядах Мюнстерберга на роль женщины в общественной жизни. Хотя он и оказал поддержку некоторым женщинам-ученым в Гарварде, включая Мэри Уитон Кал-кинс, все же он считал, что научная работа предъявляет женщинам слишком высокие требования. По его мнению, место женщины - дома, ее не следует готовить для карьеры. Женщины не должны преподавать в общественных школах, поскольку они не способны соперничать в этом деле с мужчинами и не могут служить авторитетом для мальчиков. Он был против того, чтобы женщины участвовали в суде присяжных из-за их неспособности принимать рациональные решения. В газетах всего мира по этому поводу появились статьи с заголовками на всю полосу.

Президенту Гарвардского университета и большинству коллег Мюн-стерберга была не по душе вся эта шумиха вокруг него, его заинтересованность практическим применением психологии они также не приветствовали. Напряженные отношения достигли предела, когда в годы первой мировой войны Мюнстерберг во всеуслышанье защищал свою немецкую родину. Война вспыхнула в Европе в 1914 году, и хотя вплоть до 1917 года Соединенные Штаты не вступали в конфликт, в американском обществе господствовали антинемецкие настроения. Германия была агрессором в войне, которая уже унесла миллионы жизней, и Мюнстерберг, открыто защищая Германию, занимал позицию, более чем непопулярную.

Газеты сообщали, что Мюнстерберг, так и не принявший гражданства Соединенных Штатов, в действительности был секретным агентом, шпионом и высокопоставленным немецким офицером. Бостонские газеты призывали к увольнению его из Гарварда. Его соседи подозревали, что голуби, которых его дочь кормила на заднем дворе, использовались для переправки сообщений другим шпионам. Один из бывших питомцев Гарварда посулил университету 10 миллионов долларов, если Мюнстерберга уволят.

Мюнстерберг получал письма с угрозами смерти, коллеги оскорбительно высказывались в его адрес. Остракизм и ядовитые нападки в конечном счете сломали его дух. Холодным ветреным днем 16 декабря 1916 года в газетах появились предположения о мирных переговорах в Европе. «К весне установится мир», - сказал Мюнстерберг жене (Münsterberg. 1922. P. 302). Он отправился на утреннюю лекцию пешком, через глубокие сугробы. Добравшись до университета, он почувствовал себя очень уставшим. Однако он вошел в аудиторию и начал лекцию. Он говорил «примерно полчаса, затем, казалось, запнулся на какое-то мгновение, протянул правую руку к столу, будто хотел опереться» (New York City Evening Mail, December 16. 1916) [Выражаем особую благодарность д-ру Л. Т. Бенджамин за предоставление этой информации, основанной на ее исследованиях бумаг Мюнстерберга, хранящихся в публичной библиотеке Бостона.] Он упал на пол на полуслове и тут же умер от обширного удара.

Судебная психология

Первой прикладной областью, к которой обратился Мюнстерберг, была судебная психология. Он писал журнальные статьи на такие темы, как предупреждение преступления, использование гипноза при допросе подозреваемых, использование тестов на интеллект для определения виновности, недостоверность свидетельских показаний. Особенно его интересовала последняя проблема - вероятность ошибочного восприятия преступления. Он провел исследования, в ходе которых свидетелей опрашивали немедленно после имитации преступления. Несмотря на свежесть воспоминаний, отмечалось заметное расхождение ответов испытуемых относительно деталей увиденного. Насколько же будут точны эти свидетельства в зале суда, вопрошает Мюнстерберг, если преступление и рассмотрение дела разделяют несколько месяцев?

В 1908 году вышла его работа под названием «Со свидетельского места» (On the Witness Stand), посвященная проблемам показаний свидетелей. В книге рассматривались и другие психологические факторы, способные оказывать влияние на решение суда: ложные признания, роль предположений в опросе свидетелей, использование физиологических измерений (пульса, кровяного давления, электрического сопротивления кожи) для обнаружения изменений в эмоциональном состоянии подозреваемого или ответчика. Совсем недавно, в 1976 году, эта работа была переиздана - почти 70 лет спустя первой публикации.

В конце 70-х вновь возник интерес к исследованиям Мюнстер-берга (Loftus. 1979; Loftus & Monahan. 1980), было образовано отделение Американской психологической ассоциации - Американское общество юристов и психологов, целью которого является развитие судебной психологии.

Клиническая психология

Мюнстерберг начал работать над своей книгой «Психотерапия» (Psychotherapy) (она вышла в 1909 году) в несколько необычной обстановке. Он лечил пациентов в лаборатории, а не в клинике, и никогда не назначал плату за лечение. Он полагался на свою репутацию врача и никогда не скрывал от своих пациентов, какие методы лечения к ним будут применяться.

Психические болезни, считал Мюнстерберг, возникают из-за неспособности человека приспособить свое поведение к окружающей обстановке, а не в результате скрытых конфликтов в подсознании, как утверждал Зигмунд Фрейд. «Никакого подсознания не существует», - такова была позиция Мюнстерберга (цит. по: Landy. 1992. P. 792). Когда в 1909 году Фрейд по приглашению Холла посетил университет Кларка, Мюнстерберг специально покинул страну. Он вернулся только после того, как Фрейд уехал в Европу, избежав тем самым конфронтации.

Терапевтический метод Мюнстерберга заключался в том, чтобы устранять беспокоящие пациента мысли, избавить его от нежелательных или вредных привычек, заставить пациента забыть о негативных эмоциях. Он успешно справлялся с рядом проблем, включая алкоголизм, наркотическую зависимость, галлюцинации, навязчивые мысли, фобии и сексуальные расстройства. Первое время он прибегал к гипнозу как методу лечения, но после того, как одна женщина пригрозила застрелить его из пистолета,

Мюнстерберг отказался от гипноза. Эта история попала в газеты, и мэр Гарварда потребовал от Мюнстерберга, чтобы тот прекратил гипнотизировать женщин.

Книга Мюнстерберга «Психотерапия» привлекла широкое внимание общественности к проблемам клинической психологии, но не была принята Уитмером, который незадолго до этого открыл свою клинику в Пенсильванском университете. Уитмер никогда не достиг, да и не стремился достичь, той популярности, какая сопровождала Мюнстерберга. В одной из статей, написанной им для журнала «Психологическая клиника», Уитмер жаловался, что Мюнстерберг «унизил» профессию, рекламируя методы психотерапевтического лечения. Он говорил, что Мюн-стерберг производит впечатление какого-то гипнотизера, потому что «уж слишком бойко действует этот профессор психологии [Гарварда] - будто вылечил в своей психологической лаборатории не одну сотню всевозможных нервных заболеваний» (цит. по: Hale. 1980. P. 110).

Индустриальная психология

Мюнстерберг также содействовал продвижению индустриальной психологии. Началом этой деятельности можно считать публикацию в 1909 году статьи под названием «Психология и рынок» (Psychology and Market). В статье указывались те сферы производства, в которых психология могла бы оказаться полезной: профессионально-техническая подготовка, реклама, управление персоналом и т. д.; рекомендовалось проводить тесты на интеллект, оценивать уровень мотивации наемных работников, а также влияние на результаты труда монотонного характера работы.

Мюнстерберг провел ряд серьезных исследований в тех компаниях, в которых он работал как консультант. Результаты были опубликованы в книге «Психология и эффективность производства» (Psychology and Industrial efficiency, 1915 г.). Книга пользовалась такой популярностью, что вошла в список бестселлеров. Мюнстерберг доказывал, что наилучший способ повысить эффективность и производительность труда - подбирать работникам должности, которые соответствуют их характеру и умственным способностям. Используя методы психологического отбора, такие, как тесты на интеллект и моделирование процесса производства, работодатели смогут определить знания, умения и способности будущих работников.

Мюнстерберг проводил исследования с людьми различных профессий, таких, как капитан корабля, водитель трамвая, телефонный оператор и продавец, демонстрируя, как техника психологического отбора может способствовать повышению производительности труда. Например, он пришел к выводу, что разговоры в рабочее время снижают эффективность труда. Однако Мюнстерберг предложил не запрещать работникам общаться друг с другом, что неизбежно вызвало бы враждебность с их стороны, а расположить рабочие места так, чтобы затруднить процесс общения. К примеру, говорил Мюнстерберг, можно увеличить расстояние между станками на заводе или разделить перегородками рабочие места в офисе.

Комментарии

Мюнстерберг не формулировал теорий, не создавал новых школ мышления, и - с того момента, как он начал заниматься прикладной психологией - не проводил фундаментальных исследований. Он утверждал, что его исследования функциональны, то есть служат конкретным целям и предназначены помогать людям. Мюнстерберг критиковал психологов, <цеплявшихся> за интроспективный метод (несмотря на то, что

когда-то сам изучал его у Вундта) и не желавших использовать современные методики и открытия на пользу человечеству.

Неоднозначную, но яркую научную судьбу Мюнстерберга можно охарактеризовать одной фразой: психология должна быть функциональной и полезной. Несмотря на особенности его немецкого характера, он был истинным, в духе своего времени, американским психологом.

Прикладная психология в Соединенных Штатах

Деятельность психологов в годы первой мировой войны обеспечила психологии, по образному выражению Кеттела, «место на карте и на первых полосах газет» (цит. по: O'Donnell. 1985. P. 239). Холл писал, что война «придала огромный импульс прикладной психологии. Для психологии, в целом, она была благом... [Нам] не надо стараться заниматься только чистой наукой» (Hall. 1919. P. 48). В то время как отдельные психологические издания, такие, как «Журнал экспериментальной психологии», на время войны приостановили свою деятельность, «Журнал прикладной психологии» процветал. К моменту окончания войны, в 1918 году, прикладная психология стала по-настоящему уважаемой профессией. «Прикладная психология, - говорил Торндайк, - это научная работа. Создать психологию для бизнеса, промышленности или армии тяжелее, чем создать психологию для других психологов, и потому это требует большего таланта» (цит. по: Camfield. 1992. P. 113).

От успеха прикладной психологии выиграла и фундаментальная наука. Прежде всего, она получала достаточное финансирование, а университетским психологам теперь вполне хватало рабочих мест. Открывались новые факультеты психологии, строились новые лаборатории, выросло жалование профессоров и преподавателей. Втрое увеличилось число членов АПА: с 336 в 1917 году до более 1100 в 1930-м (Camfield. 1992).

В 20-х годах психология стала чем-то вроде «национальной мании» (Dennis. 1984. P. 23). Люди верили, что психологи могут «утрясти» все проблемы - от дисгармонии в супружестве до неудовлетворенности работой; и помогут продать все что угодно - от автомобилей до жидкости для полоскания рта. Возросшая востребованность психологии для решения проблем реальной жизни обусловила значительный отток психологов из академических исследований в прикладные сферы. Среди психологов, упомянутых в справочнике Кеттела «Ученые Америки» (1921 г.), больше 75 процентов были заняты в прикладных отраслях; для сравнения - в 1910 году это число составляло 50 процентов (O'Donnell. 1985). На конференциях Нью-Йоркского отделения АПА в начале 20-х годов существенно - по сравнению с довоенным периодом - возросло число докладов, посвященных прикладным исследованиям (Benjamin. 1991).

Однако к началу 30-х годов - десятилетию всемирной экономической депрессии - прикладная психология подверглась критике за неспособность отвечать требованиям времени. Ведущие представители делового мира сетовали, что индустриальная психология не в состоянии помочь избавиться от нахлынувших бед. Так, например, неудачные опыты с плохо разработанными методиками подбора персонала привели к тому, что на многие предприятия нанимали неквалифицированных работников.

Возможно, ожидания психологов и их клиентов были слишком высоки, но, как бы то ни было, общественность явно охладела к прикладной психологии. Одним из критиков, чей голос звучал громче других, была Грейс Адаме, бывшая студентка Титченера. В своей статье «Упадок психологии в Америке» (The Decline of Psychology in America),

опубликованной в одном из популярных журналов, Адаме утверждала, что психология «отказалась от своих научных корней ради того, чтобы отдельные психологи могли обрести популярность и процветание» (цит. по: Benjamin. 1986. P. 944). «Нью-Йорк Тайме» и другие влиятельные газеты ругали психологов за то, что те преувеличивают свои возможности, и за неспособность улучшить создавшуюся в период депрессии ситуацию. Внимание общественности к психологии ослабло, и ее доброе имя было восстановлено только в 1941 году, когда Соединенные Штаты вступили во вторую мировую войну. И снова война как контекстная сила оказала заметное влияние на развитие психологии.

В годы второй мировой войны психологии пришлось решать множество проблем, и это не только вернуло, но даже и повысило ее авторитет. Почти 25 процентов американских психологов непосредственно участвовали в деятельности армии, а многие другие помогали косвенно - своими исследованиями и публикациями. Как ни странно, война приподняла и ослабевшую психологию в Германии, где нацисты лишили работы всех психологов-евреев. Немецкой армии требовалась помощь психологии в отборе квалифицированных офицеров, пилотов, подводников и других специалистов (Geuter. 1987).

В послевоенные годы американская психология испытала стремительный рост - наиболее существенные изменения коснулись прикладных направлений. Прикладная психология опередила много лет господствовавшую академическую ветвь, ориентированную на исследования. Если перед второй мировой войной в экспериментальном направлении работало 70 процентов всех докторов наук в области психологии, то в 1984-м это число равнялось всего 8 процентам (Goodstein. 1988). До войны 75 процентов всех психологов, имевших докторскую степень, работали в академических учреждениях, а к 1989 году - только 30 процентов (Kohout & Wickerski. 1990). Смена акцентов коснулась и деятельности Американской психологической ассоциации: основные руководящие посты в ней заняли прикладные психологи (чаще это были представители клинической психологии). В 1988 году группа членов АПА, работающих в области академических исследований, инициировала создание собственной организации - Американского психологического общества (APS).

Комментарии

С той поры, как - во многом благодаря Холлу, Кеттелу, Уитмеру, Скотту и Мюнстербергу, получившим психологическое образование у Вундта в Германии, - психология появилась в Соединенных Штатах, она претерпела радикальные изменения. В результате их усилий, психология перестала быть наукой лекционных залов, библиотек и лабораторий, она стала частью повседневной жизни. Кроме тестирований, психологии школьного и высшего образования, клинической, консультативной, индустриальной и судебной психологии, появились психология потребителя, населения, окружающей среды, социальная, терапевтическая, реабилитационная, семейная, спортивная, оздоровительная и военная психология, а также психология средств информации. Психологи занимаются проблемами наркомании, религии, искусства, войны и мира, этнических меньшинств и т. д.

Такое расширение сферы применения психологии было невозможно, пока она имела дело с психическими элементами или содержанием сознательного опыта. В этой, посвященной функционализму, главе мы рассказали о людях, идеях и событиях, которые продвинули американскую психологию далеко за границы лейпцигской лаборатории Вундта. Мы рассмотрели следующие вопросы:

1. Взгляды Дарвина на приспособляемость и функционирование.
2. Определение Гальтоном индивидуальных различий.
3. Прагматизм и практицизм американской психологии.
4. Переход от изучения содержания сознания к изучению его функций, осуществленный Джемсом, Энджеллом, Кэрром и Вудвортом.
5. Экономические и социальные факторы, а также фактор войны.

Благодаря всем этим факторам психология, предназначенная изменить нашу жизнь, стала активной, напористой, популярной и влиятельной наукой. Мощное движение американской практической психологии было усилено бихевиоризмом - следующей по счету школой мышления в психологии.

Вопросы для обсуждения

1. Раскройте экономические факторы, которые повлияли на развитие прикладной психологии. Как вы думаете, смогла бы прикладная психология развиваться без влияния этих факторов?
2. С какими новыми разработками в американской психологии связывают имя Г.Стенли Холла? Каким образом эволюционная теория Дарвина повлияла на взгляды Холла? Почему Холла называли генетическим психологом?
3. Сравните подходы Кеттелла и Бине к проведению тестов умственных способностей. Как они повлияли на развитие методов тестирования?
4. Каким образом метафоры из области медицины и техники способствовали повышению авторитетности проведения тестов на интеллект? Как эти тесты использовались в США для доказательства теории расовых различий по интеллекту и недоразвитости иммигрантов?
5. опишите вклад Уитмера и Мюнстерберга в развитие клинической психологии. Каково было влияние второй мировой войны на это развитие?
6. Обоснуйте роль Скотта и Мюнстерберга в создании психологии промышленного менеджмента. Как на ее развитие повлияли исследования в Хоторне? Раскройте роль второй мировой войны в этом процессе.

Рекомендуемая литература

- Katzell, R.A. & Austin, J.T. (1992) From then to now: The development of industrial-organizational psychology in United States. *Journal of Applied Psychology*, 77, 803-835, О развитии индустриальной/организационной психологии с начала XX века; оценка влияния индустриальной/организационной психологии на современную психологию и американское индустриальное общество.
- Landy, F.J. (1992) Hugo Munsterberg: Victim or visionary? *Journal of Applied Psychology*, 77, 787-802. Анализ вклада Мюнстерберга в прикладную психологию и возможных причин гонений на него.
- McReynolds, P. (1987) Lightner Witmer: Little-known founder of clinical psychology. *American Psychologist*, 42, 849-858. рассказ о жизни и карьере Уитмера, о работе его клиники при университете Пенсильвании, оценка его вклада в психологию.
- Sokal, M.M. (Ed.) (1987) *Psychological testing and American society: 1890-1930*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press. Рассматриваются идеи, программа и практика первых лет тестологии.
- Von Mayrhauser, R.T. (1989) Making intelligence functional; Walter Dill Scott and applied psychological testing in World War I. *Journal of the History of the Behavioral Science*, 25, 60-72. описываются достижения Скотта, Тордайка и других психологов в создании групповых тестов на интеллект.

White, S.H. (1990) Child study at Clark University:1894-1904. *Journal of the History of the Behavioral Science*,26,131-150. описывается метод анкетирования при изучении детского развития, разработанный Г.Стэнли Холлом.

Глава 9

Бихевиоризм: предшествующее влияние

Наука о поведении

Во втором десятилетии XX века, менее чем через 40 лет после того, как Вильгельм Вундт формально основал психологию, наука пережила момент коренного пересмотра своих основ. Психологи больше не превозносили возможности интроспекции, сомневались в существовании психических элементов и не соглашались с тем, что психология должна оставаться чистой наукой. Психологи-функционалисты переписывали правила, используя психологию в том виде, в котором она вряд ли могла быть принята в Лейпциге или Корнелле.

Движение функционализма было не столько революционным, сколько эволюционным. Функционалисты не стремились намеренно изничтожить положения Вундта и Титченера. Вместо этого они внесли в него некоторые коррективы - что-то добавили здесь, что-то подправили там, - и вот с течением времени возникла новая форма психологии. Это была скорее тихая перестройка изнутри, а не мощная атака извне. Лидеры функционалистов были не настолько амбициозны, чтобы добиваться официального признания. Свою роль они видели не столько в разрушении прошлого, сколько в построении нового на основе старого. Поэтому переход от структурализма к функционализму в самый момент своего осуществления не был очевиден.

Такова была ситуация в области психологии в США во втором десятилетии XX века: развивался функционализм, но структурализм все еще удерживал свои сильные, хотя уже не исключительные позиции.

В 1913 году обе позиции были опротестованы. Это было намеренное и запланированное нападение, тотальная война против обеих точек зрения. Автор этой акции не хотел никаких модификаций прошлого, никаких компромиссов с ним.

Новое течение получило название **бихевиоризма***, а его лидером стал тридцатипятилетний психолог Джон Б. Уотсон. Всего за десять лет до этого Уотсон получил степень доктора философии в Чикагском университете. В те времена - в 1903 году - Чикаго был центром функциональной психологии, то есть одного из течений, которое Уотсон вознамерился сокрушить.

Основные положения бихевиоризма Уотсона были просты, смелы и прямы. Он призывал научную психологию заниматься только наблюдаемым поведением, которое можно объективно описать в терминах «стимул-реакция». Позднее психология Уотсона отвергнет все концепции и термины, касающиеся процесса мышления. Такие слова, как «образ», «разум», «сознание», которые традиционно использовались еще со времен ранней философии, - для науки о поведении потеряли всякий смысл.

* Бихевиоризм - концепция науки о поведении, созданная Уотсоном, занимающаяся только наблюдаемыми актами поведения, доступными для объективного описания.

Уотсон особенно упорствовал в опровержении концепции сознания. Он говорил, что еще никто и никогда «не видел, не трогал, не нюхал, не пробовал на зуб и двигал» сознания. Сознание – «это не более чем научное допущение, столь же недоступное для опытной проверки, как старое понятие "души"» (Watson & McDougall. 1929. P. 14). Методы интроспекции, которые предполагают существование сознательных процессов, оказались, таким образом, совершенно неуместными и не имеющими отношения к науке о поведении.

Основные идеи движения бихевиоризма не были порождены Уотсоном - они развивались в психологии и биологии в течение многих лет. Уотсон, как и все основатели учений, развил идеи и положения, которые соответствовали интеллектуальному <духу времени>. Здесь мы рассмотрим те основные силы, которые Уотсон столь успешно свел воедино, чтобы сформировать новую систему психологии: 1) философские традиции объективизма и механицизма; 2) зоопсихологию; 3) функциональную психологию.

Настойчивое требование Уотсона большей объективности в психологии для 1913 года не было чем-то необычным. Такой подход имел длинную предысторию, восходящую к Декарту, попытки которого объяснить функционирование организма человека на основе простых механических представлений были первыми шагами на пути к большей объективности. Наиболее важной фигурой в истории объективизма был французский философ Огюст Конт (1798-1857), основатель учения, получившего название **позитивизма*** и ставившего во главу угла только позитивное знание (факты), истинность которых не вызывает сомнений. Согласно Конту, единственно истинным знанием является знание, социальное по своей природе и объективно наблюдаемое. Эти критерии совершенно исключают из рассмотрения интроспекцию, зависящую от личного, индивидуального сознания и не являющуюся объективно наблюдаемой.

В первые годы XX века «духом времени» в науке был именно позитивизм. Уотсон редко обсуждал положения позитивизма - как, впрочем, и большинство американских психологов того времени, - но все они «действовали, как позитивисты, даже если отказывались навешивать ярлыки» (Logue. 1985b. P. 149) Таким образом, к тому времени, когда Уотсон начал работать над бихевиоризмом, объективистские, материалистические и механистические влияния были достаточно сильны. Их воздействие было настолько существенным, что неизбежно привело к появлению нового вида психологии, в которой не упоминалась ни душа, ни сознание, ни разум, - психологии, которая принимала во внимание только то, что можно увидеть, услышать или потрогать. Неизбежным результатом этого подхода стало появление науки о поведении, рассматривающей людей как некие машины.

Влияние зоопсихологии на бихевиоризм

Уотсон указал на отчетливую связь между зоопсихологией и бихевиоризмом: «Бихевиоризм представляет собой прямое продолжение исследований поведения животных, проведенных в первые десятилетия двадцатого века» (Watson. 1929. P. 327). Мы можем с уверенностью назвать зоопсихологию, развивающуюся на основе эволюционной теории, предшественником программы Уотсона; она привела к попыткам продемонстрировать наличие разума у низших организмов и показать непрерывность перехода от разума животных к разуму человека.

* Позитивизм – методологическая доктрина, которая признает только естественные явления или объективно наблюдаемые факты.

В главе 6 мы отметили работы двух пионеров зоопсихологии - Джорджа Джона Романеса и Конвея Ллойда Моргана. Благодаря выдвинутому Морганом закону экономии и его приверженности к экспериментальным, а не к словесным, методикам, зоопсихология стала более объективной наукой. Тем не менее, в фокусе изучения все еще оставалось сознание. Таким образом, несмотря на то, что методология становилась все более объективной, сам предмет изучения не менялся.

В 1889 году Альфред Бине опубликовал труд «Психическая жизнь микроорганизмов» (The Psychic Life of Microorganisms), в котором он высказал предположение, что одноклеточные организмы обладают способностью воспринимать и различать предметы, а также способностью целенаправленного поведения. В 1908 году Френсис Дарвин (сын Чарльза Дарвина) обсуждал вопросы наличия сознания у растений. Изучая становление зоопсихологии в Соединенных Штатах, мы обнаруживаем неослабевающий интерес к процессам сознания у животных - что, впрочем, неудивительно, так как еще долгое время ощущалось влияние воззрений Романеса и Моргана.

Заметки о Жаке Лебе

Значительный шаг в сторону большей объективности зоопсихологии был сделан Жаком Лебом (1859-1924), немецким психологом и зоологом, который, как известно, принимался поливать свой газон, как только начинался дождь. Он работал в нескольких научных учреждениях Соединенных Штатов, включая и Чикагский университет. Выступая одновременно против традиций антропоморфизма Романеса и методов интроспекции, Леб разработал теорию поведения животных на основе концепции **тропизма*** или вынужденных движений (Pauly, 1990). Леб считал, что животные автоматически реагируют на раздражение. Их ответ, утверждал он, вынуждается тем или иным раздражителем и потому не требует каких-либо объяснений, основанных на анализе мыслительных процессов животных.

Хотя подход Леба к зоопсихологии с полным основанием можно называть объективным и механистическим, следует отметить, что он все же не смог отбросить все прошлые представления. Он не отрицает наличия сознания - в частности, у высокоразвитых животных, стоящих на достаточно высокой ступени эволюционной лестницы.

Разъясняя свою позицию, Леб говорил о том, что сознание у животных проявляется в виде **ассоциативной памяти***; это означает, что животных можно научить определенным образом реагировать на определенный раздражитель. Если животное откликается на свое имя или реагирует на определенный звук, подходя к тому месту, где оно обычно получает пищу, это является свидетельством некоей мысленной связи, ассоциативной памяти. Таким образом, даже в механистическом подходе Леба все-таки присутствует идея сознания (Loeb, 1918).

Уотсон прослушал курс у Леба в Чикагском университете и надеялся провести исследования под его руководством, выказывая свою симпатию (или, по крайней мере, интерес) к механистическим взглядам Леба. Однако Энджелл и еще один преподаватель факультета, нейролог Дональдсон Х. Х., отговорили Уотсона от реализации этого плана. Они утверждали, что Леб «ненадежен». Это определение допускает весьма широкую

* тропизм - ответное движение.

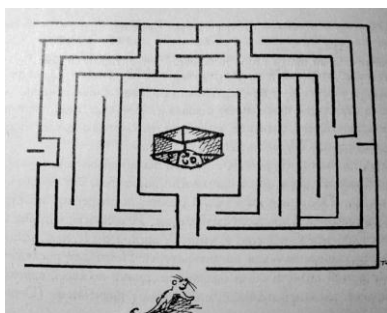
* ассоциативная память - ассоциации между раздражителем и реакцией, свидетельствующие о наличии сознания у животных

интерпретацию, но в данном случае оно, скорее всего, указывало на неодобрение объективизма Леба.

Крысы, муравьи и разум животных

К началу XX века специалисты по экспериментальной зоопсихологии трудились не покладая рук. Роберт Йеркс начал свои исследования в 1900 году, используя в опытах самых разнообразных животных: его работы усилили позиции и влияние сравнительной психологии.

В 1900 году У. С. Смолл из университета Кларка изобрел лабиринт для крысы. С тех пор белая крыса в лабиринте стала неизменным атрибутом стандартного метода исследований процессов обучения. Понятие сознания каким-то образом продолжало вторгаться в зоопсихологию - осознанные действия обнаружили даже у белой крысы, бегающей по лабиринту. Объясняя поведение крысы, Смолл использовал такие термины, как «образ» и «идея».

Голодная крыса, помещенная в лабиринт, может свободно ходить по лабиринту, пока не найдет себе еду.

Несмотря на то, что заключения Смолла были более объективными, чем те, к которым пришел Романес с его антропоморфизмом, они явились отражением психических процессов и даже отдельных психических элементов. В начале своей карьеры Уотсон подпал под то же влияние. Его докторская диссертация, завершенная в 1903 году, была озаглавлена так: «Обучение животных: Физическое развитие белой крысы» (курсив автора). Уже в 1907 году он обсуждал проблемы осознанного восприятия у крыс.

В 1906 году Чарльз Генри Тернер, известный афро-американский исследователь в области сравнительной психологии, опубликовал статью под названием «Некоторые предварительные замечания о поведении муравьев». Уотсон сделал обзор этой статьи в престижном научном журнале «Психологический бюллетень», в котором высоко оценил ее. Именно в этом обзоре Уотсон впервые применил слово «поведение» (англ. behavior), которое почерпнул из заголовка статьи Тернера. Видимо, это был первый случай, когда Уотсон применил этот термин в печати, - правда, он уже ранее использовал его в своей заявке на получение гранта (Cadwallader. 1984. 1987).

К 1910 году было образовано уже около восьми лабораторий, занятых исследованиями в области сравнительной психологии. Самыми первыми были лаборатории в Кларке, Гарварде и в Чикагском университете. Многие университеты предлагали учебные курсы на эту тему. Маргарет Флой Уошбэрн, которая была первой аспиранткой Титченера, преподавала зоопсихологию в Корнелле. Она же написала и первый учебник по сравнительной психологии «Разум животных» (The animal Mind, 1908 г.).

Обратите внимание на заглавие книги Уошбэрн «Разум животных». Настойчиво проводится мысль о наличии сознания у животных, как это делалось в методе интроспекции, где проводилась аналогия разума животных с человеческим. Уошбэрн отмечает: «Мы обязаны признать, что все психические интерпретации поведения животных должны проводиться по аналогии с поведением человека... В наших представлениях о том, что происходит в сознании животных, необходимо придерживаться антропоморфизма» (Washburn. 1908. P. 88).

Несмотря на то, что работа Уошбэрн была первым для того времени подробным исследованием психологии животных, она обозначила и конец эпохи. «После нее ни в одной работе, посвященной поведению, уже не упоминается о процессах мышления. Те вопросы, которые интересовали Герберта Спенсера, Ллойда Моргана и Йеркса, вышли из моды и в основном исчезли из литературы. Почти все последующие учебники в этой области были бихевиористскими по своей ориентации и в основном касались проблем, связанных с научением» (Demarest. 1987. P. 144).

Независимо от того, с чем человек имел дело - с поведением или с разумом, быть специалистом в области зоопсихологии было чрезвычайно сложно. Эта область не рассматривалась законодателями и администрациями университетов как имеющая практическое значение. Президент Гарвардского университета не видел «будущего в работах Йеркса по сравнительной психологии. Это дурно пахнет, это дорого и, очевидно, не имеет никакого отношения к тому, что послужит обществу» (Reed. 1987a. P. 94).

Студенты, которые учились в лаборатории Йеркса, не найдя работы по сравнительной психологии, перешли работать в прикладные области. Те, кто имел какое-то положение в университете, прекрасно понимали, что были первыми кандидатами на увольнение в случае сокращения на кафедре. Во времена финансовых затруднений в первую очередь увольняли именно специалистов по зоопсихологии.

У самого Уотсона тоже были трудности в начале карьеры. «Мне очень трудно сейчас вести работу, - писал он Йерксу в 1904 году, - у нас совсем нет места для содержания животных и нет средств для проведения опытов, даже если бы место нашлось» (цит. по: O'Donnell. 1985. P. 190)

В 1908 году было опубликовано всего лишь шесть работ, посвященных исследованию животных, что составляло 4 процента всех публикаций на тему психологии за год. В 1909 году, когда Уотсон во время конференции АРА предложил Йерксу собрать на общий обед всех специалистов по зоопсихологии, он прекрасно понимал, что все они смогут поместиться за одним столом - все девять человек. В справочном издании Кеттела «Ученые Америки» только 6 из 218 перечисленных психологов указали, что они активно занимаются исследованием поведения животных. Перспективы карьеры, очевидно, были неутешительными, и все-таки эта область науки продолжала развиваться благодаря преданности тех немногих, кто продолжал в ней работать.

Журнал «Поведение животных», позднее получивший название «Сравнительная психология» (*Journal of animal behavior, journal of comparative psychology*) начал издаваться в 1911 году. В 1909 году в Соединенных Штатах получили известность работы русского физиолога Ивана Павлова, благодаря статьям, написанным Йерксом и русским студентом Сергеем Маргулисом. Работы Павлова поддерживали подход объективной психологии - и, в частности, бихевиоризм Уотсона.

Зоопсихология как область науки была создана и продолжала развиваться в направлении большей объективности - как в своих методах, так и в предмете изучения. Работы, не соответствующие этому критерию, постепенно исчезли из литературы.

Прежде чем перейти к рассмотрению дополнительных влияний на развитие бихевиоризма Уотсона, мы расскажем вам о самой известной в истории психологии лошади.

Самая умная лошадь Ганс

В начале нашего века практически каждый образованный человек в западном мире читал про Ганса - чудо-лошадь - самом умном четвероногом создании, когда-либо встречавшемся на нашей земле. Лошадь проживала в Берлине, в Германии, но была широко известна как в Европе, так и в Соединенных Штатах. Про нее слагались песни, книги, статьи и стихи, рекламодатели использовали ее имя, чтобы повысить спрос на свои товары. Ганс стал сенсацией.

Ганс умел складывать и вычитать, оперировать простыми и десятичными дробями, читать, составлять слова, указывать время, различать цвета, идентифицировать предметы, показывал чудеса памяти. Он отвечал на поставленные вопросы, либо постукивая копытом определенное количество раз, либо кивая головой в направлении нужного предмета.

«Сколько присутствующих здесь джентльменов носят соломенные шляпы?» - спрашивают Ганса.

Умный Ганс выстукивает ответ правой ногой, при этом не забывая пропустить соломенные шляпки дам. «Что эта дама держит в руке?» Лошадь выстукивает «Зонт», указывая каждую букву на специальной схеме. Ганс неизменно успешно различал зонты и тросточки, а также соломенные и фетровые шляпы.

Более того, Ганс прекрасно умеет думать. Когда ему задают совершенно произвольный вопрос - например, сколько углов у окружности, он качает головой из стороны в сторону, показывая, что углов нет. (Fernald. 1984. P. 19.)

Неудивительно, что люди были озадачены. Неудивительно, что владелец Ганса, Вильгельм фон Остен, отставной преподаватель математики, доволен своими достижениями. Он потратил несколько лет, чтобы научить Ганса основам человеческого мышления. Мотивы его титанических усилий были чисто научными. Он поставил себе целью доказать, что Дарвин абсолютно прав в своем предположении о сходстве мыслительных процессов у человека и у животных. Фон Остен был искренне убежден в том, что лошади и другие животные остаются неразумными по той простой причине, что им не предоставляется достаточного образования. Он полагал, что при правильном обучении лошадь сможет доказать, что она является разумным существом.

Фон Остен не извлекал из выступлений Ганса никакой финансовой выгоды. Он не брал платы за те выступления, которые устраивал во дворе своего дома, и ничего не приобрел в результате своей известности.

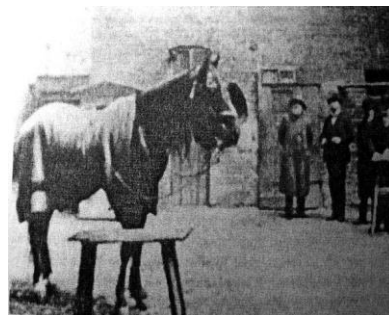
Для изучения дарований Умного Ганса была учреждена правительственная комиссия, которая должна была выяснить, что это - трюк, обман или реальность. В состав комиссии входили директор цирка, ветеринар, объездчик лошадей, аристократ, директор берлинского зоопарка и психолог Карл Штумпф из Берлинского университета.

В сентябре 1904 года, после длительного расследования, комиссия пришла к выводу, что Ганс не получал никаких внешних сигналов от своего хозяина. Не было ни мошенничества, ни обмана. Но Штумпф был не вполне удовлетворен. Ему было не понятно, каким образом лошадь правильно отвечает на такое количество самых разнообразных вопросов. Он поставил этот вопрос перед своим студентом-выпускником Оскаром Фунгстом, который подошел к выполнению задания со всей тщательностью психолога-экспериментатора.

Идея одного эксперимента пришла Фунгсту в голову после представления, когда Ганс отвечал на вопросы, а его владелец фон Остен даже при этом не присутствовал. Фунгст сформировал две группы людей, которые задавали вопросы. В первой группе люди знали ответы на те вопросы, которые задавали лошади, а во второй группе - не знали. И тут выяснилась важная подробность: лошадь давала правильные ответы только тем людям, которые сами знали ответы на свои вопросы. Очевидно, Ганс каким-то образом получал информацию от тех, кто задавал ему вопросы, - даже если этот человек был ему не знаком.

После серии контрольных экспериментов Фунгст пришел к заключению, что Ганс ненамеренно побуждается к постукиванию копытом, воспринимая малейший кивок головы фон Остена. Как только лошадь топнет ногой достаточное количество раз, фон Остен автоматически кивает головой, и лошадь воспринимает это как сигнал к окончанию. Фунгст доказал, что любой человек - даже тот, кто никогда раньше не видел этой лошади, - общаясь с нею, делает те же самые, едва уловимые движения головой.

Таким образом, выяснилось, что Ганс не является кладезем познаний. У него просто был развит условный рефлекс, который выражался в том, что он начинал топтать ногой или кивать в сторону предмета, когда задающий вопрос совершал определенное движение. Позднее лошадь была обучена прекращать постукивание, когда совершалось противоположное движение. Во время всего периода обучения фон Остен поощрял Ганса, давая ему морковку или кусочек сахара при каждом правильном ответе. На определенном этапе обучения потребность поощрять Ганса при каждом правильном ответе отпала - теперь его вознаграждали изредка, во время перерывов. Скиннер, специалист по бихевиориальной психологии, позднее доказал эффективность такого периодического, прерывистого поощрения в процессе выработки условных рефлексов.

Случай с Умным Гансом иллюстрирует важность применения экспериментального подхода к изучению поведения животных. Он заставил психологов более скептически относиться ко всякого рода заявлениям о разуме животных. Тем не менее, стало ясно, что животные способны обучаться и менять свое поведение в зависимости от условий. Уже мало кто сомневался в том, что экспериментальное изучение животных намного полезней абстрактных размышлений на тему, что может происходить в их голове, - со ссылками на их разум и сознание. Отчет Фунгста об опытах с Умным Гансом был рассмотрен Джоном

Б. Уотсоном; знакомство с итогами исследования еще более укрепило его в убеждении, что психология должна иметь дело с понятием не сознания, но поведения (Watson. 1908).

Эдвард Ли Торндайк (1874-1949)

Торндайк, который так никогда и не научился водить машину, был одним из наиболее авторитетных исследователей зоопсихологии. Он разработал объективную, механистическую теорию научения, в которой основное влияние уделялось внешнему поведению. Он полагал, что психология должна изучать поведение, а не психические элементы или опыт сознания. Торндайк усилил тенденцию к большей объективности, о которой говорили еще функционалисты. Он интерпретировал научение не в субъективных терминах, но в терминах конкретных связей между раздражением и реакцией - хотя иногда и допускал некоторые ссылки на сознание и психические процессы.

Работы Торндайка и Ивана Павлова явились примером одновременного независимого открытия. Торндайк открыл свой закон эффекта в 1898 году, а Павлов открыл аналогичный закон подкрепления в 1902 году, но прошло еще много лет, прежде чем психологи заметили сходство между ними.

Страницы жизни

Эдвард Ли Торндайк был одним из первых американских психологов, который получил полное образование в Соединенных Штатах. Важно то, что это было уже возможно. Ему не пришлось ехать в Германию для написания диссертации - и это всего через два десятилетия после возникновения психологии как науки. Интерес к психологии у него, как и у многих других, пробудился после прочтения книги Вильяма Джемса «Принципы психологии» (Principles of psychology), когда он был еще студентом старших курсов университета Уэсли в Миддл-тауне, штат Коннектикут. Позднее он учился у Джемса в Гарварде, где и начал исследовать процессы научения.

Он запланировал проведение исследований с привлечением детей в качестве субъектов эксперимента, но встретил запрет университетской администрации, которая была крайне озабочена недавним скандалом, разразившимся после того, как ученые-антропологи сняли с детей одежду, чтобы провести измерения тела. Когда Торндайк узнал, что он не может проводить опыты с детьми, он выбрал цыплят - очевидно, воодушевленный лекциями Моргана, в которых тот описывал свои эксперименты с цыплятами.

Торндайк обучил цыплят бегать по лабиринтам, которые он импровизированно сооружал из книг, поставленных на торец. Рассказывают, что он испытывал некоторые трудности с поисками помещения для своих питомцев. Домовладелица запретила ему содержать цыплят в спальне, и он обратился за советом к Джемсу. Тот безуспешно пытался найти помещение в лабораториях или в музее университета, и в конце концов пустил Торндайка и его цыплят в подвал собственного дома, к полному восторгу своих детей.

Торндайк не закончил образования в Гарварде. Не найдя взаимности у некоей молодой дамы, он обратился в университет Кеттела, Колумбия, чтобы уехать подальше от Бостона. Кеттел предложил ему стипендию, и Торндайк отправился в Нью-Йорк, захватив с собой двух самых хорошо обученных цыплят. Он продолжал исследования в Колумбии, работая с кошками и собаками, используя при этом собственноручно сконструированный «проблемный ящик». В 1898 году он получил докторскую степень. Его диссертация «Разум животных: экспериментальное исследование ассоциативных процессов у животных» была опубликована вместе с исследованиями по ассоциативному научению цыплят, рыб и обезьян.

Целеустремленный и амбициозный, Торндайк написал своей невесте: «Я решил за пять лет достигнуть самых вершин психологии, потом буду преподавать еще десять лет, а затем уйду из науки» (цит. по: Woakes. 1984. P. 72). Он недолго работал в области зоопсихологии, решив, что это ему больше не интересно. Он занимался этими вопросами только для того, чтобы написать диссертацию и создать себе имя. Зоопсихология являлась неподходящим поприщем для человека, который так стремился к успеху.

В 1899 году Торндайк стал преподавателем психологии в Педагогическом колледже Колумбийского университета. Там он работал с людьми, применяя методы исследования животных. Вся его дальнейшая деятельность была посвящена проблемам обучения людей - в частности, тестированию для определения интеллектуального уровня. Он написал несколько книг и действительно достиг вершин, как и собирался: в 1912 году он был избран президентом Американской психологической ассоциации. Торндайк прилично разбогател на издании своих книг и тестов; к 1924 году его годовой доход составил почти 70 тысяч долларов, что в те времена было просто чудовищной суммой (Woakes. 1984).

Те 50 лет, которые Торндайк провел в Колумбийском университете, были наиболее плодотворными. Его библиография насчитывает 507 названий, причем многие из этих книг являются весьма объемными. Он вышел в отставку в 1939 году, но продолжал работать до самой смерти, которая последовала через 10 лет.

Коннекционизм

Торндайк создал экспериментальный подход, который назвал **коннекционизмом***. Он писал, что если бы ему надо было проанализировать сознание человека, он стал бы «искать связи между (а) ситуациями, элементами ситуаций и составляющими ситуаций и (б) реакциями, готовностью реагировать, стимулами, торможением и направленностью реакций. Если все это подробно учесть, говоря о том, что человек будет думать и делать, что будет раздражать или радовать его в любой воображаемой ситуации, то мне кажется, что ничто не останется в стороне... Научение - это связь, соединение. Разум - это система связи человека» (Thorndike. 1931. P. 122).

* Коннекционизм - подход Торндайка к общению, основанный на рассмотрении связей между раздражением и реакцией.

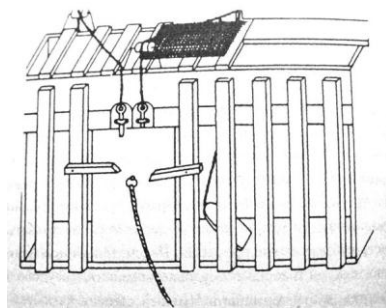
Эта позиция явилась логическим продолжением более старого философского понятия об ассоциации (см. главу 2), но с одной существенной разницей: вместо рассуждений об ассоциации или связи между идеями Торндайк ввел понятие связи между ситуациями и реакциями. Несмотря на то, что он включил в свою психологическую теорию более объективную основу, он тем не менее продолжал рассматривать психические, то есть субъективные процессы. Рассматривая поведение подопытных животных, он говорил об «удовлетворении», «неудовольствии» и «дискомфорте», а эти термины в большей степени являются относящимися к психике, нежели к поведению. Таким образом Торндайк продемонстрировал влияние Романеса и Моргана. «Подробный анализ психической деятельности животных на основе объективных умозаключений сопровождался описанием личных переживаний животных на основе субъективных заключений» (Mackenzie. 1977. P. 70).

Следует отметить, что Торндайк, как и Леб, не приписывал животным высокого уровня сознания и интеллекта с той свободой и экстравагантностью, как это делал в свое время Романес, В зоопсихологии, начиная со времен основания науки и до периода работы Торндайка - наряду с ростом значения экспериментальных методов исследования объективного поведения - можно наблюдать постоянное снижение роли сознания.

Несмотря на менталистический оттенок работ Торндайка, мы не должны терять из виду механистической основы его подхода. Он настаивал на том, что для изучения поведения его необходимо разбить на элементарные составные части - пары «стимул-реакция». Таким образом он разделял со структуралистами их аналитическую и атомистическую точку зрения. Связи «стимул-реакция» являются элементами поведения (но не сознания), строительными кирпичиками, из которых складывается более сложное поведение.

Проблемный ящик

Теории Торндайка были созданы на основе исследований, которые проводились с использованием оборудования, изобретенного самим Торндайком, - так называемого <проблемного ящика>. Животное, помещенное в ящик, для того, чтобы выйти, должно было научиться открывать замок. Торндайк поместил в решетчатый ящик голодную кошку. Еда была поставлена перед коробкой - в качестве награды за успешный выход. Дверца коробки закрывалась несколькими замками. Чтобы открыть дверцу, кошка должна была потянуть за рычаг или за цепочку, а иногда проделать несколько последовательных действий.

Сначала кошка демонстрировала хаотичное поведение, осматривала, обнюхивала, царапала дверцу, чтобы добраться до еды. Со временем она нащупывала правильный способ поведения и открывала дверцу. При первой попытке правильность поведения обнаруживалась случайно. При последующих попытках случайное поведение встречалось все реже - и в конце концов достигалось полное научение. После этого кошка начинала действовать правильно с самого начального момента, как только ее помещали в клетку.

Торндайк использовал количественные измерения научения. Одна из методик заключалась в том, чтобы записывать количество проявлений неправильного поведения - то есть тех действий, которые не вели к требуемому результату. После серии попыток неправильное поведение становилось более редким. Другая методика заключалась в том, чтобы регистрировать время, которое было затрачено от момента помещения кошки в клетку до ее успешного выхода. По мере научения время поиска сокращалось.

Торндайк заметил, что полученный в ходе эксперимента результат влияет на тенденцию к запоминанию. Склонность к действиям, которые не ведут к выходу из клетки, сходит на нет; они как бы стираются из памяти через определенное количество неудачных попыток. Те же действия, которые ведут к успеху, после ряда попыток укореняются. Такой способ обучения получил название - **обучение методом проб и ошибок***. Сам Торндайк предпочитал называть его методом проб и случайного успеха (Joncich. 1968. P. 266).

Законы научения

Принцип запоминания или забывания ответных реакций был сформулирован в виде **закона эффекта***: «Любое действие, вызывающее в данной ситуации удовлетворение, ассоциируется с данной ситуацией, так что, когда она возникает вновь, появление этого действия становится более вероятным, чем прежде. Напротив, любое действие, вызывающее дискомфорт, отделяется от данной ситуации, так что, когда он возникает вновь, появление этого действия становится менее вероятным» (Thomdike. 1905. P. 203).

Сопутствующий закон - **закон упражнения*** или **закон** приучения и отучения (**тренировки**) - утверждает, что в каждой конкретной ситуации любая реакция начинает ассоциироваться с этой ситуацией. Чем чаще реакция проявляется в той или иной ситуации, тем теснее становится ассоциативная связь. И напротив, если реакция в течение длительного времени не практикуется, то ассоциативная связь ослабевает. Иначе говоря, повторение ответной реакции в конкретной ситуации приводит к ее усилению. Более поздние исследования Торндайка убедили его в том, что благоприятные последствия реакции (то есть ситуация, которая приносит удовлетворение) являются более эффективными, чем простое многократное повторение.

В начале тридцатых годов Торндайк снова провел исследование закона эффекта в рамках обширной экспериментальной программы, в которой в качестве испытуемых привлекались люди. Результаты исследований показали, что поощрение реакции действительно приводит к ее укреплению, но наказание не дает очевидного негативного результата для проведения параллели. Торндайк пересмотрел закон эффекта, чтобы сделать больший акцент на поощрении, нежели на наказании.

Комментарии

Исследования Торндайка в области обучения людей и животных являются выдающимися достижениями в истории психологии. Его работы ознаменовали подъем теории научения

* Обучение методом проб и ошибок - обучение, основанное на повторении тех реакций, которые ведут к успеху.

* Закон эффекта: любое действие, вызывающее удовлетворение, ассоциируется с данной ситуацией, так что, когда она возникает вновь, появление этого действия становится более вероятным, чем прежде.

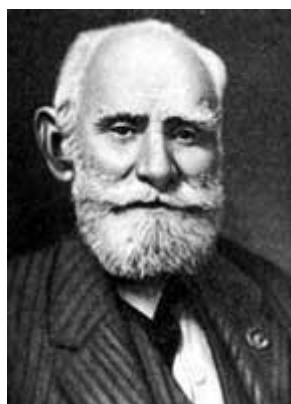
* Закон упражнения: чем чаще действие или реакция используются в данной ситуации, тем сильнее ассоциативная связь между действием и ситуацией.

в американской психологии, а тот дух объективности, который строго выдерживался во всех его исследованиях, явился важнейшим вкладом в развитие бихевиоризма. Уотсон писал, что исследования Торндайка стали краеугольным камнем бихевиоризма.

Иван Павлов также отдавал дань Торндайку:

Через несколько лет после начала работы с моим новым методом я узнал, что подобные опыты проделаны в Америке, причем не физиологами, а психологами. С тех пор я начал внимательно изучать американские публикации, и должен признать, что честь сделать первый шаг по этой дороге принадлежит Э. -Л. Торндайку. Его эксперименты опережали наши примерно на два или три года, а его книгу можно считать классической, как по смелому подходу к гигантской работе, так и по точности результатов. (Pavlov. 1928, цит. по: Jonsich. 1968. P. 415-416.)

Иван Петрович Павлов (1849-1936)

Работа Павлова по научению помогла Уотсону сместить акцент с субъективных идей к объективным, а также к количественно измеримым физиологическим процессам - таким, например, как выделению желудочного сока или движению мускулов. Она предоставила новый метод изучения поведения и новые средства для осуществления попыток его контроля и модификации.

Страницы жизни

Иван Павлов родился в Рязани в средней полосе России. Он был старшим из одиннадцати детей сельского священника. Жизнь в такой большой семье с ранних лет приучила его к трудолюбию и ответственности - к тем качествам, которые он сохранил на протяжении всей своей жизни. В детстве он в течение нескольких лет не мог посещать школу из-за травмы головы, которую перенес в возрасте семи лет. Отец учил его дома, а в 1860 году мальчик поступил в семинарию, чтобы подготовиться к принятию сана священника. Позднее, прочитав об исследованиях Дарвина, Павлов изменил свои намерения. Он прошел несколько сотен миль до Санкт-Петербурга, чтобы там поступить в университет. Он выбрал специализацию зоопсихологии.

Получив университетское образование, Павлов стал представителем интеллигенции, нового сословия, нарождающегося в российском обществе, которое отличалось от основных классов - аристократии и крестьянства. Павлов был «слишком образован и слишком интеллигентен для крестьян, из среды которых он вышел, но слишком прост и слишком беден для аристократии, к которой никогда не смог бы примкнуть. Такие социальные условия нередко порождали особых, преданных науке интеллектуалов, вся

жизнь которых была посвящена тому занятию, которое оправдывало их существование. Таким был и Павлов, у которого фанатичная преданность чистой науке и экспериментальным исследованиям всегда питалась силой, энергией и простотой русского крестьянина» (Miller. 1962. P. 177).

Павлов получил степень в 1875 году и начал преподавать медицину, но не для того, чтобы стать практикующим врачом, а в надежде заняться физиологическими исследованиями. Он учился два года в Германии, затем вернулся в Санкт-Петербург, где в течение нескольких лет занимал должность ассистента исследовательской лаборатории.

Преданность Павлова экспериментальной науке была всецелой. Его не интересовали практические вопросы - заработная плата, одежда, условия жизни. Его жена Сара, на которой он женился в 1881 году, посвятила себя тому, чтобы оберегать мужа от мирских забот. В самом начале своего супружества они заключили соглашение о том, что она полностью берет на себя все текущие заботы и не допускает, чтобы его отвлекали от занятий наукой. Он же, в свою очередь, обязался никогда не пить, не играть в карты и ходить в гости или принимать гостей только по вечерам в субботу и в воскресенье. Он придерживался жесткого графика и работал семь дней в неделю с сентября по май; летом уезжал в деревню.

Его безразличие к бытовым заботам ярко демонстрирует тот факт, что Сара должна была напоминать ему о получении жалованья. Она рассказывала, что ему нельзя было поручить купить для самого себя одежду. Когда ему было уже за семьдесят, он выскочил из трамвая, в котором ехал на работу, не дождавшись полной остановки, упал и сломал ногу. Стоявшая рядом женщина воскликнула: «Боже мой, ведь это гений, а он даже не может выйти из трамвая, чтобы тут же не сломать ногу!» (Gantt. 1979. P. 28).

Семья Павлова жила в нищете до 1890 года, когда он в возрасте 41 года стал профессором фармакологии Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. В 1883 году, когда Павлов работал над докторской диссертацией, родился первый ребенок. Хрупкий и болезненный младенец не сможет выжить, говорили врачи, если мать и ребенок не смогут отдохнуть за городом. Павлову удалось одолжить денег на поездку, но было слишком поздно: ребенок умер. Некоторое время Павлов вынужден был ночевать на койке в своей лаборатории, а его жена и второй ребенок жили у родственников, потому что они не могли позволить себе снять квартиру.

Группа студентов Павлова, зная о его финансовых затруднениях, передала ему деньги под предлогом покрытия расходов на лекции, которые были подготовлены по заявке. Павлов потратил все на своих лабораторных собак, ничего не оставив себе. Его преданность науке была так сильна, что мелочи жизни его не беспокоили. Он говорил, что это его не заботит.

В 1923 году Павлов посетил Соединенные Штаты, чтобы присутствовать на конференции в Нью-Йорке. На Центральном вокзале его немедленно ограбили на две тысячи долларов. Он присел отдохнуть на скамеечку и положил портфель рядом. Он был так поглощен разглядыванием людей, что совершенно не следил за портфелем, а потом просто встал и ушел. По этому поводу он высказался так: «Ну и ладно. Не следовало выставлять соблазн перед глазами бедняков» (цит. по: Gerow. 1986. P. 42).

Павлов был известен своим горячим нравом. На работе он нередко раздражался гневными тирадами в адрес своих помощников. Во время большевистской революции 1917 года он обрушился на одного из сотрудников, который опоздал на работу на десять минут. Стрельба на улицах не могла быть оправданием для прекращения работы. Как правило,

эти вспышки быстро забывались. Сотрудники и студенты знали, чего от них ждут, потому что Павлов всегда ясно говорил им об этом. В общении с окружающими Павлов всегда был прямым и честным человеком, хотя и не слишком тактичным.

Он прекрасно сознавал свой взрывной темперамент. Когда один из сотрудников лаборатории больше не смог терпеть оскорблений, он попросил освободить его от исполнения обязанностей, «Павлов ответил, что его оскорбительное поведение есть не более чем привычка... и само по себе не является уважительной причиной для увольнения из лаборатории» (Windholz. 1990. P. 68). Неудача эксперимента могла повергнуть Павлова в состояние глубокой депрессии, но зато успех вызывал такую радость, что он поздравлял не только своих сотрудников, но и собак.

В результате оптимальной планировки внутри здания была выстроена специальная операционная, в которой Павлов и его сотрудники оперировали собак на втором этаже. Благодаря прекрасным условиям Павлов смог завершить свои исследования по физиологии пищеварения, за которые ему в 1904 году просудили Нобелевскую премию.

Павлов был одним из немногих русских ученых, которые допускали к работе в своих лабораториях женщин и евреев. Он приходил в ярость при малейшем намеке на антисемитизм. У него было хорошее чувство юмора, и он умел ценить шутку. Во время церемонии вручения почетной степени Кембриджского университета студенты с балкона спустили к нему на колени игрушечную собачку на веревке. Павлов потом держал эту собачку на своем рабочем столе.

Его отношения с советским правительством были трудными; он открыто критиковал октябрьскую революцию 1917 года и советскую систему. Он писал письма протеста Иосифу Сталину - диктатору, который казнил и отправил в ссылку миллионы людей. Он бойкотировал научные конференции в знак протеста против режима. Только в 1933 году Павлов признал, что Советы все же добились определенных успехов.

Несмотря на свое негативное отношение к властям, Павлов получал щедрую поддержку от советской бюрократии и имел разрешение проводить свои исследования без правительственного вмешательства.

До конца своих дней Павлов оставался ученым. Он проводил наблюдения за самим собой, когда бывал болен, и день смерти не стал исключением. Ослабев от воспаления легких, Павлов позвал врача и описал свои симптомы: «Мой мозг работает не вполне хорошо, появляются навязчивые мысли и произвольные движения: возможно, развивается омертвление». Некоторое время он обсуждал свое состояние с врачом, а потом заснул. Проснувшись, Павлов сел в кровати и начал искать свою одежду с той же нетерпеливой энергией, которая была свойственна ему всю жизнь. «Пора вставать! - крикнул он. - Помогите мне, я должен одеться!» И с этими словами он упал на подушки и умер (Gantt. 1941. P. 35).

Условные рефлексы

Во время своей долгой и выдающейся карьеры Павлов работал над тремя основными проблемами. Первая касалась функции сердечных нервов, вторая - первичных органов пищеварения. Его блестящие работы по проблемам пищеварения принесли ему мировое признание и Нобелевскую премию 1904 года. Третьей областью его научной

деятельности, благодаря которой он занял выдающееся место в истории психологии, стало изучение **условных рефлексов***.

Открытие условных рефлексов, как и многие другие выдающиеся научные достижения, произошло, по мнению ученых, совершенно случайно, когда Павлов, исследуя работу пищеварительных желез, - для того, чтобы получить возможность собирать желудочный сок вне организма собаки, - воспользовался методом хирургического вмешательства (Павлов. 1927).

Один из аспектов работы Павлова состоял в исследовании функций слюны, непроизвольно выделяющейся, как только в рот собаки попадала пища. Павлов обратил внимание, что иногда слюна начинала выделяться еще до того, как собака получала пищу. Собаки пускали слюну, когда видели пищу или даже человека, который регулярно кормил их. Реакция слюноотделения, таким образом, оказывалась обусловленной раздражением, которое по предшествующему опыту ассоциировалось с едой.

Эти физические рефлексy, как поначалу называл их Павлов, возбуждались в собаках под воздействием раздражителей, отличных от исходного (то есть от пищи). Павлов пришел к выводу, что это происходит по причине возникновения ассоциативной связи между кормлением и этими раздражителями (видом человека и издаваемыми им звуками).

В соответствии с «духом времени», который в те времена царил в зоопсихологии, Павлов (как и Торндайк, и Леб до него) сосредоточился на психических переживаниях лабораторных животных. Это видно по первоначальному термину, который он применил для условных рефлексов - физические рефлексy. Он писал о желаниях, представлениях и воле животных, интерпретируя события в духе субъективности и антропоморфизма.

Позднее Павлов отказался от всяких психических определений в пользу исключительно объективного, описательного подхода. «Поначалу в наших физических экспериментах... мы сознательно стремились объяснить наши результаты, воображая себе субъективное состояние животного. Но из этого не вышло ничего, кроме стерильно-чистого противоречия и выражения личных взглядов, которые невозможно было проверить. А потому нам не оставалось ничего другого, как только проводить наши исследования па чисто объективной основе» (Цит. по: Сипу. 1965. Р. 65).

Исследования условных рефлексов

Первые эксперименты Павлова были совсем простыми. Он держал в руке кусок хлеба и показывал его собаке, прежде чем дать его съесть. Со временем собака начинала пускать слюну, как только видела хлеб. Отделение слюны у собаки в тот момент, когда пища попадает в рот, является естественной реакцией пищеварительной системы; для того, чтобы вызвать такую реакцию, никакого научения не требуется. Павлов назвал это врожденным, или безусловным, рефлексом.

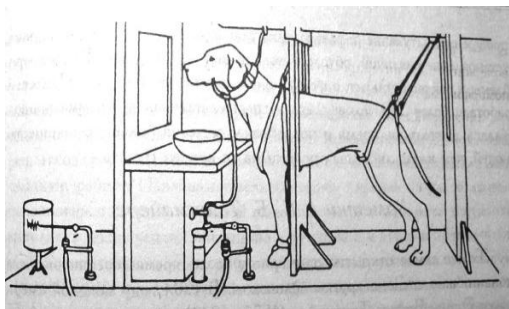
Однако слюноотделение при виде пищи не является безусловным рефлексом. Для того, чтобы вызвать такую реакцию, требуется научение. Такую реакцию Павлов назвал условным рефлексом (в отличие от психического понятия «физического» рефлекса), поскольку он был обусловлен и зависел от формирования ассоциативной связи между видом пищи и ее последующим поглощением.

* Условные рефлексy - это рефлексy, которые обусловлены или зависят от условий формирования ассоциативной связи между раздражением и реакцией.

При переводе трудов Павлова с русского языка на английский американский исследователь У. Х. Гантт вместо <обусловленный> использовал слово «условный». Позднее Гантт говорил о том, что сожалеет о замене термина. Тем не менее, термин <условный рефлекс> до сих пор является общепринятым (Fishman & Franks. 1992).

Павлов обнаружил, что многие раздражители способны вызвать условную реакцию слюноотделения у лабораторных собак, если они могут привлечь внимание животных, не вызывая в то же время страха или агрессии. Павлов проверил зуммеры, лампы, свистки, музыкальные звуки, шум кипящей воды, тикающий метроном и получил одинаковые результаты.

Тщательность и точность, свойственные Павлову, проявились в сложной и изощренной методике сбора слюны у животных. В хирургический разрез в щеке животного была вставлены резиновая трубочка. Всякий раз, когда капля слюны падала на платформу, установленную на чувствительной пружине, активизировался маркер на вращающемся барабане (см. рис. 9.2). Это устройство, позволяющее регистрировать точное количество капель и время их падения, является лишь одним из многочисленных примеров усилий Павлова в его стремлении следовать научному методу - обеспечивать стандартные условия проведения эксперимента, применять жесткий контроль, устранять источники погрешностей.

Аппаратура Павлова для обучения собак условным рефлексам.

Он был до такой степени озабочен проблемой исключения посторонних влияний, что разработал специальные боксы. Подопытное животное в специальной срубе помещалось в один бокс, а сам экспериментатор находился в другом. Экспериментатор мог оперировать различными раздражителями, собирать слюну и давать пищу животному, оставаясь невидимым для него.

Но все эти меры предосторожности не вполне удовлетворили Павлова. Он полагал, что условия внешней среды все равно могут оказывать влияние и затемнять результаты экспериментов. Используя средства, выделенные одним русским предпринимателем, Павлов спроектировал трехэтажное лабораторное здание - так называемую <Башню молчания>, в котором в окна были вставлены специальные сверхтолстые стекла. В комнатах также устанавливались двойные железные двери, а стальные балки, держащие перекрытия, погружались в песок. Здание было окружено рвом, заполненным соломой. Вибрация, шум, перепады температуры, запахи и сквозняки были полностью исключены. Павлов стремился к тому, чтобы ничто постороннее не влияло на подопытных животных, за исключением раздражителей, которым животные подвергались в ходе экспериментов.

Давайте проследим типичный опыт в лаборатории Павлова. Условный раздражитель (например, свет) начинает действовать (в данном случае зажигается лампочка). Немедленно появляется безусловный раздражитель (пища). После нескольких одновременных появлений света и пищи животное начинает испускать слюну уже при

виде одного только света, то есть оно привыкает определенным образом реагировать на условный раздражитель. Между светом и пищей вырабатывается ассоциативная связь. Этот процесс научения может происходить только в том случае, когда включение света сопровождается появлением пищи достаточное количество раз. Таким образом, научение может происходить только в том случае, если имеется **подкрепление*** (кормление).

Помимо изучения формирования условных реакций Павлов и его сотрудники исследовали и другие сопутствующие моменты - например, поощрение, затухание рефлекса, спонтанное восстановление, обобщение, установление различий, обусловленность высшего порядка. Все эти проблемы и сейчас остаются в фокусе внимания науки. Вместе с Павловым работали более 200 человек, его экспериментальная программа продолжалась длительное время и потребовала участия большего количества людей, чем какая-либо иная программа со времен Вундта.

Заметки о Е. Б. Твитмайере

То же самое открытие примерно в то же время совершенно независимо было сделано другим человеком. В 1904 году молодой американец Эдвин Беркет Твитмайер (1873-1943), бывший студент Лайтнера Уитмера из Пенсильванского университета, представил на конференции Американской психологической ассоциации свою статью, написанную по материалам его же докторской диссертации, которую он защитил еще два года назад. Его работа касалась всем известного рефлекса подергивания колена. В ходе исследования Твитмайер заметил, что подопытные начинали реагировать на раздражители, которые отличались от исходного - удара молоточком пониже колена. Он описал реакцию испытуемых как новый и необычный вид рефлекса и предложил провести дальнейшие исследования.

Тогда на конференции никто не заинтересовался докладом Твитмайера. После его выступления ему не задали ни единого вопроса. Его исследования были просто проигнорированы. Обескураженный Твитмайер никогда больше не вернулся к этой теме.

Можно только догадываться, что послужило причиной столь долгой безвестности Твитмайера. Быть может, сознание американской научной общественности еще не созрело для восприятия нового понятия условных рефлексов. Быть может, сам Твитмайер был еще слишком молод и неопытен, или ему не хватило навыков и материальных ресурсов, чтобы упорно преследовать свои цели и должным образом представить свое открытие. А может быть, время было выбрано неудачно.

Твитмайер делал свой доклад о рефлексах как раз перед обедом и был одним из череды выступающих в многочасовой конференции, работающей под председательством Вильяма Джемса. Конференция явно затягивалась, и Джемс (видимо, он был голоден и к тому же откровенно скучал) завершил ее, не дав достаточного времени для обсуждения выступления Твитмайера.

Несмотря на то, что история Твитмайера периодически всплывает как пример одновременного открытия одного и того же явления двумя учеными (см. Coon. 1982; Miscco & Samelson. 1983, Windholz. 1986), эта история также является примером трагедии ученого, который мог стать великим, совершив одно из самых важных открытий в психологии, но не стал. «Несомненно всю свою дальнейшую жизнь Твитмайер боролся с

* Подкрепление - то, что повышает вероятность реакции.

этой мыслью - с пониманием того, каков мог бы быть его вклад в развитие психологии!» (Benjamin. 1987. P. 1119).

Комментарии

Павлов продемонстрировал, что высшая нервная деятельность может изучаться в терминах физиологии, на подопытных животных и без привлечения такого понятия, как сознание. В дальнейшем методы условных рефлексов получили широкое применение в бихевиоральной терапии. Таким образом, работы Павлова оказали огромное влияние на уклон научной психологии в сторону большей объективности в предмете изучения и методах, а также усилил тенденцию к функциональности и практичности.

Павлов продолжил традиции механицизма и атомизма, в которых с самого начала формировалась новая психология. Согласно взглядам Павлова, собаки и люди, как и все прочие животные, были механизмами. Он придерживался представления, согласно которому <живой организм ведет себя как машина - несомненно сложная, но столь же покорная и послушная, как любая другая машина> (Mazlish. 1993. P. 124).

Условные методы Павлова предоставили психологической науке базовый элемент поведения, конкретную рабочую единицу, к которой могло быть сведено сложное человеческое поведение для его изучения в лабораторных условиях. Джон Б. Уотсон ухватился за эту рабочую единицу и сделал ее ядром своей программы. Павлов был удовлетворен работами Уотсона, заметив, что развитие бихевиоризма в Соединенных Штатах является подтверждением его идей и методов.

По иронии судьбы самое сильное влияние идеи Павлова оказали именно на психологию - то есть ту область, к которой он не особенно благоволил. Он был знаком со структурной и функциональной психологией, но соглашался с Джемсом в том, что психология еще не достигла уровня подлинной науки. Поэтому Павлов исключил психологию из сферы своей деятельности. Он облагал штрафами сотрудников, которые использовали психологическую, а не физиологическую терминологию, и в своих выступлениях не раз склонял <несостоятельные психологические претензии> (Woodworth. 1948. P. 60).

В конце жизни Павлов изменил свое отношение и даже стал называть себя психологом-экспериментатором. Но как бы то ни было, его исходно негативное отношение к этой области науки не помешало психологам эффективно использовать плоды его трудов.

Владимир М. Бехтерев (1857-1927)

Владимир Бехтерев является важной фигурой в развитии зоопсихологии. Он способствовал продвижению этой области науки от субъективных идей в сторону объективно наблюдаемого внешнего поведения. Менее известный, чем Иван Павлов, этот выдающийся русский физиолог, невропатолог и психиатр стал пионером во многих областях исследований. Он был политическим радикалом, который открыто критиковал царский режим и правительство. Он принимал на работу и учебу женщин и евреев - и это в то время, когда они в массовом порядке исключались из российских университетов.

Бехтерев получил ученую степень в Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии в 1881 году. Он учился в Лейпцигском университете вместе с Вильгельмом Вундтом, прослушал курсы в Берлине и Париже и вернулся в Россию, чтобы вступить на должность профессора кафедры нервных болезней в Казанском университете. В 1893 году он был назначен заведующим кафедрой душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии, где организовал психиатрическую лечебницу. В 1907 году он основал Психоневрологический институт - носящий теперь его имя - и начал там проводить в жизнь программу неврологических исследований.

Бехтерев и Павлов стали непримиримыми противниками после того, как Павлов опубликовал негативный отклик на одну из книг Бехтерева. «Вражда между Бехтеревым и Павловым была столь явной, что они начинали ругаться прямо на улице. Если они сталкивались друг с другом на какой-нибудь научной конференции, то между ними немедленно вспыхивала яростная ссора. Они постоянно пребывали в состоянии войны, формируя клики сторонников и допуская язвительные выпады в адрес друг друга. Стоило какому-либо стороннику Бехтерева сделать публичное заявление, как Павлов его парировал - это превратилось у него в какой-то условный рефлекс» (Ljunggren. 1990. P. 60).

В 1927 году, через 10 лет после того, как большевистская революция свергла царя, Бехтерев был вызван в Москву для лечения советского диктатора Иосифа Сталина, про которого говорили, что он испытывает периоды депрессии. Бехтерев сказал Сталину, что тот страдает тяжелой формой паранойи. Бехтерев умер подозрительно скоро - в тот же вечер. Вскрытия для выяснения причины смерти сделано не было, тело кремировали. Существует мнение, что Бехтерев был отравлен по приказу Сталина в отместку за страшный диагноз. Позднее Сталин приказал прекратить работы Бехтерева. Сын Бехтерева по приказу Сталина был расстрелян (Ljunggren. 1990).

Сочетательные рефлексы

В то время как исследования Павлова проводились почти исключительно с целью изучения выделений пищеварительных желез, Бехтерев в основном занимался условными рефлексами в моторике. Он распространил условные принципы Павлова на мускулы. Основным открытием Бехтерева стали **сочетательные рефлексы***, выявленные в результате исследования моторных реакций. Бехтерев обнаружил, что рефлекторные движения - например, отдергивание пальца от предметов, грозящих ударом электрического тока, - могут возникать не только под воздействием безусловных раздражителей (например, удара электрического тока), но и под воздействием стимулов, которые сочетаются с исходным, - так, звук зуммера, звучащего во время удара электрического тока, вскоре заставляет испытуемого отдергивать палец.

Можно было объяснить это явление в терминах психических процессов, но Бехтерев считал реакции рефлекторными. Далее, он полагал, что поведение высшего уровня можно объяснить, рассматривая его как сочетание или накопление моторных рефлексов нижнего уровня. Процессам мышления, по мнению Бехтерева, присущ аналогичный характер - в том смысле, что они зависят от внутренних действий речевой мускулатуры; эта идея позднее была подхвачена Уотсоном. Бехтерев боролся за применение абсолютно объективного подхода; он искоренял использование психической терминологии или концепции.

Бехтерев представил свои идеи в книге <Объективная психология>, опубликованной в 1907 году. Книга была переведена на немецкий и французский языки в 1913 году, именно в это время ее и прочитал Уотсон. Третье издание вышло в английском переводе в 1932 году под названием «General Principles of Human Reflexology».

Комментарии

Начиная от самых истоков зоопсихологии - уже в работах Рома-неса и Моргана - можно наблюдать постепенное движение психологии в сторону возрастающей объективности как в выборе предмета изучения, так и в методологии. Первые работы в этой области породили концепцию сознания и психических процессов; они основывались на субъективном методе исследования. Однако в начале XX века зоопсихология стала совершенно объективной наукой как по предмету исследования, так и по применяемым методам. «Выделения желез», «рефлекторные реакции», «действия», «поведение» - подобные термины не оставляли никаких сомнений в том, что зоопсихология рассталась со своим субъективным прошлым.

Вскоре зоопсихологии предстояло стать моделью для разработки учения о поведении - бихевиоризма, основатель которого, Уотсон, предпочитал при проведении исследований использовать животных, а не людей. Ознакомившись с результатами исследований специалистов по зоопсихологии и обработав их, Уотсон разработал основы науки о поведении, положения которой в равной степени справедливы и для людей, и для животных.

* сочетательные рефлексы - это рефлексы, которые возникают не только в результате воздействия безусловных раздражителей, но и в результате действия раздражителей, которые сочетаются с безусловными.

Влияние функциональной психологии на бихевиоризм

Другим предшественником бихевиоризма явился функционализм. Не будучи всецело объективным течением, функциональная психология времен Уотсона тем не менее отличалась большей объективностью, чем прочие течения. Кеттел и его единомышленники делали главный акцент на поведение и объективность, выражая свое несогласие с понятием интроспекции. Прикладные психологи не находили применения для концепции сознания и интроспекции, в специальных областях утверждались принципы объективной функциональной психологии. Таким образом, даже до появления на научной арене самого Уотсона, функциональные психологи уже оторвались от психологии сознательного опыта Вундта и Титченера. В своих книгах и лекциях многие из них вполне определенно высказывались за объективную психологию, которая будет сосредоточена на изучении не сознания, а поведения.

Выступая на Всемирной ярмарке в Сент-Луисе, штат Миссури, в 1904 году, Кеттел сказал: «Я не убежден в том, что психология должна ограничиваться изучением сознания... Довольно распространенное мнение, что психологии в отрыве от интроспекции не существует, упрямо опровергается свершившимися фактами. Мне кажется, что большинство исследовательских работ, выполненных мною или в моей лаборатории, не более связаны с понятием интроспекции, чем работы по физике или зоологии... Не вижу причины, почему применение систематизированного знания к изучению человеческой природы не может в нынешнем веке привести к результатам, которые сравнятся с достижениями физики девятнадцатого века и их значением для изучения материального мира...» (Cattell. 1904. P. 179-180, 186).

Уотсон присутствовал при выступлении Кеттела. Сходство его будущей позиции с утверждениями Кеттела настолько разительно, что один историк позднее предложил, чтобы Кеттела называли «дедушкой» бихевиоризма (Burnhann. 1968. P. 149).

За десять лет до того, как Уотсон основал бихевиоризм, интеллектуальный климат Соединенных Штатов благоволил к идее объективной психологии. Общая тенденция развития американской психологии была направлена в сторону бихевиоризма. Роберт Вудворт из Колумбийского университета заметил, что американские психологи «медленно скатываются к бихевиоризму... по мере того, как все большее их число, начиная с 1904 года, выражает свою приверженность к определению психологии как науки о поведении, а не к попыткам описать сознание» (Woodworth. 1943. P. 28).

В 1911 году Уолтер Пилсбери, который учился вместе с Титченером, в своей книге определил психологию как <пауку о поведении> (курсив автора). Он настаивал на том, что к человеку надо относиться столь же объективно, как и к любому другому объекту физического мира. В том же году Вильям Монтегю представил в нью-йоркское отделение Американской психологической ассоциации работу под названием «Не потеряла ли психология сознание?» Он говорил о «движении, стремящемся избавиться от концепции разума или сознания, и заменить их концепцией поведения как достаточного объекта для психологического исследования» (Benjamin. 1993b. P. 77). Макс Мейер опубликовал книгу «Фундаментальные законы человеческого поведения» (Fundamental Laws of Human Behavior), Вильям Мак-Дугалл написал книгу «Психология: изучение поведения» (Psychology: The Study of Behavior); а Найт Данлоп, психолог университета Джонса Хопкинса, где преподавал Уотсон, предложил вообще вычеркнуть понятие интроспекции из психологии.

Энджелл - возможно, наиболее прогрессивный из функциональных психологов - полагал, что американская психология готова к переходу к большей объективности. В 1910 году он говорил, что термин «сознание» в конце концов исчезнет из психологии, как уже исчез термин «душа». Три года спустя, незадолго до публикации манифеста бихевиоризма Уотсона, Энджелл предположил, что будет гораздо полезнее забыть о сознании и вместо этого объективно описывать поведение людей и животных.

Таким образом, мысль о том, что психология должна стать наукой о поведении, уже собирала своих сторонников. Величие Уотсона состоит не в том, что он первым предложил новую идею, но в том, что он услышал - возможно, более ясно, чем кто-либо другой, - к чему призывает время. Он энергично отозвался на этот зов и стал адептом революции, в неизбежности и успехе которой он не сомневался, так как эта революция уже совершалась.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы основные принципы бихевиоризма Уотсона? Назовите три основных источника, которые Уотсон объединил для сознания новой психологии.
2. Опишите развитие зоопсихологии, начиная с момента появления работ Романеса и Моргана. Как случай Умного Ганса повлиял на развитие зоопсихологии?
3. Соотнесите коннекционизм Торндайка с традиционным философским понятием ассоциативности. Опишите «проблемный ящик» Торндайка и его применение в исследованиях. Опишите научения, выведенные на основании этих исследований.
4. Опишите эксперименты Павлова по научению условных рефлексов. Обсудите первоначальную ориентацию Павлова на психические переживания и его попытки контролировать внешние влияния.
5. Каким образом работы Павлова повлияли на бихевиоризм Уотсона? Сравните концепцию Павлова (условные рефлексы) с сочетательными рефлексами Бехтерева.
6. Опишите атмосферу в американской психологической науке во втором десятилетии XX века – в частности, позиции структурализма и функционализма. Каким образом идеи функционализма повлияли на бихевиоризм Уотсона?
- 7.

Рекомендуемая литература

- Bitterman, M. E. (1969) Thorndike and the problem of animal intelligence. *American Psychologist*, 24, 444-453. Описывается работа Торндайка в Колумбийском университете и его экспериментальный «проблемный ящик» для научения животных.
- Fernald, D. (1984) *The Hans legacy: A story of science*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. Пересказ истории об Умном Гансе и выводов его научного исследования.
- Windholz, G. (1990) Pavlov and the Pavlovians in the laboratory, *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 26, 64-74. Описание будней Павловской лаборатории (1897-1936) и того влияния, которое оказывал Павлов на своих сотрудников и студентов.
- Yerkes, R. M. & Morgulis, S. (1909) The method of Pavlov in animal psychology. *Psychological Bulletin*, 6, 257-273. Статья, которая привлекла внимание американцев к работам Павлова.

Глава 10

Бихевиоризм: истоки

Джон Б. Уотсон (1878-1958)

Мы рассмотрели некоторые источники бихевиоризма, которые оказали влияние на Уотсона во время его попыток выстроить новую школу психологического мышления. Уотсон признавал, что систематизацию нового учения нельзя отождествлять с его созданием, и сам описывал свои усилия как попытку кристаллизации уже существующих течений. Подобно Вундту, Уотсон объявил, что его задачей является лишь формальное основание новой психологической школы. Это намерение сразу отмежевало его от тех, кого в истории науки считают предтечами бихевиоризма.

Страницы жизни

Джон Б. Уотсон родился на ферме недалеко от Гринвилла, штат Южная Каролина. Начальное образование он получил в сельской школе, где все классы располагались в одной комнате. Его мать была глубоко религиозным человеком, зато отец, напротив, был неверующим. Старший Уотсон пил, был подвержен проявлениям буйного нрава и имел внебрачные связи.

Поскольку отец Уотсона никогда надолго не задерживался ни на одной работе, семья жила на грани нищеты, за счет своей фермы. Соседи относились к этой семье с жалостью и презрением. Когда Уотсону было тринадцать лет, его отец сбежал из семьи с другой женщиной, чтобы больше никогда не вернуться, и для Уотсона это была травма на всю жизнь. Много лет спустя, когда Уотсон стал богатым и известным человеком, его отец приехал в Нью-Йорк, чтобы увидеться с ним, но Уотсон отказался от встречи.

В ранней юности и в молодости Уотсон, по слухам, был типичным правонарушителем. Он сам говорил о себе как о подростке ленивом и непослушном. В учебе он выполнял ровно столько, чтобы обеспечить себе перевод в следующий класс. Учителя характеризовали его как нерадивого ученика, спорщика, часто не поддающегося контролю. Он ввязывался в драки, дважды был арестован, причем один раз за стрельбу в черте города. Тем не менее, в возрасте шестнадцати лет он поступил в баптистский университет Фурмана в Гринвилле, намереваясь стать священником, как когда-то обещал своей матери. Молодой Уотсон изучал философию, математику, латынь и греческий язык и собирался следующей осенью, в 1899 году, закончить университет и поступить в Принстонскую теологическую семинарию.

Но в последний год обучения в университете Фурмана с Уотсоном произошла странная вещь. Профессор предупредил, что те студенты, которые сдадут экзаменационную работу со страницами, расположенными в обратном порядке, получают неудовлетворительную оценку за весь курс. Уотсон вступил в спор, сложил страницы задом наперед и в таком виде сдал экзаменационную работу. И провалился. По крайней мере, так об этом рассказывал сам Уотсон.

Недавние исследования документальных материалов показали, что на самом деле Уотсон вовсе не провалил этот экзамен. Биограф полагает, что история, рассказанная Уотсоном, все же раскрывает нечто в личности ученого, а именно его «двойственное отношение к успеху. Постоянное стремление Уотсона к достижению успеха и одобрения окружающих нередко вступало в противоречие с актами открытого упрямства или импульсивности, которые в большей степени характерны для того, кто уклоняется от респектабельности» (Buckley. 1989. P. II).

Один из преподавателей университета Фурмана вспоминает Уотсона как «блестящего, но несколько ленивого и дерзкого студента, немного тяжеловесного, но мужественно-красивого молодого человека, который был слишком высокого мнения о себе и в большей степени интересовался собственными идеями, чем другими людьми» (Brewer. 1991. P. 174).

Уотсон оставался в университете Фурмана еще год и получил степень магистра в 1900 году, но в этом году скончалась его мать, освободив его от обета стать священником. Вместо того, чтобы поступать в Принстонскую теологическую семинарию, Уотсон направился в Чикагский университет. В то время он был «крайне честолюбивым юношей, озабоченным своим социальным статусом, стремящимся оставить свой след в науке, но совершенно не имеющем понятия о выборе профессии и отчаянно страдавшем от неуверенности из-за недостатка средств и умения вести себя в обществе. Он приехал в студенческий городок, имея всего пятьдесят долларов» (Buckley. 1989. P. 39).

Уотсон выбрал Чикаго для написания своей диссертации по философии вместе с Джоном Дьюи, но через некоторое время оказалось, что он не может найти с Дьюи общего языка. «Я никогда не мог понять, о чем он тогда говорил, - вспоминал Уотсон позднее. - К сожалению, я и сейчас этого не понимаю» (Watson. 1936. P. 274). Его увлечение философией угасло.

Ознакомившись с работами Энджелла в области функциональной психологии, Уотсон увлекся психологией. Кроме того, он начал изучать биологию и физиологию вместе с Жаком Лебом, который изложил ему концепцию механицизма. Уотсон работал в нескольких местах - официантом в пансионе, уборщиком в лаборатории (в его обязанности входило вытирание пыли с рабочего стола Энджелла). Незадолго до окончания аспирантуры Уотсон пережил период, когда у него случались приступы беспочвенного беспокойства, некоторое время он даже не мог спать, если в его комнате не горел свет.

В 1903 году Уотсон получил степень доктора философии и стал самым молодым доктором Чикагского университета. Несмотря на то, что он закончил университет с почетом (*magna cum laude*. Phi Beta Kappa), он испытывал сильнейшее чувство собственной неполноценности, потому что Энджелл и Дьюи сказали ему, что он сдал

экзамен на звание доктора не столь блестяще, как Хелен Томпсон Вули, которая закончила университет за два года до него*.

В том же году Уотсон женился на своей студентке, девятнадцатилетней Мэри Икес, которая вышла из влиятельной в политической и общественной жизни семьи. Молодая женщина в одной из экзаменационных работ написала Уотсону длинное любовное послание в стихах. Неизвестно, получила ли она какую-нибудь ученую степень, но Уотсона она, несомненно, получила.

До 1908 года Уотсон оставался в Чикагском университете в должности преподавателя. Он опубликовал диссертацию, посвященную физиологическому и неврологическому созреванию белой крысы, тем самым продемонстрировав свою приверженность к исследованиям на животных. «Я никогда не хотел проводить опыты на людях, - писал Уотсон. - Мне самому всегда претило быть подопытным. Мне никогда не нравились тупые, искусственные инструкции, которые даются испытуемым. В таких случаях я всегда ощущал неловкость и действовал неестественно. Зато работая с животными, я чувствовал себя как дома. Изучая животных, я стоял ближе к биологии, я стоял обеими ногами на земле. Постепенно у меня сформировалась мысль о том, что, наблюдая за поведением животных, я смогу выяснить все то, что другие ученые открывают, используя подопытных людей» (Watson. 1936. P. 276).

Коллеги Уотсона вспоминают, что он не был силен в области самоанализа. Он определенно не обладал ни талантами, ни темпераментом, необходимыми для проведения самонаблюдений. Возможно, именно этот недостаток и направил его энергию на изучение объективной психологии поведения. Ведь если уж у него ничего не вышло с самоанализом, который являлся основной методикой в избранной им области науки, то перспектива карьеры для него становилась весьма туманной. В этом случае ему необходимо было выработать совершенно иной подход. Кроме того, если психология является наукой, которая изучает только поведение - а это можно исследовать на животных точно так же, как и на людях, - то профессиональные интересы специалиста по зоопсихологии вполне можно ввести в основное русло этой области науки.

В 1908 году Уотсону предложили должность профессора в университете Джонса Хопкинса в Балтиморе. Несмотря на то, что ему совсем не хотелось покидать Чикаго, новая престижная должность, возможность управлять своей лабораторией и значительная прибавка к заработной плате, которую предложил Джонс Хопкинс, не оставили ему иного выбора. Уотсон провел в университете Джонса Хопкинса двенадцать лет, и эти годы стали для него самыми плодотворными.

Человеком, который пригласил Уотсона на работу в университет Джонса Хопкинса, был Джеймс Марк Болдуин (1861-1934), тот самый психолог, который совместно с Кеттелом начал издавать журнал «Психологическое обозрение». Через год после приезда Уотсона Болдуин вынужден был уйти с работы в результате крупного скандала: его задержали во время полицейской облавы в публичном доме. Объяснения Болдуина о причинах его пребывания в этом мало почтенном заведении не показались президенту университета удовлетворительными. «Я по глупости согласился на предложение посетить после ужина бордель, - сказал Болдуин, - чтобы посмотреть, что там происходит. Пока я не попал туда, я понятия не имел о том, что в этом месте собираются женщины непристойного поведения» (Evans & Scott. 1978. P. 713).

* О Вули Дьюи говорил как о наиболее выдающейся студентке, которая у него когда-либо училась; она закончила университет с *summa cum laude* и позднее стала первым исследователем психологии женщин (см. главу 16) (James. 1994).

Болдуин стал изгоем в американской психологии и провел остаток жизни в Европе. Спустя одиннадцать лет история повторилась, когда президент того же университета потребовал отставки Уотсона по причине скандала.

Но в то время, после отставки Болдуина, Уотсон получил повышение. Он стал заведующим кафедрой психологии и занял место Болдуина в качестве редактора влиятельного журнала «Психологическое обозрение». Таким образом, в возрасте тридцати одного года Уотсон стал важной персоной в американской психологии. Он оказался в нужном месте в нужное время.

В университете Джонса Хопкинса Уотсон пользовался огромной популярностью среди студентов. Они посвятили ему выпускной альбом и объявили самым красивым профессором, что несомненно является уникальным в истории психологической науки знаком отличия. Уотсон, как и прежде, оставался столь же честолюбивым и целеустремленным, нередко он доводил себя до грани истощения. Он постоянно боролся против «страха утратить контроль, и потому заставлял себя работать еще напряженнее» (Buckley. 1989. P. 67).

С 1903 года он начал серьезно размышлять о более объективном подходе к психологии, а впервые публично высказал эти идеи в 1908 году в Балтиморе, во время ежегодной конференции Южного общества психологии и философии. В своей статье Уотсон утверждал, что концепции психических процессов, или процессов мышления, «не имеют никакой научной ценности» (Pate. 1993. P. 5). В 1912 году по приглашению Кеттела Уотсон выступил с циклом лекций в Колумбийском университете, где затронул те же самые вопросы. В следующем году он опубликовал свою, ставшую знаменитой, статью в журнале «Психологическое обозрение» (Watson. 1913), положив таким образом начало бихевиоризму как разделу науки.

Книга «Поведение: введение в сравнительную психологию» (*Behavior: An Introduction to Comparative Psychology*) появилась в 1914 году. В этой работе Уотсон выступает за признание зоопсихологии и описывает преимущества использования подопытных животных в психологических исследованиях. Многим более молодым психологам и аспирантам его идеи о психологии поведения показались привлекательными. Они считали, что Уотсон очистил затхлую атмосферу психологической науки, отбросив устаревшие мифы, перенесенные из философии.

Мэри Ковер Джонс (1896-1987), в те годы аспирантка, а затем президент Департамента развития психологии при Американской психологической ассоциации, вспоминает, с каким восхищением и энтузиазмом приветствовалось появление каждой новой работы Уотсона. «Они потрясли основы традиционной европейской психологии, и мы радостно приветствовали их... он указал путь от диванной психологии к действию и реформам, и мы воспринимали его методы как панацею...» (Jones. 1974. P. 582). Более старые психологи не были в такой степени захвачены программой Уотсона. Фактически, многие отвергали его подход.

Только через два года после публикации статьи в журнале «Психологическое обозрение» Уотсон был избран президентом Американской психологической ассоциации. В то время ему исполнилось тридцать семь лет. Это избрание не следует считать официальным одобрением его позиций. Оно скорее явилось признанием его значительной роли в области психологии и его тесных личных связей со многими выдающимися психологами.

Уотсон хотел, чтобы бихевиоризм имел практическое значение. Его идеи имели отношение не только к работе в лабораториях, но и ко всему окружающему миру, и потому он напряженно работал, продвигая специалистов по прикладной психологии. В 1916 году он стал консультантом по персоналу в крупной страховой компании и предложил прочитать курс лекций по психологии рекламы для студентов, изучающих бизнес в университете Джонса Хопкинса.

Профессиональная деятельность Уотсона была прервана начавшейся первой мировой войной, он стал майором авиационной службы. После войны, в 1918 году, он начал проводить исследования на детях, что стало одной из самых первых попыток проведения экспериментальной работы с детьми.

Его следующая книга «Психология с точки зрения бихевиориста» (*Psychology from the Standpoint of a Behaviorist*) была опубликована в 1919 году. Она являлась более полным изложением основ бихевиоризма и утверждала, что методы и принципы, рекомендуемые для зоопсихологии, являются уместными и при изучении поведения людей.

Тем временем семейная жизнь Уотсона постепенно шла к крушению. Его неверность огорчала жену. В письме к Энджеллу Уотсон писал, что жена больше не любит его. «Она инстинктивно не переносит моей близости... Неужели мы сами так запутали нашу жизнь?» (цит. по: Backley.

1994. P. 27). Однако Уотсон был готов запутать свою жизнь еще больше. Он влюбился в свою аспирантку и ассистентку Розалию Рейнер, в девушку вдвое младше его по возрасту, из богатой балтиморской семьи (Рейнеры делали университету крупные денежные пожертвования). Уотсон писал ей страстные (хотя и несколько наукообразные) любовные послания, пятнадцать из которых были перехвачены его женой. Выдержки из этих писем были опубликованы в газете «Baltimore Sun» во время сенсационного бракоразводного процесса, который не замедлил последовать. «Каждая клетка моего тела принадлежит тебе, индивидуально и в совокупности... - писал Уотсон. - Моя общая реакция на тебя только положительна. Соответственно положительна и реакция моего сердца. Я не могу быть твоим в большей степени, разве что нас хирургическим путем превратят в единое существо» (цит. по: Pauly. 1979. P. 40).

Это положило конец многообещающей академической карьере Уотсона. Его вынудили подать в отставку и покинуть университет Джонса Хопкинса. «Уотсон был поражен. До самого конца он отказывался верить, что его действительно могут выгнать с работы... он был уверен в том, что его положение в науке делает его неуязвимым против любого вмешательства в его личную жизнь» (Backley. 1994. P. 31). Несмотря на то, что Уотсон женился на Розалии Рейнер, он так никогда и не смог получить академической должности. Ни один университет не осмеливался пригласить его на постоянную работу из-за репутации, связанной с его именем, и вскоре он понял, что должен начать новую жизнь. «Я могу найти себе применение в коммерции, - писал он другу. - Но если честно, я люблю мою работу. Я чувствую, что моя работа важна для психологии и что тот маленький огонек, который я старался поддерживать ради будущего науки, будет затоптан, стоит лишь мне уйти» (цит. по: Pauly. 1986. P. 39).

Многие коллеги из научного мира, в том числе и наставник Уотсона, Энджелл из Чикагского университета, открыто критиковали его. Он испытал горькую обиду и «так никогда и не смог простить академическое сообщество, которое, как ему казалось, предало его» (Brewer. 1991. P. 179- 180). По иронии судьбы, один только Э. Б. Титченер из Корнеллского университета, несмотря на всю разницу темпераментов, оказал Уотсону эмоциональную поддержку во время его душевного кризиса.

Безработный, обязанный выплачивать алименты бывшей жене и детям в размере двух третей заработка, Уотсон начал вторую профессиональную карьеру - прикладного психолога в области рекламы. В 1921 году он поступил в рекламное агентство Дж. Уолтера Томпсона, на годовой оклад в 25 тысяч долларов, что в четыре раза превышало его академические заработки. Он проводил опросы потребителей, продавал кофе, работал кассиром в универсаме Мэйси - и все это для того, чтобы лучше познакомиться с миром бизнеса. Работая со свойственной ему энергией и одаренностью, он в течение трех лет стал вице-президентом фирмы. В 1936 году он перешел в другое агентство, где и работал до ухода в отставку в 1945 году.

Уотсон полагал, что люди действуют, как машины, и что их поведение в качестве потребителей можно контролировать и предсказывать, как и поведение других машин. Для того, чтобы управлять потребителем, «необходимо лишь поставить перед ним фундаментальный или условный эмоциональный стимул... сказать ему что-то такое, что scuет его страхом или вызовет легкое раздражение, или вызовет приступ нежности и любви, или коснется глубоко запрятанных психологических или житейских потребностей» (цит. по: Barkicy. 1982. P. 212).

Он предположил, что поведение потребителя необходимо изучать в лабораторных условиях, и настаивал на том, что рекламные сообщения должны делать акцент не столько на содержании, сколько на форме и стиле, должны стремиться произвести впечатление новым дизайном или образом. Цель состоит в том, чтобы заставить потребителя почувствовать неудовлетворенность теми товарами, которыми он пользуется в настоящее время, и разбудить в нем желание обладать новыми.

В течение многих лет Уотсону приписывали первенство в высказывании идеи привлечения знаменитостей для рекламы товаров и услуг, а также в применении методов манипулирования мотивами, эмоциями и потребностями людей. Недавние исследования показали, что, несмотря на активное продвижение этих методов Уотсоном, они уже применялись до того, как он занялся рекламной деятельностью (Coop. 1994: Kreshel. 1990). Тем не менее, вклад Уотсона в рекламный бизнес был довольно ощутимым и дал ему положение, процветание и известность.

После 1920 года все контакты Уотсона с миром науки стали исключительно косвенными. Он уделял много времени популяризации своих идей, с помощью различных средств массовой информации. Он читал лекции, выступал на радио, публиковал статьи в популярных журналах, таких как «Harper's», «Cosmopolitan», «McCall's», «Collier's», «Nation», что несомненно способствовало расширению его известности.

В своих статьях Уотсон предпринял попытку донести идеи бихевиоризма до широкой публики. Он излагал все простым и понятным, можно даже сказать, примитивным языком. В своей автобиографии он писал, что, поскольку у него нет больше возможности публиковать свои работы в научных психологических журналах, то он не видит причин, почему бы ему не попытаться <продать свои изделия> широкой публике (Watson. 1936). Несмотря на то, что эти публикации популяризировали его научные идеи, Уотсон подвергся еще большему отчуждению научной общественности. «Те, кто не особенно терпимо относился к более широкому применению принципов психологии или бихевиоризму как научной доктрине в целом, проявили еще меньше терпимости по отношению к "кампании" Уотсона» (Kreshel. 1990. P. 56).

Единственным официальным контактом Уотсона с академической психологией явилась серия лекций, прочитанная им в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорк Сити. Эти лекции послужили основой его будущей книги «Бихевиоризм» (*Behaviorism*, 1925, 1930), в которой он излагал свою программу оздоровления общества.

В 1928 году он опубликовал книгу о воспитании детей «Психологическое воспитание ребенка» (*Psychological Care of the Infant and Child*), в которой описал отнюдь не либеральную, а скорее предписывающую выполнение строгих правил, систему воспитания ребенка - систему, способствующую формированию у ребенка устойчивых связей с окружающей средой. Книга содержала множество рекомендаций по воспитанию ребенка в духе бихевиоризма.

К примеру, родителям запрещалось «обнимать и целовать детей» и рекомендовалось «никогда не позволять им садиться к себе на колени. Можно в крайнем случае один раз поцеловать ребенка в лоб, когда он приходит сказать "спокойной ночи". С утра можно пожать ребенку руку. Можно погладить ребенка по голове, если он особенно хорошо выполнил трудное задание... вы увидите, насколько просто быть вполне объективным по отношению к собственному ребенку, и в то же самое время добрым. Вы сами устыдитесь того, сколь сентиментально и слащаво вы обращались с ребенком раньше» (Watson. 1928. P. 81-82).

Эта книга преобразила принятую в Америке практику воспитания детей, она оказала на людей самое сильное влияние из всего, что было написано Уотсоном. Поколения детей, включая его собственных, были воспитаны в соответствии с установленными предписаниями. Сын Уотсона Джеймс, предприниматель из Калифорнии, вспоминал в 1987 году, что отец не мог позволить себе проявлений нежности по отношению к детям, никогда не целовал их и не прикасался к ним.

Он писал, что отец был «неотзывчивым, не способным к эмоциональному общению, он не умел выразить собственные чувства и переживания, не мог совладать с ними. Он намеренно, как я считаю, лишил меня и моего брата всяческой душевной поддержки. Он глубоко веровал в то, что любое проявление нежности или привязанности окажет на нас вредное влияние. В своем стремлении претворить в жизнь свои научные бихевиористские идеи он был непреклонен» (цит. по: Hannush. 1987. P. 37-138).

Розалия Рейнер Уотсон опубликовала статью в журнале для родителей, озаглавленную «Я - мать сыновей бихевиориста» (*I am the Mother of a Behaviorist's Sons*), в которой она высказывает некоторое несогласие с методами воспитания, практикуемыми ее мужем. Она писала, что ей со своей стороны трудно полностью подавить проявления нежности к детям и что нередко она страстно желает поломать рамки и правила бихевиоризма. Правда, ее сын Джеймс что-то не может припомнить, чтобы такое когда-либо происходило.

Уотсон был умен, умел хорошо говорить, его мужественная красота и легендарное обаяние сделали его знаменитостью. Большую часть своей жизни он был на глазах у широкой публики и с удовольствием принимал знаки внимания. Его одежда всегда была элегантной и стильной. Он принимал участие в гонках на скоростных катерах. Он общался со сливками общества Нью-Йорка и «гордился тем, что может на спор выпить больше, чем любой другой» (Buckley. 1989. P. 177).

Кроме того, он считал себя хорошим любовником и искателем романтических приключений. Он привлекал толпы молодых поклонниц (Brewer. 1991. P. 180; Bumham.

1994. P. 69). В штате Коннектикут он завел себе имение со множеством слуг, но тем не менее любил одеться в старую одежду и собственноручно выполнять все работы по саду.

Жизнь Уотсона изменилась в 1935 году, когда умерла его жена Розалия. Джеймс вспоминает, что это был единственный случай, когда он увидел отца плачущим. На какое-то короткое мгновение Уотсон обнял сына за плечи. Миртл Мак Гро, психолог из Нью-Йорка, встретила Уотсона вскоре после этого события. Он рассказал ей, насколько неподготовленным он оказался к смерти жены: будучи на 20 лет старше Розалии, он всегда был уверен в том, что умрет раньше. Он долго беседовал с Мак Гро и «сомневался, что когда-нибудь сможет оправиться от своего горя» (McGraw. 1990. P. 936).

Действительно, Уотсон так никогда и не оправился. Он стал затворником, изолировал себя от всяких общественных контактов и полностью погрузился в работу. Он продал свое имение и перебрался в деревянный фермерский домик, который напоминал дом его детства.

В 1957 году, когда Уотсону исполнилось 79 лет. Американская психологическая ассоциация проголосовала за то, чтобы внести его имя в почетный список, оценив его работу как «одну из определяющих в современной психологии... как исходную точку многих плодотворных исследований различных направлений». Компаньон привел Уотсона в гостиницу в Нью-Йорке, где должна была состояться церемония. Но «в последний момент Уотсон отказался войти и настоял на том, чтобы на церемонии вместо него присутствовал его старший сын... Уотсон боялся, что в ответственный момент чувства захлестнут его и что апостол полного контроля за поведением не выдержит и разрыдается» (Buckley. 1989. P. 182).

Он умер в следующем году. Но прежде сжег все свои письма, рукописи и заметки, бросая их в огонь одно за другим - он ничего не оставил историкам.

Первоисточники по истории бихевиоризма: из книги «Психология глазами бихевиориста» Джона Б. Уотсона

Нет лучшей исходной точки для обсуждения бихевиоризма Уотсона, чем самая первая работа, которая послужила началом всему движению «Психология глазами бихевиориста» (Psychology as the Behaviorist Views It) из журнала «Психологическое обозрение» за 1913 год. В характерном для него четком и ясном стиле Уотсон говорит о следующих вопросах:

1. Об определении и задачах психологии.
2. О критике структурализма и функционализма.
3. О роли «наследственных и поведенческих факторов» в адаптации организма к окружающей среде.
4. О том, что область прикладной психологии является истинно научной, поскольку она занята поиском общих законов, которые могут быть использованы для контроля за поведением.
5. О важности обеспечения единообразности экспериментальных процедур при исследованиях как людей, так и животных.

Психология, как ее видит представитель бихевиоризма, представляет собой чисто объективную экспериментальную отрасль естественных наук. Ее теоретической задачей является прогнозирование поведения и управление поведением. Интроспекция не является существенной частью этого метода, так как научные данные интроспекции зависят от того, каким образом они могут быть выражены в терминах существования сознания. Бихевиорист в своем стремлении выработать унитарную схему реакций животного не видит никакой разделительной черты между человеком и животным. Поведение человека, при всей его сложности и высоком уровне развития, составляет только часть общей схемы исследований в бихевиоризме.

В качестве основной проблемы приверженцами феномена сознания, с одной стороны, был взят анализ сложных душевных состояний (или процессов) и разложение их на элементарные составляющие, с другой - конструирование сложных состояний на основе заданных элементарных составляющих. Мир физических объектов (раздражений или стимулов, которые включают все, что может инициировать активность рецепторов), который формирует общий круг феноменов, подлежащих исследованию ученого-естествоиспытателя, рассматривается ими просто как средство для достижения результата. Этим результатом является создание таких психических состояний, которые можно «исследовать» или «наблюдать». Объектом наблюдения в случае рассмотрения эмоций является само психическое состояние. Проблема состоит в том, чтобы определить количество и типы присутствующих элементарных составляющих, их расположение, интенсивность, порядок проявления и т. д.

Не подлежит обсуждению тот факт, что интроспекция является методом *par excellence*, с помощью которого ради научной цели можно осуществлять манипулирование психическими состояниями. При таком допущении информация о поведении (данный термин включает все, что проходит под флагом сравнительной психологии) сама по себе не имеет никакой ценности. Эта информация приобретает ценность постольку, поскольку может пролить свет на состояние сознания. Подобная информация может иметь лишь аналоговое или косвенное отношение к области научной психологии...

Я вовсе не хочу подвергать психологию безосновательной критике. За последние пятьдесят с лишним лет своего существования в качестве экспериментальной дисциплины она и так уже потерпела сокрушительную неудачу и так и не смогла занять свое место в ряду бесспорных естественных наук. Психология, как ее обычно воспринимают, в своих методах является чем-то эзотерическим. Если вы не можете воспроизвести результаты моих исследований, то это происходит не по причине отказа вашей аппаратуры или плохого контролирования стимулов, а потому, что ваша интроспекция не достаточно хороша. Нападкам подвергается наблюдатель, а не экспериментальная установка.

В физике и химии в первую очередь подвергаются сомнению условия эксперимента. Либо приборы не были достаточно чувствительными, либо использовались недостаточно чистые химические вещества, и так далее. В этих науках улучшенная методика приводит к получению отчетливых результатов. В психологии же все наоборот. Если вы не можете наблюдать от трех до девяти состояний ясности внимания, то у вас определенно не в порядке интроспекция. Если же, напротив, какое-то ощущение является для вас особенно ясным, то опять-таки интроспекция виновата. Вы видите слишком многое. Чувства никогда не бывают четко выраженными.

Похоже, что наступили такие времена, когда психология должна полностью отказаться от каких-либо ссылок на сознание. Нет больше необходимости обманывать себя измышлениями о том, что именно психические состояния являются предметом

наблюдения. Мы настолько запутались в спекулятивных вопросах, связанных с элементами сознания, с природой содержимого сознания.., что я, как исследователь-экспериментатор, чувствую неправомерность самих наших исходных положений и тех проблем, которые мы развиваем на их основе.

В настоящее время невозможно гарантировать, что, используя терминологию современной психологии, мы подразумеваем под применяемыми терминами одно и то же. Рассмотрим, например, такое понятие как ощущение. Ощущение определяется набором своих атрибутов. Один психолог с готовностью утверждает, что атрибутами визуального ощущения являются качественные характеристики, протяженность в пространстве, продолжительность во времени и интенсивность. Другой добавит четкость. Третий приплюсует упорядоченность. Я сомневаюсь в том, что какой-либо психолог сможет сформировать набор утверждений, описывающих то, что он подразумевает под ощущением, таким образом, чтобы с этим набором утверждений могли согласиться три других психолога, получивших иное образование.

Теперь перейдем ненадолго к вопросу о количестве изолированных ощущений. Существует ли огромное множество ощущений цвета или же их только четыре: красный, зеленый, желтый и синий? Опять-таки, желтый цвет, являющийся с точки зрения психологии простым, формируется в результате наложения красных и зеленых спектральных лучей на одну и ту же рассеивающую поверхность. Если же, с другой стороны, мы станем утверждать, что каждое, едва заметное различие в восприятии спектра дает нам новое простое ощущение, то мы вынуждены будем признать, что количество простых ощущений настолько велико, а условия получения их настолько сложны, что это делает саму концепцию ощущения совершенно бесполезной и для целей анализа, и для целей синтеза.

Титченер, который в нашей стране вел доблестное сражение за психологию, основанную на интроспекции, чувствовал, что эти различия во мнениях, касающиеся количества ощущений, их атрибутов, существования связей (элементов), и многие другие вопросы, возникающие при любой попытке проведения анализа, естественным образом говорят о современном недоразвитом состоянии психологии. Поскольку допускается, что любая развивающаяся наука полна вопросов, на которые нет ответа, несомненно, только те, кто привязан к существующей, известной нам системе, кто боролся и страдал за нее, могут свято верить в то, что впереди возможно большее, чем в настоящее время, единообразие в ответах на подобные вопросы.

Лично я твердо убежден в том, что и через двести лет, если только интроспективные методы не будут попросту отброшены, психологи не перестанут задавать вопросы о том, имеет ли слуховое ощущение атрибут длительности, можно ли применить понятие интенсивности как атрибут цвета, существует ли разница в текстуре между образом и ощущением, и еще сотни подобных вопросов...

Я веду спор не только с систематическими или структурными психологами. За последние пятнадцать лет наблюдался рост того, что называется функциональной психологией. Этот тип психологии открыто отрицает использование понятия, элементов в том смысле, как это принято у структуралистов. Напротив, усиливается акцент на физиологическую природу процессов сознания, вместо разбиения состояний сознания на интроспективные изолированные элементы.

Я сделал все, что было в моих силах, чтобы осознать различие между структурной и функциональной психологией. Однако вместо ясности я обрел только еще большую

путаницу понятий. Такие термины как «ощущение», «восприятие», «аффектация», «эмоция», «воля», используются в равной степени как структуралистами, так и функционалистами... определенно, если эти концепции являются настолько ускользающими при рассмотрении их содержания, то они оказываются еще более обманчивыми при попытках разобраться в их функциях, а особенно в тех случаях, когда функция рассматривается при использовании методов интроспекции...

Я был весьма удивлен, когда, некоторое время тому назад, открыв книгу Пилсбери, обнаружил определение психологии как «науки о поведении». Еще более поздний текст определяет психологию как «науку о психическом поведении». Когда я увидел эти многообещающие утверждения, я подумал, что теперь-то мы получим работы, основанные на других принципах. Но уже через несколько страниц «наука о поведении» отбрасывается, и мы снова видим привычные понятия ощущения, восприятия, воображения и так далее, приправленные небольшим числом новых данных и несколько смещенными акцентами, которые призваны донести до читателя личные особенности автора.

Я уверен, что мы можем писать о психологии, давая ей определение в духе Пилсбери, и затем никогда не отходить от этого определения и никогда больше не применять таких терминов, как «сознание», «психическое состояние», «разум», «содержание», «интроспективная верификация» и так далее... Все это можно проделать, используя такие термины, как «раздражение», «реакция», «формирование поведения», «интеграция поведения» и им подобные. Более того, я уверен в том, что есть смысл предпринять такие попытки уже сейчас.

Та психология, которую я попытаюсь построить, в качестве своих исходных позиций будет принимать, во-первых, тот наблюдаемый факт, что организмы, как человека, так и животных, действительно адаптируются к окружающей среде с помощью средств, доставшихся им по наследству или приобретенных самостоятельно. Эта адаптация может быть весьма адекватной, или же настолько неадекватной, что организм может с трудом поддерживать свое существование. Во-вторых, некоторые раздражения заставляют организм ответно реагировать. В тщательно разработанной научной системе психологии можно прогнозировать реакцию организма при данном раздражении, или, наоборот, определить раздражение при известной реакции организма. Я понимаю, что подобный набор утверждений выглядит крайне сырым и самоуверенным, как, впрочем, и все смелые обобщения. И все-таки он является менее сырым и более понятным, чем те понятия, которыми изобилуют психологические сочинения наших дней...

Что дает мне уверенность в том, что позиции бихевиоризма можно защищать, так это факт, что те отрасли психологии, которые уже частично отделились от породившей их экспериментальной психологии и которые, следовательно, в меньшей степени зависят от интроспекции, в настоящее время находятся в состоянии наибольшего процветания. Экспериментальная педагогика, психология наркотиков, психология рекламы, психология права, психология опытов, психопатология являются стремительно развивающимися, жизнеспособными отраслями науки. Их нередко совершенно неправильно называют <практическими> или <прикладными> отраслями психологии. Можно с уверенностью сказать, что трудно придумать более неподходящее название. В будущем, возможно, будут развиваться бюро профессиональной ориентации, которые применяют психологию на практике. В настоящее время эти области являются чисто научными и находятся в состоянии поиска широких обобщений, которые приведут к истинному контролю за человеческим поведением.

Например, экспериментальным путем можно выяснить, как лучше учить стихи, состоящие из отдельных строф: запоминать все сразу или же заучивать одну строфу, а затем переходить к следующей и так далее. Мы вовсе не собираемся руководить практическим внедрением сделанных нами открытий; применение разработанных принципов полностью отдается на усмотрение учителя.

В психологии наркотиков мы можем указать, каковы будут последствия принятия внутрь определенных доз кофеина. Мы можем прийти к заключению, что определенные дозы кофеина оказывают благотворное воздействие на скорость и точность выполнения работы. Но это не более чем изложение общих принципов. Мы оставляем на усмотрение самого человека, воспользуется он или нет нашими результатами.

При исследовании свидетельских показаний мы можем выяснить воздействие срока давности на надежность этих показаний. Мы проверяем показания свидетеля на точность оценки перемещения движущихся объектов, положения статичных объектов, цвета и так далее. Но применение полученных данных опять-таки оставляется на усмотрение судебных властей страны.

Если «чистый» психолог утверждает, что его не интересуют вопросы, поднятые в этих разделах науки, поскольку они лишь косвенно связаны с применением психологии, это говорит о том, что он, во-первых, не способен понять научную значимость этих проблем, а во-вторых, что он не интересуется психологией, которая занимается человеческой жизнью. Единственный промах, который я обнаружил в вышеупомянутых психологических направлениях, заключается в том, что большая часть материала излагается в терминах интроспекции, тогда как утверждения в терминах объективных результатов были бы намного ценнее. Честно говоря, я так и не понял причину, по которой следовало бы обращаться к термину сознания; или искать в ходе экспериментов интроспективные данные и публиковать их в результатах исследований.

В экспериментальной педагогике просматривается стремление разместить все результаты в чисто научной, объективной плоскости. Если это будет сделано, то работу над людьми можно будет непосредственно сравнить с работой над животными. Например, в университете Хопкинса мистер Ульрих получил определенные результаты по изучению процесса научения, используя в качестве подопытного материала крыс. Он готов для сравнения выдавать результаты работы раз в день, три раза в день, пять раз в день. Ему решать, отрабатывать с животными одну задачу до конца или заниматься тремя задачами одновременно. Нам необходимо проведение подобных экспериментов на людях, но при этом мы должны столь же мало беспокоиться об их «процессах сознания», сколь и о «процессах сознания» крыс.

В настоящее время я в большей степени заинтересован в попытках доказать необходимость поддержания единообразия экспериментальных процедур и методов представления результатов опытов на людях и животных, нежели в развитии каких-либо идей об изменениях, которые грядут в сфере изучения психологии человека.

Давайте сейчас рассмотрим диапазон раздражений, на которые реагируют животные. Сначала я коснусь работ, касающихся зрения животных. Мы ставим животное в такие условия, при которых оно отвечает (или учится отвечать) на один из двух монохроматических световых сигналов. Мы кормим его при включении одного сигнала (позитив) и наказываем при включении другого сигнала (негатив). Довольно быстро животное учится подходить к тому сигналу, по которому его кормят.

На этом этапе возникает вопрос, который я могу сформулировать двояко. Я могу выбрать психологический путь и сказать: «Видит ли животное два этих световых сигнала так, как я их вижу - то есть как два различных цвета, или же животное видит два серых пятна, различающиеся по яркости, как это происходит у тех, кто не различает цветов?» Если же сформулировать этот вопрос в духе бихевиоризма, то он будет звучать следующим образом: «На чем основана реакция животного: на различии в интенсивности двух раздражителей или на различии в длине волны?»

Бихевиорист никоим образом не думает о реакции животного в терминах его восприятия цвета и света. Он хочет выяснить, является ли длина волны фактором адаптации для животного. Если да, то какая длина волны является эффективной и какую разность между длинами волн необходимо обеспечить для того, чтобы создать основу для дифферентных реакций? Если длина волны не является фактором адаптации, то он хочет выяснить, какая разность в интенсивности может послужить основой для дифферентных реакций, и будет ли одна и та же разность в интенсивности одинаковой по всему спектру? Более того, он хочет выяснить, способно ли животное реагировать на такие длины волн, которые недоступны человеческому глазу. Он столь же заинтересован в сравнении результатов, полученных при экспериментах с крысой, сколь и при экспериментах с курицей или человеком. Точка зрения ни в малейшей степени не изменяется при различных наборах сравнений.

Каким бы образом ни был поставлен вопрос, мы занимаемся животным после того, как будут сформированы определенные ассоциации, мы проводим контрольные эксперименты, которые позволяют нам получить ответы на только что поставленные вопросы. Но с нашей стороны наблюдается сильнейшее желание поставить в условия подобного эксперимента не только животных, но и человека, и представить результаты обоих экспериментов в единых терминах.

При подобных опытах человек и животное должны быть поставлены как можно ближе по экспериментальным условиям. Вместо того, чтобы кормить или наказывать испытуемого, мы устанавливаем два прибора аппаратуры и просим испытуемого с помощью средств управления видоизменять один из раздражителей, добиваясь дифференциации восприятия, и при этом постоянно выражать свою ответную реакцию. Не подвергаю ли я себя опасности обвинения в использовании интроспекции? Мой ответ - ни в малейшей степени. Конечно, я мог бы и человеку давать пищу за правильный выбор или наказывать его за неправильный, тем самым добиваясь требуемой реакции, но я не вижу необходимости идти на такие крайние меры.

Однако следует хорошо понимать, что я просто использую описанный метод как сокращенный бихевиористский. Иногда мы и в этих случаях можем получить такие же результаты, как при использовании полноценного метода. Но в большинстве случаев такой прямой подход и типично человеческие методы не могут быть с уверенностью использованы.

Предположим, например, что в описанном выше эксперименте я сомневаюсь в точности установки контрольного прибора, что вполне может произойти, если я подозреваю наличие дефекта зрения. Попытаться получить у него интроспективный отчет - безнадежное дело. Он может сказать: «Нет никакой разницы в ощущениях, оба сигнала одинакового красного цвета». Но предположим, я организую условия эксперимента таким образом, что человека наказывают, если он не реагирует нужным образом. Я по своей воле меняю раздражители и заставляю испытуемого отличать одно от другого. Если испытуемый может научиться перестраиваться и адаптироваться даже после большого

количества попыток, то это свидетельствует о том, что два раздражителя действительно ведут к формированию основы для дифференцирующей реакции. Такой метод может показаться безумным, но я твердо уверен в том, что мы должны все больше полагаться именно на такие методы, особенно в тех случаях, когда у нас имеются основания для сомнений в надежности чисто словесных...

Ситуация при исследовании памяти мало отличается от описанной. Почти все методы изучения памяти, применяемые в настоящее время в лабораториях, дают те же результаты, о которых я говорил. Испытуемому предоставляется набор бессмысленных слогов или иной материал для запоминания. Нас интересуют данные о скорости формирования навыка, об ошибках, об особенностях формы кривой забывания, об устойчивости выработанного навыка, о соотношении данного навыка с другими, полученными в результате использования более сложного материала, и т. д. В настоящее время эти результаты получают в форме интроспективного отчета испытуемого. Эксперименты проводятся с целью рассмотрения механики психических процессов, участвующих в запоминании, обучении, припоминании и забывании, а вовсе не для того, чтобы понять, каким образом у человека формируется тот или иной способ решения задач в крайне сложных условиях, в которые он поставлен, и не для того, чтобы указать на подобие и различия способов, присущих и человеку, и животному.

Ситуация несколько меняется, когда мы переходим к изучению более сложного поведения, имеющего отношение к воображению, пониманию, формированию суждений и т. д. В настоящее время все утверждения, относящиеся к этим понятиям, формулируются в терминах внутреннего содержания сознания. Наши умы настолько отравлены пятьюдесятью с лишним годами, которые были посвящены исследованиям состояния сознания, что мы можем смотреть на эти проблемы только одним способом.

Мы должны посмотреть правде в глаза и честно сказать, что не способны проводить исследования по этим направлениям с использованием тех поведенческих методов, которые приняты в настоящее время. В качестве оправдания... я хочу привлечь внимание... к тому факту, что и интроспективный метод в этом направлении завел исследования в тупик. Сами предметы изучения от неподобающего обращения стали настолько потертыми, что следует на некоторое время отложить их в сторону. Когда наши методы будут разработаны тщательнее, у нас появится возможность проводить исследования все более и более сложных форм поведения. Те проблемы, решение которых сейчас приходится откладывать, со временем станут настоятельно требовать разрешения, но по мере возникновения этих проблем они будут рассматриваться под новым углом зрения и в более конкретных условиях...

Тот план развития, который я считаю наиболее благоприятным для психологии как науки, должен привести к полному игнорированию концепции сознания в том виде, в котором оно используется современными психологами, фактически, я отрицаю, что это царство психики является доступным для экспериментальных исследований. Я не хочу более углубляться в данную проблему, потому что это неизбежно ведет в дебри метафизики. Если вы дадите бихевиористу возможность использовать понятие сознания точно так же, как его используют прочие естественные науки, - то есть, не превращая сознание в особый объект наблюдения - то вы тем самым дадите ему все то, что требуется.

Я полагаю, что в заключение должен признать свою сильную предвзятость в этих вопросах. Я посвятил примерно двадцать лет жизни проведению экспериментов на животных. Естественно, что такой человек переходит на теоретические позиции, которые гармонично сочетаются с его экспериментальной деятельностью. Возможно, я сделал

соломенное чучело и храбро воевал против него. Возможно, между теми положениями, которые я здесь описал, и положениями функциональной психологии имеется какая-то гармоническая связь. Но все же, я сомневаюсь в том, что эти положения можно согласовать. Несомненно, та точка зрения, которую я защищаю, в настоящее время является достаточно слабой, и ее можно атаковать с самых разных позиций. И тем не менее, даже признавая это, я все же чувствую, что высказанные мною соображения должны оказать глубокое влияние на тот вид психологии, который должен развиваться в будущем. Нам же необходимо начинать работать в области психологии, ставя объективной целью нашего наступления не сознание, а поведение.

Реакция на программу Уотсона

Нападки Уотсона на традиционную психологию и его призыв к созданию нового подхода оказались волнующе привлекательными. Давайте снова рассмотрим основные положения Уотсона. Психология должна стать наукой о поведении, а не интроспективным исследованием сознания или чисто объективной экспериментальной отраслью естественных наук. Исследованию подлежит поведение как людей, так и животных.

Современная психология должна отбросить все менталистические концепции и использовать только концепции бихевиоризма, такие как раздражение (стимул) и реакция. Задачей психологии является прогнозирование поведения и управление поведением.

Несмотря на свою привлекательность, программа Уотсона не везде была встречена с распростертыми объятиями. Поначалу бихевиоризм привлек лишь ограниченное внимание в профессиональных изданиях. И только после публикации в 1919 году книги Уотсона «Психология с точки зрения бихевиориста» (*Psychology from the Standpoint of a Behaviorist*) новое движение обрело силу (Todd, 1994).

Одним из тех психологов, кто не соглашался с Уотсоном, была Мэри Уайтон Калкинс. Подвергая сомнению отрицание интроспекции, она выступала от имени тех психологов, которые полагали, что отдельные психологические процессы могут быть исследованы только с помощью интроспекции. Спор продолжался в течение нескольких лет, иногда он специально подогревался: Маргарет Флой Уошбэрн дошла до того, что назвала Уотсона врагом психологии.

Однако движение в поддержку идей Уотсона продолжало шириться, особенно в среде молодых психологов, и к началу двадцатых годов университеты уже предлагали курсы по изучению бихевиоризма, а само слово «бихевиоризм» начало появляться на страницах профессиональных изданий. Вильям Мак-Дугалл, оппонент бихевиоризма, настолько забеспокоился из-за растущей популярности нового течения, что даже выступил с публичным предостережением. Э. Б. Гитченер жаловался, что бихевиоризм захлестывает страну подобно приливной волне. К 1930 году Уотсон с гордостью провозгласил, что бихевиоризм стал настолько сильным течением в науке, что ни один университет уже не осмеливается игнорировать его.

Бихевиоризм, несомненно, успешно развивался, но все же медленно. Те изменения, к которым Уотсон призывал еще в 1913 году, требовали длительного времени. Когда же наконец они произошли, учение Уотсона не было уже единственным видом бихевиоризма.

Методы бихевиоризма

Мы уже могли видеть, что в период первоначального развития научной психологии она стремилась связать себя с более старой, уважаемой, сформировавшейся естественной наукой - физикой. Психология постоянно стремилась перенять методы естественных наук и приспособить их для собственных нужд. Эта тенденция наиболее отчетливо просматривается в бихевиористском учении о мышлении.

Уотсон боролся за то, чтобы психолог всегда ограничивался исключительно данными естественных наук, то есть тем, что является наблюдаемой величиной - иными словами, поведением. Следовательно, в бихевиористских лабораториях допускались лишь строго объективные методы исследований. Методы Уотсона включали следующее: наблюдение с использованием или без использования приборов; методы тестирования; методы дословной записи и методы условных рефлексов.

Метод наблюдения является необходимой основой для всех остальных методов. Методы объективного тестирования использовались уже ранее, но Уотсон предложил при тестировании оценивать не психические качества человека, а его поведение. Для Уотсона результаты теста не являлись показателем ума или личных качеств; они демонстрировали реакцию испытуемого на определенные раздражители или стимулирующие ситуации, созданные при проведении теста, - и ничего другое.

Метод дословной записи является более противоречивым. Поскольку Уотсон столь решительно был настроен против интроспекции, то использование в его лаборатории метода дословной записи казалось весьма спорным. Некоторые психологи считали это компромиссом, с помощью которого Уотсон позволял интроспекции пролезть через черный ход после того, как ее выкинули в парадного крыльца. Почему же Уотсон допускал дословную запись? Несмотря на его враждебность по отношению к интроспекции, он не мог полностью игнорировать работы психофизиков, которые широко применяли интроспекцию. Следовательно, он предположил, что, поскольку речевые реакции являются объективно наблюдаемыми явлениями, они представляют для бихевиоризма такой же интерес, как и любые другие моторные реакции. Уотсон говорил: «Говорить - значит делать; значит, это поведение. Говорить открыто или про себя (мыслить) является столь же объективным видом поведения, как и игра в бейсбол» (Watson. 1930. P. 6).

Метод дословной записи в бихевиоризме явился уступкой, которая широко обсуждалась критиками Уотсона. Они настаивали на том, что Уотсон предложил просто семантическую замену. Он допускал, что дословная запись может быть неточной и не является удовлетворительной заменой более объективных методов наблюдения, а потому ограничил использование метода дословной записи только теми ситуациями, в которых они могли бы быть подтверждены, - какими, например, являются наблюдения и описание различий между тонами (Watson. 1914). Дословные записи, не подлежащие верификации, - включающие, к примеру, лишние образы мысли или рассказы об ощущениях, попросту исключались.

Наиболее важным методом исследования в бихевиоризме явился метод условных рефлексов, который был разработан в 1915 году, через два года после того, как Уотсон формально провозгласил бихевиоризм. Поначалу методы условных рефлексов применялись в ограниченном диапазоне, и именно Уотсону принадлежит заслуга их широкого внедрения в психологические исследования американцев. Уотсон говорил

психологу Эрнесту Хильгарду, что его интерес к условным рефлексам возрос при изучении работ Бехтерева, хотя позднее он воздавал должное и Павлову (Hilgard. 1994).

Уотсон описывал условные рефлексы в терминах, связанных с раздражителями. Условный рефлекс вырабатывается тогда, когда реакция связывается или ассоциируется с раздражителем, отличным от того, который первоначально вызывал эту реакцию. (Типичным условным рефлексом является слюноотделение у собак в ответ на звук, а не на вид пищи.) Уотсон выбрал этот подход, потому что он обеспечивал объективные методы исследования и анализа поведения - а именно сведение поведения к единичным парам «стимул-реакция» (S-R). Поскольку все поведение можно свести к этим элементарным составляющим, метод условных рефлексов делал возможным проведение исследований сложного человеческого поведения в лабораторных условиях.

Таким образом, Уотсон продолжил атомистическую и механистическую традицию, основанную еще британскими эмпириками и принятую на вооружение структуральными психологами. Он собирался изучать человеческое поведение точно так же, как физики изучают Вселенную, - путем разбиения его на отдельные компоненты, атомы или элементы.

Исключительная приверженность к использованию объективных методов и устранение интроспекции означали изменение роли испытуемых людей. Для Вундта и Титченера испытуемые были одновременно и наблюдателями, и наблюдаемыми. Это означает, что люди сами проводили наблюдения за переживаниями своего сознания. Таким образом, их роль была намного важнее, чем роль самого экспериментатора.

В бихевиоризме испытуемым отводится гораздо более скромная роль. Они больше ничего не наблюдают, напротив, за ними постоянно наблюдает экспериментатор. Участники эксперимента при этом стали называться испытуемыми, или субъектами, а не наблюдателями (DanzJger. 1988; Scheibe. 1988). Истинными наблюдателями теперь стали экспериментаторы, психологи-исследователи, которые определяли условия эксперимента и наблюдали за тем, как субъекты на них реагируют. Таким образом, испытуемые люди были понижены в статусе. Они больше не наблюдали, они только демонстрировали свое поведение. А поведение присуще любому - взрослому, ребенку, психически больному человеку, голубю, белой крысе. Этот подход усилил взгляд на людей как на простые механизмы: «на вход подается раздражение, на выходе наблюдается реакция» (Burt. 1962. P. 232).

Предмет изучения бихевиоризма

Первичным предметом изучения и исходными данными для бихевиоризма Уотсона являются основные элементы поведения: мышечные движения или секреция желез. Психология, как наука о поведении, должна иметь дело только с теми актами, которые можно объективно описать, не прибегая к менталистическим концепциям и терминологии. Несмотря на объявленную задачу свести поведение к единичным парам «стимул-реакция» (S-R), Уотсон утверждал, что бихевиористы в итоге должны изучать поведение организма в целом. Ведь реакция может быть как простейшей, к примеру, подергивание колена, так и более сложной. В последнем случае Уотсон применял термин «акт». Он полагал, что акты реакций включают такие вещи, как употребление пищи, написание книги, игра в бейсбол или строительство дома. Таким образом, акт представляет собой ответную реакцию организма, выраженную движениями в пространстве, - такими, например, как произнесение слов, потягивание или бег.

Все это говорит о том, что Уотсон воспринимал акт реакции в терминах достижения определенного результата - воздействия на окружающую среду, а не как набор мышечных элементов. И тем не менее, по его мнению, акты поведения - вне зависимости от их сложности - могут быть сведены к моторным или железистым реакциям низшего уровня.

Реакции могут явными или неявными. Явные реакции являются внешними и непосредственно наблюдаемыми. Неявные реакции - сокращения внутренних органов, выделения желез, нервные импульсы и т. д. - происходят внутри организма. Несмотря на то, что такие движения не являются внешними, они также считаются элементами поведения. Прибегая к использованию понятия неявной реакции, Уотсон тем самым модифицировал свое требование, что предмет изучения психологии должен быть фактически наблюдаемым. Движения и реакции, которые происходят внутри организма, становятся наблюдаемыми с помощью приборов.

Подобно реакциям, раздражения (стимулы), с которыми имеет дело бихевиоризм, могут быть как простыми, так и сложными. Так длина световой волны, оказывающая воздействие на сетчатку глаза, считается относительно простым раздражителем, но раздражители могут быть и физическими объектами, и более сложными ситуациями (то есть комбинацией различных специфических стимулов). Подобно тому, как комбинация реакций, участвующих в действии, может быть сведена к отдельным составляющим, так и стимулирующая ситуация может быть разложена на составные компоненты.

Таким образом, бихевиоризм имеет дело со всем организмом в целом, со всеми его связями с окружающей средой. Путем анализа совокупностей пар <стимул-реакция> и разложения их на элементарные составляющие можно разработать определенные законы поведения.

Бихевиоризм Уотсона представляет собой попытку построить науку, свободную от менталистических понятий и субъективных методов, науку столь же объективную и здравомыслящую, как физика. Давайте посмотрим, как Уотсон относился к трем основным предметам изучения психологии: инстинкту, эмоциям и мышлению. Как и все создатели систематических теорий, Уотсон разрабатывал бихевиоризм на основе своих глубоких убеждений. В данном случае это означало, что все области поведения должны рассматриваться в объективных терминах <стимул-реакция>.

Инстинкты

Уотсон с самого начала признавал роль инстинктов в поведении. В своей книге «Поведение: введение в сравнительную психологию» (*Behavior: An Introduction to the Comparative Psychology*, 1914 г.) он описывает одиннадцать видов инстинктов. Уотсон изучал поведение крачки, водоплавающей птицы, в болотах острова Гортуга, неподалеку от побережья Флориды. Его сопровождал Карл Лешли, студент университета Джонса Хопкинса. Позднее Лешли вспоминал, что экспедицию пришлось резко свернуть, когда у него и Уотсона закончились сигареты и виски.

К 1925 году Уотсон изменил свою позицию и совершенно отказался от концепции инстинктов. Те аспекты человеческого поведения, которые кажутся инстинктивными, утверждал он, на самом деле являются социально условными рефлексам. Встав на точку зрения, что научение является ключом к пониманию человеческого поведения, Уотсон совершенно отошел от своих прежних взглядов. Более того, он пошел дальше: он не только отрицал роль инстинктов, но даже отказался признавать существование наследственных дарований любого рода! Те качества, которые кажутся наследственными,

утверждал он, прослеживаются только до обучения в раннем возрасте. Дети не рождаются на свет со способностями выдающихся спортсменов или музыкантов, их направляют родители или воспитатели, которые поощряют определенные виды поведения.

Этот акцент на решающее значение воздействия воспитания и окружающей социальной среды - а как следствие, вывод о том, что из ребенка можно сделать все, что пожелает воспитатель, - стал одной из причин небывалой популярности Уотсона.

Уотсон не был одинок в своем предположении, что влияние социального окружения более значимо, чем любые врожденные качества; в психологии уже просматривалась тенденция минимизировать значение влияния инстинктов на поведение. Позиция Уотсона отражала уже происходящий в науке сдвиг. Кроме того, его позиция могла быть обусловлена также характерной для американской психологии начала XX века склонностью к прикладной ориентации. Психологию нельзя применить для модификации или управления поведением, если само поведение не может меняться. Если поведение регулируется силами инстинктов, то его невозможно модифицировать, а если поведение зависит от обучения или тренировки, то оно фактически подлежит изменениям.

Эмоции

Эмоции, согласно Уотсону, являются реакцией организма на специфические раздражители. Такие раздражители, как нападение или агрессия, вызывают внутренние изменения в организме - в частности, учащение сердцебиения, а также те внешние реакции, которые были приобретены в процессе научения. Эта теория не предполагает какого-либо сознательного восприятия эмоций или внутренних ощущений.

При каждой эмоции имеют место определенные виды психологических изменений. Несмотря на то, что Уотсон признавал внешнее проявление ответных реакций, он продолжал верить в преобладание внутренних. Он утверждал, что эмоции являются формой неявного поведения, при котором внутренние ответные реакции проявляются, к примеру, в виде изменения цвета лица, появление потливости или учащенного сердцебиения.

Теория эмоций Уотсона кажется гораздо менее сложной, чем теория Вильяма Джемса. Согласно теории Джемса, изменения в организме следуют непосредственно за восприятием раздражителя, а ощущение этих органических изменений и вызывает эмоции. Уотсон подверг критике позицию Джемса. Отбрасывая сознательный процесс восприятия ситуации и состояния чувств, Уотсон провозгласил, что эмоции могут быть полностью описаны в терминах объективной стимулирующей ситуации, внешних реакций организма и внутренних психологических изменений.

В исследовании, которое уже стало классическим, Уотсон изучал раздражители, которые вызывали у младенцев эмоциональные ответные реакции. Он выяснил, что младенцы демонстрируют три основные эмоциональные реакции: страх, гнев и любовь. Страх порождается громкими звуками и внезапной потерей поддержки; гнев - ограничением свободы движений; любовь - ласками, прикосновениями, укачиванием и поглаживанием.

Уотсон также выявил типичные образцы поведения, соответствующие каждому раздражителю. Он полагал, что страх, гнев и любовь являются единственными эмоциональными реакциями, которые возникают не в процессе научения. Прочие человеческие эмоциональные реакции состоят из этих трех основных эмоций и

формируются в процессе выработки условных рефлексов. Нередко они могут оказаться связанными с такими стимулами, которые исходно не вызывали подобных реакций.

Альберт, Питер и Кролик

Уотсон наглядно продемонстрировал правильность своей теории выработки эмоциональной реакции с помощью условных рефлексов в ходе экспериментального исследования, проведенного с одиннадцатимесячным Альбертом, которого приучили бояться белой крысы, хотя до начала эксперимента он такого страха не испытывал (Watson & Rayner. 1920). Страх сформировался в результате громкого и резкого звука (удар молотком по железной полосе) за спиной Альберта, который он слышал, когда ему показывали крысу. Вскоре ребенок начал проявлять признаки страха уже просто при виде крысы.

Такой обусловленный страх можно распространить на другие раздражители - кролика, белую шубу, бороду деда Мороза и т. д. Уотсон предположил, что многие страхи, тревожные состояния и антипатии взрослых были аналогичным образом сформированы в их раннем детстве.

Эксперименты с Альбертом так никогда и не были успешно завершены. Уотсон описал это исследование как предварительное, а психологи обнаружили в его методологии существенные изъяны. Тем не менее, результаты экспериментов с Альбертом были восприняты в качестве научного свидетельства и цитируются практически в каждом учебнике по основам психологии - причем обычно неправильно (см. Harris. 1979; Samcison. 1980). Исследование 130 вводных учебников психологии, опубликованных с 1920 по 1989 годы, выявило, что эксперименты с Альбертом вошли в число наиболее часто цитируемых (Todd. 1994).

Несмотря на то, что Альберта успешно приучили бояться белых крыс, кроликов и Санта Клауса, Уотсону не удалось отучить его от этих страхов, потому что Альберта уже нельзя было использовать в качестве подопытного материала. Вскоре после этих экспериментов Уотсон покинул мир академической науки и больше не занимался подобными проблемами. Спустя какое-то время, уже работая в области рекламы в Нью-Йорке, он прочитал лекцию о своих исследованиях. В аудитории присутствовала Мэри Ковер Джонс, школьная подруга Розалии Рейнер в Вассаре. Выступление Уотсона вызвало у нее интерес и заставило задуматься о том, можно ли с помощью условных рефлексов избавить ребенка от страхов. Она попросила Розалию представить ее Уотсону, а затем предприняла исследование, которое стало еще одним классическим примером в истории психологии.

Ее подопытного звали Питер; к моменту проведения экспериментов он уже демонстрировал страх перед кроликами, хотя этот страх и не был выработан в лабораторных условиях (Jones. 1924). Когда Питер принимал пищу, в помещение вносили кролика, но держали его на расстоянии, достаточном для того, чтобы не включить реакцию страха. После нескольких попыток кролика начали подносить все ближе и ближе - причем всякий раз это делалось тогда, когда ребенок ел. Со временем Питер привык к кролику и даже начал трогать его, не выказывая признаков страха. С помощью этой процедуры были устранены и другие проявления страха по отношению к похожим предметам.

Исследования Мэри Ковер Джонс считаются провозвестниками бихевиоральной терапии (то есть применения принципов научения для корректировки неадекватного поведения). Она провела их почти за пятьдесят лет до того, как эта методика приобрела широкую

популярность. Мэри Джонс долгое время проработала в Институте благосостояния ребенка при Калифорнийском университете в Беркли. В 1968 году она получила престижную награду «За выдающийся вклад в психологию развития ребенка».

Процесс мышления

Традиционное представление о процессе мышления заключалось в том, что мысли зарождаются в мозге «настолько слабыми, что ни один нейронный импульс не проходит через моторные нервы к мускулам, а следовательно в мускулах и железах не происходит никакой реакции» (Watson. 1930. P. 239). В соответствии с этой теорией, поскольку процесс формирования мысли происходит при отсутствии мускульной реакции, мышление недоступно для наблюдения и проведения экспериментов. Мысль рассматривалась как нечто неуловимое, чисто ментальное и не имеющее физических контрольных точек.

Система бихевиоризма Уотсона предприняла попытку свести мышление к неявному моторному поведению. Уотсон утверждал, что мысль, как и другие аспекты функционирования человека, представляет собой сенсомоторное поведение определенного рода. Он предполагал, что поведение мышления должно включать неявную речевую реакцию или движение. Таким образом, он свел мышление к беззвучному разговору, в основе которого лежат такие же мышечные движения, которые мы усваиваем для привычной речи. По мере того, как дети взрослеют, это «мышечное поведение» становится неслышимым и невидимым, потому что родители и учителя не позволяют детям громко разговаривать самим с собой. Следовательно, мышление превращается в способ беззвучной внутренней беседы.

Уотсон предположил, что основными точками приложения большей части этих неявных поведенческих привычек являются мускулы языка и гортани (так называемая голосовая коробка). Кроме того, он учитывал и мысли, выражаемые жестами, - такими, например, как движение бровей или пожатие плеч, что по сути является внешне проявляемой реакцией на раздражения.

Основным источником уверенности Уотсона в правильности своей теории мышления послужил тот факт, что большинство людей вполне осознают разговор с самим собой в процессе мышления. Например, исследование интроспективных отчетов студентов колледжа выявило, что 73 процента мыслей, записанных в ходе эксперимента, формировались в ходе внутренней беседы (Farthing. 1992).

Однако такое свидетельство оказывается недоступным для бихевиориста, поскольку оно содержит интроспекцию. А Уотсон никак не мог допустить интроспективной поддержки своей бихевиористской теории. Бихевиоризм требовал объективных свидетельств неявного поведения или движения, а потому были предприняты попытки экспериментально записать движения языка и гортани в процессе размышления.

Эти измерения выявили слабые движения, происходящие в тот период, когда подопытные думали. Показания, снятые с пальцев и рук людей с пониженным слухом в процессе размышлений, также продемонстрировали некоторое движение. Несмотря на неспособность добиться более убедительных результатов, Уотсон сохранил веру в существование неявного речевого поведения, демонстрация которого станет реальностью в будущем при наличии более чувствительного лабораторного оборудования.

Популярность и привлекательность бихевиоризма

Почему же смелые выступления Уотсона завоевали такое огромное число приверженцев его идей? Разумеется, подавляющему большинству было совершенно безразлично, что одни психологи выступали за существование сознания, а другие утверждали, что психология утратила здравый смысл, что одни психологи были убеждены в том, что мысли формируются в голове, а другие считали, что в шее. Все эти разногласия порождали ожесточенные дискуссии в среде психологов, но вряд ли это сильно интересовало всех остальных.

Общественность была взбудоражена призывом Уотсона создать общество, базирующееся на научно обоснованном управляемом поведении, свободное от мифов, обычаев и традиций. Его теория давала надежду людям, которые разочаровались в старых идеях. По своей страсти и убежденности бихевиоризм оказался чем-то сродни религии. Среди сотен книг и статей, посвященных новому научному течению, была и книга «Религия по имени бихевиоризм» (*The Religion Called Behaviorism*) (Berman. 1927). Эту книгу прочитал двадцатитрехлетний молодой человек, которого звали Б. Ф. Скиннер. Он сделал обзор книги и послал его в популярный литературный журнал. «Они не стали публиковать [мой обзор], - писал Скиннер позднее, - но в ходе написания этой работы я впервые более или менее определился как бихевиорист» (Skinner. 1976. P. 299). Скиннеру было суждено уточнить и развить положения Уотсона.

Возбуждение и восхищение, вызванные идеями Уотсона, хорошо видны на примере газетного обзора его книги «Бихевиоризм» (*Behaviorism*) (Watson. 1925). Обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» драматически восклицает: «Это новая эпоха в истории интеллектуального развития человечества!» (2 августа 1925 года). Газета «Нью-Йорк Геральд Трибун» назвала книгу Уотсона «самой важной из когда-либо написанных книг». «Мы замираем на мгновение, ослепленные великой надеждой!» (21 июня 1925 года).

Надежда отчасти произрастала на почве убежденности Уотсона в решающей роли воспитания и окружающей обстановки в раннем детстве для формирования поведения, а также его стремления минимизировать влияние наследственных склонностей. Для подтверждения такой точки зрения часто цитируется следующий параграф из книги «Бихевиоризм»:

Дайте мне дюжину здоровых, нормально развитых младенцев и мой собственный, специальный мир. в котором я буду их растить, и я гарантирую, что, выбрав наугад ребенка. могу сделать его специалистом любого профиля - врачом. адвокатом, художником, торговцем, даже нищим или вором-карманником - вне зависимости от его склонностей и способностей, рода занятий и расовой принадлежности его предков. (Watson. 1930. P. 104.)

Эксперименты Уотсона с условными рефlekсами убедили его, что эмоциональные расстройства взрослых невозможно свести исключительно к сексуальным факторам, как утверждал Зигмунд Фрейд. Уотсон отстаивал мнение о том, что проблемы взрослых связаны с обусловленными реакциями, сформированными еще в детстве или в подростковом возрасте. А если расстройства у взрослых являются следствием неправильного воспитания в детстве, то правильная программа воспитания должна предотвратить появление расстройств в более старшем возрасте.

Уотсон был убежден в том, что такой практический контроль за поведением детей (а следовательно, и за поведением взрослых) был не только возможен, но и абсолютно

необходим. Он разработал целую программу оздоровления общества - программу экспериментальной этики, основанную на принципах бихевиоризма.

Однако никто не дал Уотсону дюжины здоровых младенцев, чтобы он мог доказать на практике правильность своих утверждений, а позднее он признавался, что, делая такие заявления, он выходил за рамки реального. Однако тут же он отмечал, что те люди, которые не соглашались с ним, те, кто считал влияние наследственных факторов более сильным, чем влияние факторов окружающей среды, хотя и утверждали свою точку зрения в течение тысячелетий, но также не смогли привести ни одного реального примера для ее подтверждения.

Следующий отрывок из книги «Бихевиоризм» отражает ту живость, с которой Уотсон описывает свою программу построения жизни в рамках системы бихевиоризма. Знакомство с ним поможет объяснить, почему такое огромное количество людей уверовало в бихевиоризм как в новое религиозное учение.

Бихевиоризм должен стать наукой, которая готовит мужчин и женщин к пониманию принципов их поведения. Он должен заставить их страстно возжелать преобразования своей жизни, а особенно страстно возжелать воспитать своих детей правильным и здоровым образом. Хотел бы я нарисовать вам, какую удивительную и богатую личность можно сделать из любого здорового ребенка, если только мы дадим ему возможность правильно развиваться и создадим для него такой мир. в котором он сможет упражнять свое тело. - мир. свободный от легенд о событиях тысячелетней давности; свободный от отвратительной политической истории: свободный от глупых обычаев и правил, которые не имеют никакого значения сами по себе. но все-таки сковывают личность подобно тугим стальным обручам.

Я не призываю к революции: я не предлагаю людям переселиться в новые, богом забытые места, создавать колонии, ходить нагими и жить в коммуне: не требую я и перехода на питание травами и съедобными кореньями. Я не зову к «свободной любви». Я просто пытаюсь увлечь вас новым побуждением, чисто словесным, которое может привести к преобразованию всей Вселенной, если только люди будут работать для его осуществления. Потому что Вселенная непременно изменится, если вы воспитаете своих детей свободными: но это будет не свобода распутства, а свобода поведения - такая свобода, которую мы даже не можем описать словами, потому что столь ничтожно мало наше знание о ней. И разве эти дети, живущие и мыслящие лучше своих родителей, заменив их в обществе, не воспитают своих детей еще более научным способом, и разве мир в конце концов не превратится в место, достойное человеческого существования? (Watson. 1930. P. 303-304.)

Планы Уотсона по замене старой спекулятивной этики, основанной на религии, программой экспериментальной этики, базирующейся на бихевиоризме, так и остались планами. Они никогда не были реализованы. Он очертил свою программу и оставил ее как костяк для будущих исследователей. Спустя многие годы Б. Ф. Скиннер начал разрабатывать более подробную программу научной утопии в духе, навеянном работами Уотсона.

Прорыв в психологии

В двадцатые годы психология стала весьма популярной наукой. Под влиянием Уотсона, с его обаянием, харизмой, умением убеждать и вселять надежду, американцы были буквально захвачены тем явлением, которое один писатель назвал «прорывом» в

психологии. Значительная часть американской общественности уверовала в то, что путь к здоровью, счастью и процветанию пролегает через психологию, и вскоре страницы ежедневных газет запестрили заголовками «Советы психолога».

Колонка психолога Джозефа Ястроу, которая называлась «Как сохранить душевное здоровье», публиковалась более чем в ста пятидесяти газетах. Альберт Уиггем, который вовсе не являлся психологом, написал статью под названием «Исследуя свой разум», вызвавшую бурное одобрение читателей. В ней, в частности, говорилось:

Никогда еще психология не была необходима мужчинам и женщинам так, как она необходима им теперь. Молодые люди нуждаются в оценке своих умственных способностей и качеств, с тем чтобы выбрать себе карьеру как можно раньше и как можно более обоснованно... предпринимателям психология нужна для того, чтобы подыскивать себе сотрудников; родителям и воспитателям она нужна как помощь в воспитании и образовании детей: она нужна всем для обеспечения наивысшей эффективности собственного существования и счастья в жизни. Всею этого в полной мере невозможно добиться без знания своего разума и своей индивидуальности, которое может дать только психология. (Wiggam. 1986. P. 943.)

Канадский юморист Стивен Батлер Ликок отмечал, что в прошлом психология безопасно гнездилась в университетских городках, где была надежно изолирована от внешнего мира и не могла нанести заметного вреда тем, кто ее не изучает. Однако к 1924 году следы психологии уже можно было увидеть буквально повсюду. «В наши дни мы можем практически в любой момент, - писал Ликок, - позвонить в психологическую консультацию и обратиться за помощью к психологу, и это стало столь же естественным, как вызвать аварийную бригаду водопроводчиков. Во всех наших крупных городах уже появились - или скоро появятся - вывески, на которых написано "Психолог - принимает днем и ночью"» (цит. по: Benjamin. 1986. P. 944).

Таким образом, психология завоевала признание в Соединенных Штатах, и Уотсон сделал для этого больше, чем кто-либо другой.

Эдвин Б. Холт (1873-1946) и Карл Лешли (1890-1958)

Несмотря на то, что бихевиоризм захватил внимание американских психологов, не все они безоговорочно приняли формулировки Уотсона. Некоторые развивали свой собственный подход к бихевиоральной психологии на основе различных направлений и школ. В числе таких ранних бихевиористов были Эдвин Холт и Карл Лешли.

Эдвин Холт получил степень доктора философии у Вильяма Джемса в Гарвардском университете в 1901 году, а академической деятельностью занялся в Принстонском университете. Он не соглашался с уотсоновским отрицанием сознания и психических явлений, и полагал, что возможно связать мыслительные процессы с физическими точками отсчета. Подобно Уотсону, Эдвин Холт был убежден в преобладающем значении факторов окружающей среды над силами инстинктов.

Кроме того, он предполагал, что научение может происходить в ответ на внутреннюю мотивацию (внутренние потребности и побуждения - такие, например, как голод или жажда), равно как и в ответ на внешнюю мотивацию (внешние стимулы). Таким образом, Эдвин Холт стал одним из первых теоретиков, который предположил существование внутренних побуждений, чем предвосхитил более поздние работы по проблемам мотивации.

Эдвин Холт не пытался свести поведение к элементарным парам «стимул-реакция», он предпочитал иметь дело с более крупными единицами поведения, которые были направлены на достижение организмом определенных целей. Сам термин и концепция цели в системе Уотсона были строго запрещены. То внимание, которое Холт уделил целенаправленности поведения, послужило толчком для работ необихевиориста Э. К. Толмсна.

Карл Лешли был студентом Уотсона в университете Джонса Хопкинса, там же он получил степень доктора философии. Его карьера психолога-физиолога складывалась в университетах Миннесоты, Чикаго и Гарварда, и, наконец, в биологической лаборатории по изучению приматов в Иерксе. Карл Лешли был ярким сторонником бихевиоризма Уотсона - даже несмотря на то, что его исследование мозговых механизмов крыс подвергало сомнению основные положения системы Уотсона.

Он суммировал свои открытия в работе «Механизмы мозга и интеллект» (*Brain Mechanisms and Intelligence*, 1929 г.), где постулировал два основных принципа, ставших знаменитыми: закон воздействия массы, который утверждает, что эффективность научения является функцией неповрежденной части коры головного мозга, то есть чем больше имеется вещества коры головного мозга, тем лучше происходит научение; и принцип равных возможностей, который утверждает, что одна часть коры головного мозга в большинстве случаев равноценна другой ее части в деле вклада в процесс научения.

Карл Лешли предполагал обнаружить в церебральной коре специальные сенсорные и моторные центры, а также соответствующие соединения между сенсорным и моторным механизмами. Эти открытия смогли бы подтвердить представление рефлекторной дуги как элементарной составляющей поведения. Однако его результаты вступили в противоречие с идеей Уотсона о простейших связях между точками нервной системы, согласно которой мозг служил лишь для того, чтобы переключать поступающие сенсорные нервные импульсы на исходящие моторные.

Исследования Лешли предполагали, что мозг играет более активную роль в научении, нежели допускал Уотсон. Лешли оспорил допущение Уотсона о том, что поведение составляется по кусочкам из условных рефлексов.

Несмотря на то, что исследования Лешли в значительной степени опровергали систему Уотсона, они ни в коей мере не подвергли сомнению основное положение бихевиоризма о том, что необходимо применять исключительно объективные методы исследований. Фактически, работы Лешли утвердили значение объективных методов в психологических исследованиях.

Вскоре после того, как Уотсон внедрил свою систему, ранние бихевиористы развернули бурную деятельность. Несмотря на некоторые отличия от подхода Уотсона, их исследования внесли существенный вклад в общий подъем бихевиоризма и укрепили понятие об объективной природе науки о поведении.

Критика бихевиоризма Уотсона

Любая программа, предлагающая кардинальный пересмотр и полную замену существующего порядка, - то есть фактически призывающая к тому, чтобы отбросить все ранее существующие теории, - по сути своей обречена на критику. Как известно, в то

время, когда Уотсон основал бихевиоризм, американская психология двигалась в направлении большей объективности, однако далеко не все психологи готовы были принять крайние формы объективности, которые пропагандировал Уотсон. Многие, включая и тех, кто в принципе поддерживал объективность, считали, что система Уотсона упускает из виду существенные компоненты психологии - такие, например, как сенсорные процессы и процессы восприятия.

Одним из наиболее сильных оппонентов Уотсона был Вильям Мак-Дугалл (1871-1938), английский психолог, который приехал в Соединенные Штаты в 1920 году и работал сначала в Гарвардском университете, а затем в университете Дьюка. Мак-Дугалл знаменит своей инстинктивной теорией поведения и тем влиянием, которое оказала на психологию его книга по вопросам социальной психологии (McDougall. 1908).

Интересно, что Мак-Дугалл, который внес такой значительный вклад в социальную психологию, сам по себе был не очень общительным человеком. «Я никогда не мог вписаться в какую-либо социальную группу, - писал он, - никогда не умел почувствовать себя в единстве с любой партией или системой; и хотя я не мог остаться равнодушным к привлекательности групповой жизни, групповых ощущений и мышления, я все же всегда оставался в стороне, критически настроенный и настороженный» (McDougall. 1930. P. 192).

Он поддерживал такие непопулярные понятия, как свободная воля, превосходство нордической расы и исследования души, и американская пресса регулярно поносила его за эти взгляды. Кроме того, психологическая общественность ругала Мак-Дугалла за его критику бихевиоризма в двадцатые годы - то есть в то время, когда большинство психологов в той или иной мере попали под влияние науки о поведении. К 1928 году Мак-Дугалл «до такой степени подвергся остракизму со стороны основных сил американской психологии, что считал, что его презирают» (Jones. 1987. P. 931). Спустя десять лет, когда он уже умирал от рака, Найт Данлоп, сменивший Уотсона в университете Джонса Хопкинса, сказал, что «чем скорее он умрет, тем лучше будет для психологии» (цит. по: Smith. 1989. P. 446).

В теории инстинктов Мак-Дугалла утверждалось, что человеческое поведение является результатом врожденных склонностей в мыслях и действиях. Его идеи поначалу были хорошо приняты общественностью, но вскоре уступили свои позиции под натиском бихевиоризма. Уотсон отрицал само понятие инстинктов, и по этому пункту, как впрочем, и по многим другим, противники сцепились.

Пятого февраля 1924 года они встретились, чтобы обсудить свои разногласия в психологическом клубе в Вашингтоне, округ Колумбия. Тот факт, что в Вашингтоне имелся психологический клуб, не связанный с каким-либо университетом, говорит о многом. На диспуте присутствовало более тысячи человек. Среди них лишь немногие были психологами; в те годы по всей стране насчитывалось всего 464 члена Американской психологической ассоциации. Следовательно, размер аудитории прежде всего говорит о популярности бихевиоризма Уотсона. Тем не менее, жюри этого диспута присудило победу Мак-Дугаллу. Материалы этого диспута опубликованы в работе «Битва за бихевиоризм» (The Battle of behaviorism. 1929 г.).

Мак-Дугалл начал диспут на оптимистической ноте: «У меня есть исходное преимущество перед доктором Уотсоном, - сказал он, - и это преимущество настолько велико, что даже кажется мне несправедливым. Все люди, обладающие здравым смыслом, по определению окажутся на моей стороне» (Watson & McDougall. 1929. P. 40). Он сказал,

что вполне согласен с Уотсоном в том, что информация о поведении является верным фокусом психологических исследований, но выступает против полного сбрасывания со счета информации о сознании. В будущем его позиция была поддержана психологами гуманистического направления и теоретиками социального научения.

Если психологи не будут использовать интроспекцию, говорил Мак-Дугалл, то каким образом они смогут определить смысл реакции субъекта или точность слов? Каким образом, не прибегая к самонаблюдению, можно выяснить что-либо о мечтах и фантазиях? Как понять и оценить эстетические переживания? В споре с Уотсоном Мак-Дугалл попытался представить, как бихевиорист рассказал бы о восприятии скрипичного концерта:

Я вхожу в зал и вижу, что мужчина скребет по кошачьим кишкам волосами, выданными из конского хвоста, а перед ним, в состоянии восторженного внимания, сидит тысяча человек, которые время от времени начинают хлопать руками. Каким образом бихевиорист может объяснить эти странные события? Как объяснить тот факт, что колебания, производимые кошачьими кишками, повергают тысячи людей в полное молчание и спокойствие, а прекращение этих вибраций вдруг становится стимулом к какой-то лихорадочной активности?

Здравый смысл и психология сходятся в том, что аудитория слушает музыку с обостренным наслаждением и дает выход своему восхищению и благодарности к артисту криками и аплодисментами. Но ведь бихевиорист ничего не знает ни о наслаждении или боли, ни о восхищении или благодарности. Он просто смешал с грязью все эти «метафизические понятия» и потому должен искать какие-то иные объяснения. Ну и пусть себе ищет, оставим его. Этот поиск даст ему вполне безвредное, тихое занятие на ближайшие несколько столетий. (Watson & McDougall. 1929. p. 62-63.)

Затем Мак-Дугалл подверг критике допущение Уотсона о том, что человеческое поведение является всецело детерминированным, что все наши действия являются прямыми результатами прошлого опыта и могут быть полностью прогнозированы, если только известны события прошлой жизни. Такая психология, говорил Мак-Дугалл, не оставляет места для свободной воли или свободы выбора.

Если позиция детерминизма верна - то есть люди не обладают свободной волей и потому не могут нести ответственность за свои действия, - то стоит ли проявлять инициативу, творческие усилия, стремление усовершенствовать себя и общество. Никто тогда не станет пытаться предотвратить войну, бороться против несправедливости или стремиться к достижению каких-либо идеалов.

Особой критике Мак-Дугалл подверг метод дословного описания, который Уотсон применял в своих исследованиях. Мак-Дугалл подчеркнул непоследовательность метода, который принимается, если его можно верифицировать, и отвергается, если верификация невозможна. Разумеется, именно такой и была точка зрения Уотсона, ведь основная цель всего бихевиористского движения - использовать исключительно такие данные, которые могут быть верифицированы.

Диспут Уотсона и Мак-Дугалла произошел через одиннадцать лет после того, как Уотсон формально основал бихевиоризм как научную школу. Мак-Дугалл предсказывал, что пройдет несколько лет, и позиция Уотсона исчезнет, не оставив и следа. Однако в послесловии к опубликованной версии диспута Мак-Дугалл признал, что его прогноз оказался слишком оптимистическим: «Он был основан на чрезмерно лестной оценке

интеллектуального уровня американской публики... Доктор Уотсон продолжает быть почитаемым пророком в своем отечестве, продолжает произносить свои проповеди» (Watson & McDougall. 1929. P. 86,87).

Вклад бихевиоризма Уотсона в развитие психологии

Плодотворная научная деятельность Уотсона продолжалась менее 20 лет, но он оказал глубокое влияние на весь ход развития психологии на многие годы вперед. Уотсон был истинным вестником духа времени, когда перемены коснулись не только психологии, но и научного подхода в целом.

XIX век стал свидетелем блистательного прогресса во всех отраслях науки; а XX век сулил еще большие чудеса. Считалось, что ученые, если только предоставить им достаточно времени, смогут найти решения любых проблем, ответить на любые вопросы.

Уотсон сделал психологию более объективной по своим методам и терминологии. Однако, несмотря на то, что позиции Уотсона дали толчок многим научным исследованиям, позднее его исходные формулировки более не применялись. Бихевиоризм Уотсона был заменен построенной на его основе, но более современной формой, получившей название объективизма. В 1929 году историк И. Г. Боринг небезосновательно заявил, что бихевиоризм уже миновал свой период расцвета. Поскольку лишь революционному движению для обретения силы требуется выражать протест, бихевиоризму Уотсона - через шестнадцать лет после своего основания - уже совершенно не нужно было против чего-либо протестовать.

В свое время бихевиоризм Уотсона успешно одолел все старые течения в психологии. В 1926 году аспирант Висконсинского университета сообщал, что лишь немногие из студентов знали, кто такие Вундт и Титченер (Gengerelli. 1976). Но вот объективные методы стали неотъемлемой частью американской психологии, и система Уотсона - как и многие другие успешные начинания - умерла, поглощенная общим потоком мышления, направленным на то, чтобы создать стройную концепцию современной психологии.

Несмотря на то, что программа Уотсона так и не достигла поставленных в ней честолюбивых целей, сам Уотсон получил широкое признание как основатель научной школы. В апреле 1979 года отмечалось столетие со дня его рождения, что совпало со столетним юбилеем психологии как науки. Симпозиум в университете Фурмана (где психологическая лаборатория носит имя Уотсона) собрал психологов со всех Соединенных Штатов. Среди выступавших был и Б. Ф. Скиннер, доклад которого был озаглавлен «Что значит для меня Дж. Б. Уотсон».

Однако оказалось, что земляки Уотсона вспоминают о нем гораздо менее благосклонно. Многие из них характеризовали его как «выскочку и безбожника, который отказался от своего южного происхождения и баптистского воспитания» («Greenville News», 5 апреля 1979 года). Но тем не менее, в 1984 году на федеральной дороге, неподалеку от места рождения Уотсона, была сооружена мемориальная доска.

До некоторой степени широкое признание бихевиоризма Уотсона явилось следствием его личных качеств. Уотсон обладал харизмой и привлекательностью, он пропагандировал свои идеи с оптимизмом, увлеченностью и уверенностью в себе. Он был сильной и притягательной фигурой, часто восстававшей против мнения большинства. Эти качества его личности, взаимодействуя с духом времени, которым он так успешно манипулировал, сделали Джона Б. Уотсона одним из пионеров психологии.

Рекомендуемая литература

- Buckley, K. V. (1989) *Mechanical man: John Broadus Watson and the beginnings of behaviorism*. New York: Guilford. О жизни и работе Уотсона, о его карьере, о его роли популяризатора психологии и о его влиянии на развитие современной психологии.
- Duke, C., Fried, S., Rycy, W. & Walker, D. (1989) Rosalie Rayner Watson: The mother of a behaviorist's sons. *Psychological Reports*, 65, 163- 169. Очерки второй жены Уотсона, которая является соавтором его учения об условных эмоциональных реакциях и помощницей в подготовке к изданию его книги о воспитании детей.
- Harris, B. (1979) Whatever happened to little Albert? *American Psychologist*, 34, 151-160. Вопросы содержания, интерпретации и популярного изложения уотсоновского классического учения о страхе.
- Samson, F. (1981) Struggle for scientific authority: The reception of Watson's behaviorism, 1913-1920. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 17. 399-425. О влиянии идей Уотсона после публикации его манифеста бихевиоризма.

Глава 11

Бихевиоризм: после основания

Необихевиоризм

Целенаправленная революция Уотсона не совершила, как он надеялся, переворота в психологии. Для этого требовалось время. И все же в 1924 году, всего лишь через десять лет после того, как Уотсон выступил с манифестом бихевиоризма, даже самый яркий его оппонент, Э. Б. Титченер, признавал, что бихевиоризм обогатил нацию. К 1930 году Уотсон уже с достаточным основанием мог утверждать, что победа его учения была полной. Несмотря на то, что разрабатывались и другие направления бихевиоризма - например, версии Холта и Лешли, - они только ускорили начатое Уотсоном движение психологической науки в сторону полной объективности. Таким образом, к 1930 году бихевиоризм вытеснил все остальные течения.

Первый этап эволюции бихевиоризма - бихевиоризма Уотсона - продолжался примерно с 1913 по 1930 год. Второй этап, или необихевиоризм, можно датировать примерно 1930 - 1960 годами. Он охватывает работы таких ученых, как Эдвард Толмен, Эдвин Гатри, Кларк Халл и Б. Ф. Скиннер. Эти необихевиористы сходились во мнениях о некоторых основных положениях, которые использовались для объяснения полученных данных:

- 1) сердцевиной психологии является исследование процесса научения;
- 2) большинство видов поведения, независимо от их сложности, подчиняются законам условных рефлексов;
- 3) психология должна принять принципы операционизма.

Операционизм - доктрина, согласно которой физическую концепцию можно описать в точных терминах, относящихся к набору операций или процедур, ее определяющих.

Третьим этапом эволюции бихевиоризма является нео-необихевиоризм, или социальный бихевиоризм, начало которого приходится на 60-е годы нашего столетия и который характеризуется возвратом к когнитивным процессам (Segal & Lachman. 1972).

Операционизм

Операционизм* представляет собой некий общий подход или принцип, целью которого является выработка научной терминологии, наиболее точной и объективной, и избавление таким образом науки от тех проблем, которые не являются фактически наблюдаемыми или физически воспроизводимыми (так называемых псевдопроблем). Операционизм утверждает, что значимость конкретных научных данных или теоретических построений зависит от значимости тех операций, которые использовались для получения этих данных или достижения этих построений.

Впервые основные положения операционализма были сформулированы физиком из Гарвардского университета Перси У. Бриджменом в его книге «Логика современной физики» (*The Logic, of the Modern Physics*, 1927 г.), которая привлекла внимание многих психологов. Бриджмен предположил, что любую физическую концепцию можно описать в точных и строгих терминах, при этом все концепции, лишённые физической основы, должны отбрасываться. Он писал:

Это можно проиллюстрировать, рассмотрев понятие длины. Что мы подразумеваем под длиной объекта? Очевидно, мы это знаем, если можем сказать, какую длину имеет каждый предмет, а для физика больше ничего не требуется. Для того, чтобы найти длину предмета, нам необходимо проделать некоторые физические операции. Таким образом, концепция длины является фиксированной, если только фиксированными являются операции, которые используются для измерения длины: то есть концепция длины определяется не больше и не меньше, как только набором необходимых операций. (Bridgman. 1927. P. 5.)

Таким образом, концепция является аналогом набора операций или процедур, которые ее определяют. Многие психологи сочли этот принцип весьма полезным для использования в психологической науке и жаждали применить его.

Бихевиористам особенно понравилось положение Бриджмена об отбрасывании псевдопроблем - то есть тех проблем, ответы на которые не могут быть проверены объективными экспериментами. Все понятия или предположения, которые не могут быть подвергнуты экспериментальной проверке, - такие, например, как вопросы существования или сущности души, - не имеют никакого смысла для науки. Что есть душа? Можно ли наблюдать ее в лабораторных условиях? Можно ли измерить ее или управлять ею в контролируемых условиях лабораторного эксперимента, чтобы проверить ее влияние на поведение? Если нет, то это понятие не имеет никакого отношения к науке.

Отсюда неизбежно следует, что концепция индивидуального сознания для психологии является псевдопроблемой. Ни само существование сознания, ни его характеристики не могут быть определены или исследованы с помощью объективных методов. Следовательно, в соответствии с точкой зрения операционизма, сознанию нет места в психологической науке.

*операционализм - доктрина, согласно которой физическую концепцию можно описать в точных терминах, относящихся к набору операций или процедур, ее определяющих.

Можно спорить, что операционализм является всего лишь формальным утверждением принципов, которые уже использовались психологами для определения понятий и концепций в терминах физических ссылок. Основные положения операционизма прослеживаются до работ британских эмпириков. Мы уже отметили существование длительной тенденции американской психологии в сторону возрастающей объективности в методологии и предмете исследования, и потому можем сказать, что сама идея операционизма, как подхода и формы проведения исследований и построения теорий, была принята многими американскими психологами задолго до публикации книги Бриджмена в 1927 году.

Тем не менее, со времен Вундта физика являлась для психологов критерием истинной научной респектабельности, некоей ролевой моделью, и, когда физики провозгласили свою приверженность операционализму как формальной доктрине, психологам не оставалось ничего другого, как только последовать их примеру. Фактически психологи использовали операционализм даже шире, чем сами физики.

Однако универсального признания в психологии операционализм не завоевал. Противоречия возникли по поводу полезности или бесполезности ограничения предмета изучения психологии исключительно теми сферами, которые имели эмпирические основы. Кроме того, оказалось, что «сведение концепций исключительно к составляющим их операциям - это очень скучно. Никто не хочет возиться с этим без особой необходимости» (Boring. 1950. P. 658). Сам Бриджмен с сомнением относился к тому, как психологи используют его концепцию. Примерно через 27 лет после формулирования основных положений операционизма он писал: «Я чувствую, что создал Франкенштейна, который вырвался из-под моей власти. Мне ненавистно само слово "операционализм". То, что я предвидел, оказалось слишком простым, чтобы называть его столь претенциозным именем» (Bridgman. 1934. P. 224).

Как это нередко случается, вновь обращенные оказались большими фанатиками новой веры, чем сам основатель учения. Но так или иначе, значение операционизма заключалось в том, что поколение необихевиористов, достигшее зрелости в конце двадцатых - начале тридцатых годов, сделало операционализм своим основным подходом в психологии.

Эдвард Чейс Толмен (1886-1959)

Один из ранних последователей бихевиоризма, Эдвард Толмен изучал инженерное дело в Массачусетском технологическом институте. Он переключился на психологию и под руководством Эдвина Холта начал работать в Гарварде, где получил звание доктора философии в 1915 году. Летом 1912 года Толмен учился в Германии вместе со специалистом по гештальт-психологии Курта Коффки. На последнем курсе аспирантуры, изучая традиционную, в духе Титченера, структурную психологию, Толмен познакомился с бихевиоризмом Уотсона. Будучи уже аспирантом, Толмен подвергал сомнению научную

полезность интроспекции. В своей автобиографии, написанной в 1952 году, он писал, что бихевиоризм Уотсона стал для него «мощным стимулом и опорой».

После защиты диссертации Толмен стал преподавателем Северо-Западного университета в Эванстоне, штат Иллинойс, а в 1918 году он перешел в университет Беркли в Калифорнии. Именно в университете Беркли, когда он преподавал курс сравнительной психологии и проводил исследования по обучению крыс, он почувствовал неудовлетворенность бихевиоризмом Уотсона и начал разрабатывать свой собственный подход.

Его карьера в университете Беркли была прервана началом второй мировой войны, во время которой он работал в Бюро стратегической службы (OSS, ставшее впоследствии предшественником ЦРУ). С 1950 по 1953 год он содействовал оппозиционному движению, направленному против введения в Калифорнии клятвы верности штату.

Целенаправленный бихевиоризм

Основные положения учения Толмена представлены в его работе «Целенаправленное поведение у животных и человека» (*Purposive Behavior in Animal and Men*. 1932 г.). Его система **целенаправленного бихевиоризма*** может на первый взгляд показаться любопытной смесью двух противоречащих друг другу понятий: цель и поведение. Приписывание некоей цели организму подразумевает привлечение понятия сознания - то есть менталистической концепции, которой не находится места в психологии поведения. Тем не менее Толмен совершенно определенно дал понять, что по своей методологии и по предмету исследования он остается последовательным бихевиористом. Он не побуждал психологов принять концепцию сознания. Подобно Уотсону, он отвергал интроспекцию и не интересовался никакими подразумеваемыми внутренними переживаниями организмов, которые были недоступны для объективного наблюдения.

Целенаправленность поведения, писал Толмен, можно определить в терминах объективного бихевиоризма, без ссылок на интроспекцию или предположений о том, что организм «чувствует» в связи с тем или иным переживанием. Для него было совершенно очевидно, что любое поведение направлено на достижение определенной цели. Например, кошка старается выбраться из <проблемного ящика>, крыса осваивается в лабиринте, а ребенок учится играть на фортепиано.

Как говорил сам Толмен, поведение «пахнет целью». Любое поведение направлено на достижение некоторой цели, на освоение некоторых средств. Крыса неоднократно и настойчиво проходит лабиринт, всякий раз делая все меньше ошибок, чтобы быстрее добраться до выхода. Иначе говоря, крыса учится, и сам факт обучения - для крысы или для человека - является объективным поведенческим свидетельством наличия цели. Отметим, что Толмен имеет дело только с реакциями организмов. Все его измерения проводились в терминах изменений в ответном поведении, как функции научения. И эти измерения предоставляют объективную информацию.

Бихевиоризм Уотсона с большой легкостью подвергал критике приписывание какой-либо цели любому виду поведения, поскольку целенаправленность поведения подразумевает допущение о наличии сознания. Толмен отвечал на это, что для него нет разницы, обладает организм сознанием или не обладает. Переживания сознания, связанные с

* Целенаправленный бихевиоризм - система Толмена, сочетающая в себе объективное исследование поведения с учетом целенаправленности или ориентации на достижение определенной цели.

целенаправленным поведением, если они даже и имеют место, не оказывают никакого влияния на поведенческие реакции организма. Толмен занимался исключительно явно выраженными реакциями.

Промежуточные переменные

Как бихевиорист, Толмен считал, что инициирующее причинное поведение и окончательное результирующее поведение должны быть объективно наблюдаемыми и пригодными для описания в терминах операций. Он предположил, что причины поведения включают пять основных независимых переменных: стимулы окружающей среды, психологические побуждения, наследственность, предшествующее обучение и возраст. Поведение является функцией всех этих переменных, что выражается математическим уравнением.

Между этими наблюдаемыми независимыми переменными и результирующим ответным поведением (зависимой наблюдаемой переменной) Толмен ввел набор ненаблюдаемых факторов, которые назвал **промежуточными переменными***. Эти промежуточные переменные фактически являются детерминантой поведения. Они представляют собой те внутренние процессы, которые связывают стимулирующую ситуацию с наблюдаемой реакцией. Формула бихевиоризма S-R (стимул-реакция) теперь должна читаться как S-O-R. Промежуточными переменными является все, что связано с O, то есть с организмом, и формирует данную поведенческую реакцию на данное раздражение.

Поскольку эти промежуточные переменные не подлежат объективному наблюдению, то они не представляют никакой практической пользы для психологии, если только их не удастся связать с экспериментальными (независимыми) переменными и с поведенческими (зависимыми) переменными.

Классическим примером промежуточной переменной является голод, который невозможно увидеть у подопытного человека или животного. И тем не менее, голод можно вполне объективно и точно увязать с экспериментальными переменными - например, с длительностью того отрезка времени, на протяжении которого организм не получал пищу. Кроме того, его можно увязать и с объективной реакцией или с переменной поведения - например, с количеством съеденной пищи или со скоростью ее поглощения. Таким образом, ненаблюдаемый фактор вмешательства - голод - может получить точную эмпирическую оценку и следовательно становится доступным для количественного измерения и экспериментальных манипуляций.

Путем определения независимых и зависимых переменных, каковыми являются наблюдаемые события, Толмен получил возможность составить операциональные описания ненаблюдаемых, внутренних состояний. Сначала он называл свой подход «оперантным бихевиоризмом», прежде чем выбрать термин «промежуточные переменные».

Промежуточные переменные оказались весьма полезными для разработки теории поведения, постольку они были эмпирически связаны с экспериментальными и поведенческими переменными. Однако для того, чтобы сделать этот подход всеобъемлющим, потребовался такой громадный объем работы, что Толмен в конце концов оставил всякую надежду «составить полное описание хотя бы одной промежуточной переменной» (Mackenzie. 1977. P. 146).

* промежуточные переменные - ненаблюдаемые и предполагаемые факторы организма, фактически являющиеся детерминантой поведения.

Теория научения

Научение играло важнейшую роль в целенаправленном бихевиоризме Толмена. Он отвергал закон эффекта Торндайка, утверждая, что вознаграждение или поощрение оказывает слабое воздействие на научение. Взамен этого Толмен предложил когнитивную теорию научения, предполагая, что повторяющееся выполнение одного и того же задания усиливает создаваемые связи между факторами окружающей среды и ожиданиями организма. Таким путем организм познает окружающий его мир. Толмен называл эти создаваемые научением связи Гештальт - знаками, которые вырабатываются в ходе многократного выполнения какого-либо действия.

Давайте запомним эти идеи Толмена и попробуем понаблюдать за голодной крысой в лабиринте. Крыса бежит по лабиринту, исследуя иногда правильные, а иногда неправильные ходы или даже тупики. Наконец крыса находит еду. При последующих прохождениях лабиринта цель (поиск пищи) придает поведению крысы целенаправленность. С каждой точкой разветвления связываются некоторые ожидания. Крыса приходит к пониманию того, что определенные признаки, ассоциирующиеся с точкой разветвления, наводят или не наводят на то место, где находится пища.

Если ожидания крысы оправдываются и она действительно находит пищу, то знак гештальта (то есть признак, ассоциирующийся с некоторой точкой выбора) получает подкрепление. Таким образом животное вырабатывает целую сеть гештальт - знаков по всем точкам выбора в лабиринте. Толмен назвал это когнитивной картой. Эта схема представляет собой то, что выучило животное, а именно когнитивную карту лабиринта, а вовсе не набор некоторых моторных навыков. В некотором смысле крыса обретает всеобъемлющее знание своего лабиринта или иной окружающей ее среды. В ее мозге вырабатывается что-то вроде полевой карты, которая позволяет ей перемещаться от точки к точке, не ограничиваясь фиксированным набором заученных телодвижений.

В классическом эксперименте, который подтвердил теорию Толмена, выяснилось, действительно ли крыса в лабиринте изучает его когнитивную карту или же просто запоминает набор моторных реакций. Был использован лабиринт крестообразной формы. Крысы одной группы всегда находили пищу на одном и том же месте, даже если для того, чтобы добраться до пищи, им при разных точках входа приходилось иногда поворачивать не направо, а налево. Моторные реакции отличались, но пища оставалась на том же самом месте.

Крысы второй группы должны были всегда повторять одни и те же движения, но пища всякий раз находилась в другом месте. Например, начиная путь с одного конца крестообразного лабиринта, крысы находили пищу, только повернув в точке выбора направо; если же крысы входили в лабиринт с противоположной стороны, то для того, чтобы найти пищу, им все равно надо было повернуть направо.

Результаты эксперимента показали, что крысы из первой группы, то есть те, которые изучили место действия, ориентировались гораздо лучше, чем крысы из второй группы, которые заучивали реакции. Толмен пришел к выводу, что аналогичное явление наблюдается и у тех людей, которые хорошо знают свои окрестности или город. Они могут пройти из одной точки в другую различными маршрутами, поскольку в их мозге сформирована когнитивная карта местности.

Другой эксперимент исследовал **латентное научение*** - то есть такое научение, которое невозможно наблюдать в то время, когда оно фактически происходит. Голодную крысу поместили в лабиринт и предоставили ей возможность свободно бродить по нему. Сначала в лабиринте не было никакой пищи. Сможет ли крыса обучиться чему-либо при отсутствии подкрепления? После нескольких неподкрепленных попыток крысе дали возможность найти пищу. После этого скорость прохождения крысой лабиринта резко возросла, что показало наличие некоторого научения в период отсутствия подкрепления. Показатели этой крысы очень быстро достигли такого же уровня, что и у крыс, получавших подкрепление при каждой попытке.

Комментарии

Толмен оказал огромное влияние на психологию, особенно в области теории научения, а его работы получили признание как провозвестники когнитивного движения в современной психологии. Кроме того, он подтолкнул исследования различных направлений и ввел концепцию промежуточных переменных. Поскольку промежуточные переменные являются способом операционного описания ненаблюдаемых внутренних состояний, таких как голод, то они смогли придать этим состояниям научное значение. Промежуточные переменные стали необходимым средством обращения с гипотетическими конструкциями и были широко использованы необихевиористами Гатри, Халлом и Скиннером.

Другим важным вкладом Толмена в науку явилось использование им крысы как наиболее адекватного субъекта для психологических исследований. Тем не менее в начале своей карьеры Толмен относился к крысам без всякого энтузиазма. «Не люблю их, - говорил он своему другу. - У меня от них мурашки по коже...» (Tolman. 1919, цит. по: Innis. 1992. P. 191).

Однако к 1945 году он изменил свое отношение. Он писал: «Отметим, что крысы живут в клетках. Они не напиваются в стельку в ночь накануне эксперимента. Они не истребляют друг друга в войнах: они не изобретают машин для разрушения, а если бы даже они это сделали, то уж, конечно, не оказались бы столь беспомощными в деле контроля за этими машинами; они не ввязываются в расовые или классовые конфликты: они избегают политики, экономики и статей по психологии. Они восхитительные, чистые и приятные существа» (Tolman. 1945. P. 166).

Эдвин Рэй Гатри (1886-1959)

Эдвин Гатри получил степень доктора философии в 1912 году в Пенсильванском университете и в течение сорока лет работал в университете Вашингтона. Еще будучи аспирантом, он стал приверженцем бихевиоризма как научного метода психологии, хотя его и нельзя считать бихевиористом уотсоновского толка.

Обучение с одной попытки

Наиболее важным вкладом Гатри в психологию является формулирование теории научения, которая была изложена в его книге «Психология научения» (*The Psychology of Learning*, 1935 г.). Она основана на простом принципе ассоциативности. Занимаясь проблемой укрепления обучаемых реакций, Гатри отвергал законы Торндайка о воздействии и частоте, равно как и подкрепление в духе Павлова, полагаясь вместо этого

* латентное научение - научение, которое не поддается наблюдению в то время, когда оно происходит.

на то явление, которое он сам называл одноразовым формированием условного рефлекса и считал наиболее общим законом психологии.

Согласно Гатри, все научение состоит в формировании сопряженности стимула и реакции. Если стимул сопровождается реакцией хотя бы однократно, то уже формируется связь между стимулом и реакцией (S-R). Это и есть по существу та самая ситуация, когда происходит **обучение с одной попыткой***. Для того, чтобы установить связь между стимулом и реакцией, уже не требуется повторения или подкрепления. Однократное возникновение пары «стимул-реакция» или результирующее движение уже формирует между ними сопряженность, и таким образом происходит заучивание определенного поведения. «Сочетание стимулов, которые сопровождали движение, будут при своем повторении вести к проявлению таких же движений» (Guthrie. 1935. P. 26).

Закон Гатри ссылается на движения, которые он предусмотрительно отделил от действий, подобно тому, как это сделал Уотсон. Он дал определение движения как последовательности моторных и железистых реакций. Действие, напротив, представляет собой одно движение или последовательность движений, ведущих к достижению определенного результата. Таким образом, действие является понятием более высокого уровня, нежели движение. Например, забивание гвоздя молотком представляет собой действие, состоящее из последовательности отдельных движений, которое приводит к достижению определенного результата. Гатри отмечал, что, когда психологи исследуют процессы научения, то в качестве измерителя научения принимается качество выполнения завершенного действия. Согласно мнению Гатри, заучиваются и обуславливаются только движения.

Он полагал, что отличительной чертой его системы является то особое внимание, которое уделяется движению. Он говорил, что Торндайк был озабочен завершенным действием - в частности, обретением некоторых навыков (например, кошка пытается выбраться из <проблемного ящика>), но ведь эти навыки сами являются функцией набора мышечных движений. Это и есть именно те самые индивидуальные движения, настаивал Гатри, которые развиваются или приобретаются в результате единичной попытки (обучение с одной попыткой). Изучение же завершенного действия требует, в свою очередь, повторения для практики.

Движения (отдельные составляющие изучаемого действия) являются в системе Гатри исходным материалом. Поскольку движения незначительнее, чем действия, то их труднее наблюдать в типичной ситуации научения, их гораздо легче упустить из виду.

Из учения Гатри также следовало, что не только реакция организма состоит из отдельных компонентов, но также и стимулы, на которые реагирует организм. А так как и те и другие состоят из составных частей, для того, чтобы достигнуть некоторой последовательности в поведении, необходимо получить достаточно большое количество сопряженных сочетаний стимулов и реакций. Следовательно, для того, чтобы добиться улучшения в изучении любых движений (действий), необходима практика, но при этом каждый компонент движения или реакции заучивается после однократного совпадения со стимулом.

* Обучение с одной попытки - утверждение Гатри о том, что для формирования связи достаточно однократного сочетания стимула и реакции.

Комментарии

В значительной степени привлекательность системы Гатри покоится на ее простоте и логичности. Ее нетрудно понять, особенно по сравнению со сложными и основанными на серьезном математическом аппарате построениями Халла. Однако врожденная простота теории Гатри вызывает восторженные похвалы одних психологов и осуждение других. Многоголосно утверждалось, что Гатри избегает решения тех проблем научения, которые не получают объяснения в рамках его системы. Критики его системы настаивают на том, что для учета многих важнейших параметров в этой области требуется введение дополнительных принципов и допущений.

Но тем не менее, Гатри сохранил свое положение ведущего специалиста теории научения. Его вклад в науку заслужил официальное признание; в 1958 году Американский психологический фонд наградил его золотой медалью.

Кларк Леонард Халл (1884-1952)

В сороковые-шестидесятые годы ведущую роль в американской психологии играли Кларк Халл и его последователи. Пожалуй, ни один психолог не проявил такой безусловной последовательности и преданности делу внедрения строго научных методов, как Кларк Халл. Он обладал исключительными способностями к математике и формальной логике и успешно применил эти дарования в области психологии, как никто другой.

Страницы жизни

Большую часть жизни Кларк Халл жестоко страдал от болезней и плохого зрения. В возрасте 24 лет он заболел полиомиелитом, который сделал его инвалидом. Кларк хромал на одну ногу и вынужден был носить металлический корсет собственной конструкции. Семья была бедной (Кларк Халл родился в бревенчатой хижине), и он несколько раз вынужден был прерывать учебу, чтобы преподаванием заработать на жизнь. Самым большим богатством Халла было неугасимое стремление к величию, и он смог переломить враждебные обстоятельства.

В 1918 году, достигнув уже относительно солидного возраста тридцати четырех лет, Кларк Халл получил степень доктора философии в Висконсинском университете, где он изучал горное дело, прежде чем переключиться на психологию. В течение 10 лет он оставался на факультете Висконсинского университета. Его ранние исследовательские интересы явились провозвестниками последующего стремления к внедрению научных объективных методов и функциональных законов.

Он изучал процессы формирования концепций, проводил многочисленные тесты и измерения и в итоге опубликовал серьезный учебник по прикладным методам проверки способностей (Hull. '1928). Он работал над внедрением практических методов

статистического анализа и изобрел машину для расчета корреляций, которая была выставлена в Смитсоновском центре в Вашингтоне, округ Колумбия. Он посвятил десять лет исследованиям гипноза и внушаемости, опубликовал 32 научные статьи и книгу, которая суммировала его опыт (Hull. 1933).

В 1929 году Кларк Халд стал профессором Йельского университета, где продолжил исследования в той области, которая представляла для него особый интерес, - теории поведения, основанной на законах условных рефлексов Павлова. Впервые он прочитал работы Павлова в 1927 году и заинтересовался проблемами формирования условных рефлексов и научения. Он говорил о книге Павлова «Условные рефлексы» как о «великой книге» и свои опыты тоже ставил на животных. Ранее он не использовал крыс, потому что ему был отвратителен тот характерный запах, который всегда сопровождает лаборатории, где находятся крысы. Однако в Йельском университете он посетил безукоризненно чистоплотную колонию крыс, созданную для исследовательских целей Эрнестом Р. Хилгардом. Халл посмотрел на крыс, «понюхал и заявил, что, пожалуй, с крысами можно работать» (Hilgard. 1987. P. 201).

В тридцатые годы Кларк Халл написал ряд статей, посвященных условным рефлексам, где он отстаивал мнение о том, что сложные виды поведения более высокого порядка можно объяснить в терминах основных принципов формирования условных рефлексов. В 1940 году, совместно с пятью коллегами, Халл выпустил книгу «Математико-дедуктивная теория механического научения: исследование в области научной методологии» (*Mathematico-Deductive Theory of Role Learning: A Study in Scientific Methodology*). Несмотря на то, что книга получила признание как выдающееся научное достижение, она была слишком трудна для восприятия, и ее смогли прочесть лишь немногие.

Следующей значительной публикацией Халла стала работа «Принципы поведения» (*Principles of Behavior*, 1943 г.), в которой подробно и с характерной для Халла точностью разрабатывались теоретические основы, в достаточной степени всеобъемлющие, чтобы охватить самые разные аспекты поведения. Вскоре Кларк Халл стал одним из наиболее цитируемых психологов в своей области: в сороковые годы до 40 процентов всех экспериментальных статей и до 70 процентов статей по вопросам научения и мотивации, опубликованных в ведущих американских психологических журналах, ссылались на работы Халла (Spence. 1952). В течение многих лет Кларк Халл пересматривал свои взгляды, включая результаты исследований, которые подвергали опытной проверке более ранние версии его теорий. Окончательная форма его системы представлена в книге «Система поведения» (*A Behavior System*, 1952 г.).

Дух механицизма

Кларк Халл был всецело предан объективной бихевиоральной психологии. В его программе не было места сознанию, целенаправленности или иным психическим концепциям. Для описания своих бихевиористских представлений о человеческой природе он использовал исключительно механистическую терминологию. Человеческое поведение он рассматривал как автоматическое и полагал, что его можно свести к языку физики. Он предостерегал ученых против антропоморфизма - то есть против придания собственной интерпретации наблюдаемому поведению, чем нередко грешили ранние исследователи в области зоопсихологии. Кларк Халл искал средство, способное защитить от подобного субъективизма, и в конце концов обрел его, выдвинув предположение о том, что организм есть «полностью самоподдерживающийся робот, сконструированный из материалов, отличный от нас настолько, насколько это возможно» (Hull. 1943. P. 27).

Согласно точке зрения Халла, бихевиористы должны относиться к субъекту исследования как к роботу - причем он верил в то, что можно создать такие машины, которые смогут мыслить и выполнять иные когнитивные функции, свойственные человеку, как это происходит в современных компьютерах. «Меня не раз поражало, - писал Кларк Халл в 1926 году, - что человеческий организм является самой удивительной машиной - и все же только машиной. Не менее удивительным казалось мне и то, что можно построить машину, которая сможет выполнять все основные функции организма, пока и поскольку осуществляется процесс мышления» (цит. по: Amsel & Rashotte. 1984. P. 2-3). Дух механицизма, представленный автоматами и механическими фигурками на европейских часах XVII века, вновь воплотился в работах Кларка Халла.

Объективная методология и количественная оценка

Механистический, упрощающий и объективный бихевиоризм Кларка Халла предоставляет возможность ясно рассмотреть суть его исследований. Очевидно, что исследование должно быть как можно более объективным. Кроме того, подход Халла к психологии непременно должен быть количественным, а его законы поведения - выражаться точным языком математики. В книге «Принципы поведения» (*Principles of Behavior*. 1943 г.) Халл объяснил, как должна действовать такая математически обоснованная психология:

Прогресс должен заключаться в написании сотен уравнений, одного за другим; в экспериментальном определении одной за другим сотен эмпирических констант, входящих в уравнения; в разработке пригодных к практическому употреблению приборов для измерения количественных данных, выражаемых этими уравнениями; в объективном определении сотен символов, фигурирующих в уравнениях; в строжайшей и последовательной дедукции тысяч теорем и следствий из первичных определений; в безукоризненном проведении тысяч критических количественных экспериментов. (Hull. 1943. P. 400-401.)

Это утверждение является прекрасным примером ригоризма и терпения, которые требовались от любого последователя системы Халла.

Кларк Халл описал четыре метода, которые он считал полезными для науки. Три из них уже были в употреблении: простое наблюдение, систематически контролируемое наблюдение и экспериментальная проверка гипотез. Халл предложил четвертый метод, а именно **гипотетико-дедуктивный метод***, который использует дедукцию на основании набора формулировок, определяемых a priori.

Этот метод включал установление постулатов, на основании которых дедуктивным путем выводится заключение. Это заключение должно подвергаться экспериментальной проверке. Если оно не подтверждается результатами экспериментов, оно должно быть пересмотрено; если же подтверждается, то может быть включено в число научных понятий.

Халл полагал, что если психология когда-либо станет объективной наукой, подобно прочим естественным наукам - что и являлось основной частью программы бихевиоризма, - то единственным адекватным методом работы мог быть только гипотетико-дедуктивный метод.

* гипотетико-дедуктивный метод - метод, предложенный Халлом для установления постулатов, на основании которых можно дедуктивным путем выводить заключения, подлежащие экспериментальной проверке.

Побуждения

Согласно Халлу, основанием для мотивации поведения являются потребности организма, возникающие в результате отклонения от оптимальных биологических условий. Однако вместо того, чтобы непосредственно ввести в свою систему понятие биологической потребности, Кларк Халл постулировал такую переменную, как побуждение - причем сам этот термин уже имел хождение в психологии. Побуждение определяется как стимул, возникающий в результате такого состояния, которое инициирует или активизирует поведение. Согласно взглядам Халла, подавление или удовлетворение побуждений является единственной основой для подкрепления. Силу воздействия побуждений можно определить эмпирическим путем, либо измеряя продолжительность депривации, либо путем измерения интенсивности, силы или затрат энергии при результирующем поведении. Халл считал, что продолжительность депривации не является идеальным измеряемым параметром, и в основном делал акцент на силе реакции организма.

Кроме того, Халл отрицал какую-либо специфичность побуждений. Иными словами, любая депривация - например, лишение пищи, воды или сексуальной жизни - одинаковым образом вносит свой вклад в формирование побуждения (хотя и в различной степени). Эта не специфичность означает, что побуждения не направляют поведение, они только придают ему энергию. Целенаправленность поведения определяется стимулами окружающей среды.

Халл постулировал два вида побуждений: первичные и вторичные. Первичные ассоциируются с биологическими потребностями и непосредственно связаны с выживанием организма. В число этих побуждений, возникающих на основе физических нужд, входят потребности в пище, воде, воздухе, половых сношениях, термической регуляции, дефекации, мочеиспускании и избавлении от боли. Это основополагающие внутренние процессы, которые являются жизненно важными для существования организма.

Халл признавал также, что поведение людей и животных мотивируется и иными побуждениями, отличными от первичных. Соответственно, Халл предположил существование вторичных побуждений, появляющихся в результате научения и относящихся к стимулам окружающей среды. Они связаны с устранением первичных потребностей, но в результате сами могут стать насущными потребностями. Это означает, что прежде нейтральные стимулы могут приобрести характеристики потребности, поскольку они способны вызвать ответные реакции, сходные с теми реакциями, которые порождаются первичными побуждениями или исходным состоянием неудовлетворенной потребности.

Простой пример - прикосновение к горячей плите и получение ожога. Болезненный ожог, вызванный повреждением тканей организма, порождает первичное побуждение, то есть стремление избавиться от боли. Другой стимул окружающей среды, связанный с первичным побуждением, - например, сам вид плиты, - может в будущем привести к желанию отдернуть руку при одном только его виде. Таким образом, вид плиты может стать тем стимулом, который приводит к заученному побуждению избавиться от страха.

Научение

Теория научения Халла сосредоточена в основном на принципе подкрепления, который является существенным для закона эффекта Торндайка. Закон Халла о **первичном**

подкреплении* утверждает, что когда связь между стимулом и реакцией сопровождается снижением потребности, то возрастает вероятность, что при последующем возникновении такого же стимула будет возникать такая же реакция.

Отметим, что вознаграждение или подкрепление определяется не в терминах понятия Торндайка об удовлетворении, но в терминах снижения, ослабления первичной потребности. Первичное подкрепление - то есть снижение первичной потребности - является, таким образом, основой теории научения Халла.

Поскольку система Халла включает понятие вторичного, появляющегося в результате научения побуждения, она содержит также и понятие вторичного подкрепления. Если интенсивность стимула снижается в результате проявления вторичного побуждения, то это побуждение будет действовать как вторичное подкрепление.

Отсюда следует, что любой стимул, который последовательно ассоциируется с подкрепляющей ситуацией, посредством этой ассоциации будет приобретать способность вызывать обусловленное сдерживание, таким образом снижая интенсивность стимула и самостоятельно производя результирующее подкрепление. Поскольку эта косвенная сила подкрепления приобретается в ходе научения, она называется вторичным подкреплением. (Hull. 1951. P. 27-28.)

Халл полагал, что связь между стимулом и реакцией усиливается при многократных повторениях подкрепления. Он назвал силу связи S-R силой привычки, она является функцией подкрепления и имеет отношение к постоянному формированию условных рефлексов.

Научение не может произойти при отсутствии подкрепления, которое необходимо для того, чтобы ослабить побуждение. Благодаря особому акценту на подкреплении, система Халла получила название теории снижения потребностей, в противоположность теории непрерывности Гатри или когнитивной теории Толмена.

Сила привычки - сила связи <стимул-реакция>, которая является функцией количества подкреплений.

Система Халла представлена в вербальной и математической форме в виде 18 постулатов и 12 следствий (Hull. 1952). Несмотря на то, что система основана на принципах формирования условных рефлексов, Халл считал, что ее можно расширить и включить в нее такие процессы, как решение проблем, социальное поведение, формы научения, отличные от формирования условных рефлексов. К сожалению, смерть помешала ему воплотить в жизнь большую долю своих устремлений.

Комментарии

Программа Халла стала пользоваться такой известностью, что неизбежно навлекла на себя ошутимую критику. В качестве ведущего представителя необихевиоризма. Халл сделался мишенью для тех же нападок, которые были направлены против Уотсона и других

* Закон о первичном подкреплении: когда связь между стимулом и реакцией сопровождается снижением потребности организма, то возрастает вероятность, что при последующем возникновении такого же стимула будет возникать такая же реакция.

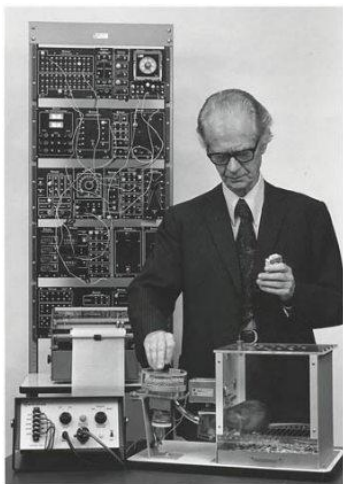
ученых, работавших в традициях бихевиоризма. Те психологи, которые противились внедрению бихевиоральных подходов в психологии, сразу же зачислили Халла во вражеский лагерь.

Систему Халла можно упрекнуть в недостатке широты. В своих попытках определить переменные как можно более точно, в количественных терминах, Халл поневоле вынужден был действовать в очень узкой области. Нередко он формулировал постулаты на основании результатов, полученных при проведении всего-навсего одного эксперимента. Оппоненты выражали сомнение в том, что можно распространить на все поведение те факты, которые были столь специфически получены во время экспериментальной демонстрации - например, такие величины, как <наиболее благоприятный интервал для формирования условного рефлекса век человеческого глаза> (постулат 2), или <вес пищи в граммах, достаточной для формирования условного рефлекса у крысы> (постулат 7) (Hilgard. 1956. P. 181). Несмотря на то, что точные количественные оценки являются необходимыми и заслуживают самых высоких похвал, крайности в подходе Халла привели к сужению той области, в которой могли быть применимы результаты его исследований.

И тем не менее, невозможно переоценить влияние Халла на развитие психологии. Количество исследований, вдохновленных его работами (вероятно, более, чем другими теориями), говорит о его особом положении в истории развития психологии. Перечень выдающихся психологов, которые были учениками и последователями Халла, является заслуженной данью его памяти: Джон Доллард, Карл Ховленд, Нил Миллер, Роберт Сирс, Хобарт Маурер и Кеннет Спенс. Мало кто из психологов оказал подобное влияние на профессиональную ориентацию такого количества людей.

Халл защитил, укрепил и расширил подход объективного бихевиоризма в психологии так, как никто другой до него. Несмотря на то, что в его теории имеется множество не получивших ответа вопросов, неизменными остаются уважение и восхищение непреклонностью тех методов, которые он применил для разработки своей теории. <В любой области науки весьма редки явления истинного теоретического гения; и среди тех, кому психология может выразить свою признательность, Кларк Халл по праву должен занимать одно из первых мест> (Lowry. 1982. P. 211).

Б. Ф. Скиннер (1904-1990)

Скиннер в лаборатории. Классический ящик Скиннера позже был оснащен различными электронными приборами.

Приспособление для исследования закономерностей оперантной активности живых существ (первоначально - лабораторных крыс, затем - голубей, разработанное Б.Ф.Скиннером).

Представляет собой пустой ящик, оснащенный педалью, нажатие на которой приводит к подаче кусочка пищи или иному подкреплению.

Самой влиятельной фигурой в психологии в течение нескольких десятилетий являлся Б. Ф. Скиннер. Один из историков психологии назвал его «без сомнения, наиболее знаменитым американским психологом в мире» (Gilgen. 1982. P. 97). Опрос историков психологии и заведующих кафедрами показал, что Скиннер является одним из самых выдающихся ученых современности (Кот, Davis & Davis. 1991). Когда в 1990 году Скиннер умер, редактор журнала «Американский психолог» писал о нем как об «одном из гигантов нашей области науки», который «оставил неизгладимый след в психологии» (Forwer. 1990. P. 1203). А в некрологе «Журнала по истории бихевиоральных наук» о нем писали как о «ведущей фигуре в бихевиоризме нынешнего века» (Keller. 1991. P. 3).

Начиная с пятидесятых годов и в течение многих лет Скиннер являлся ведущим бихевиористом Соединенных Штатов Америки и привлекал огромное количество верных и восторженных продолжателей и сторонников. Он разработал программу бихевиорального контроля общества, изобрел автоматизированный детский манеж и стал одним из главных вдохновителей и создателей методик модификации поведения и обучающих машин. Он написал роман «Уолден Два» (*Walden Two*), который и через пятьдесят после выхода в свет оставался популярным. В 1971 году его книга «По ту сторону свободы и достоинства» (*Beyond Freedom and Dignity*) стала национальным бестселлером, а сам Скиннер – «самым популярным персонажем различных национальных и городских ток-шоу» (Bjork. 1993. P. 192). Он стал знаменитостью: его прекрасно знала и широкая общественность, и коллеги.

Страницы жизни

Скиннер родился в городке Саскуеханна, штат Пенсильвания, где и жил до поступления в колледж. Согласно его собственным воспоминаниям, его детство прошло в обстановке любви и спокойствия. Он учился в той же самой школе, где когда-то учились его родители; в выпускном классе Скиннера было всего семеро учеников. Он любил свою школу и по утрам всегда приходил раньше всех. В детстве и отрочестве он увлекался созданием самых разных предметов: плотов, тележек, каруселей, пращей и рогаток, моделей самолетов, и даже паровой пушки, которая стреляла поверх крыши соседского дома картофелинами и морковками. Несколько лет он потратил на то, чтобы изобрести вечный двигатель. Он также много читал о поведении животных и держал дома целый зоопарк, состоявший из черепах, змей, ящериц, жаб и бурундуков. Как-то раз на ярмарке он увидел дрессированных голубей: много лет спустя он сам научил голубей разным трюкам.

Психологическая система Скиннера отражает опыт его жизни в детстве и юности. Согласно его собственным взглядам, жизнь человека является плодом прошлых

подкреплений. Он утверждал, что его собственная жизнь была настолько predetermined, упорядоченной и правильной, насколько его система предписывает быть любой человеческой жизни. Он полагал, что все аспекты человеческой жизни можно проследить до самых их истоков.

Скиннер поступил в Гамильтон колледж в Нью-Йорке, но там ему не понравилось. Он писал:

Я никогда не мог вписаться в студенческую жизнь. Я вступил в это братство, совсем не зная, что это такое. Я не преуспевал в спорте и жестоко страдал, когда в хоккее меня били по голени или когда искусный баскетболист отыгрывал мяч от моего черепа... В сочинении, которое я написал после первого курса, я пожаловался на то, что в колледже меня постоянно одолевают ненужными требованиями (одно из них - ежедневное посещение церкви) и что большинство студентов не имеют никаких интеллектуальных интересов. На старших курсах я был уже открытым бунтовщиком. (Skinner, 1967. P. 392.)

Бунтарство Скиннера, в частности, проявлялось в розыгрышах, а также в том, что он шокировал студенческое сообщество и открыто высказывал критические замечания о факультете и об администрации. Его непослушание прекратилось только в день выпуска, когда перед началом торжественной церемонии президент колледжа предупредил Скиннера и его друзей, что если они не успокоятся, им не выдадут дипломов.

Скиннер все-таки успешно закончил колледж со степенью по английскому языку, правом принадлежности к обществу <Фи Бета Каппа> и стремлением стать писателем. На летнем писательском семинаре поэт Роберт Фрост с похвалой отозвался о стихотворениях и рассказах Скиннера. В течение двух лет после выпуска из колледжа Скиннер занимался литературной деятельностью, а затем решил, что ему <нечего сказать>. Его неудача на писательском поприще настолько обескуражила его, что он даже стал подумывать о консультациях психиатра. Он считал себя неудачником. Чувство собственной значимости было жестоко поколеблено.

Кроме того, он разочаровался в любви. Его отвергли по меньшей мере полдюжины молодых женщин, что доставляло ему, по его собственному выражению, сильную физическую боль. Один раз он был настолько потрясен, что выжег на своей руке инициалы возлюбленной. След от ожога остался на многие годы. Биограф отмечает, что «любовные интересы» Скиннера «всегда были несколько подавлены раздвоением чувств и разочарованием. Правда, вскоре Скиннер приобрел репутацию ветреника» (Bjork. 1993. P. 116).

Прочитав об экспериментах Уотсона и Павлова по формированию условных рефлексов, Скиннер круто повернулся от литературных аспектов человеческого поведения к научным. В 1928 году он поступил в аспирантуру Гарвардского университета по психологии - несмотря на то, что до этого ни разу не прослушал курса психологии. По его собственным словам, он поступил в аспирантуру «не потому, что вдруг почувствовал непреодолимую тягу к психологии, а только из-за того, чтобы избавиться от невыносимой альтернативы» (Skinner. 1979. P. 37). Было или не было у него у него непреодолимой тяги к психологии, но через три года он получил ученую степень доктора философии. По завершении научной работы, после защиты докторской диссертации, он преподавал в университете штата Миннесота (1936-1945) и университете штата Индиана (1945-1974), после чего вернулся в Гарвард.

Тема его диссертации относится к положению, которому Скиннер неуклонно следовал в течение всей своей карьеры. Он предположил, что рефлекс представляет собой корреляцию между стимулом и реакцией, и ничего более. В его книге 1938 года «Поведение организмов» (*The Behavior of Organism*) описываются основные положения этой системы. Любопытно, что за первые восемь лет после публикации было продано всего лишь 500 экземпляров книги, и она получила в основном отрицательные рецензии, а пятьдесят лет спустя об этой книге говорили, что она «является одной из немногих книг, которые изменили облик современной психологии» (Thompson. 1988. P. 397).

Тем качеством описываемой в книге системы, которое изменило отношение к ней от полного провала до потрясающего успеха, было ее очевидное прикладное значение для самых разных областей психологии. «В шестидесятые годы началось восхождение звезды Скиннера, отчасти по причине принятия его идей в области образования, отчасти - благодаря растущему влиянию идей Скиннера в области клинической модификации поведения» (Benjamin. 1993. P. 177). Столь широкая применимость идей Скиннера соответствовала его устремлениям, поскольку он испытывал глубокий интерес к проблемам реальной жизни. Его более поздняя работа «Наука и человеческое поведение» (*Science and Human Behavior*. 1953 г.) стала основным учебником по бихевиоральной психологии.

Скиннер продолжал плодотворно работать до самой своей смерти в возрасте 86 лет - причем трудился он с тем же энтузиазмом, который проявлял и шестьдесят лет назад. В подвале своего дома он оборудовал персональный «скиннеровский ящик» - контролируемую среду, которая давала положительное подкрепление. Он спал там в большой желтой пластиковой коробке, в которой как раз помещался матрас, несколько полок с книгами, а также маленький телевизор. Каждый вечер он ложился спать в десять часов, спал три часа, час работал, затем спал еще три часа и вставал в пять часов утра, чтобы отработать еще три часа. Утром он отправлялся в свой кабинет в университете и там снова работал, а во второй половине дня давал себе положительное подкрепление, слушая музыку. Кроме того, огромное положительное влияние на него оказывал процесс написания статей. «Мне очень нравится писать, и было бы очень жаль, если бы когда-нибудь мне пришлось от этого отказаться» (Skinner. 1985, цит. по: Fallen. 1992. P. 1439).

В возрасте 78 лет Скиннер написал статью под названием «Как сохранить интеллект в старости» (*Intellectual Self-Management in Old Age*), в которой он ссылаясь на свой собственный опыт (Skinner. 1983a). В этой статье говорится о том, как полезно в старости упражнять мозг по несколько часов в день, при этом обязательно давая перерывы между всплесками активности - для того, чтобы поддержать слабеющую память и не допустить снижения интеллектуальных способностей.

В 1989 году у Скиннера обнаружили лейкемию. Жить ему оставалось не более двух месяцев. В интервью по радио он говорил о своих чувствах:

Я не религиозный человек, и потому меня не беспокоит, что произойдет со мной после смерти. И когда мне сказали, что у меня такая болезнь и что через несколько месяцев я умру, я не испытал никаких эмоций. Ни паники, ни страха, ни тревоги. Вообще ничего. Единственное, что тронуло меня и от чего мои глаза увлажнились, была мысль о том, как я сообщу об этом жене и дочерям. Видите ли, когда умираешь, ты невольно ранишь тех, кто тебя любит. И ничего с этим не поделаешь... Я прожил хорошую жизнь. С моей стороны было бы довольно глупо в каком-либо смысле на нее жаловаться. А потому я радостно проживу оставшиеся мне месяцы - так же, как я всегда радовался жизни. (Цит. по: Catania. 1992. P. 1527.)

За восемь дней до смерти, сильно ослабевший, Скиннер представил свою статью на заседание Американской психологической ассоциации в Бостоне. Она была посвящена наблюдаемым и ненаблюдаемым стимулам, и, соответственно, *респондентному и оперантному поведению*.

Бихевиоризм Скиннера

Оперантное поведение возникает без воздействия каких-либо внешних наблюдаемых раздражителей. Реакция организма кажется спонтанной в том смысле, что внешне она никак не связана с каким-либо наблюдаемым раздражителем. Это вовсе не означает, что стимула, вызывающего ту или иную реакцию, не существует; это значит, что при возникновении данной реакции ни один стимул не является наблюдаемым. С экспериментальной же точки зрения, если стимул отсутствует, то это значит, что он не применялся, а потому и не наблюдается.

Другим различием между респондентным и оперантным поведением является то, что оперантное поведение воздействует на окружающую организм среду, в то время как респондентное поведение этого не делает. Подопытная собака в лаборатории Павлова, закованная в сбрую, не может сделать ничего иного, как только реагировать (например, пускать слюну), когда экспериментатор предлагает ей какие-либо стимулы. Собака сама по себе ничего не может сделать, чтобы достать стимул (пищу).

Оперантное поведение крысы в коробке Скиннера, напротив, является инструментальным в том смысле, что крыса достигает своего стимула (пищи). Когда крыса нажимает на рычаг, она получает пищу; а если не нажимает на рычаг, то не получает пищи. Таким образом крыса воздействует на окружающую среду. (Скиннер очень не любил термин «скиннеровский ящик», впервые введенный Халлом в 1933 году. Он сам называл это оборудование аппаратом оперантного формирования условных рефлексов. Однако термин «скиннеровский ящик» стал столь популярным, что вошел во все справочники и в настоящее время является в психологии общепринятым.)

Скиннер считал, что оперантное поведение характерно для повседневного научения. Поскольку поведение, как правило, носит оперантный характер, то наиболее эффективным подходом к науке о поведении является изучение обуславливания и угасания оперантного поведения.

Классическая экспериментальная демонстрация заключалась в нажатии на рычаг в скиннеровском ящике. В этом эксперименте крыса, лишенная пищи, помещалась в ящик и получала полную возможность исследовать его. В ходе исследований она неизбежно должна была задеть рычажок, который приводил в действие механизм, выдвигающий полочку с пищей. После получения нескольких порций пищи, которые должны были служить подкреплением, у крысы довольно быстро формировался условный рефлекс. Обратите внимание, что поведение крысы (нажатие на рычаг) оказывает воздействие на окружающую среду и является инструментом приобретения пищи. Зависимая переменная в этом эксперименте проста и понятна: это скорость реакции.

На основании этого эксперимента Скиннер сформулировал свой **закон приобретения***, который гласит, что сила оперантного поведения возрастает, если поведение сопровождается подкрепляющим стимулом. Несмотря на то, что для формирования

* закон подкрепления – сила оперативного поведения возрастает, если поведение сопровождается подкрепляющим стимулом.

быстрой реакции нажатия на рычажок требуется практика, ключевым параметром все-таки является подкрепление. Практика сама по себе ничего не дает: она только предоставляет возможность возникновения дополнительного подкрепления.

Закон приобретения Скиннера отличается от положений о научении у Торндайка и у Халла. Скиннер вообще не касался таких последствий подкрепления, как боль - приятное ощущение или удовольствие-неудовлетворение, как это делал Торндайк. Скиннер так же не пытался интерпретировать подкрепление в терминах снижения воздействия побуждений, как это делал Кларк Халл. Системы Торндайка и Халла были объясняющими; система Скиннера является строго описательной.

Скиннер и его последователи провели огромную исследовательскую работу по проблемам научения - таким, как роль наказания в приобретении навыков, воздействие различных систем подкрепления, мера угасания оперантного обусловливания, наличие вторичного подкрепления и т. д.

Кроме крыс они работали и с другими подопытными животными, и с людьми, используя в качестве основного подхода тот же самый принцип <скиннеровского ящика>. Если в качестве подопытных животных использовались голуби, то они должны были клюнуть в определенную точку или пятно; подкреплением являлась пища. Оперантное поведение людей включало такие аспекты, как решение задач, подкрепленное похвалой или осознанием того, что был дан правильный ответ.

Скиннер сообщал, что в качестве подкрепления для своей трехлетней дочери он использовал поглаживание по спине. Однако этот эксперимент обернулся неожиданным образом. Однажды он укладывал девочку спать, гладил ее по спинке и вдруг решил проверить, насколько это является поощряющим подкреплением. «Я подождал, - написал Скиннер, - чтобы она подняла ногу, и тогда погладил ее. Почти сразу же она снова подняла ногу, и я снова погладил ее. Она засмеялась. "Ты над чем смеешься?" - спросил я, и она ответила: "Стоит мне поднять ногу, как ты начинаешь меня гладить!"» (Skinner. 1987. P. 179).

Схема подкрепления

Уже первые исследования в <скиннеровском ящике> с нажатием рычага продемонстрировали значение подкрепления для оперантного поведения. В этой ситуации поведение крысы при каждом нажатии на рычаг получало подкрепление. То есть всякий раз, выполнив правильное действие, крыса получала пищу. Скиннер отмечал, что хотя в реальной жизни подкрепление далеко не всегда бывает последовательным или непрерывным, тем не менее, научение все-таки происходит и поведение сохраняется, даже если подкрепление было случайным или редким.

Не всегда, отправляясь кататься на коньках или на лыжах, мы попадаем на хороший лед или снег... Не всегда, приходя в ресторан, мы получаем хорошую пищу. потому что повара непредсказуемы. Звоня друзьям по телефону. мы не всегда получаем ответ, потому что друзья могут отсутствовать. ...Подкрепляющие характеристики деятельности и обучения почти всегда являются прерывистыми. так как просто не имеет смысла контролировать подкреплением каждую реакцию. (Skinner. 1953. P. 99.)

Даже если вы проводите исследования постоянно, вы не при каждом эксперименте получаете реакцию А. На работе вас не каждый день хвалят и не каждый день повышают заработную плату. Каким образом на поведении сказывается такое непостоянное

подкрепление? Является ли та или иной **режим подкрепления*** лучшим, чем остальные, с точки зрения ее воздействия на поведение? Скиннер и его коллеги посвятили годы исследованию этих вопросов (Ferster & Skinner 1957; Skinner.1969).

Потребность в этих исследованиях возникла не из-за чисто научного любопытства, но на основе практической целесообразности - что, кстати, иллюстрирует тот факт, что наука нередко существенно отличается от той идеализированной модели, которая представляется в некоторых учебниках. Как-то раз в субботу вечером Скиннер обнаружил, что у него почти закончился запас корма. В то время (тридцатые годы) еще нельзя было купить корм у специальных компаний по снабжению исследовательских лабораторий; экспериментатор должен был делать шарики вручную, что являлось достаточно длительным и трудоемким процессом.

Вместо того, чтобы потратить свои выходные на изготовление кормовых шариков, Скиннер задал себе вопрос: что произойдет, если он будет давать подкрепление своим крысам один раз в минуту, независимо от того, какое будет количество ответных реакций? При таком подходе ему потребуется намного меньше корма, и на выходные дни должно хватить. Скиннер решил провести длительную серию экспериментов, чтобы проверить различные варианты системы подкреплений.

В одном таком исследовании Скиннер сравнил частоту реакции у животных, которые получали подкрепление при каждой реакции, с частотой реакций тех животных, которые получали подкрепление только по истечении некоторого интервала времени. Последнее условие получило название схемы подкрепления с фиксированным интервалом. Подкрепление могло выдаваться, например, один раз в минуту или каждые четыре минуты. Важным моментом в данном случае является то, что подопытное животное получало подкрепление только по истечении определенного отрезка времени. (Например, работа, когда деньги выплачиваются раз в неделю или раз в месяц, представляет собой схему подкрепления с фиксированным интервалом; работники получают заработную плату не за количество произведенной продукции - то есть не за количество обусловленных реакций - а за количество прошедших дней недели.) Исследование Скиннера показало, что чем короче интервал между подкреплениями, тем чаще животное проявляет обусловленную реакцию. И наоборот, по мере того, как увеличивается интервал между подкреплениями, частота реакции снижается.

Частота подкрепления также оказывает влияние на угасание условной реакции. Проявление условной реакции угасает с большей скоростью, если имело место непрерывное подкрепление, которое затем резко было прекращено, чем в том случае, когда подкрепление выдавалось с перерывами. Некоторые голуби демонстрировали до десяти тысяч реакций без подкрепления, если исходно у них был сформирован условный рефлекс на основе периодического, прерывистого подкрепления.

Скиннер исследовал также схему подкрепления с фиксированной частотой. В этом случае подкрепление выдается не по истечении определенного отрезка времени, а после выполнения определенного количества условных реакций. Само поведение животного определяет, насколько часто будет выдаваться подкрепление. Например, требуется совершить десять или двадцать обусловленных ответных реакций, чтобы получить новое подкрепление. Животные, получающие поощрение по схеме с фиксированной частотой, реагируют намного интенсивнее, чем те, которые получают подкрепление по схеме с фиксированным интервалом. Ведь очевидно, что высокая частота реагирования при схеме

* режимы подкрепления - условия, развивающиеся степенью и временем подкрепления.

с фиксированным интервалом не приводит к получению дополнительного подкрепления; животное может нажать на рычаг пять раз или пятьдесят, но подкрепление появится только тогда, когда истечет заданный отрезок времени.

Самые высокие показатели реагирования при схеме подкрепления с фиксированной частотой наблюдались и у крыс, и у голубей, и у людей. Пример тому: сдельная оплата труда, когда заработок работника на его рабочем месте зависит от количества произведенной продукции, а комиссионные зависят от количества продаж. Правда, такая схема подкрепления успешно работает только тогда, когда требуемый уровень обусловленной реакции не слишком высок (так, нормы дневной выработки должны быть реальными) и если ожидаемое подкрепление стоит затраченных усилий.

Вербальное поведение

Те звуки, которые человеческий организм производит в процессе речи, утверждал Скиннер, также являются формой поведения, а именно - вербальным поведением. Они представляют собой реакции, которые могут подкрепляться другими звуками речи или жестами точно так же, как нажатие крысой рычага подкрепляется получением пищи.

Для вербального поведения требуются два взаимодействующих человека - говорящий и слушающий. Говорящий определенным образом реагирует - это значит, что он произносит звук. Слушатель может управлять последующим поведением говорящего путем выражения подкрепления, отсутствия подкрепления или наказания - в зависимости от того, что было сказано.

Например, если всякий раз, как говорящий употребляет то или иное слово, слушатель улыбается, то он тем самым увеличивает вероятность того, что говорящий снова употребит это слово. Если слушатель реагирует на слово тем, что хмурит брови или отпускает язвительные замечания, то он тем самым увеличивает вероятность того, что говорящий в будущем будет избегать употребления этого слова.

Примеры такого процесса можно наблюдать в поведении родителей, когда их дети учатся говорить. Недопустимые слова или выражения, неправильное применение слов, плохое произношение вызывают реакцию, в корне отличающуюся от той, которой встречают вежливые фразы, правильное применение, чистое произношение. Таким образом ребенок обучается правильной речи - по крайней мере, на том уровне, на котором ею владеют родители или воспитатели.

Поскольку речь является поведением, она также подлежит подкреплению, прогнозированию и управлению, как любое другое поведение. Скиннер суммировал результаты своих исследований в книге «Вербальное поведение» (*Verbal Behavior*) (Skinner. 1957).

Воздушная колыбель и обучающие машины

Применение «скиннеровского ящика» в психологических исследовательских лабораториях создало ему известность среди психологов, но воздушная колыбель - аппарат для автоматизации ухода за младенцами - сделал его знаменитым на всю страну.

Он описал изобретение воздушной колыбели в статье журнала для домохозяек. Когда он и его жена решили завести второго ребенка, она сказала ему, что уход за младенцем в первые два года жизни требует слишком много внимания и утомительного труда, и

поэтому Скиннер изобрел автоматическое устройство, которое должно было избавить родителей от рутинной работы. Воздушные колыбели начали выпускаться промышленно, но, откровенно говоря, они не пользовались большим успехом.

Воздушная колыбель представляла собой «большое звуконепроницаемое помещение с кондиционированным воздухом, контролем температуры, защищенное против бактерий, в котором ребенок может спать или бодрствовать без пеленок, в одном только подгузнике. Это предоставляет полную свободу движений и относительную безопасность от простуды или перегревания» (Rice. 1968. P. 98). У дочери Скиннера не наблюдалось каких-либо вредных последствий пользования воздушной колыбелью.

Кроме того, Скиннер способствовал распространению обучающей машины, изобретенной еще в двадцатые годы психологом Сиднеем Пресси. К несчастью для Пресси, его изобретение намного опередило свое время и ни у кого не вызвало интереса.

Сложившаяся обстановка была такова, что если сначала обучающая машина не привлекла внимания, то спустя тридцать лет она вызвала настоящий взрыв энтузиазма (Benjamin. 1988b). В двадцатые годы, когда Пресси только что изобрел свою машину, он утверждал, что теперь можно будет учить школьников эффективнее и при меньшем количестве учителей. Однако в то время как раз наблюдался избыток учителей, а общественное мнение не было настроено на совершенствование учебного процесса. В пятидесятые годы, когда Скиннер представил аналогичное устройство, учителей не хватало, классы были переполнены, и общественность была обеспокоена и выражала настоятельные требования улучшить учебный процесс, чтобы появилась возможность конкурировать с русскими в области исследования космоса. Скиннер утверждал, что он ничего не знал об изобретении Пресси и разработал собственную обучающую машину, но он всегда отдавал должное своему предшественнику.

Скиннер начал разрабатывать свою обучающую машину после того, как посетил четвертый класс, в котором училась его дочь, и решил, что необходимо что-то сделать для улучшения учебного процесса. Он суммировал свой опыт в этой области в книге «Технология обучения» (*The Technology of Teaching*, 1968 г.). Обучающие машины широко применялись в пятидесятые и в начале шестидесятых годов, пока им на смену не пришли методы компьютерного обучения.

Уолден Два - Общество бихевиористов

Скиннер выдвинул программу контроля поведения - технологию поведения, в которой он предпринял попытку применить свои лабораторные открытия к жизни всего общества. В то время как Джон Б. Уотсон лишь в общих словах говорил об использовании условных рефлексов на пути к более здоровой жизни, Скиннер в подробностях обрисовал функционирование общества, в котором эта идея реализуется.

В 1948 году он опубликовал роман «Уолден Два», в котором описывал жизнь сельской общины, насчитывающей тысячу человек. Каждый аспект жизни в этой общине контролируется положительным подкреплением. Книга явилась плодом кризиса середины жизни, который Скиннер пережил в возрасте 41 года. Он смог преодолеть депрессию, вернувшись к своей юношеской мечте стать писателем. Захваченный личными и профессиональными конфликтами, он выразил свое отчаяние в книге, рассказывая о судьбе главного героя Т. Е. Фрейзера. «Многое в жизни Уолден Два взято из моей собственной жизни, - признавался Скиннер. - Я позволил Т. Е. Фрейзеру произнести то, на что сам не решался» (Skinner. 1979. P. 297-298).

Книга получила в прессе и похвальные, и отрицательные отзывы. До начала шестидесятых годов было продано всего лишь несколько тысяч экземпляров, но зато в 1990 году, в год смерти Скиннера, было продано около двух с половиной миллионов экземпляров (Bork. 1993).

Общество, изображенное в романе Скиннера, и само основополагающее предположение Скиннера о том, что люди по существу подобны машинам, отражает кульминацию длительного развития этого направления мысли, от Галилея и Ньютона до британских эмпириков, а затем и Уотсона. «Если мы собираемся использовать научные методы в человеческих делах, то должны признать, что поведение является детерминированным и подчиняется определенным законам, ...что то, что делает человек, является результатом определенных условий, и если эти условия станут известны, то вполне можно предвидеть и до некоторой степени определить и действия» (Skinner. 1933. P. 6).

Механистический, аналитический и детерминистский подход, принятый в естественных науках, подкрепленный экспериментами Скиннера по формированию условных рефлексов, убедил представителей бихевиоральной психологии в том, что человеческое поведение можно контролировать, направлять, модифицировать и формировать при правильном использовании положительного подкрепления.

Модификация поведения

Программа Скиннера для общества, основанная на положительном подкреплении, существовала только теоретически, но зато контроль или модификация поведения людей или малых групп являлись широко распространенными практически. **Модификация поведения*** посредством положительного подкрепления является одной из самых популярных методик в психиатрических клиниках, на фабриках, в школах, исправительных заведениях, где оно используется для того, чтобы изменить ненормальное или нежелательное поведение, сделать его более приемлемым или желательным. Модификация поведения действует на людей так же, как метод оперантного обусловливания, изменяющий поведение крыс или голубей путем подкрепления желательного поведения и не подкрепления нежелательного поведения.

Давайте представим себе ребенка, который устраивает истерики для того, чтобы получить пищу или привлечь к себе внимание. Если родители удовлетворяют требования ребенка, тем самым подкрепляя нежелательное поведение. При модификации поведения такие действия, как топанье ногами или крики, не должны получать подкрепления. Подкрепление полагается только за желательное и удовлетворительное поведение. Через некоторое время поведение ребенка изменится, поскольку демонстрация характера больше не будет приводить к получению требуемого результата.

Оперантное обусловливание и подкрепление применяются и на рабочих местах, где модификация поведения широко используется для снижения числа прогулов или злоупотребления больничными листами, а также для улучшения показателей работы и укрепления техники безопасности. Методы модификации поведения применяются также для обучения навыкам работы.

Программы модификации поведения доказали свою эффективность во время их использования в целях изменения поведения пациентов психиатрических клиник. За

* Модификация поведения – использование положительного подкрепления для контроля или модификации поведения личности или группы.

хорошее поведение пациенты получали вознаграждение в виде значков, которые можно было обменивать на определенные привилегии или блага; разрушительное или негативное поведение не вознаграждалось. Постепенно стали наблюдаться положительные изменения в поведении. В отличие от традиционных клинических методик то, что происходит в сознании пациента, здесь принималось во внимание не больше, чем в случае крыс из скиннеровского ящика. Все внимание было сосредоточено исключительно на внешнем поведении и положительном подкреплении.

Наказание не применялось. Люди не подвергались наказанию за то, что они вели себя не так, как требуется. Они только получали подкрепление или вознаграждение, когда их поведение менялось в положительном направлении. Скиннер верил, что положительное подкрепление для модификации поведения является более эффективным, чем наказание. Он подтвердил свою точку зрения значительным объемом экспериментальных исследований как на животных, так и на людях. (Скиннер писал, что в детстве отец никогда не наказывал его физически, а мать наказала только один раз: она вымыла его рот хозяйственным мылом за то, что он употребил нецензурные слова (Skinner. 1976). Правда, он не упомянул, оказало ли наказание какое-либо влияние на его поведение.)

Критика бихевиоризма Скиннера

Более всего возражений против бихевиоризма Скиннера вызвали его крайний позитивизм и отрицание всех теорий. Оппоненты Скиннера утверждают, что свести к нулю все теоретические построения невозможно. Поскольку детали эксперимента должны быть запланированы заранее, то уже это само по себе является свидетельством построения хотя бы простейшей теории. Отмечалось также, что принятие Скиннером базовых принципов формирования условных рефлексов в качестве основы для своей работы также является до некоторой степени теоретизированием.

Сложившаяся система взглядов придавала Скиннеру уверенности в экономических, социальных, политических и религиозных вопросах. В 1986 году он написал статью с многообещающим названием <Что неправильно в западном образе жизни?> (What is Wrong with Life in the Western World?) В этой статье он утверждал, что <поведение жителей Запада ухудшилось, но его можно улучшить посредством применения принципов, выведенных на основании экспериментального анализа поведения> (Skinner. 1986. P. 568). Критики обвинили Скиннера в том, что его готовность экстраполировать на основании опытных данных является несовместимым с его антитеоретическими установками и демонстрирует тот факт, что в своем стремлении представить собственный проект переустройства общества он выходит за рамки строго наблюдаемых данных.

Узкий диапазон исследований поведения в скиннеровских лабораториях (нажать на рычаг или клюнуть ключ) также не избежал критики. Противники теории Скиннера утверждали, что такой подход попросту игнорирует многие аспекты поведения. Утверждение Скиннера о том, что любое поведение является заученным, было оспорено его бывшим студентом, который обучил более шести тысяч животных 38 видов выступать в телевизионных программах, аттракционах и на ярмарках (Breland & Breland. 1961). Свиньи, куры, хомяки, дельфины, киты, коровы и прочие животные демонстрировали тенденцию к инстинктивному поведению. Это значит, что они замещали инстинктивным поведением то, которое получало подкрепление, даже если это инстинктивное поведение мешало им получить пищу. Таким образом, подкрепление оказалось не столь всемогущим, как утверждал Скиннер.

Позиция Скиннера в вопросах вербального поведения - в частности, его объяснение того, каким образом дети учатся говорить, - оспаривалось на том основании, что определенные виды поведения должны быть наследственными. Критики утверждали, что младенец не изучает язык слово за словом благодаря подкреплению, получаемому за каждое правильно произнесенное слово, - ребенок осваивает грамматические правила, необходимые для того, чтобы строить предложения. А вот потенциал для формирования таких правил, утверждают противники Скиннера, является наследственным, а не заученным (Chomsky.1959,1972).

Значение бихевиоризма Скиннера

Несмотря на эту критику, Скиннер оставался бесспорным лидером и героем бихевиоральной психологии - по крайней мере, в течение трех десятилетий американская психология формировалась под влиянием работ Скиннера в большей степени, нежели работ какого-либо другого психолога.

В 1958 году Американская психологическая ассоциация вручила Скиннеру премию «За выдающийся вклад в развитие науки», отмечая, что «мало кто из американских психологов оказал такое глубокое влияние на развитие психологии и воспитание многообещающих молодых ученых». В 1968 году Скиннер получил национальную медаль, что является высшей наградой, которой правительство Соединенных Штатов удостоивает за вклад в науку. В 1971 году Американский психологический фонд представил Скиннера к награждению золотой медалью; его фотография появилась на обложке журнала «Тайм». А в 1990 году он был отмечен занесением на доску почета Американской психологической ассоциации за большой вклад в психологию.

Очень важно понять, что основной целью Скиннера являлось улучшение жизни отдельных людей и общества в целом. Несмотря на механистическую природу его системы, он по сути был гуманистом. Это качество ярко проявилось в его усилиях модифицировать поведение людей в реальных условиях семей, школ, предприятий и больниц. Он надеялся, что его технология поведения облегчит страдания людей, и потому чувствовал все возрастающее разочарование, понимая, что, несмотря на всю свою популярность и влияние, его система не получает широкого распространения.

К старости Скиннер стал более пессимистически настроен в отношении надежд, что наука способна на своевременное преобразование общества. Его отчаяние по поводу будущей мира росло. (Vjork. 1993. P. 226.)

Не подлежит сомнению тот факт, что радикальный бихевиоризм Скиннера завоевал и до сих пор удерживает за собой сильные позиции в психологии. «Журнал экспериментального анализа поведения» и «Журнал прикладного анализа поведения» (*Journal of the Experimental Analysis of Behavior* и *Journal Applied Behavior Analysis*) продолжают процветать, равно как и Отделение экспериментального анализа поведения при Американской психологической ассоциации. Применение принципов Скиннера - в особенности модификации поведения - остается популярным, а результаты этой деятельности подтверждают правильность подхода Скиннера. По всем меркам профессионального и общественного признания бихевиоризм Скиннера определенно затмил все прочие виды бихевиоральной психологии.

Теория социального научения: когнитивный вызов

Мы уже видели, что бихевиоризм, как и любое другое течение с хорошо отработанной системой взглядов, имеет длинную историю. Джон Б. Уотсон поднял голос в поддержку изменения «духа времени» в американской психологии, когда восстал против менталистического подхода и формально утвердил объективную науку о поведении. Этим решительным шагом отмечено начало новой эры в американской психологии.

Затем последовал период энтузиазма формирования новых направлений бихевиоризма. Спустя пятьдесят лет после публикации статьи Уотсона, где он сформулировал основные принципы бихевиоризма, Б. Ф. Скиннер отметил эту годовщину статьей под названием «Бихевиоризм через пятьдесят лет» (Skinner. 1963), в которой утверждал, что прогресс в экспериментальной психологии в Соединенных Штатах во многом обязан влиянию бихевиоризма.

Однако несмотря на всю свою популярность и влияние бихевиоризм подвергался нападкам многих психологов, включая также и тех, кто считал себя приверженцами бихевиоризма. Они подвергали сомнению правомерность отрицания бихевиоризмом психических и когнитивных процессов и сформировали новое направление, а именно социальное научение или социально-бихевиоральный подход. Это ознаменовало начало когнитивной революции в психологии. Упомянутое движение отмечает третий этап в развитии бихевиоризма как школы научного мышления, оно получило название необихевиоризм.

Начиная примерно с шестидесятых годов в психологии сформировалась тенденция освобождения бихевиоризма от «ограничивающих пут, более гибкого подхода к понятию когнитивных процессов» (Bruner. 1982. P. 42). В настоящее время сознание в полной мере вернулось в психологию. Как и следовало ожидать, Скиннер критиковал эту тенденцию, отмечая, что «ментализм вернулся, как наводнение... Стало модным вставлять словечко "когнитивный" где только можно» (Skinner. 1983b. P. 194).

В главе 15 мы обсудим истоки и наиболее влиятельные когнитивные движения современной психологии. Здесь же мы рассмотрим только два примера того, как допущение понятия сознания меняет природу бихевиоризма: работы необихевиористов Альберта Бандуры и Джулиана Роттера.

Альберт Бандура (1925-)

Альберт Бандура родился в Канаде, в городке настолько маленьком, что в местной школе было всего двадцать учеников и два учителя. После окончания школы он работал с бригадой строителей на территории Юкона на починке дорог Аляски. Бандура искренне восхищался теми людьми, с которыми ему пришлось работать на Севере. «Оказавшись среди разношерстной компании интересных личностей, большинство которых составляли

те, кто прятался от кредиторов или уплаты алиментов, или условно осужденные, у Бандуры быстро развились способности оценивать психопатологию повседневной жизни, которая пыльным цветом цвела посреди суровой тундры» («Выдающиеся ученые» 1981. Р. 28).

Бандура получил степень доктора философии в университете штата Айова в 1952 году и поступил на факультет Стэнфордского университета. Еще в начале шестидесятых годов он предложил свою версию бихевиоризма, которую исходно определил как социальный бихевиоризм, а позднее назвал социальной когнитивной теорией (Bandura. 1986).

Социальная когнитивная теория

Социальная когнитивная теория Бандуры является менее экстремальной формой бихевиоризма, чем бихевиоризм Скиннера; она отражает возобновление интереса психологии к когнитивным факторам. Общий подход Бандуры основан на бихевиоризме. Его исследования базируются на наблюдении за поведением испытуемых людей в процессе их взаимодействия. Он не использует интроспекцию и отдает должное значению подкрепления в формировании или модификации поведения.

Однако система Бандуры является не только бихевиоральной, но и когнитивной. Он подчеркивает влияние на внешние схемы подкрепления таких установок, как вера, ожидания, инструкции. Согласно Бандуре, поведенческая реакция не включается автоматически внешним раздражителем, как это происходит у роботов или машин. Напротив, реакции на раздражители являются самоактивизирующимися. Человек сознательно воспринимает положительное подкрепление, он предвидит его получение в случае соответствующего поведения.

Несмотря на то, что Бандура соглашается со Скиннером, что человеческое поведение можно модифицировать посредством подкрепления, а также верит в то-и даже доказывает это эмпирическим путем, - что человек может освоить практически все виды поведения без непосредственного получения какого-либо подкрепления.

Нам далеко не всегда требуется подкрепление; мы можем учиться на чужом опыте, посредством **косвенного подкрепления***, наблюдая за поведением других людей и последствиями этого поведения.

Такая способность обучаться на примерах и на основе косвенного подкрепления предполагает, что человек обладает способностью прогнозировать и оценивать последствия того, что он наблюдал у других людей, что еще не пережито им на личном опыте. Мы можем регулировать и направлять наше собственное поведение, представляя или воображая себе еще не пережитые его последствия. Бандура полагает, что связь между стимулом и реакцией, поведением и подкреплением не прямая, как это предусматривается системой Скиннера. Он вводит понятие промежуточного механизма между стимулом и реакцией, этим механизмом являются когнитивные процессы личности.

Таким образом, когнитивные процессы играют важнейшую роль в социальной когнитивной теории, их рассмотрение является основным отличием взглядов Бандуры от системы Скиннера. Как полагает Бандура, не сама по себе схема подкрепления является

* косвенное подкрепление - введенное бандурой понятие о том, что научение может происходить на основе наблюдений за поведением других людей и за последствиями этого поведения, а не на основе лично полученного подкрепления.

эффективным фактором модификации поведения, а то, что именно человек думает об этой схеме подкрепления. Вместо того, чтобы учиться на собственном опыте полученных подкреплений, мы учимся при помощи моделирования, наблюдая за другими людьми и примеривая на себя их модели поведения. Согласно взглядам Скиннера, тот, кто контролирует подкрепление, контролирует и поведение. Согласно взглядам Бандуры, тот, кто контролирует <модели> в обществе, контролирует и поведение.

Бандура провел широкомасштабные исследования характеристик тех моделей, которые оказывают влияние на наше поведение. Он обнаружил, что мы склонны моделировать поведение людей того же пола, примерно такого же возраста - то есть человека, равного нам, который с успехом решает проблемы, сходные с нашими. Кроме того, на нас производит сильное впечатление поведение «моделей», занимающих высокое положение в обществе. Различные типы поведения служат образцом для подражания в разной степени. Более простые типы поведения имитируются намного чаще, чем более сложные. Агрессивное и враждебное поведение имитируется с наибольшей готовностью, особенно детьми (Bandura.1986). Таким образом, то, что мы видим в реальной жизни и в средствах массовой информации, и определяет наше поведение.

Подход Бандуры получил название теории социального научения, поскольку он занимается изучением поведения на уровне его формирования и модифицирования в социальных ситуациях. Бандура критиковал исследования Скиннера, который использовал только отдельные виды подопытных животных, в основном крыс и голубей, а не людей, взаимодействующих друг с другом. Лишь немногие люди проживают в условиях полной социальной изоляции. Бандура утверждал, что не стоит ожидать новых научных открытий в психологии, если будет игнорироваться изучение социального взаимодействия, столь характерного для современного мира.

Эффективность личности

Бандура провел серьезные исследования такого понятия, как **эффективность личности***, которую он описал как чувства самоуважения и собственного достоинства, адекватность и проявление умения решать жизненные проблемы (Bandura.1982). Его работа показала, что люди, обладающие высокой личной эффективностью, считают, что они в состоянии справиться с неблагоприятными событиями и обстоятельствами жизни. Они ожидают от себя способности преодолевать препятствия. Они сами ищут испытаний, усложняют свои задачи и в своем стремлении к успеху поддерживают высокий уровень уверенности в своих силах.

Напротив, люди с низкой личной эффективностью при столкновении с различными жизненными ситуациями чувствуют свою беспомощность; они считают, что у них слишком мало или совсем нет сил для того, чтобы повлиять на сложившуюся ситуацию. Если они наталкиваются на проблему или препятствие, и первая попытка преодоления не увенчивается успехом, то они быстро отказываются от дальнейших попыток. Такие люди уверены в том, что от них ничего не зависит.

Исследования показали, что представления, связанные с эффективностью личности, оказывают существенное влияние на многие стороны человеческой деятельности. Люди с высокой личной эффективностью рассматривают больше вариантов выбора карьеры и чаще добиваются успеха; они получают более высокие оценки при обучении, ставят перед собой более высокие цели и в целом обладают лучшим физическим и душевным

* эффективность личности – чувство самоуважения, самооценки и компетентности личности при решении жизненных проблем.

здоровьем, чем люди с низкой личной эффективностью. В общем случае, мужчины действуют с более высокой эффективностью, чем женщины. И у мужчин, и у женщин личная эффективность достигает максимального уровня в середине жизни и постепенно снижается после шестидесяти лет.

Модификация поведения

Задача, которую поставил перед собой Альберт Бандура при разработке социального когнитивного подхода к бихевиоризму, была чисто практической и прикладной: каким образом можно модифицировать те виды поведения, которые общество рассматривает как нежелательные или ненормальные. Согласно его рассуждениям, если все виды поведения - включая и ненормальное поведение - изучаются на основе наблюдений за другими людьми и моделирования их поведения, значит поведение можно <выучить заново> или хотя бы частично изменить его.

Подобно Скиннеру, Бандура сосредоточил свое внимание на внешних проявлениях ненормальности - то есть на поведении - а не на предполагаемых внутренних сознательных или подсознательных конфликтах. Лечение симптомов, по Бандуре, является одновременно и лечением самого расстройства, поскольку симптом и заболевание считаются единым целым.

При модификации поведения используется моделирование: испытуемые должны наблюдать за моделью в таких ситуациях, которые кажутся им пугающими или провоцируют у них чувство тревоги. Например, дети, которые боятся собак, наблюдают, как ребенок такого же возраста подходит к собаке и начинает играть с ней. С безопасного расстояния эти дети видят, как их сверстник постепенно приближается к собаке, гладит собаку сквозь прутья и наконец входит внутрь манежа и весело играет с ней. В результате такого обучения на наглядном примере страх, вызываемый у ребенка собакой, будет значительно ослаблен.

В качестве примера такого показательного обучения можно привести случай, когда испытуемые наблюдали игру с пугающей их змеей. Спустя какое-то время они постепенно приближались к змее и даже брали ее в руки.

Методы бихевиоральной терапии, разработанные Бандурой, широко применяются в клинической практике, в бизнесе, в сфере образования. Они получили подтверждение в сотнях экспериментальных исследований. Эти методы доказали свою эффективность при избавлении от различных фобий - страхов перед змеями, замкнутыми пространствами, открытыми пространствами, высотой. Кроме того, они полезны при лечении навязчивых неврозов, сексуальных дисфункций, некоторых форм тревожных состояний, а также способствуют повышению эффективности личности.

Комментарии

Социально-когнитивный подход к бихевиоризму, разработанный Альбертом Бандурой, вызвал критику со стороны приверженцев традиционного бихевиоризма, которые утверждали, что когнитивные процессы не могут оказывать каузального воздействия на поведение. Бандура отвечал на это следующим образом: «Очень забавно видеть радикальных бихевиористов, которые верят в то, что мысль не оказывает каузального воздействия, и в то же время отдают столько времени и сил выступлениям, статьям и книгам в попытках обратить людей в свою веру» (цит. по: Evans. 1989. P. 83).

Социально-когнитивная теория получила широкое признание в психологии в качестве эффективного способа исследования поведения в лабораторных условиях и модификации поведения в клинических. Вклад Бандуры в современную психологию признается многими его коллегами. В 1974 году Альберт Бандура являлся президентом Американской психологической ассоциации и в 1980 году получил награду «За выдающийся вклад в науку». Разработанная им теория созвучна американской психологии XX века как с функциональной, так и с практической точки зрения. Его подход является объективным; он пригоден для применения в лабораторных исследованиях; соответствует нынешнему интеллектуальному климату, в котором большое значение придается изучению внутренних когнитивных процессов; и вполне применим к тем задачам, которые ставит реальная жизнь. По мнению многих психологов, работы Альберта Бандуры представляют собой интересное и плодотворное новое веяние в длительной истории бихевиоризма.

Джулиан Роттер (1916-)

Джулиан Роттер родился в Бруклине, в Нью-Йорке, и еще в школе начал читать книги Зигмунда Фрейда и Альфреда Адлера по психоанализу. Тогда же он сказал себе, что хочет стать психологом. Но в те времена, в период Великой Депрессии, для психолога не было работы, а потому он решил вместо психологии заниматься химией в Бруклинском колледже. В это время он и познакомился с Адлером (см. главу 14) и в конце концов переключился на психологию - даже несмотря на то, что ясно сознавал непрактичность этого выбора. Он стремился к академической карьере, но широко распространенные антисемитские предрассудки не позволили ему добиться этой цели. «И в Бруклинском колледже, и позднее в аспирантуре, меня открыто предупреждали, что евреям очень не просто получить работу в науке, несмотря на все их дипломы. И это предупреждение полностью оправдалось» (Rotter. 1982. P. 346).

После того как Роттер получил степень доктора философии в университете штата Индиана в 1941 году, он нашел работу только в государственной психиатрической больнице в штате Коннектикут. Во время второй мировой войны он работал психологом в армии США, до 1963 года преподавал в университете штата Огайо, а затем перешел в университет штата Коннектикут. В 1988 году Роттер получил награду «За выдающиеся научные достижения» от Американской психологической ассоциации.

Когнитивные процессы

Роттер был первым, кто применил термин «теория социального научения» (Rotter. 1947). Он разработал когнитивный подход в бихевиоризме, в котором так же, как и в подходе Бандуры, подразумевалось существование внутренних субъективных переживаний. Таким образом, его бихевиоризм (как и бихевиоризм Бандуры) является менее радикальным, чем бихевиоризм Скиннера. Роттер критиковал Скиннера за то, что тот изучает индивидуальные субъекты в изоляции, и настаивал на том, что люди исходно обучаются

типам поведения на основе социального опыта. Подход Роттера зиждется на жестких, строго контролируемых лабораторных исследованиях, что так характерно для всего бихевиористского движения - причем исследованиям подвергаются только «подопытные» люди в условиях социального взаимодействия.

Система Роттера рассматривает когнитивные процессы более широко, нежели система Бандуры. Роттер полагает, что все мы воспринимаем себя существами, обладающими сознанием, способными влиять на те переживания, которые воздействуют на нашу жизнь. И внешние раздражители, и обеспечиваемое ими подкрепление могут оказывать влияние на человеческое поведение, но сущность и степень этого влияния определяются когнитивными факторами (Rotter. 1982).

При проведении анализа человеческого поведения Роттер отмечает следующие моменты:

1. Мы располагаем субъективными предположениями относительно результата нашего поведения в терминах количества и качества подкрепления, которое может за этим поведением последовать.
2. Мы примерно оцениваем вероятность того, что поведение определенного рода приведет к получению определенного подкрепления, и на основании этих оценок корректируем свое поведение.
3. Мы присваиваем различным подкреплениям различные степени важности и оцениваем их относительную <стоимость> в различных ситуациях.
4. Поскольку мы функционируем в различных психологических средах, которые являются уникальными для нас как для индивидов, то очевидно, что одни и те же подкрепления могут оказывать на разных людей различное воздействие.

Таким образом, согласно Роттеру, наши субъективные переживания и ожидания, которые являются внутренними когнитивными состояниями, и определяют, какое влияние окажут на нас внешние факторы.

Локус контроля

Теория социального научения Роттера также имеет дело с нашими представлениями об источниках подкрепления. Исследования Роттера показали, что некоторые люди верят, что подкрепление зависит от их поведения; про таких людей говорят, что у них имеется **внутренний локус контроля***. Другие верят, что подкрепление определяется только внешними факторами; эти люди имеют **внешний локус контроля*** (Rotter. 1966). поведения.

Эти два источника контроля приводят к различным воздействиям на поведение. Для людей с внешним локусом контроля их собственные _ способности или действия не имеют особого значения с точки зрения получения подкрепления, а потому они прилагают самые минимальные усилия или вообще не пытаются изменить ситуацию. Люди с внутренним локусом контроля несут ответственность за свою жизнь и действуют в соответствии с этим.

Исследования Роттера показали, что люди с внутренним локусом контроля оказываются более здоровыми физически и душевно, чем люди с внешним. У людей с внутренним локусом контроля в общем случае более низкое артериальное давление, реже случаются

* внутренний локус контроль – вера в то, что подкрепление зависит от собственного поведения.

* внешний локус контроль – вера в то, что подкрепление зависит от внешних сил.

сердечно-сосудистые заболевания, ниже уровень тревожности и депрессии. Они получают лучшие оценки при обучении и считают, что в жизни у них имеется более широкий выбор возможностей. Они обладают хорошими социальными навыками, пользуются популярностью и имеют более высокий уровень самооценки, чем люди с внешним локусом контроля. Студенты высших учебных заведений, к примеру, оказываются людьми с ориентацией в большей степени на внутренний локус контроля, чем на внешний.

Кроме того, работы Роттера предполагают, что локус контроля личности закладывается в детстве на основе того, как родители или воспитатели обращаются с ребенком. Оказалось, что родителей людей с внутренним локусом контроля чаще можно назвать помощниками своим детям, щедрыми на похвалу за достижения (что обеспечивает положительное подкрепление), последовательными в своих требованиях к дисциплине и не авторитарными во взаимоотношениях.

Комментарии

Теория социального научения Роттера привлекла в свои ряды многих верных последователей, изначально ориентированных на экспериментальные исследования и разделяющих взгляды Роттера на значение когнитивных переменных в оказании влияния на поведение. Исследования Роттера считаются настолько строгими и четко контролируруемыми, что это делает их пригодными для экспериментального подтверждения. Множество научных исследований - в том числе относящиеся к внутреннему или внешнему локусу контроля, служат поддержкой его когнитивного подхода к бихевиоризму. Роттер утверждает, что его концепция локуса контроля стала «одной из самых широко изучаемых концепций в психологии и в других социальных науках» (Rotter. 1990. P. 489).

Судьба бихевиоризма

Несмотря на то, что когнитивная альтернатива бихевиоризма, возникшая изнутри, преуспела в модифицировании всего бихевиористского движения, унаследованного от Джона Б. Уотсона и Скиннера, важно не забывать, что Альберт Бандура, Джулиан Роттер и другие нео-необихевиористы, которые поддерживают когнитивный подход, тем не менее продолжают называть себя бихевиористами. Они являются так называемыми методологическими бихевиористами; предметом исследования психологии они признают внутренние когнитивные процессы. В свою очередь, радикальные бихевиористы считают, что психология должна изучать исключительно внешние проявления поведения и раздражители окружающей среды; они не принимают во внимание какие-либо предполагаемые внутренние состояния. Уотсон и Скиннер были радикальными бихевиористами; Халл и Толмен были методологическими бихевиористами. Работы Бандуры и Роттера, как методологических бихевиористов, совершенно изменили природу бихевиоризма в современной американской психологии.

Когорта верных приверженцев Скиннера остается активной в пределах радикальной традиции, сформированной Скиннером, но их влияние и популярность, которые достигли наивысшей точки в восьмидесятые годы, пошли на спад после смерти Скиннера в 1990 году. Скиннер еще в 1987 году признавал, что его версия бихевиоризма теряет почву, что современные психологи уделяют когнитивным процессам все больше внимания (Goleman. 1987). Многие ученые соглашались с этим, отмечая, что бихевиоризм Скиннера «утратил

популярность среди большей части активных исследователей в этой области... Лишь немногие ученые, в основном работающие в небольших университетах, называют себя бихевиористами в традиционном смысле этого слова. Фактически понятие "бихевиоризм" очень часто употребляется в прошедшем времени» (Baars. 1986. P. Viii, 1).

Бихевиоризм, который продолжает оставаться живым и действенным в современной психологии - что особенно наглядно в прикладной психологии, где методики модификации поведения становятся все более популярными, - отличается от того бихевиоризма, который процветал в течение нескольких десятилетий, с момента появления манифеста Уотсона в 1913 году и до смерти Скиннера в 1990 году. Но, как бы то ни было, бихевиоризм продолжает свое существование в духе своего основателя.

Вопросы для обсуждения

1. Что такое операционализм? Каким образом он повлиял на необихевиоризм двадцатых и тридцатых годов? Какое определение можно дать промежуточным переменным?
2. Сравните теорию научения Толмена с подходом Гатри. Опишите классический эксперимент, который подтвердил теорию Толмена.
3. Сравните бихевиоризм Кларка Хала со взглядами Уотсона и Толмена.
4. Дайте определение первичных и вторичных побуждений, а так же первичных и вторичных подкреплений в соответствии со взглядами Хала. Что такое гипотетико-дедуктивный метод? Каковы аспекты критики теории Хала?
5. Опишите взгляды Скиннера на построение теорий, на механический подход на промежуточные переменные и на использование статистики. В чем различие между оперантным и респондентным формированием условных рефлексов?
6. Как оперантное обусловливание используется для модификации поведения? Какая разница между подкреплением и фиксированным интервалом и подкреплением с фиксированной частотой? В чем критики обвиняют систему Скиннера?
7. Чем взгляды Бандуры и Роттера на роль когнитивных факторов отличаются от взглядов Скиннера? Объясните, как локус контроля влияет на поведение.

Рекомендуемая литература

- Bandura, A. (1976) Albert Bandura. In R. 1. Evans (Ed.) *The making of psychology: Discussions with creative contributors*. New York: Knopf. Беседы с Бандурой о его жизни и работе.
- Bergmann, C. & Spence, K. W. (1941) Operatiomsm and theory in psychology. *Psychological Review*. 48, I-14. В статье обсуждаются различные проблемы в контексте операционизма и теории Халла.
- Catania, A. C. (1992) B. F. Skinner, organism. *American Psychologist*, 47, 1521-1530. Проведение параллели жизни и идей Скиннера и Дарвина.
- Skinner, B. F. (1953) *Science and human behavior*. New York: Free Press. В книге изложен скиннеровский подход к научному анализу человеческого поведения и его проявлениям в политике, религии и образовании.
- Tolman, E. C. (1992) A new formula for behaviorism. *Psychological Review*, 29, 44-53. В статье высказывается предположение, что менее физиологический подход к биохсвиоризму позволит физиологам осознать такие понятия, как мотивация и эмоции.

Гештальт-психология

Целое не всегда равно сумме его частей

Мы проследили путь развития психологии от начальных идей Вильгельма Вундта, получивших дальнейшую разработку у Титченера, через образование функционалистской школы мышления к распространению бихевиоризма Уотсона и Скиннера и познавательным задачам внутри этого движения. В то время как формирование этих идей происходило, главным образом, в Соединенных Штатах, в Германии возникло новое течение гештальт-психологии, имевшее поистине революционное значение. Оно стало проявлением протеста против психологии Вундта, но в то же время послужило еще одним доказательством важности его идей, способных вдохновить исследователей на поиск новых концепций и давших основу для разработки новых систем.

В своей критике устоев системы Вундта гештальт-психология сконцентрировала усилия главным образом на одном ее аспекте - атомизме. Сторонники нового направления воспользовались признанием Вундтом фундаментального статуса сенсорных элементов и сделали его главной мишенью своих атак. «Мы были поражены, - писал Вольфганг Келер, основатель гештальт-психологии, - тезисом о том, что все психологические явления... состоят из не связанных между собой инертных атомов и что почти единственными факторами, объединяющими эти атомы и, таким образом, вводящими действие, являются ассоциации» (Kohler.1959. P. 728).

Чтобы лучше понять природу протеста нового движения, вернемся в 1912 год, ставший годом острых споров среди психологов. В то время бихевиоризм начинал свою атаку на функционализм и теории Вундта и Титченера. Опыты, поставленные над животными в лабораториях Торндайка и Павлова, получили огромный научный резонанс. В период между 1911 и 1913 годами Торндайк впервые представил полное изложение своих взглядов, а в 1909 году в американском научном журнале появилось описание условного рефлекса, открытого Павловым и имевшего важное значение для психологии. Другой подход к проблемам психологии, основанный на психоанализе Зигмунда Фрейда, сформировался приблизительно десятью годами раньше.

Движение сторонников гештальт-психологии против атомистических взглядов Вундта началось в то же время, что и движение бихевиористов в США. Хотя оба эти течения были независимы друг от друга, они возникли из противодействия одним и тем же идеям. Однако позднее произошло столкновение и между сторонниками этих новых направлений.

Между гештальтистами и бихевиористами существовали очевидные различия. Первые признавали самостоятельную ценность сознания, но критиковали попытки его разбиения на элементарные составляющие, своего рода атомы. Вторые отказывались даже допустить существование проблем сознания в психологии.

Сторонники гештальт-психологии рассматривали подход Вундта (так, как они его понимали) как психологию «кирпичей и раствора», подразумевая, что элементы сознания (кирпичи) скрепляются между собой раствором процесса ассоциации. В доказательство ошибочности идей Вундта и правоты своих собственных взглядов они утверждали, что когда мы смотрим из окна на улицу, то видим деревья и небо, а не какие-то сенсорные

элементы яркостей и оттенков, из которых может состоять наше восприятие неба и деревьев.

Помимо этого, они ставили в вину сторонникам Вундта то, что те объявляли восприятие объектов состоящим просто из суммы элементов, объединенных в определенный набор. Сторонники гештальт-психологии заявляли, что, когда сенсорные элементы объединяются, они образуют новую структуру. Составьте вместе несколько музыкальных нот, заявляли они, и из этой комбинации возникнет нечто новое - музыкальная мелодия, а она не присутствует ни в одном отдельно взятом элементе (ноте). Кратко смысл их утверждений можно было выразить следующим образом: целое не равно сумме его отдельных частей. Однако здесь мы должны отметить, что в своем учении об апперцепции Вундт осознавал важность этого положения.

Чтобы продемонстрировать разницу гештальт-теории и теории Вундта, представьте, что вы являетесь объектом исследования в психологической лаборатории в Германии приблизительно в 1915 году. Находящийся в лаборатории психолог просит вас описать то, что вы видите на столе. Вы говорите:

«Я вижу книгу».

«Да, разумеется, это книга, - соглашается он. - но что вы видите на самом деле?»

«Что вы имеете в виду, когда задаете вопрос о том, что я вижу на самом деле? - спрашиваете вы в недоумении. - Я же сказал, что я вижу книгу. Это маленькая книжка в красном переплете».

Но психолог проявляет настойчивость: «Каково ваше истинное восприятие? Опишите его мне как можно подробнее».

«Может быть, вы считаете, что это не книга? Может, здесь есть какой-нибудь фокус?»

В тоне психолога появляется оттенок нетерпения: «Это действительно книга, книга безо всяких фокусов. Я просто хочу, чтобы вы мне в точности описали то, что видите, не больше и не меньше».

Вы становитесь подозрительным и осторожно произносите: «С этого места переплет книги выглядит как темно-красный параллелограмм».

«Ну вот, - произносит он с удовлетворением, - теперь вы видите темно-красное пятно в форме параллелограмма. А что еще?»

«Еще я вижу светло-серую кромку, а под ней тонкую полоску такого же темно-красного цвета, как и пятно. Под ними я вижу стол». Психолог слегка морщится. «Вокруг стола я вижу что-то в коричневых пятнах с колеблющимися светло-коричневыми полосками, идущими приблизительно параллельно друг другу».

«Так, так, отлично», - он благодарен вам за сотрудничество.

Находясь в комнате и глядя на стол и книгу, вы понемногу приходите в замешательство по поводу того, как этот настойчивый человек смог заставить вас прийти к подобным выводам. Он сделал вас таким осторожным, что вы больше не уверены в том, что видимое вами существует на самом деле, а не является продуктом вашего воображения. Ваша осторожность вынуждает вас говорить об увиденном в терминах ощущений, хотя совсем недавно вы были вполне уверены в том, что воспринимаете эти предметы просто как стол и книгу.

Ваши размышления внезапно прерываются появлением человека, который смутно напоминает Вильгельма Вундта. «Благодарю вас за то, что вы помогли мне получить еще одно подтверждение моей теории перцепции. Вы доказали, что книга, которую видите, есть ни что иное, как совокупность элементарных ощущений. Когда вы

старались дать точное определение виденному, то вынуждены были использовать понятия цветовых пятен, а не предметов. Ведь именно цветовые ощущения являются первичными, и к ним можно свести восприятие любого видимого объекта. Поэтому ваше восприятие книги состоит из отдельных ощущений, подобно молекуле, составленной из атомов!

Это короткое выступление дает сигнал к началу бурной дискуссии. <Чушь! - раздается голос из противоположного конца комнаты. - Любому дураку известно, что книга представляет собой реальный, конкретный, непосредственно воспринимаемый предмет>. Психолог, который произносит эти слова, имеет неотчетливое сходство с Вильямом Джемсом, но, похоже, говорит с немецким акцентом, а его лицо, по-видимому, пылает гневом. <Это сведение восприятия к первичным ощущениям, о которых вы постоянно говорите, есть ни что иное, как игра вашего воображения, плод вашей фантазии. Предмет - это вовсе не набор ощущений. Любой человек, видящий темно-красные пятна там, где нужно видеть книгу, просто болен!>

*По мере того как спор разгорается, вы направляетесь к двери и незаметно исчезаете из лаборатории. То, что вы видели и слышали, является иллюстрацией двух разных научных позиций, двух способов представления информации, поступающей от наших органов чувств. (Miller. 1962. P. 103-105.)**

Сторонники гештальт-психологии были убеждены в том, что восприятие - это нечто большее, чем видят наши глаза, что оно каким-то образом идет дальше того, что воспринимают наши чувствительные элементы, дальше набора простых физических параметров, получаемых нами от органов чувств.

Предшествующие влияния

Как и у любого научного направления, у гештальт-психологии были свои исторические предшественники. Отражение ее главного принципа, основанного на целостности восприятия, можно найти в работах немецкого философа Иммануила Канта (1724-1804), который писал все свои трактаты, сидя в домашнем халате и шлепанцах. Кант утверждал, что, когда мы воспринимаем то, что называем объектами, мы имеем дело с психическими процессами, которые могут показаться нам составленными из отдельных чувствительных элементов. Эти элементы, которыми оперируют в своих теориях эмпирики и ассоцианисты, в значительной мере действительно организуются априорно, но на самом деле их объединение происходит отнюдь не посредством механического процесса ассоциации - напротив, именно наш разум в процессе восприятия формирует единый опыт.

Согласно Канту, восприятие - это не пассивное впечатление и не комбинация чувствительных элементов, как предполагали эмпирики и ассоцианисты, а активная организация элементов в связный, согласованный опыт. Таким образом, утверждал Кант, именно разум придает определенную форму результатам восприятия.

Психолог Франц Brentano (1838-1917), работавший в Венском университете, возражал против представления Вундтом сознательного опыта в виде суммы его отдельных составляющих и утверждал, что психология должна изучать процесс осознания. Он считал, что вундтов-ская интроспекция несет в себе много надуманных ограничений, и оказывал предпочтение менее строгим, более непосредственным методам наблюдения

* From pp. 105-103 in Psychology by George A. Miller. Copyright 1962 by George A. Miller. Reprinted by permission of Harper & Row, Publishers. Inc.

возникающих переживаний. Таким образом, подход Brentano был достаточно близок к возникшему позднее направлению гештальт-психологии.

Книга профессора физики пражского университета Эрнста Маха (1838-1916) <Анализ ощущений> (The Analysis of Sensations), вышедшая в 1885 году, оказала непосредственное влияние на возникновение гештальт-психологии. В этой работе Мах рассматривал проблемы восприятия пространственных объектов (геометрических фигур) и временных процессов (музыкальных мелодий). Восприятие этих объектов и процессов оказалось независимым от их отдельных элементов. К примеру, круглые предметы могут быть белыми или черными, большими или маленькими, что никак не отразится на их геометрической форме.

Мах утверждал, что наше восприятие объекта не связано с изменениями его пространственного положения. Стол мы будем воспринимать как стол, независимо от того, будем ли смотреть на него сверху или сбоку. Подобным образом и мелодия останется в нашем восприятии все той же мелодией, даже если станет исполняться быстрее или медленнее - то есть если ее временная форма изменится.

Идеи Маха получили свое развитие в идеях Кристиана фон Эренфельса (1859-1932), предположившего, что существуют качества, которые не могут быть объяснены простым комбинированием элементарных ощущений. Он назвал их качества формы (gestalt qualitat) - то есть качествами, основанными на чем-то, что не воспринимается индивидуальными ощущениями. Например, мелодии присуще качество формы, которое она сохраняется и при переводе мелодии в любую другую тональность. Другими словами, мелодия не зависит от восприятия элементарных ощущений. Для Эренфельса и всей австрийской школы gestalt qualitat, центр которой находился в Граце, форма сама по себе воспринималась как новый элемент, создаваемый нашим разумом. Они считали, что разум придает форму нашим элементарным ощущениям.

Основатель гештальт-психологии Макс Вертгеймер, учившийся в Праге вместе с Эренфельсом, отмечал, что «важнейший импульс» развитию новых идей придали именно работы Эренфельса.

Исследования Вильяма Джемса, выступавшего против идеи атомизма, также послужили основой для создания гештальт-психологии. Джемс рассматривал элементы сознания лишь в качестве отвлеченных понятий. Он подчеркивал, что мы воспринимаем объекты как единое целое, а не в качестве набора ощущений.

Еще одним научным течением, повлиявшим на возникновение гештальт-психологии, стало феноменологическое движение в немецкой философии и психологии. **Феноменология*** изучает неискаженное описание непосредственного опыта в том виде, в каком он происходит. Другими словами, она использует нескорректированное наблюдение, при котором опыт не разбивается на отдельные элементы и не расчленяется никаким иным образом. Феноменология исследует простые, в какой-то мере даже примитивные переживания людей, руководствующихся только здравым смыслом, противопоставляя их переживаниям подготовленных наблюдателей, имеющих определенную внутреннюю ориентацию.

Группа психологов феноменологического направления работала в лаборатории Мюллера в Геттингенском университете в Германии в период с 1909 по 1915 год - как раз в то

* феноменология - основывается на неискаженном описании непосредственного опыта в том виде, в котором он происходит, без анализа отдельных элементов.

время, когда началось развитие движения гештальт-психологии. Работы этой группы ускорили формальное создание школы гештальт-психологии, которая впоследствии унаследовала подход феноменологов.

Изменение «духа времени» в физике

Среди прочих факторов, повлиявших на возникновение гештальтпсихологии, нельзя не отметить изменения самого «духа времени» - особенно в интеллектуальном климате физики начала нашего века.

В последние десятилетия XIX века эта наука, по признаниям самих физиков, все в меньшей мере стала использовать принципы атомистики, предпочтя им новую концепцию, основанную на идее существования силового поля (участков пространства, пересекаемых силовыми линиями, возникающими при протекании электрического тока или при действии постоянного магнита).

Классическим примером этого нового направления в физике может служить магнетизм - явление, которое трудно понять и объяснить, используя традиционные принципы, разработанные Галилеем и Ньютоном. Например, когда мы насыпаем железные опилки на бумагу, под которой расположен магнит, а затем начинаем осторожно ее встряхивать, опилки начинают располагаться в соответствии с определенным рисунком. Железные опилки не соприкасаются с магнитом, но тем не менее испытывают воздействие его силового поля. Предполагалось, что эти силовые поля обладают свойствами пространственной протяженности и особой конфигурации. Ученые, исследовавшие электромагнитные процессы, были убеждены, что они представляют собой качественно новые явления, не сводимые к суммарному эффекту действия отдельных элементов и частиц.

Таким образом, идея атомизма, оказавшая сильное влияние на создание новой науки психологии, стала активно пересматриваться в физике. Физики подходили к мышлению в терминах поля и взаимосвязанного единства физических процессов. Их взгляды оказали поддержку сторонникам гештальт-психологии, которые вслед за ними стали разрабатывать аналогичный целостный подход к проблеме перцепции. Идеи гештальтистов явились отражением новых веяний в физике тех дней. Психологи еще раз постарались превзойти старшие по возрасту, имеющие более прочные корни, естественные науки.

Влияние изменений, происходящих в физике, особым образом сказалось на развитии психологии. Вольфганг Келер имел хорошую подготовку в области естественных наук. В свое время он учился вместе с Максом Планком, одним из основателей квантовой механики. Келер писал, что именно благодаря влиянию Планка он осознал связь между теорией физических полей и проблемой целостности восприятия в психологии. «Гештальт-психология стала своего рода приложением физики поля к некоторым важным разделам психологии» (Kohler.1969. P. 77).

Основатель бихевиоризма Джон Вильям Уотсон, напротив, по-видимому, был плохо знаком с современной физикой и продолжал развивать свой редуccionистский подход, основанный на пристальном изучении элементов поведения. Он продолжал оставаться на позициях, которые хорошо согласовывались со старыми принципами физики - принципами атомизма.

Фи-феномен

Формальное движение, известное под названием гештальт-психологии, сформировалось после опубликования результатов исследования, выполненного в 1910 году Максом Вертгеймером. Однажды, во время летнего отпуска, ему в голову пришла идея одного эксперимента. Его суть состояла в том, чтобы выяснить, почему мы иногда наблюдаем движение, когда на самом деле оно не происходит. Нарушив планы своего отдыха, Вертгеймер сошел с поезда во Франкфурте, купил там игрушечный стробоскоп и провел предварительную проверку своей догадки прямо в отеле. (Стробоскоп, предшественник современного проекционного аппарата, представляет собой устройство, которое на мгновение освещает изображения последовательных фаз изменения положения объектов, создавая у зрителя впечатление их движения.) Позднее Вертгеймер провел более глубокое исследование проблемы во Франкфуртском университете. Два других психолога, Курт Коффка и Вольфганг Келер, бывшие в то время студентами Берлинского университета, также приехали во Франкфурт, чтобы принять участие в этой работе.

Эксперимент Вертгеймера, в котором Коффка и Келер играли роль испытуемых субъектов, был посвящен изучению восприятия кажущегося движения предметов - то есть движения, которое на самом деле не происходит. Для его определения Вертгеймер пользовался термином <впечатление движения>. Используя тахистоскоп, он пропускал луч света через две прорези, одна из которых располагалась вертикально, а другая имела наклон от вертикали приблизительно в 20-30 градусов.

Если световой луч пропускался сначала через одну прорезь, а потом через другую через относительно длительный интервал времени (более 200 миллисекунд), наблюдатели видели последовательное появление света сначала в одной, а затем в другой прорези. Если временной интервал сокращался, то наблюдателям казалось, что обе прорези освещены постоянно. При длительности интервала порядка 60 миллисекунд, создавалось впечатление, что линия света непрерывно перемещается от одной прорези к другой и обратно.

Эти открытия могли показаться достаточно тривиальными. О подобных явлениях ученым было известно уже несколько лет, и они перестали кого-либо удивлять. Однако, в соответствии с господствовавшими тогда взглядами психологов, основанными на теории Вундта, все сознательные переживания могли быть сведены к элементарным чувствительным элементам. Но как это восприятие кажущегося движения могло быть объяснено суммированием отдельных элементов, которые были просто двумя неподвижными полосками света? Мог ли один неподвижный раздражитель добавиться к другому и создать впечатление движения? Разумеется, не мог, и в этом была суть замечательного в своей простоте опыта Вертгеймера: он не поддавался объяснению с точки зрения взглядов Вундта.

Вертеймер был убежден, что это явление, получившее экспериментальное подтверждение в его лаборатории, по-своему так же является элементарным, как и обычное ощущение, но, в то же время, представляет собой нечто отличное от одного или даже нескольких простых ощущений. Он назвал это явление **фи-феноменом***. Какое же объяснение дал Вертгеймер фи-феномену, который, согласно взглядам, господствовавшим в то время в современной психологии, просто не мог существовать? Оно было таким же простым и гениальным, как и его эксперимент. По мнению Вертгеймера, кажущееся движение вообще не нуждалось в объяснении. Оно

* фи-феномен - иллюзия перемещения с места на место двух поочередно включающихся источников света.

существовало в таком виде, в каком воспринималось, и не могло быть разбито на более простые составляющие.

Согласно теории Вундта, интроспекция этих стимулов должна была создавать восприятие двух соседних полосок света и ничего более. Но как бы строго ни проводилась интроспекция в опыте Вертхеймера, движущаяся полоска света продолжала наблюдаться, а все попытки объяснения ее появления со старых теоретических позиций оканчивались неудачей. Целое (в данном случае кажущееся движение линии света) было отлично от суммы его составляющих (двух неподвижных световых лучей). Таким образом, традиционной атомистической ассоцианистской психологии был брошен открытый вызов, на который она не смогла ответить.

Вертхеймер опубликовал результаты своего исследования в 1912 году в статье под названием «Экспериментальные исследования восприятия движения». Считается, что именно она положила начало возникновению школы гештальт-психологии.

Макс Вертхеймер (1880-1943)

Макс Вертхеймер родился в Праге, где закончил среднюю школу и в возрасте 18 лет поступил в университет на факультет правоведения. Затем он отказался от занятий юриспруденцией и стал изучать философию, посещая лекции Эренфельса. В дальнейшем Вертхеймер продолжил образование в Берлинском университете, где изучал философию и психологию. В 1904 году он защитил докторскую диссертацию в Вюрцбургском университете у Освальда Кюльпе. В течение нескольких лет Вертхеймер работал в университетах Праги, Вены и Берлина, прежде чем обосновался во Франкфурте. Там он занимался исследовательской работой, читал лекции, а в 1929 году получил звание профессора. Во время первой мировой войны он занимался разработкой прослушивающих гидроакустических приборов для подводных лодок и береговых портовых укреплений.

В 1921 году Вертхеймер, Коффка и Келер при содействии Курта Гольдштайна и Ганса Грюле основали журнал «Психологические исследования» (Psychological Research), который стал официальным печатным изданием школы гештальт-психологии.

Вертхеймер был в составе первой группы ученых, бежавших из нацистской Германии в США в 1933 году. В Америке он присоединился к новой школе социальных исследований, членом которой оставался вплоть до своей смерти в 1945 году. Хотя эти годы были в научном плане исключительно плодотворны, усилия, направленные на адаптацию к новому языку и новой культуре, чрезвычайно истощали ученого.

Вертхеймер произвел сильное впечатление на молодого американского психолога Абрахама Маслоу, который испытывал перед ним такое благоговение, что стал изучать его личные качества и способности. Именно благодаря наблюдениям за Вертхеймером и другими людьми Маслоу впоследствии разработал свою собственную концепцию самоактуализации и способствовал созданию гуманистической школы в психологии.

Курт Коффка (1886-1941)

Среди основателей гештальт-психологии Курт Коффка, возможно, был самым изобретательным. Он родился и вырос в Берлине и там же получил образование в местном университете, проявив исключительный интерес к естественным наукам и философии. В дальнейшем он изучал психологию под руководством Карла Штумпфа и получил докторскую степень в 1909 году. В 1910 году Коффка начал свое длительное и плодотворное сотрудничество с Вертхеймером и Келером в стенах Франкфуртского университета. На следующий год он получил место в университете Гиссена, в 40 милях от Франкфурта, где проработал до 1924 года. Во время первой мировой войны он работал в психиатрической клинике, помогая пациентам с черепно-мозговыми травмами, а также страдающим от афазии.

После войны, когда психологи Соединенных Штатов познакомились с новой научной школой, оформившейся в Германии, Коффка написал статью для американского журнала «Психологический бюллетень». Эта статья, получившая название «Перцепция: введение в гештальт-теорию» (Koffka. 1922), содержала основы гештальт-психологии, а также результаты многих исследований и их оценки. Хотя эта статья имела важное значение в качестве первого объяснения американским психологам смысла нового научного направления, все же движению в целом, она, по-видимому, оказала плохую услугу. Дело в том, что ее заглавие, содержащее слово «перцепция», привело к недоразумению, которое рассеялось только через много лет: у многих, прочитавших эту статью, сложилось впечатление, что гештальт-теория имеет дело только с перцепцией и не имеет отношения к другим областям психологии. На самом же деле гештальт-психология в значительной мере затрагивала проблемы мышления и научения, а в конечном итоге и все аспекты сознательного опыта.

Главная причина, по которой основатели гештальтпсихологии сконцентрировали свои публикации на проблеме перцепции, была обусловлена самим духом времени: психология Вундта, против которой восстали сторонники нового учения, получила свою основную поддержку благодаря результатам исследований ощущений и восприятий, поэтому они выбрали перцепцию в качестве исходного пункта для критики Вундта в его собственной научной цитадели. (Michael Wertheimer. 1979. P. 134.)

В 1921 году Коффка опубликовал книгу «Основы психического развития» (Die grundlagen der psychischen Entwicklung), посвященную формированию детской психологии и имевшую успех и в Германии, и в Соединенных Штатах. Его приглашали в Америку для чтения лекций в университетах Корнелла и Висконсина, а в 1927 году он получил место профессора в Смитовском колледже в Нортхэмптоне, штат Массачусетс, где проработал до своей смерти в 1941 году. В 1933 году Коффка издал книгу «Принципы гештальт-

психологии» (Principles of gestalt Psychology), которая оказалась слишком трудной для чтения, и потому не стала основным и наиболее полным пособием по изучению новой теории, как на это рассчитывал ее автор.

Вольфганг Келер (1887-1967)

Вольфганг Келер был глашатаем движения гештальт-психологии. Его книги, написанные с удивительной тщательностью и аккуратностью, дали классическое представление о многих аспектах этого научного направления. Занятия физикой, которую Келер изучал совместно с Максом Планком, убедили его в том, что эта наука должна быть связана с психологией и что гештальты (формы или структуры) встречаются в психологии так же, как и в физике.

Келер родился в Эстонии. Когда ему было пять лет, его семья переехала на север Германии. Свое образование он получал в университетах Тюбингена, Бонна и Берлина, где в 1909 году защитил докторскую диссертацию у Карла Штумпфа. Затем он отправился в университет Франкфурта, куда прибыл незадолго до появления там Вертхеймера с его игрушечным стробоскопом.

В 1913 году по предложению Прусской Академии наук Келер предпринял путешествие на Канарские острова, расположенные вблизи северо-западного побережья Африки, где на острове Тенерифе начал изучать поведение шимпанзе. Через шесть месяцев после его прибытия на Канары началась первая мировая война, и, как сообщал Келер, он не мог вернуться на родину, хотя остальным проживавшим там немцам это удалось. Основываясь на интерпретации последних исторических данных, один из психологов высказал предположение о том, что Келер, возможно, занимался шпионажем в пользу Германии и что научное оборудование его лаборатории служило лишь целям прикрытия разведывательной деятельности. Это утверждение основывалось на том, что на чердаке своего дома Келер прятал мощный радиопередатчик, который он якобы использовал для передачи сведений о движении судов союзников. Однако прямых доказательств в поддержку этой версии нет, к тому же впоследствии она была опровергнута историками и специалистами по гештальт-психологии.

Но как бы то ни было, как шпион или как задержанный войной ученый, Келер прожил на острове семь лет, изучая поведение шимпанзе. Там он написал ставшую в наше время классикой книгу под названием «Интеллект человекообразных обезьян» (Intelligenzprüfungen an Menschenaffen), второе издание которой вышло в 1924 году и было переведено на английский и французский языки.

В 1920 году Келер вернулся в Германию и через два года сменил Штумпфа в должности профессора психологии Берлинского университета, где и проработал до 1935 года.

Несомненной причиной этого престижного назначения стала публикация книги «Физические гештальты в покое и стационарном состоянии» (*Die physischen geschalteten in Ruhe und im stationären Zustand*, 1920 г.), которая обратила на себя внимание специалистов своим высоким научным уровнем.

В середине двадцатых годов у Келера возникли серьезные проблемы в личной жизни. Он развелся с женой и женился на молодой шведской студентке, после чего был лишен контактов со своими четырьмя детьми от первого брака. В результате пережитых нервных потрясений у него стали дрожать руки, что становилось особенно заметно в минуты волнения. Чтобы оценить настроение своего шефа, сотрудники лаборатории каждое утро внимательно следили за подрагиваниями его пальцев.

В 1925/26 учебном году Келер читал лекции в Гарвардском университете и в университете Кларка, где в дополнение к своим научным обязанностям учил аспирантов танцевать танго. В 1929 году он опубликовал книгу «Гештальт-психология» (*Gestalt Psychology*), наиболее полно отразившую взгляды нового направления.

Он уехал из Германии в 1933 году из-за конфликта с новым режимом. Однажды, после того, как на своей лекции он осмелился открыто критиковать фашистское правительство, в его аудиторию ворвалась банда нацистов. Позднее Келер написал бесстрашное письмо в берлинскую газету, в котором выразилось его возмущение изгнанием из германских университетов профессоров-евреев. Вечером того дня, когда было опубликовано письмо, Келер с несколькими друзьями ожидал у себя дома появления гестаповцев. Однако его не тронули и дали возможность уехать за границу.

После эмиграции в США Келер преподавал в Свартморском колледже в Пенсильвании, написал несколько книг и редактировал журнал «Психологические исследования». В 1956 году он был удостоен награды «За выдающийся вклад в науку» Американской психологической ассоциации, а вскоре после этого был избран ее президентом.

Природа научного переворота

Гештальт-идеи находились в прямой оппозиции к традиционным взглядам немецкой психологии. В США бихевиоризм не рассматривался в качестве откровенного бунта против учения Вундта и структурализма, потому что функционализм уже успел вызвать изменения в американской психологии. Но не таким гладким оказался путь признания гештальт-психологии в Германии, где сначала ее воспринимали не иначе как научную ересь.

Подобно многим бунтарям, лидеры гештальт-движения требовали полной ревизии прежних научных взглядов, действуя почти как «интеллектуальные миссионеры, распространяющие новую веру» (Sokal. 1984. P. 1257). Сам Келер писал, что «мы были взволнованы не только тем, что мы установили, но даже в большей степени перспективами открытия новых фактов... здесь присутствовала не только стимулирующая новизна наших действий, которая нас вдохновляла идти дальше. Мы испытывали также огромный прилив облегчения - как будто вырвались из тюрьмы. Этой тюрьмой была старая психология, которую мы изучали, когда были студентами университета» (Köhler. 1959. P. 728).

После опытов по восприятию кажущегося движения гештальт-психологи принялись за исследование другого перцептивного явления. Опыт по исследованию константности восприятия позволил им укрепить свои научные позиции. Его суть состояла в сравнении

результатов восприятия объекта при его различных положениях относительно наблюдателя. Например, когда мы стоим прямо перед окном, то его прямоугольный образ проецируется на сетчатку наших глаз, но когда мы отходим в сторону и смотрим на окно сбоку, его образ, воспринимаемый сетчаткой, становится трапецеидальным, хотя мы продолжаем воспринимать окно как прямоугольник. Таким образом, наше восприятие окна остается постоянным, даже несмотря на то, что сенсорные данные, воспринимаемые органами чувств (образ, проектируемый на сетчатку), изменились.

Подобным образом и в случае с константностью яркости или размера, фактические сенсорные элементы могут изменяться, но наше восприятие их останется прежним. В этих примерах, как и в примере кажущегося движения, перцептивный опыт обладает качеством целостности или законченности, которыми не обладают его составляющие.

Таким образом, существует различие между характером действительного восприятия и характером сенсорной стимуляции. Поэтому перцепция не может быть объяснена просто как набор сенсорных элементов или как сумма составляющих ее частей.

Перцепция представляет собой целостное понятие - то есть гештальт - и любая попытка разложения ее на отдельные составляющие приводит к ее нарушению.

Нельзя начинать исследовать проблему перцепции с изучения ее отдельных элементов, так как эти элементы являются продуктами рефлексии и абстракции, не имеющими прямого отношения к непосредственному опыту, который они призваны объяснить. Гештальт-психология пытается вернуться к наивному восприятию, непосредственному опыту и требует, чтобы она там находила не группу элементов, но целостные представления объектов и явлений; не набор ощущений, но деревья, облака, небо. И, чтобы проверить это утверждение, она предлагает любому из нас просто открыть глаза и посмотреть на мир привычным взглядом. (Heidbreder. 1933. P. 331.)

Восприятие слова «гештальт» вызывало определенные трудности, потому что, в отличие от функционализма или бихевиоризма, оно ясно не указывало, какое движение символизирует. К тому же оно не имело точного английского эквивалента. Для его замены использовались слова «форма», «образ», «структура». В результате слово «гештальт» стало частью английского языка.

В своей книге «Гештальт-психология» (1929 г.) Келер отмечал, что понятие «гештальт» используется в немецком языке в двух случаях.

1. Во-первых, оно обозначает форму или очертание предметов. В этом смысле гештальт относится к общим свойствам, которые могут быть выражены в таких понятиях, как угловой или симметричный, и описывает такие характеристики, как <треугольность> геометрических фигур или трехтактность музыки.

2. Во-вторых, оно обозначает целостный объект, которому в качестве одного из свойств присуща особая форма или очертание. В этом смысле слово <гештальт> может относиться, например, к треугольникам в большей мере, чем к понятию <треугольности>.

Таким образом, понятие гештальта может использоваться для ссылки как на объект, так и на его специфическую форму. Применение этого термина не ограничивается визуальным или даже общим сенсорным полем. «В него также, по-видимому, должны быть включены процессы научения и памяти, а также стремление, эмоциональное отношение, действия и

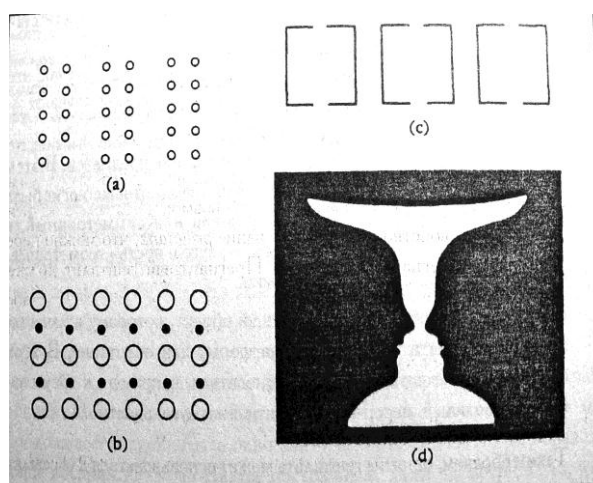
др.» (Kohler. 1947. P. 178-179). В этом общем, функциональном смысле данного слова гештальтисты пытались иметь дело с целой областью психологии.

Давайте познакомимся с некоторыми направлениями их исследований.

Гештальт-принципы организации восприятия

Вертгеймер изложил принципы организации восприятия в своей работе, опубликованной в 1923 году. Он исходил из того, что мы воспринимаем предметы в той же манере, в какой воспринимаем кажущееся движение - то есть как единое целое, а не как наборы индивидуальных ощущений. Принципы организации восприятия, которые описаны в большинстве учебников по психологии, представляют, по существу, законы и правила, по которым мы организуем и классифицируем воспринимаемый нами мир.

Базовая предпосылка этих принципов состоит в том, что организация восприятия происходит мгновенно, в тот же момент, когда мы видим или слышим различные формы или образы. Части перцептивного поля становятся связанными, объединяясь между собой, чтобы создать структуру, которая выделялась бы на общем фоне. Организация восприятия происходит самопроизвольно, и ее возникновение неизбежно всякий раз, когда мы смотрим вокруг себя. Мы не должны учиться создавать образы, как это провозглашают сторонники ассоциативного подхода, хотя некоторые виды восприятия высшего уровня действительно зависят от научения.

Согласно гештальт-теории, первичная деятельность нашего мозга по визуальному восприятию объектов заключается не в накоплении их отдельных проявлений. Область мозга, отвечающая за зрительное восприятие, не реагирует на отдельные элементы визуальных входных сигналов и не связывает их вместе с помощью механического процесса ассоциации. Напротив, мозг представляет собой динамичную систему, в которой все элементы являются активными в каждый момент взаимодействия. Элементы, которые являются одинаковыми или близкими друг другу, стремятся к объединению, а элементы, которые являются несходными или далекими друг от друга, не объединяются.

Далее перечислены несколько основных принципов организации восприятия:

1. Близость. Элементы, которые близки друг к другу в пространстве или во времени, кажутся нам объединенными в группы, и мы стремимся воспринимать их совместно. На рис. 12.1 (a) вы скорее увидите три пары вертикальных колонок, чем просто набор маленьких кружков.

2. Непрерывность. В нашем восприятии существует тенденция следования в направлении, позволяющем связывать наблюдаемые элементы в непрерывную последовательность или придать им определенную ориентацию. Глядя на рис. 12.1 (а), вы воспринимаете колонки из маленьких кружков в направлении сверху вниз.

3. Сходство. Подобные элементы воспринимаются нами совместно, образуя замкнутые группы. На рис. 12.1 (В) круги и точки стремятся объединиться с себе подобными, и вы воспринимаете ряды кружков и ряды точек, а не колонки, составленные из разнородных элементов.

4. Замыкание. В нашем восприятии существует тенденция завершения незаконченных предметов и заполнения пустых промежутков. Фигуры, изображенные на рис. 12.1 (С), вы воспринимаете как обычные квадраты, хотя на самом деле их контуры не замкнуты.

5. Простота. В любых условиях мы стремимся видеть фигуры настолько завершенными, насколько это возможно: в гештальт-психологии это свойство получило название *prägnanz*, что можно перевести как <прегнантная форма>. Прегнантный гештальт должен быть симметричным, простым и неизменным и не может быть упрощен или упорядочен каким-либо иным образом. Квадраты на рис. 12.1 (С) являются прегнантными гештальтами, так как отчетливо воспринимаются как завершенные и целостные фигуры.

6. Фигура-фон. Мы стремимся организовать наше восприятие таким образом, чтобы видеть объект (фигуру) и задний план (фон), на котором она проявляется. При этом фигура представляется нам более заметной и яснее выделяется на общем фоне изображения. На рис. 12.1 (d) фигура и фон являются реверсивными изображениями; в зависимости от того, как устроено ваше восприятие, вы можете видеть либо два лица, либо вазу.

Эти принципы восприятия не зависят от высших мыслительных процессов или прошлого опыта; они присутствуют в наблюдаемых объектах сами по себе. Вертгеймер назвал их вспомогательными факторами, но он также признавал, что на перцепцию влияют и основные факторы самого организма: например, высшие мыслительные процессы, определяющие предварительную осведомленность и установку, также могут влиять на восприятие. Однако, в общем, гештальтисты старались уделять больше внимания вспомогательным факторам организации восприятия, чем результатам научения или опыта.

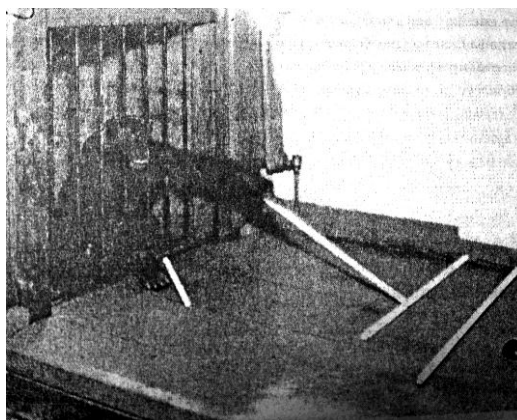
Гештальт-исследования проблем научения: инсайт и интеллект человекообразных обезьян

Мы уже упоминали о пребывании Келера на острове Tenerife в период с 1913 по 1920 год, когда он занимался изучением умственных способностей шимпанзе на примерах их возможностей решения различных задач (Kohler, 1917). При проведении экспериментов использовались простейшие приспособления: клетки с редкими прутьями, препятствующими свободному выходу животных наружу, палки, с помощью которых можно было достать удаленные бананы, и ящики, на которые могли забираться обезьяны. В соответствии со взглядами гештальтпсихологии на проблему восприятия, Келер интерпретировал результаты исследований поведения животных в терминах целостности

ситуации и взаимосвязей между отдельными стимулами. Например, он изучал проблему, посвященную решению задач реструктурирования перцептивного поля.

В одном из опытов за пределами клетки помещался банан, к которому была привязана веревка, протянутая к животному. В этих условиях обезьяна без колебаний тянула за веревку и доставала банан. Келер сделал вывод, что для шимпанзе решение такой проблемы в целом оказалось несложным. Однако, когда в направлении банана протягивалось несколько веревок, обезьяна не знала, за которую надо потянуть в первую очередь, чтобы получить желанное лакомство. Это указывало Келеру на то, что решение этой проблемы не могло быть ясно осознанным с самого начала.

В другом опыте банан помещался вне клетки на недоступном для обезьяны расстоянии. Если при этом палка находилась между прутьев клетки прямо напротив банана, то оба предмета воспринимались как элементы одной ситуации, и шимпанзе с помощью палки легко доставали лакомство. Но если палка помещалась в дальнем конце клетки, то тогда оба предмета (банан и палка) с меньшей легкостью рассматривались принадлежащими одной ситуации. В этом случае для решения проблемы было необходимо проведение реструктурирования перцептивного поля.

Еще в одном эксперименте банан также размещался за пределами клетки, но при этом обезьяне давали две полые бамбуковые палки, каждая из которых по отдельности была слишком коротка, чтобы дотянуться до лакомства. Чтобы дотянуться до банана, необходимо было насадить одну палку на другую. При этом для достижения цели животное должно было суметь разглядеть новый вид взаимосвязи двух коротких палок.

Следующие оригинальные материалы описывают эксперименты, выполненные Келером при изучении поведения шимпанзе.

Первоисточники по истории гештальт-психологии: из книги Вольфганга Келера «Интеллект человекообразных обезьян»

В этом отрывке из ставшей классической книги «Интеллект человекообразных обезьян»* автор рассматривает, как наблюдаемые им шимпанзе учатся применять различные предметы для того, чтобы дотянуться до лакомства, которое без этих приспособлений было бы для них недоступно. Эти эксперименты показывают, как обезьяны приобретают навыки использования ящиков для достижения цели (сложный стимул), которая обычно представляла собой банан, подвешенный к потолку клетки.

* From Wolfgang Kohler. The Mentality of Apes (London: Routledge & Kegan Paul, 1927). P. 155-172.

Обратите внимание на понятный даже неспециалистам язык, которым Келер описывает свои опыты. Он направлял все свое внимание на индивидуальные качества наблюдаемых шимпанзе и на характерные различия между ними. Он не устанавливал никакого формального плана своих исследований, не выполнял никаких измерений ни до, ни после опытов, не проводил статистическую обработку полученных результатов и не делал сравнений с контрольными группами. Келер просто описывал свои наблюдения поведения обезьян в тех ситуациях, которые он сам для них создавал.

Когда шимпанзе не может достать подвешенный банан с помощью одного ящика, существует вероятность того, что он поставит один на один два или несколько ящиков и таким образом достигнет желаемого результата. На первый взгляд кажется, что эта задача будет простой и легко решаемой. Но при проведении эксперимента довольно быстро выясняется, что для шимпанзе проблема распадается на две существенно отличные друг от друга задачи. При этом одна из них решается довольно просто, в то время как другая вызывает значительные трудности. Мы думали, что первая задача и включает в себе всю проблему целиком, а там, где у обезьян на самом деле начинались трудности, сначала мы вообще не видели никаких проблем. Если в описании этого любопытного факта сделать особый акцент на том, какое впечатление он произвел на наблюдателя, то отчет об эксперименте должен был быть разделен на две части в соответствии с этим обстоятельством. Я начну с ответа на вопрос, который посвящен первой части задачи.

В одном из описанных ранее экспериментов Султан (самый умный шимпанзе из имевшихся у Келера), обнаружив, что одного ящика недостаточно, подошел почти вплотную к решению поставить на него второй, который он уже поднял с пола. Но вдруг вместо этого он просто обошел с этим ящиком вокруг первого, а затем стал искать другие способы решения задачи.

Опыт был повторен. На этот раз банан был подвешен очень высоко, а два ящика лежали один возле другого в четырех метрах от заветной цели. При этом все остальные предметы были удалены из клетки. Султан потащил больший из ящиков, поставил его под бананом, взобрался на него и, взглянув наверх, собрался сделать прыжок, но внезапно передумал, спустился на пол, схватил второй ящик и, волоча его за собой, принялся носиться по клетке, производя обычный в таких случаях шум, стуча по стенкам и выказывая свое беспокойство всевозможными способами.

Разумеется, он потащил второй ящик не для того, чтобы поставить его на первый. Этот предмет просто служил объектом, который помог дать выход его раздражительности. Но внезапно его поведение резко изменилось: он перестал шуметь, подтащил меньший ящик к большему, а затем установил их один на другой. Султан построил эту шаткую конструкцию, с которой несколько раз пытался сделать прыжок, но так на него и не решился, так как банан висел слишком высоко для такого плохого прыгуна. Тем не менее, он сумел решить самую главную часть своей задачи.

Несколькими днями ранее шимпанзе Чика и Гранд научились от меня и от Султана, как можно использовать один ящик, но они еще не знали, что можно сделать с двумя. Для них была создана ситуация, как и в эксперименте с Султаном. Каждая обезьяна сразу же схватила ящик. Сначала Чика, а потом Гранд установили их под бананами, но не наблюдалось даже и намека на то, что они собираются поставить ящики один на другой.

С другой стороны, обезьяны вряд ли залезли бы на свои ящики. Хотя они делали такие попытки, но одного взгляда наверх было достаточно, чтобы у них пропадало подобное

желание. Однако, после этих взглядов на подвешенный банан и Чика. и Гранд поставили свои ящики на торец.

Именно визуальная оценка расстояния привела к изменениям плана действий, внезапной попытке соответствовать требованиям ситуации. В конце концов Гранд схватила свой ящик и стала в ярости носиться с ним по клетке, как это делал ранее Султан. Затем так же внезапно, как и он, она успокоилась, подтащила меньший ящик к большему и после взгляда на банан с усилием подняла и неуклюже поставила их один на другой, а затем и попыталась залезть на них. Однако, когда во время этой операции верхний ящик стал соскальзывать с нижнего, она не сделала никаких движений, чтобы удержать его, и позволила ему упасть, хотя и выглядела при этом обескураженной.

В принципе, Гранд тоже справилась с задачей, когда с помощью наблюдателя меньший ящик был поднят и устойчиво установлен на большем. Она залезла наверх и достала свой банан - однако, проделывала она все эти операции с большим недоверием.

В следующем опыте участвуют Гранд, Чика и Рана. Гранд несет сначала один, а затем и другие ящики и ставит их под подвешенным бананом, но делает это таким образом, что создается впечатление его полной растерянности - он не ставит ящики один на другой. Это очень похоже на поведение при <отсутствии руководства>, которое иногда находит на Султана и Чика, когда они имеют дело с двумя бамбуковыми палками.

Внезапно Чика прыгает к Гранд, ставит один ящик на другой и залезает наверх. Трудно сказать, стало ли это результатом предыдущих попыток Гранд и воздействием ее примера, или же оказалось собственным независимым решением Чики.

К потолку подвешивается новый банан. Рана ставит плашмя первый ящик, а на него второй (также плашмя). Но такое расположение оказывается недостаточно высоким, и обезьяны мешают друг другу улучшить конструкцию, так как каждая хочет построить ее самостоятельно. Зная Рану, я склонен был думать, что она пыталась имитировать то, что недавно видела, - или, по крайней мере, все виденное ею прежде существенно помогало в ее работе; впрочем, теперь этот вопрос не имеет значения.

После того, как шимпанзе научились ставить один ящик на другой, как этого требовала ситуация, возник вопрос, будут ли они делать дальнейшие успехи в этом направлении.

Новые опыты (банан, подвешенный еще выше, и три ящика в клетке) привели к тому, что сначала Султан выстроил более сложную конструкцию. Он установил на положенный плашмя первый ящик второй, поставив его вертикально. Сооружение напоминало колонну и, конечно, позволяло Султану достичь цели. Он, кстати, подтащил и третий ящик, но оставил его без дела, так как мог теперь достать банан и без его помощи.

Затем банан был подвешен еще выше. Султан все утро оставался без еды и поэтому принялся за работу с чрезвычайным рвением. Он поставил тяжелый ящик плашмя под бананом, взгромоздил на него второй и, взобравшись наверх, пытался дотянуться до цели. Так как это ему не удалось, он стал оглядываться вокруг и, наконец, увидел третий ящик, который прежде казался ему бесполезным из-за своих малых размеров. Султан осторожно спустился вниз, подтащил ящик и увенчал им свою конструкцию.

Гранд тем временем добилась заметных успехов. Из всей группы некрупных шимпанзе она была самой сильной и самой терпеливой. Никакие неудачи, связанные с падениями созданных ею конструкций, никакие трудности, в которых она нередко была виновата

сама, не могли заставить ее отказаться от цели. Скоро Гранд, подобно Султану, научилась ставить один на другой три ящика. Однажды, оказавшись в клетке больших размеров с ровным полом, она смогла создать замечательную конструкцию из четырех ящиков...

Чика также довольно быстро научилась строить сооружения из трех ящиков, но она не была таким умелым строителем, как Гранд, из-за своей нетерпеливой и непоседливой натуры. Нередко она предпочитала совершать рискованные прыжки (с палкой или без нее) прямо с пола или с невысокой конструкции. При этом ей часто удавалось с легкостью достать банан, в то время как Гранд достигала цели упорным трудом.

Рана с трудом научилась справляться с двумя ящиками. Всякий раз, когда ей надо было усложнить конструкцию, она либо продолжала свои прыжки с палкой, либо (что случалось чаще) ставила верхний ящик открытой стороной вверх, а затем обязательно садилась рядом с ним. Посидев таким образом какое-то время, она вновь принималась за работу. Что касается других обезьян, то Консул как и не смог построить ничего, Терсера и Тшего не подвинулись дальше робких попыток перемещения ящиков по клетке, а Нуэва и Коко погибли, прежде чем стали пригодны для участия в экспериментах.

Без сомнения, создание таких сооружений, которые научилась возводить Гранд, можно считать проявлением немалой сообразительности - особенно, если мы рассмотрим их в сравнении с конструкциями, создаваемыми насекомыми (муравьями, пчелами, пауками) или представителями позвоночных (птицами и бобрами), которые, хотя и выглядят внешне более законченными и совершенными, но строятся на основе более примитивных, с точки зрения эволюции, процессов.

Последующие отчеты об экспериментах покажут, что разница между пусть и неуклюжими, но построенными сознательно конструкциями умных шимпанзе и относительно прочной и даже изящной паутиной, сотканной пауком, является одним из примеров того, о чем мы только что говорили. К сожалению, меня часто спрашивают совсем даже неглупые очевидцы опытов с обезьянами, не являются ли построенные конструкции проявлением инстинкта животных. Поэтому я считаю себя обязанным подчеркнуть следующее: пауки и подобные им строители действительно достигают удивительных результатов, но главные предпосылки их исключительной деятельности заложены в них самих задолго до появления стимулов для их использования.

Шимпанзе не получают при рождении особых навыков, помогающих им доставать подвешенные предметы с помощью создания конструкций из нескольких приспособлений. Однако они могут научиться решать эту задачу за счет своих собственных усилий, когда этого требуют обстоятельства и когда имеется необходимый материал.

Взрослые люди склонны упускать из виду реальные трудности, с которыми сталкиваются шимпанзе при создании таких конструкций, так как они полагают, что укладка второго ящика на первый является простым повторением установки на пол первого ящика под подвешенным бананом. Им кажется, что поверхность первого ящика это то же самое, что и поверхность пола, а значит, в процессе строительства единственным новым фактором является необходимость подъема еще одного предмета. При этом они думают, что единственный вопрос состоит в том, произведет ли обезьяна установку ящика аккуратно или небрежно...

Однако, то, что существует другая специфическая трудность, становится ясно из следующего детального рассмотрения первой попытки Султана. Когда он впервые принес

второй ящик, то поднял его и, подержав с загадочным видом на весу, не стал ставить на первый. Во второй раз он поставил его на нижний ящик безо всяких колебаний, но конструкция оказалась все еще слишком низкой, так как банан был подвешен довольно высоко.

Эксперимент продолжался: банан был перевешен в новое место в двух метрах от прежнего в самой нижней точке потолка клетки, а конструкция Султана осталась там же, где и была раньше. Последствия его неудачи, похоже, сказались позднее: в течение долгого времени Султан не обращал на ящики вообще никакого внимания, а ведь раньше он с готовность снова и снова повторял вновь найденное решение. Вполне вероятно, что для шимпанзе (как и для людей) практический успех метода оказывается более важным, если он приносит ощутимую пользу, чем если просто доказывает справедливость того или иного вывода.

Во время одного из следующих опытов произошел любопытный случай: Султан вернулся к прежнему методу. Он привел смотрителя к месту расположения банана и хотел забраться на него, но смотритель сбросил его вниз. Затем Султан попытался сделать то же самое со мной, но вновь безуспешно. Потом служителю было сказано, что если обезьяна захочет привести его к банану еще раз, чтобы он уступил ей, но пока Султан будет пытаться забраться ему на плечи, ему следовало потихоньку встать на колени.

Вскоре такая ситуация действительно возникла: шимпанзе привел смотрителя к банану и стал карабкаться ему на плечи, но тот внезапно сел на пол. Султан, издавая жалобные звуки, спустился вниз, затем схватил смотрителя за одежду и стал пытаться его поднять. Это был пример удивительной попытки исправить поведение человека!

Когда Султан - после того, как он с помощью ящиков нашел решение своей проблемы, перестал обращать на них внимание - мне показалось оправданным вновь вернуть ящики в клетку. Я поставил их друг на друга, как это делал прежде сам Султан, и позволил ему достать с их помощью банан.

Что касается его попыток заставить служителя выпрямиться, я хотел бы с самого начала отразить упреки в неправильной интерпретации поведения животного: я просто описал то, что видел, и тут не может быть никаких причин для недоразумений. Но чтобы при этом не возникали подозрения, что этот пример был единичным (такие подозрения совершенно неоправданны, поскольку Султан пытался использовать и служителя, и меня в качестве своего рода лестницы отнюдь не по одному разу), я вкратце добавлю описание еще нескольких подобных случаев.

Султан не мог достать банан, который лежал за пределами клетки. Я в это время обычно находился рядом с ним. После нескольких безуспешных попыток он подходил ко мне, брал за руку, вел к краю клетки, а затем пытался просунуть мою руку между прутьев решетки по направлению к банану. Если я не мог его достать, то Султан повторял то же самое со служителем.

Позднее он повторял эти действия с той лишь разницей, что сначала должен был обратиться на себя мое внимание с помощью жалобных звуков, так как в это время я находился вне клетки. В этом случае, так же как и в предыдущем, я проявлял столько упорства, что шимпанзе едва мог преодолеть мое сопротивление, однако не отпускал меня до тех пор, пока моя рука не оказывалась на банане. Однако, в интересах эксперимента, я не передавал его в клетку Султану.

Я должен рассказать еще о том, как в один жаркий день животные должны были ждать воды дольше обычного. Наконец, они просто схватили зрителя за руку и за ногу и стали тянуть его к выходу из клетки, за которым обычно находился кувшин с водой. Через какое-то время такие действия вошли у них в привычку, так что, когда зритель продолжал кормить обезьян бананами, Чика спокойно выхватывала их у него из рук и выбрасывала наружу, а сама тащила его к двери (Чика всегда испытывала жажду).

Было бы ошибочным в этих ситуациях считать поведение шимпанзе глупым и бестолковым. Я должен добавить, что обезьяны воспринимают человеческое тело более привычным, когда оно облачено только в рубашку и брюки, а не в пальто. Если их что-то озадачивает, они при возможности начинают изучать этот предмет. Если же происходит существенное изменение в одежде или во внешности (например, появляется борода), оно вынуждает Чику и Гранд предпринять немедленные и крайне забавные исследования.

После того, как ящики помогли Султану добиться желанной цели, они снова убираются в сторону. Под крышей, на прежнем месте, подвешивается новый банан. Султан немедленно принимается ставить один ящик на другой, но делает это в том месте, где мы начинали эксперимент и где он сам впервые соорудил свою конструкцию. Из приблизительно ста случаев использования ящиков для подобных строительных целей, это был единственный, в котором была допущена подобная глупость. Султан выглядит сбитым с толку и измученным, так как эксперимент длился около часа*. После того, как в течение некоторого времени Султан почти что бесцельно продолжал двигать ящики взад и вперед по клетке, их поставили один на другой прямо под бананом. Он тут же забрался наверх и схватил лакомство. Только один-единственный раз я видел его таким смущенным и растерянным.

На следующий день стало ясно, в чем же заключается главная трудность. Султан приносил один ящик и ставил его в нужное место, но не догадывался принести второй. Наконец, специально для него их ставили один на другой, и он мог достичь заветной цели. Но и после этого банан, подвешенный к потолку (при этом старая конструкция разбиралась), не побуждал его к созидательным действиям: он по-прежнему пытался достать лакомство, забравшись на плечи служителя. Поэтому нам пришлось снова поставить для него ящики в нужном месте. Когда был подвешен третий банан, Султан поставил под него один ящик, подтащил к нему другой и поставил его рядом с ним, но в самый важный момент внезапно остановился: его поведение выдавало полную растерянность. Держась за второй ящик, он поглядывал вверх. Затем он внезапно схватил ящик и решительным движением установил на первый. Его предыдущее длительное состояние неуверенности резко контрастировало с этим неожиданным решением.

Через два дня банан подвешивался в новой точке потолка, и эксперимент повторялся. Султан ставил ящик чуть в стороне от правильного места, приносил второй ящик, начинал поднимать его, но, взглянув вверх, бросал на пол. После нескольких неудачных попыток забраться на спину зрителя и достать таким образом банан, он вновь принимался за строительство. Он тщательно установил первый ящик, а на него второй, но при этом открытая часть второго ящика нависала над углом первого. Поэтому, когда Султан полез наверх, его сооружение рухнуло, а он сам свалился на пол.

Порядком обессиленный, он лег в углу клетки, поглядывая то на ящики, то на банан. Прошло довольно много времени, прежде чем Султан возобновил работу. Он поставил

* должен заметить, что в первый месяц опытов заставлял шимпанзе слишком много двигаться: только позднее я разработал порядок, который больше подходил поведению обезьян в этом климате.

один ящик и попытался прямо с него дотянуться до банана, но затем спрыгнул вниз, принес второй ящик и установил его на первый. Однако, верхний ящик находился на самом краю нижнего, так что при попытке залезть на него он начинал падать. Только после длительной установки верхнего ящика, во время которой действия Султана носили, по-видимому, неосмысленный характер, ему удалось придать конструкции устойчивое положение и достать банан.

Но после успешной попытки Султан всегда устанавливал сразу оба ящика и никогда не испытывал неуверенности по поводу выбора правильного места.

Комментарии

Келер трактовал результаты этого и подобных опытов как доказательство существования **инсайта*** - то есть внезапного постижения или понимания неизвестных ранее взаимосвязей. У Султана, в конце концов, после многочисленных попыток возникала догадка относительно понимания связи между ящиками и подвешенным бананом. Для описания этого явления Келер использовал немецкое слово «Einsicht», что соответствовало английскому «insight», которое можно приблизительно перевести как понимание, постижение, проникновение в суть задачи. В других экспериментах, посвященных вопросам самостоятельного, спонтанного понимания проблемы, американский исследователь психологии животных Роберт Иеркс также обнаружил в поведении орангутангов доказательства в пользу существования инсайта, который он называл смысловым научением.

Во время интервью, данного в 1974 году, восьмидесятисемилетний Мануэль Гонзалес-и-Гарсия, работавший в свое время смотрителем в обезьяннике Келера, рассказал немало историй о шимпанзе, особенно о Султане, который нередко помогал ему кормить других животных. Гонзалес обычно давал Султану связку бананов и приказывал: «По две штуки каждому!», после чего тот обходил все клетки и раздавал каждой обезьяне по два банана (Leu. 1990. P. 12-13).

Однажды Султан наблюдал, как смотритель красил дверь. Когда тот ушел, шимпанзе схватил кисточку и стал имитировать движения человека. В другом случае младший сын Келера Клаус безуспешно пытался достать из клетки банан, который по своей длине не проходил между прутьями решетки. Тогда Султан, который в этот момент не был голоден, развернул банан на 90 градусов, так что Клаус смог спокойно вытащить его наружу. Наблюдавший эту сцену отец с усмешкой заметил, что обезьяна оказалась сообразительнее его сына.

Как видно из опытов Келера с шимпанзе, его подход к проблеме инсайта и способам решения задач оказался отличным от описанного Торндайком метода научения посредством проб и ошибок. Келер активно критиковал работы Торндайка, утверждая, что создаваемые им условия эксперимента носили искусственный характер и позволяли выявлять только случайное поведение. Он настаивал на том, что кошки из опыта Торндайка с <проблемным ящиком> не давали возможности проведения глубокого исследования, так как могли действовать только на основе метода проб и ошибок.

Подобным образом животные, находящиеся в лабиринте, не могли представить себе общего плана поиска, так как не видели перед собой ничего, кроме узкого прохода между стенками. Поэтому их действия следует рассматривать только как попытки искать путь

* инсайт - внезапное осознание или постижение (проблемы, явления)

вслепую. С точки зрения гештальт-психологии, животное или человек должен увидеть взаимосвязи между различными частями проблемы, прежде чем сможет произойти инсайт.

Изучение инсайта оказало поддержку гештальтистской молярной или глобальной концепции поведения в ее борьбе с молекулярными или атомистическими взглядами бихевиористов. Эти исследования также укрепили позицию идеи, выдвинутой гештальт-психологами, согласно которой научение включает в себя реорганизацию или реструктуризацию психологической среды.

Продуктивное мышление человека

Книга Макса Вертхеймера, посвященная проблемам продуктивного мышления, была опубликована уже после смерти ее автора, в 1945 году. В ней он попытался применить гештальт-принципы научения к вопросам творческого мышления людей, на основе предположения, что мышление осуществляется в терминах целостного осознания проблемы. При этом он утверждал, что для успешного решения поставленной задачи ситуацию в целом должны хорошо представлять себе и ученик, и учитель.

Этот подход отличался от подхода Торндайка, основанного на методе проб и ошибок, согласно которому решение проблемы оказывается, в определенном смысле, спрятанным от глаз, и ученик может сделать несколько ошибок, прежде чем ему удастся найти правильный ответ.

В книге Вертхеймера представлены примеры, относящиеся как к простейшим геометрическим задачам, решаемым детьми, так и к сложнейшим мыслительным процессам, приведшим Альберта Эйнштейна к открытию теории относительности. Рассматривая различные этапы взросления человека и его решения разных по сложности задач, Вертхеймер нашел доказательства в поддержку того, что понимание проблемы в целом должно преобладать над пониманием ее отдельных составляющих. Он утверждал, что отдельные детали следует рассматривать в непосредственной связи с общей ситуацией и что решение проблемы должно двигаться от общего к частному, а не наоборот.

Вертхеймер считал, что если преподаватель организует материал классных упражнений в целостную систему, то у его учеников легче проявится инсайт, они смогут уловить суть проблемы и найти ее решение. Вертхеймер продемонстрировал, что как только принцип решения задачи усвоен, он может применяться и в других ситуациях.

Он критиковал традиционную практику образования, считая ее основанной на натаскивании и зубрежке, что по его мнению являлось следствием ассоцианистского подхода к научению. Вертхеймер считал, что простое повторение редко оказывается продуктивным, и приводил примеры, когда ученики оказывались неспособными справиться с незначительно видоизмененной задачей, если ее решение было получено не благодаря инсайту, а на основании простого механического запоминания. Тем не менее он соглашался с тем, что такой материал, как имена и даты, должен заучиваться путем обычного запоминания, подкрепленного многократным повторением. Таким образом, Вертхеймер допускал, что в определенной степени повторение может быть полезно, но предупреждал, что его привычное применение часто ведет к механическому исполнению, а не к истинно творческому продуктивному мышлению.

Изоморфизм

Установив, что люди воспринимают целостно организованное явление, а не набор отдельных ощущений, гештальтисты обратились к проблеме исследования перцепции с точки зрения работы механизмов головного мозга. Они попытались разработать теорию об основных нервных коррелятах воспринимаемых гештальтов. Сторонники гештальтпсихологии рассматривали кору головного мозга в качестве динамической системы, в которой взаимодействуют элементы, являющиеся в данный момент активными. Эта идея резко контрастировала с механистической концепцией, которая сравнивала нервную деятельность с работой телефонного коммутатора, связывающего сенсорные входные сигналы в соответствии с принципами ассоциации. С точки зрения ассоцианистов функция мозга пассивна и не способна к активной организации и модификации сигналов, получаемых от сенсорных элементов. Этот подход также подразумевал прямое соответствие между перцепцией и ее нейрофизическим аналогом.

При исследовании кажущегося движения Вертгеймер высказал предположение о том, что деятельность мозга является формообразующим целостным процессом. Так как кажущееся и истинное движения воспринимаются одинаково, то они должны вызывать тождественные процессы в коре головного мозга. Из предположения о том, что эти два вида движения кажутся идентичными, следует, что мозговые процессы при их восприятии также должны протекать одинаково.

Другими словами, при объяснении фи-феномена необходимо учитывать соответствие между гештальтами в переживании непосредственно созерцаемого и в процессах, совершающихся при этом в головном мозге. Эта идея, получившая название **изоморфизма*** (по-гречески *isos* - одинаковый, *morphe* - форма), в настоящее время воспринята в химии и биологии. Гештальтисты уподобляли перцепцию карте, в том смысле, что она идентична реальной местности, которую представляет, не являясь при этом ее точным подобием. Но в то же время карта - надежное руководство по восприятию реального мира.

Взгляды Вертгеймера получили дальнейшее развитие у Келера в его книге «Физические гештальты в покое и стационарном состоянии» (*Die physischen geschalten in Ruhe und im stationaren zustand*), вышедшей в 1920 году. В ней Келер высказывает предположение о том, что процессы в коре головного мозга сходны с процессами в силовом поле и что, подобно возникновению силового электромагнитного поля вокруг магнита, в ответ на сенсорные импульсы может возникать поле нервной деятельности - вследствие электромеханических процессов, возникающих в мозге в ответ на сенсорные импульсы.

Распространение гештальт-психологии

К середине 20-х годов движение гештальтистов трансформировалось в мощную научную школу немецкой психологии, центр которой находился в Психологическом институте Берлинского университета. Неудивительно, что туда съезжалось множество студентов из разных стран мира. Институт, занимавший часть бывшего Имперского дворца, имел отличные лаборатории, оборудованные по последнему слову техники. Издаваемый гештальтистами журнал «Психологические исследования» пользовался популярностью и уважением в научном мире, а выполняемые ими исследовательские работы затрагивали самые разнообразные психологические проблемы.

* изоморфизм - соответствие между гештальтами в переживании непосредственно созерцаемого и в процессах, совершающихся при этом в головном мозге.

Приход к власти нацистов в 1933 году, сопровождавшийся разгулом мракобесия и антисемитизма, вынудил многих ученых, включая и сторонников гештальт-психологии, покинуть страну. Роль движения гештальт-психологии в немецкой науке заметно упала, а его центр переместился в США.

Распространение взглядов гештальт-психологии в Соединенных Штатах происходило благодаря личным контактам ученых и публикации их работ. Еще до формального основания движения будущие ведущие американские психологи участвовали в совместных исследованиях с будущими лидерами гештальт-движения и впитывали их идеи. Герберт Лангфельд из Принстонского университета встречался с Коффкой в Берлине и впоследствии послал учиться к нему в Германию своего студента Толмена, который нередко служил объектом проводимых исследований. Роберт Огден из Корнеллского университета также был знаком с Коффкой. Специалист по проблемам личности Гордон Олпорт из Гарвардского университета провел в Германии целый год и впоследствии заявлял, что качество экспериментальных исследований гештальт-психологов произвело на него глубокое впечатление.

В 20-х годах с немецкого на английский было переведено несколько книг Коффки и Келера, рецензии на них появились в нескольких американских журналах по психологии. Распространению гештальт-теории в Соединенных Штатах помогла и серия статей американского психолога Гарри Хелсона, опубликованная в «Американском психологическом журнале» (Helson. 1925, 1926).

Коффка и Келер приезжали в США для участия в конференциях и чтения лекций в университетах. Коффка сделал 30 научных сообщений по проблемам гештальт-психологии в течение трех лет, а Келер был среди основных докладчиков на международном конгрессе психологов, состоявшемся в Йельском университете в 1929 году. (Еще одним основным докладчиком был Иван Павлов, в которого плюнул один из шимпанзе Роберта Иеркса.)

Хотя гештальт-психология привлекла внимание многих американских ученых, ее развитие в качестве научной школы в Соединенных Штатах шло все же медленно. Причин тому было несколько. Во-первых, в это время в Америке наблюдался пик популярности бихевиоризма. Во-вторых, существовала проблема языкового барьера, так как основные труды по гештальт-психологии выходили в Германии и необходимость их перевода задерживала распространение новых идей. В-третьих, многие психологи ошибочно полагали, что новое направление имеет дело только с проблемой перцепции. Наконец, в-четвертых, Вертхсмайер, Келер и Коффка работали в небольших американских колледжах, не имевших программ работы с аспирантами, поэтому им было трудно привлечь учеников, способных дать новый импульс их научному движению.

Однако, главной причиной сравнительно медленного прогресса гештальтизма в качестве парной школы в Соединенных Штатах было то, что американские психологи уже далеко отошли от идей Вундта и Титченера. Бихевиоризм стал второй фазой противодействия этим устаревшим взглядам. Американские ученые успели продвинуться от вундтовских идей атомизма дальше, чем европейские. Они полагали, что гештальтисты сражаются с врагом, который уже повержен, и выступают против того, что больше никого не беспокоит.

Такая ситуация создавала угрозу самому движению гештальт-психологии. Мы уже неоднократно видели, что революционным идеям для успешного развития необходимо иметь перед глазами научный предмет, с которым они должны были бы бороться.

Борьба с бихевиоризмом

Когда гештальтисты познакомились с тенденциями в американской психологии, они сразу же разглядели новую цель. Раз у них больше не было необходимости противодействовать психологии Вундта, они могли критиковать редукционизм и атомизм бихевиористов.

Сторонники гештальт-психологии утверждали, что бихевиоризм, подобно ранней теории Вундта, также имеет дело с искусственными абстракциями. По их мнению, для бихевиоризма не существует разницы в том, проводится анализ в терминах интроспективной редукции к элементам психики или в терминах объективной редукции к единицам условной реакции на раздражитель. В любом случае результатом этих взглядов был молекулярный, а не молярный подход.

Гештальт-психологи также критиковали бихевиористов за отрицание достоверности интроспекции и исключение ее из рассмотрения сознания. Коффка утверждал, что бессмысленно развивать психологию, лишенную элементов сознания, как это делали бихевиористы, так как такая наука может предложить лишь немногим более, чем набор исследований о поведении животных.

Научные споры сторонников обоих направлений были крайне эмоциональны и нередко приводили к личным конфликтам. Однажды в 1941 году в Филадельфии, когда Кларк Халл, Толмен, Вольфганг Келер и несколько других психологов зашли в бар выпить пива после научной конференции, Келер громко заявил, что слышал, будто бы Халл на своих лекциях использует оскорбительное выражение <эти чертовы геш-тальтисты>. Халл смутился и с укором указал Келеру, что научные споры не должны перерасти в военные действия.

На это Келер ответил, что «он готов обсудить проблемы с позиций научной логики, но всегда будет бороться с попытками представить человека в виде автомата, который начинает действовать, когда в него бросают монетку». А чтобы усилить впечатление от своих слов, «он громко стукнул по столу кулаком» (Amsel & Rashotte. 1984. P. 23).

Теория поля: Курт Левин (1890-1947)

Научные тенденции конца XIX века заставляли смотреть на мыслительный процесс как в терминах, связанных с полем, так и в терминах, выходящих за его рамки. Эти взгляды нашли свое отражение в гештальт-психологии. **Теория поля*** в психологии возникла как своего рода аналог теории силового поля в физике. В современной психологической науке понятие теории поля обычно связывается с идеями Курта Левина. В основе взглядов Левина лежит концепция гештальта, но он сумел развить свои идеи и пошел дальше позиций ортодоксального гештальтизма, обратившись к проблемам личности, ее потребностям и влиянию общественных связей на ее поведение.

Страницы жизни

Курт Левин родился в Германии в городе Могильно. Образование он получил в университетах Фрайбурга, Мюнхена и Берлина. Докторскую диссертацию по психологии защитил у Карла Штумпфа в 1914 году в Берлине, где также изучал математику и физику. Во время первой мировой войны Левин служил в немецкой армии, был ранен в бою и награжден железным крестом. Впоследствии он вернулся в Берлинский университет и принял такое активное участие в работе группы гештальт-психологов, что стал считаться, наряду с ее основателями, одним из главных авторитетов нового научного направления. Он проводил исследования по проблемам ассоциации и мотивации и начал разрабатывать свою теорию поля, которую изложил в 1929 году в США на международном конгрессе психологов в Йельском университете.

Теория поля - психологическая система Курта Левина, использующая концепцию силового поля для объяснения поведения личности в терминах влияния на него поля общественного воздействия.

Левин был уже хорошо известен в Соединенных Штатах, когда в 1932 году получил приглашение прочитать курс лекций в Стэнфордском университете. На следующий год он решил уехать из Германии из-за нацистской угрозы. «Теперь я убежден, что для меня нет другого выхода кроме эмиграции, - писал он Келеру, - даже если это разобьет мою жизнь». Впоследствии мать и сестра Левина погибли в фашистских концентрационных лагерях.

* теория поля - психологическая система Курта Левина, использующая концепцию силового поля для объяснения поведения личности в терминах влияния на него поля социальных сил.

Сам он два года проработал в Корнелле, а затем отправился в университет штата Айова, где проводил исследования по проблемам детской социальной психологии. По результатам этой работы он был приглашен в Массачусетский технологический институт с предложением основать и возглавить новый исследовательский Центр групповой динамики. Хотя он умер всего через несколько лет после назначения на эту должность, его программа исследований оказалась настолько эффективной, что и в наше время сохранила свою актуальность для научной деятельности исследовательского центра, который теперь относится к университету штата Мичиган.

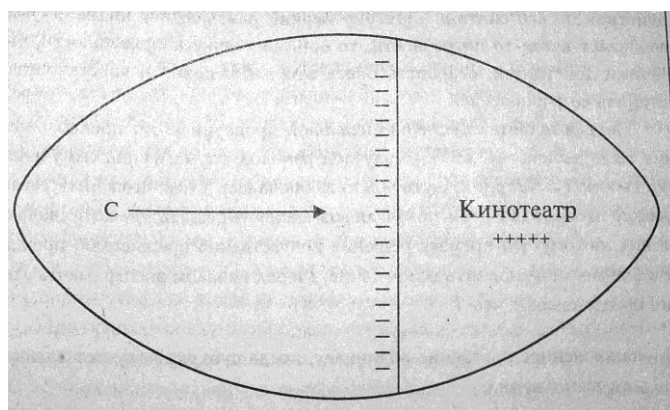
В течение тридцати лет своей профессиональной деятельности Левин много сил отдал изучению широкого круга вопросов, связанных с проблемами мотивации. Его исследования основывались на анализе поведения человека в контексте состояния его физического и социального окружения.

Годологическое пространство

Теория физических полей привела Левина к мысли о том, что психическая деятельность человека происходит в условиях воздействия психологического поля, которое получило название *годологического пространства**. Годологическое пространство включает в себе все события прошлого, настоящего и будущего, которые могут повлиять на нашу жизнь. С точки зрения психологии каждое из этих событий предопределяет поведение человека в конкретной ситуации. Таким образом, годологическое пространство формируется личностными потребностями человека во взаимодействии с его психологическим окружением.

Годологическое пространство отражает различные степени развития как функцию его накопленного жизненного опыта. Поскольку в детстве наблюдается недостаток опыта, этот период имеет менее дифференцированные участки в годологическом пространстве. Высокообразованные, искушенные в житейских делах взрослые люди имеют более сложное и в значительной мере дифференцированное годологическое пространство, отражающее их прошлый многообразный опыт.

Левин искал математическую модель для описания своего теоретического представления психологических процессов. Так как он интересовался проблемами индивидуума, а не групп населения, то для его задачи не подходили методы статистики. Поэтому для отображения годологического пространства, целей личности и путей их достижения он обратился к разделу геометрии, называемому топологией.

Упрощенный пример годологического пространства

* От греч. hodos - путь. - Прим. перев

На своих топологических картах Левин изображал векторы, указывающие направление движения человека к цели. Для придания завершенности своему описанию годологического пространства для каждой из целей - в зависимости от ее привлекательности для индивидуума - он ввел положительные и отрицательные значения валентностей.

Таким образом, <классная доска психологии>, которую использовал Левин, включала в себя комплексные схемы, отражающие различные психологические явления. Согласно Левину, все формы поведения могут быть описаны с помощью подобных схем. Простейший пример поведения представлен на рис. 12.2. Он иллюстрирует ситуацию, в которой ребенок хочет пойти в кино вопреки возражениям родителей. Эллипс характеризует годологическое пространство, буквой С обозначен сам ребенок. Стрелка является вектором, указывающим на то, что ребенок стремится к своей цели - пойти в кино, которая имеет для него положительную валентность. Отрицательная линия обозначает препятствие на пути осуществления цели - запрет родителей, который имеет для их сына отрицательную валентность.

Мотивация

Левин высказал предположение о существовании состояния баланса или равновесия между индивидуумом и его психологическим окружением. Когда это равновесие нарушается, возникает напряженность отношений, которая вызывает определенные изменения, ведущие к восстановлению баланса. В этом заключался главный смысл его концепции мотивации. Согласно взглядам Левина, поведение представляет собой чередование циклов возникновения напряженности и последующего действия по его снятию. Поэтому всякий раз, когда у индивидуума возникает какая-то потребность, то есть состояние напряженности, он своими действиями старается снять это напряжение и восстановить внутреннее равновесие.

Первая попытка экспериментальной проверки этого предположения была выполнена в 1927 году под руководством Левина его ученицей Блюмой Зейгарник. Суть опыта заключалась в том, что наблюдаемым субъектам давался набор задач, и они получали возможность решить только несколько из них, потому что процесс решения искусственно прерывался, прежде чем они могли выполнить все задание. Перед началом эксперимента Левин предсказывал, что

- 1) напряженное состояние возникает, когда субъект получает задание для выполнения;
- 2) когда задание выполнено, напряжение пропадает;
- 3) когда задание не закончено, сохранение напряженности повышает вероятность того, что оно сохранится в памяти субъекта.

Результаты, полученные Зейгарник, подтвердили предсказания Левина. Наблюдаемые субъекты, чей процесс поиска решения прерывался, с большей вероятностью могли вспомнить суть задания, чем те, кто успевал выполнить его до конца. Многие последующие исследования проводились на основе использования этой закономерности, получившей название **эффекта Зейгарник**.*

* Эффект Зейгарник - свойство легче вспоминать незавершенные задачи, чем завершенные.

Социальная психология

В 30-х годах Левин начал интересоваться вопросами социальной психологии. Он был первопроходцем в этой неизведанной области, и его достижения дают ему право занять достойное место в истории науки.

Главной особенностью социальной психологии Левина является введение понятия групповой динамики, применимое как к индивидуальному, так и к групповому поведению. Согласно его взглядам, так же как индивидуум и его окружение формируют психологическое поле, так и группа и ее окружение формируют социальное поле. Социальное поведение проявляется внутри группы и определяется конкурирующими подгруппами, отдельными членами, ограничениями и каналами общения. Таким образом, групповое поведение в любой момент времени является функцией общего состояния социального поля.

Левин проводил исследования в различных социальных ситуациях. Его эксперименты с группой мальчиков, ставшие классическими, включали в себя изучение разных стилей руководства - авторитарного, демократического и основанного на невмешательстве, а также их влияние на производительность труда и поведение (Lewin, Lippit & White. 1939). Эксперименты такого рода открыли новую страницу в области социальных исследований и внесли заметный вклад в развитие социальной психологии.

Помимо этого, Левин подчеркивал важность изучения коллективных действий и сопутствующих проблем с целью проведения коррекции социального поведения. Обеспокоенный ростом межрасовой напряженности, он провел групповые исследования по широкому кругу вопросов, посвященных совместному проживанию и предоставлению равных возможностей трудоустройства лиц с разным цветом кожи, а также предотвращению появления расовых предрассудков у их детей. Его подход к изучению этих вопросов позволил разработать строгие экспериментальные методы анализа социальных проблем.

При проведении занятий по снижению межгрупповых конфликтов и повышению потенциала каждого члена общества Левин всячески поощрял тренировки по развитию восприимчивости. Его группы социально-психологического тренинга стали предшественниками групп разрешения конфликтов, столь популярных в 60-70-е годы.

Комментарии

Программы научных экспериментов и результаты исследовательских работ Курта Левина получили даже более высокую оценку психологов, чем его теоретические изыскания. Его вклад в социальную и детскую психологию оказался неоспорим. Многие его идеи и методики проведения экспериментов широко используются при изучении проблем личности и мотивации ее поведения. «Среди иммигрантов-психологов Курт Левин оказался почти что единственным, кто сделал успешную карьеру и одновременно создал школу последователей в Америке» (Ash. 1992. P. 204).

Критика гештальт-психологии

Критики гештальт-психологии утверждали, что у ее основателей суть изучения восприятия - к примеру, при наблюдении фи-феномена - сводилась скорее не к научному исследованию явления, а просто к признанию его существования. Такой подход был похож на полное отрицание проблемы как таковой! Экспериментаторы-психологи

заявляли, что позиция гештальтистов выражена неотчетливо и что базовые принципы и границы применения их теории определены недостаточно строго, чтобы возыметь научное значение. Гештальтисты отвергали эти обвинения, настаивая на том, что незаконченность объяснений и определений нового научного направления - это отнюдь не то же самое, что неопределенность.

Другие ученые заявляли, что приверженцы гештальт-психологии слишком много занимаются теоретическими выкладками и получают слишком мало опытных данных в поддержку своих идей. Хотя научная школа гештальтизма с самого начала действительно приобрела теоретическую ориентацию, со временем ее основатели стали уделять больше внимания экспериментальным исследованиям и смогли получить множество интересных практических результатов.

Относительно этого пункта обвинений существует такое предположение, что экспериментальные работы гештальтистов оказались менее значимыми, чем работы бихевиористов, потому что им не хватало строгого контроля, а полученные с их помощью данные не имели достаточно точного количественного определения, а значит, и не подходили для статистической обработки. Гештальт-психологи оказались в такой ситуации, потому что в полученных результатах их действительно больше интересовали качественные, а не количественные стороны. У гештальтистов были просто иные цели исследования, не вписывающиеся в привычные рамки психологии.

Введенное Келером понятие инсайта также подвергалось серьезной критике. Попытки повторить эксперимент Келера, в котором шимпанзе давались две короткие палки, из коих надо было составить одну длинную, оказали слабую поддержку взглядам на роль инсайта в процессе научения. На основании повторно проведенных подобных опытов высказывались предположения, что так как решение у обезьян возникает не мгновенно, оно может зависеть от их предыдущих навыков (Windholz & Lamal. 1985).

Помимо этого, звучала критика в адрес нечетко сформулированных положений гештальт-психологии. Гештальтисты признавали, что их теоретизирования в этой области носят пробный характер, но при этом были убеждены в том, что эти предположения станут полезным дополнением к их системе.

Вклад гештальтизма в развитие психологии

Гештальтизм оставил заметный след в современной психологии и оказал влияние на отношения к проблемам перцепции, научения, мышления, изучения личности, мотивации поведения, а также на развитие социальной психологии. Недавние работы, являющиеся продолжением исследований гештальтистов, позволяют предположить, что их движение еще в состоянии внести вклад в развитие науки.

Гештальт-психология, в отличие от своего главного конкурирующего научного движения - бихевиоризма, многое сохранила от своей первоначальной оригинальности, благодаря чему ее основные принципы не растворились полностью в главном направлении психологической мысли. Гештальтизм продолжал поощрять интерес к сознательному опыту даже в те годы, когда в психологии доминировали идеи бихевиоризма.

Интерес гештальтистов к сознательному опыту был не таким, как у Вундта и Титченера, он строился на основе новейших феноменологических взглядов. Современные приверженцы гештальтизма убеждены, что опыт сознания по-прежнему должен

изучаться. Однако, они признают, что он не может исследоваться с той же точностью и объективностью, как обычное поведение.

В настоящее время феноменологический подход в психологии шире распространен в Европе, чем в США, но его влияние на американскую психологию можно проследить на примере ее гуманистического движения. Многие аспекты современной когнитивной психологии обязаны своим происхождением работам Вертхеймера, Коффки и Келера и тому научному движению, которое они основали около 90 лет тому назад.

Вопросы для обсуждения

1. С каких позиций сторонники гештальт-психологии критиковали взгляды Вундта? Обсудите научные течения, ставшие предшественниками гештальтизма. Каким образом его возникновение связано с новейшими открытиями в физике?
2. Что такое фи-феномен? Может ли он наблюдаться? Почему возникновение фи-феномена не может быть объяснено с точки зрения психологии Вундта?
3. Почему некоторые ученые ошибочно полагают, что гештальт-психология имеет дело только с проблемой перцепции? Обсудите основы перцептивной организации мышления, разработанные Верхаймером.
4. Каким образом изучение константности восприятия оказало поддержку взглядам сторонников гештальт-психологии? Почему слово *gestalt* создало проблемы?
5. Опишите исследования проблемы инсайта, выполненные Келером. Каким образом научение с помощью инсайта отличается от научения методом проб и ошибок Торндайка? Как Вертхеймер применял гештальт-принципы научения к вопросам творческого мышления людей?
6. Какие факторы препятствовали распространению гештальт-психологии в Соединенных Штатах? Обсудите основные направления ее критики.
7. Опишите теорию поля Курта Левина. Какое влияние на нее оказали открытия в физике? Как теория поля связана с проблемами мотивации и развитием социальной психологии?

Рекомендуемая литература

- Nelson, H. (1925, 1926) The psychology of Gestalt. *American Journal of Psychology*, 36. 342-370, 494-526; 37, 25-62, 189-223. Серия статей, раскрывающих взгляд американских психологов на гештальт-психологию.
- Henie, M. (1978) One man against the Nazis-Wolfgang Kohler. *American Psychologist*, 33. 939-944. Описание последних лет Келера в Берлине и его борьбы за сохранение психологического института во время нацистских репрессий.
- Henie, M. (1987) Koffka's Principles after fifty years. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 23, 14-21. Оценка влияния Коффки на принципы гештальт-психологии.
- Kohler, W. (1959) Gestalt psychology today. *American Psychologist*, 14, 727-734, Описание различий между гештальт-психологией и бихевиоризмом.
- Sokal, M. M. (1984) The Gestalt psychologists in behaviorist America. *American Historical Review*, 89, 1240-1263. В статье описываются пути распространения гештальт-движения в Соединенных Штатах Америки.

Психоанализ: истоки

Место психоанализа в истории психологии

В наше время термин «**психоанализ**»^{*} известен всем, как и имя его создателя - Зигмунда Фрейда. В то время как другие выдающиеся фигуры в истории психологии - Фехнер, Вундт, Титченер - в целом мало известны за ее пределами, Фрейду удалось снискать популярность среди самых широких слоев читающей публики. Через 40 лет после его смерти журнал «Ньюсвик» отмечал, что идеи Фрейда настолько глубоко проникли в наше сознание, что «уже трудно представить себе двадцатый век без него» (30 ноября 1981 г.). Он принадлежит к той немногочисленной когорте мыслителей, которым суждено было коренным образом изменить наши представления о самих себе.

Фрейд однажды высказал мнение, что за всю свою историю человечество испытало три значительных удара по своему коллективному эго. Первый такой удар был нанесен польским астрономом Николаем Коперником (1473-1543), который доказал, что Земля не является центром Вселенной; она всего лишь одна из множества планет, вращающихся вокруг Солнца. Вторым откровением стало в XIX веке учение Чарльза Дарвина, показавшего, что человек не является уникальным, отличным от всего живого видом и потому не может претендовать на какое-то особое место в мире. Он не более чем один из высокоорганизованных видов животных, которые, в свою очередь, возникли в ходе эволюции из более низких форм жизни.

Третий удар нанес сам Зигмунд Фрейд, провозгласив, что мы не в состоянии полностью контролировать собственную жизнь при помощи разума. Напротив, мы - игрушка в руках бессознательных сил, не подвластных контролю сознания. Таким образом, «Коперник переместил человечество из центра мира на его окраину, Дарвин заставил его признать свое родство с животными, а Фрейд доказал, что рассудок не является хозяином в собственном доме» (Gay. 1988. P. 580).

Становление психоанализа по времени совпадает с развитием других известных школ в психологии. Так, например, в 1895 году, то есть в год выхода в свет первой книги Фрейда и формального начала этого движения, ситуация была следующей: Вундту исполнилось 63 года, а Титченеру еще только 28. Он всего лишь два года работал в Корнеллском университете и только приступил к разработке своей структурной психологии. Дух функционализма безраздельно господствовал в Соединенных Штатах. Еще не было ни бихевиоризма, ни гештальтпсихологии, Уотсону исполнилось 17 лет, а Вертхеймеру вообще еще только 15.

Однако, ко времени смерти Фрейда, в 1939 году, ситуация существенно изменилась. Вундтовская психология, структурализм Титченера и функциональная психология - уже достояние истории. Гештальт-психология пришла из Германии и быстро завоевала популярность, но безраздельным лидером американской психологии, безусловно, был бихевиоризм.

Несмотря на все разногласия, рассмотренные нами прежде школы исходили из одного и того же академического наследия: в значительной мере все они черпали вдохновение в

^{*} психоанализ - учение З.Фрейда, включающее в себя теорию личности, а также его систему терапии психических расстройств.

работах Вундта. Их понятия и методы рождались в лабораториях, библиотеках и лекционных аудиториях. Они отстаивали идеал чистой науки. Напротив, психоанализ не имел никакого отношения ни к университетским аудиториям, ни к идеалу чистой науки. Он произрастал в недрах психиатрической традиции, видевшей свою задачу в том, чтобы помогать тем людям, которых общество отвергло как «психически больных». Именно поэтому психоанализ никогда не был психологической школой в собственном смысле слова. Точнее, не был школой, сопоставимой с другими школами.

Психоанализ с самого начала выбивался из основного русла психологической мысли по своим целям, интересам и методам. Его предметом было аномальное поведение, что сравнительно мало интересовало остальные школы; исходным методом - клиническое наблюдение, а не контролируемый лабораторный эксперимент. И, кроме того, психоанализ преимущественно интересовался бессознательным - темой, которая практически игнорировалась прочими школами.

Вундт и Титченер не включали бессознательное в свои системы по одной простой причине: оно недоступно интроспекции. А раз так, то его и невозможно свести к каким-либо элементарным компонентам. Для функционализма с его исключительным вниманием к сфере сознания бессознательное также не представляло особого интереса. В обширном учебнике по психологии Энджелла, вышедшем в 1904 году, бессознательному уделено не более двух страниц. В учебнике Вудворта 1921 года сказано немногим больше: этот вопрос рассматривается там, скорее, как некоторое недоразумение. И уж, конечно, в бихевиористской системе Уотсона для бессознательного не могло найтись места более, чем для сознания. Он трактует бессознательное как всего лишь невер-бализованные действия индивида. Понятно, что подобные явления не могут играть в его системе никакой существенной роли.

Но тем не менее, есть все же нечто, что роднит психоанализ с базовыми характеристиками функционализма и бихевиоризма. Все они испытали на себе значительное влияние <духа механицизма>, работ Фехнера в области психофизики и эволюционных идей Дарвина.

Предшествующие влияния

На развитие психоаналитического движения существенное влияние оказали два источника:

- 1) философские концепции бессознательных психических феноменов и
- 2) работы в сфере психопатологии.

Теории бессознательного мышления

В самом начале XVIII века немецкий философ и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716) разработал концепцию, названную им **монадологией***. Монады, по мысли Лейбница, представляют собой единичные элементы реальности, отличные от физических атомов. Монады состоят не из материи в обычном смысле слова. Каждая монада представляет собой непротяженную психическую сущность. Хотя они и имеют психическую природу, тем не менее им присущи и некоторые свойства физической материи. Когда достаточное количество монад соединяются вместе, они образуют протяженные объекты.

* Монадология - учение Лейбница о психических сущностях, называемых монадами.

Монады можно уподобить актам восприятия. С точки зрения Лейбница, активность монад, всецело протекающая в сфере идеального, психических актов, имеет различную степень сознательности: от почти полностью бессознательного до ясного и четкого сознания. Низшие уровни сознания называются малыми перцепциями, их сознательная реализация получила названия апперцепции.

Спустя столетие немецкий философ и педагог Иоганн Фридрих Гербарт (1776-1841) развил эту лейбницевскую идею. Он сформулировал концепцию **порога сознания***. Находясь под влиянием общего механического духа эпохи, Гербарт полагал, что «идеи воздействуют друг на друга подобно механическим силам» (цит. по: Hoffman, Cohran & Nead. 1990. P. 185).

По Гербарту, идеи, находящиеся ниже определенного порога, бессознательны. Когда идея поднимается до уровня сознания, она аппер-цептируется (если пользоваться лейбницевским термином). Но Гербарт пошел дальше. Для того, чтобы та или иная идея могла подняться до уровня сознания, она должна быть сопоставима с теми идеями, которые уже находятся в сфере сознания. Несовместимые идеи не могут находиться в сознании одновременно. Идеи, противоречащие уже имеющимся в сознании, вытесняются.

Вытесненные идеи находятся ниже порога сознания. Они во многом подобны малым перцепциям Лейбница. Согласно воззрениям Гербарта, различные идеи конкурируют между собой за возможность сознательной реализации. Он даже предложил математические формулы, позволяющие вычислить механику движения идей на пути к сфере сознания.

Густав Фехнер также оказал значительное влияние на развитие теорий бессознательного. Как и Гербарт, он также использовал понятие порога. Это ему принадлежит образ психики как айсберга, который произвел столь сильное впечатление на Фрейда, Фехнер считал, что, подобно айсбергу, большая часть психической деятельности скрыта под поверхностью сознания и подвержена воздействию ненаблюдаемых сил.

Весьма любопытно, что работы Фехнера, столь значимые для экспериментальной психологии, оказались также и в числе предпосылок психоанализа. Фрейд цитировал

* Порог сознания - уровень психической деятельности, ниже которого идеи оказываются бессознательными.

книгу Фехнера «Элементы психофизики» (Elemente der Psychophysik) в ряде своих работ. Некоторые важные моменты его концепции (принцип удовольствия, понятие психической энергии, интерес к изучению агрессии) также берут начало из фехнеровских разработок. Как пишет об этом один из биографов Фрейда, «Фехнер был единственным психологом, от которого Фрейд позаимствовал кое-какие идеи» (Jones. 1957. P. 268).

Разного рода представления о бессознательном составляли важную часть общего интеллектуального климата в Европе 80-х годов XVIII столетия. Именно в это время Фрейд начинал свою клиническую практику. Причем бессознательное было предметом интереса не только профессионалов; широкая публика тоже любила порассуждать на эту тему. Книга Э. фон Гартмана «Философия бессознательного» (Die philosophischen Grundlagen der Naturwissenschaften, 1869-1884 гг.) была столь популярна, что выдержала девять изданий в период с 1869 по 1882 годы. В 70-х годах XIX века появилось еще, по крайней мере, полдюжины других работ, содержащих в названии слово «бессознательное».

Таким образом, Фрейд не был первым, кто всерьез заговорил о бессознательном в человеческой психике. Напротив, он сам полагал, что философы до него уже многое сделали в этой области. То новое, на что претендовал именно он, касалось способов исследования бессознательного.

Исследования по психопатологии

Мы уже имели случай убедиться, что любое новое движение нуждается в каком-то противнике, в чем-то, с чем можно сражаться и от чего можно отталкиваться для обретения начального импульса движения. Но поскольку психоанализ развивался вне руслу академической мысли, то и оппонентом его стала не вундтовская психология и не какая-либо иная из существовавших в то время в психологии школ. Для того, чтобы найти противника, которому противостоял Фрейд, нам придется обратиться к сфере его непосредственной профессиональной деятельности - исследованию природы и лечения психических расстройств.

История лечения душевных расстройств выглядит столь же захватывающе, сколь и удручающе. Первые упоминания о душевных болезнях относятся к 2100 до н. э. (Brems.Tbeverin & Routh. 1991). Жители Древнего Вавилона верили, что душевные недуги возникают из-за того, что человеком овладевает демон. Их лечение, впрочем, было довольно гуманным и сочетало в себе магию и молитвы.

Древние иудеи расценивали такие недуги как наказание за грехи. Они полагались при лечении на магию и молитву. Греческие философы - Сократ, Платон и Аристотель - считали, что причина душевных расстройств кроется в нарушении упорядоченности мыслительного процесса. А потому они рассчитывали на лечебную силу и убедительность разумных аргументов.

По мере распространения и упрочения в Европе христианства в IV веке, к психическим расстройствам вновь стали относиться как к чему-то, достойному осуждения, как к одержимости бесами и дьяволом. А потому надлежащее, с точки зрения церкви, лечение представляло собой сочетание морального и религиозного осуждения, пыток и других мучительных, варварских процедур по изгнанию бесов. С начала XV века и на протяжении трех последующих столетий печально известная своей жестокостью инквизиция сурово преследовала еретиков и колдунов, притом признаки, по которым последних можно было узнать, представляли собой, по существу, детальное описание

симптомов душевных расстройств. Единственным же лечением, похоже, оставались жестокие пытки и мучения.

К XVIII веку душевные болезни стали рассматривать просто как иррациональное поведение. За это уже не предавали казни, а помещали несчастных больных в лечебницы, больше походившие на тюрьмы. Никакого лечения, собственно, и не предполагалось. Людей просто держали на привязи, в цепях, а иногда выставляли на всеобщее обозрение, словно животных в зоопарке.

Более гуманный подход к психическим расстройствам

К началу XIX века постепенно распространяется более гуманное и рациональное отношение к психическим расстройствам. Одним из лидеров нового подхода стал французский врач Филипп Пинель (1745- 1826). Он утверждал, что душевные расстройства - это естественное явление, и потому лечить их надо методами естественных наук. Он освободил пациентов от оков и стал относиться к ним значительно более гуманно. Именно он первым начал записывать истории болезни и отмечать характер и ход лечения. Количество пациентов, объявленных излечившимися и выпущенных из психиатрических лечебниц, под его руководством выросло невероятно. Под влиянием подобного примера цепи с пациентов начали снимать все чаще и чаще как в Европе, так и в Америке. Психические болезни становились предметом научного исследования. «Становление научного сознания привело к тому,.. что человек все более воспринимался как машина. А если машина сломалась, ее можно и нужно починить. Такого рода "починка" и должна была происходить в психиатрических лечебницах, снабженных разного рода приборами и аппаратами в соответствии с новейшими достижениями индустриальной революции»² (Brems.Theverin & Routh. 1991. P. 12).

Первым практикующим психиатром в Соединенных Штатах был Бенджамин Раш (1745-1813). Согласно его взглядам, причиной иррационального поведения является избыток или недостаток крови. А потому лечение основывалось на удалении излишков или, напротив, пополнении кровотока при недостатке крови. Он сконструировал специальное вращающееся кресло, на котором несчастных больных раскручивали с огромной скоростью. В результате дело часто кончалось обмороком. На более ранних этапах своего шокового лечения Раш погружал пациентов в холодную воду. Считается, что именно он первым начал использовать специальные методы транквилизации. Пациентов привязывали к так называемому успокаивающему креслу и крепко сдавливали голову при помощи тисков большими деревянными блоками.

И хотя современному человеку подобные методы наверняка покажутся довольно жестокими, не следует все же забывать, что Раш старался помочь своим пациентам: ранее их ожидало бы заключение в исправительном учреждении, где лечением вряд ли кто занимался бы. Он относился к своим пациентам как к больным, а не как к одержимым бесами. Раш также создал первую в Соединенных Штатах клинику специально для лечения эмоциональных расстройств.

На протяжении XIX века в области психиатрии боролись две основные школы - соматическая и психическая. Соматическая школа видела главную причину аномального поведения в физических нарушениях - таких, как поражение головного мозга, недостаточная стимуляция нервных окончаний или же излишнее их напряжение. Психическая школа, напротив, полагала, что причины аномального поведения следует искать в сфере психики. Однако, в целом ведущая роль принадлежала все же соматической школе. Ее позиции были подкреплены авторитетом немецкого философа И.

Канта, который в свое время весьма язвительно высказывался по поводу попыток объяснить появление умственных расстройств при помощи эмоциональных факторов.

Психоанализ явился своеобразным протестом против соматической ориентации. По мере достижения успешных результатов в области лечения душевнобольных многие ученые все более приходили к убеждению, что эмоциональные факторы играют в развитии болезни не меньшую, а зачастую и большую роль, чем поражения мозга или какие-то иные физические причины.

Использование гипноза

Использование гипноза еще больше подогрело интерес к исследованию психических причин аномального поведения. В конце XVIII века интерес медиков к гипнозу стимулировали работы австрийского врача Франца Антона Месмера (1734-1815). Но еще в течение, по крайней мере, целого столетия официальная медицина отрицала роль гипноза, относясь к месмеризму как к шарлатанству и мошенничеству. Широкая публика тем не менее заинтересовалась этим явлением, превратив его в некий род игры.

В Англии Джеймс Брэд (1795-1860) назвал это явление термином <нейрипнология>, от которого, собственно, и произошло слово <гипноз>. Именно благодаря тщательным исследованиям Брэда, а также его безусловной репутации сдержанного и ответственного исследователя, не склонного ко всякого рода преувеличениям и сенсационным заявлениям, гипноз начинает обретать некоторую научную респектабельность.

Признание со стороны профессионального сообщества гипноз получил прежде всего благодаря работам французского врача Жана Мартина Шарко (1823-1893), главы неврологической клиники в Сальпетьере, парижском госпитале для душевнобольных женщин. Шарко удалось добиться некоторых успехов в лечении истерии при помощи гипноза. Более того, он подробно описал симптомы истерии, а также процедуру использования гипноза в строгих медицинских терминах, что сделало этот метод более приемлемым для других врачей, а также для Французской академии наук.

Работы Шарко первоначально носили неврологический характер. В них речь шла прежде всего о физических нарушениях и симптомах, таких, например, как паралич. Врачи в большинстве своем вплоть до 1889 года продолжали приписывать истерию действию физических и соматических причин, когда во главе психологической лаборатории в Сальпетьере стал ученик Шарко Пьер Жане (1859-1947).

Жане отбросил представление об истерии как о следствии физических причин. Вместо этого он стал трактовать истерию как душевную болезнь. Он выдвинул предположение, что подлинными причинами истерии являются психические явления - и, прежде всего, нарушения памяти, навязчивые идеи и силы бессознательного. В качестве основного метода лечения был выбран гипноз. Таким образом, ранние годы врачебной карьеры Зигмунда Фрейда пришлось на тот период, когда появлялось значительное число профессиональных публикаций о гипнозе, а также по поводу психических причин развития душевных болезней. Работы Жане во многом предвосхищают идеи Фрейда: тем не менее, впоследствии Жане выказывал личную неприязнь по отношению к Фрейду (Abel. 1989).

Именно благодаря работам Шарко и Жане отношение к душевным болезням в психиатрии постепенно менялось: в них все больше видели не проявление физических и соматических причин, а следствие психических и душевных факторов. Психиатры стали лечить

эмоциональные расстройства, обращаясь к рассудку пациентов, а не к их телу. К тому времени, когда в печати появились первые работы Фрейда, термин <психотерапия> уже получил широкое распространение.

Учение Чарльза Дарвина

В 1979 году известный историк науки Фрэнк Дж. Салловэй опубликовал книгу под названием <Фрейд: биология ума> (Biologist of mind), в которой утверждает, что Фрейд испытал на себе сильное влияние со стороны Чарльза Дарвина. Салловэй основывает свои заключения на новых данных истории науки. Точнее, он исследовал те факты, которые уже были известны ранее, но никогда прежде не рассматривались под этим углом зрения.

Салловэй обнаружил в личной библиотеке Фрейда несколько работ Дарвина. Все они были внимательно прочитаны владельцем, на полях каждого экземпляра видны многочисленные пометки, свидетельствующие о высокой оценке прочитанного. Салловэй высказал предположение, что Дарвин, «пожалуй, как никто другой, проложил дорогу идеям Зигмунда Фрейда и способствовал психоаналитической революции» (Salloway.1979. P. 258).

Именно Дарвином был высказан ряд идей, которые потом легли в основу психоанализа. Это представления о бессознательных психических процессах и конфликтах, о роли сновидений и скрытом символизме некоторых поведенческих симптомов, о значимости сексуального пробуждения. Кроме того, Дарвин, как и Фрейд после него, сосредоточил внимание именно на нерациональных аспектах поведения и психики.

Дарвиновская теория также оказала большое влияние на представления Фрейда относительно развития детей. Дарвин передал некоторые свои заметки и неопубликованные материалы Романесу, который, основываясь на них, выпустил впоследствии две книги, посвященные психической эволюции человека и животных. Салловэйу удалось обнаружить несколько экземпляров работ Романеса в личной библиотеке Фрейда с его рукописными пометками на полях. Романес развил дарвиновские представления о непрерывном характере эмоционального развития от раннего детства до взрослого состояния особи. Он предположил, что сексуальное влечение появляется у ребенка уже в возрасте семи недель от роду. Обе эти темы впоследствии стали центральными во фрейдовском психоанализе.

Дарвин настаивал на том, что человеческие существа подвержены воздействию биологических сил, в особенности инстинкту продолжения рода и инстинкту поиска пищи, которые, по его мнению, составляют основу всякого поведения. Менее чем через десять лет немецкий психиатр Ричард фон Крафт-Эбинг занял сходные позиции: единственными инстинктами в сфере человеческой психологии являются стремление к сексуальному удовлетворению и самосохранению. Таким образом, дарвиновская идея о важной роли секса в мотивации человеческого поведения была признана вполне respectable учеными.

Прочие влияния

Еще в годы учебы в университете Фрейду довелось соприкоснуться с механистическими идеями. Эта точка зрения была представлена в университете группой физиологов - учеников Иоганна Мюллера, среди которых был и Гельмгольц. Они основывались на тех представлениях, что, помимо физических и химических, в человеческом организме нет других активно действующих сил. Фрейд также испытал на себе некоторое влияние

механистических воззрений. Подобных взглядов, в частности, придерживался Эрнст Брюкке, один из ведущих профессоров этого университета. Впоследствии под его влиянием Фрейд сформулировал свою детерминистическую концепцию поведения человека и назвал ее психическим детерминизмом.

Еще одним аспектом, в котором проявилось влияние <духа времени> на позицию Фрейда, было отношение общественного мнения к вопросам секса, сама атмосфера Вены конца XIX века, где Фрейд жил и работал. Широко распространено ошибочное, по сути, мнение, что общество того времени было в значительной мере подавленным, а потому откровенное обсуждение вопросов секса прозвучало шокирующе и вызывающе.

Хотя подавленная сексуальность и была типичной причиной невротических расстройств у женщин верхних слоев среднего класса (как, впрочем, и у самого Фрейда), которые составляли основную часть его пациентов, тем не менее, отношение к этим проблемам общества в целом было несколько иным. Даже викторианская Англия и пуританская Америка на самом деле были не столь благочестивыми и закомплексованными, как мы привыкли об этом говорить (Gay. 1983). 80-е и 90-е годы XIX века стали свидетелями мощного прорыва подавленной сексуальности в викторианском обществе, а также и сопутствующего ему «взрыва эротического воображения» (Tuzin. 1994. P. 123). Страстные любовные романы и супружеские измены, взрывы страстей, проституция и порнография расцвели пышным цветом.

Интерес к вопросам секса чувствовался как в повседневной жизни венского общества, так и в научной литературе. Еще задолго до появления теории З. Фрейда в свет вышел целый ряд работ, посвященных сексопатологии, детской сексуальности, а также влиянию вытесненных сексуальных импульсов на душевное и физическое здоровье человека. В 1845 году немецкий врач Адольф Патце доказывал, что половое влечение проявляется у ребенка не позднее чем к трехлетнему возрасту. Этот вывод был подтвержден в 1867 году известным британским психиатром Генри Модели. В 1886 году вышла вызвавшая подлинную сенсацию книга Краффта-Эбинга под названием «Сексуальная психопатия» (*Psychopaihia Sexualis*). А в 1897 году венский врач Альберт Молль выпустил книгу, посвященную проблемам детской сексуальности и влечению детей к собственным родителям противоположного пола (Steele. 1985a).

Коллега Фрейда по венскому периоду невролог Мориц Бенедикт добился поразительных результатов в лечении истерии у женщин тем, что давал им возможность беспрепятственно говорить о проблемах своей сексуальной жизни. Французский психолог Альфред Бине опубликовал работу, посвященную сексуальным извращениям. Даже сам термин <либидо>, который играет столь заметную роль во фрейдовском психоанализе, получил распространение до Фрейда. Он лишь усилил некоторые моменты этого понятия. Таким образом, оказывается, что Фрейд был отнюдь не первым, кто открыто заговорил о вопросах секса. Значительная часть этих сюжетов была в той или иной мере предвосхищена его предшественниками. Именно потому, что профессиональное сообщество и широкое общественное мнение были уже подготовлены к восприятию данной темы, идеи Фрейда и получили столь значительный резонанс.

Те же соображения справедливы и по отношению к понятию **катарсиса***, которое было широко распространено и до появления работ Фрейда. В 1880 году, за год до того, как Фрейд получил докторскую степень (M. D.) по медицине, дядя его будущей жены написал

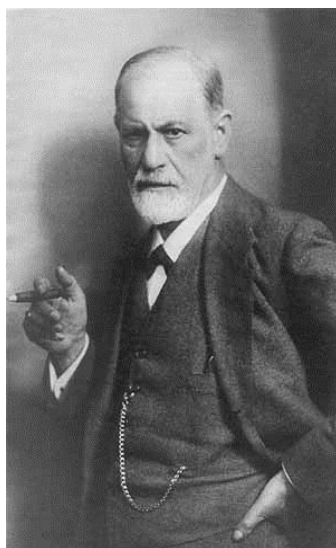
* Катарсис – процесс ослабления или устранения психического комплекса, достигаемый при помощи осознания последнего или предоставления ему возможности свободно проявить себя.

книгу о понятии катарсиса у Аристотеля. За этим последовало <подлинное помешательство, связанное со всеобщим интересом к проблеме катарсиса. Эта тема стала, пожалуй, самым популярным предметом обсуждения как среди ученых, так и в изысканных и утонченных венских салонах> (Ellenberger. 1972. P. 272). К 1890 году только на немецком языке вышло более 140 различных публикаций по проблеме катарсиса (Sulloway. 1979).

И, наконец, многие воззрения Фрейда о роли сновидений в психической жизни человека были предвосхищены в философской и психологической литературе еще XVII века. И хотя Фрейд утверждал, что был в свое время единственным ученым, которого привлекла задача анализа сновидений, исторические факты говорят иное. По крайней мере трое из современников Фрейда занимались изучением сновидений. Шарко высказал предположение о том, что психические травмы, сопряженные с истерией, могут раскрываться в сновидениях. Жане утверждал, что причины истерии можно обнаружить в сновидениях пациента, и использовал их в качестве инструмента терапии. Кроме того, Крафт-Эбинг настаивал на том, что следы бессознательных сексуальных влечений могут быть найдены в сновидениях (Sand. 1992).

Как мы видим, развитие творческой мысли Фрейда находилось под влиянием множества самых разнообразных течений, как теоретического, так и практического плана. Но в том-то и состоит загадка гения, что только он смог соединить эти разрозненные идеи и настроения в целостную теоретическую систему.

Зигмунд Фрейд (1856-1939) и развитие психоанализа

Зигмунд Фрейд родился 6 мая 1856 года во г. Фрайберге, Моравия (ныне, г. Прибор, Чешская Республика). В 1990 году одна из центральных площадей этого города была переименована из площади Сталина в площадь Фрейда. Отец Фрейда торговал сукном. После того, как его дела зашли в Моравии в тупик, он вместе с семьей переехал в Лейпциг, а затем, когда маленькому Фрейду исполнилось четыре года, - в Вену. В дальнейшем Фрейду было суждено провести в этом городе почти 80 лет.

Отец Фрейда был на двадцать лет старше матери. По складу характера это был жесткий и авторитарный человек. В детстве Фрейд испытывал по отношению к отцу смешанные чувства страха и любви. Его мать, напротив, была женщиной мягкой и заботливой. К ней он всегда испытывал сильную привязанность. Страх по отношению к отцу и сексуальное влечение к матери - именно это Фрейд впоследствии назвал эдиповым комплексом.

Истоки же этого понятия могут быть найдены в его детских переживаниях. Как мы позже увидим, вообще многие моменты учения Фрейда имеют автобиографические истоки.

Фрейд был одним из девяти детей в семье. С детства он проявлял недюжинные интеллектуальные способности, что получало постоянную поддержку в семье. Во всем доме только в его комнате была масляная лампа, дававшая больше света, чем свечи, которыми пользовались все остальные. И все только ради того, чтобы он мог беспрепятственно продолжать свои занятия. Остальным детям, к которым Фрейд относился несколько свысока, не разрешали даже заниматься музыкой, чтобы это не помешало занятиям юного ученого.

Фрейд пошел в среднюю школу на год раньше положенного. За годы учебы он проявил себя как блестящий ученик и закончил школу с отличием в 17 лет. Знакомство с теорией эволюции Дарвина пробудило в нем интерес к научным исследованиям, и он решил посвятить себя медицине. Он не чувствовал особого влечения к занятиям медицинской практикой, но надеялся, что ученая степень в области медицины позволит ему впоследствии сделать карьеру ученого.

В 1873 году он поступил в Венский университет. Поскольку он проявил интерес к различным курсам, не относящимся непосредственно к медицине - таким, как философия, - ему пришлось, прежде чем он получил свою первую ученую степень, провести в стенах университета целых восемь лет. Поначалу он увлекся биологией. Известно, что он собственными руками препарировал более 400 самцов угря, изучая структуру их половых желез. Впрочем, полученные им выводы оказались недостаточно определенными. Однако любопытно, что уже первые его научные интересы были связаны с вопросами пола. В дальнейшем он занялся физиологией и изучал строение хорды у рыб, проведя у микроскопа более шести месяцев.

Еще во время своих занятий медициной Фрейд начал экспериментировать с употреблением кокаина. Он принимал его сам, приучил к нему свою невесту, а также давал его всем друзьям. Именно он ввел применение кокаина в медицинскую практику. Фрейд был полон воодушевления по поводу этого препарата, который, как он утверждал, снимал у него депрессию и помогал бороться с хроническими нарушениями пищеварения. В тот период Фрейд был убежден, что именно в кокаине он нашел некое чудесное средство, при помощи которого можно излечить любую болезнь - от ишиаса до общей слабости, и, как он полагал, это принесет ему столь желанные славу и известность.

Увы, надеждам не суждено было оправдаться. Один из коллег Фрейда по его медицинским занятиям случайно подслушал его разговор по поводу перспектив использования кокаина, провел серию собственных исследований и обнаружил, что последний может быть весьма полезен в качестве анестезирующего средства при глазных операциях. Последнее обстоятельство, безусловно, оказало существенное влияние на развитие методов лечения глазных болезней и, прежде всего, - хирургических.

В 1884 году Фрейд опубликовал специальную работу, посвященную преимуществам применения кокаина. Можно сказать, что именно эта статья частично ответственна за ту повальную эпидемию увлечения кокаином в Европе и Соединенных Штатах, которая продолжалась вплоть до 20-х годов XX века. Впоследствии Фрейд подвергся суровому осуждению за пропаганду наркотиков и их применения для иных целей, нежели глазная хирургия. Его обвиняли в том, что именно он выпустил джинна из бутылки, создал новую чуму. До конца жизни Фрейд старался избавиться от любых напоминаний об этих

событиях. Он даже не указывал работы, посвященные использованию кокаина, в своих библиографических списках.

Многие годы считалось, что Фрейд прекратил использование кокаина еще во время учебы на медицинском факультете. Но последние данные - в частности, письма самого Фрейда - говорят о том, что он продолжал принимать наркотики - по крайней мере, еще в течение десяти лет после этого, будучи уже в зрелом возрасте (Masson. 1985).

Фрейд собирался продолжить научную карьеру в академической сфере, но Эрнст Брюкке, профессор медицины в университете и одновременно директор физиологического института, где Фрейд впоследствии работал, отговорил его от этого намерения по финансовым соображениям. Фрейд был слишком беден, чтобы позволить себе в течение многих лет дожидаться профессорской должности в университете. Фрейд вынужден был согласиться с доводами Брюкке и в итоге решил готовиться к сдаче экзаменов на право заниматься частной медицинской практикой.

Он получил ученую степень доктора медицины в 1881 году и начал практику в качестве клинического невролога. Как Фрейд и ожидал, клиническая практика оказалась делом не слишком увлекательным. Но экономические реалии взяли верх, и он продолжил свою клиническую деятельность. Вскоре он объявил о помолвке с Мартой Бернейс, у которой, кстати, также не было денег. В итоге они вынуждены были несколько раз откладывать свадьбу из-за финансовых затруднений.

В период ухаживания Фрейд жестоко ревновал свою невесту. Более того, он претендовал на безраздельное обладание всем вниманием Марты, даже в ущерб ее семье. <Отныне Вы в своей семье не более чем гость... Если же Вы не в состоянии отречься ради меня от семьи, то потеряете меня, погубите всю свою жизнь и никогда не будете иметь счастья в семейной жизни... В моей натуре есть определенная тираническая черта> (цит. по: Arriganesi & Forrester. 1992. P. 30, 31).

Наконец, после четырехлетнего изнурительного ожидания свадьба состоялась. Для этого молодая чета вынуждена была заложить свои часы и взять деньги взаймы. В конце концов, их финансовое положение поправилось, но до конца жизни Фрейд не забыл эти дни нищеты. Необходимость много и напряженно работать не давала ему возможности проводить много времени в кругу семьи с женой и детьми (а их в скором времени стало уже шестеро). Свои выходные дни он проводил в одиночестве или же с двоюродной сестрой Минной, поскольку Марта не поспевала за его стремительной походкой во время пеших прогулок за городом.

Случай Анны О.

Фрейд подружился с врачом Джозефом Брейером (1842-1925), который получил известность благодаря своим работам по исследованию процесса дыхания, а также изучению функций полукружного канала в человеческом ухе. Неплохо устроенный в жизни и уже ею умудренный, Брейер часто давал молодому Фрейду разнообразные советы и даже одалживал деньги. Для Фрейда он был чем-то вроде отца, символической фигурой. Брейер же, по-видимому, относился к Фрейду как к не по годам развитому младшему брату. «Интеллект Фрейда парит в заоблачных высотах, - писал Брейер одному из своих друзей. - Я иногда смотрю на него, как курица на ястреба» (цит. по: Hirschumller. 1989. P. 315). Они часто обсуждали вместе трудные случаи из практики Брейера, в том числе и случай Анны О. Именно этим событиям суждено было сыграть решающую роль в становлении психоанализа.

Интеллигентная и привлекательная женщина 21 года, Анна О. страдала от целого ряда тяжелых истерических симптомов. Она жаловалась на паралич, потерю памяти, умственные расстройства, тошноту, нарушения зрения и речи. Эти симптомы впервые появились тогда, когда она ухаживала за умирающим отцом. Брейер лечил ее при помощи гипноза. Он обнаружил, что под гипнозом пациентка могла вспомнить те переживания, которые, возможно, и являлись причиной названных симптомов. Последующее обсуждение ее переживаний в состоянии гипноза, казалось, способствовало улучшению состояния.

Брейер виделся с Анной О. ежедневно в течение года. Во время этих встреч Анна О. вспоминала те травмирующие переживания, которые ей доводилось пережить в течение дня. И каждый раз после подобных обсуждений она сообщала об улучшении самочувствия. Она относилась к своим встречам с Брейером как к «очищению», или <целительным беседам>. По мере того как лечение продолжалось, Брейер понял (и рассказал об этом Фрейду), что те переживания, о которых Анна вспоминала под гипнозом, часто включали в себя мысли и события, которые она расценивала как отвратительные. Освобождение под гипнозом от травмирующих переживаний снижало или совсем устраняло болезненные симптомы.

Со временем жена Брейера стала проявлять все больше и больше беспокойства и ревности по поводу излишне тесной эмоциональной близости между своим мужем и Анной. С Анной же происходило то, что впоследствии получило название **позитивного переноса***. Иными словами, она переносила свои чувства по отношению к отцу на врача, тем более, что они были несколько похожи внешне. Брейер же, возможно, также испытывал эмоциональную привязанность к своей пациентке. «Ее обаяние юности, очаровательная беспомощность, даже самое ее имя... пробудили в Брейере дремлющее эдипово влечение к собственной матери» (Gay. 1988. P. 68).

Но, в конце концов, Брейер оценил сложившуюся ситуацию как опасную и вынужден был объявить Анне, что прекращает лечение. Несколько часов спустя у Анны начались истерика и боли как при родовых схватках. Брейеру удалось снять симптомы под гипнозом. Согласно легенде, после этого он устроил своей жене второй медовый месяц в Венеции, где она благополучно забеременела.

Но на самом деле это не более чем миф. Миф, который разделяли несколько поколений психоаналитиков и историков науки. Миф, который просуществовал более ста лет. Вполне возможно, что Брейер и его жена действительно отправились в Венецию, но даты рождения его детей убедительно показывают, что ни один из них не мог быть зачат в то время (Ellenberger. 1972).

Кроме того, последующие исследования показали, что в действительности Брейеру не удалось окончательно вылечить Анну О. (ее настоящее имя Берта Паппенхайм) при помощи своего катартического метода. После того, как Брейер прекратил свое лечение, она была помещена в стационарную лечебницу. Там она часами могла сидеть возле портрета отца, рассказывая о том, как ходила на его могилу. Брейер говорил о ней Фрейду как о безнадежно сумасшедшей и высказывал надежду, что только скорая смерть сможет избавить бедняжку от страданий. Неизвестно, как именно ей удалось вылечиться, но впоследствии Анна О. стала заметным деятелем социального движения, феминисткой, ратующей за образование женщин. Она писала короткие рассказы о <мудрости, страсти и

* Позитивный перенос – процесс, в котором пациент общается с терапевтом так, как если бы тот был его родителем.

неунывающим характере>, а также опубликовала пьесу в защиту прав женщин (Shepherd. 1993. P. 210).

Случай Анны О. чрезвычайно важен для становления психоанализа, поскольку именно здесь Фрейд впервые соприкоснулся с методом катарсиса, лечебной беседы, который впоследствии сыграл столь значительную роль в его собственных исследованиях.

Секс и метод свободных ассоциаций

В 1885 году Фрейду удалось получить небольшой грант, позволивший ему провести несколько месяцев в Париже на стажировке у Шарко. Он знакомился с применением метода гипноза при лечении истерии. Вскоре Шарко стал еще одной фигурой символического отца в жизни Фрейда. Он даже воображал себе, насколько способствовала бы его карьере женитьба на дочери Шарко. Он писал в письмах Марте, как, по его мнению, хороша и привлекательна эта молодая женщина (Gelfand. 1992).

Шарко также обратил внимание Фрейда на роль секса в развитии истерического поведения. Однажды на вечеринке Фрейд нечаянно подслушал, как Шарко высказывал свое мнение об одном интересном случае из своей практики. Он сказал, что причины затруднений у пациента, несомненно, имеют сексуальную основу. «В такого рода случаях речь, в конечном счете, всегда идет о гениталиях - всегда, всегда, всегда» (цит. по Freud. 1914. P. 14).

После возвращения из Парижа Фрейду вскоре вновь довелось столкнуться с еще одним подтверждением гипотезы о сексуальной основе эмоциональных расстройств. Один из коллег попросил Фрейда помочь ему в анализе одного интересного случая с молодой женщиной, страдавшей от острых приступов тревоги. Симптомы удавалось снять только одним способом - постоянно давать женщине знать, где находится ее лечащий врач в каждый момент времени. Врач сообщил Фрейду, что причину тревожности он видит в импотенции мужа женщины. После 18 лет брака у них отсутствовали супружеские отношения. «Единственное средство, которое можно было бы прописать в этом случае, - сказал врач, - слишком хорошо нам известно, но его никак нельзя записать в рецепте. Оно должно было бы выглядеть так: <Penis normalis dosim repetatur!*» (Freud. 1914).

Фрейд с энтузиазмом воспринял методы гипноза и катарсиса, которые Брейер использовал в лечебных целях. Однако со временем применение гипноза вызывало у него все большую и большую неудовлетворенность. Хотя это и приносило очевидные результаты, ослабляя или даже вовсе снимая симптомы расстройств, все же не удавалось добиться устойчивого лечебного эффекта. Многие пациенты обращались с повторными и новыми жалобами. Кроме того, как обнаружил Фрейд, некоторые невротические пациенты поддаются гипнозу с трудом или не поддаются ему вовсе. Поэтому в скором времени он прекратил практику гипноза, но продолжал использовать катарсис в качестве метода лечения. Он также разработал новую психологическую технику - метод **свободных ассоциаций***. (Мы уже отмечали в главе 1, что в изначальном немецком термине имелось в виду, скорее, свободное вторжение, внедрение, а не собственно свободные ассоциации.)

При использовании метода свободных ассоциаций пациент лежит на кушетке, а врач побуждает его открыто и спонтанно говорить. При этом надо по возможности полно высказывать все, что только приходит на ум, первые впечатления - вне зависимости от

* Нормальная регулярная половая жизнь. - Прим. перев.

* Свободные ассоциации - психологическая техника, при которой пациент говорит все (первое), что ему приходит в голову.

того, насколько глупым, незначительным или непристойным это бы ни казалось. Задачей данного метода было выведение на экран сознания тех вытесненных мыслей или переживаний, которые могли быть причиной аномального поведения пациента.

Фрейд был убежден, что все проявляющиеся в таком исследовании свободные ассоциации не случайны и не поддаются сознательному контролю пациента. Все всплывающие в подобной процедуре переживания имеют под собой конкретную причину. И эта причина коренится в глубинных конфликтах в психике пациента, которые таким образом и может выявить врач.

При использовании данного метода Фрейд обнаружил, что некоторые пациенты начинают вспоминать свои детские переживания. При этом оказывается, что многие подавленные прежде импульсы имеют сексуальную природу. Фрейд, как мы уже упоминали, был в курсе текущей научной литературы по проблемам сексуальной патологии. Он также продолжал внимательно изучать роль сексуальных факторов в развитии болезни у своих пациентов, уделяя этим вопросам все более пристальное внимание.

Разрыв с Брейером

В 1895 году совместно с Брейером Фрейд выпустил работу под названием «Исследования по истерии» (Studien über Hysterie). Именно эту публикацию считают формальным началом психоанализа, хотя сам Фрейд еще в течение по крайней мере года избегал пользоваться термином <психоанализ> (Rosenzweig, 1992). В этой книге содержались статьи обоих авторов, а также подробные описания некоторых историй болезни, в том числе и случай Анны О. Хотя появилось и несколько отрицательных рецензий, в целом, в научных и литературных кругах Европы книга была оценена высоко. Пусть и скромное, но все же это было начало признания, которого так жаждал Фрейд.

Брейер долго колебался, прежде чем согласился на публикацию. Он не был согласен с фрейдовской трактовкой роли сексуальных сил. По его мнению, эти факторы важны, но нельзя считать их исключительной причиной появления невротических расстройств. С его точки зрения, фрейдовская позиция не имела достаточного подтверждения. Настойчивое стремление Фрейда все же опубликовать работу привело к появлению первой трещины в их дружбе.

Фрейд же, со своей стороны, был убежден, что прав именно он, и в дополнительных исследованиях нет необходимости. Вполне возможно, что он просто опасался, как бы кто-нибудь иной не опередил их, отобрав приоритет. Амбиции Фрейда явно брали верх над осмотрительностью ученого.

Брейер был раздражен упорством Фрейда, и через несколько лет их отношения резко ухудшились. Фрейд стал относиться к Брейеру с открытым недоброжелательством (и это после того, как тот столько для него сделал!). Он даже говорил, что от одного вида Брейера готов бежать куда угодно! Однако, Фрейд все же отдавал Брейеру должное за его пионерские работы по лечению истерии. Ко времени смерти Брейера в 1925 году Фрейд уже забыл былые обиды. Он написал преисполненный печали некролог, признавая заслуги Брейера как своего наставника. Он также отправил письмо сыну Брейера с выражениями соболезнования, отмечая <великую роль, которую сыграл Ваш покойный отец в становлении новой науки> (цит. по: Hirschmuller, 1989, P. 321).

Полемика о детских психосексуальных травмах

К середине 90-х годов убеждение Фрейда о решающей роли секса в развитии неврозов окончательно окрепло. В большинстве случаев его пациенты сообщали о травматических сексуальных переживаниях в детстве, часто связанных с членами их семей. Он также пришел к заключению, что невроз не может развиваться у человека, ведущего нормальную сексуальную жизнь.

В докладе, представленном им Венскому психиатрическому и ней-рологическому обществу в 1896 году, Фрейд сообщал, что во время сеансов свободных ассоциаций его пациенты вспоминали об имевшихся в детстве попытках их совращения. Причем в качестве совратителя обычно выступал кто-то из старших членов семьи, часто это был отец. Фрейд был уверен, что именно подобные психические травмы являлись причиной более поздних невротических расстройств.

Он также сообщал, что многие пациенты испытывали некоторую неуверенность, описывая детали происшествий. События как бы утрачивали реальность, и пациенты часто запинаясь. Казалось, что они не в состоянии полностью вспомнить собственные переживания, как если бы подобных событий вообще не было.

Доклад Фрейда был встречен скептически. Председатель собрания Краффт-Эбинг расценил это как «научные сказки» (цит. по: Jones.1953. P. 263). Фрейд же в ответ назвал своих критиков ослами и предложил им всем «отправляться к черту».

Примерно через год Фрейд пересмотрел свою позицию и заявил, что в большинстве случаев описываемые пациентами ситуации совращения были воображаемыми и в действительности не могли иметь места. Эта позиция Фрейда представляет собой еще одну поворотную точку в развитии психоанализа. Поначалу осознание того факта, что описываемые пациентами переживания были всего лишь фантазиями, повергло Фрейда в шок. Ведь вся его теория неврозов основывалась на том, что пациенты действительно имели в детстве некоторые психосексуальные травмы. Это, по его мнению, и было причиной последующего иррационального поведения во взрослом состоянии.

Правда, после некоторого размышления, Фрейд пришел к выводу, что фантазии пациентов все же были для них совершенно реальными. А поскольку все эти фантазии концентрировались вокруг проблем секса, то последние и оставались подлинной причиной расстройств. Таким образом, Фрейду удалось сохранить базовую идею своей сексуальной теории неврозов.

Правда, примерно столетие спустя, в 1984 году вокруг этих событий вновь разразился скандал, когда психоаналитик по имени Джеффри Мас-сон, бывший одно время директором архива Фрейда, обвинил Фрейда во лжи. Массон утверждал, что те психосексуальные травмы, которые Фрейд объявил фантазиями, на самом деле все же имели место. И Фрейд решился объявить их фантазиями только для того, чтобы сделать свою систему более приемлемой для коллег и широкой публики (Masson. 1984).

Однако более маститые ученые отвергли обвинения Массона по причине их неубедительности (Gay. 1988; Khill. 1986; Malcolm. 1984). Полемика выплеснулась на страницы газет и журналов. В интервью газете «Вашингтон Пост» (19 февраля 1984 г.) последователи Фрейда Пол Роузен и Питер Гэй назвали заявления Массона мистификацией и клеветой, «грубым искажением истории психоанализа». По их мнению, Фрейд никогда не отказывался от своего убеждения в том, что детские психосексуальные

травмы иногда имели место. Он всего лишь отказался от утверждения, что подобные события всегда имели место в действительности, как об этом сообщали пациенты.

Тем не менее, последние свидетельства в области детских сексуальных расстройств показывают, что подобные события происходят значительно чаще, чем это считалось ранее. А потому некоторые психоаналитики склоняются к мнению, что первоначальная концепция Фрейда о сексуальных домогательствах как подлинной причине происхождения неврозов верна. Мы не знаем, действительно ли Фрейд намеренно скрыл истину, как это утверждает Массон, или же сам искренне верил в то, что пациенты сообщают о своих фантазиях. Тем не менее, вполне вероятно, что «большинство пациентов Фрейда говорили правду о своих детских переживаниях. Таких сообщений оказалось больше, чем Фрейд был готов принять» (Crewsdon. 1988. P. 41).

К сходным выводам пришел в 1930 году ученик Фрейда Шандор Ференци. На основе сообщений своих собственных пациентов он пришел к заключению, что эдипов комплекс основывается в большей степени на реальных событиях, а не на фантазиях. Когда он сообщил о своем намерении сделать заявление по этому поводу на психоаналитическом конгрессе в 1932 году, Фрейд всячески пытался помешать. Когда же попытка потерпела неудачу, Фрейд резко выступил против позиции Ференци.

Было также высказано предположение, что Фрейд модифицировал свою теорию совращения потому, что понял: если все это правда, тогда всех отцов, включая и его собственного, можно будет обвинить в развратных действиях по отношению к своим детям (Kroll. 1986).

В 80-е и 90-е годы нынешнего столетия вопрос о реальности вытесненных детских воспоминаний о сексуальных домогательствах неоднократно всплывал в различных сенсационных сообщениях. Некоторые люди неожиданно вспоминали травмирующие события, которые происходили задолго до этого. В 1990 году один человек был признан виновным в убийстве на основании свидетельств подобных вытесненных воспоминаний своей дочери о событиях двадцатилетней давности. Она вдруг вспомнила, что видела, как отец убивает ее школьного приятеля.

Значительное число женщин выдвинуло обвинения в сексуальных домогательствах, имевших место в раннем детстве, против своих отцов, дядей и друзей семьи. Они делали это на основании своих подвергшихся глубокому вытеснению воспоминаний, которые неожиданно всплывали в памяти.

Самоанализ и толкование сновидений

Каким бы ни было наше мнение по поводу теории совращения, совершенно ясно, что Фрейд, хоть и подчеркивал роль секса в эмоциональной жизни человека, сам в целом негативно относился к сексу и испытывал определенные затруднения в этой сфере. Он писал об опасностях, таящихся в сексуальности, даже для людей совсем не невротического плана. Он настаивал на том, что человечество должно приложить все силы, чтобы подняться над уровнем «обычных животных потребностей». Фрейд считал, что половой акт унижает человека, оскверняя как его тело, так и душу. В 1897 году, когда Фрейду был 41 год, он сообщал, что лично он полностью отказался от секса: «Сексуальное возбуждение совершенно безразлично для такого человека, как я» (Freud.1954. P. 227). Известно, что время от времени у Фрейда бывали периоды импотенции. Кроме того, часто он вынужден был воздерживаться от секса, поскольку не

переносил презервативы и прерванный акт - обычные методы контроля рождаемости в то время (Gay. 1988).

В тот же самый год, когда Фрейд объявил о своем намерении воздерживаться от секса, он приступил к серьезнейшей работе по анализу собственного Я. Он страдал от многочисленных невротических симптомов, которые сам определял как невроз беспокойства. Причины же этого невроза виделись ему в накопившемся сексуальном напряжении. Он жаловался на жестокие мигрени, проблемы с мочеиспусканием и спазмы прямой кишки. У него развился страх смерти, боязнь путешествий, пребывания на открытом пространстве и внезапных сердечных приступов. Это был для Фрейда период величайшего внутреннего конфликта и беспорядка, но тем не менее, в то же время это один из наиболее продуктивных периодов в его жизни. В самом деле, теория неврозов Фрейда в значительной мере основывается на его собственном опыте невротических расстройств и попытках их анализировать. «Главным моим пациентом был я сам», - писал он (цит. по: Gardner. 1993. P. 71). Он предпринял работу по самоанализу для того, чтобы разобраться в себе самом и лучше понять своих пациентов. Средством такого самоанализа был избран метод **анализа сновидений***.

В ходе своей работы Фрейд убедился, что сны пациента могут быть источником богатейшей информации о его эмоциональной жизни. Сновидения часто содержат в себе ключ к пониманию глубинных причин тех или иных расстройств. В соответствии со своими позитивистскими убеждениями, он полагал, что все должно иметь свои причины. А коли так, то и события в сновидениях нельзя рассматривать как чистые и бесосновательные фантазии. Сновидения должны отражать некоторые подсознательные проблемы пациента.

Фрейдовская оговорка - пропуски или ошибки в письменной и устной речи, неожиданная забывчивость, которые отражают наличие беспокойства или бессознательных мотивов поведения.

Понимая, что не может анализировать самого себя с помощью метода свободных ассоциаций, поскольку невозможно быть одновременно врачом и пациентом в одном лице, он решил обратиться к анализу сновидений. Каждое утро при пробуждении он тщательно записывал свои сны, а уже потом применял к ним метод свободных ассоциаций.

Подобный самоанализ длился в течение почти двух лет. Его результатом и кульминацией послужила книга «Толкование сновидений» (Die Traumdeutung, 1900 г.), которую ныне считают одной из главных работ Фрейда. Именно в этой работе он впервые раскрывает природу эдипова комплекса, основываясь преимущественно на собственном опыте детских переживаний. Нельзя сказать, что книга повсюду была встречена с восторгом. Однако в целом она получила благоприятные отзывы. О ней писали не только профессиональные, но и популярные журналы и газеты в Вене, Берлине и других крупных европейских городах. В швейцарском городе Цюрихе эту книгу прочитал молодой человек по имени Карл Юнг. С этого момента его судьба была решена: он твердо поверил в психоанализ.

Успех «Толкования сновидений» был настолько велик, что книга выдержала девять прижизненных изданий. С этого времени Фрейд принял данный метод в качестве

* анализ сновидлений - одна из психоаналитических техник, включая в себя толкование сновидений с целью открыть с их помощью скрытые бессознательные конфликты.

стандартной техники психоанализа. Сам он отныне ежедневно полчаса перед сном посвящал самоанализу.

Признание, но разлад в своем стане

В первые годы XX века Фрейд продолжал развивать идеи психоанализа. В 1901 году он опубликовал свою знаменитую работу «Психопатология обыденной жизни» (*Zur psychopathologie des Alltagslebens*). Именно там впервые прозвучала популярная ныне идея о значении ошибок, обмолвок и других произвольных действий - то, что впоследствии получило название «**фрейдовской оговорки***». Фрейд высказал предположение, что в нашем повседневном поведении бессознательные идеи, которые конкурируют между собой за то, чтобы выйти на уровень осознания, могут оказывать существенное воздействие на наши мысли и поступки, изменяя их. То, что на поверхности явлений выглядит как случайность, оговорка или простая забывчивость, на самом деле отражает реальные, но еще не осознанные мотивы.

Следующая работа Фрейда под названием «Три очерка по теории сексуальности» (*Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*) появилась в 1905 году. Тремя годами ранее группа студентов обратилась к нему с просьбой руководить еженедельным семинаром по проблемам психоанализа. (Темой первого занятия была психология изготовления сигар [Kerr, 1993].) В число этих первых учеников Фрейда, которые называли сами себя «собранием маргинальных невротиков» (Gardner, 1993, P. 51), входили Карл Юнг и Альфред Адлер, впоследствии отошедшие от основных положений своего учителя.

Как мы уже видели на примере разрыва с Брейером, Фрейд совершенно не терпел никаких разногласий со своей оценкой роли сексуальности в психической жизни человека. Всякий, кто не принимал или же пытался ее видоизменить, немедленно изгонялся из круга общения. Фрейд писал: «Психоанализ - это мое творение. На протяжении десяти лет я был единственным человеком, отдававшим себя психоанализу целиком... Никто лучше меня не может знать, что такое психоанализ» (Freud, 1914, P. 7).

За период с 1900 по 1910 годы профессиональное положение Фрейда заметно упрочилось. Частная практика процветала, а коллеги стали считаться с его заявлениями. 1909 год принес ему международное признание, когда вместе с Юнгом его пригласил Дж. Стэнли выступить на праздновании двадцатилетия университета Кларка в штате Массачусетс. Фрейду предоставили право выступить с серией публичных лекций. Он также был удостоен почетной докторской степени по психологии.

Фрейд был польщен. Он воспринял эти события как поворотный момент в своей карьере. <По-видимому, человеком, которого все происходящее захватило в наибольшей степени, был сам Фрейд. Именно теперь он стоял перед аудиторией, намного превосходившей любой уровень, на котором ему когда-либо доводилось выступать в Европе. Он выступал перед ними как настоящий ученый и врач, сделавший важные эмпирические открытия. Аудитория же воспринимала его с явным вниманием и даже лестью> (Kerr, 1993, P. 243-244).

Во время этой поездки ему довелось повстречаться со многими выдающимися американскими психологами, такими как Вильям Джемс, Э. Б. Титченер и Джемс МакКин Кеттел. Лекции Фрейда были опубликованы в «Американском психологическом журнале»

* фрейдовская оговорка - пропуски или ошибки в письменной и устной речи, неожиданная забывчивость, которые отражают наличие беспокойства или бессознательных мотивов поведения.

и переведены на ряд других языков (Freud. 1909-1910). А спустя всего несколько месяцев Американская психологическая ассоциация на своем ежегодном заседании провела трехчасовые слушания, посвященные работам Фрейда. Нельзя не видеть в этом явных следствий его посещения Соединенных Штатов.

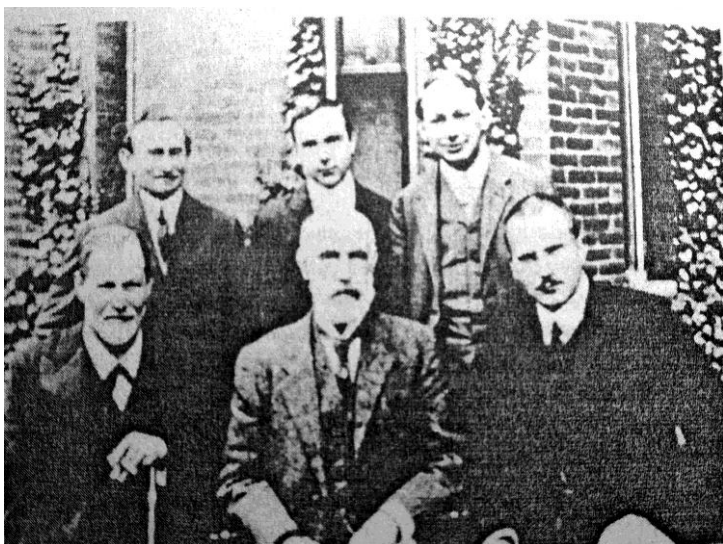
Фрейдовская концепция бессознательного была принята американской общественностью с энтузиазмом. Люди заинтересовались его идеями в немалой степени благодаря статьям канадского психолога Г. Эддингтона Брюса. За период с 1903 по 1917 год тот опубликовал 63 журнальных статьи и 7 брошюр, посвященных проблемам бессознательного, что весьма стимулировало интерес широкой публики к работам Фрейда (Dennis. 1991).

Хотя Фрейда и принимали в Америке с почестями, он все же многим остался недоволен и продолжал вспоминать об этом до конца жизни. Ему не понравилась кухня, он был недоволен недостатком общественных туалетов, его возмутили простота и беспардонность манер. Когда гид у Ниагарского водопада назвал его «старинной», Фрейд был просто взбешен. Он никогда больше не бывал в Соединенных Штатах, отзываясь об этой стране своему биографу следующим образом: «Вся Америка - это ошибка, гигантская ошибка; это все правда, но это, тем не менее, ошибка» (Jones. 1955. P. 60). Справедливости ради отметим, что он не слишком жаловал и Вену, в которой прожил большую часть своей жизни.

Все эти события произошли незадолго до того, как разногласия и распри по поводу отдельных фрейдовских идей и сюжетов стали раздирать официальное психоаналитическое сообщество изнутри. В итоге все закончилось расколом. Разрыв Фрейда с Адлером произошел в 1911 году, а с Юнгом, которого Фрейд считал своим духовным сыном и наследником психоаналитической системы, - в 1914-м. Фрейд был в ярости. Однажды на семейном обеде он пожаловался на измену тех, кто прежде был так предан общему делу. «Твои проблемы, Зиги, в том, - заметила ему тетушка, - что ты совсем не разбираешься в людях» (Hilgard. 1987. P. 641).

Последние годы жизни

В 1923 году, на пике его популярности, у Фрейда обнаружили рак полости рта. Более 16 лет он провел в непрерывных страданиях. Он перенес 33 операции, в результате которых часть неба и верхней челюсти были удалены. Он лечился рентгеновскими лучами и радием, ему также сделали вазектомию, что должно было, как полагали некоторые врачи, привести к рассасыванию раковой опухоли. После подобных операций на ротовой полости ему потребовался специальный речевой аппарат, в результате чего речь стала весьма неразборчивой. С трудом можно было понять, что он вообще говорит. Хотя Фрейд продолжал видеться с пациентами и учениками, все прочие контакты были ограничены. Он привык выкуривать по 20 сигар в день и не отказался от своей привычки даже после того, как была обнаружена болезнь. Писатель Энтони Берджесс так описал свои впечатления от посещения дома Фрейда в Вене, где ныне находится его музей: везде видны яркие свидетельства мучительности последних лет его жизни - <записанный на фонографе вялый и безжизненный голос Фрейда, его педантично правильный английский, прерываемый мучительным клацаньем протезов> (<Нью-Йорк тайме>, 7 октября 1984 г.).

*Университет Кларка, 1909 год.
Сидят, слева направо: Зигмунд
Фрейд, Стенли Холл, Карл Юнг.
Стоят, слева направо: Эрнст Джонс,
А.А.Брилл, Шандор Ференци.*

После того, как к власти в Германии пришел Адольф Гитлер, официальная позиция наци по поводу психоанализа быстро прояснилась. Книги Фрейда подверглись публичному сожжению на одной из берлинских площадей в мае 1933 года. Пока они пылали в костре, нацистский лидер надрывался в крике: «Против разлагающего наши души копания в вопросах секса - и во славу благородства человеческой души - предаю я огню книги некоего Зигмунда Фрейда!» (Shur. 1972. P. 446). Фрейд прокомментировал эти события так: «Прогресс налицо. В средние века они сожгли бы меня, теперь жгут всего лишь мои книги» (цит. по: Jones. 1957. P. 182).

К 1934 году наиболее дальновидные еврей-психологи и психоаналитики уже эмигрировали. Кампания нацистов по искоренению психоанализа набирала обороты. Идеи Фрейда, прежде столь популярные, были почти полностью изъяты из употребления. Один из студентов организованного нацистами в Берлине Института психологических исследований и психотерапии сообщает, что «имя Фрейда никогда не упоминалось публично, а его книги хранились в постоянно запертом шкафу» («Нью-Йорк тайме», 3 июля 1984 г.). Даже сегодня, спустя 60 с лишним лет после этих событий, многие важные работы Фрейда все еще не доступны в Германии.

Фрейд настоял на том, чтобы остаться в Вене. В марте 1938 года германские войска вошли в Австрию, а уже 15 марта к нему домой нагрянула банда нацистов. Еще неделю спустя дочь Фрейда Анна была задержана и арестована. Все это вынудило Фрейда признать, что для безопасности его и семьи они должны уехать. Отчасти благодаря вмешательству американского правительства нацисты согласились выпустить Фрейда в Англию. (Четверо сестер Фрейда, оставшиеся в Вене, погибли в фашистских концентрационных лагерях.) Для того, чтобы получить возможность беспрепятственного выезда, Фрейд вынужден был подписать некий документ об отсутствии у него каких бы то ни было претензий к гестапо. Говорят, что когда он подписывал эти бумаги, то саркастически заметил: «Я могу от всего сердца порекомендовать гестапо каждому» (цит. по: Jones. 1957. P. 226). По крайней мере, Эрнст Джонс, друг и биограф Фрейда, считает, что такое вполне вероятно. Правда, вновь найденные документы (оригинал подписанного Фрейдом заявления) не содержат подобных комментариев (Decker. 1991).

Хотя Фрейда и приняли с почетом в Англии, его последние годы были отравлены прогрессирующей болезнью. В своих дневниках и письмах к друзьям Фрейд постоянно упоминает о тягостном настроении и болях от развивающегося недуга. «Я вынужден был

на 12 дней прекратить свою работу. Меня мучила боль. Я лежал, обложенный бутылками с горячей водой, на кушетке, которая прежде предназначалась для пациентов» (Freud. 1992. P. 229). Но его ум был по-прежнему остр. До самого последнего момента он продолжал работать.

За несколько лет до этих событий, когда Фрейд выбрал в качестве лечащего врача Макса Шура, он взял с него клятву, что тот не позволит ему мучиться понапрасну. 21 сентября 1939 года Фрейд напомнил Шуру о его обещании. «Вы обещали не оставить меня, когда придет мое время. Сейчас в моей жизни нет ничего, кроме непрерывной муки, в ней нет никакого смысла» (Shur. 1972. P. 529). Врач давал Фрейду чрезмерно большие дозы морфина в течение 24 часов, тем самым прервав бесконечную цепь мучений.

Первоисточники по истории психоанализа: из первой лекции Фрейда в университете Кларка, 9 сентября 1909 года

Вводная лекция Фрейда в университете Кларка приводится в настоящем издании на основе перевода американского психолога Саула Розенцвейга*.

В представленном нами фрагменте из записей Розенцвейга Фрейд преимущественно обсуждает случай Анны О. Рассматриваются следующие моменты:

1. роль Брейера в развитии психоанализа;
2. симптомы Анны О;
3. гипноз как метод лечения;
4. эффект катарсиса;
5. важность припоминания тех обстоятельств, при которых симптомы расстройства появляются впервые;
6. важность проявления эмоций, сопровождающих появление названных симптомов;
7. расщепление личности Анны О. на сознательную и бессознательную части.

Леди и джентльмены!

Для меня это новое и волнующее событие - выступить в качестве лектора перед столь внимательной и подготовленной аудиторией в Новом Свете. Я отношу эту честь, однако, не к своей персоне, а исключительно к заслугам психоанализа, а потому и говорить буду прежде всего о психоанализе. Я постараюсь представить перед вами весьма краткий исторический очерк становления и последующего развития этого нового метода познания и лечения.

Если кому и принадлежит честь быть основателем психоанализа, то только не мне. Не я стоял у самых ранних его истоков. Я был еще студентом, полностью поглощенным подготовкой к выпускным экзаменам, когда другой венский врач, д-р Джозеф Брейер, впервые применил этот метод для лечения истерии (1880-1882). Позвольте мне начать с рассмотрения именно этого случая и методов его лечения. Более полное описание всех обстоятельств дела вы сможете найти в опубликованном позднее нашем совместном с д-ром Брейером труде <Исследования по истерии>.

* Из книги С. Розенцвейга <Фрейд, Юнг и Холл-Творец Королей: Путешествие в историю Америки (1909). С. 397-406. Воспроизведено на основании разрешения д-ра Розенцвейга. (S. Rosenzweig. Freud, Jung and Hall the lung-maker: The historic expedition to America.)

Но прежде необходимо сделать одно важное замечание. Как я с удовлетворением обнаружил, большую часть в данной аудитории составляют люди, не являющиеся медиками по профессии. Пусть вас не беспокоит отсутствие специальных знаний, поскольку в дальнейшем изложении они нам практически не потребуются. Лишь в самом начале мы на короткое время присоединимся к профессиональным медикам, чтобы затем в скором времени покинуть их и вместе с д-ром Брейером пройти по нашему совершенно особому пути.

Пациенткой д-ра Брейера была образованная и интеллигентная молодая дама двадцати одного года от роду. За время двухгодичной болезни у нее развился ряд достаточно серьезных физических и психических симптомов, которые заставляют отнестись к этому случаю внимательно. Она страдала от жестокого паралича и отсутствия чувствительности обеих правых конечностей, иногда наблюдались аналогичные расстройства и в конечностях левой стороны тела. У нее отмечались также нарушения движения глаз и многочисленные зрительные расстройства, интенсивный *Tussis nervosa* [неконтролируемый нервный кашель]. Ей трудно было поддерживать вертикальное положение головы. У нее также случались приступы рвоты во время приема пищи, а в течение некоторого времени она вообще не могла пить, несмотря на мучившую ее жажду. У нее развивались прогрессирующие нарушения речи, что в итоге привело к тому, что она не могла ни говорить, ни понимать обращенную к ней речь матери. И, наконец, она иногда впадала в состояние так называемого «отсутствия» или полной рассеянности, бредового состояния - затрагивавшего ее личность в целом, - которое нам еще предстоит рассмотреть отдельно.

Не нужно быть профессиональным медиком, чтобы, столкнувшись с подобными симптомами, понять, что мы имеем дело с серьезной болезнью, связанной, по-видимому, с нарушениями функций мозга. Понятно также, что надежд на полное излечение не слишком много и что, скорее всего, дело может закончиться преждевременной смертью пациента. Однако опытный врач тут же поправил бы нас, отметив, что в некоторых случаях даже с подобными тяжелыми симптомами все-таки можно рассчитывать на благоприятный исход. Если речь идет о молодой женщине, чьи жизненно важные внутренние органы (сердце, почки), как показывают объективные исследования, находятся в норме и чья психика подверглась сильным эмоциональным потрясениям, а симптомы болезни отличаются некоторыми устойчивыми, вплоть до мелочей, характеристиками, опытный врач не станет рассматривать такой случай как безнадежный.

Он мог бы указать нам, что часто в подобных случаях отсутствуют органические поражения мозга. Мы имеем дело, скорее, с тем загадочным явлением, которое со времен древних греков получило название истерии и которое способно порождать значительное число симптомов, совпадающих с симптомами других серьезных органических заболеваний. В таком случае, скажут они нам, отсутствует угроза для жизни пациента, и можно надеяться на полное выздоровление. Однако, отличить истерию от случаев тяжелых органических поражений не так-то просто. Нам здесь нет нужды подробно останавливаться на способах их различения. Для нас будет достаточно знания того, что случай, с которым столкнулся д-р Брейер, позволял с уверенностью поставить диагноз «истерия». Также можно добавить, основываясь на записях в истории болезни, что указанные симптомы впервые появились у женщины тогда, когда она ухаживала за своим горячо любимым отцом во время его тяжелой и, увы, смертельной болезни. Следствием выполнения ею своего дочернего долга стало то, что вскоре она заболела сама.

Мы могли бы и дальше продолжить рассмотрение данного случая вместе с профессиональными медиками, но оставим их на время. Не следует думать, однако, что

шансы пациента на выздоровление серьезно возрастают, если ему поставлен диагноз «истерия», а не «значительное поражение мозга». Медицина часто бессильна при лечении серьезных поражений мозга, но в равной мере она бессильна и перед лицом истерии. В большей степени приходится полагаться на милость матери-природы, чем следить за точным выполнением намеченного графика лечения...

Было замечено, что наша пациентка во время приступов глубокой рассеянности часто бормотала про себя какие-то слова, что, по-видимому, было как-то связано с обуревающими ее мыслями. Врач, выяснив, что именно это были за слова, погружал ее в состояние гипнотического сна и раз за разом повторял их для того, чтобы побудить ее начать ряд ассоциаций. Пациентка шла навстречу его пожеланиям и рассказывала врачу о тех психических образах, которые овладевали ее сознанием во время приступов рассеянности и проявлялись как отдельные не связанные между собой фрагменты. Это были глубоко трагичные и часто поэтичные фантазии (их можно назвать грезами), которые, как правило, начинались с видения молодой девушки, которая ухаживает за своим больным отцом. Как только она рассказывала об этих фантазиях, в ее состоянии, казалось, наступало облегчение. Подобные улучшения длились по несколько часов, однако на следующий день неизменно сменялись новыми приступами рассеянности, которые удавалось снять лишь повторением указанной процедуры.

Складывалось отчетливое впечатление, что все эти психические нарушения, проявлявшие себя в состояниях <отсутствия>, сами были следствием фантазий чрезвычайно высокой степени эмоциональной напряженности. Сама пациентка, которая в тот период своей болезни могла понимать и говорить только по-английски, называла этот новый лечебный метод «целебными беседами», или в шутку – «уборкой мусора».

Скоро стало понятно, что значительно легче произвести подобную чистку сознания, чем заниматься сугубо временным снятием постоянно возвращающихся психических нарушений. Исчезновения болезненных симптомов удавалось добиться, если пациентка под гипнозом могла вспомнить ту изначальную ситуацию, в связи с которой данные симптомы и возникли. Чрезвычайно важно также, чтобы в этот момент она могла дать волю своим эмоциям.

В то лето стояла страшная жара, и женщина страдала от мучительной жажды. Однако совершенно внезапно, без всяких видимых причин, оказалось, что она не в состоянии что-либо пить. Она с жадностью хватала стакан воды, но, как только подносила его ко рту, тут же отбрасывала стакан в сторону, как при приступе гидрофобии. Сразу после подобных действий она в течение нескольких мгновений погружалась в состояние полного <отсутствия>. Она могла есть только фрукты, дыни или что-то вроде этого, чтобы смягчить мучившую ее жажду. Однажды, когда она уже в течение шести недель находилась в подобном состоянии, пациентка как-то обмолвилась под гипнозом о некой своей компаньонке-англичанке, к которой она испытывала неприязненные чувства. Она с отвращением рассказывала о том, как однажды, заглянув в комнату компаньонки, увидела, как ее собачонка - поистине отвратительное создание - лакала воду прямо из стакана. Будучи хорошо воспитанной, Анна ничего не сказала компаньонке. После того, как она дала во время сеанса выход подавленному гневу, пациентка попросила стакан воды и совершенно свободно сделала большой глоток. В тот же момент она пробудилась от гипнотического сна. С тех пор эти симптомы совершенно перестали ее мучить.

Позвольте мне остановиться на этом обстоятельстве подробнее. Еще никому не удавалось прежде снять истерические симптомы таким способом, или же столь глубоко проникнуть в понимание порождающих их причин. Это можно было бы считать открытием большой

важности, если бы удалось доказать, что и остальные симптомы, или, по крайней мере, большая их часть, имеют те же причины и, следовательно, могут быть таким же образом устранены. Брейер, не жалея сил, занялся методическим исследованием патогенеза и остальных, более серьезных симптомов.

Ожидания подтвердились. Большинство симптомов этой женщины возникли именно таким образом: как последствия, или следы, если хотите, аффективно нагруженных событий, которые мы позже окрестили «психическими травмами». Роль и особенности данных явлений можно понять из их отношения к собственно травмирующим ситуациям. Они были, если воспользоваться специальным термином, детерминированы воспоминаниями о событиях. А потому их уже нельзя было более считать просто капризами или какими-то загадочными аспектами невроза.

Здесь следует сделать еще одно замечание: за тем или иным симптомом никогда не стояло только какое-то одно событие. Напротив, большинство описываемых симптомов возникало в результате переплетения множества, зачастую, весьма похожих друг на друга, повторяющихся травм. Таким образом, для успешного хода лечения нужно было воспроизвести всю цепь патогенных воспоминаний, причем в обратном хронологическом порядке. Совершенно невозможно было подобраться к более ранним и, как правило, более явным травмам, если мы упустили что-то из следующих за ними событий.

Без сомнения, вам хотелось бы услышать анализ случаев возникновения и других истерических симптомов у этой женщины. Как мы видели, невозможность употреблять какие-либо жидкости развилась у нее вследствие отвращения, которое она испытала, увидев, как собака пьет воду из стакана. Однако, если я намереваюсь оставаться в пределах своей программы, мне придется ограничиться здесь лишь отдельными замечаниями. Брейер полагал, что происхождение зрительных расстройств у пациентки можно проследить до того периода, когда она находилась у постели больного отца. Отец внезапно спросил ее, который час. Слезы застилали глаза, и ей пришлось поднести циферблат к глазам так близко, что она почти уткнулась в него носом (сравните с развившейся у нее впоследствии макropsией и конвергентным косоглазием). Усилием воли она заставила себя унять слезы, так что отец ничего не заметил.

Аналогичным образом и все остальные патогенные переживания этой пациентки берут начало в том периоде ее жизни, когда она ухаживала за умирающим отцом. Однажды ночью она в большой тревоге сидела у постели отца, поскольку у того был сильный жар, а хирург, который должен был делать операцию, еще не прибыл из Вены. Ее мать вышла на некоторое время, а Анна сидела возле постели больного, опершись правой рукой на спинку стула. Постепенно она начала грезить. Ей привиделось, как большая черная змея подползает к постели отца, как будто хочет его ужалить. (Вполне вероятно, что на лужайке за их домом водились змеи, и внезапная встреча с одной из них в детстве и послужила основой данной галлюцинации.)

Она хотела прогнать змею, но, как оказалось, не могла двинуть рукой. Правая ее рука - та, что лежала на спинке стула, - как бы <заснула>. Она стала бесчувственной и не слушалась хозяйку [ощущения онемения и покалывания]. Взглянув на руку, женщина увидела, что ее пальцы превратились в маленьких змей с черепами вместо голов (ногти). Вероятно, она попыталась прогнать змею своей парализованной правой рукой, и потому ощущения потери чувствительности и паралича стали ассоциироваться с галлюцинаторным видением змеи. Когда видение исчезло, она в великой тревоге попыталась молиться, но речь покинула ее. Она не могла говорить ни на одном языке, пока, наконец, ей не пришел

на ум английский детский стишок. После этого она могла думать и молиться только по-английски.

Как только под гипнозом удалось вспомнить эти события, паралич правой руки, который не оставлял ее с самого начала болезни, прошел без следа. Таким образом, лечение оказалось успешным.

Когда много позже я стал применять метод д-ра Брейера в своих исследованиях и лечебной практике, мои результаты полностью совпадали с данными моего коллеги...

Леди и джентльмены, если мне будет позволено сделать обобщения, неизбежные в столь кратком выступлении, я могу сказать, что все эти результаты можно свести к одной формуле: больные истерией пациенты страдали от своих собственных воспоминаний. Все их симптомы есть ни что иное, как следы, осколки, присутствующие в их памяти символы определенных (травматических) событий. Сопоставление их с символами в других областях нашей жизни, возможно, позволит глубже понять эти явления. Так, мемориалы и монументы, которыми мы украшаем наши города, - также есть не что иное, как символы. Если вы отправитесь на пешеходную прогулку по Лондону, то перед одной из железнодорожных станций внутри города сможете увидеть изумительной красоты готическую колонну - Чэринг Кросс. В тринадцатом веке один из королей династии Плантагенетов, перевозя тело своей усопшей любимой жены королевы Элеоноры в Вестминстер, воздвигал готические кресты на каждой станции, где останавливалась процессия с гробом. Чэринг Кросс - это последний сохранившийся монумент в память об этой скорбной процессии.

В другом месте, неподалеку от моста Лондон Бридж можно увидеть еще одну, уже более современную и еще более величественную колонну, называемую просто Монумент. Он напоминает нам о грандиозном пожаре, разразившемся в этом районе в 1666 году и уничтожившем большую часть города.

Памятники - это такие же символические явления, как и симптомы истерии. По крайней мере, до сих пор это сравнение представляется оправданным. Но что бы вы сказали какому-нибудь современному жителю Лондона, который застыл бы в скорби и печали перед погребальным монументом королевы Элеоноры вместо того, чтобы пойти и заняться своим делом со всей поспешностью, столь свойственной нашему индустриальному обществу, или возрадоваться своим маленьким радостям? Или представьте себе, что некто стоит перед Монументом и оплакивает гибель в огне горячо любимого им родного города, когда тот уже давно отстроен и с тех пор стал еще более прекрасным и величественным. Что по этому поводу можно сказать? Пациенты-истерики все являются в то же время невротиками и в значительной мере похожи на наших двух чудаков-лондонцев. Похожи не только в том, что сохраняют привязанность к своим мучительным переживаниям давнего прошлого, но и в том, что эти переживания для них все так же актуальны. Они не могут освободиться от собственного прошлого. Фиксируя на нем внимание, они тем самым отрицают реальность настоящего. Подобная фиксация психики на патогенных травмах - самая главная черта неврозов, что имеет и теоретическое, и практическое значение.

Спешу согласиться с возможным возражением, которое, вероятно, уже созрело у вас при рассмотрении данного случая. Все травмы пациентки д-ра Брейера, как мы видели, берут начало в том периоде ее жизни, когда она ухаживала за умирающим отцом, а потому все названные симптомы можно расценить как следы тягостных воспоминаний о зрелище болезни и смерти близкого человека. Они просто выражают состояние горя, и в самой по

себе фиксации на них нет ничего патологического. Напротив, все это - совершенно естественное проявление тяжелых душевных испытаний.

Я готов признать такую позицию. Фиксация на травмах в случаях, подобных нашему, вовсе не является удивительной. Но в других случаях... сцепленность аномальных симптомов с прошлым видна совершенно отчетливо. Вполне вероятно, что и у пациентки д-ра Брейера произошло бы то же самое, если бы не благотворное воздействие катартических лечебных сеансов, полученных ею непосредственно после перенесенной травмы.

До сих пор мы обсуждали связь истерических симптомов лишь с историей жизни пациентки. Рассмотрев два другие аспекта, выделенные д-ром Брейером, мы сможем получить необходимый ключ для понимания и теоретического осознания как процесса развития болезни, так и хода ее излечения. Что касается первого из них, следует отметить особо, что эта дама во всех патогенных ситуациях подавляла овладевавшее ею напряжение вместо того, чтобы дать ему возможность свободно разрядиться в соответствующих эмоциях, словах или поступках. Например, в том незначительном эпизоде с собачкой компаньонки она жестко подавила в себе малейшие проявления охватившего ее чувства отвращения. В других эпизодах, находясь у одра умирающего отца, она постоянно следила за тем, чтобы ни единым намеком не выдать переполнявшие ее тревогу и боль. Когда впоследствии она воспроизвела эту сцену в кабинете врача, все подавленные прежде эмоции бурным потоком хлынули наружу. В самом деле, симптомы, связанные с упомянутой сценой, достигли своей наивысшей интенсивности тогда, когда врач сумел подойти вплотную к подлинным их причинам, и исчезли после того, как эти причины были полностью осознаны.

С другой стороны, опыт отчетливо показывает, что воспоминание подобных сцен в присутствии врача не дает желаемого результата, если по каким-либо причинам не происходит эмоциональной разрядки. Именно эти аффекты [эмоции], которые прежде подвергались вытеснению, и являются решающим основанием как для развития болезни, так и для последующего излечения.

Все это подводит нас к заключению, что болезнь возникает в результате того, что эмоции, порождаемые патологическими ситуациями, не получают нормальной разрядки. Суть подобной болезни состоит в патологическом развитии сопутствующих ситуации сильных аффектов. Частично они сохраняются в качестве своего рода бремени в психической жизни и создают источник постоянного напряжения. Частично же они трансформируются в необычные сочетания физического возбуждения и торможения, проявляющиеся впоследствии в различных соматических симптомах, как это было в данном случае. Этот последний процесс мы назвали «истерической конверсией».

Некоторая часть нашего психического возбуждения в нормальной ситуации выражает себя в виде соматического возбуждения и образует то, что мы называем «проявлением эмоций». Истерическая же конверсия многократно усиливает эту часть психического аффективного насыщенного процесса [разряда психической энергии, направленного на какой-либо объект или человека]. Все это приводит к гораздо более интенсивному проявлению эмоций, направляемому в новое русло. В самом деле, если мы имеем некий поток, который течет по двум руслам, то если в одном из них случится затор, то другое неизбежно переполнится.

Обратите внимание, в ходе наших рассуждений мы пришли к чисто психологической теории истерии, ведущее место в которой принадлежит аффективным процессам. Однако

теперь повторное обращение к наблюдениям д-ра Брейера заставляет нас признать существенную роль в характеристике патологического процесса сознательных факторов. У нашей пациентки наблюдалось множество любопытных психических состояний - чувства «отсутствия», рассеянности, изменения личности наряду с обычным ее состоянием. Причем, в нормальном состоянии она ничего не знала ни о каких патогенных ситуациях и их связи с болезненными симптомами. Она забыла об этих событиях, или, по крайней мере, устранила из них все патогенные связи. Под воздействием же гипноза удалось, хотя и не без труда, воскресить в ее памяти эти сцены, а тем самым и восстановить подвергшиеся вытеснению симптомы.

Если вы не обладаете достаточным опытом применения гипноза, то как-то понять или истолковать подобную ситуацию окажется довольно затруднительно. На основе исследования гипнотических явлений постепенно становится понятным, каким бы нелепым это ни казалось поначалу, что в сознании человека время от времени возможно появление отдельных психических образований, сравнительно независимых друг от друга. Они как бы ничего друг о друге «не знают», создавая тем самым возможность расщепления сознания.

Иногда в психиатрической практике попадают такого рода случаи. Они получили название «расщепленного сознания» или раздвоения личности. Если при таком раздвоении личности сознание остается преимущественно связанным с какой-то одной из таких половин, то ее называют сознательным психическим состоянием, другая же половина именуется бессознательным.

Хорошим примером того влияния, которое бессознательное может оказывать на сознание, может послужить известное явление постгипнотического внушения, когда приказание, полученное в состоянии гипноза, выполняется уже позже, в нормальном состоянии. Более того, это явление может быть использовано и в качестве модели для понимания феномена истерии. Брейер пришел к заключению, что истерические симптомы возникают в особых психических состояниях, которые он назвал гипноидальными. В подобных состояниях аффективная стимуляция быстро приобретает патогенный характер потому, что отсутствуют условия для нормальной разрядки возникающих сильных эмоций.

В результате, после эмоционального возбуждения возникает некое специфическое явление - симптом, который внедряется в нормальное состояние сознания как инородное тело. Сознание при этом остается в полном неведении относительно этой гипноидальной, патогенной ситуации. Таким образом, возникает своеобразная амнезия, провал в памяти, который усугубляется еще и тем, что изначальные условия возникновения симптома отсутствуют.

Боюсь, что эта часть моего выступления может показаться недостаточно ясной. Однако следует помнить, что мы имеем дело с новыми, достаточно сложными концепциями, которые в настоящий момент вряд ли возможно изложить яснее. Это обстоятельство, впрочем, еще раз подтверждает, что мы не слишком далеко продвинулись по пути познания. Брейеровское понятие гипноидальных состояний, однако, в дальнейшем оказалось не совсем удачным, и современный психоанализ им не пользуется. В скором времени вы еще услышите кое-что о тех процессах, которые скрываются за этим неудачным понятием. Сейчас же у вас могло сложиться впечатление, что формулировка Брейера давала лишь поверхностное и потому неудовлетворительное объяснение наблюдаемым явлениям. Но помните, теории не падают с неба в готовом виде. А потому следует быть более осторожным, когда вам предлагают в самом начале исследований уже полностью завершенную теорию, в которой концы сходятся с концами. Подобная теория

может быть только плодом умозрительных спекуляций, а не результатом непредвзятого и объективного исследования.

Психоанализ как метод лечения

Фрейд обнаружил, что ассоциации в методе свободных ассоциаций далеко не всегда были столь уж свободными. Рано или поздно пациенты доходили до определенной точки, дальше которой не могли или не хотели пойти. По мнению Фрейда, подобное **сопротивление*** свидетельствовало о том, что мы имеем дело с воспоминаниями, которых пациент стыдится, или по отношению к которым испытывает отвращение. В этом случае сопротивление выступает как форма защиты сознания от слишком болезненных переживаний. Собственно, появление боли свидетельствует о том, что анализ вплотную подошел к подлинному источнику расстройства и нужно продолжать искать иные пути движения в этом направлении.

Открытие Фрейдом феномена сопротивления привело его к формулировке одного из важнейших принципов психоанализа - принципа **подавления***. Он описывал процесс подавления как выталкивание или вытеснение неприемлемых по каким-либо причинам идей, воспоминаний или желаний из сферы сознания. При этом данные воспоминания и желания продолжают существовать и действовать, но на уровне бессознательного. По мнению Фрейда, принцип подавления является единственно приемлемым объяснением феномена сопротивления. Неприятные идеи или импульсы выталкиваются из сознания и насильно удерживаются вне его пределов. Задача врача в подобной ситуации состоит в том, чтобы помочь пациенту восстановить в сознании вытесненный материал. Это даст человеку возможность встретиться с этими переживаниями лицом к лицу и научиться их контролировать.

Фрейд также обнаружил, что одним из важных условий успешности лечения неврозов было установление близких личных отношений между врачом и пациентом. Ранее мы уже отмечали, что в случае Анны О. произошел некий перенос, отождествление отца с личностью врача. Как вы помните, это событие настолько поразило Брейера, что он вынужден был прекратить лечение. По Фрейду же, наоборот, подобный перенос - важнейшая часть терапевтического процесса. Одной из задач своего лечебного метода Фрейд ставил освобождение пациента от его детской по существу зависимости от терапевта. Необходимо было помочь ему усвоить более взрослую роль в психической жизни.

Еще одним существенным моментом лечебного метода во фрейд-довском психоанализе является анализ сновидений. По мнению Фрейда, сновидения представляют собой замаскированную форму удовлетворения подавленных желаний. Их суть состоит в том, чтобы служить своеобразным осуществлением желания. Сны имеют как явное, так и скрытое, латентное содержание. Явное содержание - это то, что человек рассказывает о своем сновидении, припоминая события, происходившие во сне. Однако, настоящий смысл сновидения заключен в его латентной части и вскрывается лишь в процессе символического истолкования.

* сопротивление - блокирование или отказ от раскрытия слишком болезненных воспоминаний при использовании метода свободных ассоциаций.

* подавление - процесс блокирования и вытеснения из сознания неприемлемых по каким-либо показаниям идей, воспоминаний или желаний. При этом данные воспоминания и желания продолжают существовать, но на уровне бессознательного.

По убеждению Фрейда, пациенты могут выразить свои подавленные желания - латентное содержание сновидений - исключительно в символической форме. И хотя некоторая часть подобных символов имеет личностный характер и относится только к данному пациенту, тем не менее, значительная часть символов присуща всем людям (см. табл.13.1). Несмотря на универсальность приводимых символов, толкование конкретных сновидений требует знания специфических для данного пациента проблем.

Таблица 13.1. Символизм сновидений, или события и их латентное психоаналитическое значение.

Символ	Толкование
Здание с ровным, однородным фасадом	Мужское тело
Здание с выступами, рельефом, балконами	Женское тело
Король и королева	Родители
Мелкие животные	Дети
Дети	Гениталии
Играть с детьми	Мастурбация
Лысина, удаление зубов	Кастрация
Любые продолговатые объекты (например, крупные ветви деревьев, зонтики, галстуки, змеи, свечи)	Мужские гениталии
Любые объекты, допускающие вкладывание в них чего-либо (например, коробки, ящики, духовые шкафы, чуланы и кладовки, пещеры, карманы одежды)	Женские гениталии
Подниматься по лестнице, водить автомобиль, ехать на лошади, пересекать мост	Половые сношения
Купание	Роды
Отправляться в путешествие	Смерть
Оказаться голым в толпе	Желание быть замеченным
Полет	Желание быть предметом восхищения
Падение	Желание вернуться в то состояние, когда человек чувствовал себя в безопасности и под защитой (как это было в детстве)

Не все сновидения возникают из эмоциональных конфликтов. Некоторые из них имеют куда более прозаические причины: температура воздуха в спальне, контакт с партнером, перегрев тела непосредственно перед отходом ко сну. А потому и не все сновидения содержат в себе скрытый или символический материал.

Без стремления помогать

Несмотря на то, что психоанализ получал все большее признание как метод лечения, самого Фрейда это не слишком интересовало. Он вообще не собирался ограничиваться только лечением: в его намерения входило прежде всего понимание фундаментальной динамики поведения человека. Сам себя он считал в большей степени исследователем, чем терапевтом, а методы свободных ассоциаций и толкования сновидений рассматривал преимущественно как способы сбора данных. То, что эти методы обладали к тому же и терапевтическими качествами, по мнению Фрейда, имело лишь вторичное значение.

Скорее всего по причине недостатка личного интереса к лечению на лечебных сеансах, как сообщают пациенты, Фрейд выглядел вялым, индифферентным, говорил короткими, отрывистыми фразами. Он обычно ставил свое кресло в головах у кушетки пациента, чтобы пациенты его не видели. Иногда он даже засыпал во время сеансов. «У меня нет особого стремления помогать им», - заметил Фрейд однажды (цит. по: Jones. 1955. P. 446). Его страстью и подлинным интересом всегда было научное исследование, создание теории функционирования человеческой личности.

Исследовательский метод Фрейда

Фрейдовская система весьма существенно отличалась от традиционной экспериментальной психологии как по содержанию, так и по применяемым методам. Несмотря на всю свою научную подготовку, Фрейд не пользовался традиционными экспериментальными методами исследования. Он не занимался сбором данных в ходе контролируемого эксперимента и не использовал статистических методов анализа результатов.

Фрейд мало полагался на обычный экспериментальный подход, хотя и был убежден в том, что его работа носит строго научный характер, а анализ историй болезни пациентов и его собственный самоанализ, по его мнению, дают достаточно оснований для выводов. Фрейд писал:

Когда я впервые поставил перед собой задачу вывести на поверхность то, что скрыто в психике человека, причем, используя не принуждающую силу гипноза, а полагаясь лишь на тщательное исследование того, что говорит и делает пациент, мне казалось, что задача сложнее, чем это оказалось на самом деле. Имеющий глаза и уши, сам может убедиться в том, что ни один смертный не в состоянии хранить свои секреты. Если молчат уста, состояние человека выдает дрожание пальцев. Иными словами, предательство сочится из каждой поры его тела. Таким образом, задача исследования даже самых потаенных областей человеческой психики оказывается вполне выполнимой. (Freud. 1901/1905b. P. 77-78.)

Фрейд формулировал и развивал свои идеи как нечто совершенно очевидное - как, например, в приведенном выше фрагменте. При создании теории он больше всего полагался на собственное критическое чутье. Он настаивал на том, что только сами психоаналитики могут судить о научной ценности его работ. Фрейд полностью игнорировал критику со стороны других исследователей, в особенности тех, кто не симпатизировал психоанализу. Он редко снисходил до того, чтобы отвечать на критику. Психоанализ - это его детище, его и только его.

Психоанализ как теория личности

Фрейдовская система занималась не только теми вопросами, которые обычно входили в учебники по психологии того времени. В большей степени его интересовали те сюжеты, которые, как правило, прежде оставались без внимания: бессознательная мотивация поведения, конфликты между силами бессознательного и их последствия для психики человека.

Инстинкты

Инстинкты* - это движущие, мотивационные силы личности, биологические факторы, высвобождающие запасы психической энергии. Хотя термин *instinct* и получил распространение в английском языке, это не совсем то, что имел в виду Фрейд. Он никогда не использовал немецкий термин *instinkt* по отношению к человеку, но только при описании влечений животных. Для характеристики человеческого поведения Фрейд пользовался термином *tribe*, который можно было бы перевести как <побуждающая сила> или <импульс> (Bettelheim. 1982).

Для Фрейда инстинкты - это не врожденные рефлексy, как обычно понимают данный термин, а, скорее, та часть стимуляции, которая исходит от тела. Целью инстинктов является устранение или ослабление стимуляции при помощи определенных типов поведения, таких как еда, питье или сексуальная активность,

Фрейд не ставил перед собой задачу дать детальную классификацию всех человеческих инстинктов. Он говорил всего лишь о двух больших группах: инстинкты жизни и инстинкты смерти. Инстинкты жизни включают в себя голод, жажду, секс и направлены на самосохранение особи и выживание вида. Это созидательные, поддерживающие жизнь силы. Та форма психической энергии, в которой они проявляют себя, получила название **либидо***. Инстинкты смерти - это разрушительные силы, которые могут быть направлены как вовнутрь (мазохизм или самоубийство), так и вовне (ненависть и агрессия). К концу жизни Фрейд все больше и больше приходил к убеждению, что инстинкт агрессии может быть столь же могуществен в качестве фактора мотивации, как и секс.

В идее инстинкта смерти мы имеем еще один пример автобиографического характера фрейдовской системы. Фрейд обратил внимание на него только тогда, когда смерть стала фактором личного опыта: его болезнь прогрессировала, он стал свидетелем всех ужасов войны, его дочь Софи умерла в возрасте 26 лет, оставив сиротами двух детей. Фрейд был сильно потрясен потерей и спустя менее чем три недели после ее смерти впервые заговорил об инстинкте смерти.

Фрейд также стал отмечать и значительный уровень агрессии в самом себе. Многие его коллеги отзываются о нем как о легко впадающем в гнев человеке. В целом ряде работ Фрейда помимо язвительности в отношении отступников психоаналитического движения наблюдается также и высокий уровень личной агрессии.

Представление об агрессии как одном из мотивационных факторов было встречено психоаналитическим сообществом с большим пониманием, чем идея инстинкта смерти. Один из авторов писал, что это представление следует отправить <в мусорный ящик истории> (Becker. 1973. P. 99). Другой же исследователь отмечал: если и верно, что Фрейд - гений, то появление подобной идеи свидетельствует о том, что и у гениев бывают свои неудачные дни (Eissler. 1971).

Сознательные и бессознательные аспекты личности

В своих ранних работах Фрейд отмечал, что психическая жизнь человека состоит как бы из двух частей - сознательной и бессознательной. Сознательная часть - как верхушка

* Инстинкты - психические показатели внутренних стимулов деятельности, таких, например, как голод, которые побуждают человека совершать некоторые действия.

* Либидо - форма психической энергии, побуждающая человека стремиться к действиям и мыслям, доставляющим наслаждение.

айсберга - невелика и, в общем-то, не имеет существенного значения. Она выражает лишь поверхностные аспекты личности в целом. Обширная и мощная область подсознания, как подводная часть айсберга, содержит в себе инстинкты и движущие силы всего поведения человека.

Со временем Фрейд пересмотрел это простое деление на созна-тельное/бессознательное и стал говорить о соотношении трех компонентов - *ид*, *эго* и *супер-эго*, или *оно*, *Я* и *сверх-Я*. Область *ид**. которая приблизительно соответствует тому, что Фрейд ранее называл бессознательным, представляет собой наиболее примитивную и наименее доступную часть личности. Мощнейшие силы ид включают в себя сексуальный инстинкт и агрессию. «Мы сравниваем его с кипящим котлом экзальтации», - писал Фрейд. *Ид* «не знает никаких ценностей, добра и зла, никакой морали» (Freud, 1933. P. 74). Стимулы ид требуют немедленного удовлетворения, не считаясь ни с какими обстоятельствами реальности. Они действуют в соответствии с принципом наслаждения, который ищет лишь возможности снять напряжение, стремясь к удовольствию и избегая боли. Следует отметить, что в немецких текстах Фрейд пользовался термином *es*, что означает «оно». Этот термин был им заимствован у психоаналитика Джорджа Гроддека, который в свое время послал Фрейду рукопись своей работы под названием «Книга Оно» (Isbister, 1985).

Ид является основным источником нашей психической энергии, либидо, которая проявляет себя в виде напряженности. Возрастание энергии либидо приводит к увеличению напряженности, которую мы затем пытаемся различными способами свести до приемлемого уровня. Для того, чтобы удовлетворять свои потребности и поддерживать комфортный и приемлемый уровень напряженности, мы должны взаимодействовать с реальным миром. Голодный человек, например, должен что-то предпринять и найти пищу, что снимет вызванное голодом напряжение. А потому необходимо установить соответствующие связи между потребностями ид и реальными обстоятельствами.

*Эго**, *Я* служит своего рода посредником между ид и внешним миром. *Эго* ориентируется, в противоположность нерассуждающему и полному неукротенных страстей ид, на причинные связи и рациональность. По-немецки Фрейд называет *эго* *ich*, что соответствует местоимению «Я». Сам он почему-то недолюбливал термин «*эго*» и редко им пользовался (Holt, 1989).

Ид полно слепых вожделений, оно не соотносит себя с реальностью. *Эго* сознает реальность, манипулирует ею и, тем самым, регулирует деятельность ид. *Эго* следует принципу реальности, сдерживая вожделеющие порывы ид до тех пор, пока не будет найден подходящий объект, при помощи которого потребность может быть удовлетворена, а психическое напряжение снято.

Эго не существует отдельно от ид. Более того, *эго* черпает свою силу в ид. Само *эго* существует, собственно, для того, чтобы помогать ид. Оно направлено на то, чтобы способствовать осуществлению вожделений ид. Фрейд сравнивает их соотношение с взаимосвязью лошади и всадника: от лошади исходит энергия движения, благодаря ей движется и всадник. Но эта энергия должна постоянно направляться поводьями, иначе в один прекрасный момент лошадь может сбросить всадника на землю. Точно так же ид должно направляться и контролироваться, иначе рациональное *эго* будет сброшено и растоптано.

* Ид (Оно) - источник психической энергии, аспект личности, включающий и себя преимущественно инстинкты.

* *Эго* - структурный компонент личности, ответственный за направление и контролирование инстинктов.

Третий компонент структуры личности, по Фрейду, - **супер-эго***, сверх-Я. Это образование возникает еще в раннем возрасте, когда ребенок усваивает правила поведения, внушаемые ему родителями и воспитателями при помощи системы поощрений и наказаний. Те виды действий, которые встречают осуждение и караются, служат основой для развития сознания ребенка, которое, в свою очередь, составной частью входит в супер-эго. Те действия, которые получают одобрение со стороны родителей или социальной группы, становятся частью идеала-Я, еще одной составляющей супер-эго. Таким образом, поведение ребенка изначально контролируется родительским поведением. Но с тех пор, как в супер-эго сформировалась модель надлежащего поведения, норма, поведение уже направляется при помощи самоконтроля. Начиная с этого момента, человек уже сам вырабатывает для себя поощрения и наказания. Фрейдский термин «супер-эго» (по-немецки *uber-ich*) буквально совпадает с термином «сверх-Я».

Супер-эго представляет собой моральность. По словам Фрейда, это <непрерывное стремление, тяга к совершенству. Короче говоря, оно воплощает в себе все представления о высших сторонах личности человека, какие только мы в состоянии психологически в себя вместить> (Freud. 1933. P. 67). Поэтому понятно, что супер-эго не может не конфликтовать с ид. В отличие от эго, которое пытается отсрочить исполнение желаний ид до более подходящего случая, супер-эго намеревается полностью подавить эти вожделения.

В итоге, эго предстает, по Фрейду, как арена непрерывной борьбы мощных и несовместимых сил. Ему постоянно приходится маневрировать между молотом и наковальней, пытаясь справиться с настойчивостью и нетерпением ид, соотносить свои действия с реальностью, снимать психическое напряжение и при этом еще иметь дело с непрерывным стремлением супер-эго к совершенству. В тех случаях, когда эго подвергается слишком сильному давлению, возникает ситуация, называемая тревогой.

Тревога

Тревога - это своего рода предупреждение о том, что эго в опасности. Фрейд говорит о трех типах тревоги: объективной, невротической и моральной. Объективная тревога возникает под воздействием реальных опасностей в реальном мире. Другие же два типа тревоги уведут от мира прочь.

Невротическая тревога возникает из осознания тех потенциальных опасностей, которые проистекают из потворствования инстинктам ид. Это не боязнь инстинктов самих по себе, но, скорее, страх тех наказаний, которые могут последовать за неразборчивым следованием позовам ид. Иными словами, невротическая тревога - это боязнь понести наказание за проявление импульсивных желаний.

Моральная тревога возникает из опасения заслужить чье-либо осуждение. Если человек делает или даже просто собирается сделать нечто, что противоречит его моральным принципам, он обычно испытывает чувство вины или стыда. Моральная тревога зависит, таким образом, от того, насколько развито у человека чувство вины. Менее моральные люди будут менее подвержены тревоге этого типа.

Тревога создает чувство напряженности, заставляя таким образом сознание предпринимать какие-то действия для снижения напряженности. Фрейд выдвинул

* Супер-эго - моральный аспект личности, ответственный за усваивание родительских и общественных ценностей и стандартов.

предположение, что эго возводит своеобразную преграду против тревоги - **защитные механизмы***, которые представляют собой подсознательное отрицание или искажение реальности (см. табл. 13.2), Например, при использовании механизма идентификации человек подражает манерам какого-то иного человека, кем он восхищается и кто кажется ему менее уязвимым в тревожных ситуациях. При сублимации происходит подмена тех потребностей, которые не могут быть удовлетворены непосредственно, на социально приемлемые цели. Так, например, психическую энергию секса можно из этой сферы направить на цели художественного творчества. В ситуации проекции источником тревоги объявляется кто-то другой. В реактивной формации человек скрывает тревожащие его импульсы тем, что превращает их в нечто противоположное. Например, замещает ненависть любовью. Механизм регрессии включает в себя поведение, характерное для более ранних ступеней развития, когда человек чувствовал себя в большей безопасности и был менее подвержен тревоге.

Психосексуальные стадии развития личности

Фрейд был убежден, что истоки невротических расстройств надо искать в детских переживаниях пациентов. Таким образом, он стал первым теоретиком, указавшим на важность исследования детства для понимания природы психики. По его мнению, базовые черты личности человека формируются почти полностью к пятому году жизни.

С точки зрения психоаналитической теории развития, ребенок проходит в своем развитии ряд **психосексуальных стадий***. В этот период ребенок выступает как автоэротичное существо, то есть он получает чувственное удовольствие от стимуляции эрогенных зон своего тела родителями или другими людьми во время нормального хода воспитательного процесса. Считается, что для каждой такой стадии характерна своя эрогенная зона.

Оральная стадия начинается от рождения и длится до второго года. В течение этого периода все первичные чувственные удовольствия связаны со ртом ребенка: сосание, покусывание, глотание. Неадекватное развитие на этой стадии - слишком много или слишком мало - могут породить оральный тип личности, то есть человека, который излишне много внимания уделяет привычкам, связанным со ртом: курение, поцелуи и поглощение еды. Фрейд считал, что весьма широкий спектр взрослых привычек и черт характера - от чрезмерного оптимизма до сарказма и цинизма - коренится именно в этой детской оральной стадии.

На анальной стадии основной источник удовольствия перемещается ото рта к области ануса. Ребенок преимущественное удовлетворение получает от этой зоны тела. Именно в это время ребенка начинают приучать самостоятельно пользоваться туалетом. При этом ребенок может как проявлять повышенную активность, так и вообще отказываться от дефекации. И тот и другой случаи свидетельствуют об открытом неповиновении родителям. Конфликты на этой стадии развития могут привести к появлению во взрослом состоянии двух различных типов личности: анально-изгоняющего (неопрятный, расточительный и экстравагантный тип человека) и анально-удерживающего (невероятно чистоплотный, опрятный и организованный тип).

* Защитные механизмы - определенные типы поведения, призванные защитить Я от тревоги, порождаемой конфликтами в повседневной жизни.

* Психосексуальные стадии - стадии развития ребенка, когда его психика концентрируется вокруг определенных эрогенных зон.

Таблица 13.2. Защитные механизмы, по Фрейду.

Отрицание: Отрицание наличия внешней угрозы или травматического события. Например, смертельно больной человек отрицает неминуемость смерти.

Замещение: Переключение импульсов Id с одного объекта, недоступного или таящего в себе угрозу, на другой, более доступный. Например, замещение неприязни к босу на придирчивость по отношению к собственному ребенку.

Проекция: Вызывающий тревогу импульс приписывается кому-то другому. Например, некто утверждает, что на самом деле это вовсе не он ненавидит своего профессора, а тот его недолюбливает.

Рационализация: Переформулирование поведения таким образом, что оно становится более понятным, более приемлемым, а потому и менее пугающим для окружающих. Например, можно заявить, что работа, с которой вас только что уволили, на самом деле была не столь уж и хороша.

Реактивная формация: Подмена одного импульса Id на другой, противоположный первому. Например, некто, кого одолевают сексуальные вожделения, может вдруг стать страстным борцом с порнографией.

Регрессия: Возвращение к ранним, казавшимся более безопасными, стадиям психической жизни. Появление у взрослого человека черт детского, зависимого поведения, ассоциирующимся со счастливыми временами.

Подавление: Отрицание существования какого-то фактора или события, вызывающего тревогу. Например, невольное вытеснение из сознания некоторых воспоминаний или переживаний, вызывающих сильный дискомфорт.

Сублимация: Изменение или замещение некоторых импульсов Id через переключение энергии инстинкта на социально приемлемые цели. Например, перевод сексуальной энергии в сферу художественного творчества.

Во время фаллической стадии развития, которая приходится на четвертый год жизни ребенка, основное его внимание сосредотачивается на эротическом удовлетворении, что включает в себя любование и демонстрацию гениталий и сексуальные фантазии. Фрейд описывает эту стадию при помощи понятия **эдипова комплекса**.^{*} Как известно, Эдип - это персонаж древнегреческой мифологии, который, не ведая того, убивает своего отца и женится на собственной матери. По мысли Фрейда, на этой стадии у ребенка развивается влечение к родителю противоположного пола и неприятие родителя одного с собой пола, который теперь воспринимается как соперник. По всей видимости, материалом для такого заключения послужили его собственные детские переживания. «У себя самого я также обнаружил признаки влечения к матери и ревности по отношению к отцу» - писал Фрейд (Freud, 1954, P. 223).

Как правило, ребенку удастся преодолеть эдипов комплекс через отождествление себя с родителем своего пола и замещением влечения к родителю противоположного пола нормальным сексуальным влечением к другим людям. Однако, тот опыт отношения к

^{*} Эдипов комплекс - бессознательное влечение мальчика к собственной матери, а также желание заменить собой или устранить отца. Этот комплекс, по мнению Фрейда, появляется в возрасте 4-5 лет.

противоположному полу, который формируется на данной стадии, сохраняется и впоследствии продолжает оказывать влияние на все взаимоотношения с партнерами противоположного пола. Одним из следствий отождествления с родителем одного с собой пола является развитие супер-эго. Принимая манеры и позицию родителя, ребенок тем самым усваивает и нормы его супер-эго.

После того, как пройдены все перипетии этих начальных стадий, ребенок вступает в длительный латентный период, который продолжается с 5- до 12-летнего возраста. После этого, по мысли Фрейда, под натиском пубертатных сигналов у ребенка начинается *генитальная* стадия. В этот период преимущественное значение приобретает гетеросексуальное поведение, и человек начинает готовиться к супружеской жизни, отцовству или материнству, соответственно.

Механицизм и детерминизм фрейдовской системы

Структурализм, а после него бихевиоризм рассматривали человека как своего рода машину, что прежде всего выражалось в убеждении, что человеческая психика и поведение могут быть сведены к элементарным компонентам. Это может показаться удивительным, но и Фрейд, подхитивший к пониманию природы человека совершенно с иных позиций, также испытал на себе влияние механистической традиции. Не столь решительно, как другие психологи-экспериментаторы, но и он считал, что все психические процессы - даже сновидения - определенным образом продетерминированы. Ничто не происходит случайно или же из свободной воли. С точки зрения Фрейда, на все есть свои причины - сознательные или бессознательные мотивы. Впоследствии он даже пришел к заключению, что вообще все явления можно свести к физическим принципам.

В 1895 году Фрейд поставил перед собой задачу естественно-научного обоснования психологии. Он попытался доказать, что психология должна всецело основываться на физических принципах и что все психические явления имеют, по существу, те же самые характеристики, что и лежащие в их основе нейрофизиологические процессы. Психология, по мнению Фрейда, должна стать естественной наукой, направленной на представление «психических процессов как количественно детерминированных состояний определенных материальных компонентов и частиц» (Freud. 1895. P. 359).

Этот проект остался незавершенным, но в позднейших работах Фрейда можно отчетливо видеть идеи и термины, усвоенные им из физики, в особенности, из механики, электродинамики и гидравлики. Эти его теоретические исследования - еще один пример неполноты исторической летописи. Данная работа на протяжении более чем пятидесяти лет считалась утраченной. До того, как она была обнаружена вновь, никто и не думал, что Фрейд мог придерживаться подобных взглядов. Эта работа так и не была опубликована, и один из исследователей предположил, что «Фрейд стыдился ее, никогда публично на нее не ссылался и надеялся, что все имевшиеся экземпляры уничтожены» (Gardner. 1995. P. 68).

Впоследствии Фрейд отказался от намерения развивать психологию по образцу физики - психика явно не укладывалась в стандарты физических или химических методов исследования. Однако до конца жизни он остался верен позитивистской философии, в особенности принципу детерминизма, столь длительно питавшему всю экспериментальную психологию. Хотя Фрейд совершенно очевидно испытал влияние механистических воззрений, он, тем не менее, никогда не замыкался в их круге. Если он видел, что данный подход не работает, то, не задумываясь, отказывался от такого подхода.

К концу жизни Фрейд совершенно явственно осознавал всю недостаточность механистической концепции для понимания человека.

Взаимоотношения психоанализа и психологии

Психоанализ развивался преимущественно вне основного русла академической психологии. Подобная ситуация сохранялась в течение длительного времени. Американская академическая психология не восприняла психоаналитическую доктрину. В редакционной статье без подписи в «Журнале аномальной психологии» (*Journal of Abnormal Psychology*) за 1924 год высказывалось явное раздражение этим «нескончаемым потоком работ европейских психологов о бессознательном» (Fuller, 1986, P. 123). В данной статье они едва упоминались как совершенно недостойные внимания. Понятно, что в такой ситуации очень немногие психоаналитические работы удостоивались публикации в профессиональных изданиях. Подобная дискриминация продолжалась в течение, по меньшей мере, 20 лет.

Многие академические психологи обрушились с яростной критикой на психоанализ. В 1916 году Кристина Лэдд-Фрэнклин писала, что психоанализ - это продукт «недоразвитого... германского ума». Следует отметить, что данное суждение было вынесено в тот период, когда все немецкое воспринималось с большим подозрением на фоне германской агрессии в первой мировой войне. Роберт Вудворт из Колумбийского университета назвал психоанализ «жуткой религией», которая даже здравомыслящих людей приводит к совершенно абсурдным заключениям. Джон Б. Уотсон вообще определил фрейдовскую позицию как шаманство, вуду (цит. по: Homstein, 1992, P. 255, 256).

Несмотря на все эти едкие нападки на психоанализ со стороны лидеров академической психологии и отношение к нему как к еще одной «безумной» теории, все же некоторые фрейдовские идеи в начале 20-х годов пробили себе дорогу в американские учебники по психологии. Проблема защитных механизмов, а также явного и скрытого (латентного) содержания сновидений вполне серьезно обсуждалась в психологических кругах (Popplestone & McPherson, 1994). Однако, поскольку безусловно доминирующей школой оставался бихевиоризм, психоанализ в целом попросту игнорировался.

Однако, в 30-40-е годы психоанализ получает неожиданно широкое распространение среди публики. Сочетание секса, насилия и скрытых мотивов, а также обещание излечить от широкого спектра разнообразных эмоциональных расстройств выглядит весьма привлекательно, почти неотразимо. Официальная психология в ярости, поскольку, с ее точки зрения, люди могут спутать психоанализ и психологию, полагая, что они занимаются одним и тем же. Официальным психологам претила сама мысль, что кто-то может посчитать, что секс, сновидения и невротическое поведение - это и есть все, чем занимается психология. «В 30-е годы многим психологам стало ясно, что психоанализ - не просто еще одна безумная идея, а серьезный конкурент, угрожающий самым основаниям научной психологии, по крайней мере, в сознании широкой читающей публики» (Morawski & Homstein, 1991, P. 114).

Для того, чтобы справиться с этой угрозой, психологи решили проверить психоанализ на предмет его соответствия строгим критериям научности. Они провели «сотни исследований, чья изобретательность могла поспорить лишь с бесполезностью полученных результатов» (Homstein, 1992, P. 258). Подобный шквал исследований, хотя, по большей части, и плохо исполненных, доказал, что психоанализ существенно отстает от уровня экспериментальной психологии, по крайней мере, с точки зрения самих

приверженцев экспериментальной психологии. В итоге это позволило им вновь занять позицию «арбитров и блюстителей психологической истины» (Motawski & Homstein.1991. P. 114). Вдобавок эти исследования показали, что и академическая психология может представлять интерес для широкой публики, поскольку занимается, по существу, теми же вопросами, что и психоанализ.

В 50-е и 60-е годы многие бихевиористы занимались тем, что переводили психоаналитическую терминологию на язык своей концепции. Можно сказать, что начало этой тенденции положил сам Уотсон, когда определил эмоции всего лишь как набор привычек, а неврозы - как результат неудачного стечения обстоятельств. Скиннер также обращался к фрейдовской идее защитных механизмов психики, описывая их как форму оперантного обусловливания.

В конце концов психологи усвоили многие из фрейдовских идей, которые даже со временем вошли в основной корпус психологических теорий. Признание роли бессознательных процессов, значимости обращения к детскому опыту, исследование действия защитных механизмов - вот далеко неполный список психоаналитических идей, получивших широкое распространение в современной психологии.

Критика психоанализа

Фрейдовский метод сбора данных неоднократно подвергался критике с разных сторон. Фрейд строил свои заключения на тех сообщениях, которые он получал во время психоаналитических сеансов. Стоит ли говорить о недостатках и субъективности подобного метода по сравнению с экспериментальным методом систематического сбора объективных данных при контролируемых условиях наблюдения? Рассмотрим подробнее те претензии, которые высказывались в адрес фрейдовского метода работы с эмпирическим материалом.

Во-первых, все свои наблюдения Фрейд проводил несистематическим и неконтролируемым образом. Он никогда не делал дословных записей сообщений пациента, а работал на основе отдельных заметок, производимых зачастую через несколько часов после окончания сеанса. Понятно, что часть исходных данных (сообщений пациента) неизбежно при этом терялась по причине несовершенства памяти и неустранимой возможности искажений и неполноты записей. Таким образом, исходные данные содержат в себе лишь то, что Фрейд сумел запомнить.

Во-вторых, вполне вероятно, что, воспроизводя по памяти сообщения пациентов, Фрейд одновременно подвергал их некоторой интерпретации. Также возможно, что он был движим желанием найти материал, подтверждающий его идеи. Другими словами, возможно, что он слышал и запоминал лишь то, что хотел услышать. Конечно, нельзя исключать и такую возможность, что все заметки и записи Фрейда абсолютно точны. Но в любом случае проверить это невозможно, поскольку исходные записи отсутствуют.

В-третьих, существуют определенные расхождения между исходными заметками Фрейда, сделанными непосредственно после терапевтических сеансов, и теми историями болезни, которые он впоследствии опубликовал и которые, якобы, основываются на тех же самых заметках. Один из исследователей провел тщательное сравнение тех и других источников и обнаружил ряд расхождений. Среди них можно назвать более длительное, чем сообщалось, время анализа, неточное воспроизведение последовательности вспоминаемых во время сеанса событий, а также сделанные без достаточных оснований сообщения об успешном излечении пациентов (Eagle. 1988; Mahony. 1986). В настоящее

время уже невозможно определить, были ли эти искажения сделаны Фрейдом осознанно для того, чтобы представить больше доказательств в свою пользу, или же они происходят из его собственного бессознательного. Историки науки уже не могут провести подобные исследования на более широком материале, поскольку большинство исходных материалов своих пациентов Фрейд уничтожил.

Кроме того, после разрыва с Брейером Фрейд опубликовал описания только шести историй болезни, причем ни одно из них не содержит в себе каких-либо решающих свидетельств в пользу его системы психоанализа. «Некоторые случаи являются столь сомнительным подтверждением психоаналитической теории, что вообще не понятно, зачем Фрейд их публиковал... Описания двух случаев не полны, а проведенное лечение - явно неэффективно... В третьем случае лечение в действительности проводил не сам Фрейд» (Salloway. 1992. P. 160).

Можно привести и четвертое возражение против фрейдовского метода сбора данных. Даже если предположить, что велись дословные записи всех сообщений пациентов, все же остается неясной степень точности самих их сообщений. Фрейд совершил несколько попыток проверить сообщения пациентов о своих детских переживаниях. Его критики отмечают, что следовало бы более тщательно изучить достоверность сообщений путем опроса родственников и друзей пациентов. Таким образом, исходный момент в построении любой теории - сбор данных - в данном случае может быть охарактеризован как неполный, несовершенный и неточный.

Что касается следующей ступени теоретического исследования - выводов и обобщений - здесь также невозможно сказать что-либо определенное, поскольку Фрейд никогда не разъяснял тех причин, по которым он делал те или иные выводы. А поскольку его исходные данные не поддаются количественному или статистическому анализу, историки также не в состоянии определить степень их надежности или статистической достоверности.

Уязвимы для критики и базовые допущения Фрейда относительно природы человека. Даже его последователи признают, что он часто противоречил сам себе, а его определения базовых понятий - таких, как ид, эго и супер-эго, - недостаточно ясны. Впрочем, это обстоятельство признавал и сам Фрейд. В поздних своих работах он отмечал трудности строгого определения некоторых идей.

Многие исследователи не принимали взглядов Фрейда на природу женской психики. Он полагал, что женщины имеют менее развитое супер-эго, а также подвержены чувству неполноценности, потому что у них отсутствует пенис. Одна из заметных представительниц психоаналитического движения - Карен Хорни - даже покинула фрейдовский круг по причине несогласия с этими положениями. Она создала собственный вариант психоанализа, который исходит из прямо противоположного предположения: не женщины завидуют наличию у мужчин пениса, а, наоборот, мужчины завидуют тому, что у женщин имеется матка. Многие современные психоаналитики признают, что по большей части представления Фрейда о психосексуальном развитии женщины бездоказательны, а то и вовсе неверны.

В главах 14 и 15 мы рассмотрим работы тех психоаналитиков, которые отошли от фрейдовской системы и попытались развить свой собственный вариант психоанализа. Они прежде всего не соглашались с переоценкой влияния биологических факторов, и прежде всего секса, на развитие личности. С их точки зрения, решающими в этом процессе являются социальные факторы.

Другие неофрейдисты подвергли критике фрейдовское неприятие свободы воли и его преимущественную сосредоточенность на прошлом опыте в ущерб анализу надежд человека и его целей на будущее. Третьи критиковали то обстоятельство, что Фрейд строил свою теорию личности на основании наблюдений за невротиками, оставляя без внимания эмоциональную жизнь здоровых людей. Все эти возражения впоследствии послужили различным исследователям основанием для создания собственных вариантов теории личности. Появление подобных альтернативных теорий в лагере психоаналитиков в итоге привело к оформлению в рамках фрейдизма нескольких конкурирующих направлений.

Научные подтверждения психоанализа

Многие понятия фрейдовского психоанализа подвергались экспериментальной проверке еще в 30-е и 40-е годы, правда, с сомнительным результатом. В последние годы был проведен ряд более надежных исследований. Научная достоверность полученных Фрейдом выводов проверялась на основе анализа около двух тысяч случаев из психиатрии, психологии, антропологии и ряда других дисциплин (Fisher & Greenberg, 1977).

Итоги таковы: часть базовых понятий психоанализа - такие, как ид, эго, супер-эго, стремление к смерти, либидо и тревога, - выдержала испытание средствами науки. Другая же часть понятий была признана научно несостоятельными. Приведем ряд положений, которые, как показывает анализ публикаций, выдержали научную проверку:

- 1) некоторые характеристики орального и анального типа личности;
- 2) некоторые причинные факторы гомосексуальности;
- 3) представление о том, что сновидения приводят к снятию психического напряжения;
- 4) некоторые аспекты эдипова комплекса у мальчиков (чувство соперничества по отношению к отцу, сексуальные фантазии по поводу матери и страх кастрации).

Укажем также ряд положений, которые не получили поддержки со стороны научных методов проверки. Это следующие утверждения и предположения:

- 1) что в сновидениях в символической форме удовлетворяются ранее подавленные намерения и желания;
- 2) что под влиянием эдипова комплекса мальчики идентифицируют себя с отцом и усваивают его нормы супер-эго под влиянием страха;
- 3) что женщины имеют заниженную по сравнению с мужчинами оценку собственного тела, что у них менее развиты стандарты супер-эго и что им сложнее обрести чувство идентичности.

Более поздние исследования подтвердили существенное влияние сил бессознательного на поведение и мыслительный процесс. Причем это воздействие может носить даже более широкий характер, чем это казалось самому Фрейду (Bornstein & Pittman, 1992; Brody, 1987; Jacoby & Kelley, 1987; Silverman, 1976). Экспериментальные исследования так называемой фрейдовской оговорки также показали, что, по крайней мере, в некоторых случаях дело обстоит именно так, как это представлялось Фрейду: различного рода произвольные языковые ошибки являются следствием подсознательных конфликтов и тревоги, проявляющихся себя подобным образом (Motley, 1985).

Как отмечено выше, далеко не все понятия фрейдовской системы выдержали испытание методами науки. Так, исследования по развитию личности не подтвердили предположение, что личность в основном формируется к пяти годам и потом меняется мало. Личность человека развивается на протяжении всей его жизни и может подвергаться весьма драматичным преобразованиям после пятилетнего возраста (Kagan, Kearsley & Zeiano. 1978; Olweus. 1979). Последние исследования роли инстинктов в качестве движущих сил личности человека также показали существенную уязвимость фрейдовских формулировок (Barron, Eagle & Wolitzky. 1992).

Но, пожалуй, самым важным результатом подобных попыток научными средствами проверить фрейдовские идеи является то обстоятельство, что, по крайней мере, некоторые понятия психоанализа могут быть сведены к форме, допускающей научную проверку.

Вклад психоанализа в развитие психологии

Почему психоанализ все же выстоял, несмотря на всю научную критику в его адрес? Можно с уверенностью сказать, что до некоторой степени все теории поведения могут быть подвергнуты критике за недостаточную научную проработанность. Иногда при оценке той или иной психологической теории приходится отказываться от строгих научных критериев и мерить ее какими-то иными мерками. А потому можно сказать, что исследователи, избирающие для себя психоанализ, делают это не совсем безосновательно.

Психоанализ также предполагает подтверждение - правда, иного рода, нежели то, с которым обычно работает наука. И даже если психоаналитическое подтверждение не является таковым с точки зрения классической науки, это вовсе не значит, что теория неверна. Вера в психоанализ может опираться и на основание его интуитивной достоверности.

В целом можно сказать, что фрейдовский психоанализ оказал существенное воздействие на американскую академическую психологию. Интерес к идеям Фрейда продолжает оставаться довольно высоким. Однако популярность психоанализа как метода лечения в целом падает, если судить по количеству обращений к психоаналитикам, а также по количеству людей, желающих приобрести специальность психоаналитика. Длительная и довольно дорогая процедура традиционного психоанализа вытесняется менее длительным и менее дорогим методом психотерапии (одно из ответвлений психоанализа), а также бихевиоральной и когнитивной терапией.

Широкое применение лекарств сократило потребность в психоанализе и подобных ему методах при лечении ряда душевных расстройств. Доступность таких лекарств, как литиум и процак, вновь склонило психиатров и клинических психологов от психологической трактовки природы душевных заболеваний а сторону соматической точки зрения.

Соматический или биохимический подходы рассматривают душевные расстройства как результат нарушения химического баланса в мозге. К чему затевать долговременное и дорогостоящее психотерапевтическое лечение, если пациент может принять таблетку - и порядок? Однако, медикаментозная терапия подходит не всем и не всегда. Справедливости ради следует отметить, что Фрейд еще много раньше предвидел подобное развитие событий.

Влияние идей Фрейда на массовую культуру еще более значительно и очевидно. Оно начинает сказываться непосредственно после его визита в университет Кларка в США в

1909 году. В газетах появляются многочисленные статьи, посвященные Фрейд, и к 1920 году опубликовано уже свыше 200 книг по различным проблемам фрейдовского психоанализа. Nfrbt ;ehyfs? rfr "Ladie's Home Journal», «The Nation», «The New Republic», часто публикуют статьи о психоанализе. Ведущая студия домашнего кино МГМ (MGM) предложила Фрейд 100 тысяч долларов за помощь в работе над фильмом о любви, но он отказался. Следует отметить, что широкие слои общественности с энтузиазмом восприняли психоанализ еще задолго до того, как на него обратили внимание академические круги.

В XX веке происходит значительное ослабление запретов и ограничений на отражение сексуальных вопросов в повседневном поведении, искусстве, литературе и сфере развлечений. Широко распространено мнение, что вытесненная или подавленная сексуальность опасна для здоровья. Однако, ирония ситуации состоит в том, что собственно фрейд-довские представления о сексе были при этом существенным образом искажены. Сам он никогда не ратовал за ослабление половых запретов или за сексуальную свободу. Как раз наоборот, его собственная позиция состояла в том, что вытеснение сексуальности необходимо для развития цивилизации. Но вне зависимости от его намерений, либерализация сексуальности в наше время является отчасти следствием распространения психоанализа. Ведь именно акцент на вопросах пола в его работах привлек к психоанализу широкое общественное внимание. Даже в научных журналах статьи, посвященные вопросам секса, имеют оттенок сенсационности.

Несмотря на всю критику в свой адрес, недостаток научной строгости и некоторую методологическую слабость, фрейдовский психоанализ продолжает оставаться влиятельной силой в современной психологии. В 1929 году Е. Дж. Боринг писал в своем учебнике под названием «История экспериментальной психологии» (A history of Experimental Psychology), что психология не может выставить ни одного мыслителя ранга Дарвина или Гельмгольца. Двадцать один год спустя, во втором издании того же учебника, он пересмотрел свое мнение. Характеризуя произошедшие за это время в психологии события, с чувством неприкрытого восхищения Фрейдом, он пишет:

Теперь мы с уверенностью можем оценить его как величайшего новатора, подлинного проводника духа времени, сумевшего достроить здание психологии, введя в нее принцип бессознательного... Вряд ли кому в течение, по крайней мере, последующих трех столетий удастся написать историю психологии без упоминания имени Фрейда. А это и есть подлинный критерий величия: посмертная слава. (Boring. 1950. P. 743, 707.)

Вопросы для обсуждения

1. Опишите взаимоотношения между психоанализом и другими школами в психологии. В чем состоит тот третий удар по самолюбию человечества, который нанес Фрейд?
2. В чем вы видите основные источники, повлиявшие на развитие психоаналитического движения? С какой именно школой в области психиатрии сражался Фрейд?
3. Каково влияние на позицию Фрейда работ Дарвина, идей механицизма, общей атмосферы общественного мнения по вопросам секса в XIX веке, его собственных детских впечатлений?
4. Опишите современную оценку взглядов Фрейда по поводу детского опыта совращения. Опишите стадии психосексуального развития личности.
5. Обсудите роль случая Анны О. в развитии теории Фрейда. Каким образом Фрейд определяет следующие понятия: подавление, инстинкт, *ид*, *эго* и *супер-эго*? Что такое инстинкты жизни и н. инстинкты смерти?

6. Опишите взаимоотношение между психоанализом и основным руслом академической психологии. Расскажите о попытках Фрейда описать основные процессы в терминах механицизма и детерминизма.
7. С каких позиций велась критика психоанализа? Каковы результаты попыток экспериментального исследования основных положений фрейдовской концепции?

Рекомендуемая литература

- Decker, H. S. (1991) Freud. Dora. and Vienna 1990. New York: Free Press. В книге описывается процесс лечения Фрейдом 18-летней пациентки Доры, у которой эмоциональное истощение выражалось в виде нервного кашля и потери голоса.
- Drinka, G. F. (1984) The birth of neurosis: Myth, malady and the Victorians. New York: Simon and Schuster. В книге исследуются социальные и культурные влияния на понимание природы неврозов до Фрейда.
- Evans, R. B. & Koelsch, V. A. (1985) Psychoanalysis arrives in America: The 1909 psychology conference at Clark University. American Psychologist. 40. 942-948. Статья описывает прием, который оказали при первой встрече психоанализу американские академические круги.
- Freeman, L. & Streaan, H. S. (1987) Freud and women. New York: Continuum. В этой работе исследуются взаимоотношения Фрейда с его матерью, сестрами, женой, дочерьми, женщинами-коллегами и пациентками.
- Homstein, G. A. (1992) The return of the repressed: Psychology's problematic relations with psychoanalysis, 1909-1960. American Psychologist, 47, 254-263. В статье исследуется вопрос, почему психоанализ представлял в 20-е годы угрозу для экспериментальной психологии и каков был ответ психологов на этот вызов.
- Roazen, P. (1975) Freud and his followers. New York: Knopf. Это исследование посвящено биографии Фрейда и его взаимоотношениям со своими учениками и ученицами; некоторые из них впоследствии вышли из фрейдовского круга и основали собственные движения.

Глава 14

Психоанализ: «отступники» и «наследники»

Дальнейшая история психоанализа

В свое время Вундту недолго довелось обладать монопольным правом на авторство нового направления в психологии. Такая же судьба была уготована и фрейдовской системе психоанализа. Уже через 20 лет после появления новой школы от нее откололось множество конкурирующих между собой направлений, которые расходились с исходным вариантом системы по некоторым базовым моментам,

Фрейд реагировал на появление «отступников» весьма болезненно. Рано или поздно на головы тех аналитиков, которые претендовали на собственную позицию, «обрушивалось нечто вроде проклятия, каким отмечают еретиков» (Brown. 1963. P. 37). И не важно даже, насколько они были близки Фрейду лично или профессионально: если кто-либо восставал против его учения, он был окончательно и бесповоротно вычеркнут из круга общения.

Мы поговорим о трех таких знаменитых «отступниках»: Карле Юнге, Альфреде Адлере и Карен Хорни. Все они прежде, чем покинуть Фрейда и начать разработку собственных идей, были вполне ортодоксальными фрейдистами. Мы рассмотрим также воззрения трех

«наследников» фрейдовской школы - Гордона Олпорта, Генри Мюррея и Эрика Эриксона, - которые начали разрабатывать свои концепции уже после смерти Фрейда. Их нельзя назвать в собственном смысле слова отступниками фрейдовской школы, поскольку они никогда и не были правоверными фрейдистами. Они либо непосредственно исходили из работ Фрейда, либо так или иначе, положительно или отрицательно, соотносили себя с его творчеством.

Неофрейдизм и психология личности

Прежде всего, отметим, что далеко не все последователи психоанализа непременно стремились подвергнуть ревизии или ниспровергнуть фрейдовскую систему в целом. Были среди них и такие, кто твердо держался центральных положений психоанализа, хотя, тем не менее, позволял себе пересматривать некоторые его аспекты.

Наибольшие перемены во взглядах таких лояльных фрейдистов касались понятия эго (Hartmann, 1964). Права эго были существенным образом расширены, и теперь его роль уже не сводилась только к подчинению ид. Эго становится значительно более независимым: оно обладает собственной энергией и функциями, не сводимыми к энергии и функциям ид. Более того, многие из неофрейдистов этого направления высказывали предположение, что эго независимо и от тех конфликтов, которые возникают в сфере ид.

Как известно, с точки зрения самого Фрейда, эго всегда подчинено ид и не может быть свободно от его импульсов. В новом варианте психоанализа эго может функционировать независимо от ид, что, безусловно, представляется значительным отходом от ортодоксальной позиции.

Еще одной существенной новацией неофрейдизма можно назвать переоценку влияния биологических факторов на развитие личности в пользу усиления роли социальных и психологических сил. Пересмотру подверглась также роль детской психосексуальности и понятие эдипова комплекса. Согласно новой точке зрения, влияние этих факторов минимально. Развитие личности определяется не психосексуальными, а преимущественно психосоциальными факторами. Социальные воздействия в детском развитии имеют гораздо большее влияние, чем сексуальность, реальная или воображаемая.

Анна Фрейд (1895-1982)

Одним из лидеров неофрейдистской эго-психологии была дочь Фрейда Анна.

Анна была самым младшим ребенком среди шестерых детей Фрейда. По ее мнению, она никогда не появилась бы на свет, будь в то время доступны надежные средства контрацепции. По крайней мере, отец принял известие о ее рождении, скорее, со смирением, чем с энтузиазмом. В письме другу он заметил, что, если бы родился сын, то он послал бы телеграмму (Young-Bruehl. 1988). Однако, можно сказать, что год рождения Анны, 1895 год, имел символический и даже пророческий смысл. Ведь именно этот год считается официальной датой рождения психоанализа. Анна же - единственная среди всех детей Фрейда унаследовала его призвание и стала психоаналитиком.

Детство Анны не было счастливым, в семье ее не баловали. От детских лет у нее осталось «впечатление заброшенности, постоянное ощущение того, что ты только а тягость, чувство скуки и одиночества» (Appignanesi & Forrester. 1992. P. 273). Она постоянно завидовала своей сестре Софи - явной любимице матери. Однако, через некоторое время она сама стала любимицей отца. Вскоре он «привязался к ней так же, как был привязан к своим сигарам» (Appignanesi & Forrester. 1992. P. 277).

Анна увлеклась исследованиями отца. Уже с 14 лет она часто присутствовала на заседаниях Венского психоаналитического общества, тихонько сидя в сторонке и жадно впитывая в себя все сказанное. В 22 года, движимая глубокой эмоциональной привязанностью к отцу, а также под влиянием беспокойства по поводу того, что Фрейд называл «ее сексуальностью», она прошла несколько сеансов психоанализа под руководством отца. Как она сообщала, в ее сновидениях было много ситуаций, связанных с насилием: стрельба, убийства, смерть. Часто она защищала отца от врагов.

Фрейда впоследствии осуждали за то, что он проводил сеансы психоанализа с собственной дочерью. Это называли «немыслимым, инцестуозным событием» и «эдиповым комплексом с обоих концов кушетки» (Mahony. 1992. P. 307). Сеансы психоанализа длились в течение четырех лет по шесть раз в неделю и начинались обычно в десять вечера.

В 1924 году Анна сделала свой первый доклад на заседании Венского психоаналитического общества под названием «Порка, фантазии и грезы». В значительной мере он был построен на истории некой анонимной пациентки. Однако в действительности этой пациенткой была сама Анна. Она описывала сновидения, в которых фигурировали кровосмесительные отношения отца и дочери, порка и физическое насилие, а также сексуальное удовлетворение через мастурбацию. Доклад был благосклонно воспринят самим Фрейдом и его коллегами, и Анну приняли в члены психоаналитического общества.

Анна Фрейд никогда не была замужем. Она посвятила жизнь лечению детей с эмоциональными расстройствами при помощи психоанализа. Впоследствии, на протяжении всей длительной болезни отца, она была рядом с ним. «Анна, ее забота и уход за отцом стали неотъемлемой частью его жизни. В последние десять лет она стала самым значимым человеком в его жизни. Все ее многочисленные уходы и возвращения, ее болезнь и научные труды, - все это было тщательным образом отражено в дневниках Фрейда» (см. аннотации в публикации Freud. 1992. P. 255).

Несмотря на все хлопоты, много сил она отдавала психоаналитической практике и заложила основы новой области исследований - детского психоанализа. Она является автором множества статей и книг и внесла существенный вклад в развитие идей своего отца.

Вклад в развитие психоанализа

В 1927 году Анна Фрейд опубликовала свою первую книгу под названием «Введение в технику детского анализа», в значительной мере определившую направление дальнейших ее исследовательских интересов. Она обосновала необходимость создания особого направления психоаналитической терапии - детского анализа, который учитывал бы незрелость детской психики и сравнительно низкий уровень вербализации. (Сам Зигмунд Фрейд никогда не занимался в своей частной практике лечением детей.)

Внесенные ею нововведения касались использования игровых методов в психоанализе, а также наблюдения ребенка в домашней обстановке. Бульшая часть исследований проводилась в Лондоне, где семья Фрейда осела после бегства от нацистов в 1938 году. Анна открыла свою клинику в доме по соседству от того, в котором умер ее отец. Там в течение многих лет она принимала пациентов, а впоследствии основала психоаналитический центр, в котором проходили подготовку клинические психологи со всего мира. О ее новых работах сообщалось в ежегодных публикациях журнала «Психоаналитические исследования у детей», издававшегося с 1945 года. Собрание сочинений Анны Фрейд, выходящее в период с 1965 по 1981 год, насчитывает девять томов.

Анна Фрейд подвергла существенному пересмотру ортодоксальную психоаналитическую теорию, расширив роль эго и допустив его независимое от ил функционирование. В работе «Эго и механизмы защиты» (*Das Ich and die Abwechrrnechaisrnen*, 1936 г.) она развивала одно из базовых положений психоанализа - роль и функционирование механизмов, защищающих эго от тревоги. «Книга имела шумный успех, была объявлена значительным вкладом в развитие психологии и была переведена на ряд иностранных языков. Она и до сих пор входит в ядро психоаналитической эго-психологии» (Fine. 1990. P. 99). Стандартное ныне для психоаналитической теории описание защитных механизмов (подобное тому, которое приведено в главе 13) - заслуга прежде всего Анны Фрейд. Именно она дала им четкое и ясное описание, снабдив его подробными примерами из области детского анализа.

Комментарии

Эго-психология в том ее виде, в каком она была развита Анной Фрейд и ее последователями, стала преимущественной формой психоанализа в Америке в период 40-70-х годов нынешнего столетия. Неофрейдисты намеревались «сделать психоанализ частью научной психологии. И в значительной мере им это удалось путем упрощения фрейдовских понятий и перевода их на язык других концепций, придания им более операциональной формы, а также настоятельными попытками экспериментальной проверки психоаналитических гипотез и соответствующей корректировкой лечебной практики» (Steele. 1985Б. P. 222). Все эти действия позволили установить более приемлемые отношения между психоанализом и представителями академической экспериментальной психологии.

Еще одной новацией в психоанализе стала теория объектных отношений, пришедшая в американскую психологию из Англии. Этот подход активно развивала Мелани Кляйн (1882-1960), отмечавшая наличие тесной эмоциональной связи между матерью и ребенком. (Между прочим, сама Кляйн постоянно испытывала трудности в общении с собственной дочерью, также психоаналитиком. Дочь часто обвиняла Кляйн в излишнем вмешательстве в свои дела. Она даже утверждала, что ее брат, который погиб во время

горного восхождения, на самом деле покончил жизнь самоубийством из-за полного отсутствия взаимопонимания с матерью.)

Кляйн описывала связь матери и ребенка, скорее, в социально-когнитивных терминах, а не в сексуальных. Она строила свои выводы на основании непосредственных наблюдений за детьми. В традиционном же психоанализе взрослого пациента попросили бы самого вспомнить или реконструировать свои детские переживания.

Все названные неопрейдисты считали себя последователями Фрейда. Подобное определение, однако, уже не приложимо к тем, кого мы назвали «отступниками» и «наследниками».

Карл Юнг (1875-1961)

Сам Фрейд одно время считал Юнга своим приемным сыном и наследником психоаналитического движения. Фрейд часто называл его «своим преемником и кронпринцем» (цит. по: McGuire. 1974, P. 218). После того, как их дружба полностью распалась в 1914 году. Юнг начал разрабатывать собственный вариант аналитической психологии, как он ее называл, полностью противоположный фрейдовской системе.

Страницы жизни

Карл Юнг родился и вырос в маленькой деревушке на севере Швейцарии, неподалеку от знаменитого Рейнского водопада. По его собственному признанию, детские годы были наполнены чувством одиночества, отсутствием взаимопонимания и счастья (Jung. 1961). Его отец был священником, утратившим в конце концов веру, унылым и подверженным постоянным сменам настроения. Мать страдала от эмоциональных расстройств и отличалась крайне неустойчивым поведением. Она могла почти мгновенно превратиться из довольной жизнью домохозяйки в сущего демона, бормочущего про себя нечто невразумительное. Понятно, что такой брак не мог быть счастливым. С ранних лет Юнг научился не доверять до конца ни одному из родителей, а затем - не доверяться и внешнему миру вообще. Вместо этого он обратился к миру внутреннему, миру снов, видений и фантазий, миру бессознательного. Сновидения и бессознательное, а не рациональный мир сознания, стали главным событием его детских лет, а затем и всей жизни.

В критические периоды жизни Юнг всегда прислушивался не столько к доводам рассудка, сколько к голосу подсознания, выраженному в сновидениях. Когда он готовился к поступлению в университет, ему привиделся сон, сыгравший существенную роль в определении его судьбы. Ему приснилось, что он выкапывает из земли кости доисторических животных. Юнг истолковал сон как предзнаменование, направляющее его на изучение природы и естественных наук. Именно этот сон вкупе с детским видением в

возрасте трех лет, когда он мысленно очутился в некой подземной пещере, предопределили его подход к теории личности. Он должен заниматься изучением бессознательных сил, лежащих под поверхностью сознания и рассудка.

Юнг поступил в университет г. Базеля в Швейцарии и окончил его, получив научную степень по медицине, в 1900 году. Он заинтересовался психиатрией, и его первым местом работы стала клиника для душевнобольных в Цюрихе. Директором клиники был Евгений Блейлер, известный своими работами по шизофрении*. В 1905 году Юнг был приглашен в качестве лектора по курсу психиатрии в Цюрихский университет, но спустя некоторое время отказался от приглашения, чтобы целиком посвятить себя научным исследованиям и частной практике.

Во время лечебных сеансов он, в отличие от Фрейда, никогда не укладывал пациентов на кушетку, отмечая, что у него нет намерения кого-либо тащить сразу в постель! Вместо этого Юнг усаживал пациента напротив себя в удобное кресло. Однажды ему даже довелось проводить сеанс на борту яхты, шедшей по озеру под полными парусами. Иногда он напевал во время сеанса, а иногда был нарочито груб. Однажды он заявил пациенту, который пришел точно в назначенное время: «Нет, нет! Сегодня я уже больше никого не могу видеть. Идите домой и лечитесь сегодня сами» (цит. по: Вготте. 1981. Р. 185).

Юнг впервые познакомился с идеями Фрейда в 1900 году, прочитав работу «Толкование сновидений». Он оценил книгу как подлинный шедевр. В 1906 году между ним и Фрейдом началась переписка, а год спустя он приехал к Фрейду в Вену. Во время этой первой встречи они с большим воодушевлением проговорили в течение 13 часов. Впоследствии эта симпатия вылилась в дружбу, переросшую в отношения, подобные отношениям отца и сына. В 1909 году Юнг сопровождал Фрейда во время его поездки в Соединенные Штаты в университет Кларка, где, как и Фрейд, выступал с лекциями.

В отличие от большинства учеников Фрейда, Юнг состоялся как профессионал еще до встречи с Фрейдом. Возможно, именно поэтому он был наименее впечатлительным, меньше поддавался внушению и давлению авторитета, нежели более молодые психоаналитики, большинство из которых примкнуло к психоаналитическому семейству сразу после окончания университета или медицинской школы.

Юнг в течение некоторого времени действительно был учеником Фрейда, но никогда не был его бездумным последователем. Он вспоминал, что когда работал над своей книгой «Психология бессознательного» (*Die psychologie der beivubfen Prozesse*), то долго колебался, стоит ли ее опубликовать. Юнг отчетливо понимал, что книга написана с позиций, существенно отличающихся от базовых положений фрейдовской системы, и, если работа будет опубликована, это неизбежно повредит его отношениям с Фрейдом. В колебаниях прошло несколько месяцев, настолько серьезны были опасения Юнга. Но книга в конце концов была опубликована, и неизбежное случилось.

В 1911 году по настоянию Фрейда и при явном противодействии со стороны венского психоаналитического сообщества, Юнг становится первым президентом Международной психоаналитической ассоциации. Фрейд опасался, что антисемитизм помешает росту психоаналитического движения, если президентом ассоциации будет еврей. Венские аналитики - по большей части евреи - недолго любили и не доверяли этому швейцарскому выскочке Юнгу, к тому же явному любимчику Фрейда. Старшинство в движении должно

* Именно Е.Блейером и был предложен сам термин - шизофрения. - Прим. перев.

принадлежать им, и только им. К тому же они подозревали самого Юнга в антисемитских настроениях.

Вскоре после этих событий его дружба с Фрейдом дала первые трещины, а к 1912 году они совсем прекратили личные отношения. В 1914 году Юнг сложил с себя полномочия президента и вышел из ассоциации.

В возрасте 38 лет Юнг столкнулся с серьезными эмоциональными проблемами. Такое положение длилось три года. Интересно, что Фрейд примерно в том же возрасте пережил сходную ситуацию. Решив, что он попросту сходит с ума, Юнг не мог заниматься никакой интеллектуальной деятельностью, не мог даже читать научную литературу. Примечательно, однако, что даже в этот период он не прекратил лечебные сеансы с пациентами.

Он справился с кризисом тем же способом, каким в свое время и Фрейд: встретился лицом к лицу с собственным бессознательным. Хотя Юнг, в отличие от Фрейда, и не занимался систематическим анализом собственных сновидений, он все же следовал тем бессознательным импульсам, которые открывались ему в сновидениях и фантазиях. Как и в свое время для Фрейда, этот период оказался для Юнга наиболее продуктивным в творческом отношении, именно тогда были сформулированы основы его теории личности.

Под влиянием давнего интереса к мифологии в 20-х годах Юнг участвовал в полевых экспедициях в Африке, изучая особенности сознания племен, не знающих письменности. В 1932 году он получил приглашение занять должность профессора в Федеральном политехническом университете г. Цюриха. Эту должность он занимал вплоть до 1942 года и оставил ее только по причине серьезно ухудшившегося здоровья. Специально для него была организована кафедра психологии в университете г. Базеля, которую он возглавлял всего лишь в течение одного года и оставил также по причине плохого здоровья. Однако он оставался активным исследователем до 86-летнего возраста, поражая воображение обилием опубликованных работ.

Аналитическая психология

Главные отличия **аналитической психологии*** Юнга от фрейдовского психоанализа касаются вопроса о природе либидо. Если Фрейд характеризует либидо преимущественно в терминах сексуальной сферы, то для Юнга это жизненная энергия вообще, в которой секс присутствует только как один из компонентов. По Юнгу, базовая жизненная энергия либидо проявляется в росте и размножении, а также в других видах деятельности - в зависимости от того, что в данный момент времени является наиболее важным для конкретного человека.

Юнг отвергал фрейдовское понятие эдипова комплекса. Он объяснял привязанность ребенка к матери чисто житейскими потребностями ребенка и способностью матери их удовлетворять. По мере роста ребенка у него появляются сексуальные потребности, которые накладываются на прежде доминировавшие потребности в еде. Юнг высказал предположение, что энергия либидо приобретает гетеросексуальные формы лишь в пубертатный период. Он не отрицал напроочь наличия сексуальных сил в детском возрасте, однако свел сексуальность до положения лишь одного из многих влечений в психике.

* аналитическая психология - теория личности К.Юнга.

Жизненный опыт Юнга, несомненно, наложил существенный отпечаток на его воззрения. Мы уже отмечали ту роль, которую его интерес к бессознательному сыграл в определении профессионального призвания. Что же касается секса, то и здесь можно проследить влияние биографических моментов. Юнг не использовал в своей концепции понятие эдипова комплекса потому, что таковой опыт отсутствовал в его собственных детских переживаниях. Он отзывался о своей матери как о женщине излишне полной и непривлекательной, а потому и никак не мог понять, на каком основании Фрейд утверждал, будто каждый мальчик испытывает в детстве сексуальное влечение к собственной матери.

В отличие от Фрейда, у Юнга не было никаких проблем, связанных со сферой секса. Он так же не делал, в отличие от Фрейда, никаких попыток ограничить свою половую жизнь. У него были сексуальные связи с женщинами-пациентками и ученицами, длившиеся многие годы. «Для Юнга, который совершенно свободно и весьма активно удовлетворял свои сексуальные потребности, секс в целом играл минимальную роль в понимании человеческой мотивации. Для Фрейда же, замученного собственными неосуществленными и подавленными желаниями, секс, напротив, занимал центральное место» (Schultz. 1990. P. 148).

Еще одно существенное различие между позициями Фрейда и Юнга касается представления о направленности сил, определяющих личность человека. С точки зрения Фрейда, человек есть продукт своих детских переживаний. Для Юнга же человек определяется не только прошлым, но в равной мере и своими целями, ожиданиями и надеждами на будущее. По его мнению, формирование личности вовсе не завершается к пяти годам. Человек может меняться и, подчас, довольно значительно, на протяжении всей своей жизни.

Третье различие между позициями Фрейда и Юнга заключается в том, что Юнг попытался проникнуть в область бессознательного глубже, чем это удалось Фрейду. Он добавил еще одно измерение в понимание бессознательного: врожденный опыт человечества как вида, унаследованный им от своих животных предков (коллективное бессознательное).

Коллективное бессознательное

Юнг выделял два уровня бессознательного. Непосредственно под уровнем сознания находится **индивидуальное бессознательное***, состоящее из всех воспоминаний, импульсов и желаний, нечетких восприятий и другого личного опыта, подвергнувшегося вытеснению или просто забытого. Этот уровень бессознательного не слишком глубок, находящиеся там события легко могут быть восстановлены в сознании.

Содержание личного бессознательного сгруппировано в определенные тематические комплексы: эмоции, воспоминания, желания и тому подобное. Данные комплексы проявляются в сознании в виде определенных доминирующих идей - идеи силы или идеи неполноценности - и таким образом оказывают влияние на поведение. Комплекс предстает чем-то вроде маленькой личности внутри личности человека как целого.

Ниже уровня личного бессознательного лежит более глубокий уровень - коллективное бессознательное, неизвестное индивиду и содержащее в себе аккумулярованный опыт

* индивидуальное бессознательное - область бессознательного, содержащая в себе образования, прежде находившиеся на уровне сознания, но впоследствии забытые или подвергнувшиеся вытеснению.

прошлых поколений, включая и животных предков. **Коллективное бессознательное*** содержит в себе универсальный эволюционный опыт и составляет основу личности человека. Важно отметить, что опыт, находящийся в коллективном бессознательном, является действительно бессознательным. Мы не можем осознать его, каким-либо образом вспомнить, как это возможно с содержанием личного бессознательного.

Архетипы

Врожденные тенденции внутри коллективного бессознательного, получившие название архетипов, являются внутренними детерминантами психической жизни человека. Они направляют действия человека в определенное русло, в чем-то схожее с тем, каким образом вели себя в подобных ситуациях наши животные предки. Архетипы обнаруживают себя в сознании в виде эмоций и некоторых других психических явлений. Они обычно связаны с такими важнейшими моментами жизненного опыта, как рождение и смерть, основные стадии жизненного пути (детство, юность), а также с реакцией на смертельную опасность.

Юнг исследовал мифологию и художественное творчество ряда древнейших цивилизаций, выявляя лежащие в их основе архетипические символы. Оказалось, что существует значительное количество таких символов, которые присущи всем архаическим культурам, причем даже таким, которые были столь разделены во времени и пространстве, что прямой контакт между ними был заведомо невозможен. Ему также удалось обнаружить в сновидениях пациентов нечто, что он посчитал следами подобных символов. Это еще более укрепило Юнга в его приверженности идее коллективного бессознательного.

Четыре таких архетипа встречаются чаще других - это персона, анима и анимус, тень и Я.

Персона - это та маска, которую каждый из нас надевает, общаясь с другими людьми. Она представляет нас такими, какими мы хотим, чтобы нас воспринимало общество. Персона может не совпадать с подлинной личностью индивида. Понятие персоны у Юнга аналогично понятию ролевого поведения в социологии, когда мы поступаем так, как, полагаем, другие люди ожидают, чтобы мы действовали в тех или иных ситуациях.

Архетипы *анима* и *анимус* отражают предположение Юнга, что каждый человек несет в себе определенные психологические характеристики противоположного пола. Анима отражает женские (феминные) черты в мужском характере, а анимус - мужские (маскулинные) характеристики в женском. Как и большинство других архетипов, эта пара берет начало в наиболее глубинных, примитивных слоях опыта предков человека, когда мужчины и женщины усваивали определенные эмоциональные и поведенческие тенденции противоположного пола.

Архетип *тени* - это некая обратная, темная сторона Я. Она наиболее глубоко укоренена в животном прошлом человека. Юнг считал ее своеобразным наследием низших форм жизни. Тень представляет собой совокупность всех наших аморальных, неистовых, страстных и абсолютно неприемлемых желаний и поступков. Юнг писал, что тень подталкивает нас совершить нечто такое, чего мы в нормальном состоянии никогда себе не позволим. Когда с нами случается нечто подобное, мы склонны объяснять происшедшее тем, что на нас нечто нашло. Это <нечто> и есть тень, наиболее примитивная часть нашей природы. Однако тень имеет и свою позитивную сторону. Она -

* Коллективное бессознательное - наиболее глубокий уровень психической деятельности, содержащий в себе врожденный опыт прошлых поколений людей, а также животных предков.

источник спонтанности, творческого порыва, внезапных озарений и глубоких эмоций, без чего нормальная, полноценная человеческая жизнь также невозможна.

Но наиболее важным архетипом Юнг считал самость. Сочетая и гармонизируя все аспекты бессознательного, самость создает единство и стабильность личности. Таким образом, задача самости - интеграция различных подсистем личности. Юнг сравнивал самость с порывом или стремлением к самоактуализации, что определяет гармоничность и целостность, наиболее полное раскрытие возможностей личности.

По его убеждению, самоактуализации можно достичь лишь в среднем возрасте, а потому этот возраст (между 35 и 40 годами) Юнг рассматривал как критический период для личностного развития - рубеж, на котором личность претерпевает глубокие и благотворные преобразования. Во взглядах Юнга также можно усмотреть автобиографические моменты: именно в этом возрасте сам Юнг смог достичь целостности своего *Я* вслед за преодолением невротического кризиса. Таким образом, для Юнга наиболее важным этапом личностного развития является отнюдь не детство, как у Фрейда, а, напротив, зрелые годы, время, когда он сам прошел через душевный кризис и смог преодолеть его.

Интроверты и экстраверты

Юнговские понятия интроверзии и экстраверзии в наши дни широко известны. Экстраверты - это такие люди, которые направляют либидо (жизненную энергию) вовне, на внешние события и других людей. Люди подобного типа обычно подвержены воздействию окружения, легко приспосабливаются к обществу, в котором живут, и уверены в себе в широком диапазоне различных ситуаций. У интровертов либидо направлено на внутренний мир. Такие люди склонны к созерцательности, интроспекции. Они мало поддаются внешним влияниям, менее уверены во взаимоотношениях с другими людьми и внешним миром и менее социально приспособляемы, нежели экстраверты. В каждом человеке такие полярные типы, как правило, сосуществуют вместе, однако, какой-то один из них доминирует. Тем не менее, доминирующий тип реакции в определенной степени зависит от ситуации. Например, обычно интровертированный человек может оказаться достаточно социально гибким в ситуации, затрагивающей его интересы.

Психологические типы

Согласно юнговской теории, все личностные различия проявляют себя в четырех основных функциях: мышлении, чувствах, ощущении и интуиции, при помощи которых мы и можем, собственно, ориентироваться как во внешнем, объективном мире, так и в мире внутреннем, субъективном. Мышление представляет собой концептуальный процесс, ведущий к осознанию значения и пониманию. Чувства - это субъективный процесс взвешивания и оценивания. Ощущения образуют сознательное восприятие физических объектов. Интуиция же включает в себя восприятие на бессознательном уровне.

Юнг полагал, что мышление и чувства образуют рациональный уровень восприятия мира, поскольку включают в себя причинные суждения. Ощущение и интуиция же, напротив, представляют собой нерациональный уровень, поскольку не предполагают использования понятия причины. Внутри каждой пары таких функций только одна может доминировать в каждый отдельный момент времени. Подобная доминирующая функция в сочетании с той или иной психологической направленностью (интроверзия-экстраверзия) образует

восемь **психологических типов*** (например, экстравертный мыслительный тип, или интровертный интуитивный тип).

Словесно-ассоциативный тест

Идея словесно-ассоциативного теста пришла Юнгу в голову после того, как один из коллег рассказал ему об ассоциативных экспериментах Вильгельма Вундта. У Юнга этот тест выглядит следующим образом: аналитик зачитывает одно за другим ряд слов пациенту. Пациент должен в ответ на каждое слово сказать первое, что ему придет в голову. При этом измеряется время реакции, изменения частоты дыхания, электропроводность кожи и все другие параметры, которые могут свидетельствовать об эмоциональной реакции пациента. Если реакция на то или иное слово требует слишком много времени, приводит к изменению ритма дыхания или сопротивлению кожи, мы можем сделать вывод о том, что существуют определенные подсознательные эмоциональные проблемы, связанные с предложенным словом или с возможным ответом.

Юнг использовал словесно-ассоциативный тест в качестве детектора лжи и даже успешно изобличил таким образом двух обвинявшихся в воровстве преступников. В течение многих лет ученые полагали, что именно Юнг первым стал применять технические средства для определения вины подозреваемых. Однако, вновь открытые данные показывают, что за несколько педель до Юнга с подобными же идеями выступил один из видных представителей гештальт-психологии - Макс Вертхеймер (Wertheimer, King, Pecker, Raney & Schaef. 1992).

Комментарии

Идеи Юнга оказали значительное воздействие на широкие сферы религии, истории, искусства и литературы. Многие историки, теологи и писатели находили в его работах источник вдохновения. Однако, в целом научная психология просто проигнорировала его аналитическую психологию. Многие его книги так и не были переведены на английский язык вплоть до 60-х годов XX века. Довольно сложный для понимания стиль существенно затруднял детальное восприятие его работ. «Юнг, в отличие от Фрейда, никогда не писал предисловий или обзоров. Именно по этой причине у него нет работ обобщающего характера. Хотя он и был достаточно плодовитым автором, все его наследие лишено систематичности» (Kaufmann. 1992. P. 291-292).

Его пренебрежение традиционными научными методами казалось вызывающим многим психологам-экспериментаторам. Для них теории Юнга с их мистической и религиозной основой были еще менее приемлемыми, чем даже фрейдовская концепция. В целом, все те упреки, которые мы ранее высказывали в адрес эмпирической подтверждаемости фрейдовской системы, можно отнести и к работам Юнга. Он так же более полагался на клинические наблюдения и интерпретации, нежели на контролируемый лабораторный эксперимент.

Юнговское различение восьми психологических типов личности породило ряд довольно интересных исследований. Особенный интерес представляет так называемый индикатор типов *Майерс-Бриггс* - тест, направленный на измерение характеристик психологических типов личности. Этот тест был предложен в 20-х годах Катариной Бриггс и Изабель Бриггс Майерс. Со временем он стал одним из самых популярных личностных тестов. Он

* Психологические типы - типы личности, выделяемые на основе сочетания психологических подходов и функций.

часто используется и для прикладных целей, в частности, при тестировании личностных характеристик при приеме на работу (Sainders. 1991; Wink. 1993).

Выделение типов интровертов/экстравертов вдохновило английского психолога Ганса Айзенка на усовершенствование списка личностных характеристик *Модсли*, который и предназначен для измерения этих двух характеристик. Эмпирические исследования с использованием данного теста показали, что, по крайней мере, некоторые из юнговских концепций допускают экспериментальную проверку. Однако в целом, как и в случае с идеями Фрейда, большая часть юнговской теории (представление о комплексах, архетипах и коллективном бессознательном) оказалась неподвластна научному исследованию.

Словесно-ассоциативный тест в настоящее время является одной из стандартных проективных техник. Именно благодаря ему проявился такой известный метод, как тест чернильных пятен Роршаха. В понятии самоактуализации нельзя не видеть определенного предвосхищения позиции Абрахама Маслоу и всей линии гуманистической психологии. Гипотеза Юнга о том, что именно средний возраст является критическим для развития личности, была воспринята Маслоу и Эриком Эриксоном и усвоена всей современной психологией личности.

Тем не менее, несмотря на весь его громадный вклад, основная масса работ Юнга не получила большого признания в психологии. Значительную известность его идеи обрели лишь в 70-80-е годы нынешнего столетия, в основном благодаря их мистической окраске.

Социально-психологические теории и «дух времени»

Воззрения Зигмунда Фрейда испытали на себе значительное воздействие механистического и позитивистского подхода, доминировавших в науке конца XIX века. Однако к концу XIX века в научном сознании появились и иные взгляды на природу человека, не связанные непосредственно с физикой или биологией. Например, успехи антропологии, социологии и социальной психологии задавали существенно иной образ человека как продукта действия социальных сил и институтов. А потому человека нужно в большей степени изучать при помощи методов социальных, а не биологических наук.

По мере появления новых антропологических исследований различных культур становилось очевидным, что некоторые невротические симптомы и табу, которые Фрейд считал универсальными, в действительности присутствуют лишь в некоторых культурах. (Например, далеко не все культуры имеют запрет на инцест.) В дальнейшем социологи и психологи все более приходили к выводу о том, что поведение человека определяется не столько биологическими потребностями, сколько социальными условиями его жизни.

Интеллектуальный дух времени требовал новых подходов к пониманию природы человека, однако Фрейд, к неудовольствию многих своих сторонников, продолжал упорно придерживаться тезиса о биологической детерминированности личности. Новое поколение аналитиков, менее связанное традициями, постепенно стало отходить от ортодоксального психоанализа и двигаться в сторону сближения с социальными дисциплинами. Их представления о том, что личность есть прежде всего результат воздействия жизненных обстоятельств, а не биологических факторов, более соответствовала общему духовному настрою в американской культуре и науке. Подобные воззрения давали более оптимистическую картину сущности человека, чем фрейдовская система.

Мы рассмотрим взгляды еще двух <отступников> психоанализа, создавших собственные концепции социально-психологического плана: Альфреда Адлера и Карен Хорни. В рамках этой позиции поведение человека определяется в большей степени не биологическими факторами, а межличностными отношениями, в которые человек включен, особенно в детские годы.

Альфред Адлер (1870-1937)

Адлера обычно называют первым провозвестником социально-психологической формы психоанализа, поскольку он отошел от фрейдовско-го круга еще в 1911 году. В созданной им концепции главную роль играют социальные факторы. К тому же он - единственный психолог, именем которого был назван струнный квартет.

Страницы жизни

Альфред Адлер родился в обеспеченной семье в одном из пригородов Вены. Его детские годы прошли под знаком постоянных болезней, зависти по отношению к старшему брату и полного неприятия со стороны матери. Сам себя он считал слабым, тщедушным и непривлекательным. Он ощущал большую близость с отцом, нежели с матерью, и потому, как и Юнг, впоследствии не принял фрейдовской концепции эдипова комплекса, поскольку сам его в детстве не испытал. Ребенком он тратил много сил на то, чтобы завоевать признание и популярность в среде сверстников. Став старше, он сумел добиться высокой самооценки и был оценен по достоинству окружающими, чего ему так не хватало в собственной семье.

Поначалу Адлер был настолько слабым учеником, что, по мнению учителя, мог рассчитывать в будущем только на место подмастерья сапожника. Однако, благодаря усердию и настойчивости он сумел стать одним из первых учеников в классе. Он смог преодолеть свои многочисленные академические и социальные недостатки и комплексы, так что сам вполне может считаться хрестоматийным примером своей же собственной теории, созданной им впоследствии. В развитии личности существенную роль играет компенсация личных слабостей и недостатков. Лежащее в основе его системы чувство неполноценности является прямым наследием детских лет, в чем и сам Адлер охотно признавался.

В возрасте четырех лет, едва оправившись от смертельно опасной пневмонии, Адлер решил, что станет врачом. Он получил медицинское образование и свою первую научную степень в Венском университете в 1895 году. После специализации в офтальмологии и прохождения практики по общей медицине он стал заниматься психиатрией. В 1902 году Адлер присоединился к еженедельным заседаниям психоаналитического дискуссионного кружка на правах одного из четырех членов-основателей. Хотя он и был близким

сотрудником Фрейда, личные отношения между ними так и не сложились. Фрейд однажды даже отозвался об Адлере как о зануде.

В течение нескольких последующих лет Адлер развивал свой вариант психоанализа, существенно отличавшийся от фрейдовской системы по целому ряду пунктов. Он также позволял себе открыто критиковать Фрейда за переоценку роли сексуальных факторов. В 1910 году Фрейд предложил кандидатуру Адлера на пост президента Венского психоаналитического общества, видимо, для того, чтобы уладить имевшиеся между ними разногласия. Однако уже в 1911 году неизбежный разрыв состоялся. Расставание было довольно драматичным. Адлер назвал Фрейда мошенником, а психоанализ – «мерзостью и непристойностью» (Roazen. 1975. P. 210). Фрейд тоже не остался в долгу и охарактеризовал Адлера как «ненормального», «человека, свихнувшегося на почве собственных амбиций» (Gay. 1988. P. 223).

Во время первой мировой войны Адлер служил врачом в австрийской армии. Позже он организовал детскую клинику в рамках венской школьной системы. В 20-е годы его социально-психологическая система, которую он сам называл **индивидуальной психологией***, привлекла большое число последователей. В 1926 году Адлер совершил несколько визитов в Соединенные Штаты и через 8 лет получил приглашение занять должность профессора медицинской психологии в медицинском колледже Лонг-Айленда в Нью-Йорке. Умер он в Абердине (Шотландия) во время одного из напряженных лекционных турне.

Фрейд в ответ на выражение сожалений по поводу смерти Адлера писал: «Не понимаю Ваших симпатий к Адлеру. Для еврейского мальчика из пригорода Вены умереть в Абердине - неслыханная карьера, о какой он не мог и мечтать. Мир его более чем щедро вознаградил за усилия по подрыву психоанализа» (цит. по: Scarf. 1971. P. 47).

Индивидуальная психология

По убеждению Адлера, поведение человека определяется в первую очередь не биологическими, а социальными факторами. Он ввел понятие **социального интереса***, определяя его как врожденный потенциал, нацеленный на кооперацию с другими людьми и на достижение личных и общественных целей. Подобный интерес развивается в детстве, по мере накопления опыта. В противоположность Фрейду, Адлер минимизировал роль сексуальных сил в формировании личности и сконцентрировался в большей степени не на бессознательном, а на сознательных факторах поведения. Если Фрейд полагал, что поведение определяется преимущественно прошлым, то Адлер подчеркивал значение наших целей на будущее. Борясь за достижение целей или ожидая наступления некоторых событий в будущем, мы тем самым оказываем влияние на свое нынешнее поведение. Например, человек, который живет в постоянном ожидании вечного проклятия после смерти, неминуемо будет вести себя иначе, чем тот, у которого таких ожиданий нет.

Если Фрейд подразделял личность на несколько частей (ид, эго и супер-эго), то Адлер, наоборот, всячески подчеркивал единство и согласованность личности. В основе его концепции - представление о единой движущей силе, лежащей в основе структуры личности и направляющей все ее ресурсы на достижение самой главной цели, придающей смысл всему существу личности. Такой целью, по его мнению, является стремление к превосходству или самоутверждению. Именно эта цель подчиняет себе все движение к

* индивидуальная психология – адлеровская теория личности.

* социальный интерес – врожденный потенциал, направленный на взаимодействие с другими людьми и достижение

более полному развитию и осуществлению, реализации нашего Я. Адлер был убежден, что данное стремление к превосходству является врожденным фактором, его следы легко можно обнаружить во всех аспектах проявления личности.

Чувство неполноценности

Адлер не принимал утверждения Фрейда о том, что только секс составляет первичный, базовый уровень мотивации. Вместо этого он высказал предположение, что подлинной движущей силой личности является генерализованное чувство неполноценности (как это было в его собственной жизни). Первоначально Адлер относил это чувство неполноценности к телесным недостаткам. Ребенок с наследственными органическими недостатками попытается их компенсировать за счет более интенсивного развития дефектной функции. Ребенок-заика при помощи речевой терапии может стать великим оратором, ребенок со слабыми конечностями после интенсивных физических упражнений становится хорошим атлетом или танцором.

Позднее Адлер расширил понятие неполноценности, включив в него все виды физических, душевных или социальных недостатков - реальных или мнимых. Он также полагал, что слабость и беспомощность ребенка, его зависимость от окружающей обстановки ведет к появлению чувства неполноценности, столь знакомого каждому человеку. Ребенок осознает свою неполноценность и необходимость преодолеть недостаток, но при этом им движет врожденное стремление к превосходству. В итоге такой процесс волей-неволей движет индивида по направлению ко все большему совершенству и реализации.

Чувство неполноценности может оказывать и положительное воздействие, как на уровне индивида, так и на уровне социума, поскольку именно с ним связано постоянное стремление к превосходству. Однако, если в детские годы в ответ на чувство неполноценности ребенок наталкивается на слишком мягкое, или же, напротив, излишне жесткое отношение, у него в результате может появиться некое аномальное компенсаторное поведение. Неспособность в достаточной мере компенсировать чувство неполноценности может привести к развитию **комплекса неполноценности***, что приводит человека к серьезным жизненным проблемам.

Стиль жизни

По Адлеру, борьба человека за превосходство носит всеобщий характер, но при этом возможны разные способы достижения поставленной цели. Мы по-разному осуществляем эту борьбу, что приводит в итоге к появлению уникальных, характерных только для данного человека методов или форм, которые Адлер назвал стилем жизни. Стиль жизни включает в себя те характерные поведенческие типы или приемы, при помощи которых мы компенсируем свою неполноценность, реальную или мнимую. В нашем примере с ребенком, у которого присутствуют телесные недостатки, такой стиль включал бы в себя занятия спортом, что в итоге должно привести к развитию физической силы и выносливости.

Стиль жизни обычно формируется уже к 4-5 годам и в дальнейшем с трудом поддается каким-либо изменениям. Он как бы задает рамки для восприятия и упорядочивания всего доступного жизненного опыта. И вновь мы видим, что Адлер, как и Фрейд, подчеркивает

* Комплекс неполноценности - ситуация, возникающая тогда, когда человек по тем или иным причинам оказывается не в состоянии компенсировать собственное чувство неполноценности.

важность раннего периода жизни. Но, в отличие от Фрейда, он настаивает на том, что мы способны сознательно формировать свой стиль жизни - наше собственное Я.

Творческая сила «Я»

Концепция творческой силы Я составляет, безусловно, вершину и кульминацию всей его теории. Адлер высказал предположение, что мы можем сами формировать свою личность в соответствии с собственным уникальным стилем жизни. Эта творческая сила составляет активный принцип человеческого существования. Ее можно уподобить традиционному понятию души. Мы строим свое поведение на основе определенных способностей и того жизненного опыта, которым обладаем благодаря нашей наследственности и влияния окружающей среды. Но именно от нас зависит, как именно воспринимать и истолковывать этот опыт, что, собственно, и создает основу нашего стиля жизни. А это значит, что мы способны сознательно влиять на формирование собственной личности и свою судьбу. Адлер считал, что, скорее, мы сами определяем свою судьбу, нежели оказываемся объектом воздействия прошлого опыта.

Порядок рождения

Исследуя опыт детских лет своих пациентов, Адлер заинтересовался связью порядка рождения и личности человека. Он обнаружил, что старшие, средние и младшие дети из-за различий в положении в семье обладают различным социальным опытом и, как следствие, имеют разные структуры личности. Старшие дети в семье некоторое время находятся в центре внимания - но только до тех пор, пока не появится следующий ребенок, который теперь притянет к себе все внимание родителей. А потому первенец может начать чувствовать себя неуверенно и враждебно, утратив прежнее чувство безопасности. Результатом этих перемен может также стать авторитарность и консервативность, жесткое желание поддерживать порядок любыми средствами. Адлер высказал предположение, что преступниками, невротиками и извращенцами часто становятся именно первенцы в семье. (Зигмунд Фрейд был первым ребенком в семье.)

По мнению Адлера, второй ребенок часто бывает амбициозным, непокорным и ревнивым: ведь перед ним всегда стоит задача не только не отстать, но и превзойти старшего брата или сестру. (Сам Адлер был в семье вторым ребенком и на протяжении всей жизни соперничал со своим старшим братом, которого, кстати, звали Зигмунд.) Адлер считал, что именно второй ребенок лучше приспособлен к жизни, чем старший или младший ребенок. Ведь младших детей, как правило, в семье балуют, а потому у них чаще других возникают проблемы.

Комментарии

Концепция Адлера была с пониманием встречена теми, кого не удовлетворял выстраивавшийся во фрейдовской теории образ человека как существа, у которого доминируют сексуальные мотивы, а все самое главное происходит только в детстве. Конечно же, нам куда приятнее считать, что мы в состоянии сознательно контролировать собственное поведение, вне зависимости от генетических ограничений и особенностей детского периода жизни. В целом, Адлер давал удовлетворительный и оптимистичный взгляд на природу человека.

Однако и на его долю хватало критиков. Многие психологи считали его построения поверхностными и основанными всего лишь на здравом смысле, хотя другие, напротив, видели в нем проницательного и талантливого теоретика. По мнению Фрейда, система

Адлера слишком проста. Для того, чтобы освоить психоанализ, может потребоваться целых два года, поскольку он довольно сложен, адлеровские же идеи можно <освоить за две недели, потому что здесь нет необходимости знать столь уж много> (цит. по: Sterba. 1982. P. 156). Адлер немедленно согласился с такой оценкой. Именно в этом все и дело: ему потребовалось целых сорок лет для того, чтобы сделать свою систему столь простой!

Те критические замечания, которые были направлены в адрес Фрейда и Юнга, могут быть высказаны и Адлеру. Его наблюдения над пациентами нельзя повторить или верифицировать, они также не являются результатом контролируемых и систематичных исследований. Он даже не пытался проверять достоверность сообщаемых ему пациентами сведений и так же, как Фрейд и Юнг, не пояснял, каким образом анализировал исходные данные и на каком основании приходил к тем или иным выводам.

Хотя концепция Адлера в целом с большим трудом поддается научному подтверждению, отдельные идеи по поводу роли порядка рождения подверглись серьезному рассмотрению. Например, было показано, что первенцы, как правило, обладают хорошими интеллектуальными способностями и сильной тягой к достижениям. Им также свойственно испытывать беспокойство и тревогу после того, как их отодвигает на второй план следующий ребенок. Дальнейшие исследования подтвердили, что по особенностям раннего детства можно сделать некоторые заключения относительно стиля жизни взрослого человека (Davidow & Bruhn. 1900).

Адлер оказал значительное влияние на постфрейдовский психоанализ. Можно сказать, что все работы эго-психологов, ориентировавшихся в большей степени на исследование сознательных, рациональных процессов, нежели бессознательного, следуют по пути, проложенному Адлером. Его влияние можно проследить в работах Карен Хорни (преимущественное внимание к социальным силам при формировании личности) и по акценту на единстве личности в теории Гордона Олпорта.

Представление о творческой способности Я задавать определенный стиль жизни человека оказала воздействие на позицию Абрахама Маслоу. Акцент, который Адлер делал на социальных факторах, можно проследить в работах необихевиориста Джулиана Роттера. В заключение отметим, что многие идеи Адлера значительно опередили свое время и по настоящему могут быть оценены лишь на фоне современной психологии.

Карен Хорни (1885-1952)

Хорни, одна из ранних представительниц феминистского движения, изучала фрейдовский психоанализ в Берлине. Сама она определяет задачи своего творчества, скорее, как дальнейшее развитие идей Фрейда, чем как претензию на создание альтернативной позиции.

Страницы жизни

Карен Хорни родилась в Гамбурге. Ее отец, набожный, но угрюмый человек, капитан корабля, был намного старше матери Карен, женщины живой и свободной. Однажды мать дала понять дочери, что желала бы смерти мужа. Замуж она вышла исключительно из страха остаться старой девой (Sayers. 1991). Детство маленькой Карен было не слишком веселым. Мать явно предпочитала ей старшего брата, которому Карен жестоко завидовала за то, что он мальчик. Отец часто унижал ее, пренебрежительно отзываясь о ее уме и наружности, вызывая чувства неполноценности, бесполезности и враждебности. Недостаток родительского внимания и ласки в детстве породил то, что она впоследствии называла базальной тревожностью. Эту ситуацию можно рассматривать как еще один пример влияния личного жизненного опыта на теоретическую позицию.

В возрасте 14 лет Хорни испытала одну за другой ряд мучительных жизненных неудач, вызванных ее неистовым стремлением добиться любви и признания, которых так не хватало дома. Она основала газету, которую называла «девственным органом для супер-девственниц», а также часто прогуливалась по городским улицам вместе с проститутками. «В моих фантазиях, - признавалась она в своем дневнике, - на мне не было ни одного кусочка тела, которого не коснулись бы поцелуями пылающие страстью уста. В моем воображении нет такого порока, который я не извела бы до самого дна» (Homey. 1980. P. 64).

Несмотря на противодействие отца, Хорни поступила в медицинскую школу при Берлинском университете и по окончании, в 1913 году получила докторскую степень по медицине. Она вышла замуж, родила трех дочерей, но все это время страдала от тяжелейших эмоциональных расстройств. Она чувствовала себя чудовищно несчастной и униженной, у нее часто случались желудочные колики. Хорни испытывала серьезные затруднения в сексуальных отношениях с мужем, а также еще в ряде других ситуаций. В 1927 году она развелась с мужем и в одиночку продолжила свою непрестанную борьбу за место в жизни и признание.

Самым длительным и ярким ее увлечением стал другой психоаналитик - Эрих Фромм (1900-1980). Когда их отношения прекратились, это стало для нее подлинным ударом. Она прошла курс традиционного психоанализа для того, чтобы справиться с депрессией и сексуальными проблемами. По мнению аналитика, ее столь сильная потребность в любви и опоре на сильного мужчину есть не что иное, как отражение детских эдиповых влечений к властному и сильному отцу (Sayers. 1991).

С 1914 по 1918 год Хорни прошла ортодоксальный курс психоаналитической подготовки в Берлинском институте психоанализа. Позже она становится внештатным сотрудником и открывает частную практику. Она публикует ряд статей в научных журналах о проблемах женской личности, в которых выражает некоторое разногласие с Фрейдом. В 1932 году Хорни приезжает в США в качестве содиректора Чикагского института психоанализа. Она продолжает частную практику и преподавание в Нью-Йоркском институте психоанализа. Однако, растущая неудовлетворенность фрейдовской теорией приводит ее в итоге к разрыву с прежним кругом. Хорни вскоре основала Американский институт психоанализа и оставалась его бессменным главой вплоть до самой своей смерти.

Разногласия с Фрейдом

Разногласия касались прежде всего представлений Фрейда о зависимости личности человека от неизменных биологических факторов. Хорни не принимала тезис об

исключительной роли сексуальных факторов, подвергала сомнению эдипов комплекс, концепцию либидо, а также фрейдовские представления о структуре личности. В ответ на тезис Фрейда о том, что главным мотивом деятельности женщины является зависть к мужчине за то, что у него есть пенис, Хорни выдвигала противоположное утверждение: это мужчина завидует женщине потому, что у нее есть матка и она способна рожать. Хорни была убеждена, что именно эта зависть по отношению к матке лежит в основе бессознательного стремления мужчин принизить женщину, взрастить в ней чувство неполноценности. Отсутствие равных прав, возможностей и перспектив у женщины есть свидетельство попыток мужчин оправдать и закрепить свое господствующее положение. По Хорни, в основе всего этого в действительности лежит собственное чувство неполноценности мужчин.

У Хорни много расхождений с Фрейдом и в понимании природы человека. Она писала: «Пессимизм Фрейда в оценке невротизма и их лечения вызван тем, что в глубине души он не верит в добро и способность человека к совершенствованию. По его мнению, человек обречен на страдание и разрушение... Я же убеждена, что человек имеет в себе достаточно сил и желания для того, чтобы реализовать свой потенциал и стать вполне порядочным существом... Я убеждена, что человек может меняться и меняется на протяжении всей своей жизни» (Horney. 1945. P. 19).

Хотя Хорни и отвергала многие моменты фрейдовской системы, она все же принимала основную идею бессознательного, а также представление об эмоциональной, внерациональной мотивации поведения.

Базальная тревожность

Центральное место в теории Хорни занимает понятие **базальной тревожности***, понимаемой как <чувства ребенка, одинокого и незащищенного в потенциально враждебном ему мире> (Horney. 1945. P. 41). Это определение в значительной мере характеризует ее детские переживания. Основная тревога является результатом различных форм родительского поведения: подавления, недостатка заботы и любви, неустойчивого поведения. Все, что может нарушить взаимоотношения ребенка и родителей, способно вызывать основную тревогу. Таким образом, это состояние имеет не биологическое, а социальное происхождение.

Место фрейдовских инстинктов в качестве факторов мотивации у Хорни занимает стремление ребенка обрести безопасность в угрожающем ему мире. По ее мнению, базовая мотивация человека строится на потребности в безопасности и освобождении от страха.

Как и Фрейд, Хорни считала, что личность человека определяется в раннем детстве, но полагала, что человек сохраняет способность меняться и на протяжении всей жизни. Если Фрейд говорил о стадиях психосексуального развития, то Хорни сосредоточила внимание на том, как обращаются с ребенком его родители и воспитатели. Она не признавала универсального характера стадий развития (таких, как оральная или анальная), но полагала, что если нечто подобное и возникает, то все дело в родителях. В ребенке нет ничего универсального, все есть результат тех или иных культурных и социальных факторов или воздействий окружающей среды.

* Базальная тревожность – всеобъемлющее, глубокое чувство одиночества и беспомощности. По Хорни, это чувство лежит в основе невротизма.

Невротические потребности

Основная тревога берет начало во взаимоотношениях ребенка и родителей. Когда под влиянием социальных или психологических причин у ребенка возникает базальная тревожность, в ответ он вырабатывает некие поведенческие стратегии, позволяющие ему справиться с этим растущим чувством беспомощности и незащищенности. Если какая-либо часть подобных поведенческих стратегий становится фиксированной частью личности ребенка, мы имеем дело с так называемыми невротическими потребностями (neurotic needs) - своего рода защитным механизмом против тревоги. Хорни насчитывает 10 подобных невротических потребностей, включая сюда потребность в любви и привязанности, стремление к успеху и самостоятельности.

В более поздних работах она объединяет невротические потребности в три большие группы:

- 1) услужливая личность - тот, кто испытывает потребность быть рядом с другими людьми, тянется к людям, в ком сильна потребность в одобрении и любви со стороны доминантного партнера;
- 2) отрешенная личность - тот, кто испытывает потребность в одиночестве, бежит от людей, в ком сильна потребность к независимости и совершенству, кто ведет замкнутый образ жизни;
- 3) агрессивная личность - тот, кто нуждается в противодействии людей, кто тянется к власти, престижу, кто нуждается в восхищении, успехе и подчинении других людей.

Тяга к другим людям предполагает признание собственной беспомощности и попытку завоевать одобрение со стороны окружающих. Это единственный способ, каким человек подобного типа может почувствовать себя в безопасности. Бегство от людей предполагает замкнутость, тягу к независимости и самостоятельности. Потребность испытывать противодействие со стороны других людей предполагает враждебность, бунтарский дух и агрессию.

Ни одна из этих стратегий не является в достаточной мере реалистичным способом справиться с тревогой. Более того, различные потребности часто не согласуются между собой, что приводит к конфликту внутри личности. Когда мы впервые выбираем для себя ту или иную стратегию поведения, она еще достаточно подвижна и гибка, чтобы допускать возможность и иных, альтернативных стратегий. Но когда она становится фиксированной частью личности, а мы сталкиваемся с ситуацией, в которой прежняя стратегия неэффективна, то изменить поведение в соответствии с новыми обстоятельствами оказывается, как правило, невозможно. Подобные жестко фиксированные стратегии только усиливают наши проблемы, поскольку охватывают всю личность целиком: взаимоотношения с другими людьми, самооценку и отношение к жизни в целом (Homey. 1945).

Идеализированная самооценка

Идеализированная самооценка дает искаженный образ Я. Это своего рода ложная маска, которая не дает невротик возможности понять и принять самого себя реального. Надевая такую маску, невротик отрицает наличие каких-либо внутренних конфликтов. Он имеет перед собой идеализированный образ Я, видит себя гением или еще кем-то в этом роде, что позволяет ему свысока относиться ко всем окружающим.

Однако Хорни не считает, что такого рода невротические конфликты имеют врожденную основу и тем самым неизбежны. По ее мнению, причины неврозов надо искать в неудачном развитии взаимоотношений в детском возрасте. Невроз можно предотвратить, если в детстве ребенок находит в семье достаточно любви, тепла и понимания, чувствует себя в безопасности.

Комментарии

После пессимизма фрейдовской теории оптимистичная точка зрения Хорни на возможность избежать неврозов была встречена психологами и психиатрами с пониманием. Кроме того, заслуживает внимания то, что Хорни описывала развитие личности в терминах социальных сил, уделяя врожденным факторам весьма незначительное внимание.

Как и Фрейд, Юнг и Адлер до нее, Хорни строила свои заключения на клинических наблюдениях, а потому все те замечания, которые мы высказывали с позиций строго научного метода, можно сделать и в этом случае. Хотя сам Фрейд и не высказывался непосредственно о работах Хорни, известно, что он мимоходом дал ей следующую характеристику: «Она не без способностей, но слишком зла» (цит. по: Blanton. 1971. P. 65).

Хотя у Хорни не было большого количества учеников, как не было и своего журнала, освещавшего достижения ее направления, она сумела оказать существенное влияние на развитие психологии. Клиника Карен Хорни и Институт психоанализа Карен Хорни (центр психоаналитической подготовки) до сих пор активно действуют в Нью-Йорке. С появлением феминистского движения в 60-е годы ее работы вновь обрели популярность. Можно сказать, что именно эти работы по проблемам феминистского движения и составляют ее наиболее значительный вклад в современную психологию.

Хорни была из первого, наиболее пламенного и яркого поколения феминисток. Многие из тех идей, что были высказаны ею более 60 лет тому назад, и по настоящее время являются предметом оживленных дискуссий. Она начала работать над проблемами женской психологии с 1922 года и была первой женщиной-психологом, представившей научный доклад на эту тему на международный психоаналитический конгресс. Конгресс проходил в Берлине, и председательствовал на нем сам Зигмунд Фрейд (O'Connell. 1990).

В 30-е годы Хорни работает над различием традиционной женской позиции, когда женщина ищет счастья в замужестве и материнстве, и позиции женщины современной, которая реализует себя прежде всего через карьеру. По ее собственному мнению, именно этот конфликт лежит в основе всей ее жизни. Хорни выбрала научную карьеру, что принесло ей в итоге большое удовлетворение, но потребность в любви остается насущной задачей на протяжении всей жизни. Эта дилемма в наше время столь же актуальна, как и в 30-е годы, как актуальна и та решительная борьба, которую Хорни вела за неотъемлемое право женщины самой выбирать свой путь в нашем ориентированном лишь на мужчину обществе.

Наследники

Фрейдовский психоанализ недолго оставался единственной теоретической концепцией в сфере психологии личности. Уже при жизни Фрейда существенные новации в этой области были внесены лояльными неопрейдистами и социальными психологами. С тех пор сфера психологии личности переживает бурный рост. В настоящее время учебники по

психологии обычно говорят о 15-20 конкурирующих между собой теориях. Все эти теории существенно различаются между собой, но есть и нечто, что их сближает. Все они в той или иной мере обязаны своим появлением творчеству Зигмунда Фрейда.

Фрейд стал для психоаналитического движения тем же, чем до него для экспериментальной психологии был Вильгельм Вундт - источником постоянного вдохновения. Любая конструкция, будь то здание или теоретическая система, в значительной мере зависит от крепости своего основания. Основы, заложенные Фрейдом, как и до него Вундом, дают возможность строить на них действительно прочные сооружения.

В качестве примера постфрейдовской психологии личности мы рассмотрим работы трех «наследников» психоаналитического движения: Олпорта, Мюррея и Эриксона.

Гордон Олпорт (1897-1967)

За годы своей длительной и весьма продуктивной карьеры в Гарвардском университете Гордон Олпорт, как никто другой, сделал многое для того, чтобы придать исследованиям по психологии личности академическую респектабельность. До появления в 1937 году его книги «Личность: психологическое истолкование» (Personality: psychological interpretation) проблемы теории личности вообще не считались предметом психологии. Сам Олпорт никогда не подвергался сеансам психоанализа и не занимался частной практикой в этой области, что и позволило ему перенести исследования личности из клинической сферы в университетские аудитории.

Страницы жизни

В детстве Олпорт испытывал определенные трудности в общении со сверстниками, но в семье царила атмосфера любви и понимания. В отличие от самого Фрейда и остальных его последователей первой волны, Олпорт, похоже, не имел в детстве никаких травматических переживаний, способных прямо или косвенно повлиять на формирование личности взрослого человека. Вероятно, исходной позицией для него послужили не личные проблемы и переживаний, а чисто академические интересы.

Некоторое время после окончания школы и до поступления в университет Олпорт посвятил путешествиям. В Вене он посетил Фрейда, что впоследствии оказало значительное воздействие на его понимание личности. Когда его провели в кабинет великого мыслителя, Олпорт явно растерялся и не знал, о чем говорить. Наконец, он буквально выпалил некую историю, свидетелем которой якобы был, про мальчика с явными признаками исключительной боязни любой грязи. Когда он закончил, Фрейд, помолчав минуту, спросил: «Этот маленький мальчик - Вы?»

Фрейд полагал, что Олпорт рассказывает ему собственную историю и говорит о своих глубинных конфликтах (Allport.1968). Этот вопрос Фрейда, по всей видимости, оказался в достаточной мере прозорливым. «Действительно, Олпорт отличался исключительной

опрятностью, дотошностью, пунктуальностью и любовью к порядку, то есть обладал типичными характеристиками, по Фрейду, личности, страдающей навязчивыми идеями» (Pervin.1984. P. 267).

Олпорт был потрясен вопросом Фрейда. Спустя многие годы он писал: «Мое единственное столкновение с Фрейдом оказалось для меня травматическим переживанием» (Allport. 1967. P. 22). По его мнению, психоанализ явно преувеличивал роль бессознательных сил и мотивов в ущерб сознательным.

Олпорт свел до минимума учет влияния бессознательного на психическое здоровье взрослого человека. В поведении нормального человека главную роль играют рациональные мотивы, и лишь невротики живут в соответствии с импульсами бессознательного. Он также не был согласен с фрейдовской оценкой исключительной роли детских переживаний в развитии психических конфликтов у взрослого человека. Нормальный человек живет не только прошлым, но настоящим и будущим.

Еще одно отличие позиции Олпорта от ортодоксального психоанализа состоит в том, что он предпочитал изучать нормальных взрослых людей, а не невротиков. С его точки зрения, между невротиком и здоровым человеком нет континуума, у них вообще мало общего, а потому и нет основания для строгого сравнения. Личность человека всегда уникальна, а потому не существует никаких универсальных, приложимых к каждому законов развития.

Личность и мотивация

По Олпорту, ядро личности составляют мотивы деятельности. Для того, чтобы объяснить характер мотивации, он ввел понятие **функциональной автономии***, означающее, что мотивация взрослого человека функционально не связана с его детскими впечатлениями. Мотивы деятельности человека не зависят от исходных обстоятельств их возникновения. Это можно пояснить через аналогию соотношения дерева и семени: после того, как дерево выросло, оно уже больше функционально не зависит от обстоятельств своего появления на свет. Точно так же и человек, повзрослев, сам отвечает за свои дела и поступки и не зависит более от перипетий детских лет.

Например, в начале карьеры мы много работаем для того, чтобы заработать достаточно денег и упрочить свою позицию. Со временем, когда эти задачи уже решены, мы, возможно, будем по-прежнему отдаваться работе, но уже по другим причинам. Мотивы поведения взрослых людей нельзя, по Олпорту, выводить из их детских намерений и представлений. Эти цели определяются нынешней ситуацией и нынешними намерениями.

Для характеристики личности человека Олпорт использует латинский термин *proprrium* (проприум), что означает <свойственный, присущий>. Личность - это то, что принадлежит, присуще каждому из нас. Она включает в себя все уникальные, присущие нам и только нам черты, что составляет важнейшую часть личности. *Proprrium* проходит в своем развитии от детского возраста до взрослого состояния семь стадий. Эти стадии не имеют ничего общего с фрейдовскими стадиями психосексуального развития. Напротив, развитие идет на основе социальных факторов и преимущественно на основе изменения взаимоотношений с матерью, составляющих ядро *proprrium*.

* Функциональная автономия: по мысли Олпорта, мотивы поведения взрослых людей не зависят от их детских переживаний.

Впервые Олпорт приступил к исследованиям в области теории личности во время пребывания в США, когда работал над докторской диссертацией. Он различал общие черты личности, которые могут встречаться у большого числа людей, и индивидуальные, присущие только данному человеку. И те, и другие поддаются изучению на основе внешнего наблюдения, позволяющего выявить определенное постоянство и регулярности в поведении.

Олпорт говорит о трех типах черт личности:

- 1) кардинальные черты - им подчинены эмоции и чувства, управляющие повседневной деятельностью человека;
- 2) центральные черты - доминирующие типы поведения, например, агрессия или сентиментальность;
- 3) вторичные черты - проявляются не столь устойчиво и регулярно, как прочие черты характера.

Комментарии

Несмотря на всю свою влияние в психологии, теория Олпорта не получила достаточного экспериментального подтверждения прежде всего из-за сложности перевода его концепции в форму, поддающуюся проверке в лабораторных условиях. Наиболее известные подобные исследования касаются экспрессивного поведения: мимики лица, голосовых интонаций, жестикуляции, манеры поведения, - всего, что может многое сообщить о некоторых гранях личности опытному наблюдателю.

Позиция Олпорта, подчеркивающая уникальность человеческой личности, а также важность понимания личностных целей и ожиданий, оказала значительное воздействие на взгляды Абрахама Маслоу, Карла Роджерса и других представителей гуманистической психологии. Работы Олпорта по теории личности сыграли существенную роль в возобновлении интереса исследователей к этой теме. Его идеи «производят весьма сильное впечатление... и дали толчок целому ряду новых теоретических и прикладных исследований в современной психологии личности» (Fuder. 1991. P. 32).

Олпорт обладал хорошим литературным стилем, основные понятия изложены ясным и четким языком, и их легко понять. Он разработал специальный тест, позволяющий измерять ценностные предпочтения и убеждения индивида. Тест доказал свою пригодность в научных исследованиях, а также при консультировании и отборе кандидатов на ту или иную должность. Олпорт был удостоен золотой медали Американского фонда психологии и награды «За выдающиеся научные достижения» от Американской психологической ассоциации, его также избирали президентом психологической ассоциации.

Генри Мюррей (1893-1988)

Если теория личности Олпорта строилась как практически полная антитеза фрейдовской психологии, то система Мюррея, названная им пер-сонологией, продолжала основные традиции классического психоанализа. Однако, как и Олпорт, Мюррей предпочитал строить свои заключения не на клинических наблюдениях, а на лабораторных данных. Он прошел курс психоанализа (по словам Мюррея, его психоаналитик с ним намучился), но, тем не менее, никогда не занимался частной практикой. Он предпочитал иметь дело со здоровыми людьми - студентами Гарвардского университета. По его убеждению, психоанализ является единственной психологической концепцией, позволяющей иметь дело с психикой человека во всей ее сложности, и ему суждено в скором времени стать стандартным предметом университетской программы (Triplet. 1992).

Страницы жизни

В детстве с Мюрреем произошло несколько знаменательных событий. Он был отвергнут собственной матерью, что, по его мнению, и послужило причиной повторявшихся на протяжении всей жизни приступов депрессии. Он обладал необыкновенной чувствительностью и отзывчивостью к страданиям других людей. В полном соответствии с адлеровским тезисом о чувстве неполноценности, он компенсировал свои физические недостатки (неряшливость и полную неспортивность) за счет других своих способностей.

После окончания медицинского колледжа при Колумбийском университете он поступил в интернатуру по хирургии и по окончании ее получил ученую степень по биологии в Кембридже - безусловно, не самый короткий путь для того, чтобы стать в итоге психологом. Он располагал достаточным досугом, чтобы удовлетворять свои обширные научные интересы, благо это позволяло приличное наследство и удачная женитьба на наследнице империи Дюпонов.

Мюррей лишь однажды посещал курс по психологии, но уже на второй лекции, по его собственным словам, стал искать глазами выход (лектором был профессор Хьюго Мюнстерберг). Его следующим курсом по психологии много лет спустя стал уже его собственный курс. Психологией он увлекся под влиянием личного кризиса: он влюбился в молодую замужнюю женщину, Кристиану Морган. Однако ему не хотелось расставаться и со своей прежней женой. По настоянию Кристианы Морган, он отправился в Цюрих на консультацию к Карлу Юнгу.

В то время Юнг сам находился в сходной ситуации: у него был роман с женщиной много его моложе, но при этом он продолжал жить со своей семьей. Юнг посоветовал Мюррею не мучиться и последовать его примеру. Мюррей внял совету и прожил в таком положении около сорока лет. В итоге Юнгу не только удалось решить личную проблему Мюррея, но и увлечь его психологией. Юнг сумел наглядно показать ему, что психология - в особенности, изучение сферы бессознательного - способна давать ответ на вполне жизненные проблемы.

В 1927 году Мюррей присоединился к Гарвардской психологической клинике, специально созданной для исследования проблем личности. Вся его последующая карьера протекала в стенах Гарварда, за исключением периода 1941-1945 годов, когда он участвовал в специальной программе Управления стратегических исследований (предшественник ЦРУ). В рамках этой программы испытуемых наблюдали в различных реальных стрессовых ситуациях. Позже на ее основе был разработан ряд оценочных тестов для отбора претендентов, ныне широко используемый в деловых и правительственных сферах.

Персонология

Учитывая то, что Мюррей получил основательную подготовку по медицине и биохимии, не покажется удивительным, что он предпочел заниматься преимущественно физиологическими аспектами человеческой личности. В качестве центрального положения он выдвинул тезис о снятии напряжения. В его интерпретации этот процесс имел еще большее значение, чем даже у Фрейда. Также из фрейдовской традиции им были позаимствованы положения о роли бессознательного и о влиянии детских переживаний на поведение взрослого человека. В его системе присутствовали и понятия ид, эго и супер-эго, хотя и в несколько модифицированном по сравнению с ортодоксальным виде (Murray, 1938).

С его точки зрения, ид содержит в себе врожденные, импульсивные тенденции и является основным поставщиком энергии для деятельности личности, что почти полностью совпадает с позицией Фрейда. Однако наряду с примитивными устремлениями к наслаждению, у Мюррея ид включает в себя еще и социально позитивные тенденции, такие как эмпатия, идентификация и любовь. И хотя некоторые части ид для нормального хода развития должны подвергаться подавлению, другие, напротив, должны проявлять себя совершенно свободно. В подобном сочетании можно увидеть следы юнговского архетипа тени, в котором также содержатся как желательные, так и нежелательные моменты.

Как и в работах неофрейдистов эго-психологов, у Мюррея эго выполняет активную роль и определяет собой поведение человека. Мюррей был уверен, что эго выполняет не только служебные по отношению к ид функции. Задача эго состоит в том, чтобы подавлять одни, нежелательные импульсы, и способствовать выражению других, желательных импульсов в составе ид.

Мюррей принимал фрейдовское положение о том, что супер-эго представляет собой интериоризованные культурные и социальные ценности, и что при помощи супер-эго индивид рассматривает свое поведение как соответствующее или не соответствующее тем или иным ценностям. Несогласие у него вызывало лишь представление о путях формирования супер-эго. С точки зрения Мюррея, супер-эго формируется не только под воздействием одного из родителей, но также и под влиянием сверстников и товарищей,

литературы и мифологии. Супер-эго не заканчивает свое развитие к пятилетнему возрасту, но продолжает меняться на протяжении всей жизни человека.

Проблема мотивации занимает центральное место в теории личности Мюррея. Впрочем, его классификация потребностей не внесла существенного вклада в психологию личности. С его точки зрения, появление потребностей ведет к химическим изменениям в мозге, под воздействием которых и протекает деятельность мышления и чувств. Любая потребность вызывает в теле человека определенное напряжение, снять которое можно, лишь удовлетворив потребность. Таким образом, потребности запускают соответствующие типы поведения, которые и должны принести искомое удовлетворение. Он насчитывал около двадцати различных видов потребностей, среди которых потребность в достижении желаемого, в принадлежности к определенной группе, проявлении агрессии, независимости и стремлении к власти.

Как и Фрейд, Мюррей считал, что личность проходит в своем развитии ряд ступеней. На каждой стадии ведущим является определенный способ достижения удовлетворения. Данные стадии запечатлеваются в личности в виде определенного комплекса - это и есть нормальный путь воздействия бессознательного на развитие личности. Все это очень напоминает стадии психосексуального развития, по Фрейду:

- 1) клаустральный комплекс - безопасное существование внутри материнского лона;
- 2) оральный комплекс - чувственные наслаждения, получаемые от сосания;
- 3) анальный комплекс - удовольствие, получаемое от дефекации;
- 4) уретральный комплекс - удовольствие, получаемое от мочеиспускания;
- 5) генитальный комплекс - генитальные удовольствия.

По мысли Мюррея, каждый человек проходит через подобные стадии развития личности, а потому нет ничего ненормального и в появлении у человека комплексов, если только они не переходят разумные границы.

Тематический апперцептивный тест

В основу тематического апперцептивного теста (ТАТ), разработанного совместно с Кристианой Морган, была положена мюрреевская классификация потребностей. В течение многих лет считалось, что основную роль в создании теста играл сам Мюррей, а Морган была лишь помощником. Однако в 1985 году Мюррей объявил, что именно ей принадлежит ведущая роль, а сама идея теста была навеяна ему одной из студенток во время занятий (Bronstein. 1988. P. 64).

Идея проективных тестов основывается на фрейдовском понимании проекции как одного из защитных механизмов психики, когда человек приписывает тревожащие его импульсы кому-то иному. В ТАТ испытуемому предлагают описать некоторую неопределенную картинку. При этом считается, что он непременно спроецирует беспокоящие его импульсы на описание ситуации. В настоящее время ТАТ широко используется как в академических исследованиях по психологии личности, так и для оценки личностных характеристик кандидатов при приеме на работу.

Комментарии

Теория Мюррея породила целую волну исследований по проблеме потребностей и методам количественной оценки личностных характеристик. Некоторые из его положений, - такие как потребность в принадлежности к группе, потребность в

достижении желаемого, - получили достаточно надежное экспериментальное подтверждение. Что касается остальных утверждений, то уровень их подтвержденности значительно ниже.

Научные заслуги Мюррея получили признание коллег по профессии. Он был удостоен золотой медали Американского психологического фонда и награды «За выдающийся вклад в развитие науки» Американской психологической ассоциации.

Эрик Эриксон (1902-1994)

Эриксон прошел ортодоксальную психоаналитическую подготовку под руководством Анны Фрейд. Ему принадлежит довольно популярный подход к изучению проблем личности, который впоследствии разделяли многие психоаналитические системы, несмотря на все их разногласия в прочих областях. Эриксон разработал собственное представление о стадиях развития личности, полагая, что личность человека меняется на протяжении всей его жизни. Он признавал также влияние культурных, исторических и социальных факторов на развитие личности.

Страницы жизни

Эрик Эриксон известен прежде всего как автор концепции **кризиса идентичности***. Это понятие основано в значительной мере на его личной биографии. «Мои друзья, - писал он, - настаивали на том, что я должен дать какое-то название своему кризису и сумею отыскать нечто похожее у кого-то другого, чтобы лучше разобраться в себе самом» (Ericson. 1975. P. 25-26). Первый такой кризис в его жизни был связан с его именем. В течение многих лет он полагал, что его фамилия Хомбургер, по фамилии отчима, которого он считал своим настоящим отцом. Он сменил эту фамилию на Эриксон в возрасте 39 лет, когда стал гражданином Соединенных Штатов*.

* Кризис идентичности - по Эриксону, неспособность достичь в детском возрасте идентичности это (интеграции наших представлений о том, что есть мы и кем хотим быть).

* Интересно, что фамилия настоящего отца так и осталась неизвестной. Новая фамилия образована от его имени. - Прим. перев.

Второй кризис идентичности связан со школьными годами в Германии. Сам Эриксон считал себя немцем, но одноклассники-немцы его своим не признавали, называя евреем**. В то же время одноклассники-евреи также не считали его своим из-за слишком светлой шевелюры и типично арийской внешности.

Третий кризис разразился после окончания школы, когда Эриксон буквально бежал из привычного круга общения и в течение нескольких лет путешествовал по Европе в поисках собственного Я. В возрасте 25 лет он начал преподавать в небольшой школе в Вене, специально созданной для детей пациентов и друзей Зигмунда Фрейда. Он прошел курс психоаналитической подготовки и объявил, что наконец нашел то, что искал: личную и профессиональную идентичность. И хотя формально он не имел высшего образования, он читал курс лекций в Гарварде и в итоге смог стать одним из наиболее влиятельных психоаналитиков современности.

Психосоциальные стадии развития

Теория Эриксона рассматривает развитие личности на протяжении всей жизни человека, от рождения до самой смерти. При этом центральной темой подобного развития выступает поиск собственной идентичности.

По Эриксону, человек на протяжении своей жизни проходит восемь **психосоциальных стадий развития***, каждая из которых включает в себя конфликт или кризис, требующий разрешения. Подобные кризисы неизбежно возникают на каждой стадии психосоциального развития, поскольку социальные и физические условия среды создают ситуации нового вызова. Человек может выбирать между двумя основными путями разрешения кризиса: адаптивным или неадаптивным. И только когда кризис миновал, получил соответствующее разрешение и личность изменилась, человек готов к преодолению нового кризиса.

Первые четыре стадии повторяют фрейдовское членение. Это оральная, анальная, фаллическая стадии и латентный период, в котором Эрик-сон, однако, подчеркивает больше не биологические и сексуальные факторы, а социальные. Последние четыре стадии, которые выделяет сам Эриксон, охватывают период от детства до старости (возраст, который Фрейд практически игнорировал).

Каждая из таких психосоциальных стадий и соответствующих им кризисов может иметь позитивный результат при условии, что удастся ее разрешить адаптивным образом. Если же кризис разрешается неадаптивным образом, ситуацию еще можно поправить, если адаптивное решение удастся достичь на следующей стадии развития. Поэтому оптимистическая перспектива сохраняется на всех стадиях развития.

Эриксон полагал также, что на протяжении всех стадий развития сохраняется возможность сознательного контроля и коррекции, что прямо противоречит убеждению Фрейда об определяющей роли в развитии личности исключительно детского периода жизни. Эриксон признавал, что детские впечатления могут быть чрезвычайно важны и даже иметь решающее значение в тех или иных случаях. Его возражения строились на том, что на последующих стадиях человек способен преодолеть или скорректировать

** Его отчим, Хомбургер, был евреем. – Прим. перев.

* Психосоциальные стадии – восемь стадий развития личности, через которые проходит в своем развитии человек. Каждая такая стадия включает в себя некоторый кризис, с которым человек должен справиться адаптивным или неадаптивным образом.

негативные последствия детских конфликтов. Всегда сохраняется возможность достижения главной цели человеческой личности - установления позитивной идентичности эго.

Кризис идентичности

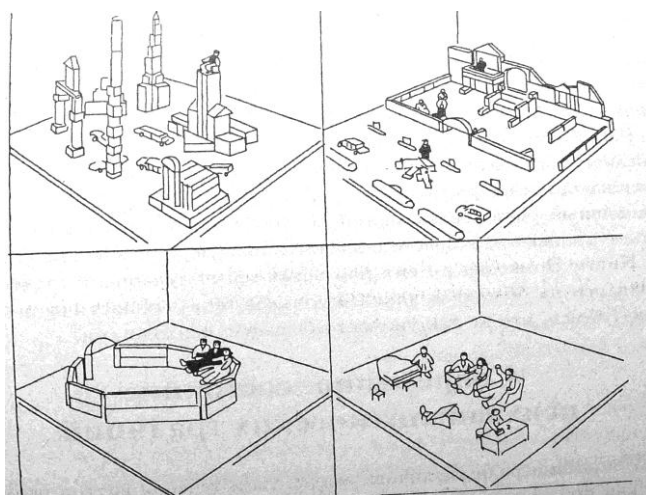
Вопрос об идентичности эго должен быть решен в юности (примерно 12-18 лет). Именно в этот период должна происходить консолидация личности, когда человек формирует и оптимизирует образ собственного Я. Именно эти процессы позволяют сохранять преемственность с прошлым опытом и определять цели на будущее. По Эриксону, принятие определенного образа Я - процесс сложный и полный тревоги. Юноша или девушка должны экспериментировать с различными социальными ролями и образами Я для того, чтобы найти свой собственный образ, в наибольшей степени отвечающий их внутренним устремлениям.

Те, кто смог обрести достаточно сильное чувство идентичности, тем самым оказывается наиболее подготовлен к столкновению со взрослыми проблемами. Те же, кто по тем или иным причинам потерпел неудачу в обретении чувства идентичности, по мнению Эриксона, неминуемо должны столкнуться с кризисом идентичности. Они могут либо выпасть из нормального хода жизненного процесса (образование, работа, женитьба), как это произошло с самим Эриксонем, либо попытаться найти негативную идентичность на путях социально осуждаемого поведения: наркотики и преступления.

Различия в психологии мужчины и женщины

Одним из спорных аспектов концепции Эриксона является утверждение о том, что психология мужчины и женщины различается на основе биологических признаков: наличия или отсутствия пениса. Он строил свои заключения не только на основе фрейдовского различия психологии мужчины и женщины, но и на основании собственных работ. Он провел интересное исследование на мальчиках и девочках 10 - 12 лет, которые в ходе игр складывали различные фигуры из кубиков и блоков детского деревянного конструктора (Erikson. 1968).

Те фигуры, которые складывали девочки, были невысокими, статичными, в них каким-либо образом проникали животные и мужские фигурки. Конструкции, которые создавали мальчики, были сравнительно высокими, они были устремлены вверх и воплощали в себе действие. Эриксон интерпретировал эти результаты следующим образом: что мальчики и девочки таким образом в символической форме обозначают свои гениталии. Правда, при этом он допускал, что половые различия в психологии могут быть и результатом соответствующего воспитания, усвоения свойственной полу социальной роли, когда мальчиков приучают быть более энергичными и агрессивными, чем девочки.

Конструкции, сооружение в процессе игры мальчиками (вверху) и девочками (внизу).

Воспроизводится по книге Эрик Г. Эриксон «Ребенок и общество» 2-е изд. 1963.

Комментарии

Концепция идентичности эго Эриксона стала предметом довольно многочисленных экспериментальных исследований. В целом эти исследования подтвердили, что те подростки, которые сумели обрести достаточно сильное и позитивное чувство идентичности, лучше и более адаптивным образом справляются с кризисами ранних стадий развития. Те же подростки, которые обладают более слабой идентичностью эго, в целом справляются со своими кризисами менее адаптивным образом. Эти исследования подтверждают основные положения концепции Эриксона. В то же время есть данные, говорящие о том, что кризис идентичности может иметь место и в более позднем возрасте, нежели это предполагал Эриксон. По мнению одного из исследователей, кризис идентичности происходит в поздней юности, а более 30 процентов испытуемых продолжают поиски идентичности вплоть до 24 лет (Archer. 1982). Другие данные свидетельствуют о том, что те подростки, которые после окончания школы начинают самостоятельную трудовую жизнь, раньше, чем их сверстники-студенты, обретают идентичность эго. Учеба в колледже может на некоторое время замедлить процесс формирования идентичности эго.

Наибольшее число научных разработок касается детского возраста, меньше работ посвящено исследованию зрелого и пожилого возраста. По мнению критиков, это происходит потому, что самому Эриксону на эту тему просто нечего было сказать. Эриксон ответил критикам в 1986 году, когда ему было уже 86 лет, книгой «Участие в жизни в пожилом возрасте» (*Vital involvement in Old Age*) (Erikson, Erikson & Kivnick. 1986), которая демонстрирует его собственную жизненную энергию в разработке теоретических и практических аспектов своей теории.

Работы Эриксона оказали существенное влияние на развитие психоанализа, образование, социальную работу, консультирование по профессиональным вопросам и по проблемам семьи и брака. Нынешний интенсивный рост исследований по проблемам развития личности в среднем и пожилом возрасте в значительной мере основан на его работах. Книги Эриксона до сих пор остаются популярными, а его лицо появлялось на обложках таких журналов, как «Ньюсвик» и «Нью-Йорк Таймс», что не так уж часто бывает с психологами.

Современное состояние психоаналитических традиций

Мы рассмотрели различные варианты и течения внутри психоанализа как при жизни Фрейда, так и в последующие годы. Некоторые современные варианты психоанализа уже настолько далеко ушли от его изначального, фрейдовского варианта, что сохраняют свое название лишь для того, чтобы отличить себя от бихевиористской и экспериментальной линий в психологии.

Психоанализ в настоящее время значительно более раздроблен в теоретическом отношении, чем бихевиоризм. Сколь бы ни были велики различия между ортодоксальным бихевиоризмом и необихевиористами, а также нео-необихевиористами, все они в целом разделяют представление Джона Б. Уотсона о том, что именно поведение человека должно быть в центре внимания любого психологического исследования. Напротив,

далеко не все, а точнее, вообще меньшинство последователей Фрейда продолжают заниматься изучением бессознательного и биологических факторов как центральной задачей своих исследований, или же разделяют убеждение основателя психоанализа о ведущей роли секса и агрессии как мотивов поведения.

Подобное многообразие вариантов и направлений психоанализа можно рассматривать и как показатель его жизненности и силы, и как свидетельство слабости и угасания. В настоящее время еще рано выносить окончательное суждение. Однако нельзя не видеть, что многообразие школ психоанализа говорит прежде всего о том, что сто лет тому назад Зигмунду Фрейду удалось затронуть некие чрезвычайно важные аспекты психики человека.

Вопросы для обсуждения

1. Расскажите о тех изменениях, которые внесли неопрейдисты во фрейдскую систему психоанализа. Опишите подход Анны Фрейд к проблемам анализа психики. Каким образом изменение общего духа эпохи в социальном познании повлияло на развитие психоанализа?
2. Каким образом личный жизненный опыт Юнга оказал воздействие на его аналитическую психологию? Расскажите о Юнговской концепции коллективного бессознательного и об основных архетипах.
3. Расскажите о сути разногласий между позициями Адлера и Фрейда. Обсудите представления Адлера о чувстве неполноценности, стиле жизни и порядке рождения. Какие критические замечания были выдвинуты против индивидуальной психологии Адлера?
4. Расскажите о сути разногласий между позициями Адлера и Фрейда. Обсудите ее взгляды с соответствующими представлениями Фрейда. Объясните, какую роль в ее теории имеет понятие базальный тревожности и идеального образа Я.
5. Каковы основные отличия взглядов Олпорта в области психологии личности от соответствующих воззрений Фрейда? Дайте определение следующим понятиям функциональная автономия, *proprium*, кардинальные черты. Каким образом творчество Олпорта повлияло на отношение академической психологии к проблемам теории личности?

Рекомендуемая литература

- Ellenberger, H. F. (1970) *The discovery of the unconscious: The history and evolution of dynamic psychiatry*. New York: Basic Books. В книге рассматривается развитие представлений о бессознательном, начиная от Фрейда и заканчивая современными вариантами психоанализа. См. особо главу 8 об Адлере и главу 9 о Юнге.
- Maddi, S. R. & Costa, P. T. (1972) *Humanism in personology: Allport, Maslow and Murray*. New York: Aldine-Atherton. В работе анализируются сходства и различия в позициях этих психологов, а также обстоятельства становления и развития их воззрений.
- Quinn, S. (1987) *A mind of her own: The life of Karen Horney*. New York: Summit Books. В книге рассматривается жизнь и работы Карен Хорни, а также ее разногласия с ортодоксальным фрейдским психоанализом.
- Sayers, J. (1991) *Mothers of psychoanalysis: Helene Deutsch, Karen Horney, Anna Freud, Melanie Klein*. New York: Norton. В работе рассматривается эволюция психоанализа от патриархальной к матриархальной позиции в период после смерти Фрейда.
- Young-Bruehl, E. (1988) *Anna Freud: A biography*. New York: Summit Books. В книге описывается жизнь и творчество дочери и наперсницы Зигмунда Фрейда, продолжившей дело отца и создавшей детский психоанализ.

Гуманистическая и когнитивная психология

Психологические школы в исторической перспективе

Мы уже видели в предыдущих главах, как вновь возникающие школы появлялись, переживали период расцвета и затем вливались в основное русло современной психологической мысли. Каждая из таких школ первоначально черпала энергию роста в отторжении от более ранних концепций. Когда противник повержен и сражаться больше не с кем, новая школа начинает приобретать все черты устоявшейся структуры - по крайней мере, до нового кризиса.

У каждой школы - свой путь к успеху, каждая из них внесла существенный вклад в развитие психологии. Это верно даже по отношению к структурализму, хоть он и не оставил непосредственного следа в современном психологическом знании. В настоящее время, как и в течение нескольких десятилетий до того, среди психологов нет прямых последователей Титченера. Однако и этот вклад нельзя недооценивать: ведь именно благодаря структурализму стала возможной вся линия Вильгельма Вундта, обосновавшего возможность психологии как самостоятельной отрасли знания, отличной от философии. То обстоятельство, что структурализм доминировал в мировой психологической мысли в течение лишь недолгого времени, вовсе не умаляет его заслуг как первой самостоятельной психологической школы в современной науке.

То же самое можно сказать и о вкладе функционализма, также не сумевшего стать отдельной школой в психологии. Хотя функционализм является всего лишь определенным направлением мысли, все же именно благодаря ему стало возможным существование всей современной американской психологической мысли. Именно благодаря функциональному, утилитарному подходу американская психология в наши дни есть не только профессия, но и наука, способная использовать свои достижения практически во всех сферах жизни. «Принципы функционализма, послужившие основой интеллектуальной экспансии и многообразия форм психологии, продолжают и в наши дни вдохновлять многих ученых» (Wagnet&Owens.1922. P.10).

Что можно сказать о гештальт-психологии? Она также, хотя и в более скромном масштабе, выполнила свою миссию. Развиваясь как антитеза элементаризму, она способствовала утверждению целостного подхода к психике, а ее глубокий интерес к проблемам сознания сказался на работах психологов в области клинической психологии, психологии обучения, восприятия, мышления и социальной психологии. Хотя гештальт-психология и не произвела того переворота в науке, на какой рассчитывали ее основатели, она все же оказала существенное влияние на развитие психологии и в целом может расцениваться как успех.

Однако, сколь бы велики ни были заслуги структурализма, функционализма и гештальт-психологии, им, безусловно, по степени влияния на мировую психологию далеко до бихевиоризма и психоанализа. Эти направления оказали фундаментальное воздействие на современный облик психологической мысли и безоговорочно доказали свое право называться самостоятельными и самобытными школами в психологии.

Мы уже обсуждали судьбы каждого из этих течений после смерти их основателей, Джона Б. Уотсона и Зигмунда Фрейда. Каждая школа раскололась на множество соперничающих

между собой направлений и фракций, имеющих собственные представления об истине и перспективах дальнейшего движения.

Однако, несмотря на всю внутреннюю разобщенность, эти школы достаточно четко противостоят друг другу. Бихевиористы скиннеровского толка, например, несомненно, имеют больше общего с социо-бихевиористами, последователями Бандуры и Роттера, чем с приверженцами психоанализа Юнга или Эриксона.

Жизненная сила и творческий потенциал и той и другой школы виден в их дальнейшей способности к росту и появлению новых концепций. Совершенно очевидно, что развитие бихевиоризма не заканчивается на Б. Ф. Скиннере, как и психоанализ не завершается Альфредом Адлером.

Рассмотрим еще два направления в американской психологии второй половины XX столетия: гуманистическую и когнитивную психологию. Оба эти направления существенным образом изменили характер современной психологии, вновь поставив в центр внимания проблему сознания.

Гуманистическая психология: третья сила

В 60-е годы XX века в американской психологии возникло новое направление, получившее название **гуманистической психологии***, или <третьей силы>. Это направление, в отличие от неопрейдизма или нео-бихевиоризма, не было попыткой ревизии или адаптации к новым условиям какой-либо из уже существующих школ. Напротив, как это и отражено в названии раздела - <третья сила>, гуманистическая психология намеревалась выйти за пределы дилеммы бихевиоризм-психоанализ, открыть новый взгляд на природу психики человека.

Основные принципы гуманистической психологии заключаются в следующем:

- 1) подчеркивание роли сознательного опыта;
- 2) убеждение в целостном характере природы человека;
- 3) акцент на свободе воли, спонтанности и творческой силе индивида;
- 4) изучение всех факторов и обстоятельств жизни человека.

Истоки гуманистической психологии

Как и любое другое теоретическое направление, гуманистическая психология имела определенные предпосылки в более ранних психологических концепциях. Среди таких истоков можно назвать некоторые идеи Франца Brentano, постоянного оппонента Вундта и предтечу гештальт-психологии. Brentano подвергал критике механистичность и редукционизм научного подхода в психологии и настаивал на необходимости преимущественного обращения к сознанию как к молярной, а не молекулярной характеристике.

Освальд Кюльпе в своих работах наглядно показал, что далеко не все содержание сознания может быть сведено к своим элементарным формам и объяснено в терминах «стимул-реакция». Точно так же и Вильям Джемс настаивал на необходимости обращения к сфере сознания и учета целостного характера психики человека.

* Гуманистическая психология – психологическая концепция, основное внимание уделяющая изучению сознательного опыта человека, а также целостного характера природы и поведения человека.

Гештальт-психологи также подчеркивали необходимость целостного подхода к изучению сознания. Вопреки почти всеобщему господству бихевиоризма в психологии того времени, им удалось утвердить важность изучения сознания как законной и плодотворной для психологии сферы.

Корни гуманистической психологии можно проследить и в психоанализе. Адлер, Хорни, Эриксон и Олпорт в противовес позиции Фрейда настаивали на том, что человек - существо прежде всего сознательное и наделенное свободой воли. Эти «отступники» ортодоксального психоанализа видели сущность человека в его свободе, спонтанности и способности самому быть причиной своего поведения. Человека характеризуют не только события прошлых лет, но и его цели и надежды на будущее. Эти теоретики отмечали в личности человека прежде всего творческую способность человека самому формировать свое Я.

В целом можно сказать, что все эти направления воплощают своеобразный новый дух времени. Появление гуманистической психологии отражает растущую неудовлетворенность, особенно обострившуюся с начала 60-х годов, механистическим и материалистическим характером всей западной культуры в целом. Эта так называемая контр-культура 60-х создавалась недоучившимися студентами, больше известными как хиппи. Многие из них употребляли галлюциногенные наркотики, которые, как ожидалось, должны были увести их в высшие сферы сознания. Как определенная культурная группа, они разделяли некоторые общие ценности, вполне совместимые с основными положениями гуманистической психологии. Такими базовыми ценностями были ориентация на реализацию личности, вера в возможность совершенствования человека, подчеркивание ориентации на настоящий момент в жизни, гедонизм (стремление к чувственным удовольствиям как главному содержанию жизни) и тенденция к максимальному самораскрытию человека (свободное выражение внутреннего мира и переживаний) (Smith. 1990).

Природа гуманистической психологии

С точки зрения гуманистической психологии, бихевиоризм представляет собой узкий, искусственно созданный и предельно обедненный взгляд на природу человека. Акцент бихевиоризма на внешнем поведении, по их мнению, лишает образ человека подлинного смысла и глубины, дегуманизирует его, ставя на одну доску с животным или машиной. Гуманистическая психология отвергала представление о человеке как о существе, чье поведение строится лишь на основе детерминизма и полностью определяется стимулами внешней среды. Мы - не лабораторные крысы и не роботы, человека нельзя полностью объективировать, просчитать и свести к совокупности элементарных актов типа «стимул-реакция».

Бихевиоризм не был единственным противником гуманистической психологии. Она также подвергала критике элементы жесткого детерминизма во фрейдовском психоанализе: преувеличение роли бессознательного и, соответственно, недостаточное внимание к сознательной сфере, а также преимущественный интерес к невротикам и психотикам, а не к людям с нормальной психикой.

Если прежде психологов больше всего интересовала проблема душевных расстройств, то гуманистическая психология направлена преимущественно на задачу исследования душевного здоровья, позитивных душевных качеств. Сосредоточив внимание лишь на темной стороне человеческой психики и оставив в стороне такие чувства, как радость,

удовлетворение и тому подобные, психология игнорировала как раз те аспекты психики, которые во многом и составляют человеческое существо. Именно поэтому в ответ на явную ограниченность как бихевиоризма, так и психоанализа, гуманистическая психология с самого начала создавала себя как новый взгляд на природу человека, третью силу в психологии. Она как раз и призвана заняться изучением тех аспектов психики, которые прежде не замечали или игнорировали. Примером такого рода подхода являются работы Абрахама Маслоу и Карла Роджерса.

Абрахам Маслоу (1908-1970)

Маслоу можно в значительной мере назвать духовным отцом гуманистической психологии. Именно он вдохнул жизнь в исходные идеи и смог придать новому движению некоторые черты академической респектабельности. Прежде всего его интересовала проблема наивысших достижений человека, а потому он начал с изучения сравнительно небольшой выборки людей неординарных, способных на поистине выдающиеся результаты в различных областях деятельности. Что же отличает гениев и героев от остальных смертных?

Страницы жизни

Маслоу родился в Бруклине, Нью-Йорк. Детство его не было счастливым. Отец, бабник и пьяница, мог надолго исчезать из семьи. Мать тоже трудно назвать ангелом. Она была человеком жестким и полным предрассудков. Она сурово наказывала сына за малейшее неповиновение и явно предпочитала ему двоих младших детей. Маслоу запомнилась яркая картина детства: мать разбивает головы о стену двум кошкам, которых Маслоу притащил с улицы. Он ничего не забыл и не простил. Когда мать умерла, Маслоу отказался прийти на похороны. Эти переживания сказались на всей жизни Маслоу. Он писал: «Вся моя жизненная философия и мои исследования в конце концов имеют один общий исток: они питаются ненавистью и отвращением ко всему тому, что воплощала в жизни она [моя мать]» (цит. по: Hoffman. 1988. P. 9).

В детстве Маслоу испытывал чувство неполноценности из-за своего щуплого тела и огромного носа. Сам он описывал свою юность как постоянную борьбу с гигантским комплексом неполноценности, который он пытался компенсировать хорошей атлетической подготовкой. Если впоследствии Маслоу заинтересовался концепцией комплекса неполноценности Альфреда Адлера, то можно сказать, что в юности он сам был таким воплощенным комплексом неполноценности, по Адлеру. Маслоу не удалось добиться самоутверждения и реализации в спорте, и он с тем же рвением занялся наукой.

Он поступил в Корнеллский университет и именно там впервые столкнулся с психологией. Его впечатления от первого университетского курса по психологии были самыми ужасными. По его отзывам, это было нечто «невыносимо скучное и совершенно безжизненное, ничего общего не имеющее с действительным миром, а потому я с содроганием бежал оттуда» (Hoffman. 1988. P. 26). Профессором психологии, вызвавшим

у Маслоу столь яркие эмоции, был Э. Б. Титченер. Вскоре Маслоу перевелся в университет штата Висконсин, где в 1934 году получил научную степень доктора философии.

Поначалу Маслоу был ярким бихевиористом, убежденным в том, что именно с помощью механистического, естественнонаучного подхода можно в итоге разрешить все мировые проблемы. Однако впоследствии под влиянием собственного жизненного опыта (рождение первого ребенка, начало второй мировой войны) и знакомства с гуманистическими идеями в философии, гештальт-психологией и психоанализом он убедился в ограниченности бихевиористского подхода.

Большое влияние на Маслоу оказало также знакомство с некоторыми европейскими психологами, бежавшими от преследований нацистов в США: Адлером, Хорни, Коффкой, Вертхеймером. Именно под влиянием благоговейного восторга по отношению к Максу Вертхеймеру и американскому антропологу Рут Бенедикт он занялся исследованием психически здоровых людей, которым удалось в той или иной степени достичь в жизни самоактуализации. Именно Вертхеймер и Бенедикт послужили для Маслоу моделями наиболее полного воплощения лучших качеств человеческой природы.

Однако первые попытки Маслоу гуманизировать психологию, предпринятые во время его преподавательской работы в Бруклинском колледже, имели негативные последствия прежде всего для него самого. Бихевиористское психологическое сообщество подвергло его подлинному ostracism. И хотя его исследования пользовались успехом у студентов, коллеги по факультету сторонились его как отступника. Коллеги-психологи считали, что он слишком далеко зашел в отрицании основ главенствующей психологической школы, а ведущие научные журналы отказывались публиковать его статьи и сообщения (DeCarvalho. 1990).

Продолжить свои начинания и опубликовать ряд работ ему удалось лишь в университете Брэндис, г. Вальтхэм, штат Массачусетс, где он работал с 1951 по 1969 год. Расцвет его популярности пришелся на 60-е годы, а в 1967-м он был избран президентом Американской психологической ассоциации.

Самоактуализация

С точки зрения Маслоу, каждый человек обладает врожденным стремлением к **самоактуализации*** (Maslow. 1970). Причем подобное активное стремление к раскрытию своих способностей и задатков, развитию личности и скрытого в человеке потенциала является, по Маслоу, наивысшей человеческой потребностью. Правда, для того, чтобы эта потребность проявилась, человек должен удовлетворить всю иерархию нижележащих потребностей. Прежде, чем начинает <работать> потребность каждого вышележащего уровня, потребности нижележащих уровней уже должны быть удовлетворены. Вся же иерархия потребностей выглядит следующим образом:

- 1) физиологические потребности - потребность в еде, питье, дыхании, сне и сексе;
- 2) потребность в безопасности - чувства стабильности, порядка, защищенности, отсутствие страха и тревоги;
- 3) потребность в любви и чувстве общности, принадлежности к определенной группе;
- 4) потребность в уважении со стороны окружающих и в самоуважении;
- 5) потребность в самоактуализации.

* Самоактуализация - наиболее полное раскрытие способностей и реализация потенциала человека.

Большая часть работ Маслоу посвящена исследованию людей, достигших в жизни самоактуализации, тех, кто может считаться здоровыми в психологическом отношении. Как он обнаружил, таким людям присущи следующие характеристики:

- объективное восприятие реальности;
- полное принятие своей собственной натуры;
- увлеченность и преданность какому-либо делу;
- простота и естественность поведения;
- потребность в самостоятельности, независимости и возможности где-нибудь уединиться, побыть одному;
- интенсивный мистический и религиозный опыт, наличие высших переживаний**;
- доброжелательное и сочувственное отношение к людям;
- нонконформизм (сопротивление внешним давлениям);
- демократический тип личности;
- творческий подход к жизни;
- высокий уровень социального интереса (эта идея была позаимствована у Адлера).

Обычно это люди среднего возраста и старше; как правило, они не подвержены неврозам. По мнению Маслоу, такого рода люди составляют не более одного процента населения.

Комментарии

Методы сбора данных и результаты исследований Маслоу подвергали критике в основном за то, что выборки слишком малы для столь широких обобщений. Кроме того, выбор испытуемых был явно субъективен и основывался лишь на собственных взглядах Маслоу, критерии отбора сформулированы слишком нечетко. Маслоу, хотя и соглашался с тем, что его работы не удовлетворяют строгим критериям научного исследования, все же настаивал на том, что никакими другими средствами феномен самоактуализации исследовать невозможно. Он рассматривал свои работы как сугубо предварительные и не терял надежды, что когда-нибудь они получат должное подтверждение.

Теория самоактуализации поддается лабораторным исследованиям довольно слабо, а в большинстве случаев - вовсе не подтверждается.

Тем не менее, ее часто используют в сфере бизнеса и производственной деятельности, то есть в тех областях, где большинство участников убеждены: потребность в самоактуализации - хороший мотив для того, чтобы научиться получать удовлетворение от работы. Теорию Маслоу применяют также в сферах образования, медицины и психотерапии.

** Высшие переживания - особо радостные и интенсивные переживания в жизни каждого индивида. Маслоу связывает высшие переживания с сильным чувством любви, с наслаждением от соприкосновения с произведением искусства или с исключительной красоты природой. - Прим. перев.

Карл Роджерс (1902-1987)

Карл Роджерс известен прежде всего благодаря своему популярному в психотерапии методу под названием личностно-ориентированная терапия. Концепция Роджерса так же, как и теория Маслоу, основывается на доминировании одного главного мотивирующего фактора. Правда, в отличие от Маслоу, строившего свои заключения на исследовании эмоционально уравновешенных, здоровых людей, Роджерс основывался преимущественно на опыте работы в психологическом консультационном кабинете в университетском городке.

Личностно-ориентированная терапия - подход в психотерапии, развивавшийся Карлом Роджерсом. Отличается прежде всего тем, что ответственность за происходящие перемены возлагается не на терапевта, а на самого клиента.

Само название метода достаточно четко отражает его взгляд на природу и задачи гуманистической психологии. Возлагая основную ответственность за происходящие во время лечения перемены не на терапевта, а на клиента (как это было и в ортодоксальном психоанализе), Роджерс тем самым выражает взгляд, что человек, благодаря своему разуму, в состоянии самостоятельно менять характер своего поведения, заменяя нежелательные действия и поступки на более желательные. По его мнению, мы вовсе не обречены вечно находиться под властью бессознательного или собственных детских переживаний. Личность человека определяется настоящим, она формируется под влиянием наших сознательных оценок происходящего.

Страницы жизни

Карл Роджерс родился в городке Оук Парк, штат Иллинойс, в пригороде Чикаго. Его родители придерживались строгих религиозных взглядов, что, как отмечал сам Роджерс, постоянно довлело над ним тяжким грузом в детстве и юности. Он вынужден был жить по правилам, предписанным родителями, подавляя любое, самое малое проявление эмоций. Он сообщал, что именно эти постоянные ограничения породили в нем чувство протеста, хотя ждать, пока оно во что-то выльется, пришлось довольно долго.

Юный Карл рос замкнутым ребенком, большое место в его жизни занимало чтение. Постоянное одиночество приучило его полагаться в большей степени на себя самого, однако еще долгое время ему не удавалось изжить в себе зависимость от верований своих родителей. Когда Роджерсу исполнилось 12 лет, семья переехала на ферму, и у мальчика

проявилась сильная тяга к природе. Он много читал о разного рода сельскохозяйственных экспериментах и хорошо представлял себе, что такое научный подход к действительности.

Хотя его интеллектуальные интересы определились, эмоциональная жизнь была в полном беспорядке. «В тот период, - писал он, - меня постоянно посещали причудливые фантазии, и, скорее всего, любой психиатр определил бы их как шизоидные. Но, по счастью, я не встречался тогда с психиатрами» (Rogers. 1980. P, 30).

И лишь в возрасте 22 лет, когда он вступил в Христианскую студенческую ассоциацию в Китае, ему удалось полностью избавиться от зависимости от фундаменталистских взглядов своих родителей и усвоить более либеральную жизненную философию (Rogers. 1967). Он пришел к убеждению, что человек в большей степени должен полагаться на собственное понимание ситуации, а не на мнение окружающих. Он также понял, что каждый человек должен сознательно и активно работать над собственным совершенствованием. Эти идеи и легли в основу его теории личности.

Роджерс получил научную степень в области клинической и педагогической психологии в 1931 году в педагогическом колледже при Колумбийском университете. В течение следующих девяти лет он работал в «Обществе по предотвращению насилия над детьми», общаясь с малолетними правонарушителями и детьми из неблагополучных семей. В 1940 году он начал академическую карьеру. Роджерс преподавал в университетах штатов Огайо, Висконсин и Чикагском университете. Именно в эти годы и родилась его теория и метод психотерапии.

Самоактуализация

Главным мотивом деятельности человека является стремление к самоактуализации (Rogers. 1961). Хотя это стремление носит врожденный характер, его развитию могут способствовать (или, напротив, препятствовать) детские переживания и научение. Роджерс подчеркивал значение взаимоотношений мать-дитя, поскольку это существенным образом влияет на рост самосознания ребенка. Если мать в достаточной мере удовлетворяет потребности ребенка в любви и ласке - Роджерс называл это **позитивным вниманием***, - то у ребенка значительно больше шансов вырасти здоровым в психологическом смысле. Если же мать ставит проявления любви в зависимость от хорошего или плохого поведения ребенка (в терминологии Роджерса условно позитивное внимание), то подобный подход скорее всего интериоризируется в психике ребенка, и последний будет чувствовать себя стоящим внимания и любви лишь в определенных ситуациях. В этом случае ребенок будет стараться избегать ситуаций и поступков, вызывающих неодобрение матери. В итоге же личность ребенка не получит полного развития. Он не сможет полностью проявить все аспекты своего Я, поскольку некоторые из них отвергаются матерью.

Таким образом, первым и неперенным условием здорового развития личности является безусловное позитивное внимание к ребенку. Мать должна проявлять свою любовь к ребенку и полное его принятие вне зависимости от того или иного его поведения, особенно в раннем детском возрасте. Только в этом случае личность ребенка развивается полноценно, а не ставится в зависимость от тех или иных внешних условий. Таков единственный путь, позволяющий человеку в итоге достичь самоактуализации.

* Позитивное внимание - безусловная любовь матери к своему ребенку.

Самоактуализация представляет собой наивысший уровень психического здоровья личности. Концепция Роджерса в значительной мере похожа на понятие самоактуализации у Маслоу. Различия между этими двумя авторами касаются разного понимания психического здоровья личности. Для Роджерса психическое здоровье или полное раскрытие личности характеризуется следующими чертами:

- открытость по отношению к опыту любого типа;
- намерение жить полной жизнью в любой момент жизни;
- способность прислушиваться больше к собственным инстинктам и интуиции, чем к рассудку и мнениям окружающих;
- чувство свободы в мыслях и поступках;
- высокий уровень творчества.

Роджерс описывает достигшего наиболее полного раскрытия человека в большей степени как актуализирующегося, чем уже актуализи-ровавшегося, подчеркивая процессуальный, длящийся характер этого действия. Он всячески подчеркивает постоянный рост человека, что отражено уже в самом названии его самой известной книги «Становясь личностью» (On Becoming a Person) (Rogers. 1961).

Комментарии

Личностно-ориентированная терапия Роджерса оказала большое влияние на развитие психологии. Эта теория была хорошо встречена психологами, прежде всего из-за акцента на личностном начале в человеке. Критике же этот подход подвергали в основном за отсутствие ясности в вопросе о врожденных предпосылках и потенциале самоактуализации, а также за постоянное подчеркивание роли сознательных факторов в ущерб роли бессознательного в психической жизни человека. В остальном же и теория Роджерса, и его метод терапии получили признание и широко используются как в научных исследованиях, так и в клинической практике.

Работы Роджерса оказали существенное влияние на общее представление о потенциале человеческой личности. Его по праву можно считать одним из основателей движения за общую гуманизацию психологии. В 1946 году он был избран президентом Американской психологической ассоциации, а также получил награды «За выдающиеся научные достижения» и «За выдающийся профессиональный вклад».

Гуманистическая психотерапия

Поскольку гуманистическая психология, в отличие от психоанализа, основной акцент делала на исследовании психически здоровых людей, а не невротиков, то и подходы этих двух концепций в области психотерапии также оказались различными. Бурный рост гуманистической терапии, или терапии развития, приходится на 60-е и 70-е годы, когда многие миллионы людей записывались в группы встреч, сеансы развития способности чувствовать и на курсы раскрытия потенциала человека при школах, бизнес-клубах, церквях, клиниках и даже в тюрьмах. С тех пор популярность подобных курсов, к сожалению, резко понизилась.

Психотерапия в рамках гуманистической психологии частично основывалась на работах гештальт-психолога Курта Левина. Терапия проводилась на людях с нормальным или средним уровнем психического здоровья. Основную задачу такого рода терапия видит в том, чтобы поднять уровень осознанности поведения пациента, помочь ему откорректировать отношение к самому себе и к окружающим, освободить его скрытый

творческий потенциал и способность к саморазвитию. Иными словами, эти программы в большей степени нацелены на укрепление психического здоровья и самоактуализации, нежели на то, чтобы лечить неврозы и депрессию.

К сожалению, следует отметить, что движение за раскрытие возможностей человека привлекло в свои ряды хотя и исходивших из самых лучших побуждений, но по большей части неподготовленных и неквалифицированных энтузиастов вместе с разного рода доморощенными гуру и «наставниками», что в итоге принесло больше вреда, чем пользы. Изучение последствий участия в подобного рода группах встреч показало, что уровень психогенных причин разного рода расстройств и нарушений в некоторых случаях составляет свыше 50 процентов (Hartley, Robach & Abramowitz. 1976).

Судьба гуманистической психологии

Гуманистическая психология оформилась в самостоятельную школу с основанием «Журнала гуманистической психологии» в 1961 году (journal of Humanistic Psychology), появлением Ассоциации гуманистической психологии в 1962 году и отделения гуманистической психологии в рамках Американской психологической ассоциации в 1971 году. Таким образом, этапы развития данного направления легко проследить.

Гуманистическая психология предлагала свое собственное, отличное от остальных двух доминирующих сил понимание предмета психологии, ее методов, задач и терминологии. Иными словами, у ее приверженцев было все, чем может похвастать любая научная школа на стадии основания - страстная убежденность в собственной правоте и в том, что только они действительно понимают, что такое психология.

Однако несмотря на все внешние признаки оформившейся школы, гуманистическая психология так и не стала полноценной психологической школой - такой вердикт вынесли ей сами приверженцы этого направления на своем собрании в 1985 году, то есть спустя почти три десятка лет после оформления движения. «Гуманистическая психология оказалась грандиозным экспериментом, но экспериментом по большей части неудачным. В настоящее время гуманистическая психология не смогла оформиться в самостоятельную научную школу, а также выработать своей теории или чего-либо, заслуживающего названия философии науки» (Cunningham. 1985. P. 18).

С такой оценкой согласен и сам Карл Роджерс. «Гуманистическая психология не смогла оказать существенное воздействие на основное русло развития психологической мысли. Наше движение все еще расценивают как нечто малозначительное» (цит. по: Cunningham. 1985. P. 16). По мнению Роджерса, чтобы убедиться в справедливости его слов, достаточно просмотреть введение в любом учебнике по психологии. Все фигурирующие там основные сюжеты и темы остаются теми же самыми, что и 25 лет назад, нигде и речи нет о необходимости целостного рассмотрения личности.

Последующие исследования подтвердили слова Роджерса. В самом деле, лишь менее одного процента материала учебников посвящено рассмотрению гуманистической психологии. Обычно лишь вскользь упоминается иерархия потребностей Маслоу и личностно-ориентированная терапия Роджерса (Churchill. 1988).

Почему же гуманистическая психология так и не смогла войти в основной корпус психологических теорий? Согласно одной точке зрения, это произошло потому, что большинство представителей этого направления занимались частной практикой, а не преподаванием в университетах. В отличие от академических психологов, представители

гуманистической психологии сравнительно мало внимания уделяли научным исследованиям, научным публикациям и воспитанию новых поколений молодых профессионалов. <Наиболее ясно прослеживаемой и опасной тенденцией в гуманистической психологии последних лет является очень небольшой объем проводимых научных исследований> (Rice & Greenberg. 1992. P. 215).

Согласно другой точке зрения, все дело в том времени, на которое пришлось становление гуманистической психологии. Пик ее популярности приходится на 60-е и 70-е годы, когда основные противники - фрейдовский психоанализ и скиннеровский бихевиоризм - были существенно ослаблены расколом в собственных рядах. Гуманистическая психология, по существу, боролась с противником, который не мог оказать ей достойного сопротивления.

Но, несмотря на то, что гуманистическая психология так и не оформилась в самостоятельную психологическую школу, она в значительной мере способствовала трансформации основных направлений психоанализа, усиливая идею о том, что человек должен быть в состоянии свободно и сознательно влиять на формирование собственной личности. Косвенным образом развитие гуманистической психологии способствовало оживлению интереса к исследованию сознания и в рамках академической психологии, поскольку гуманистическая психология стоит у истоков движения когнитивной психологии. Основатель когнитивной психологии Ульрик Найссер отмечал, что на него «самое сильное влияние оказал дух гуманистической психологии. Собственно, когнитивный подход и есть гуманистический взгляд на организм человека» (Vaars. 1986. P. 273). Подводя итог сказанному, можно отметить, что гуманистическая психология способствовала оформлению тех изменений, которые уже назрели в психологической мысли. С этих позиций можно сказать, что данное движение в целом оказалось успешным.

Когнитивное движение в психологии

«Психология, - писал в своем манифесте бихевиоризма 1913 года Джон Б. Уотсон, - должна полностью изгнать из употребления термин "сознание"». Каждый последователь бихевиоризма должен был исключить любые ссылки на сознание в своих исследованиях и теоретических построениях. В течение многих десятилетий после этого все учебники по психологии говорили о функциях мозга, но отказывались обсуждать какие бы то ни было концепции <души>. Говорили, что психология «потеряла сознание» или «утратила свою душу» навеки.

Неожиданно (или это только так кажется) психология вновь обрела интерес к проблеме сознания. По крайней мере, этот термин все чаще стал употребляться на конференциях и в научных публикациях в журналах.

В 1979 году в журнале «Американский психолог» появилась статья, озаглавленная «Бихевиоризм и душа: призыв (осторожный) вернуться к интроспекции» (Behaviorism and the Mind: A (Limited) Call for a return to Introspection) (Lieberman. 1979). Несколько месяцев раньше тот же журнал опубликовал статью с еще более простым названием – «Сознание». Ее автор пишет следующее: «После многих десятилетий необдуманного отрицания проблемы сознания она вновь попадает в сферу научного интереса как вполне respectable тема исследования» (Natsoulas. 1978. P. 906).

Президент Американской психологической ассоциации в своем ежегодном отчете отметил, что происходит значительное изменение представлений о предмете психологии, и прежде всего это касается возобновления интереса к проблеме сознания. Тот образ

природы человека, который имеет перед собой психология, становится все более <гуманис-тичным, нежели механистичным> (McKeachie. 1976. P. 831).

Совершенно очевидно, что если глава Американской психологической ассоциации и престижные научные журналы обсуждают проблему сознания в столь оптимистическом ключе, мы присутствуем при начале очередной научной революции в области психологии. Вскоре пришлось пересмотреть и само определение психологии в учебниках. Если раньше ее определяли как «науку о поведении», то теперь это определение выглядит так: «наука о поведении и психических процессах», или «наука, которая систематическим образом изучает и пытается дать объяснение взаимосвязи между наблюдаемым поведением и ненаблюдаемыми психическими процессами, происходящими внутри организма» (Hilgard, Atkinson & Atkinson. 1975. P. 12; Kagan & Havemann. 1972. P. 9).

У студентов старших классов в колледжах все более популярными становились курсы, посвященные проблеме сознания (Spanos. 1993). В 1987 году среди психологов провели опрос о том, какие события представляются им в современной психологии наиболее удивительными, если оценивать их с позиции 25-летней давности. По мнению респондентов, наиболее удивительным выглядит бурный рост когнитивной психологии (Boneau. 1992).

Таким образом, становится совершенно очевидным, что современная психология ушла далеко за те пределы, которые отвели ей Уотсон и Скиннер. Началось становление новой школы в психологии.

Истоки когнитивной психологии

Как и все подлинные новации в истории психологии, **когнитивная психология*** не появилась на пустом месте. Ее истоки можно проследить в более ранних концепциях. Некоторые исследователи говорят, что «когнитивная психология одновременно и самая новая, и самая древняя традиция в истории психологии» (Heamshaw. 1987. P. 272). Это означает, что интерес к проблеме сознания присутствовал в психологии со дня ее появления, задолго до того, как она стала наукой. Проблема сознания обсуждается в работах Платона и Аристотеля, равно как и в исследованиях современных представителей эмпирической и ассоциативной школ.

Когда психология оформилась в самостоятельную дисциплину, интерес к проблеме сознания сохранился. Вильгельма Вундта можно считать одним из предтеч когнитивной психологии, поскольку он неоднократно подчеркивал творческий характер сознания. Структурализм и функционализм также имеют дело с сознанием - первый с его элементами, а второй - с функционированием. И лишь бихевиоризм отошел от этой традиции, изгнав тему сознания из области психологии почти на 50 лет.

Возрождение интереса к этой теме (что можно считать формальным началом когнитивной психологии) можно проследить начиная с 50-х годов (а при желании - и с 30-х годов). Представитель бихевиоризма Э. Р. Гатри под конец своей научной карьеры подверг критике механистическую модель психики и утверждал, что поведенческие стимулы далеко не всегда можно свести к совокупности физических факторов. Он высказал смелое для тех лет предположение: для того, чтобы оценить подлинное значение тех или иных стимулов для реагирующего организма, психологи должны описывать их в перцептивных

* когнитивная психология - психологическая концепция, основное внимание уделяющая процессу познания и активности сознания.

или когнитивных терминах (Guthrie. 1959). Невозможно оперировать с понятием значения в поведенческих терминах, поскольку это психический или когнитивный процесс.

Еще одним предшественником когнитивного движения можно считать радикальный бихевиоризм Э. С. Толмена. Этот исследователь признавал важность рассмотрения когнитивных переменных и в немалой степени способствовал отказу от подхода «стимул-реакция». Толмен также ввел в употребление идею когнитивных карт, отстаивал применимость категории цели по отношению к действиям животных и подчеркивал необходимость использования промежуточных переменных для операционального определения внутренних, ненаблюдаемых состояний.

Философ-позитивист Рудольф Карнап призывал вернуться к методу интроспекции. В 1956 году Карнап писал: «То обстоятельство, что человек осознает состояние своего ума, свое воображение, чувства и т. п., вполне может рассматриваться как своего рода наблюдение, в принципе не отличающееся от любого внешнего наблюдения, а потому его можно считать таким же законным источником научного познания» (цит. по: Koch. 1964, P. 22). Даже сам Перси Бриджмен, известный физик, который ввел в бихевиоризм понятие операциональных определений, позднее отрекся от бихевиоризма и настаивал на необходимости использования интроспекции для придания смысла операциональному анализу.

Гештальт-психология тоже оказала влияние на когнитивное движение, поскольку в центре ее внимания с самого начала стояла «организация, структура, связи, активная роль субъекта, а также важная роль восприятия в процессе научения и запоминания» (Hearst. 1979. P. 32). Гештальт-психология оказала существенную помощь когнитивному движению уже тем, что помогла поддержать хоть видимость интереса к проблеме сознания в период безраздельного господства бихевиоризма в американской психологической мысли.

Еще одним предшественником когнитивной психологии можно считать швейцарского психолога **Жана Пиаже** (1896-1980), проведшего ряд весьма значительных исследований по детской психологии, но не в терминах психосексуального или психосоциального развития, как это было у Фрейда и Эриксона, а с позиций исследования стадий когнитивного развития ребенка. Уже самые ранние работы Пиаже, которые проводились в 20-е и 30-е годы, оказали значительное воздействие на европейскую психологию. Этот подход не получил столь большого распространения в США, поскольку существенно расходился с господствующей догмой бихевиоризма. Однако акцент, который Пиаже делал именно на когнитивных моментах психического развития ребенка, обратил на себя внимание сторонников когнитивного движения.

Как только когнитивный подход начал распространяться в Америке, значение работ Пиаже сразу стало очевидным. Пиаже оказался первым европейским психологом, получившим от Американской психологической ассоциации награду <За выдающийся вклад в развитие науки>, в 1969 году. Даже то обстоятельство, что работы Пиаже были посвящены преимущественно детской психологии, способствовало дальнейшему расширению спектра применимости когнитивного подхода.

Изменение «духа времени» в физике

Когда мы сталкиваемся со столь значительными изменениями основных научных концепций, следует помнить, что подобные ситуации всегда являются отражением более глубоких преобразований, связанных с изменением самого духа эпохи. Наука, как живой организм, адаптируется к новым требованиям среды. Какие изменения должны были произойти в интеллектуальном климате эпохи, чтобы умерить влияние бихевиоризма и вновь вызвать к жизни когнитивное движение? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам снова придется обратиться к постоянному лидеру естествознания и всеобщей модели для остальных наук - к физике.

В начале 20-х годов в физике в результате деятельности Альберта Эйнштейна, Нильса Бора, Вернера Гейзенберга и других начал утверждаться новый подход к пониманию сущности объективного мира. Прежняя галилеевско-ньютонианская модель Вселенной, в течение столетий питавшая механистические и редукционистские взгляды на природу человека в психологии от Вундта до Скиннера, - была отвергнута. Новый взгляд на мир подверг пересмотру святая святых классической науки - идею объективности, представление о возможности абсолютного разграничения объекта и субъекта, внешнего мира и наблюдателя.

Физика осознала, что невозможно наблюдать объект, не оказывая на него абсолютно никакого воздействия, никак не меняя его характеристик. Таким образом, возникла задача построения некоего искусственного моста между наблюдателем и объектом, внутренним и внешним миром, миром сознания и миром материи. Центр внимания научного исследователя сместился с абсолютно независимого, допускающего полностью объективное наблюдение мира, на сам процесс наблюдения Вселенной. Современная наука отказывается от роли абсолютно независимого наблюдателя и усваивает роль наблюдателя нового типа - наблюдателя-участника.

Идеал абсолютно объективного знания, стоящий в центре классического естествознания, собственно, всегда считался недостижимым. Новая физика строится на том убеждении, что объективное познание в действительности является познанием субъективным, то есть оно неустранимым образом зависимо от наблюдателя. Эта позиция подозрительно напоминает учение Джорджа Беркли, английского философа XVII века. Он утверждал, что любое знание субъективно, потому что зависит от своего творца и носителя - человека. «Быть - значит быть в восприятии», - это единственное, что мы можем с достоверностью утверждать о мире. Один писатель так охарактеризовал подобную ситуацию: наша картина мира «представляет собой не детальную фотографию внешней реальности, а скорее похожа на живописное полотно - субъективное творение нашего ума и чувств, безусловно, похожее на оригинал, но никогда не являющееся его точной копией» (Matson. 1964. P. 137).

То обстоятельство, что современная физика отошла от идеи абсолютной объективности и признала активную роль субъекта в познавательном процессе, в значительной мере возродило интерес к роли сознательного опыта в получении информации о внешнем мире. Подобная революция в физике, в свою очередь, послужила достаточным поводом для реабилитации сознания в качестве законного предмета психологии. И хотя научная психология еще в течение полувека сопротивлялась новым веяниям, придерживаясь устаревшей модели <объективного познания поведения человека>, все же в конце концов и она вынуждена была откликнуться на веяния «духа времени» и принять новую модель познания, допускающую исследование сознания и когнитивных процессов.

Становление когнитивной психологии

Ретроспективный взгляд на историю становления когнитивной психологии создает впечатление, что этот сдвиг произошел повсеместно и разом, в течение всего лишь нескольких лет. Однако на самом деле процесс преобразований не был, конечно, столь гладок. Этот переход назревал в течение длительного времени, без фанфар и барабанов. «Ни один человек не догадывался о ее существовании до тех пор, пока она не заявила о себе во весь голос сама» (Ваарс. 1986. Р. 141).

В истории часто так бывает, что заметить появление чего-то нового можно лишь задним числом, когда явление уже стоит в полный рост. Когнитивная психология не возникла за одну ночь. Нельзя также приписать ее становление настойчивости какого-то одного исследователя, который, подобно Джону Б. Уотсону, создал новое направление практически в одиночку. Как и функционализм, когнитивная психология не имеет своего отца-основателя, возможно, потому, что ни у кого из исследователей не хватило личных амбиций, чтобы возглавить новое движение самому. Их гораздо в большей степени интересовало дальнейшее продвижение психологического знания.

История называет двух ученых, которые хотя формально и не могут считаться основателями когнитивной психологии, все же, как это мы теперь видим, заложили (один - основав исследовательский центр, а другой - выпустив книгу) фундамент нового движения. Их деятельность - вехи на пути становления когнитивной психологии. Это Джордж Миллер и Ульрик Найссер. И вновь мы видим, как личные факторы сказываются на развитии нового направления психологической мысли.

Джордж Миллер (1920-)

Джордж Миллер начал свою научную карьеру с изучения английской филологии и лингвистики в университете штата Алабама. Магистерский диплом он получил в 1941 году также в области лингвистики. Однако, еще будучи студентом, он заинтересовался психологией. Однажды ему поручили провести вводные занятия по психологии в 16 студенческих группах - причем прежде он никогда всерьез психологией не занимался. Позже он рассказывал, что, повторив один и тот же материал 16 раз в течение одной недели, он по-настоящему поверил в себя.

В дальнейшем он работал в Гарвардском университете в психо-акустической лаборатории, занимаясь проблемами речевой коммуникации, где получил свою докторскую степень. Он полностью погрузился в изучение проблем психолингвистики и в 1951 году опубликовал книгу под названием «Язык и общение» (Language and Communication). В этот период творчества Миллер придерживался бихевиористских позиций, отмечая впоследствии, что, собственно, выбор был невелик, поскольку во всех университетах и профессиональных организациях ведущая роль принадлежала бихевиористам,

Власть, почести, авторитет, учебники, деньги, - все в психологии принадлежало представителям бихевиористской школы... Никто всерьез не мог помышлять о противостоянии. Вы бы просто не смогли найти никакой работы. (Миллер, цит. по: Ваарс. 1986. Р. 203.)

В середине 50-х годов он увлекся использованием статистических методов в изучении процесса научения, теорией информации и компьютерным моделированием процесса мышления. В этот период он приходит к выводу, что бихевиоризм, как он выразился,

<выдыхается>. Сходство между деятельностью мышления и компьютерными операциями настолько потрясло Миллера, что его интересы стали смещаться в сторону более когнитивно ориентированной психологии. Как раз в то же самое время у него образовалась аллергия на шерсть животных и их выделения, что означало, что он не может больше работать с лабораторными мышами. Он мог теперь работать только с человеком - большой недостаток в мире, где правят бихевиористы.

Переходу на позиции когнитивной психологии также способствовал бунтарский дух Миллера, столь свойственный представителям нового поколения психологов. Они были готовы восстать против всего, чему их учили в университете, ради создания нового подхода, ставящего в центр внимания не поведение, а процесс познания.

Центр когнитивных исследований

Вместе со своим коллегой Джеромом Брунером (1915-) он создает при Гарвардском университете исследовательский центр по изучению процессов мышления. Миллер обратился к университетскому начальству с просьбой о выделении помещения, и в 1960 году такое помещение было предоставлено. Это был дом, в котором когда-то жил сам Вильям Джемс. Вполне подходящее место для нового центра, особенно если припомнить, как Джемс в своих «Принципах...» охарактеризовал природу человеческой психики.

Выбор подходящего названия для нового начинания также был делом не тривиальным. Связь с Гарвардским университетом давала большие потенциальные возможности: к примеру, возможность создать новое направление в психологии. Миллер и Брунер выбрали для обозначения предмета своих исследований термин «когнитивная». Именно так они и назвали новый исследовательский центр - Центр когнитивных исследований.

Выбирая термин «когнитивна»>, мы сознательно противопоставляли себя бихевиоризму. Поначалу мы хотели использовать нечто связанное с «ментальностью». Но «ментальная психология» - это звучало уж слишком нелепо. «Психология здравого смысла» отсылала бы нас к области антропологических исследований, а «народная психология» слишком уж похоже на вундтовскую социальную психологию. Какой термин выбрали бы вы? Мы остановились на термине «когнитивная психологи». (Miller, цит. по: Vaars. 1986. P. 210.)

Молодые люди впоследствии вспоминали, что ни один человек в центре не мог внятно объяснить, что же все-таки означает слово <когнитивная> и что из всего этого следует. Собственно, «центр и не создавался для чего-то конкретного, скорее против. В этом "против" и была вся суть» (Norman & Levelt. 1988. P. 101).

Это уже был не бихевиоризм. Новая позиция выходила далеко за рамки господствующей догмы, «кистеблишмента». Создавая центр, его основатели стремились выразить только одно - насколько далеки они от бихевиоризма. Как мы уже видели раньше, каждое новое течение начинается с того, что отделяет себя от предшествующих концепций. Подобное различие - необходимый этап развития, вслед за которым должен следовать ответ на вопрос «Кто мы?» и «Куда идем?»

Несмотря на весь революционный дух когнитивной психологии, Миллер все же не считал это настоящей научной революцией. Он пользовался термином «органический рост» - изменение посредством медленного роста или накопления. Он считал, что развитие идет преимущественно эволюционным, а не революционным путем. С этой точки зрения новое направление - возврат к психологии здравого смысла, для которого было совершенно

очевидно, что психология должна заниматься не только поведением, но и проблемами психической жизни.

В новом Центре когнитивных исследований занимались разработкой широкого круга разнообразных тем: язык, память, процессы восприятия и образования понятий, мышление и психология развития, - большинство из которых уже полностью исчезло из словаря бихевиористов. Позднее Миллер организовал программу когнитивных исследований и в Принстонском университете.

В признание его заслуг, Миллера в 1969 году избирают президентом Американской психологической ассоциации и присуждают ему награду <За выдающийся вклад в науку> и Золотую медаль в области прикладной психологии. Но, пожалуй, самым значительным признанием его вклада стала широкая сеть разнообразных лабораторий когнитивной психологии, возникшая вслед за стремительным развитием сформулированного им нового направления.

Ульрик Найссер (1928-)

Ульрик Найссер родился в Германии, в г. Киле. В Соединенные Штаты родители привезли его в возрасте трех лет. Первоначально он изучал физику в Гарвардском университете. Под впечатлением блестящих лекций одного из молодых профессоров по имени Джордж Миллер Найссер решил, что физика не для него, и переключился на изучение психологии. Он прослушал курс по психологии общения у Миллера и ознакомился с основами теории информации. На его развитие также оказала влияние книга Коффки «Принципы гештальтпсихологии».

Получив степень бакалавра в Гарварде в 1950 году. Найссер продолжил образование в Свартморском колледже под руководством представителя гештальт-психологии Вольфганга Келера. Для получения докторской степени он вернулся в Гарвард, где успешно защитил диссертацию в 1956 году.

Несмотря на растущую приверженность когнитивному подходу, Найссер не видел в рамках академической карьеры иного пути помимо бихевиоризма. Он писал: «Это то, что вам надлежало усвоить: в то время никакой психологический феномен не мог считаться реально существующим, если вы не могли продемонстрировать его на лабораторных мышах... Это представлялось мне весьма забавным» (цит. по: Vaars. 1986. P. 275).

Найссер нашел бихевиоризм не только забавным, но и слегка <ненормальным>, когда ему посчастливилось получить свою первую академическую должность в университете Брандейса, где факультет психологии возглавлял Абрахам Маслоу. В этот период и сам Маслоу как раз понемногу отходил от бихевиоризма и размышлял над основами гуманистического подхода. Маслоу не удалось склонить Найссера к гуманистической психологии, как не удалось ему и гуманистическую психологию сделать «третьей силой» в психологии. Однако знакомство с ним подвигло Найссера в сторону когнитивных исследований. (Найссер впоследствии настаивал на том, что именно когнитивная психология и составляет ту самую «третью силу», а вовсе не гуманистическая психология.)

В 1967 году Найссер опубликовал книгу под названием «Когнитивная психология». Этой книге суждено было «открыть новое поле исследования» (Goleman. 1983. P. 54). Найссер отмечал, что книга носит личный характер, это попытка определить самого себя как психолога, каким он есть или хотел бы быть. В книге также давалось и определение

нового подхода в психологии. Книга пользовалась необычайной популярностью, и в один прекрасный момент Найссер обнаружил, что его называют «отцом» когнитивной психологии. В действительности же у него не было намерения основывать новую школу. Но тем не менее, эта книга в значительной мере способствовала отходу психологии от бихевиоризма и обращению ее к проблемам познания.

Найссер определил познание как процесс, при помощи которого «входящие сенсорные данные подвергаются трансформации, редукции, обработке, накоплению, воспроизведению и в дальнейшем используются... Познание присутствует в любом акте человеческой деятельности» (Neisser. 1967. P. 4). Таким образом, когнитивная психология имеет дело с ощущениями, восприятием, воображением, памятью, мышлением и всеми остальными видами психической активности.

Спустя девять лет после выхода в свет своей эпохальной книги Найссер опубликовал еще одну работу под названием «Познание и реальность» (1976 г.). В этой работе он выражал неудовлетворенность явным сужением позиции когнитивной психологии, которая слишком полагается на исследования искусственных лабораторных ситуаций в ущерб изучению реальных жизненных случаев. Он посчитал себя разочарованным, полагая, что когнитивная психология со времени своего появления внесла весьма скромный вклад в понимание того, каким образом человеческое познание строится в действительности.

В итоге, являясь одной из ключевых фигур в становлении когнитивного движения, Найссер сам же стал его откровенным и ярким критиком. Он стал подвергать сомнению когнитивное движение точно так же, как прежде критиковал бихевиоризм. В настоящее время он сотрудничает с университетом Эмори в Атланте, штат Джорджия. До этого в течение 17 лет он работал в Корнеллском университете, где неподалеку от его кабинета хранился препарированный мозг Э. Б. Титченера.

Компьютерная метафора

В XVII веке часы и автоматы были всеобщей метафорой для понимания Вселенной и, по аналогии, человеческого ума. Эти машины были доступной и хорошо понятной моделью деятельности психики. В наши дни механистическая модель и соответствующий ей бихевиористский подход в психологии вытеснены иными, более современными подходами. Это прежде всего новая картина мира в физике и когнитивное движение в психологии.

Часы в XX веке перестали быть моделью Вселенной. Потребовалась новая всеобщая метафора. И на эту роль претендует новая машина XX века - компьютер. Психологи все чаще используют компьютерные операции как пояснительную схему для понимания процесса познания. О компьютерах все чаще говорят в связи с проблемой искусственного интеллекта, и наоборот, сами компьютеры все чаще описывают в терминах человеческой деятельности. Так, например, способность накапливать информацию называют памятью, коды программирования - языками, а о появлении новых поколений компьютеров говорят, что они эволюционируют (Campbell. 1988; Roszak. 1986).

Высказывается мысль, что компьютерные программы, которые по существу представляют собой некие инструкции, алгоритмы по обработке определенных символов, действуют точно так же, как сознание человека. И человек, и компьютер получают из окружающей среды огромные массивы информации (стимулов или данных). Далее эта информация подвергается соответствующей обработке, накоплению, на ее основе предпринимаются определенные действия. Таким образом, компьютерные программы выступают как своего

рода модель для понимания процессов обработки информации в человеческой психике. Правда, следует оговориться, что такой моделью выступает не сам компьютер как аппарат, а его программное обеспечение (software, а не hardware).

Когнитивную психологию интересуют прежде всего те физиологические корреляты психических процессов, с помощью которых можно понять способы и закономерности обработки различного рода сигналов, лежащие в основе процесса мышления. Свою главную цель когнитивное направление видит в том, чтобы раскрыть «те совокупности программ, накопленных в памяти человека, при помощи которых индивид понимает звуки речи и сам создает новые слова и предложения, приобретает определенный опыт, способен решать совершенно новые проблемы» (Howard. 1983. P. II).

Именно такого рода компьютерное представление процессов получения и обработки информации и лежит в основе современной когнитивной психологии. Можно сказать, что за более чем сто лет своей истории психология в понимании предмета своей деятельности прошла путь от метафоры часов до метафоры компьютера. И дело здесь не в сложности аппарата. Важно иное: и то и другое - машины. Это обстоятельство наглядно показывает глубинную преемственность между прежней и новыми школами в психологии.

«Для психолога, который постоянно озабочен поиском все новых доказательств того, что предмет его исследований имеет некоторое отношение к реальности, соблазн машинной метафоры оказывается почти непреодолимым» (Baars. 1986, P. 154). Интересно, в какой степени известная поговорка о том, что все новое - это хорошо забытое старое, имеет отношение к процессу развития психологии?

Природа когнитивной психологии

Мы уже говорили о том, каким образом обращение к когнитивным факторам в теории социального научения Бандуры и Роттера повлияло на развитие бихевиоризма в Америке. Однако когнитивное движение повлияло не только на бихевиоризм. Практически в каждой сфере можно обнаружить те или иные когнитивные факторы. Достаточно назвать, например, атрибутивную теорию в социальной психологии, теорию когнитивного диссонанса, теорию личности, исследование мотивации и эмоций, процессов обучения, запоминания, восприятия, а также информационный подход к проблеме принятия решений и решения задач. Велика роль когнитивных факторов и в прикладных областях исследований: клинической психологии, школьной психологии, индустриальной/организационной психологии и т. д.

Когнитивная психология отличается от бихевиоризма по ряду моментов. Во-первых, когнитивная психология обращает внимание прежде всего на сам процесс познания, а не только на реакцию организма на определенный стимул. С ее точки зрения важной оказывается вся совокупность психических процессов, а не только взаимосвязь стимулов и реакций; акцент делается на сознании, а не на поведении. Однако это не означает, что когнитивная психология игнорирует поведение, просто последнее не является единственной целью исследования. Поведенческие акты рассматриваются скорее с точки зрения возможности получения заключений о тех или иных связанных с ними психических процессах.

Во-вторых, когнитивную психологию интересуют те способы и формы, в которых сознание человека организует имеющийся опыт. Гештальт-психологи, как и Жан Пиаже, оспаривают убеждение, что тенденция опыта (ощущений и восприятий) образовывать целостные, а потому значимые образы, носит врожденный характер. Именно сознание

человека придает форму и связанность психическим процессам. Эти процессы в значительной мере и составляют предмет когнитивной психологии. В этом она противостоит британскому эмпиризму и последователям скиннеровского бихевиоризма, утверждающим, что ничего подобного в процессе познания не наблюдается, сознание лишено каких бы то ни было врожденных, организующих опыт способностей.

В-третьих, с точки зрения когнитивной психологии, индивид усваивает стимулы из окружающей среды в ходе некоторых активных и творческих процессов. Мы способны активно участвовать в познавательном процессе на основе сознательного отбора тех или иных событий. Человек вовсе не пассивно воспринимает внешние и внутренние стимулы, как это считали бихевиористы, а сознание - не есть чистый лист бумаги, на котором запечатляются данные чувственных восприятий.

Роль интроспекции

Становление когнитивной психологии и в связи с этим возобновление внимания к опыту сознания возродило интерес к изначальной исследовательской технике, предложенной еще Вильгельмом Вундтом сто лет назад. - интроспекции. Правда, современные психологи предпочитают пользоваться более наукообразным эвфемизмом - феноменологическое суждение. Вот пример утверждения, которое вполне могло принадлежать Вундту или Титченеру: один из современных психологов заметил, что «если мы занимаемся исследованием сознания, то нам неизбежно придется пользоваться интроспективными методами» (Farthing. 1992. P. 61). В настоящее время интроспективные методы широко используются при исследовании целого спектра разнообразных проблем.

Предпринимаются определенные попытки квантифицировать (то есть свести качество к количеству) интроспективные сообщения для того, чтобы придать им более объективную и доступную для статистических методов форму. В одном из таких подходов, называемом методом ретроспективных феноменологических суждений, испытуемым предлагают самим дать количественную оценку интенсивности субъективных переживаний по поводу предъявляемых стимулов (Pekala. 1991).

Несмотря на восстановление в правах интроспективных методов, многие психологи и поныне задаются вопросом, действительно ли индивид может иметь доступ к психическим процессам высших уровней, в особенности к процессам выработки суждений и принятия решений. В классической статье под названием <Говорим больше, чем можем знать> исследователи Ричард Нисбетт и Тимоти Уилсон приходят к заключению, что мы не имеем свободного доступа к собственным мыслительным процессам, а потому все интроспективные сообщения подобного рода попросту бесполезны (Nisbett & Wilson. 1977).

В этой работе описывается ряд исследований, направленных на то, чтобы определить, действительно ли человек способен полностью сознавать причины своих поступков. Вывод был следующим: человек зачастую не способен определить, каким именно стимулом вызывается та или иная реакция, или же как происходят те или иные действия. Удалось также установить, что даже в тех случаях, когда испытуемые сообщали о связи определенных стимулов и последующих действий, эти сообщения часто основывались не на данных интроспекции, а на предшествующей вере в то, что такая причинная связь непременно должна быть.

Например, если вы убеждены, что вслед за событием А всегда наступает событие Б, то, если имеется некоторая реакция (событие Б), то вы, скорее всего, станете объяснять ее

присутствием определенного стимула (событие А). Причем основанием для вывода будет именно это первоначальное долговременное убеждение, а не интроспекция. «Мы делаем вывод о том, что данные стимулы послужили причиной тех или иных наших поступков не на основании интроспективного рассмотрения мыслительных процессов, а через соотнесение данного стимула с определенной категорией [стимулов], которые ранее обычно были причиной подобного рода действий» (Farthing. 1992. P. 156).

Экспериментальные исследования Нисбетта и Уилсона, показавшие, что далеко не всегда может иметь место интроспективный доступ к высшим психическим функциям, заставили многих психологов занять более скептическую позицию по поводу достоверности интроспекции как метода психологического исследования. (Если нечто вам в этих сомнениях покажется знакомым, обратитесь еще раз к тем разделам книги, в которых излагается критика интроспекции бихевиоризмом.) Правда, некоторые исследователи занимают по этому вопросу более оптимистичную позицию, полагая, что интроспекция все же дает достаточно надежные результаты (Farthing. 1992; Pekala. 1991). От того, удастся ли разрешить данное затруднение, и зависят в значительной степени судьбы когнитивной психологии, поскольку многие ее положения основаны на использовании интроспективных сообщений.

Бессознательное познание

Бурное развитие исследований сознательных психических процессов вызвало вспышку интереса к бессознательной познавательной деятельности (Jacoby, Lindsay & Toth. 1992). «После ста лет непризнания, подозрительного отношения и замалчивания проблемы бессознательного вновь занимают в умах современных психологов значительное место» (Kihistorm, Vamhard & Tataryn. 1992. P. 788).

Это, правда, не то бессознательное, о котором говорил Зигмунд Фрейд. - переполненное неудовлетворенными вожделениями и воспоминаниями, которые можно поднять на уровень сознания в результате длительной психоаналитической работы. Новый взгляд на природу бессознательного представлял его более рациональным и эмоциональным. Бессознательное проявляет себя уже на начальной стадии человеческого познания - на стадии реагирования на стимул. Бессознательное - это интегральная часть процессов научения и обработки информации, а потому его можно изучать в ходе контролируемого эксперимента.

Для того, чтобы отделить понимание бессознательного в когнитивной психологии от бессознательного в психоанализе (а также от ряда чисто физических состояний отсутствия сознания - обморока, сна или комы), некоторые представители когнитивного движения предпочитают говорить о неосознанном. Это понятие оказалось для когнитивной психологии столь важным, что многие исследователи считают, что большая часть психических процессов у человека проходит на неосознанном уровне. Это обстоятельство было подтверждено экспериментально для таких поведенческих актов, когда воспринимаемая информация не осознается, а действие носит автоматический характер.

В одном из популярных исследований испытуемым предъявляют некие стимулы на подпороговом уровне восприятия, либо же на время, меньшее его индивидуального порога осознанного реагирования. В этих случаях испытуемые не могут сознательным образом обрабатывать получаемую информацию, однако они все же реагируют на стимулы. На основании этих экспериментов исследователи пришли к выводу, что человек способен реагировать на стимулы, которые в действительности не видит и не слышит, то есть на подпороговые стимулы (Greenwald.1992).

Эти и другие исследования подобного рода привели когнитивную психологию к заключению, что процесс познания, как в экспериментальных условиях, так и в естественных, разворачивается на двух уровнях - сознательном и несознательном. Причем наибольший объем психической деятельности в процессе познания происходит как раз на несознательном уровне (Loftus & Klinger. 1992). Кроме того, исследования показывают, что именно на этом уровне обработка информации протекает быстрее и эффективнее (даже если это касается достаточно сложной информации).

Но если основной объем информации обрабатывается на несознательном уровне, это значит, что никакие интроспективные методы не смогут помочь нам проникнуть в эти тайны. Какой толк изводить человека расспросами о том, чего он не знает, да и знать не может? «Не имеет значения, насколько хорошо подготовлены наши испытуемые. Они все равно не смогут нам рассказать, каким образом они обрабатывают информацию... Все это потому, что они не только ничего не знают о внутренних бессознательных процессах, но и никогда не узнают» (Lewicid, Hill & Czyzewska. 1992. P. 796). Понятно, что такого рода выводы не могут не ограничивать применения интроспекции в когнитивной психологии в качестве исследовательского метода.

Познавательные процессы у животных

Когнитивная психология восстановила роль сознания не только на уровне человека, но и на уровне животных (Hulse. 1993). Зоопсихология, или сравнительная психология, можно сказать, проделала полный круг: от наблюдений за психической деятельностью животных Романа-са и Моргана в 80-х и 90-х годах прошлого века - через механистическую схему «стимул-реакция» бихевиористов в 50-е и 60-е годы века нынешнего - до признания элементов сознания у животных в когнитивной психологии.

Начиная с 70-х годов XX века зоопсихологи постоянно пытались доказать, что «животные способны воспринимать, трансформировать и обрабатывать символические образы, относящиеся к пространственным, временным и каузальным характеристикам реального мира в процессе целесообразного и адаптивно организованного поведения» (Cook. 1993. P. 174). Другими словами, они утверждали, что компьютерные модели процессов обработки информации имеют отношение не только к характеристике человеческого познания, но и к познавательным процессам у животных.

В ранних работах по исследованию познавательных процессов у животных использовались в основном простые стимулы, такие как цветные огни, звуки и щелчки. По всей видимости, подобные стимулы оказались слишком просты для такой сложной задачи, как исследование познания у животных. Они не давали возможности проявиться всему диапазону возможностей животных. Впоследствии стали использовать более реалистичные стимулы, такие как цветные фотографии привычных объектов. Сложные зрительные стимулы позволили раскрыть такие когнитивные способности у животных, о которых раньше даже не подозревали.

Современные исследования показывают, что память у животных имеет сложный и гибкий характер и что по крайней мере некоторые познавательные операции у животных протекают так же, как у человека. В лабораторных условиях животные оказывались в состоянии усваивать довольно разнообразные и сложные понятия. Удалось доказать способность некоторых животных работать с символическим представлением информации, а также умение образовывать базовые абстракции пространства, времени и числа (Gallistel. 1989; Roitblat, Bever & Terrace. 1984; Wasserman. 1993).

Тема познания у животных оказалась настолько популярной, что ее стали обсуждать в средствах массовой информации. Такие журналы, как «Тайм» и «Ньюсвик», опубликовали в 1993 году пространные статьи по этому поводу. Однако некоторые зоопсихологи продолжают настаивать на том, что прямое сопоставление познавательных процессов у человека и животных недостаточно обосновано. Та пропасть между человеком и животным, на которую в XVII веке указал Декарт, все еще продолжает тяготеть над умами исследователей.

Бихевиористы, в свою очередь, продолжают отрицать осмысленность разговоров о сознании как по отношению к человеку, так, естественно, и к животным. Один из современных бихевиористов так отозвался о представителях когнитивной психологии: «Они похожи на Джорджа Романеса: фантазировать по поводу памяти, рассудка и сознания у животных в наше время столь же смешно, как и тогда, сто лет назад» (Baum, 1994. P. 138).

Комментарии

По мере того, как когнитивное движение в экспериментальной психологии, гуманистическая психология и постфрейдский психоанализ вводят проблему сознания в научный обиход, она вновь, как и сто лет назад, выходит на первый план в современной психологии. Проанализировав 95 ежегодных выступлений президентов Американской психологической ассоциации, Гибсон пришел к выводу, что предмет психологии описал своего рода круг – «от власти субъективности к безраздельному господству объективных явлений и вновь к признанию субъективных феноменов» (Gibson, 1993. P. 43). Можно сказать, что сознание одержало в этой борьбе решительную и серьезную победу.

В целом когнитивное движение можно оценить как успешное. В начале 70-х годов оно привлекло к себе столько сторонников, что возникла потребность в специальных научных журналах этого направления. За каких-нибудь десять лет появилось шесть журналов: «Когнитивная психология» (Cognitive Psychology, 1970 г.), «Познание» (Cognition, 1971 г.), «Память и познание» (Memory and Cognition, 1983 г.), «Журнал мысленных образов» (Journal of Mental Imagery, 1977 г.), «Когнитивная терапия и исследования» (Cognitive Therapy and Research, 1977 г.), «Когнитивная наука» (Cognitive Science, 1977 г.).

Джером Брунер определил когнитивную психологию как «революцию, всю глубину которой мы еще не в состоянии оценить» (Bruner, 1983. P. 274). Ее влияние простирается на большинство основных разделов психологии, а базовые идеи когнитивного движения восприняты психологами по всей Европе, и даже в России. Можно сказать, что это движение вышло за пределы психологии в своих попытках консолидировать целый ряд дисциплин в единую теорию познания в самом широком ее смысле.

Это новое направление, получившее название когнитивной науки, представляет собой объединение самых разнообразных отраслей знания. Сюда входят: когнитивная психология, лингвистика, антропология, философия, компьютерные науки, программы создания искусственного интеллекта, а также ряд наук о закономерностях нервной деятельности. Хотя еще Джордж Миллер задавался вопросом, насколько прочным и целостным может быть объединение столь различных по своему характеру и задачам дисциплин (он предлагал называть этот комплекс во множественном числе - когнитивные науки), все же нельзя отрицать существование и стремительный рост этого мультидисциплинарного подхода. Различные лаборатории и институты когнитивных исследований начали возникать при университетах, как грибы после дождя, по всей

территории Соединенных Штатов. Некоторые факультеты психологии даже сменили свое название на факультеты когнитивных наук. Вполне вероятно, что в следующем столетии когнитивный подход станет доминирующим, и не только в области психологии, но и в ряде других дисциплин.

Однако никакая революция, даже самая успешная, не обходится без своих критиков. Большинство бихевиористов скиннеровского толка высказались против когнитивной психологии (Skinner. 1987b, 1989). Даже те из них, кто сам принимал критику по поводу ограниченности бихевиористского подхода, все же отмечают значительные расхождения в стане самой когнитивной психологии. Среди когнитивных психологов нет единства относительно трактовки большинства основных понятий, нет единодушия даже в том, какие понятия считать действительно важными, а какие - нет. Велика путаница и разногласия в терминологии и определениях. «Даже сегодня, спустя двадцать лет после того, как началась когнитивная революция, отмечая собою поворотный пункт в истории науки, у нас все еще нет единого мнения относительно ее природы и источников, ее движущих сил, а также ее значения для будущего науки» (Sperry. 1993. P. 880).

Ряд исследователей упрекает когнитивную психологию в явной переоценке роли и значения когнитивных факторов в ущерб другим факторам, таким как мотивация и эмоции. Объем научных публикаций по проблемам мотивации и эмоций от года к году сокращается, а их место занимают публикации, посвященные когнитивным факторам. А в результате, по мнению Ульрика Найссера, происходит сужение проблемного поля науки, обеднение научного творчества. Найссер по этому поводу высказывается следующим образом: «Мышление человека включает в себя страсть и эмоции, человек всегда действует под влиянием множественных мотивов. Компьютерные программы, напротив, ...неподвластны эмоциям, маниакально прямолинейны и целеустремленны» (цит. по: Goleman. 1983. P. 57). Тем самым создается возможность того, что когнитивная психология так же замкнется на процессах мышления, как в свое время бихевиоризм - на поведенческих актах.

Третьи критики отмечают, что прогресс когнитивной психологии носит, скорее, иллюзорный, нежели реальный характер. Многие психологи просто усвоили новый термин, ничего существенно не поменяв в теоретическом фундаменте своих исследований. Б. Ф. Скиннер по этому поводу замечает, что просто «стало модным вставлять словечко "когнитивная", где только можно» (Skinner. 1983b. P. 194). С такой оценкой во многом согласен и Джордж Миллер:

Происходит, собственно, следующее: многие экспериментальные психологи, занимающиеся проблемами научения, восприятия и мышления у человека, стали называть себя когнитивными психологами. При этом совершенно не изменились ни стиль мышления, ни их методы работы: как будто они вдруг открыли для себя, что всю жизнь только и делали, что занимались именно когнитивной психологией. А потому наши действительные достижения могут оказаться куда более скромными, чем это может показаться. (Цит по: Bruner. 1983. P. 126.)

В справедливости столь жесткой оценки нас может убедить и анализ индекса цитирования ведущих журналов по когнитивной психологии, бихевиоризму и психоанализу за период с 1979 по 1988 год. Если бы когнитивная психология действительно заняла место двух других подходов, то можно было бы ожидать сокращения индекса цитирования журналов этих направлений. Однако в действительности такого сокращения не наблюдалось (Friman, Alien, Kerwin & Larzelere. 1993).

Индекс цитирования, действительно, был самым высоким у журналов когнитивного направления. Только у него наблюдалась и статистически значимая тенденция к повышению. В то же время не удалось зафиксировать и сколько-нибудь значительной тенденции к снижению уровня цитируемости у журналов бихевиористского направления. Индекс цитируемости психоаналитических журналов, хотя и был ниже, чем у бихевиористских изданий, так же испытал весьма незначительное снижение. Эти данные свидетельствуют о том, что, даже если когнитивный подход и доминирует в современной психологической мысли, остальные два направления в целом не сдают своих позиций. «Непрекращающиеся заявления о том, что [когнитивная] революция свершилась, отражают, скорее, неумеренный энтузиазм представителей этого направления, чем действительное положение дел... Сообщения о смерти бихевиоризма и психоанализа в целом оказались сильно преувеличенными» (Friman, Alien, Kerwin & Larzelere. 1993. P. 662, 664).

Когнитивная психология далека от завершения. Это направление еще находится в стадии развития, а потому окончательно судить об уровне его достижений и влияния еще рано. Когнитивная психология обладает всеми атрибутами и внешними признаками научной школы: у нее есть свои журналы, лаборатории, научные конференции, свой собственный язык и убеждения, а также ревностные последователи. Можно даже говорить о своего рода когнитивизме, по аналогии с функционализмом и бихевиоризмом. С когнитивной психологией произошло то же, что в свое время случилось и с другими психологическими школами - она стала частью основного русла психологической мысли. Таков естественный результат всех успешных научных революций.

Итоговые замечания

Если нас чему-то учит история психологии, так это тому, что, когда некоторое научное направление оформляется в научную школу, оно получает мощный дополнительный импульс движения, который можно остановить лишь полной победой над теоретическими противниками. Когда это, наконец, происходит, гибкие и подвижные артерии столь молодого и энергичного прежде движения начинают хиреть. Гибкость сменяется окостенением, на смену революционному запалу приходит необходимость защищать достигнутое, умы и сердца закрываются для новых идей. Тогда-то и возникает любая структура, любой истеблишмент. Это и есть прогресс науки - стремление надстроить все новые и новые этажи знания. Нет конца, нет предела, как нет и завершения. Существует только неустанное стремление к росту и совершенству, подобно эволюции все новых и новых видов в живой природе. Каждый из них пытается найти новые, более удачные и совершенные адаптации к вечно меняющейся среде обитания.

Вопросы для обсуждения

1. Обсудите сравнительные достоинства основных школ в психологии. Расскажите о статусе гуманистической психологии и обстоятельствах ее возникновения.
2. Каковы истоки гуманистической психологии? Сравните между собой взгляды Маслоу и Роджерса на природу и характер самоактуализации, а также на основные черты психически здоровой личности.
3. Обсудите истоки когнитивной психологии. Каким образом изменение интеллектуального климата в физике повлияло на становление когнитивной психологии?
4. Назовите признаки, позволяющие говорить о когнитивной революции в психологии. Какие личные обстоятельства и факторы подвигли Миллера и Найссера включиться в когнитивное движение?

5. Обсудите значение и правомерность компьютерной метафоры для понимания психических процессов. Назовите три позиции, по которым когнитивная психология расходится с бихевиоризмом?
6. Какова роль интроспекции в когнитивной психологии? Расскажите о современных взглядах по поводу бессознательной познавательной активности.
7. Какое место в современной психологии занимает вопрос о познавательной активности животных? Какие критические замечания высказываются в адрес когнитивной психологии? Как, по вашему мнению, можно ли назвать когнитивное движение в целом успешным? Почему да или почему нет?

Рекомендуемая литература

- Baars, B. J. (1986) *The cognitive revolution in psychology*. New York: Guilford. В работе рассматривается процесс перехода от пост-уотсоновского бихевиоризма к когнитивной психологии, приводятся интересные интервью с Миллером, Найссером и другими видными деятелями когнитивного движения.
- DeCarvalho, R. J. (1990) The history of the «third force» in psychology. *Journal of Humanistic Psychology*. 30 (4), 22-44. В статье рассматривается история становления гуманистического движения и его оформления в научную школу.
- Evans, R. I. (1975) Carl Rogers: The man and his ideas. New York: Dutton. В книге приводятся беседы с Роджерсом по поводу развития личности и основных положений личностно ориентированной терапии, а также использования гуманистической терапии в сфере образования.
- Hoffman, E. (1988) *The right to be human: A biography of Abraham Maslow*. Los Angeles: Tarcher. В книге приведена биография Мас-лоу, рассматривается его научная карьера от ранних работ по приматам до создания движения по развитию человеческого потенциала.
- Skinner, B. F. (1987) Whatever happened to psychology as the science of behavior? *American Psychologist*. 42, 780-786. В статье представлены взгляды Скиннера на когнитивную психологию как на некое «обстоятельство», которое в итоге должно привести психологию к принятию его программы экспериментального исследования поведения.

Глава 16

Проблемы пола и расы в истории психологии

Спорные проблемы в современной психологии

Как мы уже имели случай убедиться, психология время от времени оказывается перед лицом новых вопросов, на которые нужно давать ответ. И XX век в этом смысле не исключение. В наши дни психология и как научная дисциплина, и как профессия стоит перед лицом ряда спорных проблем, от решения которых в значительной степени зависит ее будущее развитие. Одной из таких кардинальных проблем является вопрос о том, сможет ли когнитивная психология действительно стать новой научной парадигмой и объединить вокруг себя все психологическое сообщество, что до этого не удавалось ни одной школе.

Еще одной важной проблемой является продолжающееся противостояние экспериментальных и клинических исследований, чистой и прикладной науки. Большое значение могут иметь новые историографические данные, такие как биографические исследования и неизвестные прежде исторические факты. Следует принять также во

внимание растущую конкуренцию на рынке клинических медицинских услуг в сфере психологии.

Однако, несмотря на всю значимость названных проблем, мы сосредоточим наше внимание на ином круге вопросов, вызванных в большей степени социальным и политическим контекстом. Адаптация к этим проблемам является, пожалуй, первоочередной задачей современного американского общества. Говоря о первоочередной задаче, мы прежде всего имеем в виду признание мультикультурного характера нашего общества. Женщины, представители различных расовых и этнических групп, геи и лесбиянки заявляют о своей непохожести и требуют от общества признания и уважения их специфических нужд и потребностей.

Растущее культурное многообразие во всех сферах жизни: в образовании, медицине, в трудовой деятельности, - представляет собой новый «дух времени», новый вызов цивилизации, возможно, самый значительный за всю историю психологии.

Политика идентичности

Несмотря на все разнообразие теорий и точек зрения, обсуждавшихся нами ранее, их авторами и носителями были люди, существенно схожие в одном. Это были белые люди, как правило, мужчины из Европы или Соединенных Штатов.

Кроме того, и испытуемыми в исследованиях, на основе которых строились все выводы и заключения, также были представители белой расы. Как в шутку (но лишь отчасти) заметил один из чернокожих психологов, даже мыши в лаборатории, и те были белыми (Gutrie. 1976)! Я не говорю уже о том, что в подобных исследованиях все: и наблюдатели, и испытуемые, и пациенты, - были преимущественно мужчинами. Напомним, например, что Генри Мюррей строил свою теорию личности на основе наблюдений за поведением 51 студента мужского пола.

Тем не менее, все рассмотренные концепции выдвигались как теории, относящиеся к природе человека в целом, вне зависимости от половых, расовых или культурных различий. Только очень немногие исследователи признавали, что их выводы относятся только к мужчинам, только к представителям белой расы, только к студентам Гарварда, или, наконец, только к женщинам средних лет, жительницам Вены, обладающим невротическим складом психики. Также, очень немногие психологи также имели мужество признать, что их теории не всегда могут быть должным образом применены к людям с иным складом психики, с иными характеристиками или из иного круга. Даже несмотря на то, что некоторые исследователи отмечали важность учета разнообразных социальных и культурных факторов (влияние родителей, братьев и сестер, сверстников), мало кто из них обращал внимание на то, что половые и расовые различия могут иметь куда большее значение.

На протяжении всей книги нам доводилось видеть, как сказывались те или иные предрассудки и дискриминационные ограничения на карьере женщин или представителей этнических и расовых меньшинств. Мы уже отмечали в первой главе, что некоторые исследователи подвергают современную психологию серьезной критике за то, что в ней не учитываются половые и расовые особенности. Это движение, получившее название политики идентичности, представляет собой попытку людей, прежде по каким-либо причинам исключенных из исследовательского поля, отстоять свои права, выразить свою идентичность путем обращения к собственному уникальному жизненному опыту и покончить таким образом с практикой дискриминации тех или иных социальных групп

(Sampson. 1993). Люди, придерживающиеся подобных взглядов (это женщины, представители черной расы и иных этнических групп, геи и лесбиянки, а также все, кто выступает против европоцентристского подхода в науке), убеждены, что современная психология не в состоянии отразить их специфику. Данное обстоятельство, по их мнению, приводит к маргинализации и ущемлению их неотъемлемых прав и свобод, игнорирует специфические интересы и проблемы.

В настоящей главе мы проследим роль гендерных* и расовых проблем в истории психологии, а также рассмотрим, каким образом дискриминационная практика приводила к появлению разнообразных препятствий на пути одаренных исследователей. В сфере расовых проблем мы в большей степени остановимся на проблемах афро-американцев. Отметим только, что американцы латинского и азиатского происхождения и американские индейцы сталкиваются со сходными трудностями. За последние годы, как мы уже отмечали, им удалось создать ряд собственных профессиональных организаций и конференций, основать журналы, обсуждающие их специфические проблемы. Однако, число таких журналов и организаций и круг обсуждаемых проблем еще слишком мало, чтобы можно было говорить о серьезном вкладе в развитие психологии.

В последнее время и официальная психология предпринимает ряд существенных шагов для того, чтобы сгладить недостатки и избавиться от предрассудков. Однако, совершенно неоспоримым фактом остается следующее: и в этом, и в любом другом учебнике по истории психологии вы встретите очень немного упоминаний о психологах-женщинах или представителях этнических и социальных меньшинств и в то же самое время большое внимание уделяется работам белых мужчин. И это не результат чьей-то злой воли или предрассудков; это отражение действительной истории психологии. Именно так пишется история науки.

История любой научной дисциплины, такой, как, например, психологии, должна включать в себя описание наиболее значительных достижений в этой области, освещать вопрос о научном приоритете, оценивать достижения «великих гениев» в контексте национальной или мировой науки. На страницах учебников вы редко встретите имена рядовых тружеников науки, выполняющих черновую, повседневную работу... Те, кто блестяще читает лекции, успешно лечит клиентов, виртуозно проводит эксперименты, поставив данные для своих коллег... - редко получают известность и признание за пределами узкого круга специалистов. (Pate & Wertheimer. 1993. P. XV.)

Именно так история психологии игнорирует повседневную работу подавляющего большинства психологов.

Памятуя об этом, мы рассмотрим в данной главе следующие проблемы:

- 1) о препятствиях, не позволяющих некоторым людям профессионально заниматься психологией только по причине их пола или цвета кожи;
- 2) о дискриминационных ограничениях, не позволяющих некоторым психологам в своей профессиональной деятельности в полной мере реализовать свои способности и дарования.

* Гендерные проблемы – несколько более широкое понятие, чем проблемы пола. – Прим. перев.

Гипотеза варибельности и миф о мужском превосходстве

По давней традиции в наиболее престижные академические учебные заведения Европы и Соединенных Штатов женщин не допускали. Например, в Гарвардский университет со времен его основания в 1636 году женщин не принимали вовсе. И только в 30-е годы XIX века некоторые американские колледжи смягчили строгость традиции и стали допускать в свои стены женщин.

Главным оправданием для такого рода ограничений служило убеждение в безусловном интеллектуальном превосходстве мужчины. Аргумент был следующим: даже если гарантировать женщинам равные образовательные возможности, все равно они не смогут ими в достаточной мере воспользоваться из-за врожденной интеллектуальной слабости. Под таким заявлением вполне могли подписаться многие выдающиеся деятели науки XIX века - к примеру, Чарльз Дарвин, - равно как и большинство видных психологов XX века, включая Холла, Торндайка, Кеттелла и Фрейда.

Миф о мужском превосходстве основывается на дарвиновской теории варибельности признаков у самцов. Дарвин обнаружил, что у многих видов животных самцы обладают гораздо большей изменчивостью физических черт и способностей, чем самки, чьи характеристики в основном группируются вокруг неких средних величин. На основании этой тенденции к усреднению характеристик и был сделан вывод о том, что женщины менее способны к обучению, а потому не следует ждать от них особых достижений в интеллектуальной и творческой сферах. От этой позиции уже оставался один маленький шаг до утверждения о том, что и мозг самок в меньшей степени затронут эволюцией, чем мозг самцов. Раз самцы обладают большей варибельностью признаков, то, соответственно, они могут лучше адаптироваться к внешней среде и извлекать больше пользы из разнообразия внешних стимулов (Rossiter. 1982; Shields. 1982).

Согласно популярной в то время теории, при получении высшего образования женщины постоянно испытывают физические и эмоциональные стрессы, то есть образование явно не идет им впрок. Некоторые исследователи утверждали, что образование для женщин вообще очень вредно, поскольку приводит к нарушению менструального цикла и ослабляет их материнские инстинкты. Если уж чему-то и стоит учить женщину, писал Холл, так это «учить ее быть матерью» (цит. по: Diehl. 1986. P. 872).

В 1873 году бывший профессор Гарвардской медицинской школы Эдвард Кларк следующим образом характеризовал последствия получения женщиной высшего образования: «Чудовищный мозг и тщедушное тело, аномально высокая церебральная активность и слабое пищеварение, полная путаница в мыслях и запор в кишках» (цит. по: Scarborough & Furumoto. 1987. P. 4). Он также высказывал весьма грозное предупреждение о том, что «равное образование для мужчин и женщин - преступление перед лицом Господа и человечества» (Clarke. 1873. P. 127). Отметим, что эта книга Кларка была столь популярна, что на протяжении 13 лет выдержала 17 изданий.

В наши дни более половины всех выпускников университетов, получающих докторские степени по психологии, - это женщины. Женщины составляют две трети всех выпускников и три четверти всех студентов старших курсов психологических отделений и факультетов университетов (Martin. 1995). Однако, как показывает изучение истории науки, до самого недавнего времени в психологии безраздельно доминировали мужчины. Отчасти это связано с тем, что даже после получения формально равных с мужчинами прав женщины, тем не менее, реально продолжали сталкиваться с серьезными дискриминационными препятствиями при получении научных степеней и продолжении

научной карьеры. У женщин по-прежнему было меньше возможностей получить хорошую работу по специальности. Достаточно вспомнить, что Маргарет Уолшбэрн была не допущена в Колумбийский университет только потому, что она женщина. Вплоть до 1892 года Йельский, Чикагский и еще ряд университетов были закрыты для женщин. Даже спустя двадцать лет после формального основания психологии как науки женщине стать психологом было все еще значительно сложнее, чем мужчине.

Женщинам нелегко было получить работу где-либо, кроме традиционно женских колледжей. Но даже если женщину принимали на работу, преподавательская карьера давалась ей с большими, чем мужчине, усилиями, а платили ей за равный с мужчиной труд существенно меньше.

Однако, несмотря на все эти трудности и ограничения, именно в психологии женщинам удалось добиться наибольших достижений. К началу XX века около двадцати женщин сумели получить докторские степени по психологии. А в 1906 году в издании <Ученые Америки> уже около двенадцати процентов всех упомянутых психологов были женщинами - весьма высокий процент, особенно если учесть те барьеры и ограничения, с которыми женщины сталкивались на пути к высшему образованию. Отметим, что эти первые женщины-психологи были заслуженно приняты в члены Американской психологической ассоциации (АРА).

Первым активным сторонником привлечения женщин в научную психологию был Кеттел, не устававший напоминать коллегам о том, что они «не должны проводить различий между учеными по половому признаку» (неопубликованное письмо, цит. по: Sokal. 1992. P. 115). На ежегодном заседании секции в АРА он предложил принять в члены ассоциации двух женщин-психологов. Именно благодаря Кеттелу и его единомышленникам сегодня можно сказать, что АРА была первой научной ассоциацией, принявшей в свои ряды женщин-ученых (Sokal.1992. P. 115). За период 1893-1921 годы в АРА в качестве полноправных членов было принято 79 женщин, что составляет 15 процентов от общего числа принятых за тот период членов (Scarborough, 1992). Первой женщиной-президентом АРА в 1905 году стала Мэри Уитон Калкинс, а в 1994 году Дороти Кантор была восьмой женщиной, избранной на этот почетный и ответственный пост.

Надо сказать, что многие профессиональные объединения еще долгое время продолжали чинить разнообразные препятствия женщинам в их профессиональной карьере. Женщин-врачей не принимали в Американскую медицинскую ассоциацию вплоть до 1915 года, а женщины-юристы не могли вступить в Американскую коллегия адвокатов до 1918 года (Fummoto. 1987).

Женщины в прикладной психологии

Поскольку академическая университетская карьера была закрыта для большинства женщин-психологов, они вынуждены были обратиться в область прикладных исследований. Сферой приложения сил для них стали преимущественно клиническая психология и психологические консультации в области юриспруденции, детской и школьной педагогики. В этих сферах многие женщины-психологи оставили заметный след. В особенности это касается разработки и практики использования разнообразных психологических тестов (Denmark & Fernandez.1992).

Так, Флоренс А. Гудинаф, получившая докторскую степень в 1924 году в Стэнфордском университете, разработала популярный тест «нарисуй человечка» (ныне известный как

графический тест Гудинаф-Харрис), применяющийся для измерения интеллектуального развития детей. Флоренс Гудинаф была пионером применения тестов для психологических исследований. Она работала в Институте развития ребенка университета штата Миннесота в течение более 20 лет. Ей также принадлежит детальный анализ других тестов и работ в сфере детской психологии (Goodenough. 1949).

Директор детской психологической клиники в Калифорнии Мод А. Меррил Джеймс совместно с Льюис Терман в 1937 году предложила новую версию теста Стэнфорда-Вине на интеллектуальное развитие. В настоящее время этот тест широко известен под именем теста Тер-ман-Меррил. Тельма Гуинн Терстоун, получившая докторскую степень в 1927 году в университете Чикаго, вышла замуж за психолога Л. Л. Терстоуна. Можно сказать, что ее постигла участь многих жен, работавших вместе со своими мужьями: их вклад и достижения остались незамеченными и не оцененными по достоинству. Она работала над созданием серии тестов на выявление первичных умственных способностей (Primary mental Abilities). Она занимала должность профессора педагогики в университете Северной Каролины и была директором психометрической лаборатории (Denmark & Fernandez. 1992).

На протяжении своей длительной карьеры в университете Фрод-хэма Анна Анастаси (1908-) проявила себя как талантливый автор целого ряда психологических тестов (см.: Anastasi. 1988, 1993). В 1971 году она была избрана президентом АПА и удостоена ряда профессиональных наград, в том числе и национальной медали за достижения в науке. Одно из исследований было названо ее именем - в знак признания ее выдающихся заслуг среди англоязычных женщин-психологов. Первым местом ее работы - после получения научной степени в Колумбийском университете в 1930 году - была должность психолога-инструктора в колледже Барнарда с годовым окладом в 2400 долларов. В 1947 году она пришла на работу на факультет Фродхэма. С этого же места она ушла в 1979 году на пенсию, но уже в должности Professor Emeritus* (Sexton & Hogan. 1990).

Несмотря на все успехи женщин-психологов в отдельных сферах прикладной психологии, в целом их профессиональную деятельность вряд ли можно считать успешной. Для полноценной научной работы необходимы свободное время, финансовая поддержка и помощь студентов старших курсов в проведении экспериментов. Женщинам-психологам, как правило, приходилось работать в неакадемических сферах, где о подобных условиях приходилось только мечтать. В области прикладных исследований редко удается добиться признания за пределами той организации, где работа была выполнена. Невиданный рост числа разнообразных прикладных исследований в Соединенных Штатах - наследие функционализма - дал женщинам-психологам определенный шанс на получение работы по специальности. Однако они попрежнему оставались вне сферы академических исследований, где, как правило, и происходят главные теоретические события, интересующие любую историю науки.

Многие психологи академической сферы смотрели на прикладные исследования свысока, как на черновую работу. Гакне занятия, как психологическая помощь в юридических консультациях, расценивались как <женское дело>. В целом можно сказать, что в большинстве ныне существующих работ по истории психологии недооценивается значение прикладных исследований для развития психологии, а вместе с ними - роль многочисленной когорты женщин-психологов, работавших в клиниках, госпиталях, прикладных исследовательских институтах, занимавшихся военными и правительственными разработками. Интересно отметить, что ни одна женщина никогда не

* Заслуженного профессора. - Прим. перев.

избиралась на пост президента Американской ассоциации прикладной психологии, несмотря на то, что уже в 1941 году треть членов этой ассоциации составляли женщины (Rossiter. 1982).

Однако и на этом трудности не заканчивались. Те женщины-психологи, которым удалось получить стабильную преподавательскую работу в университетах и которые вели научную деятельность и публиковали свои работы, столкнулись еще с одним обстоятельством, затруднявшим признание их научных заслуг. По сложившейся многолетней традиции написание имен ученых строится следующим образом: сначала указывается фамилия автора, а за ней следуют только инициалы (например, Джонс, М., вместо Джонс Мэри), что не позволяет читателю определить, мужчина это или женщина. В итоге же складывается впечатление, что научный вклад женщин-психологов менее значителен, чем это есть на самом деле.

В заключение отметим, что не столь уж редко возникали такие ситуации, когда научные работы, выполненные женщинами-психологами различной квалификации (от студентки старших курсов до профессора), так или иначе приписывались мужчинам. «Нам, по-видимому, так и не суждено будет узнать, сколь многими достижениями в сфере науки мы в действительности обязаны женщинам: как часто в сносках должны были быть указаны в качестве соавторов работы женщины, а младший соавтор на самом деле является старшим...» (Bernstein & Russo.1974. P. 131).

Женская психология

Значительное число женщин-психологов посвятили себя разработке проблем женской психологии. В русле психоаналитической традиции одна из ранних представительниц феминистского движения - Карен Хорни - опубликовала свою первую статью, посвященную женской психологии, в 1922 году (см. главу 14). В рамках академической экспериментальной психологии проблемами женской психологии занимались такие исследователи, как Хелен Бредфорд Томпсон Вули и Лета Стеттер Холлингворт.

Хелен Бредфорд Томпсон Вули (1874-1947)

Хелен Бредфорд Томпсон родилась в 1874 году в Чикаго. Ее родители поддерживали идею женского образования, и все три дочери посещали колледж. Хелен Томпсон получила степень бакалавра в университете Чикаго в 1897 году, а докторскую степень - в 1900-м. Она училась у таких профессоров, как Энджелл и Дьюи, причем Дьюи называл ее своей самой лучшей и талантливой ученицей (James. 1994). После стажировки в Париже и Берлине она становится директором психологической лаборатории в колледже Маунт Холиоук в штате Массачусетс.

Затем она выходит замуж за врача Поля Вули и отправляется вместе с ним на Филиппины, где он работал директором лаборатории. В 1908 году супружеская чета переезжает в г. Цинтипатти, штат Огайо, где Хелен занимает пост директора бюро профессиональной подготовки при системе общественного образования. Ей приходится заниматься там в основном вопросами социального обеспечения детей. На основе ее исследований по проблемам детского труда вносится ряд поправок в Закон Штата о труде. (В то время во многих штатах продолжительность рабочего дня на фабриках для детей от 8 лет и старше могла составлять 10 часов в день шесть дней в неделю. И лишь немногие штаты имели законодательные ограничения продолжительности рабочего дня для детей или законодательно обеспечивали для них минимум заработной платы.) В 1921 году она была

избрана на пост президента Национальной ассоциации по надзору за профессиональной подготовкой.

В том же году семейство Вули переезжает в Детройт, штат Мичиган, где Хелен устраивается на работу в институт Мерилл-Пальмер и создает там программу психологии для начальной школы, направленную на изучение умственного и психического развития детей. В 1924 году Хелен Вули становится директором вновь созданного Института благосостояния ребенка при Колумбийском университете (Scarborough & Furumoto. 1987) и продолжает заниматься изучением развития детей в раннем детстве, вопросами профессиональной подготовки и руководством системой школьных психологических консультаций.

Докторская диссертация Хелен Вули, выполненная ею в Чикагском университете, представляла собой первую в истории психологии попытку экспериментально исследовать известный дарвиновский тезис о биологически обусловленном превосходстве мужчин. В то время данная идея была столь очевидной, что, казалось, не нуждалась ни в каком дополнительном научном исследовании (James. 1994). Вули провела серию тестов с 25 испытуемыми-мужчинами и 25 женщинами, в ходе которой исследовались моторика, порог восприятия (вкус, запах, слух, боль и зрение), интеллектуальные способности и личностные черты.

Результаты исследований показали отсутствие различий между полами по эмоциональным характеристикам и лишь незначительные различия по интеллектуальным способностям. В то же время исследования показали некоторое превосходство женщин по таким характеристикам, как память и сенсорные возможности. Интерпретируя полученные результаты, Вули совершила беспрецедентный шаг: она отнесла существующие различия за счет социальных факторов и различий в характере воспитания детей, а также за счет разных ожиданий общества по отношению к мальчикам и к девочкам. Биологические же различия, с ее точки зрения, играют по сравнению с этими факторами незначительную роль (Rossiter. 1982).

Эти результаты Вули опубликовала в работе под названием «Психические особенности полов: экспериментальные исследования психически здоровых мужчин и женщин» (Thompson. 1903). Надо сказать, что ее выводы были с неодобрением встречены мужской частью академического сообщества. Так, например, Г. Стенли Холл обвинил Хелен Вули в том, что она даст тенденциозное, феминистское толкование данных (Hall. 1904). Уже сам факт, что подобное исследование проводила женщина, ставил под сомнение достоверность полученных данных и их интерпретацию (James. 1994). Впоследствии Вули подготовила два обзора, посвященных стремительно растущей литературе по проблеме психологических различий между полами для престижного журнала «Психологический бюллетень» (Wooley. 1910, 1914).

В течение тридцати лет Хелен Вули занималась преподаванием, научными исследованиями, руководила работой других женщин-психологов в области детского развития и образования. Когда вследствие ухудшившегося здоровья и весьма драматически распавшегося брака она вынуждена была преждевременно уйти на пенсию, эстафету исследований по проблемам женской психологии переняли другие ученые.

Лета Стеттер Холлингворт (1886-1939)

Лета Стеттер родилась в штате Небраска. В 1906 году она закончила университет этого штата с отличием «Фи-Бета-Каппа». После этого в течение двух лет она преподавала в

колледже Барнарда в Нью-Йорке, пока ее жених, Гарри Холлингворт, писал докторскую диссертацию по психологии при Колумбийском университете под руководством Кеттела. В 1908 году молодые люди поженились. Лета намеревалась продолжить преподавание, однако, к ее удивлению, ей не позволили этого сделать. По бытовавшему в то время убеждению, если замужняя женщина будет заниматься чем-либо вне дома, муж и дети неизбежно при этом пострадают.

Лета Холлингворт решила попробовать свои силы в литературе, однако ей так нигде и не удалось опубликовать свои короткие рассказы. Молодая семья жила в весьма стесненных материальных условиях, и Гарри вынужден был взяться за дополнительную консультационную работу для того, чтобы скопить немного денег и дать возможность Лете пройти курс постдипломной подготовки. В 1916 году Лета получила докторскую степень по психологии в педагогическом колледже при Колумбийском университете, где занималась под руководством Торндайка. После этого в течение нескольких лет она работала в качестве психолога на государственной службе в Нью-Йорке. Уже пять лет спустя ее имя появилось в индексе «Ученые Америки», так был отмечен ее вклад в исследование женской психологии.

Лета Холлингворт проводила широкомасштабные эмпирические исследования по проверке гипотезы большей варибельности мужчин. Как мы уже отмечали, именно на этой гипотезе Дарвина и основывались все утверждения о неспособности женщин к образованию и профессиональной карьере. Раз женщины по своим психологическим характеристикам и способностям более похожи одна на другую, то, следовательно, они менее способны к творческой интеллектуальной деятельности. А потому нет необходимости готовить их к какой-либо иной деятельности, нежели ведение домашнего хозяйства и воспитание детей.

Путь к равноправию

В период с 1913 по 1916 год Холлингворт провела серию исследований, направленных на выяснение уровня физических, сенсомоторных и интеллектуальных способностей у различных групп испытуемых, среди которых были подростки, студенты и студентки колледжей, женщины во время менструального периода (в то время считали, что интеллектуальные и эмоциональные характеристики женщин неизбежно меняются в ходе этих естественных процессов). Полученные ею результаты полностью опровергли гипотезу варибельности и прочие представления о женской неполноценности. Так, например, согласно ее данным, менструальный цикл, в отличие от ранее существовавшего мнения, никак не связан с уровнем перцептивных или моторных возможностей (Hollingworth. 1914).

В дальнейшем она подвергла исследованию понятие врожденного материнского инстинкта, поставив перед собой задачу выяснить, действительно ли женщина может самореализоваться только путем деторождения. По мнению Леты Холлингворт, существовавшее в то время представление о том, что любое стремление женщины реализоваться в какой-либо иной сфере является неестественным и нездоровым, совершенно надуманное. Именно социальные и культурные предпосылки, а вовсе не биологические факторы мешают женщине стать полноценным членом общества (Benjamin & Shields. 1990; Shields. 1975). Холлингворт предостерегала работников бюро профессиональной подготовки против того, чтобы они рекомендовали женщинам умерять свои профессиональные ожидания и готовиться преимущественно к роли воспитателя детей и домохозяйки, где в принципе невозможно совершить что-либо выдающееся и обратить на себя внимание общества. «Кто знает, кто в Америке лучшая домохозяйка, -

писала Холлингворт. - Выдающихся домохозяек вообще не бывает» (цит. по: Benjamin & Shields. 1990. P. 177).

Велик вклад Леты Холлингворт и в области клинической, педагогической и школьной психологии. Особенных успехов она достигла в деле изучения так называемых <одаренных> детей (ей принадлежит и сам этот термин) (Benjamin. 1975). Однако, несмотря на всю широту научных интересов и качество исследования, ей так и не удалось когда-либо получить грант на проведение научных работ (H. Hollingworth. 1943). Лета Холлингворт принимала активное участие в движении суфражисток и боролась за предоставление женщинам равных избирательных прав (это право было предоставлено в полном объеме лишь в 1920 году) и участвовала в различных демонстрациях и парадах в Нью-Йорке.

Следует отметить, что историки уделяют все больше внимания вопросам дискриминации женщин и отстаиванию их научного приоритета в соответствующих областях. Начиная с 70-х годов, стремительными темпами растет число изданий научной литературы, посвященной исследованию роли женщин в развитии психологии (см., напр.: Bohan. 1990; Fumamoto. 1989; O'Coniell & Russo. 1983, 1988; Scarborough & Fiimmolo.1987). При Американской психологической ассоциации была создана специальная научная группа, занимающаяся изучением статуса женщин, и комитет по исследованию роли женщин-ученых в развитии психологии. Этот комитет видит свою задачу в том, чтобы наглядно продемонстрировать «роль женщин как равноправных членов психологического сообщества» (Уотеп in the American Psychological Association. 1986. P. 1). При АПА было создано Отделение женской психологии (отделение 35) специально для того, чтобы заниматься изучением особенностей женской психологии и вклада женщин-ученых в развитие психологии. Среди основных приоритетов деятельности этого отделения - привлечение женщин из этнических меньшинств к более активному участию в научной деятельности, а также развитие мультикультурного подхода к исследованию различных аспектов женской психологии.

Однако, хотя женщины-психологи становятся все заметнее на профессиональном поприще, продолжает сохраняться определенное неравенство между полами. Так, подавляющее большинство вакансий на факультетах по-прежнему занимают мужчины (81 процент). Из общего числа количество мужчин-преподавателей профессорского уровня в итоге достигает около половины, в то время как аналогичные показатели среди женщин составляют всего одну четвертую часть. Женщины возглавляют только 13 процентов кафедр психологии (Denmark. 1994).

Исследование случайных выборок по двум отделениям АПА показали существование неравенства между полами на всех научных уровнях. В старших классах школы юношам чаще, чем девушкам, удавалось найти определенные образцы для подражания среди факультетских преподавателей. Мужчины более, чем женщины, склонны завязывать личные отношения с преподавателями факультетов, что в итоге способствует более успешному трудоустройству. Мужчины чаще публикуются и получают более высокую оплату за свой труд, чем женщины при прочих равных условиях. 96 процентов мужчин, которым в интересах работы пришлось поменять место жительства, сообщали, что вместе с ними переехали и их жены или подруги. В то же время, когда необходимость изменения места жительства в связи с потребностями научной карьеры возникала у женщин, только в 32 процентах всех случаев их партнеры следовали за ними (Cohen & Gitek. 1991).

Те женщины-профессора, которые считают себя феминистками, сообщают, что администрация университетов и их коллеги в целом относятся к ним недружественно, не

оказывают поддержки в трудных ситуациях, а иногда и проявляют явную враждебность. Они также сообщают, что иногда являются объектом сексуальных домогательств. Часто им препятствуют в выполнении служебных обязанностей, а также предупреждают о недопустимости обсуждения в классах и аудиториях тем, связанных с вопросами пола (Denmark. 1994). Другие проблемы, с которыми сталкиваются женщины (и представители различных меньшинств), - это более тяжелая учебная нагрузка, чем у белых преподавателей-мужчин, чувство отчужденности, недооценка важности исследования гендерных и этнических проблем в психологии, недостаток внимания со стороны научных руководителей (Gainen & Voise. 1993).

Определенное неравенство полов проявляется также и при бихевиоральных и биомедицинских исследованиях, где в качестве объекта изучения выступали, как правило, только мужчины. Такая же ситуация наблюдается в области исследований, связанных со здравоохранением: возрастных изменений, уровня холестерина, СПИДа, рака и сердечных болезней. Большинство работ, посвященных влиянию наркотиков на организм и личность человека, также проводятся ориентацией на мужчин (Denmark. 1994).

Флоренс Денмарк (1931-) получила докторскую степень по социальной психологии в 1958 году в университете штата Пенсильвания. В свою бытность профессором в Хантер-колледж она организовала и вела первый семинар по проблемам женской психологии (Paludi & Russo. 1990). Будучи на посту президента АРА, Денмарк много работала над проблемами гендерной психологии. Ей принадлежит страстный призыв, обращенный к психологическому сообществу: психология должна повернуться лицом к проблемам пола. По мнению Денмарк, необходимо стимулировать создание психологии нового типа - более чувствительной к гендерным проблемам, более ориентированной на реальное многообразие человеческой психики. Хотя за последние два десятилетия количество женщин в психологии неуклонно увеличивается, одним числом женщин-ученых еще нельзя повлиять на общее направление движения психологической мысли.

Современная психология должна обратить более пристальное внимание на уникальность позиции ч жизненного опыта женщины. Мы должны способствовать тому, чтобы женщины, а вместе с ними и представители других дискриминируемых групп (вк-тчая сюда людей с иным цветом кожи, а также геев и лесбиянок) могли занимать ключевые посты в науке, и таким образом оказывать влияние на направление ее развития... Мы должны сделать психологию более феминистской - от учебной аудитории до лаборатории и [клинической] практики. (Denmark. 1994. P. 329, 334.)

Насколько достижимой окажется данная цель - покажет будущее развитие психологии.

Афро-американцы в истории психологии

На протяжении многих десятилетий психологи-афро-американцы подвергались дискриминации на расовой почве. В 1940 году по всей стране всего в четырех <черных> колледжах чернокожие выпускники могли рассчитывать на предоставление им возможностей для получения ученой степени по психологии. Однако даже в тех исключительных случаях, когда чернокожим студентам удавалось добиться зачисления в традиционно «белые» университеты, они сталкивались там с многочисленными ограничениями. Так, например, в 30-х и 40-х годах чернокожим студентам не разрешалось проживать в студенческих кампусах.

Наиболее известным среди университетов, где чернокожие студенты могли получить психологическую подготовку, был университет Хо-варда в Вашингтоне. Руководителем

отделения психологии в этом университете был Френсис Самнер, первый афро-американец, сумевший добиться получения докторской степени по психологии в университетах США. Докторскую степень он получил в 1920 году в университете Кларка, где работал под руководством Дж. Стенли Холла.

Джеймс А. Бейтон получил степени бакалавра и магистра в университете Ховарда, а докторскую степень в 1943 году в университете штата Пенсильвания. С 1943 года и до самой смерти он преподавал в университете Ховарда. Работу над докторской диссертацией он начинал в Колумбийском университете вместе с Робертом Вудвортом, однако впоследствии перевелся в университет штата Пенсильвания для того, чтобы быть поближе к семье и тяжело заболевшему отцу. Среди наиболее известных профессоров, преподававших в то время в университете Пенсильвании, можно назвать такого психолога, как Лайтнер Уитмер.

Бейтон в немалой степени способствовал повышению уровня пост-дипломного образования по психологии среди афро-американцев. В традиционно «черных» университетах кафедры психологии обычно входили в состав педагогических факультетов, поскольку афро-американское сообщество нуждалось прежде всего в учителях. Именно Бейтон способствовал выделению научной психологии в качестве самостоятельной дисциплины в ряде «черных» колледжей, включая сюда и Моргановский государственный колледж в Балтиморе, и Вирджинский государственный колледж в Санкт-Петербурге. За свои заслуги в 1981 году он был удостоен почетной награды «Выдающемуся педагогу» от Психологического фонда. В сферу его научных интересов входили такие вопросы, как исследование особенностей самосознания у афро-американцев, расовой напряженности в армейской среде, а также некоторые вопросы маркетинговых исследований. К его помощи в качестве эксперта часто прибегали при решении сложных проблем, связанных с изоляцией в школах и дискриминацией при приеме на работу (Ross & Hicks. 1991).

Среди тех американских ученых, которые в первые годы становления психологической науки в Америке отправились на стажировку в Европу, было и несколько чернокожих исследователей. Среди них, например, был Гилберт Хевен Джонс, получивший в 1901 году докторскую степень в Йенском университете, а затем работавший в Геттингенском университете (Guthrie. 1976). Напомним, что в те времена психология в большинстве университетов не являлась самостоятельной дисциплиной, а потому Джонс получил докторскую степень по философии, а не по психологии. Он стал первым афро-американцем, преподававшим психологию на территории США. Впоследствии он стал деканом факультета и вице-президентом Уилберфорского университета в штате Огайо. И хотя в Европе чернокожие американцы не сталкивались с такими расовыми предрассудками, как у себя дома, все же очень немногие из них имели необходимую финансовую поддержку для продолжения образования за рубежом.

Первой женщиной афро-американкой, сумевшей добиться получения докторской степени, стала Инее Беверли Проссер (1897-1934). Ее работы были посвящены сравнительному изучению развития чернокожих детей в школах, где существует расовая сегрегация. Она преподавала в колледже Тиллотсон в Техасе и колледже Тугелу в Миссисипи. В 1933 году она защитила диссертацию по психологии в университете Цинциннати. К глубокому сожалению, на следующий год она трагически погибла в автомобильной катастрофе.

За период 1930-1938 года всего лишь 36 чернокожих студентов получили психологическое образование за пределами южных штатов. Причем, подавляющее большинство из них обучалось в университете Ховарда (Guthrie. 1976). За период с 1920

по 1950 год 32 афро-американца получили докторские степени по психологии. С 1920 по 1960 года десять наиболее престижных психологических факультетов в Соединенных Штатах выделили для чернокожих докторантов всего 8 грантов из общего числа более 3700 (Guthrie. 1976; Russo & Denmark. 1987).

Однако, получение докторской степени - это только первый барьер в профессиональной карьере. Не менее значимый рубеж - найти подходящую работу. Только очень небольшое число университетов принимало чернокожих психологов на постоянную работу, а коммерческие организации, выступавшие основным заказчиком различных прикладных исследований и главным работодателем для женщин-психологов - были наглухо закрыты для афро-американцев. Обычно чернокожие ученые преподавали в традиционно <черных> колледжах. Однако условия работы в этих учебных заведениях оставляли мало возможностей для занятия наукой, особенно на том уровне, чтобы добиться признания психологического сообщества. В 1936 году один из чернокожих профессоров так описывал ситуацию в таком <черном> колледже:

Нехватка денег, постоянные перегрузки и прочие неприятности делали для него занятия чистой наукой чем-то практически невозможным. По большей части он не мог себе позволить покупать книги на свою зарплату. Не мог он и взять необходимую литературу в школьной библиотеке, поскольку в негритянских школах нет приличных научных библиотек. Однако, самым существенным недостатком было отсутствие научной атмосферы вокруг. Для научной работы в большинстве школ нет стимулов и, уж конечно, нет денег. (А. Р. Davis, цит. по: Guthrie. 1976. P. 123.)

И хотя с тех пор условия для получения образования для афроамериканцев и представителей других этнических меньшинств существенно улучшились, выходцы из этих групп все еще сравнительно слабо представлены в профессиональном сообществе. Однако, подобная ситуация является результатом воздействия целого ряда различных факторов, и ее нельзя объяснять одной лишь преднамеренной дискриминацией.

Начиная с 70-х годов нынешнего века американские колледжи и университеты предпринимают значительные усилия для того, чтобы дать возможность одаренным представителям этнических меньшинств получить доступ к образованию. Эти усилия включают в себя также существенную материальную помощь. Число студентов-выходцев из этнических групп быстро возросло, но это оказалось лишь временным явлением. На протяжении 80-х годов количество таких студентов постепенно снижалось и в итоге стабилизировалось на уровне примерно двенадцати процентов. Все эти обстоятельства приводят к слабой представленности талантливых выходцев из меньшинств в психологической науке. Так, только шесть процентов всех профессоров в колледжах - представители меньшинств. Из них три процента - афро-американцы и по одному проценту - испано-язычные американцы, лица азиатского происхождения и представители коренных народностей. Выходцы из этих групп имеют значительно меньше шансов, чем белые психологи, запясть когда-нибудь старшие руководящие должности или получить постоянную работу в престижных учебных заведениях (Guzman, Schiavo & Puente. 1992).

Психология афро-американцев

Некоторые чернокожие психологи считают, что не-черным исследователям никогда в достаточной мере не постичь особенностей психологии афро-американцев, потому что они не владеют уникальным культурным наследием африканцев. С их точки зрения, психология афроамериканцев должна включать в себя уникальную африканскую философию и их культурные традиции, а также жизненный опыт черных рабов,

насильственно перемещенных когда-то в Соединенные Штаты. Один чернокожий психолог так писал по этому поводу:

Решающим моментом этой позиции является признание того обстоятельства, что все люди африканского происхождения как особая группа имели и до сих пор имеют в качестве сердцевины своего жизненного опыта некоторые общие стимулы, отличающиеся качественно и количественно от опыта других групп людей, что приводит в итоге к формированию этнически специфического типа поведения. Представляется совершенно невозможным, чтобы тот или иной исследователь, не проникшийся в должной мере духом черной культуры, смог бы понять особенности восприятия, психологических реакций и другие предпосылки, отличающие афроцентричный взгляд на мир. (Houston. 1990. P. 23, 24.)

И хотя далеко не все чернокожие психологи придерживаются подобных взглядов, все же следует отметить, что афро-американская психология представляет собой жизнеспособное направление со своими собственными организациями, журналами и представлением о надлежащем пути развития науки для изучения особенностей культурного и жизненного опыта чернокожего населения. В 1968 году была создана Ассоциация чернокожих психологов, призванная способствовать решению психологических проблем и изучению уникального опыта афро-американцев. И хотя количество членов этой ассоциации мало по сравнению с Американской психологической ассоциацией, Ассоциацией испаноязычных психологов, Американской индейской психологической ассоциацией и Американской ассоциацией психологов азиатского происхождения, эта организация много и напряженно работает над развитием нового подхода в психологии в соответствии со своими базовыми представлениями. Мы можем рассматривать все эти организации как часть общего движения политики идентичности. Как ранее отмечалось, в основе данного движения лежит убеждение в том, что психология до сих пор развивалась исключительно с ориентацией на белых мужчин, и что европейская научная традиция далеко не всегда в полной мере приложима к выходцам из других этнических и культурных групп. Еще раз оговоримся, что далеко не все психологи, выходцы из подобных групп, разделяют данные представления.

Как правило, основной целью создания тех или иных этнических профессиональных организаций является стремление способствовать росту научных исследований их специфических проблем, слабо представленных в основном русле научных публикаций по психологии. Анализ ведущих журналов АРА в области клинической, возрастной, педагогической, социальной психологии и теории личности показывает, что на протяжении 70-х и 80-х годов проблемам афро-американцев в названных областях было посвящено менее четырех процентов от общего числа публикаций. Автор данного исследования отмечает, что «афроамериканцев все более оттесняют на периферию научных исследований, хорошо методически обоснованные эмпирические исследования по проблемам чернокожего населения просто исчезают со страниц основных журналов АРА» (Graham. 1992. P. 636).

Некоторые афро-американские психологи внесли значительный вклад в разработку педагогических проблем и в дело повышения уровня психологической подготовки чернокожих студентов. Отметим, что по ряду позиций значение этих работ выходит далеко за пределы афро-американского сообщества и касается всего американского общества в целом. Мы коротко остановимся на творчестве нескольких психологов из их числа. Это Френсис Самнер, Кеннет Кларк и Мама Фиппс Кларк.

Френсис Сесил Самнер (1895-1954)

Френсис Сесил Самнер родился в 1895 году в штате Арканзас. Начальное образование он получил в штатах Вирджинии и Нью-Джерси, однако не стал учиться дальше, поскольку образование для чернокожих официально не одобрялось. Самнер разработал собственную систему образования, он много читал и часто плодотворно беседовал со своими родителями. После успешной сдачи письменных экзаменов он поступил в университет Линкольна в штате Пенсильвания. Университет Френсис Самнер закончил в 1915 году с отметкой *magna cum laude*, степенью бакалавра по философии и правом произнести прощальную благодарственную речь. В то время он собирался стать писателем.

Еще год он провел в университете Кларка в штате Массачусетс, где прослушал курсы по английскому и иностранным языкам и психологии и получил вторую степень бакалавра. Хотя Самнер не мог жить в студенческом кампусе, один из преподавателей помог ему устроиться в одной «замечательной цветной семье в Уорчестере» (Guthrie. 1976. P. 177). В университетском обеденном зале для него был поставлен специальный стол, и лишь немногие белые студенты отваживались составить ему компанию. После этого он работал преподавателем по психологии и немецкому языку в университете Линкольна. Дж. Стенли Холл добился для него предоставления стипендии для подготовки докторской диссертации при университете Кларка. Учение Самнера было прервано годом военной службы. Во время первой мировой войны в составе отряда инфантерии он принял участие в военных действиях во Франции. Однако это не помешало ему в 1920 году получить желанную докторскую степень. Он стал первым чернокожим американцем, получившим докторскую степень по психологии. Его диссертация была посвящена Фрейд и Адлеру. Холл отозвался о его работе как о «выдающемся вкладе в науку» (Guthrie. 1976. P. 182).

В дальнейшем Самнер провел семь лет в государственном колледже штата Западной Вирджинии, где занимался разнообразными научными исследованиями, опубликовал ряд важных работ, посвященных проблемам расовых предрассудков, образования черных и соотношения врожденных и приобретенных черт в процессе воспитания (см., например: Sumner. 1928). В 1928 году он возглавил кафедру на психологическом отделении в университете Ховарда, где и оставался до самой своей смерти в 1954 году. Он отстаивал право психологии быть самостоятельной научной дисциплиной, добился выхода кафедры из состава педагогического факультета и преобразования в отдельный факультет, который и возглавил в 1930 году. На протяжении двух десятилетий его деканства университет Ховарда стал ведущим научным центром по подготовке чернокожих психологов (Guthrie. 1976).

Самнер и его студенты-дипломники вели активные научные исследования в области психологии религии, соотношения психологии и юриспруденции и отношения чернокожего населения Америки к системе уголовного законодательства. В совершенстве владея несколькими европейскими языками, Самнер перевел для ведущих научных журналов АРА более трех тысяч различных статей с немецкого, французского и испанского языков.

Кеннет Б. Кларк (1914-) и Мами Фиппс Кларк (1917-1983)

Кеннет Кларк родился в зоне Панамского канала, куда его родители эмигрировали в поисках работы. Когда Кларку было семь лет, он вместе с матерью, как и многие эмигранты, оказался в Нью-Йорке в поисках лучшей доли. Матери удалось найти работу на швейной фабрике. Она всегда учила сына выполнять любую работу с максимальной отдачей, так хорошо, как только это возможно. Ни цвет кожи, ни расовые предрассудки, с

ее точки зрения, не могут быть отговоркой. «К черту все это, - говорила она ему. - Если кто-то может это, то и ты сможешь» (Clark. 1978. P. 77).

Несмотря на расовую дискриминацию, с которой Кларку часто приходилось сталкиваться, он неуклонно следовал советам матери. В средней школе он много и упорно работал, добиваясь самых высоких оценок, чтобы по окончании школы получить приз за выдающиеся достижения по экономике. Однако вскоре он узнал, что не получит этой награды потому, что учитель «еще не был готов отдать приз чернокожему студенту» (Clark. 1978. P. 80).

Он поступил в университет Ховарда в Вашингтоне, где Френсис Самнер посоветовал ему заняться психологией. Научные степени бакалавра и магистра он получил в том же университете. Заявки на участие в программе подготовки к докторской степени он послал в Корнеллский и Колумбийский университеты. Корнеллский университет отказал сразу же, объясняя свое решение тем, что кандидатам на степень доктора приходится работать «в слишком тесном контакте», а потому они не могут принять черного студента (Clark. 1978. P. 82). Докторскую степень Кларк получил в Колумбийском университете в 1940 году.

Большую часть своей профессиональной карьеры Кларк провел в качестве профессора психологии в муниципальном Нью-Йоркском университете. Он руководил рядом интересных научных разработок, посвященных последствиям расовой сегрегации и развитию расового самосознания у детей. Его усилиями был создан муниципальный исследовательский институт по проблемам беднейших слоев населения. Он также стал первым чернокожим президентом АРА.

Мами Фиппс родилась в г. Хот Спрингс в штате Арканзас. Впоследствии она поступила в университет Ховарда, где повстречала Кеннета Кларка, склонившего ее сменить занятия математикой на психологию. Она закончила университет с оценкой magna cum laude и в 1938 году получила степень бакалавра, а уже в 1939-м - магистерскую степень. Во время летних каникул она работала секретарем в одной вашингтонской юридической конторе в рамках движения против расовой сегрегации. Именно этот опыт привел ее к убеждению о необходимости изучения психологических аспектов воздействия расовой сегрегации на развитие чернокожих детей. Основные положения ее магистерской работы по поводу развития чувства идентичности у чернокожих детей заинтересовали и ее мужа. Впоследствии они вместе работали над исследованиями многих важных проблем психологии чернокожего населения (Clark & Clark. 1939a, 1939b, 1940). За свои научные достижения Мами Фиппс получила грант на подготовку докторской диссертации при Колумбийском университете, где в 1944 году успешно ее защитила.

Однако, несмотря на научные степени и впечатляющий список научных трудов, расовые и половые предрассудки не позволили ей рассчитывать на то, чтобы занять достойное место в университете. Ей пришлось довольствоваться лишь второстепенной работой по анализу полученных данных, работой, которую она называла «унизительной» (Guthrie. 1990. P. 69). Позже ей удалось найти место психолога в одном из детских домов Нью-Йорка. Она также работала в качестве психолога-исследователя в Американской ассоциации общественного здравоохранения и в Институте вооруженных сил США. В 1946 году Мами и Кеннет Кларк организовали Северный центр по вопросам детского развития в Гарлемс. В этом центре Мами Кларк работала вплоть до ухода на пенсию в 1979 году, руководя широким спектром образовательных, социальных и психологических программ помощи детям.

В ходе ее исследований особенностей самосознания и социальной идентификации у черных детей (с использованием темных и белых кукол) выяснилось, что чернокожие мальчики и девочки в возрасте 3-7 лет воспринимают свою расовую принадлежность как часть образа Я. Дети считали, что они больше похожи на темных кукол, а не на белых. На вопрос, какую куклу они выбрали бы для игры, более половины чернокожих детей ответили, что белую, потому что белая кукла - это что-то новое. Мами Кларк интерпретировала эти данные следующим образом: все это свидетельствует о потенциальном эмоциональном конфликте у черных детей из-за цвета их кожи. Кожа белого цвета воспринимается как гораздо более привлекательная (M. P. Clark. 1944).

Кеннет Кларк использовал эти материалы при подготовке официального экспертного заключения по проблемам расовой сегрегации. Впоследствии это заключение фигурировало на заседании Верховного суда Соединенных Штатов в 1954 году, на котором была отменена расовая сегрегация в общественных школах. Таким образом, можно сказать, что работы Мами и Кеннета Кларка повлияли на законодательство США и привели к существенным изменениям в социальной и государственной политике. Этот факт также свидетельствует о том, что психологические исследования могут быть инструментом социальной политики, что заставляет психологов еще более внимательно относиться к проблеме межкультурных и межрасовых различий.

Путь к мультикультурной психологии

Психология осознала, наконец, что не может более игнорировать многонациональный состав населения Америки. В настоящее время предпринимаются значительные усилия по выработке ответственной политики идентичности. Отделение АРА по делам этнических меньшинств проводит ряд программ, направленных на отбор талантов и помощь учащимся старших классов из национальных меньшинств в продолжении образования. Им также оказывают помощь при приеме на работу в качестве психологов в различные колледжи и университеты. Отделение также способствует расширению учебной программы по психологии в колледжах за счет включения в нее вопросов культурного многообразия.

Можно отметить также рост числа исследований, посвященных проблемам культурной идентификации личности. Причем такого рода идеи получают все большее распространение по мере того, как появляются соответствующие публикации в ведущих научных журналах.

Большее внимание проблемам культурного многообразия уделяется и в учебном процессе. Так, аккредитационные программы АРА по психологической подготовке студентов предусматривают учет не только индивидуальных, но и межкультурных различий. Массачусетс стал первым штатом, принявшим законодательное требование, чтобы все дипломированные психологи проходили подготовку с учетом проблем культурного многообразия. Так, начиная с июля 1996 года все студенты-психологи должны пройти по крайней мере четырехчасовую подготовку по проблемам мультикультуры, а с июля 1999 года - прослушать хотя бы один полный курс по расовым и этническим проблемам в психологии (DeAngelis. 1994).

В настоящее время еще не существует моральной обязанности для психологов участвовать в движении политики идентичности, но уже есть практическая целесообразность поступать таким образом. Ожидается, что к 2000 году афро-американцы и представители других этнических меньшинств составят одну треть населения Соединенных Штатов. И до тех пор, пока психологическая наука не примет это как

непреложный факт, она неизбежно будет все более отставать от требований времени. Она просто окажется не готова попятить и отреагировать на специфические запросы растущего числа студентов в колледжах, пациентов в клиниках и центрах душевного здоровья, огромного числа менеджеров и служащих в различных организациях. Таким образом, можно заключить, что политика идентичности является существенным фактором, влияющим на развитие психологии в Соединенных Штатах.

США представляет собой мультикультурное общество со сложным этническим составом. Психология всегда старалась быть полезной обществу, так или иначе отвечать на его запросы и потребности. Следуя своему долгу и предназначению, она должна и дальше стремиться отражать реальное многообразие жизни. Этого требует наше будущее.

Вопросы для обсуждения

1. Объясните значение термина «политика идентичности». Назовите несколько групп ученых, по мнению которых современная психология не отвечает запросам нашего времени. Почему, на ваш взгляд, история любой науки ограничивает поле нашего зрения, привлекая внимание лишь к отдельным представителям профессии?
2. Расскажите о гипнозе вербальности и понятии мужского превосходства. Каким образом исследования Хелен Вули и Леты Холлингвуд опровергли эти представления?
3. Обсудите те представления, с которыми сталкиваются в своей профессиональной карьере женщина-психолог. Какие усилия были предприняты, чтобы предотвратить оттеснение женщины на периферию научного исследования?
4. Какими особенностями обладает афро-американская психология по сравнению с основным руслом развития психологической науки? Считаете ли вы, что создание отдельных психологических дисциплин и направлений, посвященных проблемам каждой из расовых или этнических групп, - это наилучший способ привлечь внимание к уникальности потребностей и проблем этих групп?
5. Обсудите те проблемы, которые возникают на пути афро-американцев в их профессиональной карьере. Расскажите о научном вкладе Джеймса Вейтона, Френсиса Самнера Кеннета и Мамаи Кларк.
6. Почему для будущего психологической науки так важно учитывать проблемы политики идентичности? Считаете ли вы, что существует также потребность в гендерной психологии? Приведите примеры.

Рекомендуемая литература

- Bohan, J. S. (Ed.) (1992) *Seldom seen, rarely heard: Women's place in psychology*. Boulder, CO: Westview Press. Статья посвящена феминистской психологии и проблемам маргинализации женщин и женского опыта в науке.
- Goodchilds, J. D. (1991) *Psychological perspectives on human diversity in America*. Washington, DC: American Psychological Association. Приводятся тексты открытых лекций пяти выдающихся психологов, посвященные проблемам расы, этнического своеобразия, пола и сексуальных ориентаций.
- Guthrie, R. V. (1976) *Even the rat was white: A historical view of psychology*. New York: Harper & Row. В книге рассматривается вклад чернокожих ученых в развитие психологии в Америке.
- Jones, R. L. (Ed.) (1991) *Black psychology* (3rd ed.). Berkeley, CA: Cobb & Henry. Работа посвящена изучению и пониманию поведения человека с различных позиций, выступающих как альтернатива европоцентризму.
- O'Connell, A. N. & Russo, N. F. (Eds.) (1990) *Women in psychology: A bio-bibliographic sourcebook*. New York: Greenwood Press. В книге приводятся краткие биографии 36

выдающихся женщин в истории психологии, включая таких исследователей, как Анастаси, Кал-кинс, Кларк, Денмарк, Фрейд, Холлингвуд и Хорни.